Г. Н. МОИСЕЕВА

ЛОМОНОСОВ И ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Г. Н. МОИСЕЕВА · ЛОМОНОСОВ И ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Глубокоуважаемому
Георгию Михайловичу
Фридлендеру
и дорогой Нине
(по Пушкину) Наталье Николаевне
с сердечным приветом

30/XII-71

[illegible]

Красота
великолѣпія Сила и богатство
Россійскаго языка явствуетъ
довольно и иныхъ въ прошлыхъ
вѣкъ писанныхъ

Михайло Ломоносовъ.

Г. Н. МОИСЕЕВА

ЛОМОНОСОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД
1971

Ответственный редактор
доктор филологических наук *Ф. Я. ПРИЙМА*

7—2—2
123—71 (II пол.)

ВВЕДЕНИЕ

Проблема Ломоносов и древнерусская литература включает в себя несколько аспектов: выяснение круга осведомленности Ломоносова в памятниках древнерусской литературы, отношение к ним и степень их воздействия на формирование идейно-художественных особенностей его собственных сочинений. Автор полагает целесообразным решать поставленные задачи путем выделения нескольких вопросов, взаимно связанных проблематикой исследования.

Настоящая работа начата при благоприятных обстоятельствах после выхода десятитомного академического собрания сочинений Ломоносова, выполненного с учетом всего сохранившегося рукописного наследия и снабженного полным научным комментарием.[1]

Юбилей Ломоносова 1961 г. в связи со 150-летием со дня его рождения сделал доступным для исследователей ряд обобщающих трудов о жизни и деятельности гениального русского ученого и поэта.

В числе таких работ следует назвать «Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова»,[2] книгу Г. М. Коровина «Библиотека Ломоносова»,[3] исследование С. Л. Пештича «Русская историография XVIII века»,[4] впервые опубликованное полное издание «Истории российской» В. Н. Татищева,[5] выполненное по всем дошедшим редакциям и спискам коллективом сотрудников Ленинградского отделения Института истории АН СССР под руководством С. Н. Валка.

Большое значение имеют труды П. Н. Беркова о Ломоносове,[6] книга

---

[1] М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений. Т. I. Труды по физике и химии. 1737—1747 гг. М.—Л., 1950; т. II. Труды по физике и химии. 1747—1752 гг. М.—Л., 1951; т. III. Труды по физике. 1753—1765 гг. М.—Л., 1952; т. IV. Труды по физике, астрономии и приборостроению. 1744—1765 гг. М.—Л., 1955; т. V. Труды по минералогии, металлургии и горному делу. 1741—1763 гг. М.—Л., 1954; т. VI. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747—1765 гг. М.—Л., 1952; т. VII. Труды по филологии. 1739—1758 гг. М.—Л., 1952; т. VIII. Поэзия, ораторская проза, надписи. 1732—1764 гг. М.—Л., 1959; т. IX. Служебные документы. 1742—1765 гг. М.—Л., 1955; т. X. Служебные документы, письма. 1734—1765. М.—Л., 1957.

[2] Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. Составители: Г. А. Андреева, Г. Е. Павлова, Н. В. Соколова. М.—Л., 1961.

[3] Г. М. Коровин. Библиотека Ломоносова. Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. М.—Л., 1961.

[4] С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века. Ч. 1. Л., 1961; ч. 2, Л., 1965.

[5] В. Н. Татищев. История российская. Т. I, М.—Л., 1962; т. II, М.—Л., 1963; т. III, М.—Л., 1964; т. IV, М.—Л., 1964; т. V, М—Л., 1965; т. VI, М.—Л., 1967; т. VII, М.—Л., 1968.

[6] П. Н. Берков. 1) Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М.—Л., 1936; 2) Ломоносов и проблема русского литературного языка

А. А. Морозова, где впервые наиболее полно освещены ранние годы жизни Ломоносова, сыгравшие большую роль в формировании его личности.[7] Для понимания художественных особенностей творчества Ломоносова важно исследование И. З. Сермана.[8] Для осмысления художественных особенностей литературы древней Руси большое значение имеет книга Д. С. Лихачева.[9] В статьях Г. А. Андреевой,[10] Д. С. Бабкина,[11] М. М. Гуревича [12] содержатся новые материалы и ценные наблюдения об издании в XVIII в. сочинений Ломоносова.

За последние годы были опубликованы работы, которые вводят в науку новые материалы, касающиеся как современников Ломоносова, так и его предшественников. Важные документы о жизни и деятельности немецких ученых, работавших в XVIII в. в Петербургской Академии наук, изучили и опубликовали исследователи Германской Демократической Республики.[13]

Публикация частей настоящего исследования [14] оказалась полезной, так как помогла внести некоторые коррективы в первоначальные выводы, касающиеся определения почерка Ломоносова. Так, Е. С. Кулябко и Н. В. Соколова, обнаружившие в Архиве АН СССР новые рукописные материалы ученика Ломоносова Ивана Баркова,[15] способствовали выяснению некоторых обстоятельств работы над петровской копией Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи.

Таким образом, настоящая тема, предложенная мне руководителем Группы XVIII век Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР чл.-корр. П. Н. Берковым, смогла быть по существу разработанной именно в настоящее время на основе изучения обширного рукописного материала с привлечением новейших трудов предшественников и коллег по работе.

Я глубоко признательна П. Н. Беркову и Н. К. Пиксанову, ныне покойным.

в 1740-х годах. Известия Академии наук СССР и Института общественных наук, 1937, № 1; 3) Ломоносов и фольклор. — В кн.: Ломоносов. Сборник статей и материалов, т. II. М.—Л., 1946; 4) Проблема литературного направления Ломоносова. — В кн.: XVIII век, т. 5. М.—Л., 1962; 5) Литературные интересы Ломоносова. — В кн.: Литературное творчество Ломоносова. Исследования и материалы. М.—Л., 1962.

[7] А. А. Морозов. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости. М.—Л., 1962. (Концепция А. А. Морозова нашла отражение и в ранних изданиях книги о юности Ломоносова. Мы ссылаемся на издание 1962 г., имея в виду полноту его научного аппарата).

[8] И. З. Серман. Поэтический стиль Ломоносова. М.—Л., 1966.

[9] Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. М.—Л., 1967.

[10] Г. А. Андреева. Издания собраний сочинений М. В. Ломоносова в XVIII—XX вв. — В кн.: Книга. Исследования и материалы, сб. III. М., 1960, стр. 203—229.

[11] Д. С. Бабкин. 1. Биографии М. В. Ломоносова, составленные его современниками. — В кн.: Ломоносов. Сборник статей и материалов, т. II. Л., 1946, стр. 5—70; 2. Нераскрытая судьба книги Ломоносова «Российская история». — В кн.: Ломоносов. Сборник статей и материалов, т. VI. М.—Л., 1965, стр. 174—181.

[12] М. М. Гуревич и К. И. Шафрановский. Об издании 1749 года речи Г. Ф. Миллера «Происхождение русского народа и имени российского». — В кн.: Книга. Исследования и материалы, сб. VI. М., 1962, стр. 282—285.

[13] Э. Винтер, П. Гофман, Х. Грасгофф, У. Леман, Ц. Грау, П. Кирхнер, Е. Хексельшнейдер и др.

[14] Г. Н. Моисеева. 1) Ломоносов в работе над древними рукописями (по материалам ленинградских рукописных собраний). — Русская литература, 1962, № 1, стр. 181—194; 2) М. В. Ломоносов на Украине. — В кн.: Русская литература XVIII века и славянские литературы. Исследования и материалы. М.—Л., 1963, стр. 79—101; 3) М. В. Ломоносов и польские историки. Там же, стр. 140—157.

[15] Е. С. Кулябко, Н. В. Соколова. И. С. Барков — ученик Ломоносова. — В кн.: Ломоносов. Сборник статей и материалов, т. VI, стр. 190—216.

Выражаю сердечную благодарность Д. С. Лихачеву, А. С. Бушмину, С. Н. Валку, В. И. Малышеву, А. И. Копаневу, М. В. Щепкиной, М. И. Автократовой, Н. П. Визирю, А. С. Мыльникову, Н. Н. Розову, С. В. Житомирской, Е. С. Полуяновой, С. Л. Пештичу, Д. С. Бабкину, М. М. Гуревичу, Г. А. Андреевой и Е. Б. Рысс.

От души благодарю М. Г. Любарского, проведшего экспертизу почерка выявленных приписок и помет, и Д. П. Эрастова, осуществившего оптико-фотографическое исследование и фотовоспроизведение плохо видимых текстов приписок на древнерусских рукописях Библиотеки Академии наук СССР.

Приношу сердечную благодарность всем сотрудникам Отдела рукописной и редкой книги БАН АН СССР, Архива АН СССР, ЦГАДА, ЛОИИ АН СССР, ГИМ, ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ГПБ АН УССР, Гос. обл. архива г. Архангельска. Благодаря их энтузиазму и неизменной поддержке написана эта книга.

Глава I

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Определение памятников древнерусской литературы, известных Ломоносову

Ломоносов неоднократно ссылается на памятники древнерусской литературы в литературных сочинениях, в исторических трудах и даже в работах естественнонаучного характера. Можно привести много примеров, когда Ломоносов называет древнерусские произведения, но иногда он упоминает их в общей форме. В ряде случаев древнерусские памятники, известные Ломоносову, определяются на основе сюжетов, отразившихся в его сочинениях.

Хронологически ранний пример прямой ссылки на рукописные произведения древней Руси находим в выступлении Ломоносова 1747 г. в связи с полемикой, возникшей между Г. Ф. Миллером и историком-самоучкой П. Н. Крекшиным, о происхождении рода Романовых. Сущность спора и позиция Ломоносова будут рассмотрены в III главе. Сейчас мы лишь назовем памятники, на которые ссылался Ломоносов: «летописец Брюсов», «Синопсис Киевский», «Степенная книга патриарха Никона».

В 1748 г. в связи с обсуждением диссертации Г. Ф. Миллера «Происхождение народа и имени российского» раскрывается большая осведомленность Ломоносова в древнерусской литературе. Он опирается на хорошее знание «летописи Нестора», называет Проложное житие княгини Ольги (сопоставляемое с показаниями «Хроники Литовской, Польской и Жмудской» Стрыйковского), «Синопсис Киевский».

По мере углубления полемики вокруг вопросов, связанных с происхождением древнерусского государства, Ломоносов привлекает новые показания «древних летописцев»: «Новогородский летописец», «летопись Нестора», «Патриарший список летописи» (где помещена «искаженная» «летопись Нестора»).

В «Древней российской истории», работа над которой велась с начала 50-х гг. XVIII в., Ломоносов опирается на многие древнерусские памятники, среди которых важнейшее место занимает летопись Нестора. Ломоносов ссылается на «Степенные книги», на «Новогородский летописец», на «Зборный Временник», на Патерик Печерский, на Житие Владимира Святославича.

Академик М. И. Сухомлинов, комментируя исторические труды в академическом Собрании сочинений Ломоносова, писал о том, что указание на листы в «репорте» Ломоносова по поводу диссертации Миллера совпадает с «копией Радзивиловского списка... Что касается указания источников на полях страниц, то под именем Нестора Ломоносов очевидно разумеет наиболее верный, по его мнению, список летописи, а под именем Летописцы — другие списки менее исправные, представляющие отличия

от главного. Это замечено еще Бакмейстером в предисловии к переводу книги Ломоносова».[1]

Составители комментариев к новейшему Полному собранию сочинений Ломоносова приложили много усилий для раскрытия исторических источников Ломоносова. Но соотнесение древнерусских памятников с ссылками Ломоносова оказалось очень трудным, так как в большинстве случаев им дается условное название, не совпадающее с заглавиями старинных рукописей. Поэтому в комментарии неоднократно высказываются предположения относительно источников, использованных Ломоносовым. Так, например, о ссылке на «летопись Нестора, лист 10» сказано: «Ломоносов мог пользоваться в это время копией Кенигсбергского списка „Повести временных лет черноризца Феодосиева Печерского монастыря", сделанной по приказу Петра I в 1716 г. — одной из первых летописей рукописного собрания Академии наук. Указываемые листы совпадают с этой копией. Также мог он пользоваться текстом „Повести временных лет по Никоновской летописи"».[2]

Еще бóльшая неопределенность со ссылками на «Степенную книгу». В комментарии сказано, что «имеется в виду Степенная книга XVI в. Первое издание „Книги Степенной царского родословия" сделано Г. Ф. Миллером в 1775 г.».[3] Но очевидно, что Ломоносов, умерший в 1765 г., не мог пользоваться изданием «Степенной книги», осуществленным Миллером. В ряде случаев название древнерусского памятника, данное Ломоносовым, еще более усложняло его определение. Так, по поводу ссылки на «Сборный Временник» в комментарии сообщено: «Источник этот не уточнен. Возможно, что Ломоносов имел в виду какой-либо список Степенной книги, где Ольга говорит Цимисхию, что он „коварствовал" ее старости».[4]

В некоторых случаях Ломоносов, опираясь на летописные известия, совершенно не упоминает даже условно данного им названия. Пример такого использования сведений древнерусских летописей можно видеть в «Слове о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», прочитанном Ломоносовым на публичном заседании Академии наук 26 ноября 1753 г. и в том же году опубликованном на русском и латинском языках.[5]

Говоря о грозовых явлениях, наблюдаемых в предшествующую эпоху, Ломоносов приводит следующие примеры: «Древних историй сказания и недавних очевидных свидетелей известия в том уверяют, что из громовых туч огонь на землю падает... Немало есть свидетельств древних и новых, что гром гремел при ясном небе [*в латинском тексте добавлено* — «не удивительно, что это казалось чудом»][6] ... что каменные дожди бывали, о том древние писатели оставили нам известия; и о бывших в недавные веки подобных чудесах в летописных книгах читаем, что по восхождении бурных туч, и громом и молниею отягощенных, ужасной величины камни кверху подняты, высокие дерева из кореня вырваны и каменные храмы опровержены были».[7]

---

[1] Сочинення М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями акад. М. И. Сухомлинова, т. V. СПб., 1902, стр. 185 второй пагинации.

[2] М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений. Т. VI. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747—1765 гг. М.—Л., 1952, стр. 556, прим. 19. (Далее везде при ссылках на это издание — Ломоносов, ПСС).

[3] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 586, прим. 67.

[4] Там же, стр. 586, прим. 71.

[5] Там же, т. III, стр. 512—513.

[6] Там же, стр. 521, прим. 25.

[7] Там же, стр. 61. (Разрядка наша, — *Г. М.*).

В других случаях, извлекая интересующие данные из летописного источника, Ломоносов обозначает его очень условно. В главе II «Краткого описания путешествий по северным морям» (1763 г.) Ломоносов говорит о торговых связях северных народов и приводит в доказательство свидетельства шведского хрониста XIII в. Снорре Стурлезона и летописные известия: «Нет сомнения, что из давных весьма лет купечество далече простиралось близ берегов Ледовитого моря в северных сибирских пределах от западных северных народов, как о том свидетельствуют Стурлезоном описанные мореплавания из Норвегии в Двину-реку, также найденные лет за двадцать древние готические серебряные деньги при реке Пинеге в Кеврольском уезде, примеченные в знатном отдалении от моря на берегах сибирских старинные кочи́ и, наконец, повествование новогородского летописателя, что древние славяне ходили по рекам Выме и Печоре, даже до Великой Оби промышлять дыньков, то есть соболей».[8]

Количество примеров использования летописных известий можно было бы значительно увеличить. Но это ни в какой степени не раскроет нам, какие именно памятники древнерусской литературы имел в виду Ломоносов, где и как он изучал их. Очевидно, что для выяснения конкретных сведений о древних рукописях, исследованных Ломоносовым, необходимо найти какие-то иные формы определения.

Представляется важным, во-первых, охарактеризовать возможно более полный комплекс памятников древнерусской литературы, отразившихся в произведениях Ломоносова, хотя и не упоминавшихся им в качестве источников, во-вторых, попытаться выяснить, какими древними рукописями мог пользоваться Ломоносов, когда он изучал произведения древнерусской литературы.

Выявление источников Ломоносова по отраженным сюжетам было начато В. И. Резановым, который высказал предположение, что, создавая трагедию «Тамира и Селим», Ломоносов почерпнул и тему и даже характеристики действующих лиц из Синопсиса.[9]

Естественно думать, что Сказание о Мамаевом побоище Ломоносов знал в том виде, в каком оно вошло в третье издание Синопсиса 1680 г., куда впервые была включена целиком эта повесть.[10] Но еще В. И. Резанов отмечал ряд расхождений в описании Куликовской битвы между Синопсисом и трагедией Ломоносова (например, последовательность моментов боя, описание выступления «засадного полка»).[11]

Главное же различие между Сказанием о Мамаевом побоище в редакции Синопсиса и трагедией Ломоносова — в описании гибели татарского царя Мамая. В «Тамире» (д. III, явл. 1 и 2) Мамай приезжает в Кафу, скрывая от крымцев свое поражение в Куликовской битве. Его принимают как победителя. Крымский царь Мумет готов даже выдать за могущественного хана, каким хочет представить себя Мамай, свою дочь Тамиру. И только случай раскрывает истинное лицо Мамая. Он гибнет в схватке с кафинским царевичем Нарсимом, к которому приходит на помощь возлюбленный его сестры Тамиры, багдадский полководец Селим. По Сказанию о Мамаевом побоище, входящем в состав Синопсиса, Мамая убивают во время бегства после разгрома на поле Куликовом его приближенные «князи».[12] Если исключить из описания

[8] Там же, т. VI, стр. 442—443. (Разрядка наша, — *Г. М.*).

[9] В. И. Резанов. Трагедии Ломоносова. — Ломоносовский сборник. 1711—1911. СПб., 1911, стр. 235—241.

[10] С. Л. Пештич. «Синопсис» как историческое произведение. — ТОДРЛ, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 285.

[11] В. И. Резанов. Трагедии Ломоносова, стр. 239—240.

[12] Синопсис или краткое описание от различных летописцев о начале славянского народа. Изд. 5-е. СПб., 1762, стр. 176.

гибели Мамая романтическую фабулу (роль багдадского царевича Селима, возлюбленного кафинской царевны Тамиры), явно вымышленную Ломоносовым согласно требованиям жанра классицистической трагедии, то и тогда остается различие в раскрытии образа Мамая и в обрисовке его смерти. Откуда же Ломоносов мог почерпнуть иную по сравнению с Синопсисом трактовку этих событий?

События, связанные с Куликовской битвой, получили в литературе разнообразное отображение: о Куликовской битве рассказывают Задонщина, Летописная повесть и Сказание о Мамаевом побоище. Последнее из произведений дошло в огромном количестве списков, образуя своеобразные циклы, имеющие иногда очень сложное происхождение.[13]

Какими же повестями из цикла произведений о Мамаевом побоище воспользовался Ломоносов при создании трагедии «Тамира и Селим»?

Сопоставление трагедии Ломоносова с рукописными произведениями, посвященными битве на Куликовом поле в 1380 г., свидетельствует о том, что помимо Синопсиса здесь использовано Сказание о Мамаевом побоище в так называемой киприановской редакции, вошедшей в состав Никоновской летописи.[14] Знакомство с Никоновской летописью сказалось в обрисовке Куликовской битвы (особенно ярко в описании последовательности моментов боя) и в рассказе о смерти Мамая.

В трагедии Ломоносова «Тамира и Селим» Нарсим — крымский царевич, посланный отцом на помощь Мамаю, рассказывает о Куликовской битве:

> Уже чрез пять часов горела брань сурова,
> Сквозь пыль, сквозь пар едва давало солнце луч.

В «киприановской» редакции Сказания о Мамаевом побоище сообщается, что татары вначале одолевали русских, так как солнце слепило им глаза и «веяше ветр велий противу им в лице и бьяше зело». Когда же солнце стало светить в спины русским воинам и «внезапу потяну ветр созади их, понужая их изыти на татар», они стали одерживать победу. О пыли, поднятой ветром, Ломоносов также не мог узнать из Синопсиса. Описание «видения аггелов», помогающих «христианом», приурочено в «киприановской» редакции Сказания к моменту окончательной победы русских над татарами — это «видение» поразило Мамая и его приближенных. Они «со страхом, велми восстонав и рече: „Велик бог крестианеск, велика сила его!“». В Синопсисе о «видении» говорится перед моментом ослабления русской рати: «видение» явилось стимулом выступления засадного полка.

В описании Куликовской битвы Ломоносов следует рассказу Никоновской летописи. Нарсим передает, что в момент напряженного сражения русских с татарами «сила Росская, поднявшись из засады, с внезапным мужеством пустилась против нас. . .»:

> Тогда над Росскими полками отворились
> И ясный свет на них спустили небеса.[15]

---

[13] Л. А. Дмитриев. К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище. — В кн.: Повести о Куликовской битве. М.—Л., 1959, стр. 406—447.

[14] Характеристику «киприановской» редакции Сказания о Мамаевом побоище см.: Л. А. Дмитриев. Обзор редакций «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: Повести о Куликовской битве, стр. 476—479. Как указывает С. К. Шамбинаго, «киприановская» редакция Сказания о Мамаевом побоище создана на материале «летописной» редакции этого Сказания, которое основывается в значительной степени на исторических данных XIV в. — синодиках убитых в бою, летописных записях современников и др. См.: С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906, стр. 48—134.

[15] Ломоносов, ПСС, т. VIII, стр. 362.

Особенно ясно обращение Ломоносова к Сказанию о Мамаевом побоище отразилось в описании гибели Мамая. В Никоновской летописи рассказано, что после поражения на Куликовом поле «Мамая со остаточными своими князи не во мнозе дружине утече з Донскаго побоища и прибежав в свою землю, пакы начат на великого князя Дмитрия Ивановичя гневатися и меритися...». Собрав «многую силу», он снова идет в поход на русскую землю, но встречается с ханом «Синии орды» — Тахтамышем. На Калке «бысть им бой». Побежденный Мамай «вниде... в Кафу з думцы своими и с единомышленикы своими, и со множеством именьа, злата и сребра и камениа и жемчюга». По рассказу этой летописи, Мамай был убит кафинцами.

Ломоносову был известен также рассказ о Куликовской битве, который находится в «Истории российской» В. Н. Татищева.

В 1748 г. в Санкт-Петербург из Астрахани приехал Татищев. Он привез в Академию наук свой многолетний труд — «Историю российскую с самых древнейших времен», состоящую из четырех частей. «Предызвещение», первая и вторая части «Истории» были им окончательно отредактированы и переписаны набело.[16] Третья и четвертая части обработаны до конца не были (не снабжены примечаниями), но они имели основу — текст Никоновской летописи, данные которой Татищев должен был пополнить известиями из других летописей.[17] Ломоносов имел возможность через посредство И. И. Шувалова получить рукописи всех четырех частей «Истории российской», так как в самом начале 50-х гг. они находились в Кабинете Елизаветы Петровны.[18]

В «Истории» Татищева находим сведения о выступлении засадного полка в тот момент, «егда ветр потяну руским в тыл и солнце созади ста. а татарам в очи»,[19] и об окончании битвы во время яркого захода солнца (сравни у Ломоносова: «ясный свет на них спустили небеса»). Именно это совпадение ясно показывает, что Ломоносов пользовался данными и Никоновской летописи, и рассказом Татищева, рационалистически осмыслившим описание «чудес».[20] Из «Истории российской» Ломоносов почерпнул и изображение гибели Мамая, прибежавшего в Кафу: «Кафимцы же, видяще множе его имение и совещавшись, сотвориша над ним лесть, убиша его».[21]

Таким образом выясняется еще один источник знакомства Ломоносова со Сказанием о Мамаевом побоище, находящимся в составе Никоновской летописи.

В 1739 г. Ломоносов прислал из Фрейберга в Петербургскую Академию наук оду, написанную им при получении известия о победе, одержанной русскими войсками над турками под Ставучанами у крепости Хотин. В этой оде Ломоносов вспоминает победы Петра I и Ивана IV. Приведем интересующие нас строфы, относящиеся к победителю Казанского ханства:

Кто с ним (с Петром I, — *Г. М.*) толь грозно зрит на юг,
Одеян страшным громом вкруг?
Никак Смиритель стран Казанских?
Каспийски воды, Сей при вас
Селима гордаго потряс,
Наполнил степь голов поганских.[22]

---

[16] С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века. Л., 1961, стр. 232—236.
[17] Там же, стр. 235—236.
[18] С. Н. Валк. О рукописях третьей части «Истории российской» В. Н. Татищева. — В кн.: В. Н. Татищев. История российская, т. V, стр. 5—13.
[19] В. Н. Татищев. История российская, т. V, стр. 146.
[20] Там же, стр. 147.
[21] Там же, стр. 150.
[22] Ломоносов, ПСС, т. VIII, стр. 23.

Составители комментария к VIII т. Полного собрания сочинений Ломоносова правы, когда говорят о том, что под Селимом он разумеет «царствовавшего в то время в Турции султана Сулеймана II».[23] Но из какого источника Ломоносов почерпнул известие о «потрясении» турецкого султана, узнавшего о торжестве московского государя после взятия Казани? Ни в Никоновской летописи, ни в «Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» не говорится о восприятии Сулейманом II известий о военных и дипломатических победах русских. В Казанской истории после описания отъезда из Казани последней казанской царицы Сумбеки помещена глава «О бывши вести турскаго царя о Казани и о царице, и о послании з дары его к мурзам нагайским». Здесь рассказано о том, что после того, как «доиде весть от Казани о царе до самого нечестиваго царя турскаго салтана во Царьград, и воспечалися о том велми турский царь Салтан, яко все свое злато египетцкое погубил, болши всех даней земных его, приносимых к нему, недоведав, кое пособие дати царьству Казанскому, далече от него отстоиму ему».[24] Турецкие послы предложили ногайским мурзам отказаться от союза с Иваном IV и оказать помощь казанцам в их борьбе с Русским государством.

В оде на взятие Хотина 1739 г. мы видим использование Ломоносовым Казанской истории, давшей ему материал, неизвестный по другим источникам. Ломоносов безусловно мог считать, что в Казанской истории эта глава возникла на основании каких-то действительных фактов, известных автору через посредство царевны Сумбеки — дочери ногайского князя Юсуфа. Автор Казанской истории был хорошо осведомлен в политических делах Казанского ханства, так как в течение многих лет жил в Казани. Он сообщает в произведении автобиографические сведения: «О первом зачале царьства Казанского, в кое время, како зачася и не обретох в летописцех руских, но мало в казанских видех. И много же речью пытах и от искуснейших людей руских: ин глаголаше тако, ин глаголаше инак, ни един же ведая истинны. Грех ради моих случи ми ся плененну быти варвари и сведенну быти в Казань. И даша мя царю казанскому в дарех Сапкирею. И взят мя царь с любовию к себе служити, во двор свои постави мя пред лицем своим стояти. И быв тамо 20 лет. Во взятие же казанское изыдох ис Казани на имя царево московского. Царь же мя крести, вере христове причте и мало земли ми уделом дасть. И нача служити ему верно».[25]

Описание событий, происходивших в Казанском ханстве (особенно в последние 30—20 лет), полностью подтверждается летописными известиями и дает возможность опираться на исторические сведения автора Казанской истории.

«Сказание вкратце от начала царства Казанскаго и о бранех, и о победах великих князей московских со цари казаньскими, и о взятие царства Казани, еже ново бысть» (таково полное название повести) справедливо названо самим автором «красной и новой повестью». В этом публицистическом произведении, пронизанном передовыми общественными идеями 50—60-х гг. XVI в., удивительно талантливо сочетаются разные типы древнерусского повествования. Автор умело чередует изображение военных сцен, написанных в полном соответствии с поэтикой стиля воинских повестей, историческое сюжетное повествование, связанное и с жанром летописи, и с жанром хронографа, риторические отступ-

---

[23] Там же, стр. 876, прим. 17.

[24] Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954, стр. 102—103. (Далее — Казанская история).

[25] Там же, стр. 44.

ления, генетически восходящие к византийской церковно-панегирической литературе.

Но особенно ярко талант автора Казанской истории сказался в умении раскрывать характер действующих лиц в их поступках. Он вникает в настроения участников событий, в мотивы их поведения, он стремится к разностороннему изображению человеческих свойств. Именно эти черты Казанской истории вывели это произведение за пределы первоначального идеологического задания — прославить заслуги Ивана IV, победителя Казанского царства.

«Красная и сладкая» повесть привлекала внимание читателей как своим историческим содержанием (здесь рассказывалось о трехсотлетней истории Казанского ханства, о борьбе русского народа против поработителей и о конечной его победе), так и художественными достоинствами. Неслучайно это произведение сохранилось в громадном количестве списков (более 250), переписанных и в начале XVII, и в XVIII, и даже в начале XIX в.

Как исторический источник Казанская история впервые была использована А. И. Лызловым, составившим в 1687 г. «Скифскую историю».[26] В 30—40-х гг. XVIII в., подготавливая материалы к «Российской истории», В. Н. Татищев обращается к повести «о достовании и взятье града Казани».[27] Но наиболее полно Казанская история оказалась претворенной в творчестве Ломоносова.

В 1760 г. вышел из печати подготовленный Ломоносовым «Краткий российский летописец с родословием», представляющий собой краткое изложение его большого труда — «Российской истории». В этой работе можно видеть, как много материалов было отобрано Ломоносовым из Казанской истории. Здесь и исторические факты, и оценка некоторых исторических деятелей, и отдельные литературные характеристики, очень метко и образно передающие замысел автора. Так, например, Ломоносов говорит в «Кратком российском летописце» о том, как «изменник государев, царь казанский Махмет Аминь, раскаявшись пред смрадною смертию, послал к нему (Василию III, — *Г. М.*) многоценные дары и повинную».[28] В Казанской истории описанию предсмертного раскаяния казанского царя Махметина посвящена 10-я глава. Автор рассказывает, что казанский царь был поражен «язвою неисцелимою от главы и до ногу . . . никтоже к нему вхождаше в ложницу посетити его . . . смрада ради злаго, исходящая от него».[29] Незадолго до смерти Махметин «воспомяну согрешение свое». В раскаянии он отправил «к Москве царь послы своя к великому князю Василию, а с ними же посла к нему дары царьския своя».[30]

Казанская история дала Ломоносову материал для объяснения причин неудачного похода русских войск под Казань 1524 г.: «. . . по Волге со всем тяжелым снарядом и припасами суда и войска российские в узких местах погружены бревнами от Казанской черемисы».[31] В Казанской истории об этом походе сказано так: «От нечаемыя нашия беды тоя рати в лодиях на Волге черемисы злыя казанския наших поби. . . И подсецаху великое древие, дубие, осокорие, и держаху на ужищах и на ладьях пущаху с высоких гор и з брегов сходу же миновати, и погружатися от единого древа ладьям 5 и более с людми, и з запасом, и стенобитным нарядом».[32]

[26] Е. В. Чистякова. А. И. Лызлов и его «Скифская история». — В кн.: Проблемы источниковедения. Воронеж, 1960, стр. 52—55.
[27] В. Н. Татищев. История российская, т. I, стр. 85.
[28] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 321.
[29] Казанская история, стр. 63.
[30] Там же.
[31] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 321—322.
[32] Казанская история, стр. 67.

Передавая в «Кратком российском летописце» события времени правления Ивана IV, Ломоносов широко черпает не только фактические сведения, но и отношение к фактам автора Казанской истории. Благожелательная характеристика касимовского хана Шигалея несомненно подсказана Казанской историей, равно как и упоминание «нечаянной смерти» казанского царя Сафакирея.[33] Автор Казанской истории подробно описал, как после изгнания из Казани хана Шигалея на престол был снова приглашен царь Сафакирей: «... он же рад бысть и поиде с ними с честию в Казань на царьство. И встретиша его з дары царьскими, и умиришася с ним, и царьствова два лета, изверже окаянную свою душу вон от себе ... той же пиян, руце свои и лице и нози умываху, напрасно запенся ногами своима, и ударися во умывалный теремець главою своею, и заразися весь о землю, и все суставы тела его разлабеша, не успевшим предстоящим его ухватити. И оттого умре того же дни».[34]

Очевидно, что сообщение о «нечаянной смерти» Сафакирея было подсказано Ломоносову этим отрывком Казанской истории, так как в «Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» кратко сказано о том, что «царь Казаньский Сафа-Кирей умер».[35]

Но наиболее ярко раскрывается воздействие Казанской истории на отображение исторических фактов при описании Ломоносовым последней казанской царицы Сумбеки.

Характеристика ногайской княжны Сююн-бике, ставшей женою казанского хана Сафакирея, содержится и в «Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича». Но она значительно отличается от образа «прекрасной и вельми премудрой» казанской царицы Сумбеки, созданного автором Казанской истории. Ломоносов полностью принимает концепцию автора — современника и очевидца событий, происходящих в Казанском ханстве в последнее двадцатилетие его существования. Поэтому показания автора Казанской истории, касающиеся этого последнего периода, Ломоносову представляются более исторически достоверными, чем свидетельства официального «Летописца начала царства». В «Кратком российском летописце» Ломоносова приводятся многие рассказы о жизни Сумбеки, которые переданы в Казанской истории. Так, здесь говорится о том, что «в Казани царица Сумбек с сыном, вдова Сафакиреева, благосклонна была к царевичу Кащаку, которого казанцы не любили и хотели отдать российскому войску. Кащак из Казани побежал, но поиман и приведен в Москву, где и казнен».[36] В «Летописце начала царства» об улане Кащаке говорится только в связи с сообщением о возникновении в Казани «междоусобной брани» казанцев и крымцев.[37] Но это никак не соотнесено с биографией царицы Сумбеки. В Казанской истории описанию отношений Сумбеки с уланом Кащаком посвящена отдельная глава «О любви блудной со царицею улана Кощака, и о избежание его из Казани, и о ятие его, и о смерти». Сообщаемые в этой главе факты и дали Ломоносову материал, нашедший отражение в «Кратком российском летописце».

В 1763 г. президентом Академии художеств И. И. Бецким было поручено Ломоносову выбрать «из российской истории знатные приключения для написания картины». В январе 1764 г. в письме в вице-канцлеру А. М. Голицыну Ломоносов дал описание сюжетов для картин на темы отечественной истории. Под номером 13-м Ломоносов поместил описание

---

[33] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 323.
[34] Казанская история, стр. 82.
[35] Полное собрание русских летописей, т. XIII, ч. 2. СПб., 1906, стр. 459. (Далее — ПСРЛ).
[36] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 324.
[37] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2, стр. 467—468.

встречи казанской царицы Сумбеки, привезенной в Москву, с царем Иваном IV: «Царица Сумбек, по смерти царя казанского Сафакирея, взята из Казани с сыном и с бесчисленным богатством в полон и приведена в Москву к царю Ивану Васильевичу... Царица казанская, упав на колена и прося прощения и милосердия, умиленным лицом и слезами чрезвычайную красоту свою возвышает».[38]

Описанию необыкновенной красоты царицы Сумбеки посвящены наиболее проникновенные страницы Казанской истории. В главе «О изведение царицы с сыном ея из Казани и о плачи ея» автор тонко и образно показывает сцену прощания Сумбеки с гробом покойного казанского царя Сафакирея. Два часа «причиташе царица и кричаше, лежаще у гроба на земли». «Повелением» московского воеводы «подняша ю от земли мертву исполу, видеша ту вся людие открыто лицо ея, кроваво все от многаго драния, опухше от слез ея... Бе бо царица образом красна велми и в разуме премудра, яко не обрестися такой лепоте лица ея во всех в казанских женах и в девицах, но и во многих в руских на Москве, во дщерях и в женах в болярских и во княжнах».[39]

Таким образом, очевидно, что Ломоносов внимательно изучал и широко использовал в своих сочинениях замечательный памятник 60-х гг. XVI в. — Казанскую историю.

Первый отзвук этого произведения в творчестве Ломоносова мы наблюдали в оде на взятие Хотина, присланной в 1739 г. из Германии. Следовательно, Ломоносов изучал Казанскую историю в ранние годы своей жизни либо на родном Севере, либо в Москве в период обучения в Славяно-греко-латинской академии.

Выявление памятников древнерусской литературы по отраженным сюжетам можно показать подобным же образом на многочисленных примерах. Так, Ломоносову несомненно было известно Сказание о князьях владимирских — произведение, пользовавшееся большой популярностью. Политические идеи, которые отражают идеологию сильной государственной власти, оказались приемлемыми не только в тот период, когда было создано произведение (между 1505—1523 гг.),[40] но и в России второй половины XVI—XVII вв.

В «Родословце», который входил составной частью в Сказание о князьях владимирских, говорилось о происхождении Рюрика от Августа «кесаря». Легенда об Августе, поселившем в своих владениях на реке Немане брата Пруса — родоначальника княжеской линии, с которой связана династия Рюриковичей, через посредство Сказания оказалась включенной и в официальные «Родословцы», и в «Бархатную книгу», и в летописи (Воскресенскую, Никоновскую), и в Степенную книгу.[41]

Ломоносов изучал Сказание о князьях владимирских. Он оценивал историческую достоверность сообщаемых там сведений. По поводу легенды о происхождении Рюрика от Августа он поместил свое размышление в конце первой части «Древней российской истории»: «Заключая сие (рассказ о призвании Рюрика с братьями на Новгородское княжение, — *Г. М.*), должно мне упомянуть о происхождении Рурикове от Августа, кесаря римского, что в наших некоторых писателях показано. Из вышеписанных видно, что многие римляне преселились к россам на варяжские береги. Из них, по великой вероятности, были

---

[38] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 370.
[39] Казанская история, стр. 99—100.
[40] Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955, стр. 71—72.
[41] Там же, стр. 110—151.

сродники коего-нибудь римского кесаря, которые все общим именем Августы, сиречь величественные или самодержцы, назывались. Таким образом, Рурик мог быть коего-нибудь Августа, сиречь римского императора, сродник. Вероятности отрещись не могу; достоверности не вижу».[42]

Такое заключение Ломоносова было очень смелым, если учесть, что легенда о родстве потомков Рюрика с римскими императорами имела политическую окраску. Сомнение в исторической основе этой официальной легенды, высказанное в печатной книге, мог себе позволить только тот, кто более всего дорожил исторической истиной.

Сказание о князьях владимирских нашло отражение в рассказе Ломоносова о получении Владимиром Мономахом царских регалий от греческого императора. При этом следует сказать, что Ломоносов знал две противоположные версии рассказа об этом событии: одна из них принадлежала автору Сказания о князьях владимирских Спиридону-Савве, другая — польскому историку М. Стрыйковскому. На существование двух противопоставленных концепций впервые обратил внимание А. И. Рогов.[43] В Хронике М. Стрыйковского после рассказа о смерти Владимира Мономаха как бы подведен итог его государственной деятельности: «Поганых половцев и генуэзцев-итальянцев, которые тогда владычествовали в Таврике, где ныне господствует Перекопская орда, несколько раз поражал и взял у них Кафу, или Феодосию, знаменитый столичный город. Когда же он другой раз столкнулся с генуэзцами у моря, то вызвал на рукопашный поединок их военачальника, старосту Кафинского, и когда они сошлись на поединок, Владимир храбро сбросил его с коня и, поймав, связал и привел вооруженного к своему войску; снял с него большую золотую цепь, искусно украшенную жемчугом и драгоценными камнями, и оставил ее после у себя своим наследникам, великим князьям».[44]

Как справедливо пишет исследователь, такая версия получения знаков царской власти, переданная М. Стрыйковским (и заимствовавшим у него эту легенду Герберштейном), «принижает значение московских регалий, делая их просто военным трофеем, взятым лишь у воеводы генуэзской колонии Кафы, и тем самым лишая их значения символа преемственности Византии — второго Рима».[45]

В Сказании о князьях владимирских изложена совсем другая версия получения знаков царской власти Владимиром Мономахом. Великий киевский князь Владимир Всеволодович, «ревнуя» к славе своих предков князя Олега, который «ходил и взял с Цариграда великую дань», Святослава Игоревича (в ркп. ошибочно — Всеслава Игоревича), также взявшего «на Коньстянтине граде тяжьчайшую дань», на совете «с боляры и вельможи» решил идти походом на Царьград. «Плениша» Фракию, «возвратишася с многим богатеством».[46]

Автор Сказания о князьях владимирских сообщает, что в это самое время «в Цариграде благочестивый царь Констянтин Манамах ... съставляет совет мудре и царьски, отряжает послы к великому князю Владимиру Всеволодичю: Неофита митрополита ефесьскаго и с ним два епископа, милитиньска и митилиньска и стратига Антипа антиохийскаго,

---

[42] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 216.

[43] А. И. Рогов. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966, стр. 93—96.

[44] Там же, стр. 92—93.

[45] Там же, стр. 94.

[46] Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских, стр. 176.

игемона иерусалимъскаго Еустафья, и иных своих благородных. От своея же выя снемлет животворящий крест от самого животворящего древа, на нем же распятся владыка Христос. Снемлет же от своея главы венець царьский и поставляет его на блюде злате. Повелевает же принести крабьицу сердоликову, из нея же Август, царь римъский, веселяшеся, и ожерелье, иже на плещу своею ношаше, и чепь от злата аравьска исковану, и ины многи дары царьскиа. И предаде их митрополиту Неофиту с епископы ... и посла их к великому князю Владимиру Всеволодичю, моля и глаголя ... яко да нарицаешися отселе боговенчаньный царь, венчан сим царьским венцем рукою святейшаго митрополита Кир Неофита с епископы. И от того времени князь великий Владимир Всеволодичь наречеся Манамах, царь Великиа Русия».[47]

Первое упоминание этого сюжета Сказания о князьях владимирских встречается в заключении Ломоносова, написанном им в июле 1747 г. по поводу спора П. Н. Крекшина с Г. Ф. Миллером о происхождении рода Романовых. П. Н. Крекшин утверждал, что «венец царский от греческого царя Константина Мономаха» был прислан великому князю Владимиру Святославичу.[48] Ломоносов писал, что «на то доказательства его не ... довольны», и «венец царский прислан был к великому князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху».[49]

В «Кратком российском летописце» в рассказе о княжении Владимира Всеволодовича Мономаха Ломоносов как бы нарочито сталкивает обе известные ему версии о получении киевским князем царских регалий. Первая версия, почерпнутая из Хроники М. Стрыйковского, приведена рядом с версией Сказания о князьях владимирских: «Владимир Всеволодович Мономах ... половцев и других сопостатов побеждал отменною храбростию. Город Кафу, бывший тогда во владении генуэзском, взял и во вторую войну, победив на поединке генуэзского кафинского князя, снял с него все признаки его чина. Ополчившись на Грецию, получил от царя греческого Алексея Комнина все украшения царского сана и венчан царем и самодержцем всероссийским».[50]

Версия М. Стрыйковского принята частично: Владимир Мономах, победивший кафинского князя, снимает с него «все признаки его чина», т. е. знаки княжеского достоинства. Царские регалии присылает в Киев греческий царь Алексей Комнин (а не Константин, как в Сказании о князьях владимирских). Замена имени греческого царя — несомненный результат исторических разысканий Ломоносова: Константин IX Мономах был византийским императором с 1042 по 1055 г. и не мог, следовательно, присылать в Россию послов. В период княжения Владимира Всеволодовича (с 1114 по 1125 г.) императорский престол занимал Алексей I Комнин (с 1081 по 1118 г.). Его царство подробно описано византийским историком (его дочерью) Анной Комнин («Алексиада»). Быть может, из этого источника Ломоносов и почерпнул сведения о греческом императоре — современнике киевского князя Владимира Всеволодовича.[51]

---

[47] Там же, стр. 176—177.
[48] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 9.
[49] Там же, стр. 9—10.
[50] Там же, стр. 302—303.
[51] В книге Г. М. Коровина «Библиотека Ломоносова» (Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. М.—Л., 1961) сочинение Анны Комнин «Алексиада» не упомянуто, но это не говорит о том, что Ломоносов не изучал этого труда. Г. М. Коровин включал материалы, на которые ссылался Ломоносов. Но очевидно, что Ломоносов не всегда указывал свои источники. В качестве примера можно привести десятки «скрытых цитат» из «Походного журнала Петра I» в поэме Ломоносова «Петр Великий», из «Устава морского» в «Слове похвальном Петру Великому» и т. п.

Интересно отметить, что в оде 1761 г. Ломоносов говорит о вынужденности действий греческого императора Алексея Комнина, приславшего в Киев знаки царского отличия:

Не то ли храбрый Мономах?
Он мечь вознес на Византию,
И Комнин, облеченный в страх,
Венец взлагает на Россию.[52]

Такая интерпретация получения регалий из Византии является как бы реакцией на версию М. Стрыйковского, в которой говорилось о насильном взятии знаков царской власти у кафинского князя на поединке. В оде 1761 г. усиливается центральная мысль Сказания о князьях владимирских: греческий царь, испытавший страх после побед русских во Фракии, посылает богатые дары и знаки царской власти киевскому князю, чтобы иметь в его лице союзника, а не врага.

Сказание о князьях владимирских нашло отражение и в одном из последних трудов Ломоносова — «Идеи для живописных картин из российской истории» (1764). Здесь, как и в «Кратком российском летописце», Ломоносов использует также материал Хроники М. Стрыйковского:

«6. Мономахово единоборство. Владимер Мономах одолел на поединке генуэзского кафинского князя (дожя), снимает с него золотую цепь и прочие признаки его чина (признаки можно в пример написать с уборов венецианских дожей или генуэзских). Действие представить в виду моря, где корабли и галеры много могут картину украсить.

7. Мономахово венчание на царство. Неофит, митрополит ефесский, налагает корону императоров греческих; прочие царские утвари несут архиереи и другое духовенство. При сем должно наблюдать, чтобы все было со здешним и с греческим сходно. Бояре греческие стоят с подарками от царя Алексея Комнина, состоящими в золотой и серебряной посуде и в других поставах».[53]

Отражение сюжета Сказания о князьях владимирских в творчестве Ломоносова дает возможность считать установленным факт изучения им этого популярного публицистического сочинения XVI в.

Можно привести еще много примеров знакомства Ломоносова с литературными произведениями древней Руси, в числе их и с редкими, дошедшими в небольшом количестве списков. Так, очевидно, что в рассказе «Краткого российского летописца» о правлении Ивана Грозного помимо летописей Ломоносовым использованы сочинения как самого московского царя (первое и второе «Послания великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси самодержца на клятвопреступников его на князя Андрея Курбского с товарищи об их измене в Литву»), так и его оппонента и политического врага князя Андрея Курбского («История о великом князе Московском», первое, второе и третье послания Ивану IV). Такое совмещение могло быть осознанным (выявление исторической истины путем сопоставления противоположных точек зрения на события и поведение исторических лиц), могло быть и случайным. Я. С. Лурье отмечает, что послания Ивана IV в большинстве случаев встречаются в так называемых сборниках Курбского, в которых соединены «эпистолии» Курбского и ответы на них московского царя.[54]

В рассказе о детстве Ивана Грозного Ломоносов передает сведения, почерпнутые из единственного источника, в котором содержатся эти

---

[52] Ломоносов, ПСС, т. VIII, стр. 748.
[53] Там же, т. VI, стр. 369.
[54] Я. С. Лурье. Археографический обзор посланий Ивана Грозного. — В кн.: Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье, перевод и комментарии Я. С. Лурье. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951, стр. 528—573.

известия, — первого послания царя Андрею Курбскому. Укоряя князя Андрея в измене и «недоброхотстве» и в то же время защищаясь от его обвинений в злодеяниях, направленных против «советников и бояр», Иван IV вспоминает о своем детстве: «...какова злая пострадах от юности моея даже и доселе пространнейше изобличити ... егда божиими судьбами отец наш, великий государь Василей, ... земное царство оставил, ... мне же оставшуся со единородным братом, святопочившим Георгием, мне убо трею лет суще, брату же моему лета единаго, родительнице же нашей, благочестивой царице Елене в сицевых бедне во вдовстве оставше, яко же во пламени отовсюду пребывающи, ово убо от иноплеменных язык от круг преседящих, брани непременительныя приемлюще ото всяких язык, Литаонских, и Поляков, и Перекопи, Надчитархана, и от Нагаи, и от Казани, овоже от вас изменников беды и скорби разными виды приемлюще...».[55] Далее после рассказа об изменническом поведении князей и бояр во время правления Елены Глинской Иван Грозный говорит о кончине матери: «Тако же изволися судьбами божиими быти, родительницы нашей благочестивей царицы Елене преити от земного царьствия на небесное; намь же со святопочившим братом Георгием сиротствующим родителей своих и ни откуда же промышления человеческого приемлюще... Мне же осмому лету от рождения тогда преходящу и тако подвластным нашим хотение свое улучившим, еже царьство безо владетеля обретоша, нас убо, государей своих, никоего промышления доброхотного не сподобиша, сами же ринушася богатству и славе, и тако наскочиша друг на друга. И елико тогда сотвориша! Колико бояр, и доброхотных отца нашего и воевод избиша... И тако им на много время живущим, мне возрастом телом преспевающе, и не восхотех под властью рабскою быти...».[56]

Этот автобиографический рассказ Ивана Грозного, дошедший до нас в его послании Андрею Курбскому, нашел отражение в «Кратком российском летописце» Ломоносова: «Иван Васильевич, царь и самодержец всероссийский, в младенчестве под предводительством родительницы своея великия княгини Елены Васильевны царствуя, оборонялся храбро от Литвы, от крымцев и казанцев, которые совокупно воевали на Россию. По смерти оныя, вышед из младенческого возраста, бояр, кои во время его сугубого сиротства отечество чрез несколько лет несогласием и прихотьми изнуряли, казнил и тем заставил прочих почитать себя и слушать».[57]

Заключая краткий очерк деятельности Ивана IV, Ломоносов писал о характере московского царя: «Сей бодрый, остроумный и храбрый государь был чрезвычайно крутого нраву, который первая его супруга, великая государыня царица Настасья Романовна умела своим разумом и приятностьми удерживать. После ея преставления обычай его совсем переменился, а особливо что многие бояре, желая дочерей своих или сродниц видеть за государем в супружестве, разными смутами так дух его обеспокоили, что наподобие внезапной бури восстала в нем безмерная запальчивость».[58]

В этой характеристике Ивана Грозного выступает обрисовка характера «царя Ивана», данная князем Андреем Курбским, который в своей «Истории о великом князе московском» стремился показать благодетельное воздействие на молодого царя «Избранной рады» — ближайших советников, а в числе их был и Курбский. По мнению Андрея Курбского.

---

[55] Послания Ивана Грозного, стр. 31—32.
[56] Там же, стр. 32—34.
[57] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 322—323.
[58] Там же, стр. 325—326.

эти мудрые советники умели влиять на настроение царя и царицы Анастасии, а после того как Иван IV разорвал с «Избранной радой», его характер круто изменился. В этом была вина тех вельмож, которые в надежде выдать за него своих дочерей были подобострастны к царю и сделали из него тирана. Таким образом, и точка зрения Курбского нашла частичное отражение в «Кратком российском летописце» Ломоносова.

Как исторический источник Ломоносов изучал древнерусские жития святых. Выше нам уже приходилось говорить о Проложном житии княгини Ольги, которое называет Ломоносов как источник сведений о ее ранней биографии (в «репорте» 1747 г. по поводу споров П. Н. Крекшина с Г. Ф. Миллером). Можно указать еще несколько древнерусских житий, знакомство с которыми отражено в произведениях Ломоносова.

Житие Александра Невского несомненно было изучено Ломоносовым — автором нескольких вариантов надписи на серебряной раке Александра Невского, установленной в Невском монастыре в Петербурге.[59] О князе Александре Ярославиче как защитнике невских берегов вспоминает Ломоносов во второй песне поэмы «Петр Великий»[60] и в оде Елизавете Петровне 1761 г.[61]

Материалы, почерпнутые из Жития Александра Невского, Ломоносов привел в «Кратком российском летописце»: «Александр Ярославич Невской, будучи на княжении новогородском, храбро побеждал шведов и ливонских немцев, нападавших на Великий Новгород. По смерти отца своего призван в Орду, где Батый, удивясь его красоте, дородству и мужеству, с честию отпустил на великое княжение владимирское».[62]

Если известия о победах Александра Невского над шведами и ливонскими рыцарями Ломоносов мог почерпнуть из летописей, то сообщение о встрече Александра Батыем и о впечатлении, произведенном новгородским князем на хана, может восходить только к Житию Александра.[63] После рассказа о победах, одержанных над ливонскими «риторами» (рыцарями), в Житии сообщается, что Александр был призван в Орду: «Съдумав же князь Александръ, и благослови его епископ Кирил, и пойде к цареви въ Орду. И видѣвъ его царь Батый, и подивися, и рече велможамъ своим: „Истинну ми сказасте яко нѣсть подобна сему князю". Почьтивъ же и честно, отпусти и».[64]

В «Идеях для живописных картин из российской истории» Ломоносов также использовал яркое описание битвы на Чудском озере из Жития Александра Невского. В Житии создается грандиозная картина битвы русских «мужей» с ливонскими немцами: «Бѣ же тогда субота въсходящю солнцю, и съступишася обои. И бысть сѣча зла и трускъ от копий ломления и звукъ от сѣчения мечнаго, яко же и езерю померзъшю двигнутися; и не бѣ видѣти леду: покры бо ся кровию».[65]

В сюжете картины, которая передает этот эпизод Жития, сохраняются все основные элементы описания: «8. Победа Александра Невского над немцами ливонскими на Чудском озере. Сражение случилось на Чудском озере апреля 5 дня. При сем деле то может представиться отменно, что происходило на льду, где пристойно изобразить бегущих, как они, стеснясь и проломив тягостию лед, тонут. Иные друг друга изо льду тянут, иные,

---

[59] Там же, т. VIII, стр. 491—492.
[60] Там же, стр. 727.
[61] Там же, стр. 748.
[62] Там же, т. VI, стр. 308—309.
[63] Мы рассматриваем Житие Александра Невского как отдельное литературное произведение даже тогда, когда оно включено в летопись (ранний пример включения — Лаврентьевская летопись 1377 г.).
[64] Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII века. Слово о погибели русской земли. М.—Л., 1965, стр. 174.
[65] Там же, стр. 171.

напротив того, друг друга погружают и колют как неприятелей. Кровь по льду и с водою смешанная особливый вид представит».[66]

Ломоносов в «Идеях для живописных картин из российской истории» использует также Житие Федора Ростиславича Смоленского и Ярославского. По мысли Ломоносова, картина должна показать один из кульминационных моментов жизни Федора Ростиславича, когда он отказался жениться в Орде на ханской дочери, «пока [она] не приняла христианской веры. На сей картине можно изобразить, как невеста от жениха крест и перстень принимает. Мать, царица татарская, соединяя их руки, с радостию на то смотрит, и склонный отец мановением изъявляет дозволение».[67]

«Служба и житие благоверного великого князя Феодора и чад его благоверных князей Давида и Константина Смоленских и Ярославских чюдотворцев» сохранилась в небольшом количестве отдельных списков полной редакции, вошедшей в Четьи-Минеи.[68] Именно в этой редакции описан эпизод, который Ломоносов предлагает изобразить на картине. В Житии сказано о том, что татарская царица, которой очень понравился Федор Ростиславич, предлагала ему жениться на ее дочери. Но он был тогда еще женат. Потом ему сообщили, что жена во время его пребывания в Орде умерла, «и царица же паки сугубо любяше его и царю безпрестани глаголаша еже бы дщерь свою вдати в супружество за него... Царица же вельми печаловаше о сем и со многими слезами глаголаше: „О царю, аз убо от многа времене желаю, дабы дщи наша веровала в господа бога“».[69] Федор Ростиславич поставил условие: «„Аще крестится дщи твоя, то не отрицаюся пояти ю за себе по христианскому закону церковному“. Царь же слышав от блаженнаго сие, возрадовася зело и рече ему: „Буди тебе, якоже хощеши“».[70]

В «Древней российской истории» имеются ссылки на два жития, одно из которых нам не удалось разыскать в том виде, в каком знал его Ломоносов. В 7-й главе I части «Древней российской истории», заканчивая рассуждение о варягах, Ломоносов говорит, что о происхождении этого имени «имеем немало сомнительных догадок». Ниже он приводит свидетельство шведского историка XIII в. Снорре Стурлезона, который слово «варинги» понимал как «северные солдаты». Ломоносов полагает, что это объяснение достаточно близко к истине. Варяги — это воины по профессии, независимо от национальной принадлежности. Доказательство этому Ломоносов видит и в русских источниках. Он ссылается на «Патерик Печ[ерский] в житии с[вятых] Феодора и Вас[илия]»,[71] где упоминаются «варяжские сокровища», спрятанные в киевских пещерах.[72]

В I части «Древней российской истории» в связи с рассказом о древних чудских племенах, населявших огромные пространства, «по северу простирающиеся», Ломоносов ссылается на Житие Владимира Святославича: «Естония Финландии не уступала силою, сообщением с разными народами по купечеству превосходила, где не токмо разными товарами, но и людьми торговали. Олав, Тригвонов сын, король шведский, взят был в малолетстве на море от разбойников в полон и продан в Естландию, о чем в жи-

---

[66] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 369.
[67] Там же, стр. 369.
[68] Житие Федора Ярославского сохранилось и в проложной редакции под 19 сентября. Но в этой редакции эпизод сватовства и женитьбы на татарской царевне отсутствует, как и в редакции, составленной в XV в. Андреем Юрьевым. См.: Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты. М., 1915, приложение, стр. 90—99.
[69] Служба и житие благоверного великого князя Феодора Смоленского и Ярославского. БАН. 17.12.12, л. 16.
[70] Там же, л. 17.
[71] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 204.
[72] Д. И. Абрамович. Киево-Печерский Патерик. Киев, 1931, стр. 169.

гии великого князя Владимира Святославича пространнее».[73]

К слову «Естландия» Ломоносовым сделано примечание: «Струлез[он], том I, часть 6, глава 6». Нам известно, что двухтомный труд шведского историка Снорре Стурлезона «История о северных королях» был очень широко использован в сочинениях Ломоносова. Но какое Житие Владимира Святославича имеет в виду Ломоносов, когда говорит, что в нем «пространнее», чем в сочинении шведского хрониста, описана история норвежского королевича Олава?

А. А. Шахматов, много занимавшийся изучением Жития Владимира[74] и выявивший 115 списков XV—XVII вв., определил шесть основных разновидностей обработок этого памятника.[75] И среди всех исследованных списков не сохранился ни один, в котором содержался бы рассказ о норвежском королевиче Олаве.

Подобный вид Жития Владимира неизвестен и Н. И. Серебрянскому — автору большого исследования о житиях святых.[76]

Е. А. Рыдзевская исследовала легенду о Владимире и ее связь с сагой об Олаве.[77] В саге рассказывается, как Олав, сын норвежского конунга Трюггви, из рода Гаральда Гарфагра, конунг Норвегии с 995 по 1000 г., в детстве был занесен судьбою на Русь, где воспитывался у князя Владимира и его жены Аллогии. В дальнейшем он вернулся на запад. После видения, когда ему предлагалось поехать в Грецию, он совершает туда путешествие, заезжает на Русь и убеждает Владимира и его жену креститься. По его просьбе из Греции приезжает епископ и совершает обряд крещения.

Со ссылкой на Снорре Стурлезона («часть 6, гл. 7») Ломоносов передает в «Древней российской истории» историю норвежского королевича Олава, попавшего в плен к «естляндскому жителю Клеркону», который сначала променял его «на великого козла», потом продал в рабство. Брат отца Олава — Сигурд, находившийся на службе у великого князя Владимира Святославича, собирая дань в Эстонии, случайно увидел своего племянника, выкупил его из рабства и привез в Россию, где супруга Владимира великая княгиня Ольга взяла Олава «под свою опеку, воспитала, как пристоит королевскому сыну. Немалое время в знатных чинах и в некоторых походах служил Владимиру и с честию и награждением отпущен для получения отеческого наследства».[78]

Нам неизвестно, в каком виде легенда об Олаве находилась в составе Жития Владимира, но очевидно одно, что Ломоносов знал какой-то особый вид не дошедшего до нашего времени жизнеописания киевского князя. В этом Житии Владимира были и известные компоненты церковного рас-

---

[73] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 197. Г. М. Коровин установил, что два тома «Истории о северных королях» Снорре Стурлезона, изданных в Стокгольме И. Перингсквольдом в 1697 г., были взяты Ломоносовым из Академической библиотеки в январе 1754 г. См.: Г. М. Коровин. Библиотека Ломоносова, стр. 282.

[74] А. А. Шахматов. 1) Корсунская легенда о крещении Владимира. Сб. статей в честь В. И. Ламанского. СПб., 1906, стр. 1—125; 2) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908 (гл. II — Память и похвала Владимиру Мниха Иакова, стр. 13—28; гл. V — Летописное сказание о Владимире и его крещении, стр. 133—161).

[75] Пользуюсь сведениями о большой работе акад. А. А. Шахматова о Житии Владимира, содержащимися в статье акад. В. Н. Перетца «Древнерусские княжеские жития в украинских переводах XVII в. Житие князя Владимира в украинских обработках XVII в.» (в кн.: В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. М.—Л., 1962, стр. 28—65).

[76] Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 43—81.

[77] Е. А. Рыдзевская. Легенда о князе Владимире и сага об Олаве Трюггвасоне. — ТОДРЛ, т. II, М.—Л., 1935, стр. 1—20.

[78] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 255—256.

сказа: так называемая Корсунская легенда и описание крещения киевлян в реке Почайной, а не в Днепре, как сообщают летописи.[79] Поэтому в «Древней российской истории» Ломоносов сообщает о крещении «народа киевского ... на реке Почайной».[80] Этот же сюжет более полно развит в «Идеях для живописных картин из российской истории»: «2. Основание христианства в России... На Почайной речке, на берегу стоит первый митрополит киевский Михаил со всем собором, иных сам погружая, иных нижнее духовенство... На горе начинают строить церковь Десятинную, ставят кресты на места сверженных идолов».[81]

Приведя эти примеры отражения сюжетов древнерусских памятников в литературных и исторических произведениях Ломоносова, мы могли бы увеличить их количество и показать, что Ломоносову был известен обширный круг письменного наследия древней Руси: летописи, исторические повести — о битве на Калке, о приходе Батыя на Рязань, о Куликовской битве (две редакции), о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, о походе Тахтамыша на Москву, о взятии Иваном III Новгорода, «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси», Никоновская летопись, Казанская история, «История о великом князе Московском» А. Курбского, Сказание о князьях владимирских, «Сказание» Авраамия Палицына, Новый летописец. Хорошо известны были ему произведения второй половины XVII в.: стихотворения Симеона Полоцкого и Кариона Истомина, многочисленные повести о стрелецком восстании, авантюрно-любовные повести (о Бове-королевиче, о королевне Дружневне, о Еруслане Лазоревиче), произведения демократической сатиры.

Внимательно изучены Ломоносовым произведения церковно-учительной литературы: «слова» Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Назианзина, Иоанна Дамаскина, Амвросия Миланского. Хорошо известны были Ломоносову древнерусские жития: княгини Ольги, Бориса и Глеба, Владимира Святославича (в неизвестной нам редакции), Александра Невского, Федора Ростиславича Смоленского и Ярославского, Сергия Радонежского.

Установление осведомленности Ломоносова в древнерусской литературе, вытекающее из анализа его произведений, явилось началом нашей работы.

Второй задачей было выявление рукописей тех древнерусских произведений, которые изучал Ломоносов.

В отчетах о проделанной работе Ломоносов указывал, что он изучал «академические летописцы», что «читал книги для собирания материй к сочинению „Российской истории“: Нестора, законы Ярославли, большой Летописец, Татищева первый том».[82]

В 1865 г. П. С. Билярским было опубликовано «Дело по доношению покойного статского советника жены его, Елизаветы Андреевой дочери, о выдаче ей заслуженного жалования и против прочих вдов награждения».[83] В этом деле находятся справки академических учреждений о задолженности им Ломоносова. В документе, составленном библиотекарем И. Бакмейстером, перечислены «книги и вещи у покойного господина статского советника и профессора Михайла Васильевича Ломоносова,

---

[79] «Главные отличия житийного текста от летописного: сообщение о церкви на месте крещения киевлян и замена Днепра Почайною основаны, очевидно, на церковном предании». Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 55.

[80] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 268.

[81] Там же, стр. 367.

[82] Там же, т. X, стр. 389.

[83] Материалы для биографии Ломоносова собраны экстраординарным академиком Билярским. СПб., 1865, стр. 739—745.

взятые им из императорской библиотеки и кунсткамеры». Из справки И. Бакмейстера ясно, что в 1757 г. Ломоносов взял из Академической библиотеки «...3. Татищевы Примечания к его собранию российской летописи... 5. Две книги летописцев российских с лицами, № 34, 35... 7. Летописец большой, № 5. 8. Стриковского летописец, часть I, II».

Очевидно, что работа по выявлению древнерусских рукописей, которые изучал Ломоносов, должна была быть начата в Библиотеке Академии наук СССР. Здесь хранятся рукописи и книги первой половины XVIII в. Превосходные описания фондов с историей каждой отдельной рукописи[84] позволили составить представление о рукописном собрании Петербургской Академии наук в период жизни и деятельности Ломоносова.

Выявление рукописей Академической библиотеки, которые изучал Ломоносов, было облегчено трудами покойного исследователя Г. М. Коровина, который совместно с Е. Б. Рысс[85] проделал большую работу по раскрытию литературы, использованной в трудах Ломоносова. Г. М. Коровиным были обнаружены в Архиве АН СССР расписки Ломоносова в Журналах Академической библиотеки о взятых им книгах и рукописях. Расшифровка сокращенных заглавий книг, определение конкретных экземпляров изданий, привлеченных Ломоносовым к творческой работе, позволили Г. М. Коровину выявить книги, сохранившие следы обращения к ним Ломоносова: приписки, отчеркивания, пометы, особые знаки и нотабене (NB).[86] В числе 73 названий, раскрытых Г. М. Коровиным, 5 имеют прямое отношение к теме настоящего исследования.

Г. М. Коровиным было установлено, что летописью Нестора Ломоносов называл «список с Радзивиловской или Кенигсбергской летописи, сделанный в Кенигсберге в 1713 г. для Петра I».[87] Исследователем был прокомментирован и документ, составленный в 1765 г. И. Бакмейстером: «Татищевы примечания к его „Собранию российской летописи" — это рукопись „Истории российской", хранящаяся в БАН. 17.17.11; „Две книги летописцев российских с лицами, №№ 34, 35" — два тома Лицевого свода. БАН. 31.7.30; „Летописец большой, № 5" — Книга Степенная из собрания Остермана. БАН. 32.8.2; „Стриковского летописец, часть I, II" — рукописный перевод „Хроники польской, литовской, жмудской и всея Руси", копия которого была „списана при Академии наук 1758 году". БАН. 32.11.4».[88]

Работа, проделанная Г. М. Коровиным, оказалась очень важной в методическом отношении. Она показала, как много еще можно сделать в изучении творчества Ломоносова и к каким большим результатам приводит просмотр книг и рукописей, хранящихся в Библиотеке АН СССР.

---

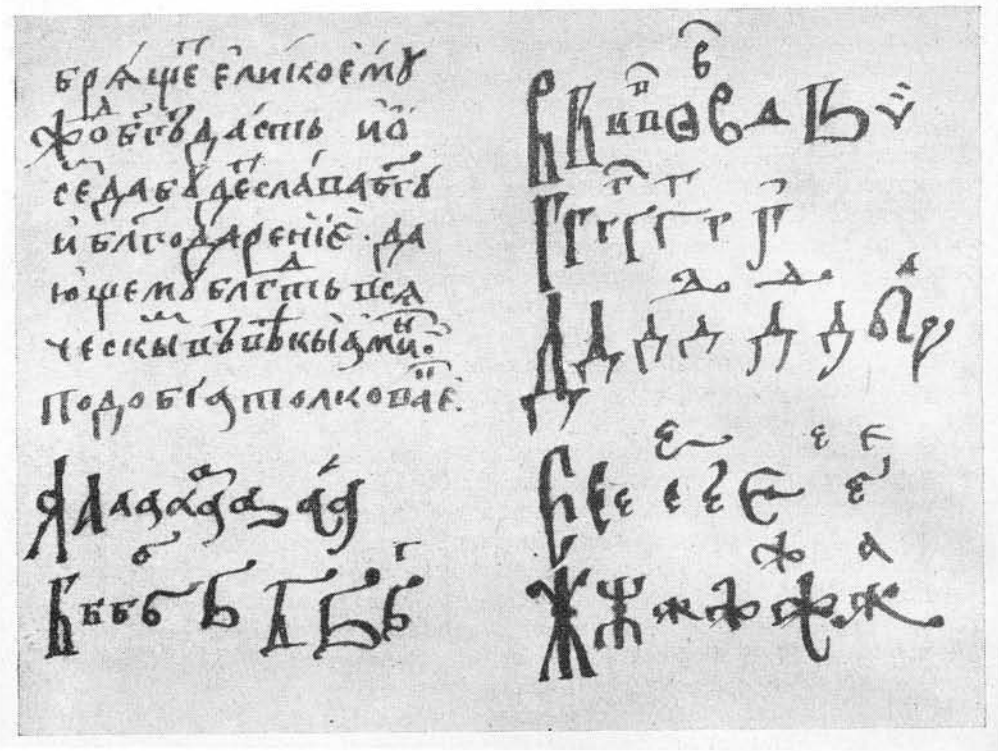
[84] Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. I. XVIII век. Составили М. Н. Мурзанова, Е. И. Боброва и В. А. Петров. М.—Л., 1956; Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 3, вып. 1 (Хронографы, Летописи, Степенные, Родословные, Разрядные книги). Составили В. Ф. Покровская, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, М. Н. Мурзанова. М.—Л., 1959; Исторические сборники XV—XVIII вв. — В кн.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 3, вып. 2. Составили А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. М.—Л., 1965.

[85] Е. Б. Рысс и Г. М. Коровин. Ломоносов — читатель Библиотеки Петербургской Академии наук. — В кн.: Труды Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки Академии общественных наук СССР, т. III, М.—Л., 1958, стр. 282—302. Материалы этой статьи вошли в книгу Г. М. Коровина «Библиотека Ломоносова», вышедшую из печати в 1961 г. Е. Б. Рысс любезно разрешила мне ознакомиться с материалами этой книги еще до выхода ее из печати.

[86] Е. Б. Рысс и Г. М. Коровин. Ломоносов — читатель Библиотеки Петербургской Академии наук, стр. 282—302.

[87] Там же, стр. 291.

[88] Там же, стр. 298—299.



Прописи полууставного и скорописного письма, сохранившиеся в Азбуковнике нач. XVIII в. Антониево-Сийского монастыря. БАН. Собр. Архангельское, № 931, лл. 87 об.—88.

Задача, стоящая перед Г. М. Коровиным, несколько облегчалась тем, что, расписываясь в Журнале Академической библиотеки, Ломоносов хотя бы в самом сокращенном виде указывал автора или заглавие книги.

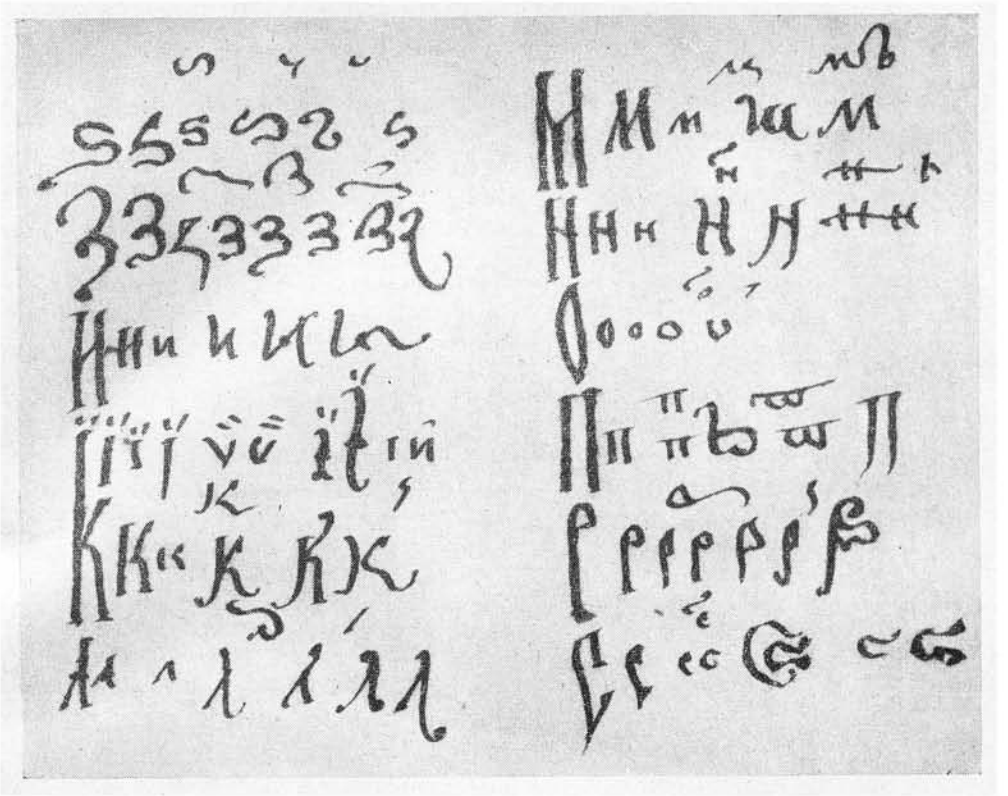
В определении древнерусских рукописей эта методика не могла быть полностью приемлемой даже и в том исключительном случае, если бы сохранились все расписки Ломоносова на взятые им из библиотеки «манускрипты». Но, к сожалению, Г. М. Коровин нашел единственную расписку Ломоносова за полученную им 3 декабря 1753 г. летопись Нестора: «Die russische Historie von Nestor, fol. 9».[89]

Известно, что древнерусские памятники, сохранившиеся в рукописных списках, чрезвычайно редко имеют устойчивое название. В целях упрощения работы с многочисленными списками распространенных древнерусских сочинений уже в XVIII в. стали допускаться условные названия произведений, как например: Сказание о князьях владимирских, Казанская история (или Казанский летописец), Двинской летописец, Повесть временных лет и т. п.

Очевидно, что к условным и сокращенным названиям древнерусских памятников прибегал и Ломоносов. Поэтому на основании его ссылок совершенно невозможно было бы указать, какую именно рукопись он имел в виду, когда говорил, например, о «Новгородском летописце» (или «Новогородском летописателе») или о «Зборном Временнике».

Предстоял сплошной просмотр всех рукописей, которые, как удалось установить историкам БАН, хранились в Академической библиотеке со времени ее основания (1725 г.) и до начала 60-х гг. XVIII в. При этом

[89] Там же, стр. 291.



Прописи полууставного и скорописного письма. БАН. Собр. Архангельское, № 931, лл. 88 об.—89.

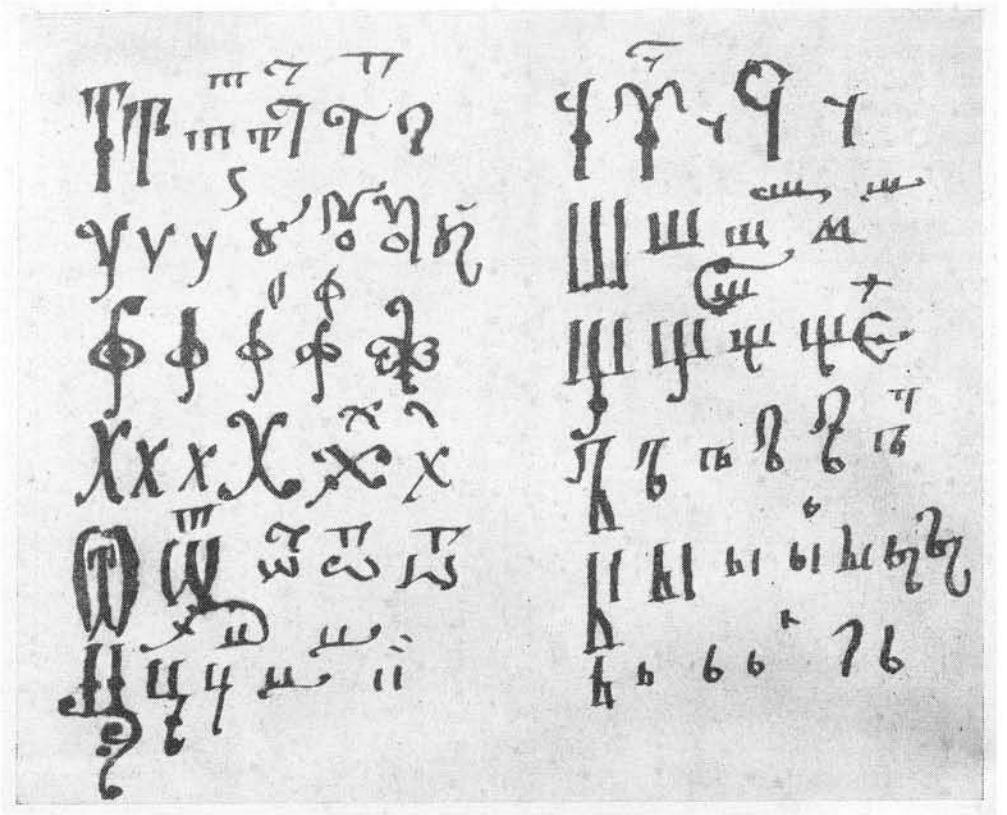
самое большое внимание, естественно, уделялось тем древнерусским произведениям, сюжеты и темы которых нашли отражение в сочинениях Ломоносова.

Учитывая опыт работы Г. М. Коровина, обнаружившего на книгах, взятых Ломоносовым из Академической библиотеки, многочисленные приписки, пометы, отчеркивания с системой особых значков, необходимо было изучить по подлинным рукописям Ломоносова приемы его работы над текстом своих и чужих сочинений, знаки помет, №, систему разметки для цитирования или пересказа. Важно было изучить почерк Ломоносова в разные периоды его жизни.

2. Исследование почерка Ломоносова

Исследователи располагают тремя образцами почерка Ломоносова того периода, когда он проживал на родном Севере и овладевал грамотой. Два образца датированы: это расписки, сохранившиеся в Переписной книге Куростровской Дмитриевской церкви за 1726 и 1730 гг. Третий образец — это приписка на 39-м листе рукописного списка «Жития и службы» Дмитрия Солунского, принадлежавшего Куростровской Дмитриевской церкви (Архив АН СССР, ф. 20, оп. 6, № 68).

До настоящего времени не было сделано попытки датировать приписку Ломоносова на рукописи «Жития и службы» Дмитрия Солунского. Но сделать это важно для того, чтобы яснее представить процесс выработки почерка Ломоносова. Мы располагаем рукописным Азбуковником, переписанным в начале XVIII в. на Севере в Антониево-Сийском мона-



Прописи полууставного и скорописного письма. БАН. Собр. Архангельское, № 931, лл. 89 об.—90.

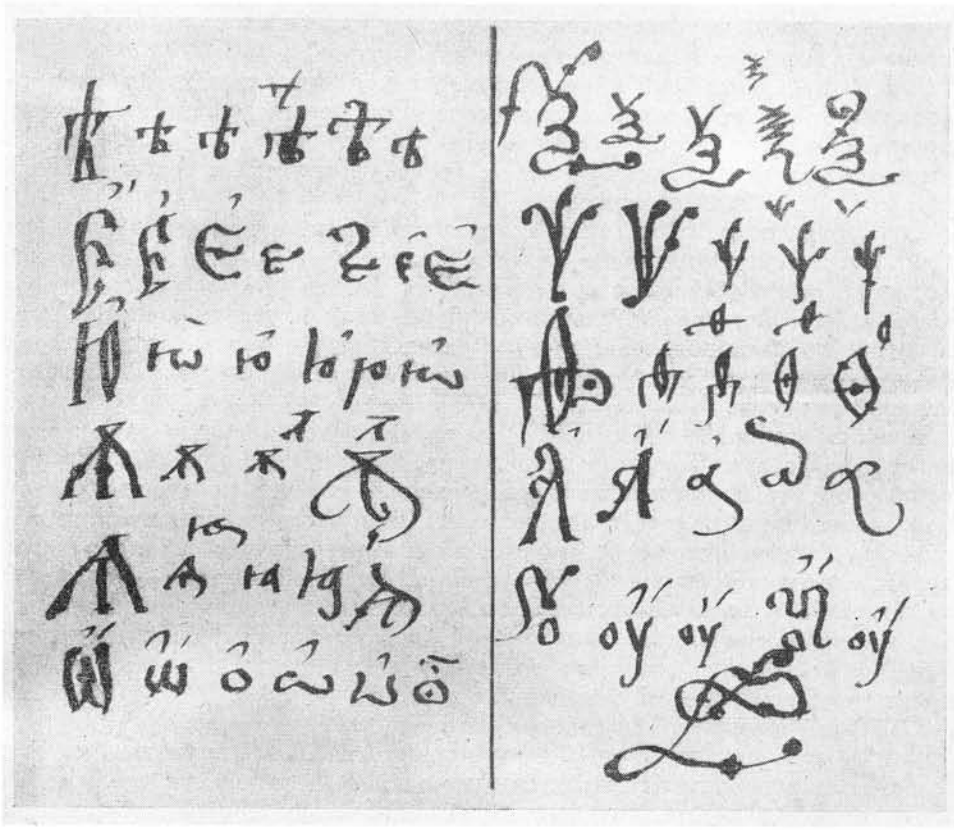
стыре.[90] В этом рукописном Азбуковнике, по которому обучали грамоте, сохранились прописи — образцы написания букв полууставного и скорописного письма. Эти прописи помогают проследить становление почерка Ломоносова и появление в нем индивидуальных особенностей.

Несомненно, самый ранний образец почерка Ломоносова мы видим в расписке 7 февраля 1726 г. Текст ее следующий: «Вместо подрядчиковъ Алексея Аверкиева сына Старопоповыхъ да Григорья сына Иконникова по их велению Михайло Ломоносовъ руку приложилъ».

Почерк маловыработанный, с неустойчивым написанием ряда букв. Строки неровные, буквы неодинаковые с неоправданными нажимами. Однако при анализе почерка можно сделать ряд наблюдений, свидетельствующих о том, что этой приписке предшествовала многократная переписка, которая производилась без активной направляющей роли учителя, а стихийно, когда практика письма подсказывала способы как упрощения форм написания, так и усложнения в начертании ряда букв.

При сопоставлении со скорописной прописью Азбуковника в этой расписке Ломоносова можно наблюдать некоторые отступления. Так, буква *д* имеет два написания. Надстрочное выносное *д* в слове *подрядчиковъ* несколько напоминает пересеченное горизонтальной линией *о*. Эта буква оригинальна по характеру построения и далека от рекомендательных начертаний прописей. *Д* в слове *да* угловатой формы с развитой правой подстрочной частью буквы, усложненной завитком. Такое начертание буквы *д* сохранится и в позднем почерке Ломоносова. В расписке 1726 г.

[90] БАН. Собр. Архангельское, № 931, лл. 87 об.—91.



Прописи полууставного и скорописного письма. БАН. Собр. Архангельское, № 931, лл. 90 об.—91.

пятнадцатилетний Ломоносов еще не вполне хорошо владеет направлением движений. Буквы расположены неровно относительно строки, они различны по величине. В середине слова неоправданно появляются прописные буквы: в слове *Старопоповыхъ* — это оба *п*, в слове *велѣнию* — *е*. И эта оригинальная черта, как мы увидим далее, найдет свое отражение в позднем почерке Ломоносова.

Обратимся к изучению письменных знаков, наиболее сложных по построению и имеющих поэтому множество разнообразных вариантов, свидетельствующих в известной степени об уровне овладения методикой письма. К числу этих букв относятся: *ж, к, в, а, з, ю, д*.[91] По поводу *д* мы уже писали. Буквы *з* в анализируемом отрывке нет. Остановимся на рассмотрении остальных букв.

Буква *ж* в слове *приложил* имеет упрощенный характер построения: это буква *х*, перечеркнутая вертикальной линией. В Азбуковнике Сийского монастыря такой вариант буквы *ж* указан как простейший.

Буква *в* имеет два варианта: *в*, написанное посредством петель (в слове *вмѣсто*) и *в* — несколько вытянутый квадрат. Оба варианта представлены в Азбуковнике и не имеют в записи Ломоносова индивидуальных начертаний. Буква *а* выполнена посредством присоединения к букве *о* правостороннего полуовала с сильно растянутым вдоль спинки

[91] А. И. Манцветова, Э. Б. Мельникова, В. Ф. Орлова. Теория и практика криминалистической экспертизы. (Экспертиза почерка). Сб. 6—7. М., 1961, стр. 226—228.

«хвостом». Буква *ю* встречается только один раз (в слове *велѣнию*). Написана она неясно и не дает материала для анализа.

В той же Переписной книге Куростровской Дмитриевской церкви сохранилась и вторая расписка Ломоносова. Текст ее следующий: «1730 года генваря 25-го дня яже Петр Некрасовъ принялъ у строителя Ивана Лопаткина в уплату три рубли денегъ платежъ. Подписал по велѣнию Петра Некрасова Михайло Ломоносовъ».

За четыре года, прошедших со времени предшествующей записи, почерк Ломоносова изменился: он стал значительно выработаннее, буквы близки по размеру (исключение составляют лишь буквы *е* и *с*, которые «вырываются» из строки. Эта особенность сохранится в почерке Ломоносова и в более позднее время). Строки письма ровные, идут параллельно друг другу. Очевидно, что в течение этих четырех лет Ломоносов очень много писал.

Анализ почерка записи 1730 г. раскрывает несомненную зависимость его от полуустава. Так, полууставный характер имеют *в*, *п*, *т*, *є*, *ѕ*, *ѣ*. Это показывает, что в предшествующий период Ломоносов переписывал рукописи, написанные полууставом, сохраняя при этом их графические особенности. Однако наряду с полууставными встречаются и скорописные варианты этих же букв: *я* с развитой надстрочной частью — эта форма закрепится в почерке Ломоносова; *т*, состоящее из двух перпендикулярных линий; *у* с развитой подстрочной частью. Воздействием полуустава объясняется и малая связность букв. Эта черта станет позднее одной из характерных особенностей почерка Ломоносова.

Следует отметить еще одну особенность почерка Ломоносова 1730 г. — это письмо с вертикальным положением шрифта, которое И. А. Шляпкин считает характерным качеством поморских рукописей.[92] По-видимому, в предшествующие годы Ломоносову приходилось переписывать рукописи и для старообрядцев.

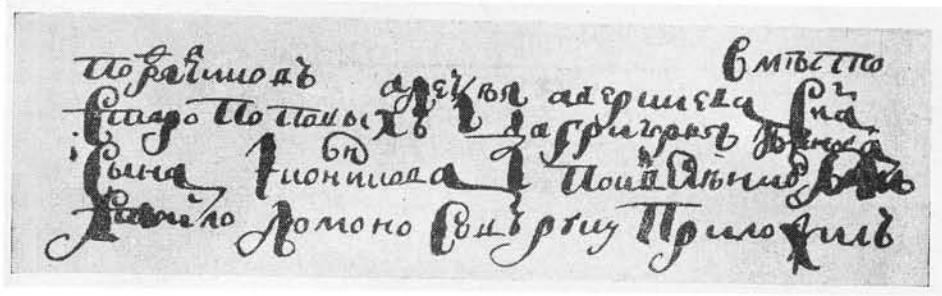
Третий из образцов раннего письма Ломоносова подтверждает выводы о складывающемся индивидуальном характере его почерка, соединившем черты скорописи и полуустава. Речь идет о приписке на л. 39 к рукописному списку «Жития и службы» Дмитрия Солунского. Приписка читается так: «Списэвал с сей тетрати Михайло Ломоносовъ». Следовательно, эта рукопись является оригиналом по отношению к рукописи, переписанной Ломоносовым.

Очевидно, что Ломоносов, копируя текст «Жития и службы» Дмитрия Солунского, сохранил графические формы подлинника — полуустав. В. Н. Щепкин отмечает, что литературные памятники переписываются в XVIII в. иногда полууставом, а церковные — почти всегда.[93] У нас нет никаких оснований считать, что юный Ломоносов отступил от этого правила.

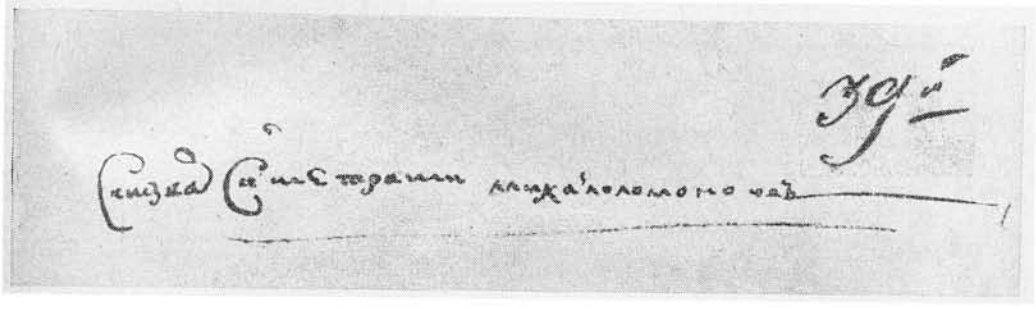
В этом нас убеждает сопоставление старопечатной Минеи за октябрь, принадлежавшей Куростровской Дмитриевской церкви, с рукописным «Житием и службой» Дмитрия Солунского, которое переписывал Ломоносов. На лл. 195—202 старопечатной Минеи конца XVII в. находится «Житие и служба» Дмитрия Солунского. Листы ее сильно закапаны воском и истерты. Очевидно, что по этой Минее проходила служба в Куростровской Дмитриевской церкви, построенной во имя этого святого. Так как житие этого патронального святого было необходимо прихожанам Дмитриевской церкви, с печатной Минеи переписывались рукописные списки, которые, в свою очередь, являлись источниками для последующих списков. Важно отметить, что при переписке рукописных списков сохра-

---

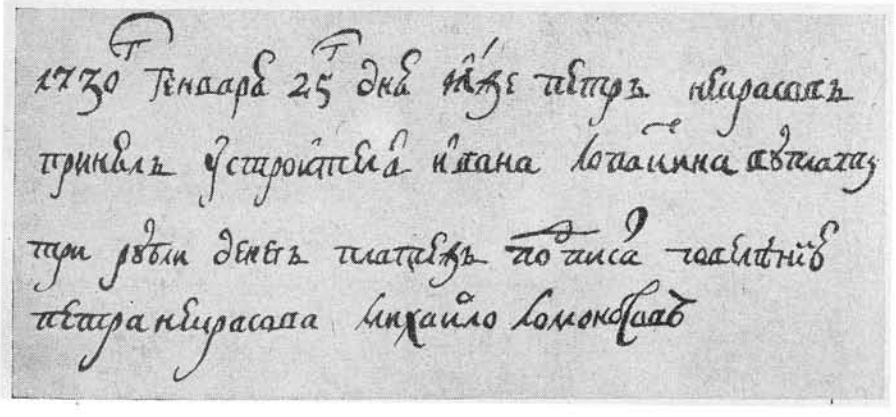
[92] И. А. Шляпкин. Русская палеография. СПб., 1913, стр. 96.
[93] В. Н. Щепкин. Русская палеография. М., 1967, стр. 136.



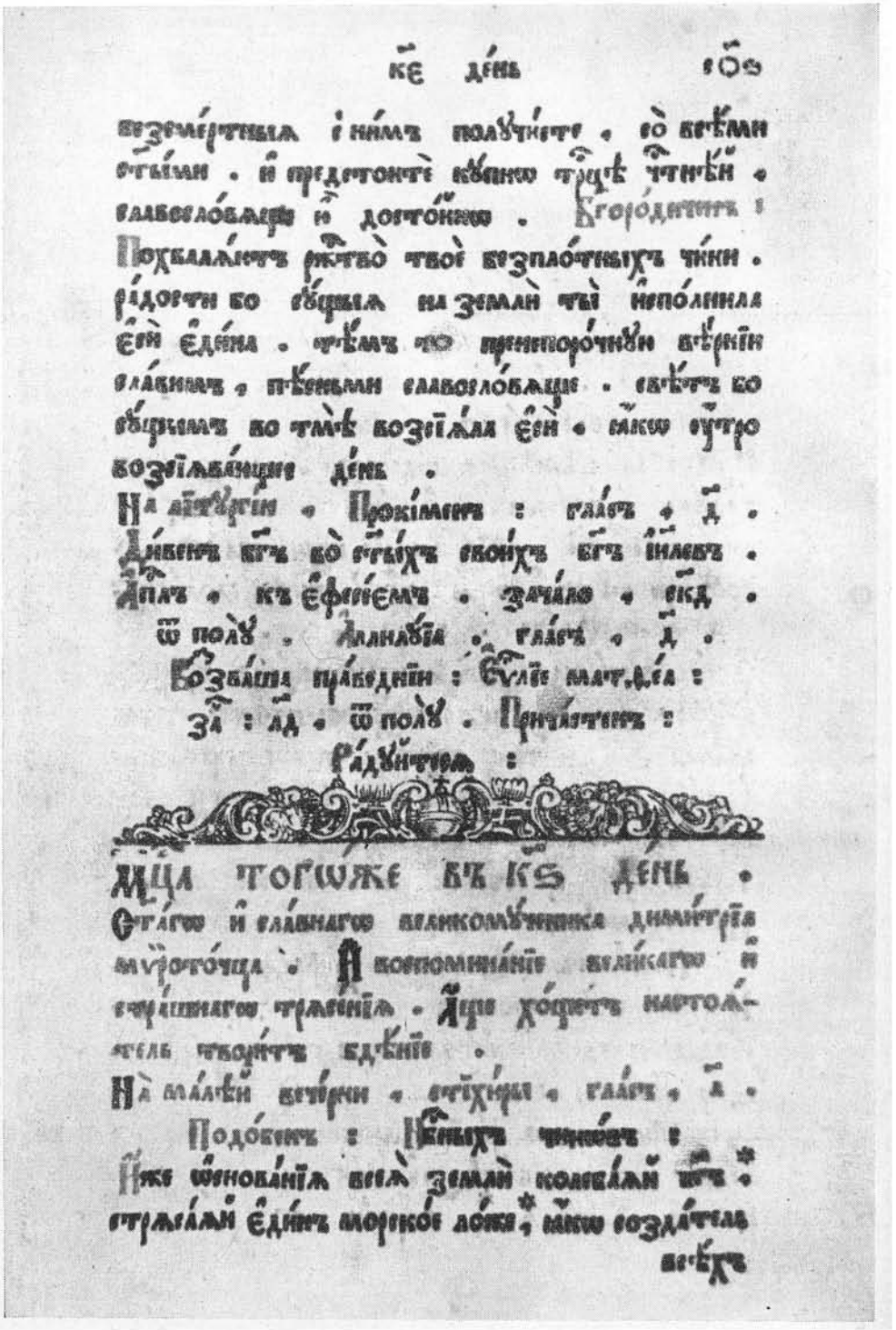
Запись Ломоносова 1726 г. в «Подрядной тетради» Куростровской Дмитриевской церкви. Архангельский областной музей. Г—259, № 333.



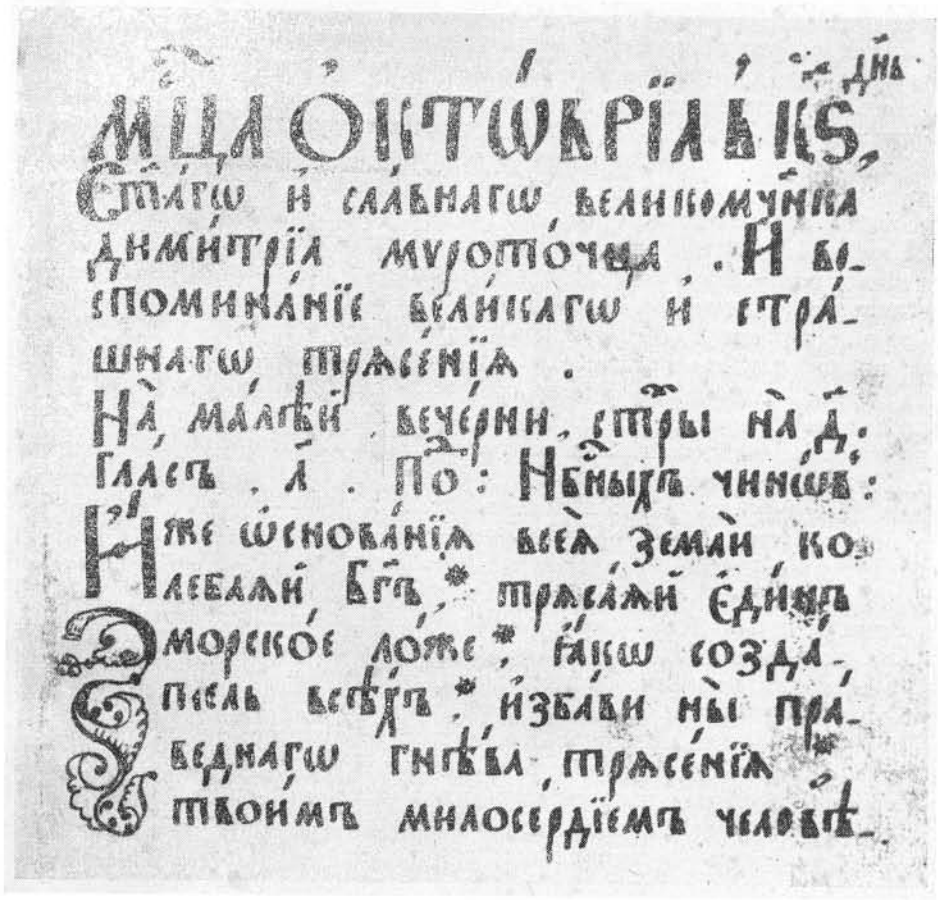
Приписка Ломоносова на л. 39 «Жития и службы» Дмитрия Солунского. Архив АН СССР, ф. 20, оп. 6, № 68.



Запись Ломоносова 1730 г. в «Подрядной тетради» Куростровской Дмитриевской церкви. Архангельский областной музей. Г—259, № 334.



Печатная «Книга Минея месяц Октоврии» 1692 г., принадлежавшая Куростровской Дмитриевской церкви. Архангельский областной архив. Собр. Холмогорского собора, № 107.



«Житие и служба» Дмитрия Солунского. Рукопись Курострovской Дмитриевской церкви, переписанная с «Минеи Четьи Печатныя». Архив АН СССР, ф. 20, оп. 6, № 68.

нился весь характер полуустава старопечатной Минеи. Единственное, что позволил себе писец рукописного списка, — это вынесение под титло ряда слов, напечатанных в Минее полностью (*день, стихары, подобен*). Эти сокращения понадобились, по-видимому, потому, что листовой текст печатной Минеи переписывался в тетрадку размером в четверть. Списывая текст «Жития и службы» патронального святого Дмитриевской церкви, Ломоносов, так же как и предшествующий писец, сохранил полууставный характер почерка.

В приписке к «Житию и службе» характерным признаком строения букв является то, что они выполняются движениями с отступлениями от прописей. Ряд букв имеет упрощенный характер. Так, значительное отступление допущено при написании букв *е, т, м*. Можно отметить общую невыработанность почерка Ломоносова, неуверенность линий, малую связность письма.

В приписке, сделанной Ломоносовым на л. 39, встречаются грамматические ошибки: *списэвал* вместо *списывал*, *тетрати* вместо *тетради*.[94] Однако употребление выносных букв *л, й* показывает, что в переписке уже имеется определенный навык. Свидетельствует об этом и росчерк в последнем *ъ* в слове *Ломоносовъ*, закрепившийся в почерке Ломоносова.

[94] Написание *тетрати* встречается на Севере и в XIX в.

В нашем распоряжении имеется лишь одна запись Ломоносова, свидетельствующая о переписке им древнерусских литературных и церковно-исторических памятников. Но особенности почерка, проявившиеся уже в приписке к «Житию и службе» Дмитрия Солунского и ясно выступившие в расписке 1730 г., говорят о том, что Ломоносов прошел длительную школу переписки рукописей и старопечатных книг. Данные биографии подтверждают этот вывод.

Известно, что в ранние годы жизни в Курострове Ломоносов слыл «лутчим чтецом в приходской своей церкви».[95] По словам осведомленного составителя Академической биографии М. И. Веревкина, Ломоносов уже на родине широко ознакомился с церковными книгами,[96] а впервые светские книги он увидел позднее в доме своего соседа Христофора Дудина.

Глубокое знакомство Ломоносова с церковной литературой раскрывается в его произведениях. И. И. Солосин, рассмотревший отражение языка богослужебных книг в стихотворениях Ломоносова, пришел к выводу о том, что «источником знания Ломоносовым церковнославянского языка надо считать ... книги церковно-богослужебные, а отчасти и другие религиозные сочинения, писанные церковнославянским языком: прологи, жития святых и т. п., с которыми Ломоносов был знаком еще в детстве».[97] Он «помнил множество мест из Апостола, Евангелия, из паремий, из стихир, ирмосов и других песнопений и молитв церковных».

Об использовании Ломоносовым ряда стилистических приемов, характерных для церковной литературы, говорит и новейший исследователь поэтического стиля Ломоносова И. З. Серман.[98]

Можно полагать, что еще на родине Ломоносов ознакомился с латинским алфавитом, упрощенной графической формой которого (близкой к печатным буквам) пользовались на Севере, особенно в тех городах, где постоянно бывали иностранцы: латиница давала возможность более широкого общения без помощи переводчиков.

Характер пользования латинским алфавитом можно видеть на материале, сохранившемся в Архангельском областном архиве. Здесь находится тетрадь земляка и близкого современника Ломоносова, жителя соседнего села Ровдогоры Степана Негодяева с записью нот на текст молитв. В Синодике Куростровской Дмитриевской церкви, хранящемся также в Архангельском областном архиве, вписан «род Негодяева ровдогорца»: можно полагать поэтому, что Негодяевы чтили Куростровскую церковь Дмитрия Солунского, давали вклады по усопшим, заказывали панихиды.

Текст, записанный Степаном Негодяевым русскими и латинскими буквами, читается на обороте первого листа рукописи: «В 1720 году. Сии книги ровдогорца Stevana Negodяewa. Купилъ в Яренске цеNою dwa rubli izezdesятъ копѣекъ. Подписалъ своеручно на Вымѣ рѣке».

Степан Негодяев, как это видно из приведенной записи, знал латинский алфавит недостаточно хорошо: он пользовался ограниченным числом знаков, не мог найти некоторых буквенных соответствий (я, например, дважды оставлял в русской транскрипции), поэтому чередовал в одном слове русские и латинские буквы.

Возможно, и Ломоносов знал латинский алфавит и имел первоначальные навыки чтения текста, что могло помочь ему овладеть латынью

[95] М. И. Веревкин. Жизнь покойного Михайла Васильевича Ломоносова. — В кн.: М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. Составитель Г. Е. Павлова. М.—Л., 1962, стр. 50.

[96] Там же, стр. 43.

[97] И. И. Солосин. Отражение языка и оборотов св. писания и книг богослужебных в стихотворениях Ломоносова. — ИОРЯС АН, т. XVIII, кн. 2, СПб., 1913, стр. 242—243.

[98] И. З. Серман. Поэтический стиль Ломоносова. М.—Л., 1966, стр. 88—132.

в Славяно-греко-латинской академии, куда он поступил в январе 1731 г.[99] после отъезда из родного Курострова.

Обучение латыни в Славяно-греко-латинской академии начиналось с младшего класса — «фары». По сведениям Академической биографии, Ломоносов уже через полгода так хорошо освоился с начальной латынью, что ко времени июльских экзаменов прошел два класса и был переведен в третий — «грамматику». Здесь он приступил к более основательному изучению латинской грамматики и самостоятельной работе над переводами.

Изучение латыни не могло не повлиять на почерк Ломоносова. Хотя кириллица и латинский алфавит восходят к греческому — родоначальнику всех европейских алфавитов,[100] тем не менее в своем историческом развитии они значительно отдалились. Овладение латинским алфавитом несомненно потребовало перестройки ряда технических навыков и приемов письма, выработанных Ломоносовым на Севере.

Почерковедами уже отмечно, что «при письме на ином языке вариант почерка возникает в связи с тем, что другой язык предполагает и иную письменность, которой свойственно своеобразное строение».[101]

Очевидно, при сходной конструкции букв (независимо от того, какой звук они передают) оказывались перенесенными навыки, выработанные при построении русского письма. В буквах, имеющих различную конструкцию, Ломоносов усваивал опыт курсивных форм поздней латыни, одной из характерных черт которой было непрерывное связывание письма, сильный наклон вправо и обилие лигатур.[102]

В качестве образца русского почерка Ломоносова периода 1731—1735 гг. — времени обучения в Славяно-греко-латинской академии — мы располагаем его распиской на показании, данном им в Канцелярии Московского синодального правления 4 сентября 1734 г.: «К сему допросу Михайло Ломоносов руку приложил».[103]

При анализе этой подписи Ломоносова можно видеть нарастание курсивных форм. Новый вид приобрела буква *к*: развилась ее подстрочная часть, совершенно изменившая характер этой буквы, отраженный в приписке 1730 г.

Следует отметить новое построение буквы *ж* — *ꙁ*. Ломоносов совершенно изменил принципы ее написания. Вместо перечеркнутой вертикальной линией буквы *х* мы видим сложное по конфигурации составление письменного знака, где пересекающая линия имеет вид полуовала с развитой подстрочной частью.

Однако наряду с появлением новообразованных очертаний в почерке Ломоносова прочно остаются графические формы полууставных букв: *д* двуножное, *в*, построенное из двух параллельных линий. Появляются некоторые индивидуальные черты почерка Ломоносова, одним из характерных признаков которого являются сочетания полууставных и скорописных вариантов букв: два типа *в* — ⊔, в; два типа *т* — т, m; три типа *д* — д, *ꝯ*, ∂.

В октябре 1734 г. Ломоносов закончил переписку курса «Риторики», читавшегося преподавателем Славяно-греко-латинской академии Порфирием Крайским: «Artis Rhetoricae praecepta tres in libros divisa atque ad

---

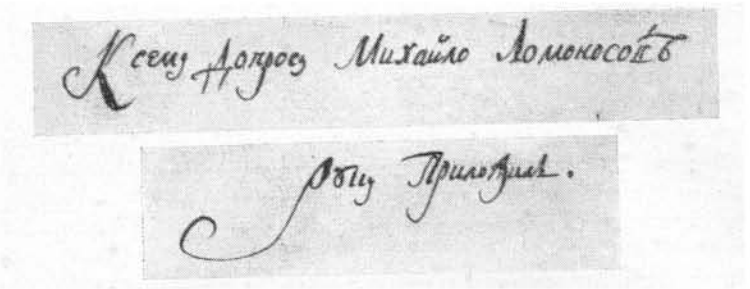
[99] Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. Составители: Г. А. Андреева, Г. Е. Павлова, Н. В. Соколова. М.—Л., 1961, стр. 22—24.

[100] Д. Дирингер. Алфавит. Пер. с английского. М., 1963, стр. 536.

[101] А. И. Манцветова, Э. Б. Мельникова, В. Ф. Орлова. Теория и практика криминалистической экспертизы, стр. 26—28.

[102] О. А. Добиаш-Рождественская. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. М.—Л., 1936, стр. 202—214.

[103] ЦГАДА, ф. 1183, оп. 1, № 245, лл. 16 об.—17.



Расписка Ломоносова на показании в Канцелярии Московского синодального правления 4 сентября 1734 г. ЦГАДА, ф. Синодальная контора, 1734, № 245, лл. 16 об.—17.

instruendum oratorem selectioribus Eloquentiae fundamentis ad elegantiam styli in omni genere dicendi tradita Moscoviae. — Ex Anno 1733 in Annum 1734, Octobris 17».[104] Эта запись позволяет произвести анализ латинского варианта почерка Ломоносова начала 30-х гг. Несколько листов рукописи занимает учебное сочинение Ломоносова на русском языке (л. 244, половина л. 245, л. 252, л. 253, л. 254).

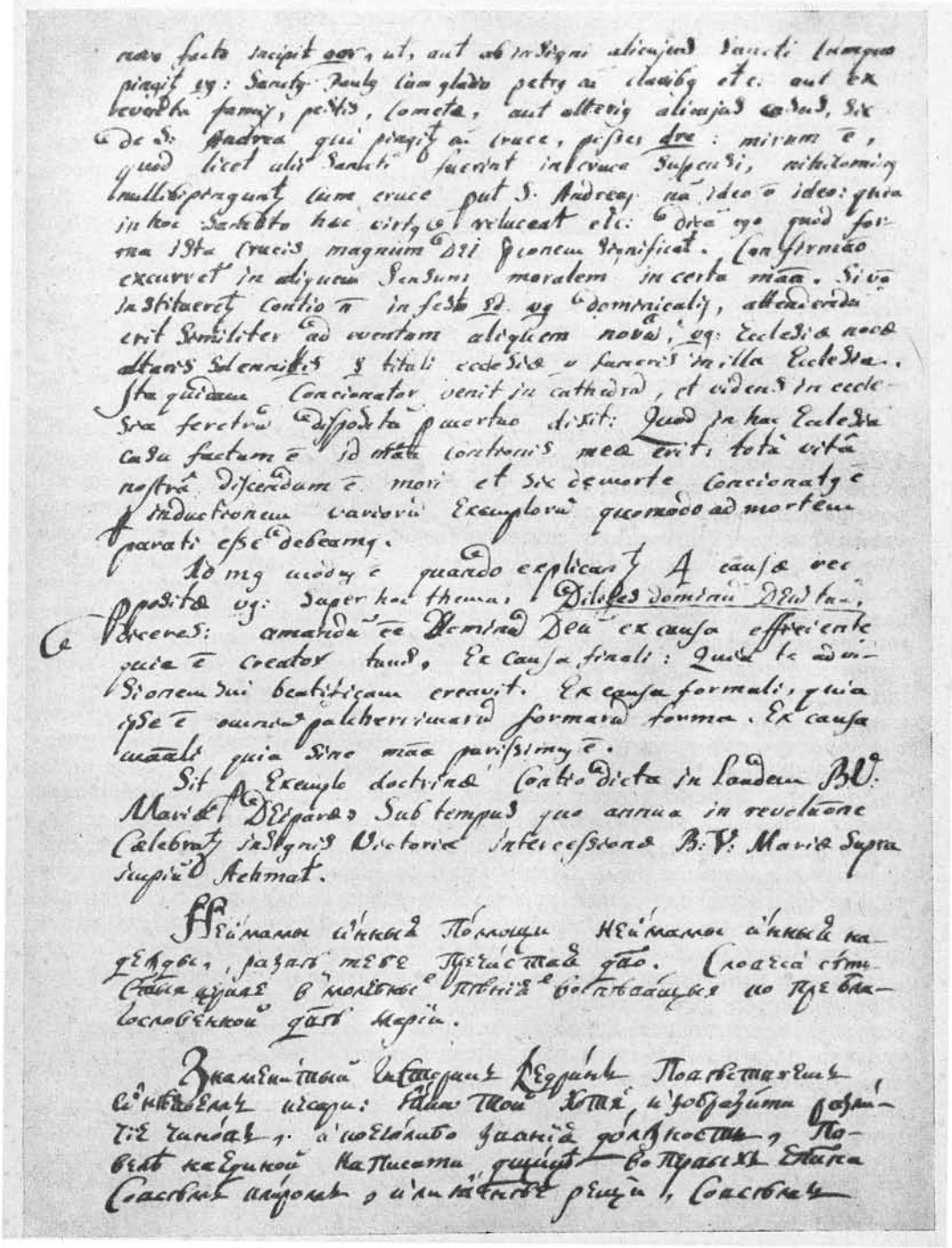
Латинский вариант почерка Ломоносова характеризуется высокой техникой письма. Налицо координация движений, отражающая быстрый темп письма. Наклон букв правосторонний, постоянный. Интервалы между словами в строке и между строками устойчивы. Следует отметить своеобразие построения ряда букв Ломоносовым. Так, буква c, даже находясь в середине слова, выходит из строки верхней и нижней частью. В начале слова она всегда носит характер заглавной буквы, хотя и не является таковой в ряде случаев. D большое и малое имеют в надстрочной части оригинальный дополнительный завиток, иногда растянутый влево до значительных размеров, так что он «нависает» над строкой, как бы покрывая крышей две-три предшествующие буквы (если буква d в середине слова) или значительно перекрывает интервал между словами. Построение r малого также отличается оригинальностью: Ломоносов пишет эту букву наподобие v малого с раздвоенной вертикальной линией и развитой правосторонней частью, придающей ей непривычный вид.

L латинское большое имеет упрощенное построение: верхняя надстрочная часть не развита, строчная часть почти не имеет изгиба, благодаря чему эта буква приобрела вид острого угла. Такой характерный вид латинское L сохранило и в последующем почерке Ломоносова, что с особой наглядностью можно видеть в одной из ранних работ — в составленном им «Каталоге камней и окаменелостей Минерального кабинета Кунсткамеры Академии наук», автограф которого сохранился (см.: Архив АН СССР, ф. 20, оп. 3, № 63, лл. 3 об., 11, 14, 29, где многократно встречается слово lapis, lapides).

«Коромысло» t строчного расположено не строго перпендикулярно вертикальной части буквы, а имеет небольшой наклон в левосторонней части и подъем в правосторонней части. Буква s, так же как и буква c, независимо от того, находится ли она в начале или в середине слова, имеет больший размер, чем соседние буквы, верхняя часть ее выходит из строки.

Зрелость латинского письма Ломоносова сказывается в том, что он умело пользуется разнообразными сокращениями посредством ряда изве-

[104] «Наставления по ораторскому искусству, разделенные на три книги и для обучения оратора избранным основам красноречия к изяществу стиля в разного рода риторике, преподанные в Москве. С 1733 по 1734 г., октября 17». — ГБЛ, ф. 183, № 279, лл. 158—283.



Переписанный Ломоносовым в 1734 г. курс «Риторики» П. Крайского.
ГБЛ, ф. 183, № 279, л. 244.

стных приемов, в числе которых принцип суспенсии — отрывание конца слова, например episcop[us], ipsa[m], re[m], и принцип контракции — сжимание слова с выбрасыванием средних, менее характерных элементов и сохранением крайних его пределов начала и конца a[ute]m, qu[odam-mod]o, Q[uonia]m. О. А. Добиаш-Рождественская считает, что применение сокращений указывает на то, что автор свободно обращался с языком и хорошо изучил правильное употребление флексий, иначе ни сам он и никто другой не мог бы практически воспользоваться его письмом.[105]

Текст, расположенный на лл. 244—253, раскрывает характер русского скорописного почерка Ломоносова 1734 г. При сопоставлении с почерком 1730 г. здесь видны значительные изменения, происшедшие под воздействием латинской скорописи. Появилась бóльшая связность письма, буквы ровнее, хотя некоторые из них неоправданно имеют характер заглавных. Так, буква *п* в начале слова всегда большая (*«Не имамы инныя Помощи»*, л. 244). Встречается она в виде прописной и в середине слова (*«Повелѣ на единой наПисати дщицѣ — во Первыхъ Епископа Со всемъ клиромъ»*, л. 244). Нередко и буква *т* написана в виде прописной в середине слова (*«Кому убо наипаче ПриличесТвуетъ досТодолжное за народъ моления Приносити Богу»*, л. 245).

Буква *ѣ* приобрела совершенно другой характер, чем в расписках 1726 и 1730 гг. В 1726 г. *ѣ* почти не отличается от *ъ*.[106] В 1730 г. Ломоносов развивает надстрочную часть буквы, благодаря чему «коромысло» помещается выше уровня строки. В 1734 г. Ломоносов строит букву *ѣ* одним движением, нередко связывая ее с предшествующей буквой за счет развития левой части — «коромысла», идущего параллельно вертикальной части буквы. *Ѣ* становится похожим на *в* с несколько удлиненным началом ее построения. Новая графическая форма буквы «ять» сформировалась под воздействием латинского b. Это можно понять из наблюдения над тем, что в русских текстах у Ломоносова буква *в* имеет полууставный характер. Появилась новая форма построения буквы *д* с «хвостом» в виде петли в подстрочной части. Можно полагать, что и в этом случае определенную роль сыграла латинская скорописная форма буквы g.

Обложка и первые девять листов записи лекций по риторике показывают образцы каллиграфического варианта скорописи Ломоносова. Здесь много украшающих элементов в виде завитков в точках начала и окончания движения руки. Буквы тщательно вырисованы, поэтому заметить в них индивидуальный характер чрезвычайно трудно. Единственно что можно отметить — это мало изменившееся цифровое письмо.[107] В записи дат на первом листе *«Ex Anno 1733 in Annum 1734, Octobris 17»* видны все характерные черты цифрового письма Ломоносова, первые образцы которого мы видели в подрядной записи 1730 г. В цифре *1* основная вертикальная линия раздвоена, благодаря чему эта цифра несколько напоминает (особенно в нижней части) букву *л*. Этому сходству способствует специфика строения цифрового письма Ломоносова. Как это можно видеть при анализе частных признаков письма, цифру

---

[105] О. А. Добиаш-Рождественская. История письма в средние века, стр. 166—196.

[106] В. Н. Щепкин отмечает, что в скорописи конца XVII в. *ъ* и *ѣ* имели «сходные начерки»: В. Н. Щепкин. Русская палеография, стр. 141.

[107] В Харьковском научно-исследовательском институте судебной экспертизы на значительном материале проведено исследование цифрового письма, причем установлена значительная устойчивость топографических признаков этого письма. См.: В. Г. Грузкова. К вопросу об идентификационной ценности топографических признаков цифрового письма. — В кн.: Криминалистика и судебная экспертиза. Республиканский межведомственный сборник научных и научно-методических работ, вып. 1. Киев, 1964.

7 Ломоносов выполняет сложными движениями, начиная основной элемент этого письменного знака с полуовала, расположенного на строке, и переходя от него к движению, перпендикулярному линии строки. Затем наверху он делает левосторонний штрих и направляет движение вниз перпендикулярно строке, причем, приближаясь к ней, отводит линию несколько вправо и заканчивает ее на строке небольшим правосторонним полуовалом. Нижняя часть основной вертикальной линии цифры 7 при этом как бы раздваивается, и цифровой знак приобретает индивидуальный характер, который сохранится у Ломоносова на протяжении всей его жизни.

В цифре *7* имеется известная аналогия цифре *1*, так как нижняя часть письменного знака тоже как бы раздвоена. В цифре *3* нижний полуовал развит и опущен ниже строки.

В цифровых знаках, как мы увидим, наиболее ясно выступают индивидуальные черты почерка Ломоносова. Причем они, как мы показали, проявляются очень рано и сохраняют большую устойчивость.

Во время обучения в Славяно-греко-латинской академии Ломоносов изучал также греческий язык. Но так как по характеру графических форм русский алфавит близок греческому, освоение этого языка не могло оказать воздействия на формирование почерка Ломоносова.

В январе 1736 г. Ломоносов в числе одиннадцати лучших учеников Славяно-греко-латинской академии приехал в Петербург для занятий в Академии наук.[108] Вскоре он приобрел только что вышедшую из печати книгу В. К. Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов». Эта книга сохранилась, и мы имеем возможность ознакомиться с примечаниями и заметками Ломоносова, которыми он сопровождал чтение трактата Тредиаковского.[109] Для нас в данном случае эти приписки важны как образцы почерка Ломоносова 1736 г.

На задней обложке книги Тредиаковского Ломоносов сделал запись: «№. Новымъ словамъ не надобно старыхъ окончаниевъ давать, которыя неупотребительны. НП. Пробуждена in accusativ вместо: пробужденово лутче сказать возбужденна».[110] Почерк имеет правосторонний наклон и большой разгон. Скорописные буквы в большинстве имеют связное написание, исключение составляют только некоторые буквы, сохранившие полууставный характер (*в* четырехугольное, *н*, отчасти *п*); *д* строчное имеет значительно развитую подстрочную часть в виде «хвоста», параллельного строке, с большим нажимом. Буква *с*, как и во всех предшествующих записях, выходит из-за строки, приобретая характер заглавной буквы. Буква *ж* принимает еще более индивидуальный характер: трехчастное построение ее сведено к двухчастному — она стала похожа на букву *л*, перечеркнутую в нижней части перпендикулярной петлеобразной линией. Характер перечеркивания имеет варианты за счет развития правосторонней или левосторонней перечеркивающей линии.

На 24-й странице книги сохранились приписки Ломоносова на боковом и нижнем полях. Так как боковое поле узкое, Ломоносову пришлось «пристраивать» свой почерк в соответствии с учетом пространства. Поэтому почерк приобрел ряд особенностей, ставших характерными для приписок на полях, которыми Ломоносов сопровождал чтение книг [111] и рукописей.

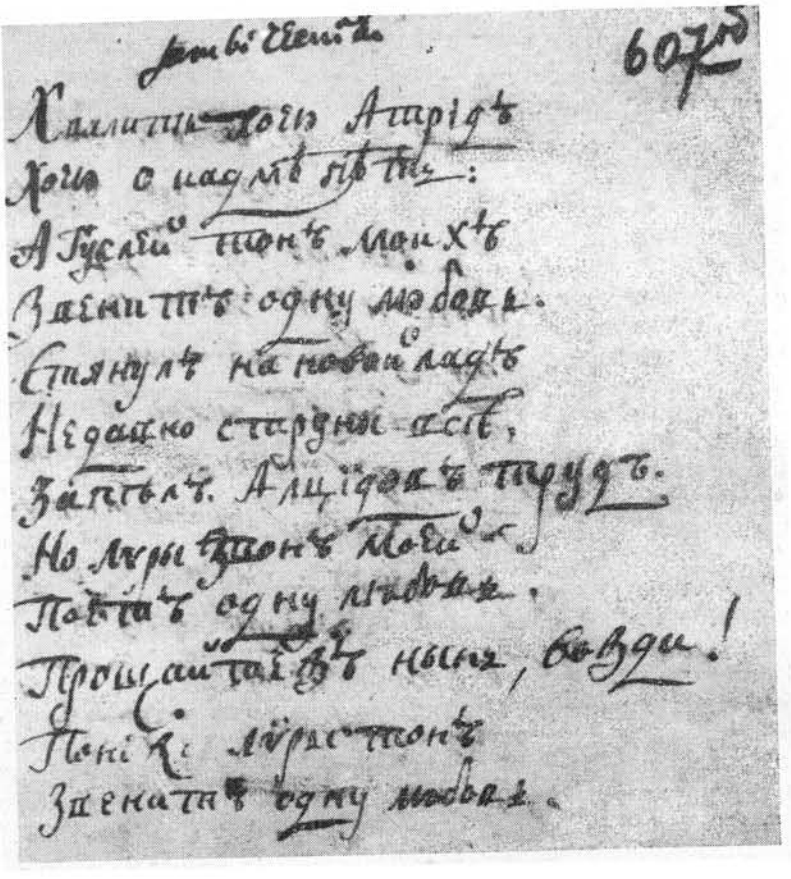
---

[108] Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова, стр. 30—31.

[109] Содержание приписок и помет Ломоносова на книге В. К. Тредиаковского впервые исследовано П. Н. Берковым в его монографии «Ломоносов и литературная полемика его времени» (М.—Л., 1936).

[110] Архив Академии наук СССР, ф. 20, оп. 2, № 3, л. 50. (Далее — ААН).

[111] Г. М. Коровин. Библиотека Ломоносова, стр. 274—275, 258—259 и др.



Автограф стихотворения Ломоносова 1738 г.
ЦГАДА, ф. Гос. Архив, р. XVII, № 6, ч. IV, л. 607 об.

Почерк приписок имеет значительно меньший правосторонний наклон: нередко он становится прямым, перпендикулярным строке. В связи с тем что почерк приписок не имеет разгона, связность его минимальная. Ломоносов как бы возвращается к скорости более ранних лет. Неслучайно поэтому в приписках присутствует бóльшее количество написаний, близких к полууставу, чем в обычной записи Ломоносова. На 24-й странице «Нового и краткого способа к сложению российских стихов» к словам Тредиаковского «Пусть отнынѣ перестанутъ противно думающие думать противно: ибо, поистиннѣ, всю я силу взялъ сего нового Стихотворения изъ самыхъ внутренностей свойства нашему Стиху приличного» Ломоносов приписал на полях: «Это правда из тово что сквозь внутренности проходитъ». На нижнем поле под значком + к тексту Тредиаковского «...и буде желается знать, но мнѣ надлежитъ объявить, то Поэзия нашего простаго Народа къ сему меня довела» Ломоносовым приписано:

«Напримѣръ: по загумѣнью игумѣнья идіотъ
За собою мать черна быка ведіотъ».

В исследуемых приписках Ломоносова часть скорописных букв носит черты полууставных: *к*, *в*, *т*, *н*, *ѣ*. Те буквы, которые сохранили характерные особенности скорописных начертаний (*а*, *р*, *у*, *я*), выполнены более упрощенно, чем в обычном письме.

16 об

ва дряхлаго, чорнаго, и девяносто лѣтъ имѣющаго Арапа. Сіе ясно будетъ, совершенно къ Стіхамъ нашимъ примѣнившемуся. Слѣдовательно, сочетаніе Стіховъ, каково Французы имѣютъ, и всякое иное подобное, въ наше Стіхосложеніе введено быть не можетъ, и не долженствуетъ.

Herculem ex unguem. Arcadia stabulo.

Нѣкоторые, но нѣсколько, или лучше, весьма не основательно, толькожъ съ хитрою насмѣшкою, предлагали мнѣ, что, буде, поднявъ брови и улыбаяся говорили, сочетаніе Стіховъ не будетъ введено въ новое твое Стіхосложеніе; то новое твое Стіхосложеніе не со всѣмъ будетъ походить на Французское. Сіи господа знать конечно думали, что я сіе новое Стіхосложеніе взялъ съ Французскаго; но въ томъ они толь далеко опіспоятъ отъ истинны, коль Французское Стіхотвореніе отстоитъ отъ сего моего новаго. Я, что сіе праведно говорю, въ томъ ссылаюсь на всѣхъ тѣхъ, которые Французское Стіхотвореніе знаютъ: оные могутъ всѣмъ засвидѣтельствовать, что Французское Стіхосложеніе ни чѣмъ, кромѣ Пресѣченія и Рѳмы, на сіе мое новое не походитъ.

Пустъ отнынѣ перестанутъ пропивно думающіе думать пропивно: ибо, поистинѣ, всю я силу взялъ сего новаго Стіхотворенія изъ самыхъ внутренностей свойства нашему Стіху приличнаго; и буде желается знать, но мнѣ надлежитъ объявить, что Поэзія нашего простаго Народа къ сему меня довела.+ Даромъ, что слогъ ея весьма не красный, отъ неискусства слагающихъ; но слапчайшее, пріятнѣйшее, и правильнѣйшее разнообразныхъ ея стопъ, нежели иногда греческихъ и латінскихъ, паденіе, подало мнѣ не погрѣшительное

Что прада и давно что сказ. и нутрѣнно-Стіхопрохожд. въ

+ Напримѣръ: похвальныя изустныя подъ а руко-за ушеса мати терна бѣша въ Еуіопу

«Новый и краткий способ к сложению российских стихов» В. К. Тредиаковского. На полях приписки Ломоносова. Архив АН СССР, ф. 20, оп. 2, № 3, л. 16 об.

Подобные особенности почерка Ломоносова можно видеть и в заметках на иностранных языках (преимущественно латинском), сделанных им на полях «Нового и краткого способа к сложению российских стихов».

На этой же странице в промежутке между абзацами помещена запись на латинском языке: «Herculeum argumentum ex Arcadiae stabulo» («Геркулесово доказательство из конюшни в Аркадии»). Запись выполнена хорошо выработанным почерком: буквы ровные, из-за строки выступают только необходимые части букв (*l, t, d, b*). Но в том случае, когда приписки на латинском или другом иностранном языке помещены на полях, почерк Ломоносова также претерпевает изменения в сторону упрощенного построения букв. Примером могут служить приписки на стр. 53 («Affectatum et trigidum»), на стр. 65 («Paraphrasis frigida»), стр. 47 («Willkommen»).

Сохранившийся экземпляр книги, купленной Ломоносовым в 1736 г., дает возможность впервые увидеть его подпись латинскими буквами — Lomonosoff. Владельческая надпись сделана на листе 49 об., а внизу помечена дата покупки: «1736. jan. 29. Petropoli».

Цифровое письмо Ломоносова претерпело очень незначительные изменения: цифра *1* у основания раздвоена и напоминает букву *л* с узкой и острой верхней частью. Цифра *7* написана с сильным нажимом в нижней части. Цифра *2* имеет небольшое раздвоение в окончании нижней части. Но самое оригинальное построение имеют у Ломоносова цифры *6* и *9*. Относительно строки точка начала движения у цифры *6* расположена не в верхней части письменного знака (как это рекомендовано прописями), а в средней, от которой начинается правоокружное движение, очерчивающее овал, переходящий в хвостовую часть. Надстрочная часть цифрового знака *6* выходит за пределы строки, как бы нарушая соотношение элементов построения находящихся рядом письменных знаков. Построение цифры *9* как бы зеркально отражает все особенности направления движений при выполнении цифры *6*. Сильно развитая хвостовая часть письменного знака находится в подстрочной части.

Индивидуальные особенности при построении цифр *1, 2, 6, 9*, характерные черты которых начали проявляться в почерке Ломоносова 1730 г., более ясно сказываются в 1736 г. Цифровое письмо Ломоносова в совокупности с анализом почерка дает возможность атрибуции неизвестных записей.[112]

В сентябре 1736 г. Ломоносов уехал в Германию для обучения металлургии и горному делу. От этого периода сохранилось очень мало рукописей. Е. Я. Данько обнаружила конспект трудов Буало и Готшеда 1738 г.[113]

При сопоставлении записей Ломоносова 1734 г. — лекций по риторике на латинском языке и конспекта трудов Буало и Готшеда 1738 г. на французском языке — можно прийти к заключению, что почерк Ломоносова изменился незначительно. Он стал еще более выработанным, усилилась связность, несколько увеличился темп письма, но в целом направление движений, основанное на устойчивой системе условнорефлекторных связей, осталось неизменным, свидетельствуя об устоявшихся особенностях почерка.

В 1741 г. Ломоносов вернулся на родину уже зрелым ученым, с сформировавшимися взглядами, с продуманной позицией, которую с первых дней он занял в науке. С этого года начинается его интенсивная дея-

---

[112] О взаимосвязи признаков цифрового и буквенного письма см.: Л. Е. Ароцкер. К вопросу об идентификации личности по цифровому письму. — В кн.: Теория и практика криминалистической экспертизы, сб. 1. М., 1955, стр. 74—100.

[113] Е. Я. Данько. Из неизданных материалов о Ломоносове. — В кн.: XVIII век, т. II. М.—Л., 1940, стр. 248—265.

тельность в Петербургской Академии наук — деятельность, продолжавшаяся почти 25 лет до самой его кончины в 1765 г.

За эти годы Ломоносовым написаны сотни трудов в самых разнообразных областях знаний. Занятый многими обязанностями в Петербургской Академии наук, Ломоносов нередко диктует свои работы.[114] Труды Ломоносова, его официальные «доношения» и «репорты» копируют академические переписчики.

Несмотря на то что часть архива гениального русского ученого не дошла до нас, мы располагаем все же многочисленными рукописями Ломоносова,[115] характеризующими все виды его почерка начиная с «парадного», которым написаны письма его покровителям И. И. Шувалову, М. И. Воронцову и Р. И. Воронцову, и кончая черновыми заметками.

«Парадный» почерк Ломоносова 40—60-х гг. характеризуется высокой выработанностью, координацией, силой и темпом движения. Ломоносов сопровождает нажимом надстрочные части букв *ѣ*, *б*, *п* и *т* и подстрочные части *д*, которое имеет далеко вправо отодвинутый «хвост», почти параллельный строке. В «парадном» почерке появляются элементы красивости: выписываются заглавные буквы из обращений к сиятельным лицам, в их строении усиливается сложность движений. Буквы *м* (прописная), *д* (двуногая), *р* (строчная) получают украшающие элементы в виде дополнительных штрихов в округлых частях их строения.

При большой связности и последовательности движений характерные черты почерка остаются прежними. Ломоносов чередует курсивные формы латинского алфавита с элементами скорописных и иногда даже полууставных написаний русского алфавита конца XVII—начала XVIII в. Это относится в первую очередь к букве *в*, которую Ломоносов нередко пишет в виде квадрата, двуногой *д* и треногой *т*.

При сопоставлении «парадного» почерка Ломоносова с почерком черновых записей можно отметить упрощение построения букв *к*, *м*, *л*, *р*, *с*, *ж* и бóльшее количество скорописных написаний. Размер букв более мелкий. В качестве образца подобного письма можно остановиться на наброске плана «Российской истории», сохранившегося в черновых материалах к «Российской грамматике».[116]

Большую ценность для изучения №, типичных помет и характерных для Ломоносова знаков, которые он помещал на полях, имеет так называемая тетрадь 112 — комплекс подготовительных и черновых материалов к «Российской грамматике»,[117] переписанных рукою копииста И. Баркова с поправками и пометами Ломоносова.

Почерк Ломоносова выделяется среди почерков его современников большой индивидуальностью, характерной чертой его остается чередование высоковыработанного письма со старорусскими написаниями.

Выработанные почерки с высокой координацией движений можно видеть у многих деятелей Петербургской Академии наук 40—60-х гг. XVIII в. П. Н. Берков уже отмечал почерки И. И. Тауберта и переводчика В. И. Лебедева, напоминающие по своему характеру скоропись

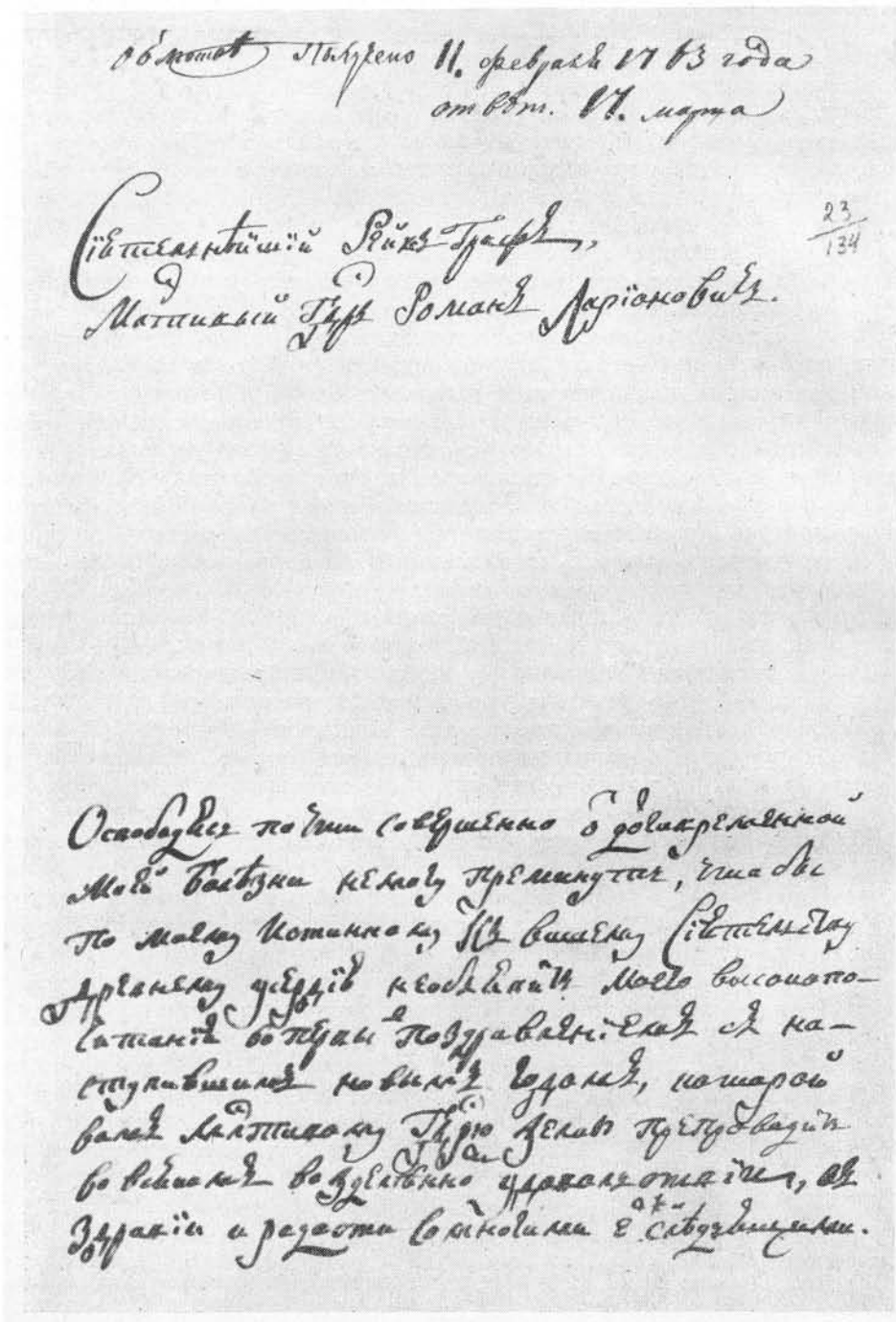
---

[114] «Диктовал студентам первые основания физической химии» (Отчет о работах за январскую треть 1752 г. — Ломоносов, ПСС, т. X, стр. 384). «Диктовал студентам сочиненное мною начало третьей книги „Красноречия“ о стихотворстве вообще». «Диктовал студентам и толковал сочиненные мною к физической химии пролегомены на латинском языке» (Отчет о работах за 1751—1756 гг. — Там же, стр. 389).

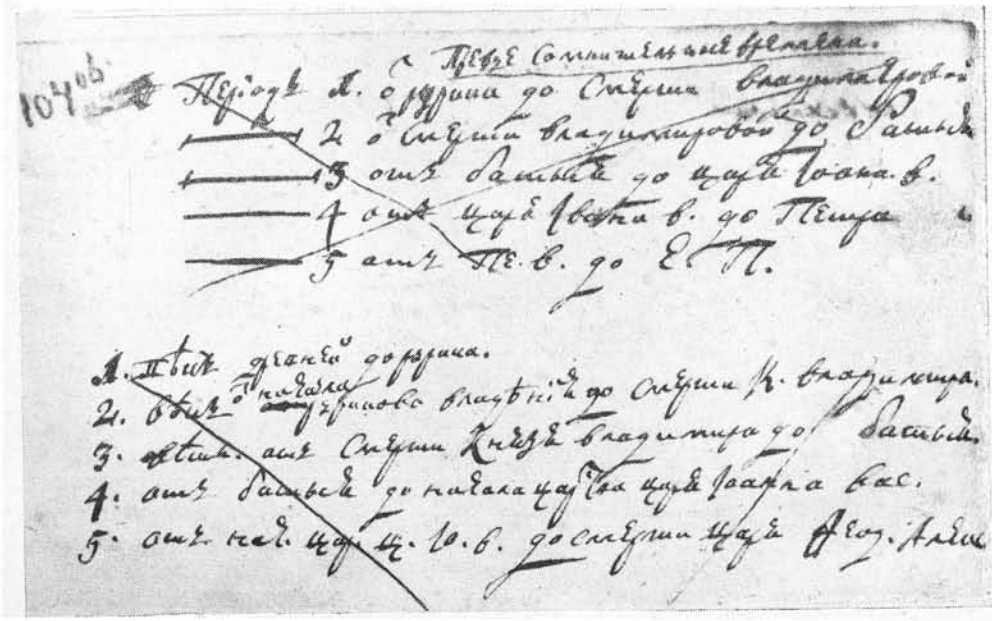
[115] Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. Научное описание. Составил Л. Б. Модзалевский. С предисловием Б. Н. Меншуткина. Под ред. Г. А. Князева. М.—Л., 1937.

[116] ААН, ф. 20, оп. 1, № 5, л. 104 об.

[117] Там же. — Все материалы изучены В. Н. Макеевой: История создания «Российской грамматики» М. В. Ломоносова. М.—Л., 1961.



Образец «парадного» почерка Ломоносова — письмо Р. Л. Воронцову 5 февраля 1763 г. Архив АН СССР, ф. 20, оп. 3, № 134, л. 23.



Образец черновых записей Ломоносова — наброски плана «Российской истории». Архив АН СССР, ф. 20, оп. 1, № 3, л. 104 об.

XIX в.[118] К ним можно с полным основанием присоединить почерки С. Я. Румовского и Г. Н. Теплова. Они сильно отличаются от почерка Ломоносова.

Среди людей, окружавших Ломоносова, по характеру почерка наиболее близок к нему Иван Барков, который постоянно переписывал рукописи Ломоносова. Исследователями уже отмечено графическое воздействие копируемого почерка, когда «невольное подражание у пишущих играет большую роль в формировании почерка».[119] Непременным условием при этом является продолжительность воздействия, что позволяет установлению стабильных нервных связей, которые образуют стойкий динамический стереотип.[120] Иван Барков переписывал рукописи Ломоносова в течение 17 лет: с 1748 г., когда Ломоносов взял его из Александро-Невской семинарии в Университет,[121] и до 1765 г. — года смерти Ломоносова. В 1751 г. И. Барков был исключен из Университета и по ходатайству Ломоносова определен в Академию наук для выполнения должности академического копииста.

И. Барков имел два типа почерка: один с рисованными буквами, где сохранялся характер печатного шрифта. Таким почерком переписаны многие работы Ломоносова[122] и собственные «доношения» И. Баркова.[123] Второй (скорописный) почерк И. Баркова стал известен благодаря архив-

---

[118] П. Н. Берков. О переходе скорописи XVIII в. в современное русское письмо. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. М.—Л., 1964, стр. 45.

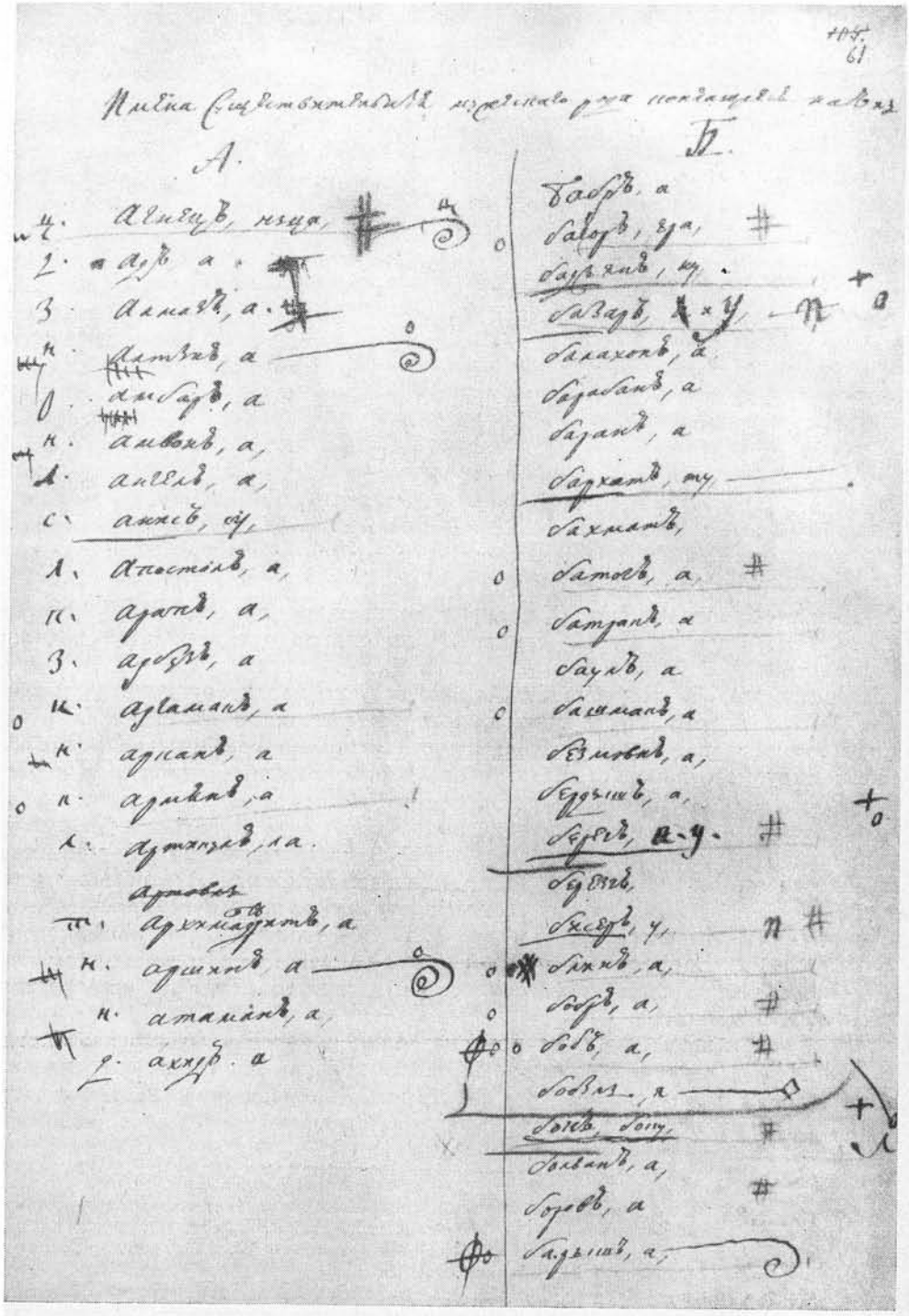
[119] А. И. Манцветова, Э. Б. Мельникова, В. Ф. Орлова. Теория и практика криминалистической экспертизы, стр. 10.

[120] А. Р. Лурия. Очерки психофизиологии письма. М., 1950, стр. 5—27.

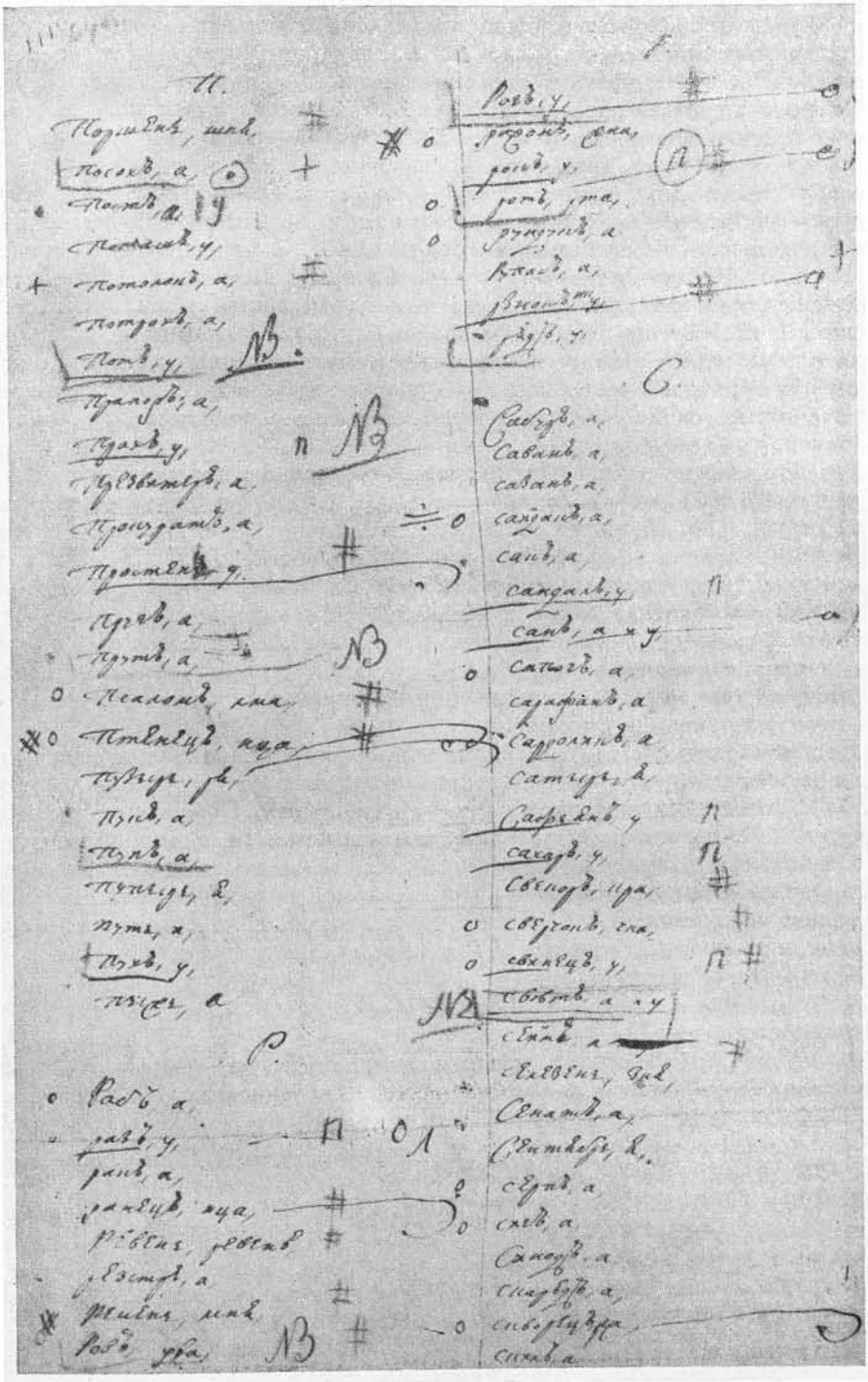
[121] Е. С. Кулябко. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.—Л., 1962, стр. 63—65, 131—133.

[122] Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР, №№ 166, 169, 170, 180, 181, 343, 405, 418, 427, 429, 492, 943.

[123] ААН, ф. 3, оп. 1, № 187, л. 42—42 об.; № 210, л. 281—281 об.; № 222, л. 43 и др.



Образец помет, № и обозначений Ломоносова на черновых материалах к «Рос



сийской грамматике». Архив АН СССР, ф. 20, оп. 1, № 5, лл. 61 и 64 об.

ным разысканиям Е. С. Кулябко и Н. В. Соколовой, обнаруживших автограф письма И. Баркова к Г. Ф. Миллеру 1761 г. и расписку И. Баркова 1766 г. в Исповедальной книге церкви апостола Андрея. На основании этих материалов ими была определена неизвестная ранее рукопись «Краткой российской истории» И. Баркова.[124] Именно этот «собственный» почерк И. Баркова и отразил воздействие почерка Ломоносова.

В почерке И. Баркова с почерком Ломоносова совпадали не только общие признаки и строение в целом, но также ряд очень важных индивидуальных частных признаков. Так, буквы *р, я, д, у, б* выполнялись дугообразными движениями, а *м, л, и, к, в, щ* — угловатыми движениями. Одинаковы надстрочные элементы в буквах *д, б* и подстрочные элементы *р, у*. Тип соединений букв *ихъ, въ, ръ* также очень близок.

Именно это удивительное сходство почерков Ломоносова и Баркова и дало мне основание полагать, что вся карандашная правка петровской копии Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи сделана рукою Ломоносова.[125] В настоящее время удалось отличить приписки Ломоносова от приписок Баркова. Это не изменило общих выводов о работе Ломоносова над Кенигсбергской (Радзивиловской) летописью, но внесло ряд частных поправок.

Поразительная близость почерков Ломоносова и Баркова ввела в заблуждение и Е. С. Кулябко. В Архиве АН СССР ею была найдена рукопись труда И. А. Шлаттера «Обстоятельное наставление рудному делу. . .».[126] Рукопись тщательно отредактирована и с учетом этих редакторских изменений опубликована Петербургской Академией наук в 1760 г. Е. С. Кулябко считала, что вся редакторская правка внесена рукою Ломоносова. Об этом она сделала доклад в Музее Ломоносова в 1962 г.[127] Но теперь с обнаружением Е. С. Кулябко «собственного» почерка И. Баркова совершенно очевидно, что вся правка рукописи И. А. Шлаттера внесена рукою И. Баркова.

Это приводит нас к выводу, что из-за безграничной занятости Ломоносов прибегал к устному редактированию, которое технически оформлялось переписчиками, в данном случае И. Барковым. Совершенно очевидно, что только Ломоносов был полностью компетентен в металлургии (он сам работал в это время над трудом «Первые основания металлургии, или рудных дел», изданным в 1763 г.) и мог поэтому внести изменения не только в стилистический облик сочинения И. А. Шлаттера, но существенно исправить и дополнить эту интересную и полезную книгу.

* * *

Изучение формирования почерка Ломоносова на основании автографов дало возможность понять характер особенностей его почерка и

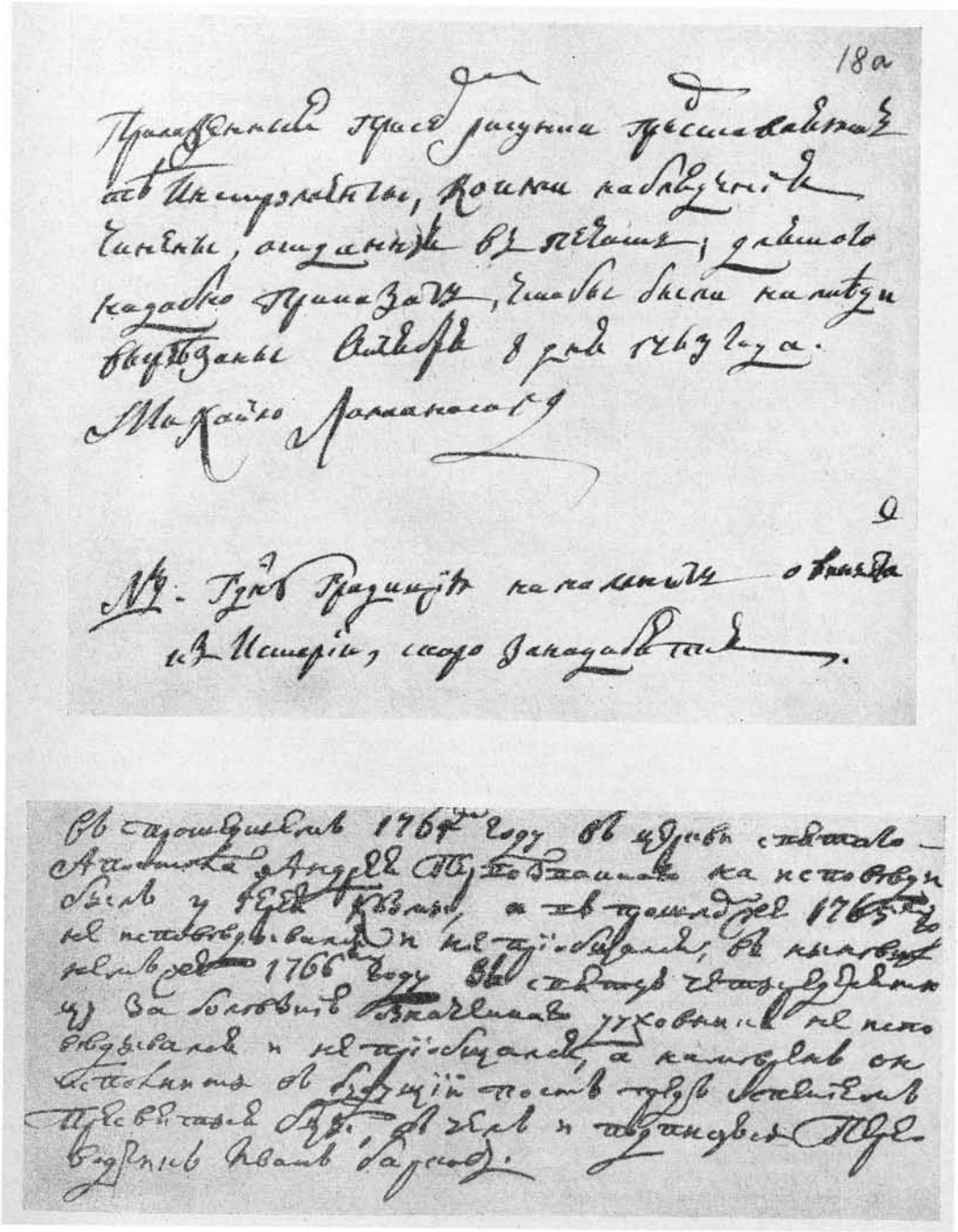
---

[124] Е. С. Кулябко, Н. В. Соколова. И. С. Барков — ученик Ломоносова. — В кн.: Ломоносов. Сборник статей и материалов, т. VI. М.—Л., 1965, стр. 200—205.

[125] Г. Н. Моисеева. Ломоносов в работе над древними рукописями (по материалам ленинградских рукописных собраний). — Русская литература, 1962, № 1, стр. 189—191.

[126] ААН, р. II, оп. 1, № 146.

[127] О докладе Е. С. Кулябко опубликована краткая информация: «Интересные автографы М. В. Ломоносова найдены Е. С. Кулябко в Архиве Академии наук СССР. Внимание исследователя привлекла переплетенная рукопись объемом 300 страниц. Оказалось, что по этой рукописи в академической типографии производился набор книги президента Берг-коллегии И. А. Шлаттера „Обстоятельные наставления рудному делу", изданной в 1760 г. в Петербурге. Впервые установлено, что редактором этой книги был М. В. Ломоносов. Вся рукопись труда Шлаттера буквально испещрена исправлениями и дополнениями М. В. Ломоносова. Они часто меняют смысл минералогических определений, сделанных автором. Ряд страниц книги целиком написал М. В. Ломоносов» (Вопросы истории, 1962, № 10, стр. 166).



Вверху — образец скорописного почерка Ломоносова 1763 г. Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 260, л. 18а. *Внизу* — образец скорописного почерка И. Баркова 1766 г. Впервые приведен в статье: Е. С. Кулябко и Н. В. Соколова. И. С. Барков — ученик Ломоносова. В кн.: Ломоносов, т. VI, М.—Л., 1965, стр. 211.

уяснить их происхождение. Выявление ряда закономерностей позволило установить время написания недатированных рукописей Ломоносова, а также определить принадлежность его перу неизвестных материалов.

После такого изучения были просмотрены de visu все рукописи тех собраний, которые реально находились в библиотеках первой половины XVIII в., когда в них занимался Ломоносов. Это позволило выявить неизвестные приписки и пометы Ломоносова на древнерусских рукописях. Чтобы исключить возможность ошибок в атрибуции приписок и помет, сохранившихся на древнерусских летописях, было предпринято изучение работ (в соотнесении с их источниками) предшественников и современников Ломоносова: Г. Ф. Миллера, И. С. Баркова, А. И. Богданова, А. Шлецера, Г. Байера и И. Паузе. Результаты исследования частично нашли отражение в отдельных статьях. Несомненно, что обнаруженные приписки и пометы Ломоносова на древнерусских рукописях представляют большой интерес для изучения.

В настоящей работе, помимо введения в научный оборот новых материалов, автор стремился показать на примере их исследования научное значение этих маргиналий, представляющих важнейший источник не только для правильной оценки творчества Ломоносова — поэта, историка и археографа, но также для понимания значения национальных традиций в процессе становления русской культуры XVIII в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

специалиста по пометам на старинных рукописях, представленных старшим научным сотрудником Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, кандидатом филологических наук Г. Н. Моисеевой

Исследование помет на двадцати восьми старинных рукописях производилось по фотоснимкам. Эти фотоснимки различного формата (до размера 18×24 см) были представлены эксперту в августе месяце 1963 г. Фотоснимки черно-белые, качество их — удовлетворительное. Пометы произведены в основном на полях рукописей чернилами и карандашами.

Для производства сравнительного исследования представлены фотокопии с рукописей, исполненных М. В. Ломоносовым в различные периоды его жизни на русском и латинском языках.

Целью экспертизы является установление, не выполнены ли исследуемые пометы, отобразившиеся на представленных фотокопиях рукописей, Михаилом Васильевичем Ломоносовым.

Описание подвергшихся исследованию фотокопий документов:

1. Документ, представляющий собой запись расходов, состоящую из буквенного и цифрового текстов.
2. Пометы на латинском языке, сделанные на полях курса философии «По Аристотелю».
3. Пометы на латинском и русском языках, сделанные на курсе по теории поэтики Альвара.
4. Пометы на поле стр. 61 «Всемирной истории», против гл. XI, сделанные на латинском языке.
5. Пометы на полях и в нижней части листа Киево-Печерского Патерика.

Все эти пометы и записи, вероятнее всего, произведены осенью 1734 г.

6. Пометы в нижних частях двух листов Большого летописца.
7. Пометы на полях трех листов Псковской и Новгородской летописи.
8. Пометы на полях двух листов Родословной книги.
9. Пометы на полях трех листов Патриаршего списка Никоновской летописи.
10. Пометы в тексте стр. 29 «Журнала Петра I».
11. Выписки из сочинения Никоновская летопись.
12. Текст варианта Радзивиловской рукописи и пометы на полях.
13. Приписка на поле рукописного списка сочинения XVI в. — Казанская история.
14. Пометы на поле листа из Нового летописца.
15. Скрепа на лл. 1—10 на Новгородской летописи из собрания Воронцовых.

16. Приписка на поле рукописи Стоглава против текста о повелении Ивана Грозного монахам отдать земли государству и их отказе.

Пометы и записи начиная с № 6 и по № 16, вероятно, сделаны в 1740—1760 гг.

Для производства сравнительного исследования представлены фотокопии с буквенных и цифровых текстов, исполненных М. В. Ломоносовым. В распоряжении эксперта имелось три образца почерка, исполненных до 1731 г.; одиннадцать образцов, исполненных в 1734—1736 гг., на русском и латинском языках; два образца 1741—1742 гг.; один образец 1750 г.; девять образцов 1741—1747 гг.; семь образцов документов, написанных в 1740—1760 гг., и семь образцов — черновых записей за этот период; три образца приписок и помет на книгах; четыре образца черновых материалов; три образца редакторских помет. Каждая из указанных выше записей и помет подверглась сравнительному исследованию с образцами почерка М. В. Ломоносова.

При сравнительном исследовании записей и помет, исполненных на латинском языке, использовались образцы, которые также исполнены на латинском языке. В процессе сравнительного исследования для различных записей и помет подбирались образцы, близкие по времени исполнения и имеющие одинаковые с исследуемыми объектами слова и сочетания слов.

В результате сравнительного исследования установлено, что все перечисленные записи и пометы имеют совпадения с соответствующими образцами почерка М. В. Ломоносова в строении почерка в целом, его выработанности, темпе, размере строчных и заглавных букв, наклоне, разгоне, связности, а также в следующих частных признаках:

1. форма движения при выполнении основных штрихов букв: *е, р, я, д, у, б* — дугообразная, *м, и, л, в* (один вариант), ж, щ — угловатая; цифр: *1* (основного штриха и первого элемента — прямолинейная, дополнительного штриха — прямолинейная, переходящая в дуговую), *2* (начального штриха — дугообразная, переходящая в угловатую), *3* (сочетание угловатых штрихов с дугообразными), *4* (прямолинейная), *5* (сочетание угловатых штрихов с дугообразными), *6* (дугообразная), *7* (прямолинейная и угловатая), *8* (первого элемента — угловатая, второго — дугообразная), *9* (угловатая и дугообразная); букв в пометах на латинском языке: D, E, H, L, h, r, q;

2. форма движения при выполнении начальных штрихов букв: *м* (прямолинейная — один вариант), *л* (прямолинейная — один вариант), *р, я, у* (дугообразные — по одному варианту); цифр: *1, 4, 7, 8* (прямолинейная); букв в пометах на латинском языке: D (петлеобразная);

3. форма движения при выполнении соединительных элементов в буквах: *м, и* (прямолинейная — по одному варианту); в буквах помет на латинском языке: H (прямолинейная — один вариант);

4. форма движения при выполнении надстрочных элементов в буквах *я, е, д, б* (дуговая — один вариант); цифрах: *2, 3, 5*; буквах помет на латинском языке: D (петлеобразная), E, S, L, h, d (дуговая), r (извилистая);

5. форма движения при выполнении подстрочных элементов букв: *ж, р* (дуговая), *л* (петлеобразная), *у* (петлеобразная — один вариант, дуговая — второй вариант); в буквах помет на латинском языке: f, q (дуговая);

6. форма движения при соединении элементов букв и букв между собой: *м, и, л, п, е, в, щ* (угловатая); *их* (угловатая), *въ, ръ* (дуговая); цифрах: *2, 4, 5, 7, 8* (угловатая); в пометах на латинском языке: L (петлеобразная), P (угловатая), NB (угловатая);

7. направление движений при выполнении букв: *р* (снизу вверх, правонаклонно), *я* (сверху вниз, правонаклонно), *д* (снизу вверх); в пометах на латинском языке: L (криволинейно, левоокружными движениями), r (правоокружными движениями), d (левоокружным движением);

8. относительные размеры движений при выполнении букв и частей в буквах: *е, р, д* (два варианта) *ж, у, б, щ*; цифрах: *3, 4, 5, 6, 8, 9*; в пометах на латинском языке: t, f;

9. относительное размещение точек начала движения при выполнении букв: *е* (высокое, в правой стороне овала), *р* (низкое, в начале овала основного штриха), *ъ* (два варианта), *я* (три варианта), *с, д* (два варианта), *ж, у* (три варианта), *б, ф*; цифр: *1, 2, 6, 8*; в пометах на латинском языке: D, H, E, S, h, r, q, NB;

10. относительное размещение точки окончания движения при выполнении букв: *а, б, в* (два варианта), *д* (два варианта), *е, ж, к, л* (два варианта), *п, р* (два варианта), *с, т, у, ц, ч, щ, я* (три варианта); цифр: *1, 2, 3* (два варианта), *4, 5* (два варианта), *6, 8, 9*; в пометах на латинском языке: S, B, E, t, r, d (два варианта), L;

11. размещение точки пересечения движений при соединении букв: *ов, въ*;

12. размещение точки пересечения движений при выполнении подстрочной петли в букве *д* (один вариант);

13. относительное размещение движений при выполнении петлеобразного элемента в буквах: *д, у* (один вариант), *ъ*; в пометах на латинском языке: D, L;

14. особенности выполнения индивидуальных знаков, присущих почерку М. В. Ломоносова.

Перечисленные совпадающие признаки устойчивы и образуют индивидуальную совокупность, достаточную для вывода о том, что исследуемые пометы на русском и латинском языках исполнены М. В. Ломоносовым.

Выводы

Пометы на русском и латинском языках в рукописях, перечисленных в начале заключения, исполнены Михаилом Васильевичем Ломоносовым.

Специалист-криминалист
кандидат юридических наук
18 ноября 1963 г. *М. Г. Любарский*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

специалиста-криминалиста по трем записям, представленным старшим научным сотрудником Института русской литературы (Пушкинской дом) Академии наук СССР Г. Н. Моисеевой

Исследование трех записей производилось по фотоснимкам. Эти фотоснимки представлены эксперту в июне 1966 г. Фотоснимки черно-белые, качество их вполне удовлетворительное. Одна из записей произведена на отдельном листке, две — на листах Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи. Запись на отдельном листке исполнена чернилами, пометы на листах летописи — карандашом.

Для производства сравнительного исследования представлены фотокопии с рукописей, исполненных М. В. Ломоносовым и И. С. Барковым в разные периоды жизни.

Целью исследования является установление, кем выполнены три представленных текста — М. В. Ломоносовым или И. С. Барковым.

Описание подвергшихся исследованию фотокопий документов:

1. Вставка-реконструкция к тексту Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи, состоит из страницы буквенного текста, с отдельными цифрами.
2. Приписка карандашом внизу Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи, состоит из пяти строк буквенного текста, частично стертого или нечетко отобразившегося.
3. Приписка карандашом внизу — примечание к тексту Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи, состоит из шести строк буквенного и цифрового текста.

Эксперту для сравнительного исследования представлены следующие фотокопии образцов почерков:

1. М. В. Ломоносова — в основном образцы начала 50-х гг. XVIII в.
   а) Три листка черновых записей Ломоносова в «Материалах» к «Российской грамматике».
   б) Письмо Ломоносова к М. И. Воронцову от 27 января 1754 г.
   в) Отредактированная Ломоносовым работа по описанию минеральных камней.
   г) Рапорт Ломоносова в Канцелярию Академии наук от 26 мая 1753 г.
   д) Материалы к «Российской грамматике» Ломоносова.
2. И. С. Баркова — в виде записи, касающейся отправления религиозных обрядов, а также официального письма к историку Г. Ф. Миллеру от 2 мая 1761 г.

Биографические данные о Ломоносове и Баркове, имеющие значение для производства данного исследования: М. В. Ломоносов в 1748 г. взял из Александро-Невской семинарии шестнадцатилетнего Ивана Баркова для обучения его в гимназии при Академии наук. С 1748 г. И. Барков начинает заниматься перепиской рукописей в Академии наук. Более всего Барков переписывал рукописи Ломоносова. В течение семнадцати лет до самой смерти Ломоносова (в 1765 г.) Барков писал либо под его диктовку, либо списывал с черновой рукописи.

Из теории и практики советской почерковедческой экспертизы известно, что существенное влияние на формирование почерка человека оказывают элементы подражания почерку другого лица (учителя, сотрудника, близкого человека и т. п.). В зависимости от длительности такого подражания почерки разных людей могут приобретать все больше и больше одинаковых общих и частных признаков, сближаться между собой. При производстве почерковедческих экспертиз эти особые случаи должны обязательно учитываться.

Условия семнадцатилетнего постоянного общения Ломоносова с Барковым, переписывание Барковым многих рукописей Ломоносова, безусловное преклонение перед

выдающимся ученым — первым русским академиком должны были неизбежно сказаться на формировании почерка юного Баркова и сближении признаков его почерка с признаками почерка Ломоносова. С учетом указанных обстоятельств и производилось сравнительное исследование описанных выше фотокопий рукописей с образцами почерков Ломоносова и Баркова.

В результате сравнительного исследования установлено, что три указанных выше текста имеют совпадения с образцами почерка и Ломоносова и Баркова в строении почерка в целом, его выработанности, темпе, размере букв, наклоне, разгоне, связности. Совпадение этих признаков свидетельствует, что почерки Ломоносова и Баркова близки между собой.

Наряду с совпадением указанных признаков, исследуемые тексты имеют совпадения с почерком Ломоносова и в ряде частных признаков, которые отмечались в заключении от 18 ноября 1963 г. (При производстве исследования в 1963 г. были рассмотрены только образцы переписки Барковым беловых текстов, представленных в Канцелярию Академии наук; скорописными образцами почерка Баркова эксперт тогда не располагал).

Вместе с тем эти тексты имеют и стабильные различия с почерком Ломоносова в некоторых частных признаках:

1. форма движения при выполнении основных штрихов букв: *д, я, ж, б, р, т, ы*;
2. форма движения при выполнении подстрочных элементов буквы *д*;
3. относительное размещение точек начала и окончания движения при выполнении буквы *в*.

С почерком Баркова исследуемые три текста имеют только совпадения в частных признаках почерка:

1. форма движения при выполнении основных штрихов букв: *л, р, і, з, ж, щ, ы, б, х, в* (три варианта), *у, т, п*;
2. форма движения при выполнении начальных штрихов буквы *ж* (дугообразная);
3. относительные размеры движения при выполнении букв и частей в буквах: *е, р, д, у, ж, б, в*;
4. относительное размещение точек начала движения при выполнении букв: *в, ы*;
5. относительное размещение точек окончания движения в буквах: *в, ы, е* (один вариант).

Отмеченные совпадающие признаки являются стабильными и в их совокупности дают основание для вывода, что вставка-реконструкция к тексту Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи, приписка карандашом внизу листа той же летописи, а также карандашное примечание к тексту летописи исполнены И. С. Барковым.

Эти три текста должны быть исключены из общего заключения, которое дано в отношении 16 документов 18 ноября 1963 г.

Специалист-криминалист
кандидат юридических наук
М. Г. Любарский

10 февраля 1967 г.

Глава II

ПУТИ ИЗУЧЕНИЯ ЛОМОНОСОВЫМ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О воздействии культуры русского Севера на формирование молодого Ломоносова впервые сказал Н. К. Пиксанов.[1] Охарактеризовав северный край России первых десятилетий XVIII в., Н. К. Пиксанов пришел к выводу о том, что «к деятельности представителя мировой культуры Ломоносов был подготовлен значительной, содержательной и богатой областной культурой».

За последние годы ранний период формирования Ломоносова обстоятельно исследован А. А. Морозовым.[2] В его книге собраны все известные материалы, подвергшиеся внимательному и детальному рассмотрению, привлечены новые документы, которые позволяют исследователю обрисовать широкую картину всего, что окружало будущего великого ученого, начиная с условий труда и быта крестьянина-помора, общественной жизни и своеобразной народной культуры, сложившейся на далеком севере русского государства.[3]

Свою задачу мы видим в том, чтобы показать, какими путями шло ознакомление Ломоносова с памятниками древнерусской литературы. В связи с неясностью ряда вопросов биографии Ломоносова мы вынуждены остановиться на некоторых моментах раннего периода его жизни, используя уже известные факты и привлекая новые материалы.

В Архангельском областном архиве хранится ряд рукописных материалов, которые вносят новые данные в изучение ранней биографии Ломоносова.

В рукописном Синодике Куростровской Дмитриевской церкви,[4] первоначальная часть которого создана не позднее 1760 г.,[5] содержатся сведения о лицах, связанных с Ломоносовым на родине.

В основе биографии Ломоносова, написанной М. И. Веревкиным, как уже указывалось Д. С. Бабкиным,[6] были записки Я. Штелина, но ряд известий был новым по сравнению с тем, что сообщал Штелин. Это касается в первую очередь трех примечаний к тому отрезку биографии, где рассказывается об обучении юного Ломоносова у себя на родине.

---

[1] Н. К. Пиксанов. 1) Областные культурные гнезда. М.—Л., 1928, стр. 20—28; 2) Ломоносов и севернорусская культура. — Наука и жизнь, 1945, № 11—12.

[2] А. Морозов. Юность Ломоносова. Архангельск, 1953.

[3] А. А. Морозов. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости (1711—1741). М.—Л., 1962.

[4] Архангельский Государственный областной архив, ф. 104. оп. 1, № 419. (Далее — АОГА).

[5] Г. Н. Моисеева. Исторические известия новонайденного Куростровского Синодика (печатается).

[6] Д. С. Бабкин. Биографии Ломоносова, составленные его современниками. — В кн.: Ломоносов. Сборник статей и материалов, т. II. М.—Л., 1946, стр. 56.

Куростровский Синодик дает ключ к разгадке некоторых сведений, сообщаемых М. И. Веревкиным о ранней юности Ломоносова. Из биографии Ломоносова, написанной Веревкиным для академического Собрания сочинений 1784 г., известно, что именно в доме Дудиных произошло знакомство юного Михайла со светскими книгами: «В доме Христофора Дудина увидел он в первый в жизни своей раз недуховные книги. То были старинная славенская грамматика и арифметика, напечатанная в Петербурге, в царствование Петра Великого для навигатских учеников. Неотступные и усильные просьбы, чтоб старик Дудин ссудил его ими на несколько дней, оставалися всегда тщетными. Отрок, пылающий ревностию к учению, долгое время умышленно угождая трем стариковым сыновьям, довел их до того, что выдали они ему сии книги. От сего самого времени не расставался он с ними никогда, носил везде с собою и, непрестанно читая, вытвердил наизусть. Сам он потом называл их вратами своей учености».[7]

Из Куростровского Синодика известно, что родоначальник семейства Дудиных принадлежал к духовному сословию. Так как в Куростров род Дудиных начинается с «иерея Паула», можно предположить, что он приехал на север в свите холмогорского архиепископа Афанасия. Известно, что холмогорский архиепископ Афанасий, один из сподвижников Петра I, был образованнейшим человеком своего времени.[8] Он составил замечательную библиотеку рукописей и старопечатных книг, которая сохранилась в бо́льшей своей части[9] и прекрасно характеризует кругозор холмогорского архиепископа. Если Афанасий обменивался книгами и рукописями с «иереем» Павлом Дудиным и с его сыном Христофором, следовательно, и у последнего имелась библиотека, которая могла интересовать образованного архиепископа. Известно также, что в доме Дудиных были книги и рукописи из архиепископской библиотеки.

О характере интересов Дудиных свидетельствует сборник исторического содержания, составленный в первой половине XVIII в.[10] Во второй половине XVIII в. он был подарен в Соловецкий монастырь Иосифом Дудиным (одним из трех сыновей Христофора Дудина). На обложке сборника имеется запись: «Дудина дача», а на л. 1 добавлено: «Иосифа Дудина».[11] В этом сборнике, хранившемся в семье Дудиных, переписано «Житие патриарха Никона» и «Сказание о зачатии и рождении государя Петра Великого» П. Н. Крекшина. Дудины, как видно, интересовались материалами, в которых описывалась деятельность Петра I. Такое внимание к жизни Петра I, характерное в целом, как это уже отметил А. А. Морозов, для русского Севера XVIII в., имеет и свою «биографическую» основу в семействе Дудиных. Родоначальник этой семьи — Павел Владимирович Дудин был священником Холмогорского собора в те годы, когда архиепископом холмогорским был один из сподвижников Петра I.

---

[7] М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. Составитель Г. Е. Павлова. М.—Л., 1962, стр. 50.

[8] В. М. Верюжский. Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды. СПб., 1908, стр. 597.

[9] Рукописи находятся в составе Архангельского собрания Библиотеки Академии наук СССР. См.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. II. М.—Л., 1958.

[10] ГПБ. Собр. Соловецкое, № 675/235. На вклейке к внутренней обложке помечена дата 1748 г. Эта дата согласуется с водяным знаком бумаги — буквами малыми *яфз*. Бумага с таким знаком выпускалась Ярославской фабрикой Затрапезновых с 1737 по 1747 г. См.: М. В. Кукушкина. Филиграни на бумаге русских фабрик XVIII—начала XIX в. — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. II, стр. 302, № 82.

[11] Эти приписки отмечены в кн.: Описание рукописей Соловецкого монастыря находящихся в библиотеке Казанской Духовной Академии, ч. 1. Казань, 1881, стр. 549.

деятельно осуществлявший все его начинания, — Афанасий Любимов.[12] Нет ничего удивительного, что в составе библиотеки Афанасия были сочинения, посвященные Петру I, а также и документальные материалы (указы, ведомости, реляции), характеризующие военную и политическую деятельность, освещающие важные моменты биографии выдающегося государя.

Сын иерея Павла — Христофор Дудин — был такой же книголюб, как и его отец. Он проживал в Куростров по соседству с Ломоносовым. После смерти Х. П. Дудина[13] его сыновья, по сообщению М. И. Веревкина, подарили Ломоносову две книги: «Арифметику» Л. Магницкого и «Грамматику славенскую» М. Смотрицкого. Уж если сыновья Христофора Дудина решились подарить юноше Ломоносову такие ценные книги, маловероятно, что они могли отказать ему в просьбе читать книги и рукописи из их библиотеки.

В дальнейшей своей жизни Ломоносов поддерживал тесные отношения с семьей Дудиных. В 1758 г. он помогал Петру Иосифовичу Дудину поступить в академическую гимназию, чтобы обучаться там «математике, рисовальному художеству и французскому языку».[14]

На л. 26 Куростровского Синодика находятся сведения о роде первого учителя Ломоносова — дьячка Семена Сабельникова. Из Синодика ясно, что Семен (Симеон) является родоначальником этой фамилии в Куростров. В 90-х гг. XVII в. он был в числе подьяков и лучших учеников певческой школы Афанасия Холмогорского. В переписи 1723—1724 гг. ему обозначено 52 года. Таким образом, Семен Сабельников родился в 1671—1672 гг. Ко времени составления Синодика Семен Сабельников был уже записан туда. Следовательно, он умер между 1730 и 1762 гг.

Семен Сабельников, как это известно из биографии Ломоносова, научил его «читать и писать по-русски», он же объяснял, что «для приобретения большого знания и учености требуется знать язык латинской; а сему не инде можно научиться, как в Москве, Киеве или Петербурге». Судя по тому, что в беседе с Ломоносовым, переданной М. Веревкиным на основании записки Я. Штелина,[15] куростровский дьячок Семен Сабельников в числе городов, где приобретаются большие «знания и ученость», упоминал и Петербург, можно думать, что разговор этот состоялся не ранее 1725 г., когда из манифеста Екатерины I стало известно об открытии в Петербурге Академии наук с гимназией при ней.

Сообщает, наконец, Куростровский Синодик и сведения о В. Варфоломееве, о котором до настоящего времени мы ничего не знали, кроме того, что в «Путешествии академика Ивана Лепехина», бывшего на родине Ломоносова в 1769—1722 гг., напечатана записка Василия Варфоломеева о ранних годах Ломоносова.[16]

А. И. Андреев полагал, что Василий Варфоломеев был крестьянином Куростровской волости.[17] Д. С. Бабкин считает Василия Варфоломеева «петербургским путешественником», бывшим проездом в деревне Дени-

---

[12] И. М. Сибирцев. К биографическим сведениям о М. В. Ломоносове. — В кн.: Ломоносовский сборник. Под ред. Н. А. Голубцова. Архангельск, 1911, стр. 137—139.

[13] АОГА, ф. 1025, оп. 5, № 191, л. 3 об.

[14] Ломоносов, ПСС, т. IX, стр. 528.

[15] В примечаниях к «Конспекту похвального слова Ломоносову» Я. Штелин написал, что Ломоносов колебался, «куда отправиться ему, в Москву или в Петербург». См.: М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников, стр. 26, прим. «б».

[16] Путешествие академика Ивана Лепехина, ч. IV. СПб., 1805, стр. 298.

[17] А. И. Андреев. О дате рождения Ломоносова. — В кн.: Ломоносов. Сборник статей и материалов, т. III. М.—Л., 1951, стр. 364—365.

совке в 1788 г., которому местные жители Степан Кочнев и Гурьев передали записку о Ломоносове.[18]

На л. 26 Куростровского Синодика ниже сообщения о дьячке Семене Сабельникове содержатся сведения о роде «дьячка Василия Варфоломеева». Род начинается с «иерея Иоанна», далее упоминаются «иеромонах Васиан, иеромонах Андрей, иерей Петр». Предки дьячка Василия Варфоломеева были духовного звания и служили при холмогорской епархии.[19] Ко времени составления основной части Синодика дьячок Василий Варфоломеев уже умер, и, таким образом, ясно, что записка его о Ломоносове составлена им до 1762 г. Но материалы этой записки стали известными не позднее 1772 г. Самым вероятным представляется, что сведения, почерпнутые из записки В. Варфоломеева, привез в Петербург И. И. Лепехин, побывавший на родине Ломоносова в конце своего путешествия по Северу.

Первое отражение новых данных о раннем периоде жизни Ломоносова можно отметить в его биографии, помещенной в «Опыте исторического словаря о российских писателях». Как писал составлявший этот «Словарь» Н. И. Новиков, он собрал материал из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий».[20]

Из сопоставления сведений, какие могли быть получены от Я. Штелина, со сведениями, помещенными в «Опыте исторического словаря о российских писателях», видно, что Н. И. Новиков располагал дополнительными данными, уточняющими известия о ранних годах Ломоносова, проведенных на Севере. Причем эти известия в своей фактической основе совпадают с материалами, известными из записки В. Варфоломеева, которые могли быть словесно переданы Н. И. Новикову И. И. Лепехиным. Так, например, известие В. Варфоломеева о том, что отец Ломоносова «промысел имел на море по Мурманскому берегу и в других приморских городах»,[21] отразилось в биографии Ломоносова в «Опыте исторического словаря» Н. И. Новикова: «Ломоносов родился ... от промышленника рыбных ловлей».[22]

От В. Варфоломеева в «Словарь» Н. И. Новикова попало свидетельство о попытках ранней насильственной женитьбы Ломоносова, что было (наряду с упорным стремлением обучаться в Москве наукам) одним из поводов его ухода из отцовского дома: «...к сему его побуждало и упорное желание его родителя, дабы женить его по неволе».[23] Сравним в записке В. Варфоломеева: «...как подрос близ двадцати лет, то в одно время отец его сговорил было в Коле у неподлого человека взять за него дочерь, однако он тут жениться не похотел, притворил себе болезнь, и потому того совершено не было».[24]

В 1783 г. М. И. Веревкин взялся за составление биографии Ломоносова для первого академического Собрания его сочинений. Нам представляется вполне возможным, что в поисках материалов о раннем детстве Ломоносова М. И. Веревкин обращался не только к «немолодым холмогорцам», которые приезжали по торговым делам в Москву, но и к акаде-

---

[18] Д. С. Бабкин. Биографии Ломоносова, составленные его современниками, стр. 35—36.

[19] Архангельский областной музей. Собр. рукописей, № 3594.

[20] Опыт исторического словаря о российских писателях. Собрал Николай Новиков. СПб., 1772.

[21] М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников, стр. 27. (Разрядка наша, — *Г. М.*).

[22] Опыт исторического словаря о российских писателях, стр. 119. (Разрядка наша, — *Г. М.*).

[23] Там же, стр. 120.

[24] М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников, стр. 61—62.

мику И. И. Лепехину, побывавшему в 1772 г. на родине Ломоносова и продолжавшему поддерживать тесные связи с местными деятелями (он переписывался с С. Негодяевым, Гурьевым, В. Крестининым, С. Кочневым и др.). Сопоставление записки В. Варфоломеева с примечаниями М. Веревкина, которыми он дополнил биографические сведения акад. Я. Штелина, показывает прямую зависимость материала. Так, например, примечание к тому разделу биографии, где сообщается об обучении Ломоносова грамоте на своей родине, несомненно имеет источником рассказ В. Варфоломеева.

Записка В. Варфоломеева

Российской грамоте ... обучился в короткое время совершенно; охоч был читать в церкви псалмы и каноны и по здешнему обычаю жития святых, напечатанные в прологах, и в том был проворен, а притом имел у себя природную глубокую память. Когда какое житие или слово прочитает, после пения рассказывал в трапезе старичкам сокращенное на словах обстоятельно.[25]

Биография Ломоносова, написанная М. Веревкиным

В селении своем научился у одного тамошнего священнослужителя читать и писать по-русски. Через два года учинился, ко удивлению всех, лучшим чтецом в приходской своей церкви. Охота его до чтения на клиросе и за амвоном была так велика, что нередко биван был не от сверстников по летам, но от сверстников по учению за то, что стыдил их превосходством своим перед ними произносить читаемое к месту расстановочно, внятно, а при том и с особою приятностию и ломкостию голоса. Читал обыкновенно одни только церковные книги.[26]

Конечно, в этих рассказах совпадение не текстологическое, а смысловое, но аспект представлений о юном Ломоносове с достаточной ясностью объясняется профессией рассказчика — дьячка Куростровской Дмитриевской церкви. В. Варфоломеев, естественно, прежде всего запомнил наиболее импонирующее ему внимание мальчика Ломоносова к книге, уважение к сидящим «в трапезе старичкам», которым он рассказывал содержание прочитанных им житий святых, об участии его в церковно-ритуальной деятельности Дмитриевской церкви («охоч был читать в церкви псалмы и каноны»).

В биографии Ломоносова, составленной М. Веревкиным, в примечании 1 помещено указание, что «на тринадцатом году младый его разум уловлен был раскольниками так называемого толка беспоповщины; держался оного два года, но скоро познал, что заблуждает».[27]

Естественно, что это примечание привлекало внимание исследователей. За последние годы новизной выделялись две точки зрения. Д. С. Бабкин полагает, что тяга к знаниям, к книге заставила юного Ломоносова обратиться к старообрядцам Выговской общины.[28] А. А. Морозов считает сведения М. Веревкина достоверными,[29] приводя в доказательство отсутствие Михайла Ломоносова на исповеди в 1728 г. Но, по мнению А. А. Морозова, сближение с раскольниками произошло не в тринадцатилетнем возрасте, а к 15—17 годам.[30] Нам представляется вполне вероятным отсутствие 16-летнего Ломоносова на исповеди как проявление своеобразного религиозного бунта, но ведь М. Веревкин писал о тринад-

---

[25] Там же, стр. 62.
[26] Там же, стр. 50.
[27] Там же.
[28] Д. С. Бабкин. Биографии Ломоносова, составленные его современниками, стр. 27—30.
[29] А. А. Морозов. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости, стр. 77—79.
[30] Там же, стр. 76.

цатилетнем Ломоносове, т. е. о событиях 1724—1725 гг. В эти годы Михаил Васильевич не проявлял «нерадения». Что же произошло в начале 20-х гг. и дало возможность говорить о какой-то связи Ломоносова с раскольниками? Материалы, хранящиеся в Архангельском областном государственном архиве, проливают некоторый свет на этот вопрос.

В 1726 г. в канцелярии холмогорского и важского архиепископа Варнавы был издан указ о замене старых книг на новые.[31] В указе предписывалось «без всякого отлагательства и замедления со всеусердным тщанием и с прилежным радением оставя протчие нужды» старые печатные и рукописные книги заменять новыми. Сама формулировка показывает, что вопрос о замене книг был серьезным и холмогорский архиепископ предполагал неукоснительно проводить его в жизнь. И действительно вскоре из канцелярии Варнавы Волостовского стали выходить дополнительные указания, конкретизирующие отдельные стороны задуманного мероприятия.

Несомненно, что холмогорский архиепископ имел основания проявлять беспокойство о рукописных и печатных книгах, не только о тех, которые употреблялись в церковно-ритуальной деятельности, но и о тех, которые имели обращение среди его паствы. Как известно, именно на русском Севере большим влиянием пользовалось старообрядчество: здесь укрывались и последователи протопопа Аввакума и проповедники выговского пустынножития. В том же 1726 г. архиепископ Варнава производил расследование в деревне Раменье Важского уезда Озерецкой области, где произошло самосожжение новообращенных старообрядцев.[32] А незадолго до этого, в 1722 г., неожиданно возникло громкое дело по обвинению архимандрита Соловецкого монастыря Варсонофия в распространении раскольничества. Ознакомление с «Делом», которое сохранилось в канцелярии архиепископа холмогорского и важского,[33] позволяет выяснить, что вся вина Варсонофия заключалась в пропаже из монастырской библиотеки ряда книг, копии которых оказались в руках у «раскольщиков». Длительное расследование, опросы монахов и некоторых холмогорских «посадских людей» так и не привели к выяснению, кто именно и каким образом передал «раскольщикам» интересовавшие их «письменные» (т. е. рукописные, — *Г. М.*) книги. Они оказались возвращенными в монастырскую библиотеку, дело постепенно постарались забыть. А в 1740 г. Варсонофий был назначен архиепископом холмогорским и важским. В этом сане он был до своей смерти в 1759 г.

В 1746 г. Ломоносов послал Варсонофию перевод только что вышедшей из печати «Волфианской экспериментальной физики» с письмом, в котором было высказано большое уважение к холмогорскому архиепископу.[34] Этот необычный для Ломоносова пиетет перед церковным деятелем всегда вызывал недоумение у исследователей, особенно с учетом его резко отрицательного отношения к церковникам.[35] Нам представляется, что объяснение этому следует искать в раннем периоде жизни Ломоносова на Севере.

Биографы XVIII в. Я. Штелин и М. Веревкин писали о том, что юный Михайло «ходил» с отцом «в Белое и Северное море». Василий Дорофеевич «из найму возил разные запасы, казенные и частных людей, от города Архангельского в Пустозерск, Соловецкий монастырь, Колу,

---

[31] АОГА, ф. 1025-5, № 590.

[32] Описание документов и дел, хранящихся в архиве св. Синода, т. VI (1726 г.). СПб., 1883, дело 238.

[33] АОГА, ф. 1025, оп. 5, №№ 170 и 172.

[34] Ломоносов, ПСС, т. X, стр. 435—436.

[35] См.: И. З. Серман. Ломоносов в борьбе с церковью и религией. — В кн.: Русская литература в борьбе с религией. М., 1963, стр. 23—37.

Кильдин, по берегам Лапландии, Семояди и на реку Мезень».[36] Новые материалы, опубликованные А. А. Морозовым,[37] а также документы, переданные в дар Пушкинскому дому АН СССР А. А. Тунгусовым,[38] подтверждают эти сведения М. И. Веревкина. Отец Ломоносова, Василий Дорофеевич, не был рыбаком, как это представляли в XIX в. Он возил «казенные» товары, исполнял различные поручения архангельского архиепископа и был для него доверенным лицом, которому вручались значительные денежные суммы для покупки продуктов «в обиход» его преосвященства. Для нас существенно то, что новый документ об отце Ломоносова позволяет сделать ряд выводов, важных для понимания ранней биографии Ломоносова. Если Василий Дорофеевич находился в деловых контактах с архангельским архиепископом, то, следовательно, и его сын мог рассчитывать на более внимательное отношение со стороны церковных иерархов.

Как удалось установить, Ломоносов был знаком с рукописями Соловецкой библиотеки. В своих исторических трудах Ломоносов привлекал материалы, которые хранились в Соловецкой библиотеке. Так, в «Экстракте о стрелецких бунтах», написанном Ломоносовым на основании его ранних работ в 1757 г. для пересылки Вольтеру, использована повесть о Московском восстании 1682 г., сохранившаяся только в Соловецком сборнике XVII в.[39] Как установил ее исследователь В. И. Буганов, неизвестная ранее повесть о Московском восстании была написана очевидцем событий, происшедших в Москве весною 1682 г., но уже в первые годы XVIII в. эта повесть в составе сборника попала в Соловецкую библиотеку, о чем свидетельствуют многочисленные приписки и записи о церковных делах Соловецкого монастыря.[40]

Вероятнее всего, в 40—50-х гг. XVIII в. Ломоносов пользовался копиями соловецких рукописей, которые привозили ему земляки, навещавшие его в Петербурге. Но чтобы указать необходимые ему материалы, затерявшиеся в разнообразных сборниках, нужно было знать состав библиотеки. А он мог с ним ознакомиться только в годы юности, когда жил на Севере и совершал с отцом поездки в Соловецкий монастырь, так как со времени его отъезда в Москву в 1730 г. он никогда больше не бывал на родине.

Библиотека Соловецкого монастыря являлась богатейшим хранилищем древнерусской письменной культуры в самом широком смысле этого слова. Здесь были сосредоточены ценнейшие рукописи, которые приобретал в XV в. ее основатель игумен Досифей.[41] Ранние фонды создавались путем переписки рукописей, собранных в Новгороде при архиепископе Геннадии. Н. Н. Розов отмечает характерную особенность этого раннего фонда рукописей: «... за исключением двух церковно-уставных сборников, это все книги внебогослужебного соборного и главным образом келейного круга чтения».[42]

---

[36] М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников, стр. 50.

[37] А. А. Морозов. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости, стр. 45—49.

[38] Г. Н. Моисеева. Новые материалы об отце Ломоносова из архива Пушкинского дома. — В кн.: Сборник Ломоносова, т. VII (печатается).

[39] Г. Н. Моисеева. Соловецкий сборник в исторических и литературных сочинениях М. В. Ломоносова. — В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Сб. статей к 90-летию Н. К. Пиксанова. М.—Л., 1969, стр. 49—58.

[40] В. И. Буганов. Повесть о Московском восстании 1682 года. — В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, стр. 317—354.

[41] А. И. Лилов. Библиотека Соловецкого монастыря. — Православный собеседник. Казань, 1859, ч. 1, стр. 24—39, 199—221; Н. Н. Розов. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей. — ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 294—304.

[42] Н. Н. Розов. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей, стр. 299.

В XVI—XVIII вв. Соловецкая библиотека пополнялась за счет пожертвований ценных рукописей, попадания в «книжную казну» вымороченного имущества соловецких монахов, а также путем переписки древних книг.[43] Сохранившаяся в течение нескольких веков монастырская библиотека оказалась ценнейшим собранием литературных памятников древней Руси. По спискам Соловецкой библиотеки были впервые изданы сочинения Вассиана Патрикеева, Иосифа Волоцкого, Максима Грека, Андрея Курбского. За последние годы по списку соловецкого собрания Н. Н. Розовым опубликована повесть о Скандербеге.[44] В этом же собрании хранится лучший список «Слова о законе и благодати» Иллариона.[45] Таким образом, библиотека Соловецкого монастыря широко представляла не только церковную, но и светскую литературу древней Руси.

В Соловецком собрании находятся многие списки степенных книг, хронографов, космографий. Здесь же была переписана Казанская история, Сказание о взятии Царьграда, Двор цесаря турецкого — сочинение Старовольского, Уложение Алексея Михайловича, Философия Раймонда Люллия.

Следует отметить, что в Соловецком собрании хранятся многие учебные книги XVI—начала XVIII в.: арифметические таблицы, переписанные в 1589 г., рукописная копия географии, изданной в Санкт-Петербурге в 1716 г., несколько рукописных арифметик с приписками о том, что они из Славяно-греко-латинской академии, три учебника риторики также с пометами о том, что по этим книгам велось преподавание в Славяно-греко-латинской академии.

Может быть, желание учиться именно в Москве в Славяно-греко-латинской академии у Ломоносова созрело под влиянием этих учебных книг, просмотренных им в Соловецкой библиотеке.

Ознакомление юного Михаила Ломоносова с Соловецкой библиотекой, безусловно, не могло быть осуществлено без разрешения игумена Соловецкого монастыря.

Игуменом Соловецкого монастыря в годы юности Ломоносова был Варсонофий, занимавший этот пост с 1720 по 1740 г. Он приехал на Соловки из Александро-Невского монастыря. Образованный монах был близок к Петру I и активно проводил в жизнь его церковно-политические предначертания. Можно предположить, что Ломоносов был знаком с Варсонофием, находил у него какую-то поддержку в юные годы. Именно поэтому он и считал своим долгом позднее как-то отблагодарить Варсонофия, что и нашло выражение в пересылке Ломоносовым в 1746 г. книги и письма.

Деловые связи Василия Дорофеевича с архиепископским домом позволяют по-новому взглянуть на высказанную М. Н. Муравьевым мысль о том, что Михаил Ломоносов учился в «Словесной школе» при холмогорском архиепископском доме. Школа эта была открыта в 1723 г. архиепископом Варнавой Волостовским, прибывшим в Холмогоры в 1712 г. и занимавшим эту должность до своей смерти в 1730 г. Варнава Волостовский получил образование в Киево-Могилянской академии. Затем стал проповедником в Славяно-греко-латинской академии, откуда и был рукоположен в архиепископа холмогорского и важского.[46] С Варнавою Волостовским в Холмогоры прибыли воспитанники Киевской и Московской

---

[43] А. И. Лилов. Библиотека Соловецкого монастыря, стр. 24—39.

[44] Повесть о Скандербеге. Издание подготовили Н. Н. Розов, Н. А. Чистякова. М.—Л., 1957 (серия «Литературные памятники»).

[45] Н. Н. Розов. Из наблюдений над историей текста «Слова о законе и благодати». — Slavia. Časopis pro Slovanskoi filologii. Nakladatelstvi československé akademie věd, 1966, seš. 3, стр. 365—379.

[46] Из дел бывшего комитета по составлению описания Архангельской епархии. — Странник, СПб., 1878, июнь—июль, стр. 145—154.

академий. Их трудами и была открыта «Словесная школа», которая вначале преследовала узко практические цели: подготовку церковнослужителей на средства монастырей и церквей. Съестные припасы на учеников отпускались из архиепископского дома. В «Словесной школе» преподавалась начальная грамота, церковнославянская грамматика, церковный устав, чтение и пение. А с 1730 г. было введено преподавание начальных основ латинского и греческого языков.[47]

В 1770—1771 гг. М. Н. Муравьев побывал на севере России, в местах, где провел детство и юность Ломоносов — в Архангельске, Холмогорах, Куростров. Свои впечатления о посещении этих мест М. Н. Муравьев изложил в форме писем. В одном из них он рассказывает о начальном образовании Ломоносова: «Против Холмогор примечания достойна волость Керостров, место рождения Ломоносова... Пример дяди, прилежного к чтению церковных книг, возбудил соревнование его. Он пожирал книги. Но ему надобно было скрыть склонность к учению. Украдкою бежал он в училище Холмогорское учиться основаниям латинского языка. Одна черта сия изъявляет охоту его и принуждение, под которым находился: подбой кафтана служил ему для записки географических сведений».[48]

М. Н. Муравьев мог почерпнуть сведения об учении Ломоносова в «Словесной школе» при холмогорском архиепископском доме только на родине Ломоносова. К тому времени, когда М. Н. Муравьев писал свои литературные записки, не было опубликовано ни одной биографии Ломоносова: «Словарь» Н. И. Новикова вышел из печати в 1772 г. Записка В. Варфоломеева о Ломоносове, переданная Гурьевым И. И. Лепехину в 1788 г., была опубликована в IV части «Путешествия академика Ивана Лепехина», напечатанной в 1805 г. Следовательно, М. Н. Муравьев узнал о «Словесной школе» либо в Архангельске, либо в Холмогорах. В Архангельске он встречался с губернатором Е. А. Головцыным,[49] у которого видел кафтан Ломоносова, исписанный его школьными заметками. Позднее этот кафтан находился у Т. И. Тутолмина. П. П. Свиньин, путешествовавший по Северу в 1828 г., узнал об этом от Степана Кочнева, рассказавшего о «достопамятном кафтане Ломоносова, на белой подкладке которого видны были школьные заметки его».[50]

К сожалению, прямых документальных данных об обучении Ломоносова в холмогорской «Словесной школе» не сохранилось. Впрочем, и за более позднее время существования этой школы имеются лишь документальные материалы о хозяйственной стороне деятельности этой школы.[51] Списков же учеников не найдено. Быть может, таких списков и совсем не существовало, так как не было строго постоянного состава учеников. В 1727 г. холмогорские священники сообщали архиепископу о детях семилетнего возраста, уклоняющихся от обучения, которые находятся «в утайке у отцов своих и в покрывательстве».[52] Видимо, в первые годы

[47] Н. К. Пиксанов. Областные культурные гнезда, стр. 23.

[48] М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников, стр. 67.

[49] Т. И. Тутолмин был назначен архангельским губернатором после смерти Е. А. Головцына в 1780 г.

[50] Библиотека для чтения, т. II, 1834, стр. 218—219.

[51] Квитанция Архиерейского дома о получении денег с Богоявленской церкви на покупку дров и свечей и на содержание учителя Славяно-латинской школы. 3 марта 1754 г. — АОГА. Канцелярия холмогорского архиепископа, ф. 1025, оп. I, № 1215; квитанция Казенного приказа о получении денег с Богоявленской церкви на содержание учеников Славяно-латинской школы. 16 марта 1755 г. — АОГА, ф. 1025, оп. I, № 1204; квитанция о выплате денег учителю Славяно-латинской школы. 29 февраля 1760. — АОГА, ф. 1025, оп. I, № 1212; квитанция архиерейского казначея о получении денег с деревень Куростровской волости на содержание учеников, обучающихся в Холмогорских Славяно-латинских школах. — АОГА, ф. 1025, оп. I, № 1215.

[52] АОГА. Канцелярия холмогорского архиепископа, ф. 1025, оп. 5, № 594, л. I.

существования «Словесной школы» популярность ее не была особенно велика, и нет ничего удивительного в том, что на занятия допускались и дети, не принадлежащие к духовному сословию. И если учесть при этом деловые связи отца Ломоносова с архиепископским домом, то можно не согласиться с мнением А. А. Морозова о том, что Ломоносов не мог попасть в эту школу, так как туда «принимали только священнических и причетнических детей... Скрыть же свое происхождение в Холмогорах он, разумеется, не сумел бы».[53] А. А. Морозов прав, когда говорит о том, что «эта школа ничего ему (Ломоносову, — *Г. М.*) и не сулила. Выйти из нее он мог только в низшие священнослужители, в дьячки, к чему он вряд ли имел склонность, невзирая на свое скоропрошедшее рвение к „четью-петью" церковному».[54] Исследователь прав и тогда, когда высказывает предположение о том, что от учителей «Словесной школы», в первую очередь от Ивана Каргопольского, Ломоносов «разузнал о Московской академии», куда и задумал уйти в 1730 г.

Два момента в ранней биографии подтверждают сообщение М. Н. Муравьева об обучении Ломоносова в «Словесной школе» при архиерейском доме в Холмогорах.

Куростровский дьячок Василий Варфоломеев рассказал в своей записке о том, что после ухода из дома зимою 1730 г. Ломоносов по дороге в Москву на некоторое время задержался в Антониево-Сийском монастыре: «... выпросив у соседа своего Фомы Шубного китаечное полукафтанье и заимообразно три рубля денег, не сказав своим домашним, ушел в путь и, дошед до Антониева Сийского монастыря, в расстоянии от Холмогор по Петербургскому тракту во сте верстах, был в оном некоторое время, отправлял псаломническую должность, заложил тут взятое им у Фомы Шубного полукафтанье мужику емчанину, которого после выкупить уже не удалось, ушел оттоле к Москве».[55]

Для того чтобы «отправлять псаломническую должность», нужно было иметь некоторую специальную подготовку: знать церковный устав, уметь читать церковные книги, быть искусным в обрядовой стороне церковной службы и пения. От своего первого учителя дьячка Семена Сабельникова, бывшего лучшего ученика певческой школы при холмогорском архиепископском доме, Ломоносов мог научиться только первоначальной грамоте и церковному пению. Семен Сабельников не имел возможности обучить его церковному уставу и знанию богослужебных книг. О том же, что Ломоносов обладал серьезными знаниями в области церковно-ритуальной деятельности, свидетельствует один из эпизодов его биографии.

В 1734 г. известный картограф И. К. Кириллов наметил экспедицию в Оренбургский край. Для осуществления среди местного населения миссионерской деятельности ему был необходим «ученый священник». И. К. Кириллов обратился в Московское Синодальное управление с просьбой назначить «ученого священника» из московских церквей, но желающих ехать в далекую экспедицию не оказалось. Тогда И. К. Кириллов предложил поехать с ним одному из «достойных учеников» Славяно-греко-латинской академии. В ответ на указ Синодального управления ректор Славяно-греко-латинской академии сообщил, что в Оренбургскую экспедицию в качестве священника согласен ехать «оной Академии школы риторики ученик Михайло Ломоносов».[56]

---

[53] А. А. Морозов. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости, стр. 95.
[54] Там же, стр. 95.
[55] М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристнках современников, стр. 62.
[56] С. А. Белокуров. О намерении Ломоносова принять священство и отправиться с И. К. Кирилловым в Оренбургскую экспедицию 1734 г. — Ломоносовский сборник. 1711—1911. СПб., 1911, стр. 67—75.

По-видимому, в конце августа 1734 г. произошла встреча И. К. Кириллова с Ломоносовым. В «доношении» ректора Академии об этом сообщено следующее: «Штатский советник Иван Кирилов приходил, которому объявлено сообщенное Святейшего Правительствующего Синода ведение об отправлении при нем священника ... и при том объявлен ему представленный из Академии к посвящению в попа школы риторики ученик Михайло Ломоносов. На что он доносил, что тем школьником по произведении его в священство будет он доволен».[57] Но «посвящение» Ломоносова не состоялось: по справке Камер-Коллегии выяснилось, что он сообщил неверные сведения о своем отце, выдав себя за сына священника «города Холмогорах церкви Введения Пресвятыя Богородицы».

Для нас в данном случае важно отметить, что, готовясь к «посвящению в попы», Ломоносов должен был обладать определенным комплексом знаний в области церковной литературы и достаточным навыком к обрядово-ритуальной деятельности, необходимыми для «ученого священника». Ломоносов не занимался в богословском классе Славяно-греко-латинской академии,[58] но, безусловно, обучение и в других классах (к 1734 г. Ломоносов дошел до «риторики») давало возможность получить общую подготовку, достаточную для священнослужителя. По словам историка Славяно-греко-латинской академии С. Смирнова, «Академия назначена была собственно для воспитания духовного сословия, а большинство учеников было в ней всегда из детей духовного звания».[59] Потомственные профессии имели то преимущество, что изучение предполагало уже некоторую предварительную подготовку, полученную в семье. Ломоносов, как мы помним, объявил себя сыном священника. Следовательно, он был уверен в том, что своими знаниями сможет подтвердить эти слова.

Много позднее, в 1764 г., в «Записке о плане научных работ Августа Шлецера» Ломоносов прямо сказал о том, что уже в молодых летах он обладал значительными познаниями в области церковной литературы: «В сем случае (в изучении русской истории, — *Г. М.*) рассудить можно сколько мне помогло совершенное знание российского и славенского языка, также и разумение других, им сродных диалектов, сверх того обширное чтение книг наших исторических и от молодых лет обращение в церковных обрядах и служебных книгах, кои по единству веры многие представляют способы к изъяснению наших дел по византийским писателям, чем никакой иностранец пользоваться не может».[60] В более раннем отзыве о работе А. Шлецера Ломоносов также писал о том, что он, «достигши совершенного возраста, с прилежанием прочел почти все древним славяно-моравским языком сочиненные и в церкви употребительные книги».[61]

Возвращаясь к интересующему нас раннему периоду формирования Ломоносова на родном Севере, мы можем с большой долей уверенности прийти к заключению о том, что именно в те годы он ознакомился с важ-

[57] Там же, стр. 70.

[58] Г. Воскресенский. Ломоносов и Московская славяно-греко-латинская академия. М., 1891, стр. 60.

[59] С. Смирнов. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855, стр. 177. А. И. Рогов опубликовал новые материалы об учениках Славяно-греко-латинской академии, на основании которых можно сделать вывод о «довольно разнообразном в социальном отношении составе учеников Академии». А. И. Рогов приходит к выводу о том, что «в первой четверти XVIII в. выходившие из Академии духовные лица отнюдь не составляли большинства выпускников». См.: А. И. Рогов. Новые данные о составе учеников Славяно-греко-латинской академии. — История СССР. № 3 (май—июнь), 1959, стр. 140—147. Независимо от того, кем становились впоследствии ученики Славяно-греко-латинской академии первой половины XVIII в., они обладали кругом знаний, необходимых для выполнения обязанностей священника.

[60] Ломоносов, ПСС, т. IX, стр. 429. (Разрядка наша, — *Г. М.*).

[61] Там же, стр. 415.

нейшими церковно-служебными и церковно-учительными памятниками Киевской Руси, являющимися основой христианской религии.

Как и большинство его современников, Ломоносов начал учиться читать по Псалтыри в славянском переводе с греческого языка, осуществленном в X—XI вв. в связи с распространением христианства у южных славян. В XVII в. Псалтырь многократно издавали в типографии Печатного двора.[62]

Из биографии Ломоносова мы знаем, что еще у себя на Севере он ознакомился и со стихотворным переводом псалмов Симеона Полоцкого, изданным отдельной книгой в 1680 г. «Псалтырь рифмотворная», по словам Н. И. Новикова, пристрастила его к желанию «обучаться стихотворству».

«Псалтырь» Симеона Полоцкого представляет собой замечательное достижение поэтической мысли конца XVII в. По словам И. П. Еремина, «в литературном отношении она прежде всего обращает на себя внимание многообразием своих стихотворных размеров. Симеон Полоцкий во всем блеске обнаружил здесь свое незаурядное мастерство версификатора: он продемонстрировал здесь едва ли не все употребительные в то время размеры силлабического «стихотворения», начиная от краткого шестисложного и кончая громоздким и пространным четырнадцатисложным. Он показал здесь и многие эффектные образцы стихотворений, основанных на комбинации различных размеров; образцы стиха «сапфического», «леонинского» и «четырнадцатисложного с двумя цезурами».[63]

Стилистический анализ переложения псалмов, осуществленного позднее самим Ломоносовым, убеждает исследователей в том, что они чрезвычайно близки переводу Симеона Полоцкого.[64] Это подтверждает сведения ранних биографов о громадном впечатлении, произведенном на Ломоносова стихотворным переложением Псалтыри.

«Обращение в церковных обрядах и служебных книгах» предопределило изучение Ломоносовым основных богослужебных книг: Служебника и Часослова, Октоиха, Минеи праздничной и Минеи общей, Триоди Постной и Цветной, Типикона, Требника.[65] Для совершения церковной службы необходимо знание нотных богослужебных книг: Обихода, Октоиха и Ирмологиона.[66]

В Архангельском областном государственном архиве сохранилась часть библиотеки Куростровской Дмитриевской церкви: *Старопечатная Минея XVII в.* На л. 1 приписка: «Куростровца Дениса Васильева сына Гурьева». О принадлежности ее Дмитриевской церкви свидетельствует скрепа «священника Василия Ключарева». Гурьевы, как мы знаем из Куростровского Синодика, — старая куростровская фамилия. Один из Гурьевых (имя не указано) передавал И. И. Лепехину сведения о Ломоносове и записку дьячка В. Варфоломеева; *Триодь цветная XVI в.*, в лист. На задней обложке приписка: «Лета 7102 (*1594 г.*) при державе государя великого князя Феодора Ивановича всея Руси самодержца и при святлейшем патриархе Иове и преосвященном митрополите Варлааме Великого Новаграда и Великих Лук взята книга Триодь цветная во Александрове пустыне, а положена сия книга в дом Николаю чюдотворцу». Скрепа свя-

---

[62] Е. И. Кацпржак. История книги. М., 1964, стр. 214—215.

[63] И. П. Еремин. Симеон Полоцкий — поэт и драматург. — В кн.: Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.—Л., 1953, стр. 240—241 (серия «Литературные памятники»).

[64] И. З. Серман. «Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого и русская поэзия XVIII в. — ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 224—228.

[65] К. Никольский. Обозрение богослужебных книг Православной российской церкви по отношению их к церковному уставу. СПб., 1858, стр. 18—260.

[66] Там же, стр. 339—345.

щенника Василия Ключарева свидетельствует о том, что уже в начале XVIII в. эта рукопись принадлежала Куростровской Дмитриевской церкви; *Последования молебных пений.* М., 1708, в четверть. Приписка священника Александра Васильева подтверждает ее принадлежность Куростровской Дмитриевской церкви; издания *Духовного Регламента Феофана Прокоповича.* СПб., 1721, в восьмушку. Священник Иоанн Ключарев — сын Василия Ключарева, служившего в Дмитриевской церкви в первой половине XVIII в., подписывает книги: *Розыск.* М., 1692, в лист; *Служебник.* М.,1668, в лист; *Минея. Июнь.* М., 1718; *Шестоднев.* М., 1679, в лист; *Номоканон* (без выходных данных), в лист; *Октоих рукописный,* в лист; *Минея. Октябрь* (без выходных данных), в лист; *Симфония, или Конкордация на Апокалипсис.* Андрея Богданова. СПб., 1734; *Знамения пришествия антихристова.* М., 1604; *Сборник молитв.* М.,1708, в четверть; *Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских.* М., 1704. В Дмитриевской церкви хранились и рукописные сборники житий святых.

Краткое перечисление сохранившейся части рукописей и книг, принадлежавших Куростровской Дмитриевской церкви в первой половине XVIII в., показывает, что здесь были собраны почти все основные церковно-богослужебные книги. Юный Ломоносов, считавшийся, по свидетельству биографов (М. Веревкина и В. Варфоломеева), «лучшим чтецом в приходской своей церкви», знал все эти церковные книги, которых, несомненно, в XVIII в. было значительно больше, чем сохранилось до настоящего времени.

К системе литературно-богословских сочинений, восходящих к древнейшим памятникам переводной и русской литературы, относятся жития святых, соотнесенные с календарными днями церковного празднования. Эти жития составлялись в отдельные сборники разного вида, называемые минеями (Минея Праздничная, Минея Общая, Четьи-Минеи). Краткая форма житий святых составляла Прологи. Жития святых были одновременно и историческими свидетельствами эпохи, где сообщено немало сведений о военных походах, о церковных и политических событиях того времени. Жития несли и эстетическую функцию. Художественные средства их имели ярко дидактическую направленность — они были подчинены задаче нарисовать образ идеального праведника.

В своей работе над «Российской историей» Ломоносов неоднократно обращался к житиям, используя их ценные исторические свидетельства. Он ссылается на Проложное житие княгини Ольги, говорит о варяжских кладах в киевских пещерах, указывая житие Федора и Василия, помещенное в Киево-Печерском Патерике. Упоминает Ломоносов и отдельное житие киевского князя Владимира Святославича.

В биографии Ломоносова сказано о том, что юный Михайло «охоч был читать в церкви псалмы и каноны и по здешнему обычаю жития святых, напечатанные в прологах, и в том был проворен, а притом имел у себя природную глубокую память. Когда какое житие или слово прочитает, после пения рассказывал в трапезе старичкам сокращенное на словах обстоятельно».[67] А. А. Морозов справедливо видит в этом известии склонность «представить Ломоносова в особо благочестивом свете», но одновременно исследователь считает, что «оно (это известие, — *Г. М.*) отражает две существенных черты, присущих ему в юности: страсть к книге и стремление поделиться с окружающими своими знаниями, своего рода народное просветительство».[68]

---

[67] М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников, стр. 62.
[68] А. А. Морозов. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости, стр. 77.

Для нас это известие важно тем, что оно подтверждается Веревкиным и документальным свидетельством — записью на л. 39 рукописной Минеи за октябрь: «Спизывал с сей тетрати Михайло Ломоносов». Эта одна случайно сохранившаяся приписка, казалось бы, открывает возможность поисков тех житийных памятников, которые переписывал Ломоносов. В главе о формировании почерка Ломоносова нам приходилось говорить о том, что анализ почерка этой приписки по сравнению с записью 1726 г. в подрядной тетради показывает большие успехи Ломоносова в овладении техникой письма. Это указывает на значительную практику в переписывании.

Сохранность «Жития и службы» Дмитрия Солунского может объясняться не только тем, что она передает текст древнейшей церковнославянской службы, перевод которой с греческого языка был осуществлен в начале XI в.,[69] но главным образом тем, что Дмитрий Солунский был патрональным святым Куростровской Дмитриевской церкви. Житие Дмитрия Солунского пользовалось на Севере большой популярностью, о чем свидетельствуют рукописные списки его, переписанные в XVIII и XIX вв.[70]

Рукопись «Жития и службы», которую переписывал Ломоносов, сохранилась в составе церковного имущества Дмитриевской церкви, почему она и оказалась вовлеченной в XIX в. в число ломоносовских материалов священником Куростровской церкви Александром Васильевым. Другие же рукописи, переписанные Ломоносовым в юные годы, оказались, как можно думать, в частных собраниях и разделили их судьбу.

Любовь к книге, страстное стремление к знаниям побуждали юного Михайлу переписывать не только церковные сочинения. Он, несомненно, уже тогда знал и светские рукописные книги. Русский Север до настоящего времени является поистине кладезем древней культуры, что так наглядно видно из археографической деятельности В. И. Малышева, создавшего в Пушкинском доме АН СССР замечательное собрание севернорусских рукописей.[71]

Беломорский север уже в XVI—XVII вв. славился развитием художественной культуры, своими традициями, связанными с Новгородом. К концу XVII—началу XVIII в. под воздействием интенсивного торгового обмена и развития промышленности на Север проникают памятники литературы, складывавшиеся в других областях Московского государства.

В Холмогорах и в родном Ломоносову Курострове хранили и активно переписывали многие литературные произведения древней Руси. Известно, какими редкими документами располагал историк В. В. Крестинин, написавший на основании местных материалов «Начертание истории Холмогор»(СПб., 1790) и «Краткую историю г. Архангельска» (СПб., 1792). В. В. Крестинин передал библиотеке Петербургской Академии наук ряд ценных рукописей: список Русской Правды, Устав Владимира и Ярослава, Новгородскую IV летопись.

В Архангельском областном архиве хранится рукописный сборник, составленный в Холмогорах в 1721 г. В сборник включен Синопсис, переписанный с печатного киевского издания, и «Хождение Трифона Коробейникова во Иерусалим». Интересной особенностью этого сборника является то, что в конце его помещен «Алфавит неудоборассудных речей,

---

[69] И. В. Ягич. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. — В кн.: Памятники древнерусского языка, т. I. СПб., 1886, стр. 49, 179—190.

[70] В. И. Малышевым привезен с Севера сборник слов и поучений XVI в. В этот сборник, переписанный в 1897 г. Андреем Волковым, на лл. 292—315 об. сделана вставка «Жития и службы» Дмитрия Солунского. См.: ИРЛИ, Пинежское собр., № 10.

[71] В. И. Малышев. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960.

преведен на русский язык з греческаго языка и еврейска, сербскаго и сирийскаго, римскаго и латинскаго и иных многих».

В. И. Малышев привез с Севера рукописный Синопсис, переписанный в начале XVIII в. на родине Ломоносова. На задней доске сохранилась запись: «Сия книга Куростровской в.».[72] Им же приобретен сборник «Слов и поучений Максима Грека», переписанный «своеручно» «Двинского уезда околопосадской Быстрокурской волости Успенской деревни крестьянина Алексея Федорова сына Гурьева».[73]

Я. С. Лурье привлек к изучению Холмогорскую летопись середины XVII в. Эта летопись состоит из нескольких самостоятельных частей: первая относится к группе летописей так называемой Софийской традиции, вторая часть содержит известия, относящиеся к XV и первой половине XVI в. По мере приближения к концу более конкретными становятся северные известия. Исследователь считает, что летопись составлена в Холмогорах, но использовала не только местные, но и многие общерусские источники, ряд которых имеет своеобразный характер.[74]

В начале XVIII в. на Беломорском севере был создан Двинской летописец. Он известен в большом числе списков. В составлении этой летописи принимал участие живописец Иван Погорельский, служивший первоначально при архиерейском доме в Холмогорах и позднее перешедший в Архангелогородскую таможню. А. А. Морозов высказывает убедительное предположение о том, что в пору юности Ломоносов мог быть знаком с И. Погорельским.[75] Совершенно очевидно, что Ломоносов хорошо знал Двинской летописец: материалы из него использованы и в поэме «Петр Великий», и в замечаниях на историческое сочинение Вольтера «История Российской империи при Петре Великом». В фондах Библиотеки Петербургской Академии наук списки Двинского летописца появились в самом конце XVIII—XIX в.[76] Ломоносов, по-видимому, обладал собственным списком Двинского летописца, привезенным ему земляками, так как большинство ранних списков этого памятника переписано на Севере.[77]

Был знаком Ломоносов и с русскими и переводными рукописными повестями, имевшими широкое распространение на протяжении всего XVIII в. В Отделе рукописей Пушкинского дома АН СССР имеется привезенный В. И. Малышевым список Повести о царице и львице из Куростров. Несомненно, и в первых десятилетиях XVIII в. подобные повести усердно переписывались в Беломорье. Среди повествовательных сочинений были произведения, в которых раскрывались передовые общественные идеи Петровского времени.

Уже в те ранние годы начали формироваться идейно-эстетические принципы Ломоносова, складывавшиеся под могучим воздействием национальных традиций древнерусской литературы. Тяготение к серьезному отношению к литературному труду, обращение к исторической тематике, высокий героический пафос — все эти особенности творческого склада Ломоносова были подготовлены севернорусской культурой, сложившейся на протяжении многовековой истории.

---

[72] ИРЛИ, р. IV, оп. 23, № 54.

[73] ИРЛИ, р. IV, оп. 24, № 12.

[74] Я. С. Лурье. О неизданной Холмогорской летописи. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. М.—Л., 1964, стр. 449—455.

[75] А. А. Морозов. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости, стр. 89.

[76] В. И. Срезневский и Ф. И. Покровский. Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР, т. 3, вып. I. Л., 1930, стр. 125—127.

[77] Первое издание Двинского летописца было осуществлено Г. Ф. Миллером по списку, принадлежавшему архиепископу архангелогородскому и холмогорскому Антонию. См.: Летописец Двинской. Опыт трудов Вольного российского собрания при императорском Московском университете, ч. 1. 1774, стр. 194.

Осенью 1730 г. Ломоносов принял решение уехать в Москву. Много лет спустя, в 1753 г., в письме к И. И. Шувалову он попытался в нескольких словах обрисовать обстановку, предшествующую его уходу из отчего дома: «. . . имеючи отца хотя по натуре доброго человека, однако в крайнем невежестве воспитанного, и злую и завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнев в отце моем, представляя, что я всегда сижу по-пустому за книгами. Для того многократно я принужден был читать и учиться, чему возможно было, в уединенных и пустых местах, и терпеть стужу и голод, пока я ушел в Спасские школы».[78]

Из записки дьячка Василия Варфоломеева известно, что по дороге в Москву Ломоносов останавливался в Антониево-Сийском монастыре. Н. К. Пиксанов отметил уже, что Ломоносов не мог пройти мимо культурного влияния Антониево-Сийского монастыря, который находился очень близко от Холмогор.[79] Мы не имеем прямых свидетельств о том, что Ломоносов использовал в своих работах рукописи из Антониево-Сийского монастыря, но тем не менее мы не можем исключить знакомство Ломоносова с древними памятниками, хранившимися в этом замечательном собрании.

Антониево-Сийский монастырь, основанный в начале XVI в., славился рукописями с великолепным художественным оформлением. Сюда поступали богатые пожертвования царской семьи, представителей высшего духовенства и крупных вельмож.[80] В монастырской библиотеке хранились житие Антония «в лицах», Космография Космы Индикоплова, Новый летописец, сочинение Иосифа Флавия Иудейская война в двух книгах, сочинения Максима Грека, Хроника польская в двух книгах, Толковая Псалтырь в трех книгах, сочинения Дионисия Ареопагита, Григория Богослова, Апокалипсис.[81] Здесь же (вероятнее всего, в ризнице) находилось и знаменитое Сийское Евангелие, переписанное и украшенное миниатюрами в 1339 г. Библиотека Антониево-Сийского монастыря активно пополнялась посредством переписки рукописей и обмена с библиотекой холмогорского архиепископа Афанасия.[82]

Можно полагать, что юный Михайло Ломоносов бывал в Антониево-Сийском монастыре и до 1730 г., так как на монастырском подворье жил его дядя Иван Дорофеевич.[83] Трудно представить, чтобы любознательный Михайло не посмотрел монастырскую библиотеку в то время, когда он пономарствовал в монастыре.

15 января 1731 г. Ломоносов был зачислен в московскую Славяно-греко-латинскую академию в первый низший класс — «фару».[84] По словам академической биографии, он занимался «с великою охотою и оказал примерные успехи. По прошествии первого полугода перевели его из нижнего класса во второй, в том же году из второго в третий класс».[85] М. И. Веревкин написал о том, что уже через год Ломоносов «начал учиться по-гречески, а в свободные часы, вместо того, что другие семинаристы проводили их в ревности, рылся в монастырской библиотеке. Находимые во оной книги утвердили его в языке славенском. Там же, сверх

---

[78] Ломоносов, ПСС, т. X, стр. 481—482.

[79] Н. К. Пиксанов. Областные культурные гнезда, стр. 23.

[80] М. В. Кукушкина. Библиотека Антониево-Сийского монастыря в собрании Библиотеки Академии наук. — В кн.: 250 лет Библиотеке Академии наук СССР. Сборник докладов юбилейной научной конференции 25—26 ноября 1964 г. М.—Л., 1965, стр. 299—301.

[81] Там же, стр. 301—304.

[82] Там же, стр. 307—309.

[83] Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. Составители: Г. А. Андреева, Г. Е. Павлова, Н. В. Соколова. М.—Л., 1961, стр. 22.

[84] Там же, стр. 24.

[85] М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников, стр. 43.

летописей, сочинений церковных отцов и других богословских книг, попалось в руки ему малое число философских, физических и математических книг».[86]

Известие об изучении Ломоносовым летописей в период учебы в Славяно-греко-латинской академии имеется только в биографии, написанной М. И. Веревкиным: ни Штелин, ни Новиков не говорят об этом. Известно, что Штелин многие факты биографии Ломоносова передал «с его (М. В. Ломоносова, — *Г. М.*) собственных слов». В «Чертах и анекдотах для биографии Ломоносова» сказано: «В монастыре Ломоносов учился с большим прилежанием и делал удивительные успехи. В свободное от учения время сидел он в семинарской библиотеке и не мог начитаться».[87] М. И. Веревкин, составляя биографию Ломоносова для академического Собрания сочинений 1784 г., использовал «Черты и анекдоты для биографии Ломоносова» Штелина, проверив и пополнив его сведения по документальным материалам, почерпнутым из архива Славяно-греко-латинской академии.[88] Сообщая о занятиях Ломоносова русскими летописями и «сочинениями церковных отцов», взятыми в монастырской библиотеке, М. И. Веревкин, очевидно, располагал достоверными сведениями о составе этой библиотеки и о круге интересов Ломоносова, обучавшегося там с 1731 по 1735 г. А. А. Морозов ставит под сомнение это известие академической биографии по той причине, что «нам решительно ничего неизвестно о том, что библиотека Спасских школ во времена Ломоносова располагала какими-либо списками летописей. Другое дело типографская библиотека, которая обладала летописями, причем один из принадлежавших ей летописных сводов первой половины XVI в. до сих пор называется „Типографская летопись“. Таким образом, указание академической биографии следует скорее всего отнести к библиотеке Московского Печатного двора».[89]

У нас есть основания полагать, что молодой Ломоносов действительно пользовался библиотекой Печатного двора (Типографской), в которой еще с XVII в. были собраны ценные рукописи. Но, несомненно, он в первую очередь изучал библиотеку Славяно-греко-латинской академии (Заиконоспасского монастыря), которая, конечно, значительно уступала библиотеке Печатного двора, но тем не менее в ней также были собраны рукописи, печатные книги и учебные издания XVII—начала XVIII в.

В «Духовном регламенте» Петра I в специальном пункте было указано о том, «чтоб при школах быть библиотеке довольной. Ибо без библиотеки как без души Академия». Здесь же были приведены и правила пользования Академической библиотекой, из которых ясно, что «библиотека учителем по вся дни и часы ко употреблению невозбранна, только бы книг по келлиям не разбирали, но чли бы оныя в самой библиотечной конторе. А ученикам и прочим охотникам отворять библиотеку в учрежденные дни и часы».[90] Таким образом, Академической библиотекой могли пользоваться даже и пришедшие со стороны «охотники», которым, как и ученикам Академии, разрешали читать книги в определенные часы и дни.

---

[86] Там же, стр. 44—45.

[87] Там же, стр. 52.

[88] М. И. Веревкин в примечании к биографии Ломоносова сообщает о том, что ректор академии Павел содействовал изысканию документальных материалов. Так, лично им «найдена своеручная Ломоносова расписка в приеме жалования за генварскую треть 1735 года», уточнено время вступления в Академию и обучения в ней, а также фамилии преподавателей Заиконоспасского училища (см.: М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников, стр. 52).

[89] А. А. Морозов. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости, стр. 145.

[90] С. Смирнов. История Московской славяно-греко-латинской академии, стр. 100.

Ломоносов, по сведениям академической биографии, проводил в этой библиотеке все свободное от учения время.

Исследователями установлен примерный фонд книг, которыми располагала Академическая библиотека в начале XVIII в.

После смерти известного сподвижника Петра I Гавриила Бужинского по его завещанию собранная им библиотека поступила в 1731 г. в Славяно-греко-латинскую академию. А. А. Морозов справедливо указывает, что поступление в Академию библиотеки Бужинского было большим событием.[91] Состав этой библиотеки был замечательным: он великолепно отражал Петровскую эпоху со всеми характерными чертами политических и военных событий того времени. Образованнейший деятель Петровской эпохи, Гавриил Бужинский перевел по поручению Петра I сочинение Пуффендорфа «Введение в историю европейскую» и ряд специальных книг. Он много занимался историческими сочинениями, и в его библиотеке были собраны важнейшие труды по древней истории и географии. Здесь был интересный подбор античных писателей, собрание пособий для изучения древних и новых языков. Таким образом, библиотека Славяно-греко-латинской академии располагала очень хорошим книжным фондом. А. А. Морозов полагает, что Ломоносов, находясь в младших классах, вряд ли мог пользоваться этой библиотекой.[92] Но Ломоносов уже к концу первого года обучения освоил три низших класса. Находясь пять лет в Славяно-греко-латинской академии и считаясь ее лучшим учеником, Ломоносов, конечно, получил разрешение читать книги в библиотеке Заиконоспасского монастыря и рыться во вновь поступившем собрании покойного рязанского архиепископа. Академическая биография, составленная М. И. Веревкиным, сообщает, что в монастырской библиотеке Ломоносов нашел «малое число философских, физических и математических книг».[93] Трудно представить себе, что эти книги могли находиться в монастырской библиотеке до поступления собрания Гавриила Бужинского. Именно в библиотеке просвещенного «иеромонаха российского флота» находились книги, отразившие весь круг интересов человека Петровской эпохи с его тягой к широким знаниям в разнообразных областях наук.

Помимо книг в библиотеку Заиконоспасского монастыря поступили и рукописные сочинения Гавриила Бужинского, опубликованные и неопубликованные. Известный интерес представляет копия одного из неизвестных сочинений Гавриила Бужинского, сохранившаяся в «портфелях» Г. Ф. Миллера: «Выписано из следованной Псалтыри келейной Резанского архиерея Гавриила Бужинского, находящейся в библиотеке Заиконоспасского монастыря».[94] Копия снята на бумаге, выпускаемой Афанасием Гончаровым в 1762—1763 гг.[95]

В 1814 г. Славяно-греко-латинская академия была преобразована в Московскую Духовную академию и переведена в Троице-Сергиеву лавру. Остатки библиотеки Славяно-греко-латинской академии частично слились с Троицкими рукописями и книгами и в составе собрания Московской Духовной академии и собрания Троице-Сергиевой лавры после Великой Октябрьской революции попали в Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

Просмотр de visu фонда рукописей этих собраний позволяет высказать мысль о том, что некоторые рукописи, принадлежавшие московской Славяно-греко-латинской академии, сохранились.

[91] А. А. Морозов. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости, стр. 128.
[92] Там же, стр. 130.
[93] М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников, стр. 45.
[94] ЦГАДА, ф. 199. Портфели Миллера, д. 139, № 4, л. 1.
[95] С. А. Клепиков. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959, стр. 38 (№ 18); М. В. Кукушкина. Филиграни на бумаге русских фабрик XVIII—начала XIX в., стр. 299 (№ 57).

Выше нам уже приходилось говорить о том, что в присланных Ломоносовым в 1739 г. из Германии «Письме о правилах российского стихотворства» и оде на взятие Хотина раскрывается широкое знакомство с памятниками древнерусской литературы. Некоторые из произведений можно указать совершенно конкретно — это Казанская история, «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» и ряд сочинений о Петре I. Где и когда Ломоносов ознакомился с этими произведениями? Несомненно, до поездки в Германию.

В собрании библиотеки Московской Духовной академии хранится сборник, переписанный «троицким старцем Исаией Печерьским».[96] В сборник включены: Чин поставление на царство Ивана Васильевича (лл. 1—38); лл. 38 об.—45 об. — чистые; Устав как крестить манахеев (лл. 46—86); лл. 86 об.—97 об. — чистые; Сказание о взятии Казанском (лл. 98—269 об.); лл. 270—271 — чистые; Сказание о церкви святой Софии (лл. 272—272 об.); Послание в лето 7084 (*1576 г.*) (лл. 273—277 об.); лл. 278—279 об. — чистые. На отдельных листах сборника имеются приписки и пометы, сделанные рукою Ломоносова. Против текста: «Царское поставление от великого князя Владимира четвертое колено князь Владимер Всеволодичь Манамах» на поле: «Hic anno est primi secundi Vladimiri».[97] Особенно интенсивно снабжена приписками Казанская история, в которой отмечены вехи русской истории, нашедшие яркое художественное выражение в этом произведении. Против текста: «Случи ми ся пленену быти варвары и в Казани сведену» — приписка: «Писатель о себе».[98] «Яко 20 лет минуша по Батые цари» — «время».[99] «... и по взятии от него великаго, столнаго и славнаго града русскаго Владимера» — «мнение».[100] «И бе той князь Александр силен и славен в Русии» — «к[нязь] Александр».[101] «... и брата своего великаго князя Георгия Всеволодича убиша» — «Георгий убит».[102] «Нача первое велики Ярослав Всеволодичь Владимирский царю Батыю в Златую Орду дани давати» — «Ярослав в Орд[у]».[103] «И в тая же горкая Батыева времена отвергошася они работнаго ига» — «Новогород от Батыя не разбит».[104]

В конце 50-х гг. XVIII в. Ломоносов подготовил к печати сокращенный вариант «Российской истории» — «Краткий российский летописец», вышедший из печати в 1760 г. В этом труде Ломоносовым была выработана своеобразная стилистика речи, рассчитанная на краткие формулировки, в которых выражена сущность исторических процессов и дана оценка деятельности исторических лиц. В «Кратком российском летописце» Ломоносов частично использовал формулировки приписок на сборнике XVI в. «Георгий убит» — «Юрье Всеволодович ... убит на последнем бою с татарами».[105] «Новгород от Батыя не разбит» — «Ярослав Всеволодович во время Батыева нашествия был на княжении в Новегороде Великом безвреден от татар».[106] «Ярослав в Орд[у]» — «По утишии войны пришел во Владимир и, оттуду ходив в Орду, принял от Батыя великое княжение владимирское».[107]

---

[96] ГБЛ, ф. 173, № 196, л. 92.
[97] Там же, л. 1.
[98] Там же, л. 99 об.
[99] Там же, л. 100.
[100] Там же.
[101] Там же, л. 100 об.
[102] Там же, л. 101.
[103] Там же, л. 102.
[104] Там же, л. 103.
[105] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 308.
[106] Там же.
[107] Там же.

Церковно-дидактический сборник XVI в., включивший «Житие учителя словеньску языку Кирила Философа», а также «Память и житие блаженного отца нашего и учителя Мефодия архиепископа Моравъска», имеет несколько характерных помет Ломоносова, обращающих внимание на те отрывки житий, в которых сообщаются сведения о создании славянской азбуки. Отмечено обращение князя Ростислава к Кириллу и Мефодию: «Вы бо еста селунянина, да селуняне вси чисто словеньскы беседуют».[108] Подчеркнуто место, где сообщается о том, что работа по созданию славянской азбуки была сделана Кириллом и Мефодием в течение их трехлетнего пребывания «в Моравах»,[109] а также тот отрывок, где перечислены книги, первыми переведенные с греческого на славянский язык: «Макковей,... Псалтырь бо бе токмо и Еуаггелие съ апостолы и избранными службами церковными».[110] Тогда же был «преложен» и «Номоканон, рекше закону правило и отеческие книги».[111]

Этот сборник был изучен Ломоносовым и в остальной части, где также подчеркнуты те отрывки летописных статей, в которых сообщены сведения о древнерусских городах, о нашествиях иноземных захватчиков.[112]

Возможно, в годы обучения в московской Славяно-греко-латинской академии Ломоносов обращался и к Московскому академическому списку Суздальской летописи,[113] близкому по своему характеру Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи, с которой Ломоносов ознакомился в Петербурге после возвращения из Германии.

Эти сохранившиеся рукописи — счастливое исключение. Такое же, как и уцелевший конспект лекций преподавателя Славяно-греко-латинской академии Порфирия Крайского, записанных Ломоносовым с 1733 г. по 17 октября 1734 г.[114] Большая часть библиотеки Славяно-греко-латинской академии сгорела в 1737 г., и мы лишены возможности восстановить весь круг чтения Ломоносова, равно как увидеть те книги, которые определенно были им изучены, как например «Кроника Полская Матвея Стриковского», попавшая в Академическую библиотеку вместе со всем собранием Сильвестра Медведева,[115] казненного после раскрытия заговора Шакловитого. «Хронологию» Матвея Стрыйковского Ломоносов называет в «Письме о правилах российского стихотворства», присланном в 1739 г. из Германии в Петербург.

А. А. Морозову принадлежит мысль о том, что Ломоносов в период обучения в Славяно-греко-латинской академии мог пользоваться библиотекой Московского Печатного двора — так называемой Типографской библиотекой, в которой было сосредоточено большое собрание рукописей.[116]

Типографская библиотека обладала замечательным собранием русских и западноевропейских рукописей. Судя по каталогу, составленному «по указу Святейшего Правительствующего Синода советника, школ и Типографии протектора Троицы Сергиева монастыря архимандрита Гавриила Бужинского», в Типографской библиотеке было сосредоточено 3555 книг «на разных языках», в том числе «словенских 1741».[117]

---

[108] ГБЛ, ф. 173, № 63, л. 123 об.
[109] Там же.
[110] Там же, л. 127 об.
[111] Там же.
[112] Там же, л. 143.
[113] ГБЛ, ф. 173, фунд. № 236.
[114] ГБЛ, ф. 183, № 279, лл. 158—283.
[115] С. Смирнов. История Московской славяно-греко-латинской академии, стр. 41—42.
[116] А. А. Морозов. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости, стр. 145.
[117] Каталоги Библиотеки московской Синодальной типографии. — Временник имп. московского Общества Истории и Древностей российских. М., 1851, отд. «Смесь», стр. 1—13.

Типографская библиотека не сохранилась в полном составе: в 1786 г. по распоряжению Екатерины II значительная часть рукописей библиотеки была передана в Синодальную библиотеку.[118] Сейчас это фонд Синодальных рукописей Государственного исторического музея (ГИМ). Рукописный отдел библиотеки московской Синодальной типографии и фонд старопечатных книг хранится в ЦГАДА.[119] В ЦГАДА находятся сейчас многие древние рукописи, которые были в библиотеке Печатного двора. Среди них Степенная книга XVI в.[120] — вклад новгородского архиепископа Ионы, Степенная книга с приложением жития Александра Невского,[121] Степенная книга, доведенная до 1559 г., переписанная в XVII в.,[122] Архангелогородская летопись,[123] Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря[124] — список переписан в канцелярии холмогорского архиепископа Афанасия, Летописец келейный Дмитрия Ростовского.[125] Здесь же были два списка «житий и чудес» князя Александра Невского.[126]

Синодальная библиотека, вероятнее всего, была недоступна Ломоносову в годы обучения его в Славяно-греко-латинской академии: только с 1736 г. указом Синода было разрешено «наставникам и лучшим студентам приходить для чтения книг в синодальную и типографскую библиотеки три раза в неделю».[127] Но в 1736 г. Ломоносов был уже в Петербурге.

Биографы XVIII в. — Я. Я. Штелин и М. И. Веревкин — писали о том, что во время обучения в Славяно-греко-латинской академии Ломоносов предпринял поездку в Киев: «Заиконоспасская библиотека не могла насытить жадности его к наукам, прибегнул к архимандриту с усильною просьбою, чтоб послал его на один год в Киев учиться философии, физике и математике; но в Киеве, против чаяния своего, нашел пустые только словопрения Аристотелевой философии: не имея же случаев успеть в физике и математике, пробыл там меньше года, упражняясь в чтении древних летописцев и других книг, писанных на славенском, греческом и латинском языках».[128]

В настоящее время сообщение биографов подтвердилось: в киевских собраниях рукописей (в Государственной Публичной библиотеке АН УССР) сохранились рукописи и книги с приписками и пометами Ломоносова, свидетельствующими об интенсивном изучении их Ломоносовым во время пребывания в Киеве.[129]

Ломоносов был в Киеве в осенние месяцы 1734 г.[130] За этот срок он изучил несомненно значительно большее количество рукописей и книг, чем удалось установить сейчас, так как на протяжении XVIII в. в Киеве

---

[118] В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. 1, кн. 1. Киев, 1891, стр. 691—692.

[119] Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель. М., 1946, стр. 134.

[120] ЦГАДА, ф. 381, № 346.

[121] Там же, № 347.

[122] Там же, № 348.

[123] Там же, № 349.

[124] Там же, № 350.

[125] Там же, № 351.

[126] Там же, № 396, 1328.

[127] С. Смирнов. История Московской славяно-греко-латинской академии, стр. 101.

[128] М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников, стр. 44.

[129] Г. Н. Моисеева. М. В. Ломоносов на Украине. — В кн.: Русская литература XVIII века и славянские литературы. М.—Л., 1963, стр. 79—101.

[130] А. А. Морозов первый правильно указал возможное время пребывания в Киеве — осень 1734 г., см.: А. А. Морозов. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости, стр. 172. В настоящее время у нас имеются данные, которые документально подтверждают предположение А. А. Морозова (см.: Г. Н. Моисеева. М. В. Ломоносов на Украине, стр. 94—95).

было несколько больших пожаров. Так, в 1777 г. во время пожара сгорела большая часть библиотеки Киево-Могилянской академии. Рукописные собрания киевских монастырей также подвергались стихийным бедствиям. Кроме того, не секрет, что собрания монастырей были основным фондом для пополнения личных коллекций таких знатоков и ценителей древней письменности, какими были, например, киевский митрополит Евгений (Болховитинов), митрополит Макарий (Булгаков).

Находясь на Украине, Ломоносов занимался в библиотеке Киево-Могилянской академии, в которой были собраны огромные книжные богатства. Студент Киевской академии И. Ф. Тимковский рассказывал об этом собрании: «Библиотека, в огромности своей, накопленной от времен основателей многими взносами, помещалась прежде в монастырской трапезе; и от трапезы — важнейшей частью погорела... Там мы имели свободу рыться в книгах, читать что могли и что позволено».[131]

Ломоносов, таким образом, читал и изучал многие рукописи и книги из библиотеки Киево-Могилянской академии. Некоторые из этих рукописей и книг сохранили приписки и пометы Ломоносова, характеризующие круг его интересов в этот период жизни и творчества.

В собрании Киево-Братского монастыря находится курс латинской философии, переписанный в 1702 г., — «Antagonium cursus philosophici seu introductio brevis in Logicam vulgo Dialecticam».[132] Весь этот курс тщательно изучен М. В. Ломоносовым: текст почти на всех листах имеет много подчеркиваний, знаков на полях. А на л. 6 против текста, где излагается диалектика по Аристотелю, стоит помета ⁂ и текст, написанный рукою Ломоносова.[133]

В собрании Киево-Братского монастыря находится и курс философии, переписка которого была начата в сентябре 1733 г.: «Liber Philosophiae quadripartitus, id est Logica, Metaphysica, Physica et Ethica ad mentem Aristotelis Stagyrytae (sic!) eo methodo, quo traditur in scholis biennio soribendus et explicandus in Collegio Kijovomohylano..., anno Domini 1733 Septembris 17».[134] Этот курс тоже внимательно прочитан Ломоносовым.

Пометы Ломоносова есть и на курсе поэтики, созданном в 1705 г. Феофаном Прокоповичем, — «De arte poetica».[135] Эта «Поэтика», впервые опубликованная в 1786 г., [136] в течение всего XVIII в. служила великолепным руководством для теоретиков поэзии.[137] Ломоносов, прослушавший курс теории поэзии в московской Славяно-греко-латинской академии, читанный Порфирием Крайским, отрицательно относившимся к Феофану Прокоповичу, с интересом ознакомился с рукописной книгой «De arte poetica», что сказалось позднее в его собственных трудах по теории поэзии.

М. И. Веревкин писал в биографии Ломоносова о том, что, находясь в Киеве, он «упражнялся там в чтении древних летописцев...».

В Киево-Печерской лавре Ломоносов ознакомился с рукописью Киево-Печерского Патерика, переписанного там в 1553 г. В составе собрания

---

[131] Записки И. Ф. Тимковского. — Русский архив, 1874, кн. 6, стлб. 1414.

[132] ГПБ АН УССР, Д. С. п. 155.

[133] Анализ этой приписки см. в кн.: Г. Н. Моисеева. М. В. Ломоносов на Украине, стр. 92—94.

[134] ГПБ АН СССР, Д. С. п. 170.

[135] См.: Г. Н. Моисеева. М. В. Ломоносов на Украине, стр. 246.

[136] О поэтическом искусстве три книги для пользы и наставления учащегося русского юношества, преподанные в Киеве в православной Могилянской академии в лето господне 1705. Могилев, 1786.

[137] О значении «Поэтики» Феофана Прокоповича см. в книге Р. В. Лужного: Ryszard Łużny. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. Z dsiejów związków kulturalnych polsko-wschodniosławiańskich XVII—XVIII w. Kraków, 1966, стр. 58—71.

рукописей Киево-Печерской лавры она была описана акад. Н. И. Петровым.[138] В 1931 г., когда рукопись Киево-Печерского Патерика в составе собрания Печерской лавры оказалась в Государственной Публичной библиотеке Академии наук УССР, по этому списку она была издана профессором Д. И. Абрамовичем.[139]

На многих листах этого списка Киево-Печерского Патерика имеются приписки и пометы М. В. Ломоносова. На полях л. 189 [б] рукою М. В. Ломоносова приписано — «Latini wasi[s]» — «латинские сосуды». Эта приписка относится к отрывку из текста житий святых Федора и Василия, в котором передан их рассказ о варяжских сокровищах, спрятанных в киевских пещерах: «Феодоръ ... рече: в житии святаго Антониа поведаеть варяжскыи поклажение, понеже съсуды латиньстии суть, и сего ради Варяжьскаа Печера зовется и доныне».[140] Текст этот подчеркнут.

В 7-й главе «Древней российской истории» приведена ссылка на этот отрывок Киево-Печерского Патерика: «В Грецию ходили реками и сухим путем в службу императоров константинопольских... Проходя славенскими и чудскими областьми, варяги особливое пристанище и жительство избрали в Киеве и сокровища прятали в тамошних пещерах еще задолго прежде создания монастыря Печерского».[141] К этой цитате Ломоносовым сделано примечание: «Патерик Печерский в житии святых Феодора и Василия».[142] Доказательством того, что Ломоносов мог пользоваться из всех списков Киево-Печерского Патерика только этим, служит то обстоятельство, что остальные 5 списков, известных в настоящее время и привлеченных к изданию и исследованию Д. И. Абрамовичем, до конца XIX—начала XX в. находились в частных собраниях.[143]

В рукописи Киево-Печерского Патерика много помет Ломоносова, относящихся к первому русскому митрополиту Илариону. На лл. 24—24 об. знаком ⁂ отмечен следующий текст: «Егда же благочестивый князь Ярославь победи Святополка и седе в Киеве, боголюбивому же князю Ярославу любящу Берестово и церковь святых апостол, священикы многы наводящу. В нем же бе презвитерь, именем Иларионь, муж благочестив, божественным писанием разуменъ и постник».[144]

На л. 60 отмечен рассказ об Иларионе в передаче печерского инока. Пометы Ломоносова фиксируют внимание и на отображении в Киево-Печерском Патерике исторических событий (походы против половцев, союзы князей и т. д.). Все эти материалы Ломоносов использовал позднее в работе над характеристикой исторических событий XI—XII вв. в «Древней российской истории».

В составе собрания Киево-Печерской лавры находится сборник начала XVIII в., включающий «Летописец келейный» Дмитрия Ростовского и «Каталог митрополитов киевских с летописанием вкратце»,[145] оканчивающийся известием о смерти митрополита Иосифа Кроковского в 1718 г.

Этот «Каталог» в начальной части весь пестрит пометами Ломоносова. Им отмечены все события, связанные с пребыванием на киевской митрополии Илариона. Знаки и пометы стоят против сообщений о первых киевских митрополитах-греках: Михаиле, присланном в Киев царьградским патриархом Леонтием, Неофите и других церковных деятелях.

---

[138] Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве, вып. II. М., 1897, стр. 123—124.
[139] Д. И. Абрамович. Киево-Печерский Патерик. Киев, 1931, стр. 1—211.
[140] ГПБ АН УССР, № 386, п. 157, л. 189б.
[141] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 204.
[142] Там же, прим. 1.
[143] Д. И. Абрамович. Киево-Печерский Патерик, стр. XXI.
[144] ГПБ АН УССР, № 386, п. 157, л. 24—24 об.
[145] Там же, № 352, п. 169.

Сведения о деятелях, возглавлявших русскую церковь вскоре после принятия христианства, учтены Ломоносовым и в «Древней российской истории», и в написанных Ломоносовым в январе 1764 г. «Идеях для живописных картин из российской истории». О первом митрополите-греке Михаиле, «своеручно» крестившем «всех сынов Владмировых», рассказано в «Древней российской истории», а в «Идеях для живописных картин» фигурирует и Михаил, «первый митрополит Киевский», и «Неофит, митрополит ефесский», который «налагает корону императоров греческих» на киевского князя Владимира Мономаха.[146]

Пребывание на Украине осенью 1734 г. обогатило молодого Ломоносова. В Киеве он не только изучал рукописи, но ознакомился с архитектурными памятниками древней Руси. В 1760 г. Ломоносов подал в Канцелярию Академии наук «представление» о необходимости послать художника «в древние столичные государственных и владетельных князей городы для собрания российской иконологии бывших в России государей обоего пола и всякого возраста, чтоб с имеющихся в церквах изображениях государских, иконописною и фресковою работою на стенах или на гробницах состоящих, снять точные копии величиною и подобием на бумаге водяными красками».[147] В числе древних городов, в которых имеются изображения, выполненные «иконописною и фресковою работою на стенах», Ломоносовым назван Киев.[148] В. К. Макаров убедительно раскрывает несомненное воздействие мозаик киевского Михайловского Златоверхого монастыря на мозаические работы, выполненные Ломоносовым: «Нерукотворный Спас» 1753 г. и портрет Петра I 1754 г.[149]

В полемике с Г. Ф. Миллером 1749—1750 гг. Ломоносов вспомнил современное название днепровских порогов («неспи», «кодацкий», «ненасытец»), сравнив их с древними и греческими названиями.

П. Н. Попов высказывает предположение о том, что в Киеве Ломоносов мог познакомиться с выдающимся украинским гравером Григорием Левицким.[150]

Поздней осенью 1734 г. Ломоносов вернулся в Москву, обогащенный познаниями в области древнерусской литературы и художественной культуры, но, по словам М. И. Веревкина, «не имея же случаев успеть в физике и математике».[151]

В декабре 1735 г. в числе одиннадцати учеников Славяно-греко-латинской академии Ломоносов выехал из Москвы в Петербург, в Академию наук.[152] Изучал ли Ломоносов древнерусские летописи в период восьмимесячного пребывания в Петербурге, сведений не имеется. 8 сентября 1736 г. Ломоносов вместе с Виноградовым и Райзером отплыл на корабле из Петербурга в Германию.[153]

Во время обучения в Германии «горному делу» Ломоносов не оставлял занятий русской историей. Мы не имеем возможности составить представление о том, какими он располагал материалами, так как в настоящее время

---

[146] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 368.
[147] Там же, т. IX, стр. 406.
[148] Там же, стр. 407.
[149] В. К. Макаров. Киевская «мусия» в художественном творчестве М. В. Ломоносова.—В кн.: Русская литература XVIII века и славянские литературы, стр. 102—104.
[150] П. Н. Попов. Неопублікована гравюра Григория Левицкого з побуту студентів в Київській академії (1735 р.) Українське мистецтвознавство. Київ, 1967, стр. 128—129.
[151] М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников, стр. 44.
[152] Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова, стр. 30.
[153] Там же, стр. 33.

в библиотеках Марбурга и Фрейберга не сохранилось древнерусских рукописей.[154]

Как мы узнаем позднее из отчетов Ломоносова о занятиях русской историей, он постоянно пользовался выписками и «экстрактами» из летописей и других литературных и исторических памятников. Вероятнее всего, методика исследования вырабатывалась у Ломоносова значительно ранее, и поэтому можно полагать, что во время пребывания в Германии он пользовался материалами, привезенными из России в виде выписок из источников. Несомненно одно: в литературных сочинениях и в трудах по теории поэзии («Письмо о правилах российского стихотворства»), написанных Ломоносовым в Германии, нашли отражение древнерусские исторические и литературные памятники.[155]

Летом 1741 г. Ломоносов вернулся в Петербург. С этого года началась его многогранная, чрезвычайно интенсивная деятельность в Академии наук, охватывавшая самые разнообразные отрасли знаний.

Изучение Ломоносовым древнерусских летописей в Петербурге было непосредственно связано с рукописными фондами Библиотеки Академии наук. К 40-м гг. XVIII в. здесь хранилось много ценных рукописей и книг. Еще в 1725 г. после смерти Петра I в Академическую библиотеку была привезена небольшая часть его собрания. Основная часть книг Петра I передавалась в Библиотеку в 1728—1729 гг., в их числе — 206 рукописных книг, принадлежавших членам семьи царя Алексея Михайловича.[156]

В те же годы были привезены в Библиотеку книги и рукописи царевича Алексея Петровича и сестры Петра I Натальи Алексеевны.

В 1736—1737 гг. Библиотека пополнилась книжной и рукописной коллекцией виднейшего сподвижника Петра I Я. В. Брюса, а за год до этого сюда же поступили книги умерших сотрудников Академии наук: адъюнкта А. Б. Крамера и переводчика И. В. Паузе. В собрании Паузе находились ценные рукописи, которые он использовал в период работы над переводом на немецкий язык петровской копии Кенигсбергской летописи.

Этот состав книжных и рукописных фондов Библиотеки Петербургский Академии наук был отражен в первом печатном описании книг и рукописей — так называемом Камерном каталоге, вышедшем из печати в 1742 г. в четырех частях на латинском языке.[157] Описание русских печатных и рукописных книг было издано отдельно на русском языке.

Выход печатного описания облегчал пользование библиотечными фондами, в том числе и рукописными. Экземпляры «Камерного каталога» получили сотрудники Петербургской Академии наук.[158] В настоящее время в Библиотеке Академии наук СССР хранится экземпляр «Камерного ка-

---

[154] K. Günther. Slawische Handschriften in Deutschland. Zeitschrift fur Slawistik, B. V, H. 3, Berlin, 1961, стр. 317—355. Занятия в библиотеках Марбурга и Фрейберга подтверждаются ссылками на «Фрейбергский летописец» — так Ломоносов называет книгу А. Меллера: A. Meller. Theatri Freibergensis chronici pars posterior. Beschreibung alten löblichen Berg-Haupt-Stadt. Freybergh in Meissen, 1653.

[155] См. гл. I настоящего издания, стр. 12—16.

[156] М. Н. Мурзанова. Первые фонды рукописных книг академической библиотеки. — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. I. XVIII век. Составили М. Н. Мурзанова, Е. И. Боброва и В. А. Петров. М.—Л., 1956, стр. 5—118; В. А. Петров. История рукописных фондов Библиотеки Академии наук с 1730 г. до конца XVIII в. — Там же, стр. 171—264; С. П. Луппов. 1) Основание и первые годы существования Библиотеки. 1714—1725 гг. — В кн.: История Библиотеки Академии наук СССР. 1714—1964. М.—Л., 1964; 2) Библиотека Академии наук в 1725—1747 гг. — Там же, стр. 9—51.

[157] Bibliothece imperialis Petropolitanae, pars I—IV. Typis Academiae imperialis Scient. SPb., 1742.

[158] И. Бакмейстер. Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской имп. Академии наук. СПб., 1779, стр. 37—38.

талога», принадлежавшего профессору Г. В. Рихману.[159] Удалось установить экземпляр русской части «Камерного каталога», где содержится описание русских печатных и рукописных книг, которым пользовался Ломоносов. На этой книге сохранились пометы Ломоносова, которыми отмечены интересовавшие его рукописи.[160]

«Камерный каталог» отразил состояние книжных и рукописных фондов 1735—1736 гг. Позднейшие поступления рукописей в Библиотеку Петербургской Академии наук отмечены на вклеенных листах некоторых экземпляров «Камерного каталога» библиотекарем А. И. Богдановым.[161]

К тому времени, когда Ломоносов возвратился из Германии в Петербург, Академическая библиотека пополнилась замечательными собраниями древнерусских рукописей.

Ноябрьский переворот 1741 г. и восшествие на престол дочери Петра I Елизаветы Петровны привели к опале и конфискации имущества некоторых влиятельных вельмож при дворе Анны Иоанновны и ее фаворита Бирона. В числе конфискованного имущества А. И. Остермана, Б.-Х. Миниха, М. Г. Головкина, Г. Левенвольде и К. Менгдена были описаны и их книжные собрания. Большая часть конфискованных книг и рукописей поступила в Академическую библиотеку.

В 1736 г. умер Феофан Прокопович, и ряд ценных рукописей, находившихся в его коллекции, попал в Академическую библиотеку.

Рукописи поступили от историка-самоучки П. Н. Крекшина. Много рукописей было передано Академической библиотеке в дар от В. Н. Татищева. Некоторые рукописи привез из Сибири Г. Ф. Миллер.

Изучение рукописей Академической библиотеки нашло отражение в отчетах Ломоносова, представленных в Канцелярию Академии наук. В отчете о работе в 1751 г. Ломоносов писал, что он «читал книги для собирания материй к сочинению „Российской истории“: Нестора, законы Ярославли, большой Летописец, Татищева первый том».[162] В 1753 г. Ломоносов продолжал читать «российские академические летописцы без записок, чтобы общее понятие иметь пространно о деяниях российских».[163] А в 1756 г. Ломоносов сообщил в отчете: «...собранные мною в нынешнем году российские исторические манускрипты для моей библиотеки, пятнадцать книг, сличал между собою для наблюдения сходств в деяниях российских».[164]

Просмотр de visu фонда рукописей, собранных в Библиотеке Петербургской Академии наук к 50-м гг. XVIII в., позволил установить, какие именно рукописи были использованы Ломоносовым. На многих рукописях были оставлены пометы Ломоносова в виде разнообразных значков, а также его приписки.

В составе рукописного собрания, хранившегося в доме новгородского архиепископа Феофана Прокоповича,[165] в Академическую библиотеку в 1741 г. поступили: Патриарший список Никоновской летописи (БАН. 32. 14. 8), Никоновская летопись с прибавлениями Повести о житии Феодора Ивановича и Нового летописца (БАН. 17. 2. 5), Воскресенская ле-

---

[159] БАН. $\frac{12768.0}{2272}$.

[160] Г. Н. Моисеева. Экземпляр «Камерного каталога», принадлежавший М. В. Ломоносову. — В кн.: Труды Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки Академии общественных наук СССР, т. VII. М.—Л., 1963, стр. 108—116.

[161] БАН. 45.13.21; 45.13.22; 1.3.62.

[162] Ломоносов, ПСС, т. X, стр. 389.

[163] Там же, стр. 391.

[164] Там же, стр. 393.

[165] Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 3, вып 1. Составили В. Ф. Покровская, А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, М. Н. Мурзанева. М.—Л., 1959, стр. 344—350.

топись начала XVI в. (БАН. 34. 5. 24), Степенная книга конца XVII в. (БАН. 32. 8. 5) с добавлением выписок из Хронографа, Иного сказания, Сказания Авраамия Палицына, Сказания об азовском осадном сидении, Нового летописца и родословных книг. Ранее эта рукопись принадлежала двоюродному брату царя Алексея Михайловича — Никите Ивановичу Романову-Юрьеву. После смерти последнего (1655 г.) рукопись перешла в царскую казну, а оттуда — в Патриаршую ризницу. В начале XVIII в. она была перевезена в Санкт-Петербург и передана Петром I Феофану Прокоповичу как один из важных источников для составления русской истории.[166]

Степенная книга (БАН. 32. 8. 5) содержит много помет, сделанных рукою Ломоносова. В Ином сказании на поле отчеркнуто и поставлено двойное №№ против отрывка из рассказа, где повествуется о прошении на царство Михаила Романова «сродственнаго его ради союза царских искр и по благословению же отцу его благоверному боляpину Феодору Никитичю блаженные памяти царем и великим князем Феодором Ивановичем всея Русии».[167]

В «Кратком российском летописце» Ломоносов полностью опирается на этот рассказ Иного сказания. Так, сообщая о событиях 1613 г. и избрании на царство Михаила Романова, Ломоносов сохраняет большую близость к источнику: «Михайло Феодорович Романов, ближний сродник государей московских и племянник царю Феодору Иоанновичу, сын постриженного боярина Федора Никитича Романова, коему царь Феодор Иванович при смерти поручил царство».[168] Очевидно также, что сюжет одной из живописных картин на темы русской истории был подсказан этой повестью. Сравним: «14. Право высокой фамилии Романовых на престол всероссийский. Царь Федор Иванович, приближаясь к кончине, при патриархе Иове и при боярех подает скипетр брату своему двоюродному, боярину Федору Никитичу Романову».[169]

Полагая, по-видимому, что эта Степенная книга с добавлениями произведений, созданных в начале XVII в. (Иного сказания, Сказания Авраамия Палицына, Нового летописца и др.), хранившаяся в семье родственников царя — бояр Романовых, основана на наиболее проверенных исторических данных, Ломоносов широко использует эти сведения в своих исторических трудах. Так, в Ином сказании отмечен на поле отрывок текста, в котором сообщено о венчании Михаила Романова на царство и о первых политических мероприятиях молодого царя: «В лето 7121 (*1613* г.) июля в 1-ый день венчан бысть царскою диадимою государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Руси в соборной и апостольстей церкви Пречистые бо̀городицы честнаго и славнаго ея успения в царствующем граде Москве. А московских боляр и всяких чинов людей, которые седели в Москве в осаде с литовскими людми и которые были в Литве у короля и в Тушине и в Колуге и при воре второлживом Дмитреи, и тех государь всех пожаловал для своего царского венца».[170]

В «Кратком российском летописце» в рассказе о воцарении Михаила Романова Ломоносов специально не останавливается на его венчании, но отмеченные в летописи материалы, особенно сведения о прощении «московских бояр и всяких чинов людей», он использовал для характеристики времени правления незадачливого царя Василия Ивановича Шуйского: «Между тем царь Василей Иванович, опасаясь бояр и забыв свое обещание, стал на них посягать. В то ж время явился новый самозванец

[166] Там же, стр. 517—518.
[167] БАН. 32.8.5, л. 189 об.
[168] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 333.
[169] Там же, стр. 371.
[170] БАН. 32.8.5, л. 190 об.

под именем царевича Дмитрия и другие под вымышленными именами его братей и племянников, от чего бояре и весь народ российский разделился на разные части. Междоусобные войны, разбойничества и нашествие поляков и шведов под видом спомогательства так утомили Россию и власть царскую умалили, что некоторые бояре, выбрав на царство польского королевича Владислава, постригли царя Василия Ивановича и польскому королю отдали».[171]

В «Кратком российском летописце» как бы раскрыты причины, обусловившие милостивые пожалования царем Михаилом Федоровичем «московских бояр и всяких чинов людей», которые в Смутное время помимо своего желания волею исторических обстоятельств («междоусобные войны, разбойничества и нашествие поляков») оказались «в Литве у короля и в Тушине и в Колуге и при воре второлживом Дмитрие».[172]

Очень полно использованы данные Родословца, находящегося в конце этой Степенной книги. Здесь много NB и отметок Ломоносова, которые фиксируют внимание на сведениях, относящихся к происхождению русских княжеских и боярских родов. Мы остановимся на нескольких примерах, чтобы показать, как претворялись отмеченные Ломоносовым материалы Родословца в его работах.

NB на боковом поле и отчерк абзаца рукописного текста обращают внимание на сведения о происхождении рода Воронцовых и Вельяминовых: «К великому князю Ярославу Володимеровичю Большому приехал служить из немец муж честен, именем Симон Африкановичь, да с ним сын его Юрья, и от них пошли Воронцовы, Вельяминовы, Сонцевы, Облязовы, Шадрины, Башмаковы, Исленьевы, Оксаковы».[173] В «Древней российской истории», говоря о роли варягов — наемных воинов в политической истории древней Руси, Ломоносов указывает, что среди них были родоначальники фамилий, игравших значительную роль в государственной жизни середины XVIII в. В данном конкретном случае Ломоносов имеет в виду братьев Романа и Михаила Ларионовичей Воронцовых — видных деятелей правительства императрицы Елизаветы Петровны. В гл. 7-й «О варягах вообще» Ломоносов использовал данные Родословца: «В Грецию ходили реками и сухим путем в службу императоров константинопольских. Воевали по Архипелагу, по Средиземному морю даже до Африки, откуду произошли и служили великим князям российским Африканы, знатных некоторых здешних фамилий прародители».[174]

Интерес к истории рода Воронцовых можно видеть и в более поздних сведениях Родословца, относящихся к XV в. Ломоносов отметил на поле NB и подчеркнул следующий текст: «Род Воронцовых и Вельяминовых... А другой сын у Василия Василиевича у тысяцкого Викула был свояк великому князю Димитрию».[175]

На л. 499 Родословца NB и отчерк на поле отмечают происхождение рода князей Монастыревых. Монастыревы владели большими угодьями на Севере — родине Ломоносова, и нет ничего удивительного в том, что его могло заинтересовать происхождение фамилии первого из представителей этого рода, воспитанного, по рассказу Родословца, своей бабкой в монастыре.[176]

Много отчерков и пометок NB на полях находится в рукописи против тех мест, где помещены сведения о литовских князьях и особо отмечены династические связи их с московским великокняжеским домом: «У На-

---

[171] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 332.
[172] БАН. 32.8.5, л. 190 об.
[173] Там же, л. 497.
[174] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 204.
[175] БАН. 32.8.5, л. 555.
[176] Там же, л. 499.

римонта был сын князь Патрикей. А у Патрикея были три сына князь Феодор, от того пошли Хованские, да князь Юрий, а за ним была дочь великого князя Василия. А пошли от него Булгаковы, Щенятевы, Куракины, да князь Александр...».[177] «У князя Андрея сын князь Иоанн Кривой бездетен, а дочь князя Андреева Еуфросиниа была за князем Андреем Иоанновичем».[178]

О том, как внимательно изучал Ломоносов Родословец, свидетельствует исправление, внесенное им в текст. На л. 513 об. содержится продолжение сведений о происхождении рязанских князей: «А Олговы дети Святославича: Всеволод, Игорь, Святослав... А у Игоря Олговича у внука Ярославова дети не писаны. А того Игоря постриг Изяслав Мстиславичь Смоленский внук великаго князя Владимира Мономаха. А в черницех убили его кияне. А у третиева сына у Ольгова Святославича, у Святослава дети Всеволод Чермной, да Олег, да Глеб».[179] Переписчик рукописи допустил очевидную ошибку: вместо «Ольгова Святославича» написал «Олгердова Святославича». Ломоносов зачеркнул слово «Олгердова» и крупно написал сверху «Ольгова». Мы помним, что подобные исправления он делал и в киевских рукописях в 1734 г.

Много исторических сведений Родословца использовано Ломоносовым для составления «Родословия российских государей мужеского и женского полу и брачные союзы с иностранными государями», которым заканчивался «Краткий российский летописец», опубликованный в 1760 г. Но некоторые материалы, отмеченные Ломоносовым, являются заготовками для других работ, нам неизвестных. Иной раз можно все-таки гипотетически представить, с какой стороны мог заинтересовать Ломоносова тот или иной материал. Так, например, на лл. 500—508 об. отчеркнуты известия о казанских царях и их потомках. В частности, с особым вниманием Ломоносов отнесся к сведениям о сыне Казанского царя Сафакирея — Утемишкирее. Выше нам уже приходилось говорить об изучении Ломоносовым еще в годы пребывания в Славяно-греко-латинской академии древнерусской повести 60-х гг. XVI в. — Казанской истории. Следы знакомства с этим произведением можно видеть в «Кратком российском летописце» и в «Идеях для живописных картин из российской истории», где в одной из предложенных Ломоносовым картин (№ 13) он хотел представить казанскую царицу Сумбеку, привезенную в Москву вместе с сыном Утемишкиреем. Позднее Утемишкирей был крещен и получил имя Александр.

Никоновская летопись (БАН. 17.2.5) также широко использована Ломоносовым. Ориентируясь на данные этой летописи, Ломоносов опирается на ее хронологические показания, иногда даже механически перенося даты летописных известий. Так, под 1128 г. в «Древней российской истории» помещен известный рассказ о полоцкой княжне Рогнеде, не захотевшей добровольно выйти замуж за киевского князя Владимира I. В действительности же эти события происходили в 980 г. Недоумение разъясняется Никоновской летописью: повествование о Рогнеде здесь помещено под 1128 г., когда составитель, сообщая о событиях, происшедших в Полоцком княжестве (которое принадлежало сыну Рогнеды — Изяславу), осветил его предысторию, начиная с убийства Владимиром князя Рогволода и насильственной женитьбы на Рогнеде.[180]

В Никоновской летописи имеется много карандашных помет и несколько приписок Ломоносова. Он обращает внимание на время возник-

---

[177] Там же, л. 510.
[178] Там же, л. 510 об.
[179] Там же, л. 513 об.
[180] БАН. 17.2.5, т. I, л. 137—137 об.

новения русских городов, их названия, особенности оборотов древнерусского языка, подчеркивает рассказ об ослеплении Василька, отмечает включенные в летопись литературные повести: о рукописании Магнуса, о взятии Царьграда крестоносцами, о преставлении блаженного Арсения, о создании Царьграда. Интересна и важна для понимания отношения Ломоносова к духовенству помета на л. 307 против текста, где рассказано, как татары, после кровопролитных сражений покорившие русские города, наложили дань на все население, освободив от нее только служителей культа: «... архимаритов и игуменов и иноков, и попов, и дьяконов, и крылошан, и всего причета церковнаго, кто зрит на господа бога и на пречистую богородицу, и водворяется в дому господни, и служит божиим церквам». На полях против этого текста рукою Ломоносова написано: «NB. Волен чин духовный да еретики».[181] Казалось бы, что в прочтении этой приписки допущена какая-то ошибка. Почему рядом с летописным текстом, где сообщалось о татарской дани, наложенной на русский народ, и об освобождении от дани церковнослужителей, Ломоносов назвал не только «чин духовный» (что соответствует прочитанному тексту), а упомянул «еретиков»?

Можно полагать, что в этой реплике Ломоносова отразилось его отношение к некоторой части русского духовенства середины XVIII в. Среди современных Ломоносову служителей культа он видел и «еретиков», т. е. людей, отступивших от заповедей, данных ими при вступлении в духовное звание. Известное прояснение этой приписки дает черновая заметка Ломоносова, сохранившаяся в числе писем к И. И. Шувалову и условно названная «Об обязанностях духовенства». Б. Б. Кафенгауз считает эту заметку началом большого политического и экономического труда на тему о должностях русского духовенства.[182] Под первыми пунктами заметки Ломоносов прямо высказывает свою точку зрения о должном и о существующем поведении духовных пастырей:

«1. Святейшего Синода и всего духовенства не одна только должность, чтобы богу молиться за кого они должны, но и обучать страху божию и честным нравам словом и примером, а особливо молодых людей.

2. К слову принадлежит знание истинного красноречия, состоящего в основательном учении, а не в пустых раздобарах.

3. К примерам надлежит честное житие всех служителей алтаря и слова господня».[183]

Далее Ломоносов говорит: «А у нас при всякой пирушке по городам и по деревням попы — первые пьяницы. И не довольствуясь тем, с обеда по кабакам ходят, а иногда и до крови дерутся».[184]

Этому «еретическому» поведению духовных пастырей Ломоносов противопоставляет заботу об обучении детей, что он считает основной обязанностью духовенства: «... главное дело в том состоит, что везде, где только есть церковь, должны попы и причетники учить грамоте за общую плату всего прихода».[185]

В стихотворении «Гимн бороде» Ломоносов средствами сатиры еще более ярко нарисовал картины своекорыстного поведения духовных отцов, которые благодаря своему особому положению добиваются «знатных чинов» и беспечной «святой жизни», будучи «в разуме не зрелом».

---

[181] Там же, л. 307.

[182] Б. Б. Кафенгауз. Незавершенный труд М. В. Ломоносова. — В кн.: Доклады и сообщения Института истории, вып. 3. М., 1954, стр. 125—131.

[183] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 407.

[184] Там же, стр. 407—408.

[185] Там же, стр. 408.

С приписками, раскрывающими отношение Ломоносова к церковникам, мы встретимся и далее, когда будем говорить о Патриаршей рукописи.

В 1728—1729 гг. в Библиотеку Петербургской Академии наук поступило собрание рукописей и книг из личной библиотеки Петра I.[186] В числе «манускриптов» была копия с Радзивиловской летописи XV в. (БАН.31.7.22). Во время пребывания в Кенигсберге в 1711 г. Петр I увидел в библиотеке эту древнюю русскую летопись и заказал копию, воспроизводящую текст и миниатюры. В. Н. Татищев считает, что копия Радзивиловской летописи поступила в библиотеку Петра I в 1716 г.[187] Полагаем, что В. Н. Татищев располагал какими-то достоверными сведениями, которые подтверждаются письмом Федора Борисова из Кенигсберга в феврале 1712 г., опубликованным в «Русской старине» в 1870 г.[188]

Патриаршая Никоновская летопись третьей четверти XVI в. также имеет очень много следов непосредственной работы Ломоносова. Здесь два типа помет: карандашом и чернилами. Они начинаются с первых листов рукописи, где излагается древнейшая история Русского государства. Особо отчеркнуты те места, где излагаются легенды о призвании варягов. Ломоносов подчеркивает в тексте и отмечает на полях следующие места: «Приидоша на помощь три браты со всем родом своим Рюрик, Синеус, Трувор ... сице бо варязи звахуся Русью».[189] Как мы увидим далее, он проверяет эти данные по всем летописным источникам. Внимание к этой теме Ломоносова ясно обозначалось в его научной полемике с Г. Ф. Миллером 1749—1750 гг. Непосредственное же отражение его собственная позиция, как будет показано ниже, нашла в I и начале II частей «Древней российской истории».[190] Некоторые материалы из Патриаршего Никоновского свода прямо цитируются в Родословце, которым оканчивается «Краткий российский летописец». Так, например, на л. 536 отчеркнуто на поле и поставлено чернилами и карандашом на полях №№ против известия «князь великий Василей Дмитриевичь отдаде дщерь свою, княжну Анну, в Царьград за царевича Ивана Мануилевича». Эта помета поставлена в связи с участием Ломоносова в споре П. Н. Крекшина с Г. Ф. Миллером в 1747 г. по вопросу о происхождении рода Романовых. В своем «репорте» академической Канцелярии Ломоносов прямо ссылается на «Степенную книгу Никона патриарха», где «в 14 грани» сказано, что дочь великого князя московского Василия Дмитриевича Анна была «в брачном сочетании с царем греческим Иоанном Мануйловичем».[191]

---

[186] М. Н. Мурзанова. Первые фонды рукописных книг академической библиотеки, стр. 5—117.

[187] В «Предызвещении» к «Истории российской» В. Н. Татищев сообщил следующее: «Есть в библиотеке императорской Академии наук, списан по повелению его императорского величества Петра Великого в Кениксберге в библиотеке Радзивиловской 1716-го году». — В. Н. Татищев. История российская, т. IV. М.—Л., 1964, стр. 48. Совпадение выводов В. Н. Татищева о времени переписки копии Радзивиловской летописи с точкой зрения Г. Ф. Миллера, высказанной им в статье «О первом летописателе российском преподобном Несторе», опубликованной в апрельском номере «Ежемесячных сочинений» за 1755 г., объясняется тем, что Г. Ф. Миллер использовал материалы В. Н. Татищева. См.: Г. Н. Моисеева. Из истории изучения русских летописей в XVIII веке (Герард Фридрих Миллер). — Русская литература, 1967, № 1, стр. 130—137.

[188] М. Н. Мурзанова. Первые фонды рукописных книг академической библиотеки, стр. 97.

[189] БАН. 32.14.8, л. 58.

[190] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 203—219. См. гл. III настоящего издания, стр. 124—136.

[191] БАН. 32.14.8, л. 536.

В период работы над «Кратким российским летописцем» Ломоносов использовал материалы, почерпнутые из «Степенной книги Никона патриарха», в работе «Родословие российских государей мужеского и женского полу и брачные союзы с иностранными государями», которым заканчивался «Краткий российский летописец»: «40. Василей Дмитревич. Супруга: Софья Витовтовна, великая княжна литовская. Сыновья: Иван, Василей. Дочери: 1) Анна Васильевна за греческим царем Иваном Мануйловичем Палеологом, за дядею родным великия княгини Софьи Фоминишны...».[192]

Среди помет Ломоносова на Патриаршей летописи обращает внимание приписка с антиклерикальной направленностью. В тексте летописи на л. 231 рассказано о том, как киевский митрополит Константин заточил игумена Печерского монастыря Поликарпа перед «господскими праздниками», т. е. в пасхальный великий пост, приказав соблюдать его особенно строго «в сердехъ и пятцех: сыра и млека и яиц и масла кравиаго отшаятися, соблюдающе правило апостольское; масло же древяно и рыбы ямы, аще бо и распятию господню тропари поем». На полях Ломоносов приписал: «Тропари с пищею соответствуют».[193]

На л. 55 Патриаршей летописи, где повествуется о расселении племен и перечислены «языци иже дань дают Руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемиса, мордва [*в ркп.* морда], пермь, печера, емь, литва, зимгола, корса, марава, либь — си суть язык свои имуще от колена Афетова иже живут на странах полунощных»,[194] в тексте подчеркнуты слова «мурома», «марава», а на полях Ломоносов написал: «Моравия славенский язык».

Можно думать, что приписка о Моравии находится в связи с размышлениями Ломоносова о происхождении славянской письменности. Внимание к этой теме он проявлял, как мы помним, еще в те годы, когда обучался в Славяно-греко-латинской академии. В ноябре 1760 г. Ломоносов обратился в Канцелярию Академии наук с просьбой организовать снятие копий надгробных надписей в городе Брно в Моравии.[195]

Приписки Ломоносова на л. 340 Патриаршей летописи обращают внимание на сведения о великом князе Даниле Александровиче. Под 1306 г. в летописи сообщено о брани «межи князей руских». В то время во Владимир прибыл посол из Золотой Орды Алекса Невруй, которому русские князья начали «глаголати свою обиду». На одной стороне оказались князья Андрей Александрович Владимирский, Федор Черный Ростиславич Ярославский и Константин Борисович Ростовский, «а на другой стране противу их сташа князь великы Данило Александровичь Московский, да князь велики Михайло Ярославичь... Тверской, да с ними переславьци за единь».[196] Слова «князь великы Данило Александровичь Московский» подчеркнуты в тексте летописного рассказа. На полях написано чернилами №. Обратим внимание на то, что в «Кратком российском летописце» Ломоносов использовал эти сведения. Так, под 1296 г. он написал: «Данило Александрович московским великим князем именовался первый».[197] Далее в тексте Патриаршей летописи сообщено о том, как великий князь Андрей Александрович пошел ратью к Переяславлю, к Москве и к Твери, но князья Данило Александрович Московский и Михайло Ярославич Тверской «противу собраши рать многу и шед сташа близ Юрьева полчища и тако не даша ити великому князю Андрею

---

[192] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 354.
[193] БАН. 32.14.8, л. 231.
[194] Там же, л. 55.
[195] Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова, стр. 343.
[196] БАН. 32.14.8, л. 340.
[197] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 311.

Александровичю к Переславлю».[198] В тексте летописи подчеркнуты слова «Юрьева полчища» и на полях написано: «Юрьевецъ Польский».

На л. 236 Патриаршей летописи подчеркнут текст, в котором сообщено: «Того ж лѣта (*1171 г.*) преставися в Новегороде посадник Васка Буславич». На поле поставлен значок ⊕ и №. Можно полагать, что исторические известия о новгородском посаднике Василии Буслаеве Ломоносов привлекал к изучению в связи с интересом к былине о Ваське Буслаеве, которая была широко распространена на русском Севере и, несомненно, была ему знакома с детских лет.

На л. 292 об. двумя № Ломоносов отметил летописный текст, в котором рассказывается об отношениях владимирского князя Всеволода Юрьевича и рязанского князя Глеба. В отрывке повествуется о том, как Глеб «поиде ратию к Москве и пожже Москву всю и град, власти и села вся пленоваше».[199] Всеволод Юрьевич «с ростовци, и с суздальци и с переяславци и со всею силою» выступил против Глеба, но без поддержки «удалых новогородцев» не смог противостоять рязанской силе и ушел во Владимир, «князь же Глебъ рязанский пожег град Москву всю». В ту же зиму Всеволод Юрьевич, «восхоте отмщение сотворити на князя Глеба рязанского», вместе с прежними союзниками и с новгородской ратью пошел на Рязань и разорил ее.

В «Кратком российском летописце» Ломоносова приведенный выше летописный текст нашел такое отражение: «Дмитрий-Всеволод Юрьевич призван на великое княжение владимирское, казнил убийцев брата своего Андрея. Вел войну с Глебом, князем рязанским, с обеих сторон разорительную».[200] В кратком сообщении Ломоносов как бы обобщил вывод из летописного рассказа.

На л. 162 Патриаршей Никоновской летописи двумя №, подчеркиванием на полях и в тексте выделен рассказ составителя летописи о смерти Яна Вышатича: «Того же лета (*1106 г.*) преставися Янь добрый старець жив лет 90 въ старости маститъ по закону божию, не хуже праведниковъ. От него же и аз много словеса слышах, бе бо мужь благ и кротокъ, и смирен, ограбаяся от всякия вещи. Его же гроб есть в Печерском монастыре в притворе, идеже лежит тело его положено».[201] Подготавливая к печати Кенигсбергскую (Радзивиловскую) летопись, Ломоносов поместил примечание к тексту этого же отрывка: «Здесь Нестор о себе упоминает».[202]

На этом же листе летописи отмечено на полях и подчеркнуто в тексте известие о княгине Евпраксии: «Того же лета постризеся княгиня Еупраксия Всеволожа дщи месяца декабря».[203] Ломоносов использовал этот материал в «Родословии российских государей...», которым заканчивается «Краткий российский летописец»:

«12. Всеволод Ярославич.

Супруги: 1) Царевна греческая Константина Мономаха, мать Владимира Мономаха; 2) Анна.

Сыновья: 1) Владимир Мономах, 2) Ростислав.

Дочери: 1) Евпраксия Всеволодовна за Оттоном Первым, маркграфом бранденбургским; а за вторым супругом за Генриком Четвертым, цеса-

---

[198] БАН. 32.14.8, л. 340.

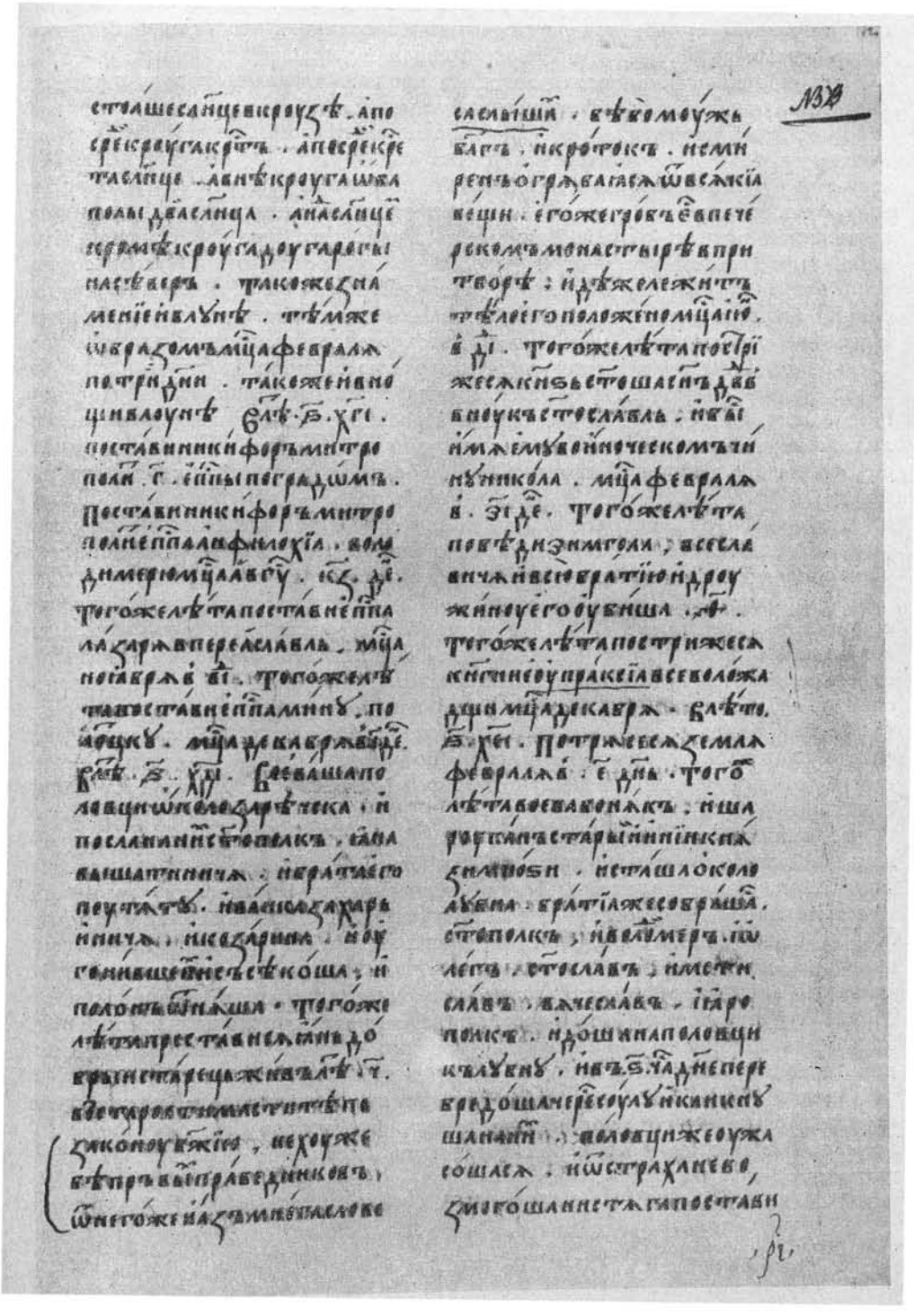
[199] Там же, л. 242 об.

[200] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 306.

[201] БАН. 32.14.8, л. 162. (Разрядка наша, — *Г. М.*).

[202] Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен, ч. I. СПб., 1767, стр. 172. (Далее везде при ссылках на это издание — Библиотека российская историческая).

[203] БАН. 32.14.8, л. 162.



Подчеркиванием в тексте и №№ на полях Ломоносов отмечает известия о Яне Вышатиче. БАН. 32.14.8, л. 162.

рем римским, потом постриглась в России».[204] Таким образом, выделенный подчеркиванием текст понадобился Ломоносову как фактическая справка о судьбе дочери Всеволода Ярославича, проведшей большую часть жизни за границей, но постригшейся и умершей на родине.

Патриаршая Никоновская летопись явилась для Ломоносова одним из важнейших источников исторических сведений.

В составе собрания Феофана Прокоповича поступила в Библиотеку Академии наук Воскресенская летопись начала XVI в. (БАН. 34. 5. 24). На этой рукописи также много карандашных помет Ломоносова. Обращает на себя внимание №, поставленное его рукою против заглавия летописи, написанной вязью: «Книга, глаголемая Временник, сиречь летописец русский». В «Древней российской истории» Ломоносов неоднократно ссылается на «Сборный Временник».[205] Позднее нам еще придется в другой связи вернуться к рассказу об ослеплении Василька Ростиславича. Здесь же отметим, что на л. 203 об. Воскресенской летописи, где помещен рассказ об этом трагическом событии, рукою Ломоносова поставлено №. Привлек его внимание и рассказ о судьбе сестры Ярослава Мудрого — Предславы, которая тайно сообщила Ярославу, находившемуся в Новгороде, о коварном замысле Святополка, убившего Бориса и Глеба и покушавшегося на его жизнь. Святополк в борьбе с Ярославом обратился за помощью к «ляхам». Болеслав — польский король — взял Киев, ограбил его и, оставляя город, «поволочив Предславу».[206] В Древней Российской истории» Ломоносов использовал этот материал в главе 10-й «О княжении Святополкове» [207] и в «Кратком российском летописце».[208]

Из библиотеки Феофана Прокоповича поступил хронографический сборник в переработке XVIII в. с прибавлениями.[209] На этой рукописи сохранились пометы Ломоносова в виде № и знака × на полях против тех отрезков текста, которые оказались использованными в трудах Ломоносова. Так, отмечено следующее летописное известие: «В то же лето (*1081 г.*) благоверный князь Всеволодъ Ярославичь по смерти брата своего благоверного князя Изяслава Ярославича седе въ Киеве на княжении и постави церковь каменную святаго архистратига Михаила на Выдубачахъ».[210]

Вспомним, что Ломоносов проявлял большой интерес к киевским мозаикам, которыми была украшена церковь Михайловского Златоверхого монастыря. В составленных им «Химических и оптических записках» имеется запись: «№. достать киевской мусии» (т. е. смальты). Еще в конце XVIII в. митрополит Евгений Болховитинов видел «великие кучи» ссыпавшейся мозаики. В. К. Макаров убедительно раскрывает воздействие киевских мозаик на формирование мозаических работ Ломоносова.[211] Можно думать поэтому, что, размышляя о киевских мозаиках, Ломоносов отметил в летописях сведения о построении церквей, в которых сохранились древние мозаики.

Помета Ломоносова имеется на поле против текста, в котором сообщено о «разделении самодержавия» после смерти Владимира Всеволодовича Мономаха. В «Кратком российском летописце» Ломоносов отмечает, что Вла-

---

[204] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 349—350. (Разрядка наша, — *Г. М.*).
[205] Там же, стр. 236.
[206] БАН. 34.5.24, л. 153.
[207] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 275—279.
[208] Там же, стр. 347.
[209] Исторические сборники XV—XVIII вв. — В кн.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 3, вып. 2. Составили А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. М.—Л., 1965, стр. 81.
[210] БАН. 34.4.15, л. 456.
[211] В. К. Макаров. Киевская «мусия» в художественном творчестве М. В. Ломоносова, стр. 102—104.

димир Всеволодович Мономах «венчан царем и самодержцем всероссийским».[212]

Значком отмечена характеристика великого князя Всеволода Юрьевича и обращено внимание на его расправу с убийцами брата Андрея Юрьевича Боголюбского. В хронографическом сборнике о князе Всеволоде говорится как о деятеле, который пользовался большим уважением: «... бысть имя его славно по всей земли и на татарах дань ималъ, владый всею российскою землею и до Хвалимскаго моря всеми бо любим бысть, такожде и сам всех любя, точию единех злодеев тех, дерзнувших убити брата его великаго князя Андрея сих бо всех повеле казнити, а самех Кучковичев в коробы зашити и в озере изтопити, а сестру их жену же великаго князя Андреа повеле Всеволод князь убити. Она же наусти братию своего мужа погубити и ея повесиша на вратех, и разстреляша».[213]

В «Кратком российском летописце» Ломоносова оказались широко использованными эти материалы. Сообщая о смерти Андрея Боголюбского, Ломоносов написал, что он «убит злодейским образом от московских дворян Кучковичев», и далее сказано о том, как Всеволод Юрьевич, призванный «на великое княжение владимирское, казнил убийцев брата своего Андрея».[214]

В хронографическом сборнике из собрания Феофана Прокоповича Ломоносовым отмечены известия о великих князьях,[215] о постройках каменных церквей. Заинтересовало его и сообщение о Прокопии Устюжском: «В лето 6811 (*1303 г.*) святый и блаженный Христа ради юродивый Прокопий Устьюжский новый чудотворец бе от Западных стран от немецкия земли чином купец, родителей же его никто не весть».[216]

Степенная книга с добавлениями выписок из Хронографов третьей четверти XVII в. (БАН. 32. 8. 4) поступила в Библиотеку Академии наук после смерти Я. В. Брюса в 1735 г. Ломоносов широко использовал данные этой летописи в своей работе. В полемике с Г. Ф. Миллером он доказывал этническую близость пруссов и славян общностью их верований. Позднее он повторил эти доводы в 8-й главе «Древней российской истории»: «Больше всех утверждает единство древних пруссов с варягами-россами почтение одного главного идола по имени, по знаменованию и по обрядам. Перкун прусский был то же, что у россов Перун».[217] В летописце Брюсовом Ломоносовым подчеркнут текст, где рассказывается, как Владимир I после крещения «повеле кумиры сокрушати Перуна и Харса, Дажба, и Мокоша, и власии богоскотия и прочая идолы».[218]

Использование данных летописца Брюсова в «Древней российской истории» можно видеть на следующем примере, где Ломоносов прямо переносит материалы Степенной книги. В рукописи имена и названия городов подчеркнуты карандашом и на полях против текста стоит крест (+).

«Древняя российская история» о завещании Владимира: «Старший сын Вышеслав получил в участие Великий Новгород, прежнее Владимирово владение, которое еще при жизни его, по смерти Вышеславове досталось Ярославу. Изяслав отпущен, как показано выше, с матерью на дедовское княжение, в Полотск. Святополку дан Туров, Ярославу — Ростов, потом Новгород, а Ростов — Борису, Глебу — Муром, Святославу — Древлянская земля, Всеволоду — Владимир, Мстиславу — Тмутаракань, Станиславу — Смоленск, Судиславу — Псков, Погвизду — Волынь и Луцко».[219]

[212] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 303.
[213] БАН. 34.4.15, л. 478—478 об.
[214] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 306.
[215] БАН. 34.4.15, лл. 500 об.—501, 515, 517, 537, 609.
[216] Там же, л. 506.
[217] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 206.
[218] БАН. 32.8.4, л. 107.
[219] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 273—274.

Степенная книга (города и имена подчеркнуты в рукописи, кресты на полях): «Вышеславу — Великий Новград, Изяславу — Полтеск, Святополку — Туров, Ярославу — Ростов. Умершу же Вышеславу и даде Ярославу Новград, Борису — Ростов, Глебу — Муром, Святославу — Деревы, Всеволоду — Владимир, Мьстиславу — Тмуторакань, Станиславу — Смоленск, Судиславу — Псков».[220] О Погвизде и Луцко Ломоносов использовал сообщение Стрыйковского.

В этой же Степенной книге Ломоносов анализирует церковные узаконения Владимира. Ниже идет перечисление, кто относится к «церковным людям»: [221] «Людие ж церковнии сии суть иереи, и диякони, и жены их, и чада их, и весь клирос, и игумени, и иноцы, и инокини, и лечцы, и вдовицы и задушныя люди, и просвирницы и псаломники...».[222] Ломоносов поставил на полях крест против этого текста и подчеркнул «и лечцы», «и задушныя люди». Далее в «Уставе» Владимира указано, кто подлежит церковному суду: «Церковнии же судове сии суть распуты, прелюбодеяния, пошибания, умычки, межу мужем и женою о сожительстве их и иже в родстве и в сватовстве брак, ведовство, потворы, чародеяния, волхование, зелейничество, зубоежа, триурекания блудничеством».[223]

Ломоносовым подчеркнуты в тексте слова: «...распуты ... пошибания, умычки, ... зубоежа»,[224] и на полях стоит крест, что обозначает использование этого материала. Сейчас трудно сказать, какую цель преследовал Ломоносов: интересовали ли его эти термины с церковно-юридической и правовой точки зрения (мы знаем его большое внимание к роли духовенства в государстве). Может быть, его могли заинтересовать эти слова со стороны их происхождения и значения как материал для словаря, который он составил вместе с Кирьяком Кондратовичем.

Степенная книга дала Ломоносову материал для рассказа о событиях времени Ивана Калиты в «Кратком российском летописце».[225]

Изучение Ломоносовым Лицевого (или Царственного) свода Никоновской летописи (БАН. 31. 7. 30) засвидетельствовано документально. Выше уже говорилось о том, что после его смерти книги и рукописи, находившиеся у него дома, были возвращены в Библиотеку Академии наук. В числе этих «вещей покойного ... профессора Михаила Васильевича Ломоносова» были «две книги летописцев российских с лицами, №№ 34, 35».[226] Ломоносов брал оба тома Лицевого свода в 1763 г.

Два тома Лицевого свода середины XVI в. поступили в Библиотеку Академии наук в составе собрания А. И. Остермана в 1743 г. и были включены в дополнения к «Камерному каталогу» под №№ 34 и 35. Эта рукопись сохранила много помет — следов работы Ломоносова, в числе их не только разметка материалов, но и автографы. Так, на л. 133 (т. II) в тексте: «Князь великий Ягаило литовский по прежреченным уроком своим совокупил литвы много и варяг и жемоити и прочая» [227] последние

---

[220] БАН. 32.8.4, л. 147 об.

[221] Там же, л. 123.

[222] *Лечцы* — лекари; *задушныя люди* — люди, освобожденные по духовному завещанию. См. комментарии к кн.: Памятники права Киевского государства. Составил А. А. Зимин под ред. С. В. Юшкова. М., 1953, стр. 396.

[223] БАН. 32.8.4, л. 123—123 об.

[224] *Распуты* — дела о разводе; *пошибания* — А. С. Павлов полагал, что речь идет об изнасиловании женщины, Е. Голубинский считал, что здесь говорится о драке между мужем и женою, об имуществе; *умычки* — похищение женщин и девушек; *зубоежа* — кусание в драке. См. комментарии к кн.: Памятники права Киевского государства, стр. 248—250.

[225] Ср.: БАН. 32.8.4, л. 322 об.; Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 353.

[226] Г. М. Коровин. Библиотека Ломоносова. Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. М.—Л., 1961, прилож. VII, стр. 432.

[227] БАН. 31.7.30, л. 69.

слова («варяг и жемоити») Ломоносов подчеркнул, поставил на полях NB, сделал сноску пунктиром вниз и написал «варяги и жмудь вместе».[228] Эта помета стоит в прямой связи с размышлениями Ломоносова над этническим происхождением варягов. В научной полемике с Г. Ф. Миллером в 1747—1749 гг. он впервые изложил свою точку зрения по этому вопросу. В «Древней российской истории» Ломоносов раскрыл свои взгляды в главе 8-й «О варягах-россах»: «... древних варягов-россов область простиралась до восточных пределов нынешния Белыя России, и может быть, и того далее, до Старой Русы, от которых она создана или переименовалась». По мнению Ломоносова, доказательством славянского происхождения варягов служит общность языков, «которыми ныне говорят в Жмуди, в северной Литве и в некоторых деревнях оставшиеся старые пруссы».[229]

На л. 104 об. Остермановского Лицевого свода на полях отчеркнуто описание внешности князя Дмитрия Донского: «... телом велик и широк, и плечист, и чреват велми, и тяжек собою зело, брадою же и власы черн, взором же дивен зело».[230] В оде Елизавете Петровне 1761 г. Ломоносов вспоминает образ князя Дмитрия Донского, «сильные плечи» которого «густят татарской кровью Дон».

Можно думать, что интерес к описанию внешности князя Дмитрия мог возникнуть у Ломоносова еще в 1749—1750 гг. в связи с работой над трагедией «Тамира и Селим», напечатанной в 1750 г. Следовательно, Ломоносов брал Остермановский том до 1750 г., а в 1757 г. он обратился к этим материалам еще раз. Описание внешности Дмитрия Донского могло заинтересовать Ломоносова и в связи с подготовкой работы «Идеи для живописных картин из российской истории». Картина 10-я озаглавлена: «Начало сражения с Мамаем. С обеих сторон стоят полки: с правой российские, с левой татарские. В форгрунде великий князь Димитрий Иванович».[231] Известно, что, подготавливая эту работу, Ломоносов повсюду искал материал для описания внешности исторических деятелей и обращался к вице-канцлеру А. М. Голицыну с просьбой прислать интересующие его материалы, которые хранились в Москве в Архиве Коллегии иностранных дел. В письме к Голицыну 1764 г. он писал: «Не малый здесь нахожу недостаток в изображении старинного нашего платья разных чинов. Сведение о сем сыскать едва ли где лучше можно, как в Архиве Коллегии иностранных дел».[232]

Лицевой свод, несомненно, привлекал внимание Ломоносова и как документальный материал, откуда он мог почерпнуть изображение батальных сцен, оружия, одежды и даже портретные характеристики. Так, в т. I Лицевого свода на л. 25 об. Ломоносов отметил NB и чертой, проведенной к миниатюре (№ 46), портрет московского митрополита Игнатия, поставленного, как сказано в летописном тексте, «повелением Кирила митрополита московского и всея Русии». На л. 47 Ломоносов карандашом провел черту от № 3 к миниатюре (№ 89), где изображены «пороки на владычне дворе».

Ломоносов глубоко изучал древнерусские летописи, сравнивал летописные известия, относящиеся к одним и тем же событиям, решал вопрос о составителях сводов. Приписка на последнем листе т. II Лицевого свода показывает, как Ломоносов предвосхитил выводы исследователей XIX—XX вв. об одном из составителей летописных известий, помещенных в этом томе. На последнем листе рукою Ломоносова написано: «NB. Сія

---

[228] Там же.
[229] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 208.
[230] БАН. 31.7.30, т. II, л. 104 об.
[231] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 370.
[232] Там же, т. X, стр. 581.

книга писана Игнатіемъ черноцомъ Михайла архіерея Смоленского. Смотри стрн. 556».[233] Отсылка к «стрн. 556» (л. 280 об.) дает возможность увидеть, на каких материалах основывается вывод Ломоносова.

В этой части т. II Лицевого свода содержится рассказ о третьем путешествии московского митрополита Пимена в Царьград в 1389 г. В отрывке текста, который подсказал Ломоносову мысль о составителе летописи, было сообщено о том, что русский митрополит приехал в неудачное время «зане бехом в Турской державе и мятеж бысть велий и смущение много в той стране».[234] Пимен решил поэтому послать в Царьград сначала некоторых из сопровождавших его лиц. В Лицевом своде об этом сообщено так: «... и убоявшеся мятежа и отпусти Пимин митрополит черньца Михаила ко Царюграду, а Михаил, епископ смоленский, мене Игнатиа, а Сергей архимандрит Азаков своего черньца».[235]

Этот отрывок текста и дал основание Ломоносову прийти к выводу, как можно об этом судить по приписке на последнем листе т. II Лицевого свода, о том, что Игнатий, чернец архиерея смоленского Михаила, причастен к составлению летописи, вошедшей в Лицевой свод. Упоминание имени Михаила показывает, что Ломоносов придавал значение тому, что Игнатий был духовным лицом смоленской епископии, архиерей которой не мог быть безучастным к писанию своего «черньца».

Вывод Ломоносова о причастности Игнатия-«черньца» к составлению летописного рассказа совпадает с наблюдениями В. Н. Татищева. В части III «Истории российской» на боковом поле против цитированного отрывка летописного текста («...и отпусти Пимин митрополит черньца Михаила ко Царюграду, а Михаил епискуп смоленский, а мене Игнатия...») написано: «Автор Игнатий».[236]

Как установлено исследователем,[237] в основу части III «Истории российской», охватывавшей период с 1238 по 1462 г., В. Н. Татищевым была положена Никоновская летопись, хранившаяся в Академической библиотеке (БАН. 17.2.5). Копия этой рукописи была получена Татищевым в начале 40-х гг. XVIII в., и работа над текстом продолжалась до самой его смерти. На том листе Никоновской летописи, где начинается рассказ о путешествии митрополита Пимена в Царьград, на боковом поле рукою писца киноварью сделано оглавление:[238] «Хожение Пименово во Царьград». Рядом рукою Татищева добавлено: «Описано Игнатием диаконом».[239] Очевидно, что Татищев считал Игнатия автором «Хожения», участником которого он был, и видел в Игнатии представителя белого духовенства — дьякона.

Ломоносов, как мы помним, полагал, что «черноцом», т. е. представителем черного духовенства, монахом Игнатием «писано» не только «Хожение», но и летописный текст, вошедший в т. II Лицевого свода.

Выводы Татищева и Ломоносова о составителе «Хожения» по-разному отразились в «Опыте исторического словаря» Н. И. Новикова.

Ссылаясь на «Предызвещение» к «Российской истории» Татищева и на стр. 57 «Российской истории», Новиков писал: «Игнатий, диакон,

---

[233] БАН. 31.7.30, т. II, л. 886 об.
[234] Там же, л. 280.
[235] Там же, л. 280 об.
[236] В. Н. Татищев. История российская, т. V, стр. 168.
[237] С. Н. Валк. О рукописях третьей части «Истории российской» В. Н. Татищева. — В кн.: В. Н. Татищев. История российская, т. V, стр. 8—12.
[238] О том, что киноварная запись на боковом поле воспринималась как оглавление, свидетельствует издание Никоновской летописи, выполненное С. Башиловым под ред. А. Шлецера. См.: Русская летопись по Никонову списку, изданная под смотрением Императорской Академии наук, ч. IV. СПб., 1788, стр. 158.
[239] БАН. 17.2.5, т. I, л. 472.

находясь при Пимене митрополите, описал его путешествие и другия того времени деяния. Жил в исходе XIV века».[240]

О Михаиле Смоленском, по поручению которого чернец Игнатий, по мнению Ломоносова, писал летопись, включившую и описание путешествия в Царьград в свите митрополита Пимена, в «Опыте исторического словаря» сообщены следующие данные: «Михаил, Архиерей Смоленский, сочинил Российскую летопись от 1254 по 1423 год. Сия книга рукописною хранится в Императорской библиотеке».[241]

Откуда Н. И. Новиков почерпнул эти сведения о Михаиле Смоленском? Нам представляется, что у него могло быть два источника «сообщенных известий» о рукописных материалах Библиотеки Петербургской Академии наук, об их авторах и переписчиках.

В 1766 г. умер А. И. Богданов, тридцать лет проработавший в Академической библиотеке и прекрасно знавший ее фонды. Трудно представить, чтобы Богданов не обратил внимания на приписки Ломоносова к Лицевому своду, особенно на ту, в которой был сделан обоснованный вывод о его составителе. Н. И. Новиков почерпнул от А. И. Богданова много сведений, помещенных в «Опыте исторического словаря».[242]

Но возможен (и более вероятен в данном конкретном случае) другой путь проникновения «сообщенных известий» к Н. И. Новикову — издателю «Опыта исторического словаря».

Со времени работы в Комиссии по составлению Нового Уложения (1767) Новиков был хорошо знаком с Г. В. Козицким, который готовил к изданию т. II Лицевого свода, вышедший из печати в 1775 г. под названием «Древняго летописца часть вторая, содержащая в себе повесть происшествий, бывших в России с $\frac{6887}{1379}$ по $\frac{6932}{1424}$ год, то есть последния лета княжения великого князя Дмитрия Ивановича Донского и владение великого князя Василья Дмитриевича».

На том самом последнем листе т. II Лицевого свода, где находится приписка Ломоносова с выводом о составителях летописи, ниже ее помещается приписка, сделанная рукою Г. В. Козицкого: «В лето $\frac{6897}{1384}$ и тому уже 384 года».[243] Следовательно, уже в 1768 г. Г. В. Козицкий знал о приписке Ломоносова.

О том, что через Г. В. Козицкого Н. И. Новиковым были получены известия о составителе летописи XIV в., явившейся источником Лицевого свода, свидетельствует и хронологическая приуроченность летописи: в «Опыте исторического словаря» сказано, что «Михаил, Архиерей Смоленский, сочинил Российскую летопись от 1254 по 1423 год».[244] Первая дата — 1254 г. — это начало Лицевого свода, подготовленного к изданию И. Е. Глебовским при участии Г. В. Козицкого и вышедшего из печати в 1774 г. под названием «Древняго летописца часть первая, содержащая в себе повесть происшествий, бывших в России при владении четырнадцати великих князей, сперва Владимирских, потом Московских, чрез сто двадцать пять лет, начиная с $\frac{6762}{1254}$ года по $\frac{6887}{1379}$, то есть от времен княжения великого князя Александра Ярославича Невского до победы великим князем Дмитрием Ивановичем, прозванным потом Донским. . .».

---

[240] Опыт исторического словаря о российских писателях, стр. 69—70.

[241] Там же, стр. 141.

[242] Краткий обзор сведений о рукописях, хранящихся в Библиотеке Петербургской Академии наук, дается в моей статье: Литературные и исторические памятники древней Руси в изданиях Н. И. Новикова — ТОДРЛ, т. XXV, М.—Л., 1970, стр. 276—293.

[243] БАН. 31.7.30, т. II, л. 836 об.

[244] Опыт исторического словаря о российских писателях, стр. 141.

Тт. I и II Лицевого свода неразрывно связаны между собой: т. I оканчивается 1379 г., т. II начинается 1379 г. Г. В. Козицкий расширительно понял приписку Ломоносова: «Сія книга писана...» как две части одной книги (так указано и в издании: «Древняго летописца часть первая», «Древняго летописца часть вторая»). Поэтому Михаил, архиерей Смоленский, оказался составителем (а его «чернец» Игнатий — писцом) летописи, охватывавшей известия начиная с 1254 по 1423 г.

Н. И. Новиков очень высоко оценивал публикацию двух томов «Древнего летописца». В издаваемом им в 1777 г. журнале «Санкт-Петербургские ученые ведомости» [245] появилась рецензия, в которой сообщаются сведения об издателях (И. Е. Глебовском и Г. В. Козицком) и высказывается предположение о связи этих томов с Царственной книгой и Царственным летописцем, изданными М. М. Щербатовым.

Об Игнатии диаконе (а не «чернце») Смоленского епископа Михаила, жившего во второй половине XIV в., авторе «Сокращенной летописи с 1254 по 1423 г., которая хранится в Библиотеке Петербургской Академии наук», говорит в «Словаре историческом о бывших в России писателях» митрополит Е. Болховитинов.[246] Эти сведения полностью повторил А. Старчевский.[247]

Исследователями XIX в. была сделана попытка выделить рассказ Игнатия Смольнянина из состава летописного текста. И. Сахаров [248] и С. Арсеньев [249] опубликовали текст «Хождения Игнатия», основываясь на рукописных списках нескольких летописей и «Истории российской» Татищева.

Новейший исследователь «Хождения Игнатия Смольнянина в Царьград» Н. И. Прокофьев пришел к выводу о двух его редакциях: краткой и летописной. Авторский текст, как показывает Н. И. Прокофьев, наиболее полно сохранился в летописной редакции, однако в него должны быть включены некоторые записи краткой редакции.[250] Н. И. Прокофьев считает, что «Хождение в Царьград» «принадлежит к числу классических произведений древнерусской литературы» [251] и автор его Игнатий, чернец Смоленского архиепископа Михаила, до сих пор еще как писатель не оценен по достоинству.

В составе собрания Остермана в Библиотеку Академии наук в 1743 г. попала Разрядная книга (БАН. 34.3.2). На ней также имеются пометы Ломоносова, начиная с л. 5 об., где перечислены разряды полков Ивана III. Внимание Ломоносова привлекло участие в походе на Вязьму Василия Ивановича Косого и князя Семена Ивановича Ряполовского.[252] Можно думать, что соседство этих двух имен не случайно: позднее Василий Патрикеев (Косой) и Семен Ряполовский попали в опалу, первый был пострижен по приказу Ивана III под именем Вассиана, второй казнен. Внимание Ломоносова привлекает участие в походах и дипломатических

---

[245] Санктпетербургские ученые ведомости, 1777, № 19, стр. 148—151.

[246] Е. Болховитинов. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. Изд. 2-е. СПб., 1818, т. I, стр. 194.

[247] А. Старчевский. Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1845, стр. 43.

[248] И. Сахаров. Сказания русского народа, т. II, кн. 8. СПб., 1849, стр. 95—108.

[249] Хождение Игнатия Смольнянина. Под ред. С. В. Арсеньева. — Православный Палестинский сборник, т. IV, вып. 3. СПб., 1887.

[250] Н. И. Прокофьев. Русские хождения XII—XV вв. — В кн.: Литература древней Руси и XVIII в. Ученые записки Московского государственного пединститута им. В. И. Ленина, № 363. М., 1970, стр. 144—145.

[251] Там же, стр. 162—163.

[252] БАН. 34.3.2, лл. 5 об.—6.

миссиях Захарьиных (предков Романовых), Андрея Курбского (видимо, в связи с изучением его сочинения об Иване IV, которое отразилось в «Кратком российском летописце» при анализе характера царя), Воронцовых. Внимание к Воронцовым вполне закономерно. Ломоносов, как мы увидим, особо отмечает все исторические сведения, касающиеся происхождения этого боярского рода, останавливается на участии их в политических делах Русского государства.[253] Изучал Ломоносов разряды походов под Казань времени Ивана Грозного.[254]

Степенная книга середины XVII в. (БАН. 32.8.2) также поступила в Библиотеку Академии наук в 1743 г. в составе собрания Остермана. То, что эта рукопись находилась в руках Ломоносова, документально засвидетельствовано: в уже упоминавшейся описи вещей «покойного ... профессора Михаила Васильевича Ломоносова» Степенная книга фигурирует под названием «Летописец большой, № 5».[255] Рукопись эта взята Ломоносовым в 1764 г. На ней нет никаких помет. Возможно, что из-за болезни, которая началась у Ломоносова в этом году, он не смог изучить ее так детально, как другие рукописи.

Между 1742 и 1750 гг. в Библиотеку Академии наук в дар от В. Н. Татищева поступила сборная рукопись конца XVII в. — Новгородская и Псковская I летопись с прибавлениями.[256] Эта рукопись почти вся испещрена чернильными пометами и приписками Татищева, а рядом с ними — чернильные и карандашные пометы и приписки Ломоносова. На л. 1 надпись, сделанная Ломоносовым: «Лѣтописецъ Псковской и Новогородской».

Как показывают исследователи, псковские и новгородские летописи отличает значительное привлечение фольклорного материала, интерес, наряду с общерусской, к местной истории, яркость и образность языка.[257] Эта особенность псковско-новгородского летописания, как можно видеть по пометам на рукописях, не прошла мимо внимания Ломоносова. Им отмечены здесь особенности форм языка: «осминка великая»;[258] Нифонт «пошел есть ко Царю граду, обоимав святую Софию»;[259] пленных половцев новгородцы повелели «вешати, а иных растинати»; [260] у Мстислава «топор на руце с поворозою».[261] Отмечает он названия улиц: архиепископ Спиридон во время мора 1230 г. «постави скуделницу... в яме на Пруской улицы»; [262] на л. 100 об. подчеркивает в тексте: «Того же месяца в 22 день загореся на Пруской улице у Введения пречистыя богородицы» слово «Пруской», на поле стоит №, вниз пунктир к тексту Ломоносова: «№. смотреть разницу Варяжской и Прусской улиц».[263]

Не проходит Ломоносов мимо описаний явлений природы. Так, под 1231 г. отмечено, что «трясеся земля, а солнце померче в 14 день».[264] В 1237 г. «бысть знамение в солнце аугуста в 3 день, в полдни бысть таково знамение: тма в солнце со запада аки месяц бысть 5 ночей, а с востока светло, и паки с востока тма бысть также аки месяц 6 ночей,

---

[253] См.: Разрядные книги — БАН. 32.8.5, л. 555, БАН. 34.3.2, л. 9.
[254] БАН. 34.3.2, лл. 100—102 об.
[255] Г. М. Коровин. Библиотека Ломоносова, стр. 432.
[256] БАН. 31.4.22.
[257] А. А. Шахматов. Несколько заметок об языке псковских памятников. — ЖМНП, 1909, № 7.
[258] БАН. 31.4.22, л. 7.
[259] Там же, л. 8.
[260] Там же, л. 11.
[261] Там же, л. 12.
[262] Там же, л. 19 об.
[263] Там же, л. 100 об.
[264] Там же, л. 20 об.

а созади светло».[265] «В лето 1472 ... явися звезда на небеси с хвостом».[266]

Так же, как и в других рукописях, Ломоносов подчеркивает названия древнерусских городов, отмечает сведения о времени их основания, застройке, пожарах и других стихийных бедствиях. Все эти материалы Ломоносов включает в свои исторические труды. В качестве примера укажем летописное известие, использованное в «Кратком российском летописце» 1760 г.: «... поставиша Свея город на Охте реке и нарекоша Венец земли» (л. 45 об.); «Князь Андрей Александрович (сын Александра Невского, — *Г. М.*) ... ходил с владимирцами и новогородцами на немцев и город их Венец Земли (Шканцы) разорил».[267]

О критическом подходе Ломоносова к сообщениям летописцев свидетельствуют следующие его пометы. Против текста, где сообщается, что в 1346 г. новгородцы «взяша мир с Литвою. Тогда бой бысть немцом с литвою на Сряце реце, и побиша литвы 40 000»,[268] он пишет на полях: «враки» и подчеркивает последние слова. Далее мы покажем, как Ломоносов отметит в Новгородских летописях, хранящихся в Москве, этот же самый отрывок текста.

Внимание Ломоносова привлекает и летописный рассказ о «Щолкановщине». Он отмечает № и значком + фразу, в которой говорится о замысле ханского баскака: «А Щолкан хоте сести на княжение во Тфери, и своих князей татарских хотя пожаловати по русским городом».[269] После краткого описания сражения Щелкана с тверским князем Александром летописец завершает рассказ сообщением о расправе тверичей над жестоким баскаком: «А Щолкан побеже на сени и князь Александр повеле зажещи отца своего двор Михайлов. И згоре Щолкан со своею дружиною».[270]

В «Кратком российском летописце» Ломоносов использовал это известие Новгородской летописи о «Щолкановщине»: «Александр Михайлович Ярославича тверской принял от царя великое княжение. В то время сродник царев Щелкан пришел с войском на Тверь, но от князя Александра Михайловича побит и сожжен со многими татарами».[271]

Заинтересовал Ломоносова рассказ «О Прокопии и о войне и о кончине его». Здесь повествуется о новгородских ушкуйниках («ускуйницах»), предводительствуемых Прокопием и неким «смолнянином». В 1376 г. «новгородские разбойницы от ускуев 70 человек ... а всех разбойников 2000 пришедше взяша Кострому град разбоем». Наместник же великого князя «подав плещи» — убежал из города. Ушкуйники «людей изсекоша, а иных в полон ведоша з женами и з детми» и спустились «к Новугороду Нижнему», «дошедше на низ по Волге до Болгара града и тамо полон христианский испродавше». Потом они пришли «на Усть Волги близ моря града некоего Асторокани».[272]

В этом коротком рассказе Новгородской летописи, как можно судить по пометам, Ломоносова привлекли известия о смелых новгородских ушкуйниках, которые, несмотря на малочисленность (основная группа 70 человек, цифра подчеркнута в тексте), выступили против войск наместника великого князя и оказались победителями. Ломоносов отметил выражение «подав плещи», имя воеводы, возглавившего поход ушкуйников («Про-

---

[265] Там же, л. 22.
[266] Там же, лл. 143 об.—144.
[267] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 310.
[268] БАН. 31.4.22, л. 56 об.
[269] Там же, л. 49 об.
[270] Там же.
[271] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 313.
[272] БАН. 31.4.22, л. 70.

копий, а другий смолнянин»), географические названия (город Болгар, Усть Волги близ моря).

На лл. 80—87 об. в Новгородской и Псковской летописи помещена летописная повесть «О побоищи иже на Дону и како бился великий князь Димитрий Иоанновичь и како мужество его над татары». Здесь много помет Ломоносова: отмечаются имена участников сражения на поле Куликовом, прослежена последовательность действий обеих сторон, подчеркнуты отрывки текста, касающиеся судьбы Мамая (его сражение с Тахтамышем «на Калках», бегство в Кафу и смерть).

Ломоносов очень внимательно изучал эту летописную повесть о Куликовской битве и сопоставлял ее с другими произведениями, посвященными этому знаменательному событию русской истории. К такому выводу мы пришли, анализируя приписку на боковом поле в конце повести, где рассказывается о позорном бегстве литовского князя Ягайла из Руси после получения известия о победе русских над Мамаем. Составитель Новгородской и Псковской летописи или его предшественник добавляет к повести одну фразу, которая дает основание Ломоносову сделать вывод о времени составления данной конкретной летописи. Летописная повесть о Куликовской битве оканчивается сообщением о бегстве Ягайла: «И Литва со Ягайлом побегоша назад вси со много скоростию никим же гоними, не видеша бо тогда великаго князя, ни рати его, ни оружия его, токмо Литва имени его бояхуся и трепетаху, а не яко при нынешних временех Литва над нами издеваютца и поругаются».[273] На полях рукою Ломоносова приписано: «№. видно, что сия книга не пожже Расстригиных смущений писана».[274]

Изучение летописной повести о Куликовской битве нашло непосредственное отражение в сочинениях Ломоносова, и в первую очередь в трагедии «Тамира и Селим», сюжет которой построен на исторических событиях 1380 г.[275]

В статье «К вопросу об источниках трагедии М. В. Ломоносова «Тамира и Селим» я полагала, что одним из важнейших источников для Ломоносова была так называемая киприановская редакция Сказания о Мамаевом побоище, отраженная в Никоновской летописи, которая была использована Ломоносовым через посредство части III «Истории российской» Татищева.[276]

Новейший исследователь древнерусских произведений, посвященных Куликовской битве, М. А. Салмина пришла к выводу о том, что в Никоновской летописи XVI в. летописная повесть о Куликовской битве передает текст Сказания о Мамаевом побоище, лишь местами переработанный по «Летописной повести».[277]

В настоящее время очевидно, что Ломоносов глубоко и внимательно изучил Новгородскую и Псковскую летопись, которая была в 1737 г. подарена В. Н. Татищевым Библиотеке Петербургской Академии наук. В ее составе находилась летописная повесть «О побоище на Дону», которая и была широко использована Ломоносовым в исторических трудах и в литературных произведениях. Трагедия «Тамира и Селим» была закончена в октябре 1750 г. Это дает возможность датировать время работы Ломоносова над Новгородской и Псковской летописью, которая, несомненно, изучалась им

---

[273] Там же, л. 86 об.

[274] Там же.

[275] См. гл. I настоящего издания, стр. 8—26.

[276] Г. Н. Моисеева. К вопросу об источниках трагедии М. В. Ломоносова «Тамира и Селим». — В кн.: Литературное творчество М. В. Ломоносова. Исследования и материалы. М.—Л., 1962, стр. 256—257.

[277] См.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966, стр. 354.

в течение долгого времени. Об этом можно судить по припискам и пометам, которые отражают многообразие наблюдений Ломоносова.

На л. 109 Ломоносов подсчитал, сколько лет было Симеону Дмитриевичу Суздальскому, который «служив во Орде не опочивая 4-м царем: Тактамышу ... Темарьаксаку Темиркутлую ... Шадибику». На полях отчерк: «№. 100».

На л. 143 об. очень ясно обозначилась его антиклерикальная настроенность. В тексте летописи рассказано о том, что псковичи обратились с просьбой к Ивану III, чтобы он «пожаловал Псков, велел бы отцу митрополиту Феодосию поставити владыку во Псков нашего же псковитина». Иван III, «подумав со отцем митрополитом Феодосием, что не мощно быти во Пскове владыке, занеже искони не бывало, а не стол во Пскове, и подариша посла верблюдом».[278] В тексте подчеркнуто «искони не бывало» и «посла верблюдом». На полях написано рукою Ломоносова: «Вместо епископа №».[279]

На л. 176 Ломоносов отметил рассказ о замысле новгородского архиепископа Макария построить на р. Волхове водяную мельницу. Составитель летописного известия сообщил, с каким энтузиазмом архиепископ Макарий взялся за это дело, как навозили к Волхову камень для устройства запруды, «и нецый начаша говорити: Волхов наша смолода не молола, ачи на старость учнет молоть. И пришед вода и разнесе пруд и не сбысться владыце Макарию поставити на Волхове мелницы».[280]

В 1737 г. В. Н. Татищев подарил Библиотеке Академии наук рукопись, так называемый Летописец попа Ивана — Новгородскую I летопись (БАН. 17.8.36). В некоторых местах этой рукописи имеются пометы, которые по характеру совпадают с ломоносовскими, тем более что отмечаются астрономические явления. Так, на л. 75 об. отчеркнут и отмечен крестом на поле текст: «В лето 7632 (*1124 г.*)... пред вечерней поча убывати солнца и погыбе все. О велик страх и тма бысть и звезды быша и месяць».[281] Под 1402 г. особо отмечено: «... явися знамение на небеси звезда хвостата на западе и пребысть месяц март весь».[282]

Однако в данном случае нельзя быть полностью уверенным в том, что эти пометы сделаны Ломоносовым, так как в этой рукописи нет приписок, и мы не располагаем произведениями, в которых нашли отражение эти материалы.

В первые годы существования Библиотеки Академии в нее поступила Степенная книга середины XVII в. (БАН. 32.8.6) из собрания царевича Алексея Петровича. Эта рукопись, доведенная до 1560 г., также была изучена Ломоносовым. Следы его знакомства с нею и использования можно видеть на многих листах, где есть пометы. Так, на л. 11 Ломоносов отчеркивает часть текста, где излагается экономическая политика великой княгини Ольги. В главе «О устроении земском» Ломоносов подчеркивает термины «устав, и уроки, и ловища» (это «уставляет» Ольга).[283] На полях № и приписка «Derebska», видимо, для проверки этих данных по иностранным источникам (Кромеру, Стрыйковскому).

Текст, отчеркнутый Ломоносовым в этой Степенной книге, использован им в «Древней российской истории»: Ольга, «обшед землю Древлянскую, учредила перевозы, пристани и ловли, положила новые о всем законы и уставы...».[284]

---

[278] БАН. 31.4.22, л. 143 об.
[279] Там же.
[280] Там же, л. 176.
[281] БАН. 17.8.36, л. 75 об.
[282] Там же, л. 221 об.
[283] БАН. 32.8.6, л. 11.
[284] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 235.

Имеются отметки на л. 13, где излагаются походы князя Святослава на болгар, и на лл. 23, 30, 40. С большим вниманием прочел Ломоносов краткое изложение Сказания о князьях владимирских, включенное в эту Степенную книгу.[285] Так же, как и в других рукописях, он подчеркивает и здесь заинтересовавшие его обороты языка, особенность в употреблении местных географических названий (Мстислав, покорив чудь, «град их Медвежию главу взял»).[286]

В 1728 г. в составе собрания Петра I в Библиотеку Академии наук поступила рукопись первой половины XVII в. — Хронограф редакции 1512 г. и Псковская летопись (БАН. 34. 4. 32).

Здесь также наряду с пометами Татищева имеется много карандашных помет Ломоносова. Так, на л. 401 он отмечает крестом на полях и отчеркиванием иную, чем в Повести временных лет, версию рассказа о призвании варягов. По изложению этой рукописи варяги были «загнаны за море», а потом послали «к варягам к руси». Рюрик был поставлен в Новгороде «старейшиною». Раздумывая над древнейшей историей Русского государства, Ломоносов, как видим, сравнивал между собою различные версии легенды о призвании варягов. В этой рукописи Ломоносов также отмечает известия об основании городов, о явлениях природы и т. д.

У нас есть основания предполагать, что Ломоносов знакомился с рукописями, хранившимися в библиотеке Александро-Невского монастыря. Основания эти таковы: в 1747 г. Ломоносов принимал участие в споре, происходившем между историком-самоучкой П. Н. Крекшиным и историографом Г. Ф. Миллером о «Родословии великих князей, царей и императоров», которое в 1746 г. Крекшин представил в Сенат. Для проверки достоверности сведений, приведенных Крекшиным, Ломоносов обращался к древнерусским рукописям и к родословным книгам. В числе их он специально рассматривал «Родословие великих российских князей, собранное из разных печатных и рукописных творцов, веры достойных, Лаврентием Хуеричем, короля Леопольда I священником и Священного Римского государства герольдом. 1673», на которое ссылался Крекшин. «Родословие», составленное Хуеричем, было переведено в Александро-Невской семинарии не ранее 1747 г.,[287] так как рукопись перевода переплетена вместе со стихотворным переводом латинского сочинения преподавателя Александро-Невской семинарии «Зерцало историческое государей российских», выполненным в 1747 г. Так как перевод подготовлялся в Александро-Невской семинарии, для того чтобы ознакомиться с ним, необходимо было обращаться в библиотеку Александро-Невского монастыря, где хранился единственный экземпляр этой книги. Следовательно, Ломоносов должен был либо в конце 1746 г., либо в начале 1747 г. заниматься в библиотеке монастыря.

Трудно представить, чтобы Ломоносов, который в 40-е гг. усиленно изучал русские летописи, не ознакомился с собранием рукописей, хранившихся в библиотеке Александро-Невского монастыря. А. Шлецер, посетивший эту библиотеку в начале 60-х гг. XVIII в., был удивлен разнообразием собранных в ней книг и «литературным образованием» русского духовенства.[288]

Мы не можем в настоящее время воссоздать (даже чисто библиографически) состав рукописей библиотеки Александро-Невского монастыря, так как по указу Екатерины II 1791 г. часть рукописей была взята

---

[285] БАН. 32.8.6, лл. 221 об.—223.

[286] Там же, л. 222 об.

[287] Этот вывод о времени перевода на русский язык «Родословия» Хулерича сделан В. Р. Свирской. См.: Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 545, прим. 8.

[288] Общественная и частная жизнь А. Л. Шлецера, рассказанная им самим. СПб., 1875, стр. 168.

в Синод и не возвращена,[289] некоторые рукописи попали в личные собрания. Оставшаяся часть первоначального фонда в конце XIX в. была описана А. С. Родосским.[290] Поэтому мы имеем возможность приближенно представить общий характер фонда рукописей, находившихся в библиотеке Александро-Невского монастыря к концу 40-х гг. XVIII в.

А. С. Родосский выяснил, что библиотека Александро-Невского монастыря начала складываться в 20-х гг. XVIII в. первоначально для нужд школы, открытой при монастыре. Первыми вкладчиками библиотеки были Д. М. Голицын, обладавший замечательным собранием древних рукописей, архиепископ Александро-Невского монастыря Феодосий Яновский, архиепископ новгородский Феофан Прокопович.[291]

В 1745 г. умер преподаватель латинского языка Александро-Невской семинарии Бурхард-Адам Селлий, незадолго до смерти принявший православие и постригшийся в монахи под именем Никодима.[292] Селлий интересовался русской литературой и русской историей: в 1736 г. он издал в Ревеле на латинском языке библиографическую работу «Schedisma litterarium de scriptoribus qui historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt». В этом «Каталоге писателей» Селлий опирался на сведения, почерпнутые им и из древних рукописей (о Несторе, о митрополите Макарии, об Авраамии Палицыне). Древнерусской литературой он занимался несколько лет и перевел на немецкий язык «Летописец Российской, начав от Рурика до великого князя Василья Васильевича с 860 по 1462 год на 211 листах» и «Сокращенную историю российским великим князьям от Рурика до царя Василья Ивановича Шуйского на 9 листах».[293] Интересуясь древней историей, Селлий собрал небольшое, но ценное собрание рукописей, которое завещал библиотеке Александро-Невского монастыря.

В настоящее время в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в собр. Духовной академии хранится несколько рукописей, принадлежавших Селлию, в числе их так называемая Александро-Невская летопись (собр. СПб., Д. А., № 298). На л. 2 подпись: «Мон. Никод. Селлиа». В сборнике военных писем и известий, относящихся к первым годам XVIII в. (собр. СПб., Д. А., № 316), на л. 9 об. приписка: «...по смерти монаха Никодима Селлия написана в Невскую библиотеку».

Три летописных сборника Селлия находятся в Москве в Синодальном собр. ГИМ №№ 963, 964, 965. Благодаря акад. М. Н. Тихомирову, иссле-

---

[289] Ф. Я. Прийма предоставил мне возможность ознакомиться с выявленным им списком рукописей, взятых в Синод по указу 1791 г. А. И. Мусиным-Пушкиным. См.: «Реестр взятым к его сиятельству графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину по бытность его обер-прокурором Святейшего Синода, относящихся к российской истории книгам, которые от него не возвращены». — ЦГИАЛ, ф. 797, оп. 1, д. 1522, 1797 г., л. 2—2 об. Под № 81 здесь указаны «Судебные статьи царя Иоанна Васильевича... Из Невской семинарии».

[290] А. С. Родосский. Описание 432 рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание. СПб., 1893.

[291] Там же, стр. 3—4.

[292] Наиболее полные библиографические и биографические сведения о Селлии содержатся в новейших исследованиях П. Н. Беркова: П. Н. Берков. Бурхард-Адам (Никодим) Селлий и его «Каталог писателей о России» (1736 г.). — Вестник Ленинградского университета, № 20. Серия истории, языка и литературы, вып. 4. Л., 1966, стр. 98—109; P. N. Berkov. Zwei Dokumente zur Biographie von Burchard Adam Sellius. Ost und West in der Geschichte des Denkens und der Kulturellen Beziehungen. Festschrift für Eduard Winter zum 70 Geburtstag. Berlin, 1967, стр. 268—271; Pabel N. Berkov. Literarische Wechselberichungen zwischen Russland und Westeuropain XVIII Jahrhundert. Neue Beiträge zur Literaturwissenschaft. B. 31. Rütten—Loening—Berlin, 1968, стр. 24—25.

[293] Сведения о переводах, выполненных Селлием, мы почерпнули из «Доношения» И. Тауберта: «Студент Зеллиус для Академии в разных годах перевел с русского на немецкой язык нижеследующие книги» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 93, л. 192). Кроме двух названных летописей под № 3 числится «Печатное на российском языке описание коронации ея императорского величества государыни Елисавет Петровны».

довавшему ряд малоизвестных сборников Синодального собрания, эти летописи были введены в научный оборот.[294]

О происхождении сборников №№ 963, 964, 965 имеются сведения, занесенные на листок, прикрепленный к корешку переплета первого из сборников (ГИМ. Синод., 963): «Этот и два следующие (по инвентарю Син. биб. № 964 и 965) сборника поступили от Н. М. Карамзина взамен каких-то других, взятых им для использования. До того они принадлежали в XVIII/XIX в. сначала ученому монаху Никодиму Селлию, затем по его завещанию библиотеке Александро-Невской лавры. См. подпись под листами 3—12 рук. № 963 втор. полов. XVIII в. (автограф Селлия). Сведения о трех упомянутых сборниках получены Н. П. Поповым из Архива Синодального ризничнаго, в здании быв. Патриаршего двора. 7 XII 1925 А. Седельников».[295]

Запись на лл. 3—12 полностью раскрывает принадлежность сборников: «... из книг монаха Никодима Селлиа по завещанию его отдана в Александро-Невскую библиотеку».[296] А. Седельников только ошибся в том, что надпись по листам — автограф Селлия. Запись эта, несомненно, сделана библиотекарем Александро-Невского монастыря,[297] который привел в порядок сборники, переплел их и поместил перечень произведений, входящих в их состав: «Книга 1 в 3-х томах или нумерах о древностях Российского государства». В сборники Селлия входят краткие летописные известия и выписки из летописей, Сказание о Мамаевом побоище, Краткий летописец от «Адама и до потопа», повесть о убиении суздальского князя Даниила Александровича. Если учесть при этом, что после смерти Селлия по просьбе руководства Александро-Невского монастыря в эту библиотеку из Петербургской Академии наук был послан корректор А. С. Барсов для пересмотра книг на иностранных языках, о чем не мог не знать Ломоносов, принимавший всегда участие в деятельности Академии, то возможность изучения Ломоносовым рукописей Александро-Невской библиотеки приобретает еще бо́льшую вероятность.

В составе собрания Воронцовых в Библиотеку Академии поступила и Русская хронографическая летопись, объединенная с Нижегородским летописцем (БАН. 4.7.27) последней четверти XVII в., выписки из русских летописей (БАН. 4.7.26), Русская сводная летопись (БАН. 34.2.26), Степенные книги (БАН. 4.7.26; БАН. 4.3.19), несколько родословных книг: так называемая Голицынская (БАН. 4.7.28, на внутренней стороне обложки помечено «Ex Bibliotheca Arcangelina»), родословные книги XVII—нач. XVIII в. (БАН. 34.2.25; БАН. 4.1.35; БАН. 4.1.36).

Братья Михаил и Роман Воронцовы проявляли большой интерес к генеалогическим разысканиям: в их библиотеке сохранились списки «Свадебных разрядов», участниками свадеб были их предки (БАН. 31.7.20; БАН. 31.7.40), выписки о роде Воронцовых (БАН. 31.6.41), выписки из Титулярника XVII и нач. XVIII в. (БАН. 1.1.19; БАН. 32.3.1).

На рукописях из собрания Воронцовых не сохранилось приписок и характерных помет Ломоносова. Но мы имеем достаточное основание считать, что Ломоносов изучал эти рукописи: на одной из них — Русской сводной летописи конца XVII в. (БАН. 34.2.26) рукою Ломоносова по лл. 1—10 на нижнем поле написано: (л. 1) «Сия книга [л. 2] его [л. 3]

---

[294] М. Н. Тихомиров. 1) Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания. — Исторические записки, т. XIII, 1942, стр. 256—283; 2) Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, стр. 120—130.

[295] ГИМ. Синод., 963, надпись на листке переплета.

[296] ГИМ. Синод., 963, лл. 3—12.

[297] Такие «реестры» составлены тем же самым почерком к сборникам СПб., Д. А., №№ 304, 305, 308.

превосходительства [л. 4] действительнаго [л. 5] каммергера [л. 6] и кавалера [л. 7] Романа [л. 8] Ларионовича [л. 9] Воронцова [л. 10]».

Эта типичная скрепа, характерная для переписчиков и владельцев древних рукописей (вспомним, что в молодости Ломоносов переписывал рукописи), свидетельствует о том, что Ломоносов брал эту рукопись из дома Воронцовых и, чтобы не спутать ее с библиотечными рукописями (которые также находились у него дома), пометил ее принадлежность Роману Илларионовичу Воронцову.

Но даже если бы мы и не располагали припиской Ломоносова, мы могли бы показать знакомство с нею Ломоносова на основании ее отражения в его исторических трудах.

Как показывают исследователи, эта летопись (БАН. 34.2.26) является «сводом выписок из различных источников: летописей, преимущественно III и IV Новгородской, Никоновской, а также Хронографа по списку 1679 г., печатного Синопсиса 1674 г., Степенной книги, отдельных повестей и сказаний».[298]

Внимательно изучая памятники древнерусской письменности, Ломоносов не ограничивался фондами Библиотеки Петербургской Академии наук. Он, как и его ближайший предшественник В. Н. Татищев, обращался к хранителям древних памятников, людям, которые оказывали ему поддержку в исторических разысканиях.

Ценное собрание рукописей было в семье братьев Михаила Илларионовича и Романа Илларионовича Воронцовых. После Октябрьской революции собрание Воронцовых перешло по частям в различные архивохранилища (в ЦГАДА, в Архив ЛОИИ, в БАН). Нами просмотрены рукописи из собрания Воронцовых, хранящиеся в Архиве ЛОИИ, в БАН и в ЦГАДА, куда они поступили в 1920 г. Древние рукописи наиболее полно сохранились в Отделе Рукописей Библиотеки Академии наук СССР. Здесь находится Софийская I летопись (БАН. 34.2.31) второй половины XVI в., переплетенная с рядом литературных и документальных памятников. В числе их — сочинения Максима Грека, Псковская Судная грамота, Правда Русская пространной редакции, Послание Спиридона-Саввы, повесть о князьях Александре Ярославиче, Михаиле Черниговском, Михаиле Ярославиче Тверском, послание новгородского архиепископа Василия о рае, Рукописание Магнуса.[299]

В рукописном собрании Воронцовых находится Хронограф западнорусской редакции середины XVII в. (БАН. 4.7.25). Ранее эта рукопись принадлежала Д. М. Голицыну (на лл. 1—4 помещена владельческая запись). В 1736 г. Д. М. Голицын был арестован, его собрание конфисковано и попало в частные руки (большую часть купил граф Ф. А. Толстой. Сейчас это собрание находится в ГПБ).[300] Хронограф составлен главным образом из выписок из Хроник Мартина Бельского, Кромера, Длугоша, ряда русских летописей. Большую часть его занимают III и IV Новгородские летописи, являющиеся частью Забелинского Новгородского свода.[301] Здесь много легендарного материала, «баснословных» известий, в числе которых и рассказ о «Зачале Руския земли како прозвася словеньская»,[302]

---

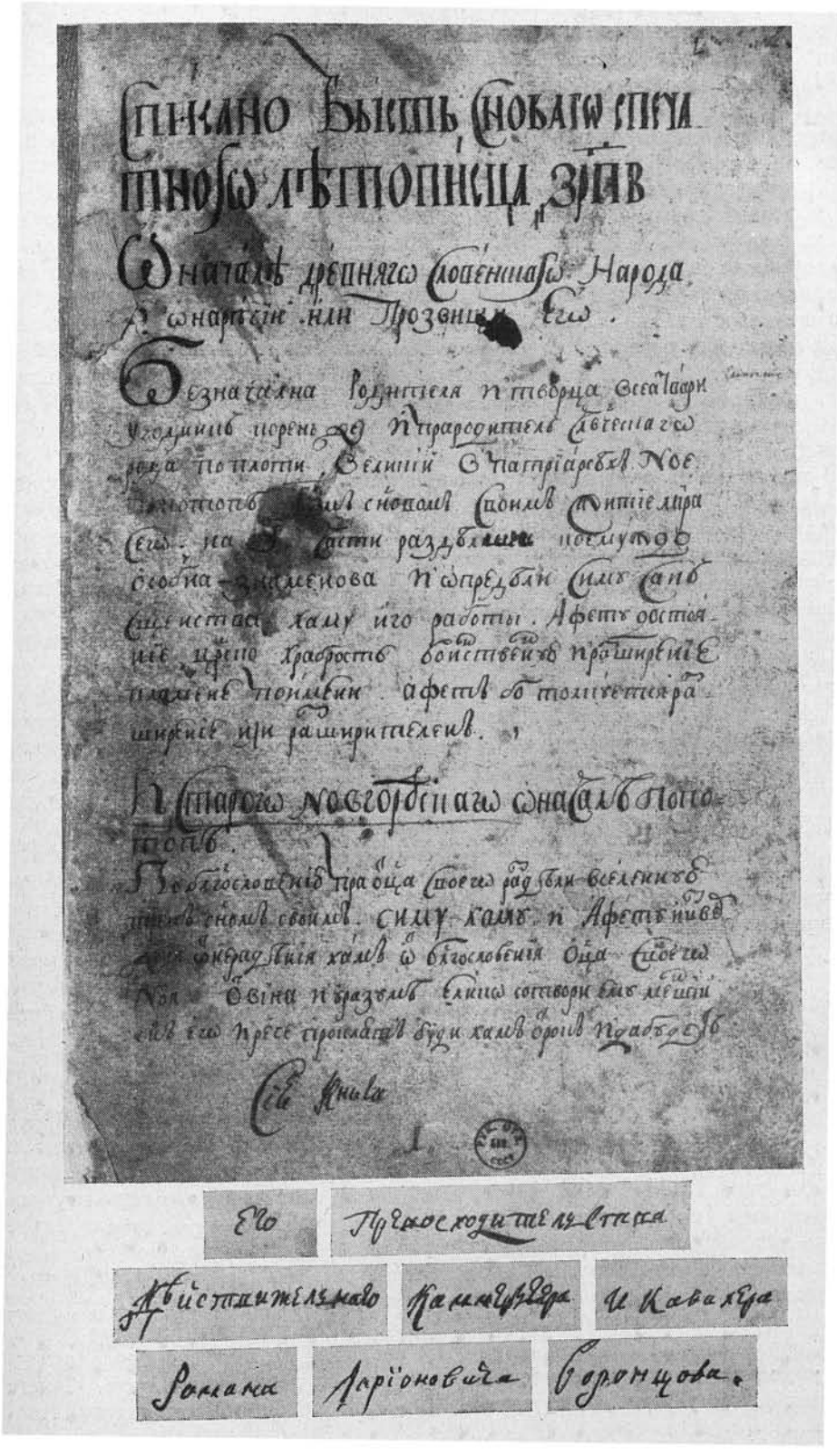
[298] Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 3, вып. 1, стр. 389—390.

[299] Об особенностях состава этого сборника см.: А. А. Шахматов. Несколько слов о Воронцовском историческом сборнике XVI в. — Сборник в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913.

[300] В. А. Петров. История рукописных фондов Библиотеки Академии наук с 1730 г. до конца XVIII в., стр. 212—213.

[301] С. Н. Азбелев. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960, стр. 72—76.

[302] БАН. 34.2.26, л. 83 об.



Скрепа внизу по листам Новгородской летописи, сделанная рукою Ломоносова: «Сія книга его превосходительства дѣйствительнаго каммергера и кавалера Романа Ларіоновича Воронцова». БАН. 34.2.26, лл. 1—10.

где идет речь о переселении славян с юга на север, о родоначальнике племени Славене и его сыне Волхве, об основании городов Славенска и Русы на Ильмень-озере, о новгородском старейшине Гостомысле.

В 1748 г. в замечаниях на диссертацию Г. Ф. Миллера «Происхождение народа и имени российского» Ломоносов в числе других источников привлек данные Новгородской III летописи, значение которой в качестве источника отрицал Миллер. Ломоносов писал: «... ясно доказать можно, что Роксоланская земля в древние времена простиралась от Черного моря до Варяжского и до Ильменя-озера... Такое положение места роксолан весьма согласуется с новгородским летописцем, в котором в древние времена славенороссийского народа жительство полагается у Черного моря, и что того же народа великая часть отделившись распространилась до Ильменя-озера и далее к северу. И хотя господин Миллер сию летопись за бабьи басни почитает, однако старинный город, Старая Руса издревле называемый, довольно показывает оные в сем справедливость и что прежде Рурика жил тут народ руссы или россы, или по-гречески роксоланы называемый».[303]

В предисловии к «Краткому российскому летописцу» Ломоносов снова ссылается на Новгородский летописец, по данным которого «владетели и здатели городов в пределах российских ... Славен и Рус. И хотя в оном летописце сначала много есть известий невероятных, однако всего откинуть невозможно. Баснь о претворении Славенова сына в Крокодила сходствует весьма с тогдашними обыкновениями, ибо по морю Варяжскому и по втекающим в него судоходным рекам чинились великие разбои, на которые выходили часто княжеские и королевские дети. Итак, недивно, что Волхв, разбойничая по реке Мутной, почитался за крокодила и дал ей свое имя от волшебства. Нашествие угров и разорение Славенска согласуется со внешними историями. Хотя о Гостомысле, последнем республиканском владетеле, по коего совету избран на княжение Рурик, Нестор не упоминает, однако о толь близком известии довольно утвердиться можно на летописце Новогородском».[304]

В Библиотеке Петербургской Академии наук в первой половине XVIII в. не имелось Новгородской III летописи. Использование ее в исторических трудах Ломоносова показывает, что уже в конце 40-х гг. он обращался к рукописному собранию братьев Воронцовых.

Придавая значение той разновидности Новгородской летописи, которая названа исследователями XIX в. Новгородской III летописью, Ломоносов позаботился о том, чтобы в Академической Библиотеке были копии этих летописей, списанные с рукописей, хранившихся у Воронцовых. В 1754 г. в Академии была снята копия с рукописи под названием Российской летописец (БАН. 32.12.2), оригинал которой находится в собрании Воронцовых в Архиве ЛОИИ (Собр. Воронцовых, № 649/1094). В 1756 г. «с оригинала Михаила Ларионовича Воронцова» (приписка на л. 660 об. рукою библиотекаря А. И. Богданова) списана Русская летопись сводная (БАН. 16.4.1), которая была также тщательно изучена Ломоносовым (по оригиналу или по академической копии — утвердительно сказать нельзя). Но о том, что материалы этой Новгородской летописи использованы Ломоносовым, свидетельствует его сочинение «Краткое описание путешествия по северным морям» (1763). В главе II Ломоносов говорит о торговых связях северных народов, описанных шведским хронистом Стурлезоном. Подтверждение этих сведений он видит в археологических находках древних готических серебряных денег «при реке Пинеге в Кеврольском уезде». В доказательство Ломоносов приводит «повество-

[303] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 27.
[304] Там же, стр. 296.

вание Новогородского летописателя, что древние славяне ходили по рекам Выме и Печоре, даже до Великой Оби промышлять дыньков, то есть соболей».[305] В Новгородской летописи, переписанной «с оригинала Михаила Ларионовича Воронцова», цитируемый Ломоносовым текст находится в первой главе «Зачало Руския земли како прозвася словенская». После сообщения некоторых легендарных сведений о древних новгородцах летописец говорит о их походах по северным странам: «Словени же и Рус живяху между собою тамо и завладеша многими странами тамошних краев ... обладаша же и северными странами и по всему Поморию даже и до предел Ледовитого моря и окрест же Ледовитых вод и зеленовидных и по великим рекам Печере и Выми ... тамо бо берут дорогою скорою звери, рекомого дынки сиречь соболь» (БАН. 16.4.1, л. 3 об.).

Таким образом, очевидно, что под Новгородским летописцем Ломоносов имел в виду рукопись Новгородской III летописи, хранившуюся в собрании Воронцовых.

В настоящее время мы не имеем возможности представить состав рукописей, лично принадлежавших Ломоносову. О том, что Ломоносов имел рукописи, можно высказать ряд соображений.

В журнале Канцелярии Академии наук от 11 февраля 1752 г. сохранилась запись о том, что Ломоносов передал в ведомство асессора и унтер-библиотекаря г. Тауберта рукопись книги Ивана Посошкова «Книга о скудости и богатстве» с тем, чтобы ее «начисто переписать и по переписанию ... оригинал взнесть в Канцелярию».[306] Нам неизвестно, был ли это автограф И. Посошкова или копия с рукописи, но важно то, что благодаря Ломоносову в Библиотеке Академии наук СССР хранится единственный список сочинения известного русского экономиста и философа начала XVIII в.[307]

18 апреля 1757 г. Ломоносов подарил Академической библиотеке рукописную книгу под названием «Монархия российская» с карандашными портретами русских великих князей, начиная с Рюрика, царей и патриархов. Канцелярия распорядилась записать эту книгу в каталог и хранить в Библиотеке.[308] В Библиотеке Академии наук не сохранилась рукопись, подаренная Ломоносовым, причем нет никаких следов в записях библиотекаря А. И. Богданова. Это наталкивает на мысль, что, может быть, кто-то был заинтересован в присвоении этой ценной рукописи, представление о которой мы можем составить на основании других списков «Монархии российской».

В настоящее время имеется несколько списков Титулярника («Монархии российской»): в ЦГАДА — 2 экземпляра, в ГПБ — 2 экземпляра, причем один из них (ГПБ. F.IV.764) является копией начала XVIII в. с оригинала Титулярника, созданного в Посольском приказе в 1672 г.;[309] в БАН — 2 экземпляра, один из них конца XVII в. без рисованных портретов (БАН. 1.1.19), второй (БАН. 32.3.1) подарен в 1808 г. Российской Академии президентом А. Нартовым и в 1842 г. вместе с собранием Российской Академии поступил в Библиотеку Академии.

---

[305] Там же, стр. 443.

[306] А. А. Куник. Известия о неизданных сочинениях Ивана Посошкова. Изв. АН, 1864, т. V, стр. 62—63.

[307] По списку БАН. 16.3.15 осуществлены все издания сочинения И. Посошкова, включая и последнее: И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. Под ред. Б. Б. Кафенгауза. М., 1951.

[308] Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова, стр. 267.

[309] А. С. Косцова. 1) К вопросу о датировке Эрмитажного и бывшего Эрмитажного «Титулярника». — В кн.: Сообщения Государственного Эрмитажа, т. 10. Л., 1956, стр. 12—16; 2) Титулярник собрания Государственного Эрмитажа. — В кн.: Труды Гос. Эрмитажа, т. 3. Л., 1959, стр. 16—40.

Ломоносов, занимаясь историческими разысканиями, обращался к Титулярнику как к источнику фактических сведений. Не могли не интересовать его и портретные характеристики русских великих князей и государей. Известно, что именно такой изобразительный материал он искал в то время, когда создавал мозаические картины на исторические темы, а также работал над «Идеями для живописных картин из российской истории». В 13-й картине под названием «Царица Сумбек» Ломоносов предлагал изобразить казанскую царицу, которая «по смерти царя казанского Сафакирея взята из Казани с сыном и с бесчисленным богатством в полон и приведена в Москву к царю Ивану Васильевичу. Государя должно изобразить на царском престоле еще в младых летах (здесь требуется живописцово искусство, чтобы со старого и угрюмого портрета сделать молодой и веселый, не потеряв подобия, затем, что царицу принимает милостиво)».[310]

В комментариях к т. VI академического Собрания сочинений Ломоносова указано, что Ломоносов «вероятно имеет в виду портрет Ивана Грозного, оригинал которого находился, по свидетельству Я. Я. Штелина, в старом Зимнем дворце, гравированный И. Штенглином для серии царских портретов, изданной в 40-х годах XVIII в.».[311] В данном случае трудно сказать, какое именно изображение Ивана Грозного имел в виду Ломоносов, когда говорил о «старом и угрюмом портрете». В Титулярнике 1672 г., который хранится в Эрмитажном собрании ГПБ (№ 440), на л. 35 помещено изображение «царя и великаго князя Иоанна Васильевича всеа Русии». Иван IV здесь действительно очень угрюмый, с всклокоченными редкими волосами, выбивающимися на висках из-под шапки Мономаха. Может быть, Ломоносов говорил об этом портрете, тем более что он располагал одной из копий, снятых с Титулярника в первой половине XVIII в., и был, следовательно, хорошо знаком с этой серией изобразительных характеристик русских государей.

Как можно судить по сюжетам древнерусских литературных и исторических памятников, отраженных в произведениях Ломоносова, он знал их больше, чем можем мы предположить, так как не все эти произведения сохранились, а если и сохранились, то не все еще опубликованы, чтобы могли стать достоянием исследователей. В качестве примера можно привести использованное Ломоносовым произведение, которое стало нам доступно совсем недавно.[312]

Известно, какое большое место в творчестве Ломоносова занимала тема Петра I. В течение всей жизни он собирал «записки о великом государе», воспоминания современников и очевидцев, литературные произведения. На основе этих материалов в 1757 г. им было составлено «Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи», сохранившееся в Библиотеке Вольтера в переводе на французский язык (ГПБ. Библиотека Вольтера, № 242).

Подготавливая «Описание стрелецких бунтов» к печати, исследователи указали, что в числе источников Ломоносов использовал рукописные записки А. А. Матвеева — сына боярина, убитого стрельцами, очевидца бурных событий 1682 г., и донесение датского резидента Бутенанта фон Розенбуша, опубликованное в 1691 г. «Theatrum Europaeum».[313]

При сопоставлении указанных источников с сочинением Ломоносова можно увидеть, что ряд известий не покрывается сообщенными ими сведениями, а восходит к какому-то другому нам неизвестному произведению, в котором содержится очень подробное описание кровавых событий, происшедших в Москве 15—17 мая 1682 г.

---

[310] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 370. (*Разрядка наша, — Г. М.*).
[311] Там же, стр. 595, прим. 2.
[312] В. И. Буганов. Повесть о Московском восстании 1682 года, стр. 317—354.
[313] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 568—570.

В. И. Буганов опубликовал «Повесть о Московском восстании 1682 года», извлеченную из сборника, находившегося с конца XVII в. в библиотеке Соловецкого монастыря. Автор повести, как это показал В. И. Буганов, «жил в Москве и имел возможность непосредственно наблюдать и участвовать в событиях».[314]

Как показало проведенное нами исследование, «Повесть о Московском восстании 1682 года» оказалась одним из важнейших источников, использованных Ломоносовым в работе над «Описанием стрелецких бунтов».[315] Ряд деталей в обрисовке причин, вызвавших бурный протест стрельцов, характеристики девяти полковников, отказавшихся выплачивать им жалование, последствия этих поступков и образное изображение начала восстания 15 мая 1682 г. — все эти яркие моменты в «Описании стрелецкого бунта» либо отсутствуют в известных ранее сочинениях о стрелецком восстании (в донесении Розенбуша), либо обрисованы совершенно иначе (в записках А. А. Матвеева).[316] Это свидетельствует о том, что Ломоносов знал эту повесть из сборника, сохранившегося в библиотеке Соловецкого монастыря, в те годы, когда жил на родном Севере. Но очевидно, что даже при необыкновенной памяти Ломоносов не смог бы запомнить деталей в описании, которые дают нам основание убедиться в использовании ее в историческом сочинении Ломоносова, тем более что со времени пребывания на родине прошло около тридцати лет. Поэтому можно высказать обоснованное предположение о том, что в распоряжении Ломоносова находилась копия «Повести о Московском восстании 1682 г.», присланная из библиотеки Соловецкого монастыря.

Известно, что Ломоносов поддерживал связи с земляками. М. И. Веревкин, составивший биографию Ломоносова к академическому Собранию сочинений 1784 г., упоминал о встречах Ломоносова с «архангелогородцами и холмогорцами», которые приезжали в Петербург. Холмогорский архиепископ Варсонофий, с которым Ломоносов состоял в переписке,[317] мог оказать содействие Ломоносову в получении копий с интересующих его рукописных материалов, хранившихся в библиотеке Соловецкого монастыря.

4 мая 1756 г. в Канцелярию Академии наук был подан «Письменный реестр продажной части библиотеки бывшего обер-секретаря Синода Якова Левонидова».[318] Из составленной вдовою Я. Г. Левонидова описи «гражданским печатным и рукописным книгам разной величины» можно видеть, что обер-секретарь Синода владел небольшим, но интересным собранием, среди которого находились и довольно редкие рукописи: список с письма Феофана Прокоповича к аглинскому пастору Михаилу Маларду (№ 71, л. 91), «Надгробныя надписи российских государей» (№ 84, л. 91), два сборника «Сатир» Кантемировых (№ 30, л. 92 об. и № 49, л. 95 об.), «Хронограф российский» (№ 58, л. 93), список сочинения А. А. Матвеева «О безвинном заточении Артамона Матвеева» (№ 63, л. 93), «Право и закон, данный новгородцам от Ярослава» (№ 71, л. 93),

---

[314] В. И. Буганов. Повесть о Московском восстании 1682 года, стр. 319—323.

[315] Г. Н. Моисеева. Соловецкий сборник в исторических и литературных сочинениях М. В. Ломоносова, стр. 49—58.

[316] Не упоминаем в числе источников известий о стрелецком восстании 1682 г. сочинения о Петре I П. Н. Крекшина, так как в описании стрелецкого восстания оно полностью повторяет записки А. А. Матвеева. См.: Е. В. Колосова. К проблеме традиции древнерусской исторической повести в литературе XVIII века («Сказание» П. Н. Крекшина о Петре I как последний этап развития исторической повести XVII века). — В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, стр. 288—316.

[317] Ломоносов, ПСС, т. X, стр. 435—436.

[318] ААН, ф. 3, оп. 1, дело 210.

«Духовная В. Н. Татищева» (№ 72, л. 93 об.), Родословная роспись фамилиям российских царей (№ 81, л. 93 об.), «История о бедственном страдании и о благополучном возшествии на престол государыни Елизаветы Петровны» (№ 83, л. 93 об.), «Судебник царя Иоанна Васильевича» (№ 84, л. 93 об.), «Достоверное доказательство о российском народе» (№ 88, л. 93 об.), «О бунте стрелецком» (№ 91, л. 93 об.), «О начале славенского народа» (№ 105, л. 94), «О российских государях» (№ 116, л. 94), «О Даниле князе московском» (№ 14, л. 94 об.), «О царях и князьях российских» (№ 35, л. 95), История Казанская (№ 64, л. 95 об.), «На Балабана сатиры разныя» (№ 80, л. 96).

Судьба библиотеки Я. Г. Левонидова неизвестна: может быть, она разошлась по рукам среди ученых Петербургской Академии наук, в числе которых мог быть и Ломоносов, интересовавшийся древними рукописями. О том, что Ломоносов приобретал рукописи, необходимые для литературных и исторических трудов, свидетельствует его сводный отчет о выполненных им работах, составленный в начале 1764 г.:

«VI. В истории 1) Сочинен краткий летописец российский с родословием и напечатан.

2) Сочинен первый том „Российской истории“ и печатается с филологическими изъяснениями.

3) Собраны многие рукописные известия, до российских дел надлежащие, собственным коштом».[319]

В «репорте» в Канцелярию Академии наук о переплетенных для Ломоносова книгах упоминается под 1758 г. «1 русская рукописная книга, в белой тафте, по обрезу с золотом», под 1760 г. — «1 русская рукописная книга в французском переплете».[320]

17 февраля 1753 г. Ломоносов обратился в академическую Канцелярию с просьбой разрешить ему выехать на 29 дней в Москву по делам, связанным с организацией фабрики цветного стекла, и для ознакомления с имеющимися в московских соборах и церквах, а также в Новгороде старинными мозаическими образами.[321] Разрешение было получено, и 24 февраля Ломоносов выехал в Москву. 24 марта 1753 г. он подал в Канцелярию «репорт» о возвращении в Петербург.[322]

Пробыв в Москве около трех недель,[323] Ломоносов добился подписания императрицей (которая в это время со всем двором находилась в Москве) указа на получение им во владение земли в Копорском уезде для постройки фабрики цветного стекла. Кроме того, в это же время фаворит Елизаветы Петровны передал Ломоносову пожелание императрицы «видеть „Российскую историю“, написанную его штилем». Было очевидно, что направление изучения древнерусских памятников Ломоносовым получило одобрение и поддержку двора, но налагало на него новые дополнительные обязательства. С другой стороны, это предложение Елизаветы Петровны давало возможность Ломоносову проводить исторические разыскания в более широком масштабе.

Официальное положение историка, который создавал труд о России с древнейших времен до царствования Елизаветы Петровны (сохранились, как известно, два наброска «Плана российской истории» Ломоносова), давало, очевидно, и ряд преимуществ. Вероятно, тогда же Ломоносов получил доступ к Синодальному (Патриаршему) собранию рукописей, которые до 1918 г. хранились в Кремле в помещении Синодальной конторы

---

[319] Ломоносов, ПСС, т. X, стр. 401. (Разрядка наша, — *Г. М.*).
[320] Г. М. Коровин. Библиотека Ломоносова, стр. 446—448.
[321] Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова, стр. 210.
[322] Ломоносов, ПСС, т. IX, стр. 87.
[323] В XVIII в. проезд от Петербурга до Москвы занимал в среднем 5—6 дней.

при церкви Двенадцати апостолов.[324] В настоящее время находится в ГИМ.

Синодальная (Патриаршая) библиотека начала складываться в середине XVI в. первоначально как «митрополичья книжная казна». В числе первых рукописей здесь были книги митрополита Макария и его непосредственных предшественников.[325] Патриаршее собрание значительно пополняется в XVII в. в связи с нуждами книгопечатания. В 1652 г. с вступлением на патриаршество Никона сюда присоединяется большая коллекция рукописей и книг, собранная им в Новгороде. В конце XVII в. в Синодальное собрание вошла часть рукописей царской библиотеки. В 1722 г. по указу Петра I велено было присылать в Патриаршую библиотеку для списывания летописи церковные и гражданские из разных монастырей.

Таким образом, к началу 50-х гг. XVIII в. в Синодальной (Патриаршей) библиотеке хранились уникальные древнейшие русские рукописи, такие как Библия новгородского архиепископа Геннадия 1499 г., Библия 1558 г., написанная в Иосифо-Волоколамском монастыре по повелению Ивана Грозного, Библия XVI в. из Троице-Сергиева монастыря, два списка Миней Четьих, составленных по повелению митрополита Макария в середине XVI в. (комплект из 12 книг), многочисленные жития русских и греческих святых, памятники юридического характера, в числе их Новгородская Климентовская кормчая XIII в. с древнейшим списком Русской Правды, два последних тома Лицевого летописного свода XVI в. царя Ивана Грозного, доведенные до 1567 г., летописи, сборник сочинений киевского митрополита Илариона в списке XV в.

Выше нам приходилось говорить о большом интересе, проявленном Ломоносовым к двум томам Лицевого свода (Остермановским), которые хранились в Библиотеке Петербургской Академии наук. Приписки Ломоносова свидетельствуют о том, что он не только почерпнул из них ряд материалов, но и поставил вопрос об одном из составителей летописей, использованных в середине XVI в. для создания грандиозного свода. В двух томах Лицевого свода Синодальной библиотеки Ломоносов не оставил приписок и помет. Но это не говорит о том, что он их не изучал.

В Синодальном собрании ГИМ хранятся сочинения Илариона, русского писателя XI в., в списке XV в. Новейший исследователь сочинений Илариона Н. Н. Розов считает, что этот сборник наиболее полно передает комплекс оригинальных произведений первого русского митрополита.[326] Сборник ГИМ (Синод., 591) кончается толкованием Символа веры с припиской Илариона на л. 203 о поставлении его в 1051 г. в киевские митрополиты: «Аз милостию человеколюбиваго бога мнихъ и прозвитеръ Иларионъ изволением его от благочестивыхъ епископъ священъ быхъ и настолованъ въ велицемъ и богохранимомъ градѣ Киевѣ яко быти ми въ немь митрополиту пастуху же и учителю. Быша же си въ лето 6559 (*1051 г.*) владычествующу благоверьному кагану Ярославу сыну Владимирю. Аминь».[327]

Мы помним, что еще в 1734 г. в Киеве Ломоносов обращал внимание на материалы о первом русском митрополите Иларионе. В Киево-Печер-

---

[324] М. В. Щепкина и Т. Н. Протасьева. Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958, стр. 18.

[325] Здесь и далее история формирования ранних фондов Синодального собрания ГИМ излагается по указанной выше книге М. В. Щепкиной и Т. Н. Протасьевой, стр. 12—18.

[326] Н. Н. Розов. 1) Рукописная традиция «Слова о законе и благодати». — ТОДРЛ, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 42—53; 2) Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. — Slavia. Časopis pro Slovanskoi filologii, 1963, seš. 2, стр. 141—175.

[327] Н. Н. Розов. Синодальный список сочинений Илариона, стр. 175.

ском патерике, хранившемся в собрании Киево-Печерской лавры, он отметил отрывок текста, в котором содержатся сведения об Иларионе — «презвитере» церкви святых апостол в Берестове. В синодальном списке сочинений Илариона от его имени («азъ ... прозвитеръ Иларионъ») сообщается о поставлении в митрополиты. В «Кратком российском летописце» Ломоносов сообщил об этом знаменательном факте русской истории XI в. в выражении, близком к приписке Илариона: «Ярослав Владимирович ... во время войны с греками поставил Илариона митрополитом Киеву российскими архиереями, не посылая в Царьград к патриарху».[328]

Легкие карандашные пометы Ломоносова в виде отчеркиваний на полях и № можно видеть на нескольких листах Новгородской I летописи XIV в. (ГИМ. Синод., 786, лл. 13, 137, 153, 170, 192 об.). В качестве примера можно привести известия под 1105—1106 гг., отмеченные №: «В лето 6613 (*1105* г.) идоша в Ладогу на войну и погореша хором и от ручия мимо Славьно до святаго Илие».[329] «В лето 6614 (*1106* г.) избиша половьче на Дунаи. В то ж лето постриженся Святоша князь сын Давидов Цьрнигове тьсть Всеволожь».[330]

В Синодальном собрании хранится Софийская I летопись, доведенная до 1540 г. (ГИМ. Синод., 485). В этой летописи помещен старейший текст так называемой Летописной повести о Куликовской битве.[331] Этот текст повести был внимательно изучен тем, кто оставил на боковых полях многочисленные отчерки и пометы в виде косого креста. Знаками отмечены исторические сведения повести, имена исторических лиц — участников событий, обращено внимание на стилистические формулы и особенность фразеологических оборотов (например, «у богатырей хоругви аки живы пашутся»). Но так как нет ни одной приписки и помет типа №, которые дают основание определять почерк, мы не можем считать, что отчерки на полях Софийской I летописи сделаны рукою Ломоносова.

В Синодальном собрании хранится Родословная книга 1660 г. (ГИМ. Синод., 583): «Оглавление возследовании книги сея. Великаго российского государства великих князей от перваго великаго князя Рюрика и до царя и великого князя Феодора Иоанновича всея великия России самодержца, и родословие от великих князей и удельным князем и родословие боярским и дворянским родом, и родословие детем боярским розных городов. Писано по ряду всем. Предисловие книги родословнику».

Родословная книга имеет много помет на лл. 21, 25 об., 61 об., 62, 69, 75, 81, 81 об., 82, 84, 89, 90, 93. Так как многие из помет на Родословной книге Синодального собрания совпадают с пометами Ломоносова на Родословных книгах, хранившихся в Библиотеке Петербургской Академии наук, а также находят отражение в работах Ломоносова, мы можем полагать, что они сделаны Ломоносовым.

В качестве примера остановимся на помете, находящейся на л. 69. Косым крестом на поле и подчеркиванием в тексте обращено внимание на потомство великого князя Ярослава Ярославича: «А великово князя Ярославича дети: князь великий Михайло Ярославич. А был на великом княжении на Владимирском 13 лет, а сел на великом княжении на Владимирском в лето 6822 и оттоле на Твери и убиен бысть в Орде от безбожнаго Азбяка царя. А великого князя Михаила Ярославича дети: князь Димитрей **Грозные очи** бездетен убит бысть во Орде, да князь великий Алек-

---

[328] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 300.
[329] ГИМ. Синод., 786, л. 13.
[330] Там же.
[331] Вывод о старшинстве текста «Летописной повести» о Куликовской битве в составе Софийской I летописи и Новгородской IV летописи убедительно доказан в исследовании М. А. Салминой. См.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина», стр. 344—384.

сандр, да князь Константин, да князь Василей бездетен не стало его на Кашине».[332]

Эти сведения Родословной книги 1660 г. нашли непосредственное отражение в «Кратком российском летописце» Ломоносова. О Михаиле Ярославиче Ярославича здесь сообщено, что он получил великое княжение и «имел прение» с князем Юрьем Даниловичем московским, победив которого, «полонил супругу его Кончаку и в полону уморил. Царь по жалобам Юрья Даниловича призвав князя Михайла Ярославича, велел убить мучительною смертию... Юрье Данилович ... убит в Орде от князя Дмитрея Михайловича тверского без повеления царева, за что и сам князь Дмитрей убит по царскому слову».[333]

В «Родословии великих государей», которым заканчивается «Краткий российский летописец», также использованы материалы Синодальной Родословной книги.[334]

Помимо Синодальной библиотеки замечательные собрания древних книг находились на Печатном дворе — так называлась Московская синодальная типография, куда стекались дарственные рукописи из монастырских библиотек.

Выше уже указывалось, что не исключена мысль о возможности посещения библиотеки московского Печатного двора Ломоносовым еще в период его учения в Славяно-греко-латинской академии.[335] Во время кратковременного пребывания в Москве в 1753 г. Ломоносов изучал рукописи, хранившиеся в библиотеке Печатного двора.

Как можно судить по «Каталогу универсальному, составленному в 1727 г. по указу Свят. Прав. синода советника, школ и типографии протектора, Троицы Сергиева монастыря архимандрита Гавриила» (Бужинского), в Типографской библиотеке хранилось около 2000 древнерусских рукописей.[336] В 1786 г. по распоряжению Екатерины II значительная часть рукописей была передана из Типографской библиотеки в Синодальную библиотеку и поэтому в настоящее время находится в Синодальном собрании ГИМ.

Благодаря тому что на рукописях, переданных в 1786 г. из Типографской библиотеки в Синодальную библиотеку, сохранились приписки о прежнем месте их нахождения, мы имеем возможность пополнить представление о рукописных фондах Типографской библиотеки первой половины XVIII в. Акад. М. Н. Тихомиров описал рукописи Синодального собрания ГИМ.[337] Мы кратко приведем материалы этого описания, остановясь на приписках и пометах, оставленных на рукописях Типографской библиотеки Ломоносовым.

В 1703 г., как свидетельствует приписка на внутренней стороне обложки, из Троице-Сергиева монастыря в Типографскую библиотеку «для исправления печатного летописца» поступила Новгородская IV летопись, переписанная в 1544 г. «Катавасьей Юрьевым сыном». В конце XVI в. рукопись принадлежала «старцу Симону Шубину».[338] В 1786 г. этот список Новгородской IV летописи поступил в Синодальную библиотеку,

---

[332] ГИМ. Синод., 583, л. 69. (Выделенные полужирным слова подчеркнуты Ломоносовым, — *Г. М.*).

[333] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 311—312.

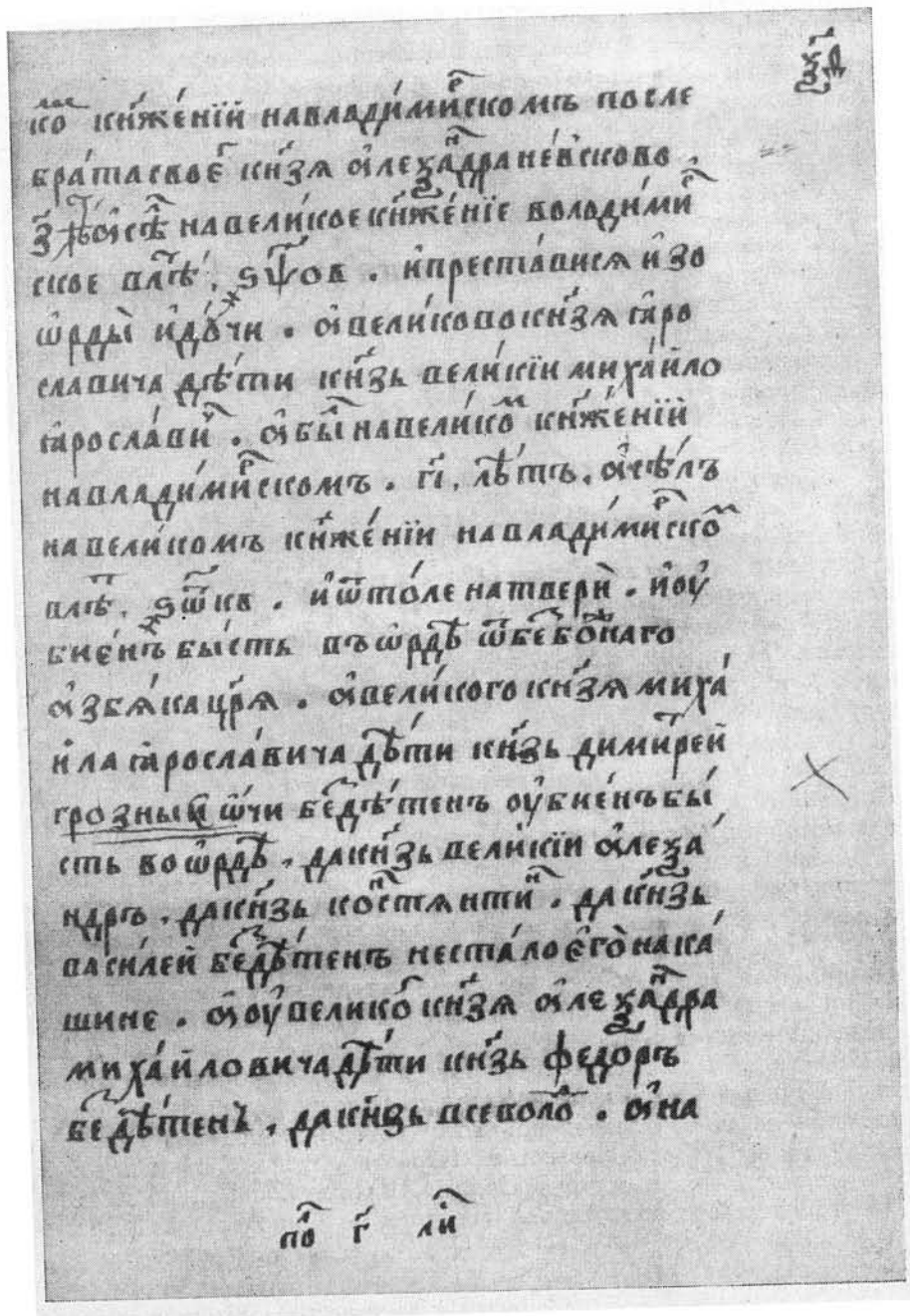
[334] Там же, стр. 352—353.

[335] А. А. Морозов. М. В. Ломоносов. Путь к зрелости, стр. 145.

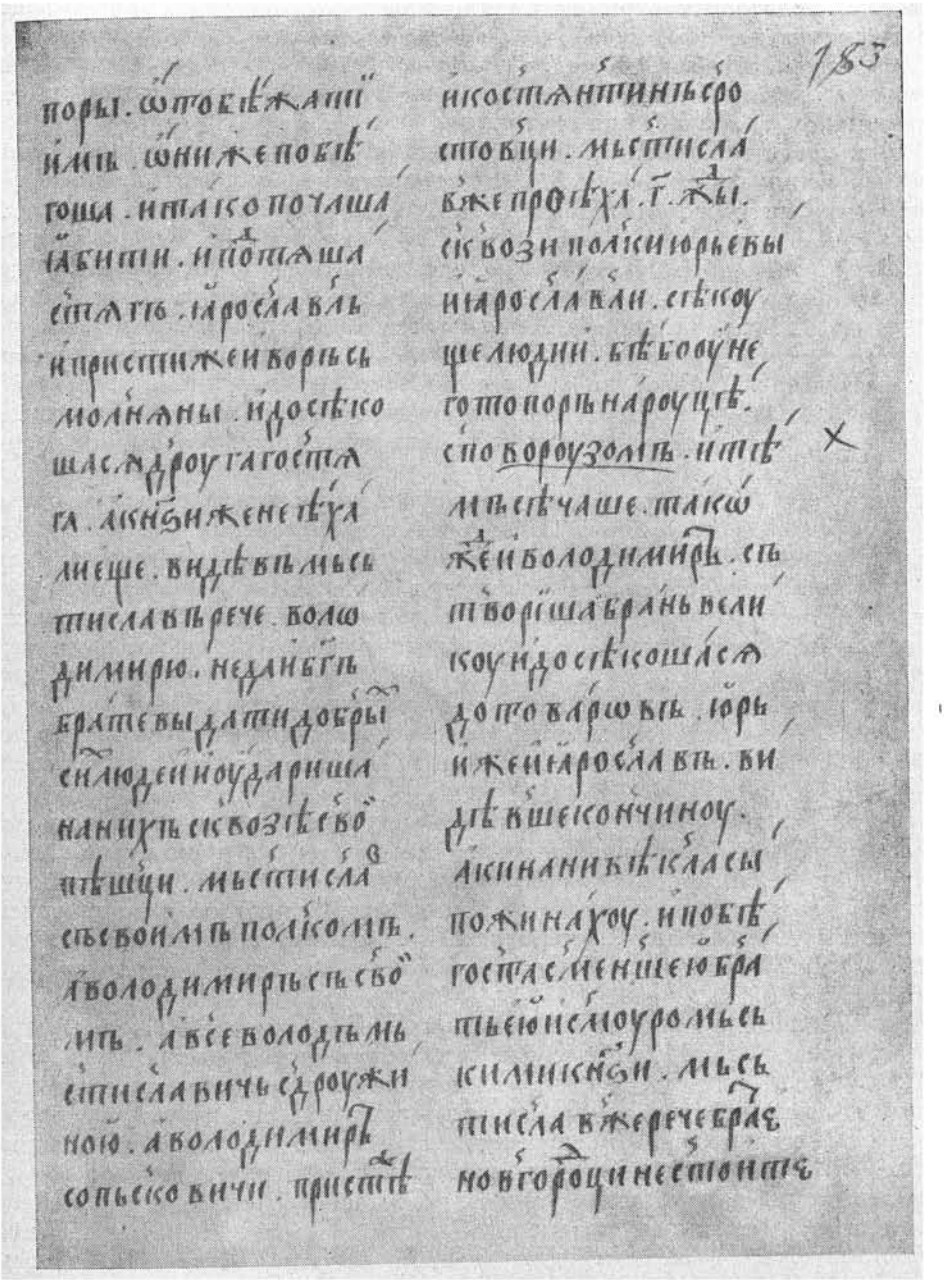
[336] Каталоги Библиотеки московской Синодальной типографии, стр. 1—13.

[337] М. Н. Тихомиров. 1) Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания, стр. 256—283; 2) Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы.

[338] М. Н. Тихомиров. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы, стр. 107.



Подчеркиванием в тексте и × на поле отмечено прозвище тверского князя Дмитрия Михайловича — «Грозные очи». ГИМ. Собр. Синод., № 583, л. 69.



Подчеркиванием в тексте и × на поле отмечено известие Новгородской летописи об оружии князя Мстислава. ГИМ. Собр. Синод., № 152, л. 183.

о чем сохранилась приписка: «Из типографской библиотеки книга первая».[339]

Заглавие рукописи: «Повесть о начале земли руской откуду пошла руская земля и хто первое нача жыти или княжити и в кое время». На л. 8 подчеркнут отрывок текста, в котором летописец обрисовывает нравы и обычаи половцев. На л. 10 об. карандашом подчеркнуты слова в следующем отрывке текста: «В лето 6367 (*859* г.) имяху дань варязи и **приходяще** из за мория на чюдии и на словенех, и на мерии, и на всех кривициx **от мужа по бели и вевирици**».[340]

Нам представляется, что отрывок этот подчеркнут не случайно: в петровской копии Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи (как и в подлинной Кенигсбергской летописи) в данном отрезке текста очевидное искажение в изложении характера дани: «В лето 6367 (*859* г.) имаху дань Варязи из замория в Чуди, на Словенех, на Мерях, и на всех Кривичех, а козаре имаху на Полех, и на Севере, и на Вятичах имаху по бѣлей дѣвице от дыма».[341] В предисловии к Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи указывается, что в данном отрывке текста несомненные «писцовы ошибки, как например ... бѣлей дивицѣ вместо вевericѣ нарочно оставлены».[342] Можно полагать, что искаженный летописный текст заставил Ломоносова искать в других летописях текст без «писцовых ошибок» в данном отрывке.

На л. 180 об. отчерк на полях обращает внимание на описание одного из эпизодов междоусобной войны князя Константина Всеволодовича с братьями Юрием Всеволодовичем и Ярославом Всеволодовичем. В главе «О побоище новгородцем со Ярославом в лето 6724 (*1216* г.)» подчеркиванием отмечена фраза, относящаяся к князю Ярославу, которого князь Константин хотел устранить от великого княжения «... аще златом шито будет оплечье, то уби и его». В «Кратком российском летописце» Ломоносова сказано о помощи новгородцев Константину Всеволодовичу, который был возведен на великое княжение «после кровопролитного сражения при Юрьевце-Польском, на котором Юрье и Ярослав Всеволодович побеждены».[343]

На л. 183 косым крестом на поле и подчеркиванием отдельных слов отмечен следующий летописный текст: «Мьстислав же проеха жив сквози полки Юрьевы и Ярославли, секуще людии, бе бо у него топор на руце **с поворузом** и тем месечаша».[344] Вспомним, что в Новгородской летописи, подаренной в Библиотеку Петербургской Академии наук В. Н. Татищевым (БАН. 31.4.22), на л. 12 отмечено, что у Мстислава «топор на руце с поворозою» .

На л. 326 Новгородской IV летописи (ГИМ. Синод., 152) заметки на боковом поле обращают внимание на летописное известие под 6891 (*1483* г.): «... бысть помрачение на многи дни и нощи и **поткы** падаху на землю и по воде». На л. 408 отмечено название новгородской улицы: «... поставиша церковь каменну святаго Дмитрия на Славкове улици». На л. 474 подчеркнут текст, где сообщается о пожаре, в который «от Розвожи улицы и до Боркове улицы погоре побережье все и до Великой улицы и Марфе посадницы чюдный двор». Пометы и подчеркивания в Новгородской IV летописи Синодального собрания совпадают с поме-

---

[339] ГИМ. Синод., 152, л. 1.

[340] Там же, л. 10 об. (Выделенные полужирным слова подчеркнуты Ломоносовым, — *Г. М.*).

[341] БАН. 31.7.22, л. 13 об.

[342] Библиотека российская историческая, стр. 32 (предисловие).

[343] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 307.

[344] ГИМ. Синод., 152, л. 183. (Выделенное полужирным подчеркнуто Ломоносовым, — *Г. М.*).

тами и приписками Ломоносова на Новгородской летописи Библиотеки Петербургской Академии наук (БАН. 31.4.22). Вспомним многочисленные подчеркивания названий новгородских улиц (Варяжская, Пруская, Холопья и др.). Пометами Ломоносов отмечает в Новгородской IV летописи известия об астрономических явлениях, о закладке городов.

Из Типографской библиотеки в Синодальную библиотеку поступила рукопись конца XV—начала XVI в., в состав которой вошли Новгородская летопись (типа летописи Авраамки) и Псковская II летопись — ГИМ. Синод., 154.[345] Приписка на обложке рукописи: «Из типоградск[их] книга № 3-я». По лл. 1—5 скорописью XVII в. — «Летописец Кириллова монастыря Белозерского».

Акад. М. Н. Тихомиров, исследовавший Синодальную рукопись № 154, отметил, что она состоит из двух частей: вначале идет текст Хронографа в сокращении, далее с л. 32 об. Новгородская летопись и с л. 154 — Псковская II летопись.[346]

Как можно судить по пометам на полях в виде прямого креста, двух косых крестов (××) и подчеркиваний в тексте, Ломоносов изучал эту рукопись, обращая внимание на тот же примерно круг летописных известий, которые интересовали его в Новгородской и Псковской летописи, хранящейся в Библиотеке Петербургской Академии наук.

На л. 36 двумя параллельными линиями и прямым крестом на боковом поле отмечается отрывок главы о крещении Владимира Святославича: «... а с князем Володимиром быть тогда под Корсунем вся Рускаа земля и новгородци и псковичи».

На л. 59 об. крест на поле стоит против известия: «В лето 6828 (*1330* г.) поставлена быть на Москве церковь камена святый Спас». На л. 332 Никоновской летописи, хранившейся в Библиотеке Петербургской Академии наук, помещено подобное известие: «... преосвященный Петр митрополит Киевский и всеа Русии заложи на Москве на площади своего дворца церковь первую каменную спасение святыя богородицы соборныя». На правом поле рядом с текстом Ломоносов написал: «Пер[вая] церковь в Москве каменная».[347] На том же л. 59 об. ГИМ. Синод., 154 посредством прямого креста на боковом поле обращено внимание на известие о том, что «поставиша псковичи Избореск камен город на Жераве горе». Это же известие привлекло Ломоносова в Новгородской и Псковской летописи Библиотеки Петербургской Академии наук. Много помет на полях поставлено против летописных известий о построении города «на реце на Пивжи на Псковской земли»,[348] о походе псковичей «к городу Медвежьи голове в немецкую землю».[349]

Помета на л. 67 об. Новгородской летописи (ГИМ. Синод., 154) снова заставляет нас вспомнить приписку Ломоносова на л. 56 об. Новгородской и Псковской летописи Библиотеки Петербургской Академии наук (БАН. 31.4.22).

БАН. 31.4.22, л. 56 об.

Тогда (*1347* г.) бой бысть немцом с литвою на Сряце реке, и **побиша литвы 40 000.** (*Выделенное полужирным подчеркнуто Ломоносовым и рядом на полях написано* «враки»).

ГИМ. Синод., 154, л. 67 об.

В лето 6855 (*1347* г.) бишася немци с литвою на **Ставре реце** и побиша литвы **40 тысящь**. (*Выделенное полужирным подчеркнуто Ломоносовым, на полях* — *крест*).

---

[345] М. Н. Тихомиров. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы, стр. 104—105.

[346] Там же.

[347] БАН. 17.2.5, л. 332.

[348] ГИМ. Синод., 154, л. 65 об.

[349] Там же, л. 66 об.

На л. 142 Новгородской летописи (ГИМ. Синод., 154) пометка против текста, в котором сообщается о переделке новгородцами «старых рублей на денги». На том же листе под 1445 г. отмечена цена хлеба в Новгороде: «...хлеб бяше дорог коробья ржи по алтыне».

С л. 154 (ГИМ. Синод., 154) следует Псковская II летопись.[350] В составе ее находится «Повесть о житии и о храбрости благовернаго и великаго князя Александра». Текст повести несколько раз отмечен посредством отчерков на полях. В числе их можно указать следующий отрывок: «...и нача слыти имя его по всемь странам и до моря Хонужьскаго и до гор Араратьскых и обои устра моря Варяжскаго и до великаго Рима».[351] Ломоносова привлек, по-видимому, метафорический стиль этого отрывка «Жития» Александра Невского. Об этом можно судить по отдельным деталям характеристики Александра Невского, разбросанным в литературных произведениях Ломоносова («Надпись на раке Александра Невского 1749 г.», «Надпись на спуск корабля „Александр Невский"», 1749 г.) и в исторических трудах: «Кратком российском летописце» и в «Идеях для живописных картин из российской истории». Под № 8 здесь обрисована «Победа Александра Невского над немцами ливонскими на Чудском озере»,[352] материал для которой целиком почерпнут из «Повести о житии... Александра Невского».

На лл. 180, 180 об., 186 Новгородской и Псковской летописи (ГИМ. Синод., 154) отмечены известия о закладке новых городов и городских постройках. На. л. 188 об. косой крест на поле и подчеркивание в тексте выделяет следующее летописное известие: «...князь литовскы Витовт собрав силы многы, не токмо литву, но москвич и тферичь и иных многых подъемь и иде на прусы и взя град Голуб».[353]

В Псковской II летописи (ГИМ. Синод., 154) обращено внимание на летописные известия псковского происхождения. Так, отмечено, что «в лето 6815 (*1307* г.) поставиша **3 костры** камены у новыя стены на приступе».[354] Подчеркнуто в тексте и отмечено двумя косыми крестами сообщение о приходе новгородцев ко Пскову «ратию» (под 6003 г.) и о том, что «тогда убиша копорскаго Иоана **под Ольгиною горою,** а инех многых избиша на Выбуте, а инех руками яша при владыце Иоане и посаднице **Еске** и **тысяцкомь** Никите».[355]

Ломоносов проявлял большой интерес к жизни и деятельности княгини Ольги, жены Игоря, матери Святослава. Еще в 1749 г. в период полемики с Г. Ф. Миллером по поводу его диссертации «Происхождение народа и имени российского» Ломоносов писал в своих замечаниях на эту работу: «Сверх сего примечания достоины следующие догадки: весьма смешна перемена города Изборска на Иссабург, которая только для того вымышлена, чтобы опровергнуть потомков Гостомысловых во Пскове; однако сие ясно показуется рождением Ольги, великой княгини, которая в Прологе псковитянынею, а у Стриковского правнукою Гостомысловою называется».[356]

В качестве источника Ломоносов называет здесь Пролог, где действительно под 11 июля помещено Проложное житие княгини Ольги.[357]

---

[350] М. Н. Тихомиров. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы, стр. 105.

[351] ГИМ. Синод., 154, л. 160.

[352] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 369.

[353] ГИМ. Синод., 154, л. 188 об.

[354] Там же, л. 178. (Выделенные полужирным здесь и в следующей цитате слова подчеркнуты Ломоносовым, — *Г. М.*).

[355] Там же, л. 179.

[356] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 22—23.

[357] Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты. М., 1915, стр. 22—32.

Исследователи отмечают крайнюю редкость русских Прологов, в которых встречается житие Ольги.[358] Древнейший пергаменный список Пролога XIV в. с житием княгини Ольги хранился в Типографской библиотеке (№ 173/368). Можно полагать, что Ломоносов был знаком с этим списком.

Интерес к биографии княгини Ольги отразился и при чтении им рукописи первой редакции «Истории российской» Татищева, которая хранилась в Библиотеке Академии наук (так называемая Академическая рукопись).[359] На л. 21 об. рукою Ломоносова поставлены карандашные пометы на боковом поле против тех строк, где Татищев сопоставляет различные известия, относящиеся к биографии княгини Ольги, и пытается опровергнуть версию Пролога: «Олга от рода Гостомысла. Иностранные сказуют ея дочь Гостомыслову (ч. II, п. 74). В Прологе мая 11 неистовная ошибка, что крестьянкою и на реке перевозницею сказана, что Нестор противо речет, говоря, Олег же приведе Игорю жену от Изборска».[360]

В «Древней российской истории» Ломоносов сопоставлял различные варианты летописных известий и сведения Проложного жития княгини Ольги. Так, в рассказе о ее крещении в Царьграде Ломоносов приводил свидетельства летописи Нестора и «других писателей».[361]

В Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи, которую Ломоносов называл летописью Нестора, сообщено под 903 г.: «В лето 6411 Игореви же възрастшу и хожаше по Ользе и слушаша его, и приведоша ему жену от Пскова именем Олену»,[362] что согласуется с известием Пролога под 11 июля, но противоречит утверждению Татищева о рождении Ольги в Изборске. Именно поэтому Ломоносов так внимательно отнесся к топонимическим сведениям Псковской летописи, сохранившей предания о княгине Ольге (Олгина гора).

В «Древней российской истории» Ломоносов без колебания сообщает о псковском происхождении Ольги: «Между тем Игорь пришел в мужество, ходил на войны под Ольгом, и народ начал показывать ему послушание. Потом сочетался супружеством с Ольгою, приведенною от Пскова».[363]

Находясь в Москве в феврале 1753 г., Ломоносов занимался в Архиве Коллегии иностранных дел, где хранились ценные рукописи и документальные источники бывшего Посольского приказа. Мы располагаем свидетельствами Ломоносова о его осведомленности в составе фондов Архива Коллегии иностранных дел.

В 1754 г. у Ломоносова сложились очень тяжелые отношения в Академии наук из-за его ссоры с Г. Н. Тепловым, ближайшим советником президента Академии наук К. Г. Разумовского. В письме к И. И. Шувалову Ломоносов обратился к нему с просьбой: «...ваше превосходительство прошу, чтобы вашим отеческим предстательством переведен я был в другой корпус, а лучше всего в Иностранную коллегию, где не меньше могу принести пользы и чести отечеству, а особливо имея

---

[358] Там же, стр. 23; М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. Сб. статей. М., 1960, стр. 38—39.

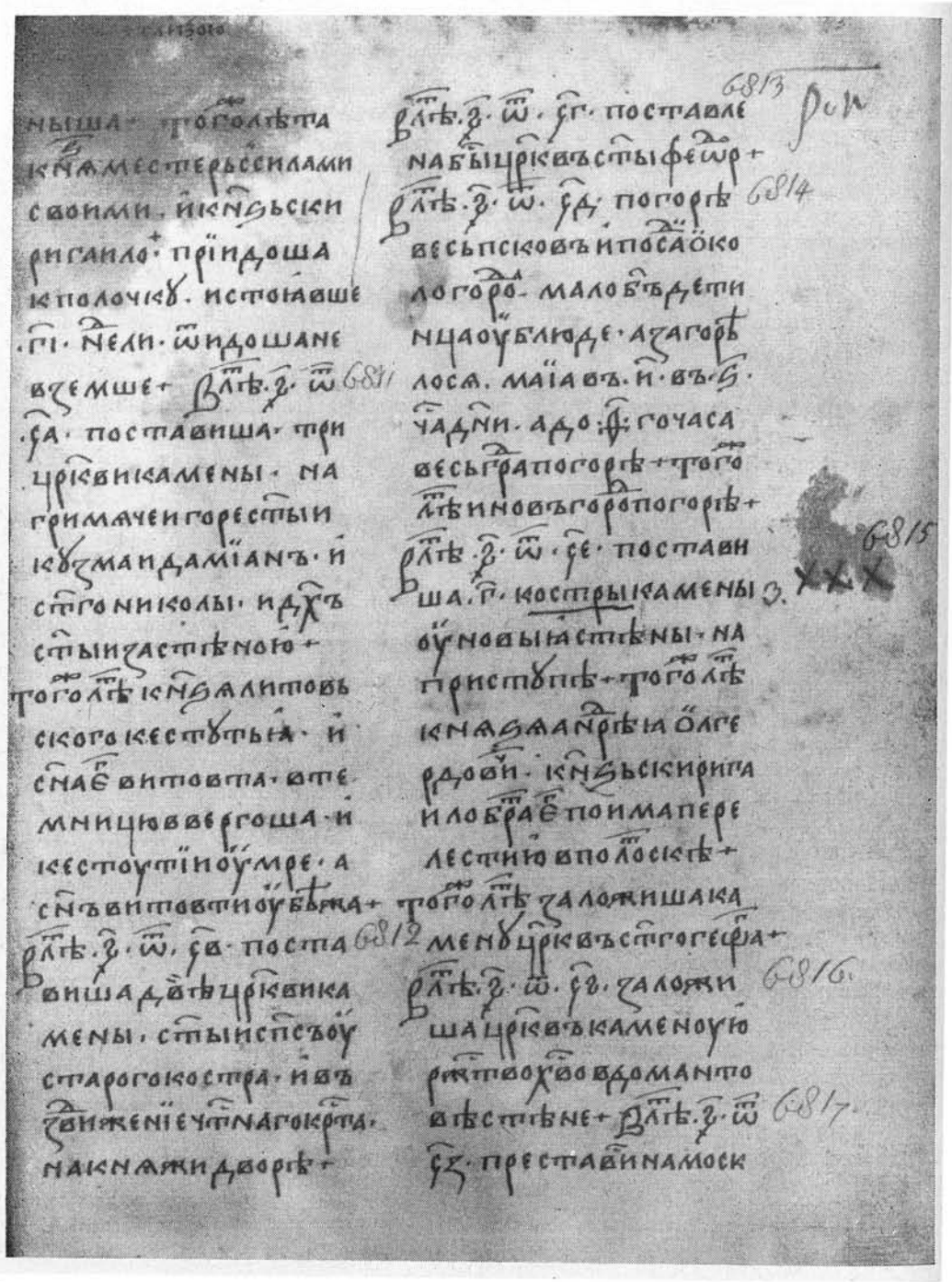
[359] С. Н. Валк считает, что в Академической рукописи (БАН. 1.5.66) содержатся главы «окончательной редакции ранней стадии работы Татищева над текстом первого тома». См.: С. Н. Валк. О рукописях первой части «Истории российской» В. Н. Татищева. — В кн.: В. Н. Татищев. История российская, т. I, стр. 61—65.

[360] БАН. 1.5.66, л. 21 об.

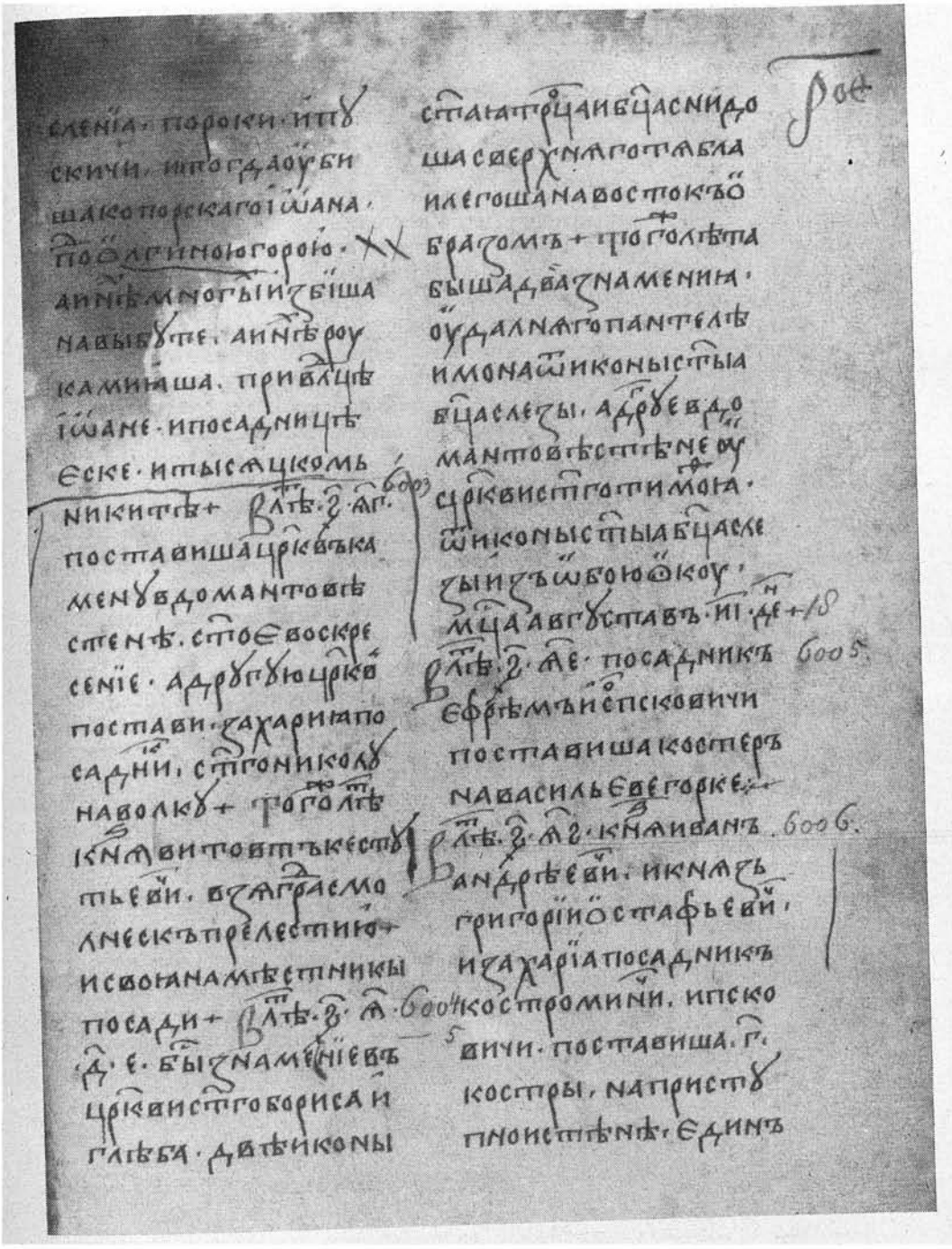
[361] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 236.

[362] БАН. 31.7.22, л. 22.

[363] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 221. (Разрядка наша, — *Г. М.*).



Подчеркиванием в тексте, отчерками и ××× на полях Ломоносов отмечает известия Псковской II летописи. ГИМ. Собр. Синод., № 154, л. 178. Приписанные карандашом даты сделаны почерком XIX в.



Обращено внимание на топонимические известия Псковской II летописи. ГИМ. Собр. Синод., № 154, л. 179. Приписанные карандашом даты сделаны почерком XIX в.

случай употреблять вспоможение архивы к продолжению „Российской истории“».[364]

В январе 1764 г., когда Ломоносов по просьбе Екатерины II подготовлял «Идеи для живописных картин из российской истории», он писал вице-канцлеру А. М. Голицыну, в подчинении которого находился Архив Коллегии иностранных дел: «Не малый здесь нахожу недостаток в изображении старинного нашего платья разных чинов. Сведение о сем сыскать едва ли где лучше можно, как в Архиве Коллегии иностранных дел. Особливо же есть в оной описание коронации и других церемоний государя царя Михаила Федоровича с личными (лицевыми, — *Г. М.*) изображениями на пергаменте».[365]

Ломоносов, как видим, точно указывает рукопись, хорошо знает ее содержание (текст и лицевые изображения) и материал, на котором она переписана («паргамент» — пергамен).

В 1754 г. для пополнения Академической библиотеки была переписана рукопись «О браке царя Михаила Федоровича в 1626 г.».[366] Здесь передано описание коронации, но нет миниатюр. Поэтому Ломоносов был вынужден обратиться в Москву с просьбой о пересылке рукописи в Петербург («Сообщением сего можете, милостивый государь, подать мне великое вспомоществование»).[367]

Изучая древнерусские рукописи Архива Коллегии иностранных дел, Ломоносов использовал хранившийся там русский перевод двухтомного труда Матвея Стрыйковского «Хроника литовской, польской, жмудской и всей Руси», так как в Библиотеке Петербургской Академии наук не было в то время этого сочинения. Только в 1758 г. при Академии наук были «списаны с книг», принадлежащих Г. А. Демидову, два тома Хроники, переведенной на русский язык в 1688 г.[368]

В специальной работе мы подробно останавливались на характере использования Ломоносовым Хроники М. Стрыйковского по списку, принадлежавшему Архиву Коллегии иностранных дел (ЦГАДА, ф. 181, № 58/80).[369] В настоящем труде анализ приписок и помет Ломоносова увел бы несколько в сторону. Поэтому здесь считаем нужным отметить, что Ломоносов основное внимание уделяет известиям Стрыйковского, относящимся к истории Руси. Он сопоставляет его сведения с данными русских летописей и других источников (житий святых, родословцев и др.).

Новейший исследователь сочинения М. Стрыйковского А. И. Рогов убедительно показывает, что источником сведений польского историка были русские летописи Новгородско-Софийского вида, в основе которых лежит Новгородско-Софийский свод, возникший в 30-х гг. XV в.[370] Но в то же время у Стрыйковского встречаются известия, которых нет в русских источниках, и именно это привлекло внимание Ломоносова и заставило его неоднократно обращаться к труду польского историка (пер-

---

[364] Там же, т. X, стр. 519. (Разрядка наша, — *Г. М.*).

[365] Там же, стр. 581. (Разрядка наша, — *Г. М.*). В настоящее время лицевое «Описание бракосочетания Михаила Федоровича со Стрешневой» хранится в ЦГАДА, ф. 181, № 36.

[366] БАН. 32.4.15.

[367] Получил ли Ломоносов из Москвы интересовавшую его рукопись, установить не представляется возможным.

[368] БАН. 32.11.4.

[369] Г. Н. Моисеева. М. В. Ломоносов и польские историки. — В кн.: Русская литература XVIII века и славянские литературы, стр. 140—148.

[370] А. И. Рогов. 1) Известия по истории Киевской Руси в Хронике Мацея Стрыйковского и их источники. — В кн.: Из истории революционного движения польского народа. М., 1964, стр. 52—64; 2) Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966, стр. 35—122.

вая ссылка на Хронику Стрыйковского у Ломоносова относится к 1739 г. — в «Письме о правилах российского стихотворства»).

Месячное пребывание в Москве в феврале 1753 г. было чрезвычайно плодотворным для Ломоносова: он изучал древние памятники в основных московских хранилищах и поэтому имел моральное право сказать Г. Ф. Миллеру, собравшемуся в марте 1765 г. переезжать в Москву и требовавшему рукописи из Академической библиотеки для продолжения занятий российской историей, что «...в Москве господин коллежский советник Миллер найдет оных довольно к своему употреблению, как в Синодальной библиотеке, так и на Печатном дворе и в Посольской архиве».[371]

Заканчивая главу, можно сказать, что изучение Ломоносовым памятников древнерусской литературы продолжалось всю его жизнь, начиная с отроческих лет, когда на родном Севере он читал летописи и переписывал жития святых, и до последнего дня его творческой деятельности. Известно, что после смерти Ломоносова в его доме были переписаны книги и рукописи, взятые им из Академической библиотеки.[372] Среди них — «две книги летописцев российских с лицами, № 34, 35» — два тома Лицевого свода (БАН. 31.7.30), «Летописец большой, № 5» — Патриаршая Никоновская летопись (БАН. 32.14.8), «Стриковского летописец, часть I, II» (БАН. 32.11.4) и «Татищевы Примечания к его собранию российской летописи».

Древнерусская литература была той плодоносной почвой, на которой развился могучий и многогранный талант Ломоносова — историка, археографа и великого национального поэта, основателя новой русской литературы XVIII в. Показать это на конкретном материале — задача последующих глав.

---

[371] Материалы для биографии Ломоносова собраны экстраординарным академиком Билярским. СПб., 1865, стр. 738, № 288.

[372] Книги и вещи у покойного господина статского советника и профессора Михайла Васильевича Ломоносова, взятые им из императорской библиотеки и Кунсткамеры. См.: Г. М. Коровин. Библиотека Ломоносова, прилож. VII, стр. 432.

Глава III

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ТРУДАХ ЛОМОНОСОВА

Вопрос об использовании Ломоносовым литературных памятников древней Руси представляет собой не только источниковедческий интерес. Раскрытие источников исторических сочинений позволяет исследователям уяснить степень достоверности изображаемых событий, их фактическую основу.

Из предыдущей главы мы знаем, каким путем шел Ломоносов в изучении предшествующей культуры. Представляется важным уяснить, как Ломоносов изучал исторические источники и какую роль сыграли древнерусские памятники в процессе его работы как историка. Вопрос этот не был поставлен, несмотря на то что после выхода статьи акад. Б. Д. Грекова [1] появились работы, в которых специально рассматривались исторические труды Ломоносова.[2] По существу только акад. М. Н. Тихомиров поднял вопрос о летописях (типа Воскресенской или Никоновской), которые были использованы Ломоносовым в «Древней российской истории».[3]

В 1741 г. Ломоносов вернулся из Германии в Петербург и приступил к работе в Академии наук. В том же году выходит из печати его ода, посвященная Ивану Антоновичу, где содержится ряд фактов, почерпнутых из Повести временных лет. Занимаясь точными науками, Ломоносов не оставлял изучения древнерусских памятников. И об этой его работе знали в Академии наук, о чем свидетельствует протокол Академического собрания от 24 февраля 1746 г., когда к Ломоносову обратился академик Делиль с просьбой выписывать из русских летописей все известия о необычайных небесных явлениях: «Praeterae proposuit Dn. De l'Lsle, quam utile foret, ut unus vel alter Collegarum, qui historias Russicas legunt, ex istiusmodi libris historicis, vel Ephemeridibus, vel Annalibus, extraheret et colligeret omnes illas narrationes, quae agunt de extraordinariis coeli phaenomenis e. g. de eclipsibus solis et lunae totalibus, de cometis, auroris borealibus, alisque meteoris; quemadmodum ex aliarum regionum et regnorum libris tales collectiones habeantur; quippe quod multum conferret ad complendam coeli historiam. Promisit uterque tam Cl. Trediakowski quam Cl. Lomonossow,

---

[1] Б. Д. Греков. Ломоносов-историк. — Историк-марксист, 1940, № 11, стр. 18—34.

[2] Д. М. Гуревич. М. В. Ломоносов и русская историческая наука. — Вопросы истории, 1949, № 11, стр. 107—119; М. Т. Белявский. Работа М. В. Ломоносова в области истории. — Вестник МГУ, 1953, № 7, стр. 115—122; Г. Г. Фруменков. М. В. Ломоносов — основоположник русской исторической науки. Архангельск. 1960; P. Hofmann. Lomonosov als Historiker. Jahrbuch für Geschichte der UdSSR. Bd. 5. Berlin, 1961, стр. 361—373.

[3] М. Н. Тихомиров. Исторические труды М. В. Ломоносова. — В кн.: Русская культура X—XVIII веков. М., 1968, стр. 383—396.

si res non admodum urgeat, se in lectione librorum Russicorum has historias, quas huc pertinentes invenirent, annotaturos esse».[4]

В марте 1747 г. Канцелярия Академии наук вынесла решение поручить профессору Ломоносову, а также профессорам Ф. Г. Штрубе де Пирмонту и В. К. Тредиаковскому рассмотреть спорные вопросы, возникшие между П. Н. Крекшиным и Г. Ф. Миллером. Крекшин еще в 1746 г. представил в Сенат составленное им «Родословие великих князей, царей и императоров». В том же году Миллер, которому Канцелярия Академии наук дала эту работу для прочтения, представил свои «Замечания» на эту рукопись, в которых содержались резкие возражения по целому ряду серьезных вопросов.[5] Крекшин не согласился с «Замечаниями» Миллера и написал доношение в Сенат. Настороженное отношение к «Замечаниям» Миллера со стороны Крекшина, его жалобы в Сенат побудили вмешаться в решение этих вопросов Академию наук и лично президента К. Г. Разумовского.

Сохранился черновик, написанный рукою Ломоносова,[6] и чистовой экземпляр, представленный в Сенат,[7] раскрывающий участие его в работе Комиссии.

Уже в этом кратком отзыве по поводу спора Миллера и Крекшина раскрывается общая позиция Ломоносова, свидетельствующая о его принципиальности в вопросах науки и независимости от чуждых влияний. Изучение замечаний Ломоносова раскрывает его знакомство с рядом источников, показывает его умение критически относиться к ним.

Несомненно, что Ломоносов рассматривал все те книги, которые упоминаются в отзыве Миллера, как неправильно и недобросовестно истолкованные Крекшиным. Миллер перечисляет следующие рукописи:

«1. Экстракт из так называемой из Золотой родословной книги, на 28 листах,

2. Экстракт из иной родословной книги, на 8 листах,

3. Экстракт из некоторой разрядной книги, на 68 листах,

4. Родословие владеющей ныне высочайшей императорской фамилии на I листу Александрийском,

5. Родословие смоленских и ярославских князей на 3 листах Александрийских,

6. Родословие великих князей литовских и происшедших от них княжеских фамилий, на 9 листах Александрийских».[8]

В отзыве Ломоносова упоминаются «подлинные российские родословные книги», ознакомление с которыми позволило ему прийти к заключению о том, что в ряде спорных пунктов Крекшин «подлинных доказательств предложить не мог».[9]

---

[4] «Кроме того, господин Делиль внес предложение, что было бы полезно, чтобы тот или другой из коллег, читающих русские летописи, извлекал и собирал из исторических книг такого рода либо из дневников или анналов все те рассказы, где речь идет о необыкновенных небесных явлениях, как например о полных затмениях солнца и луны, о кометах, северных сияниях и других атмосферных явлениях, наподобие таких сводок, составленных по книгам других областей и царств, так как это много способствовало бы пополнению истории неба. Как коллега Тредиаковский, так и коллега Ломоносов, оба обещали, если дело не так спешно, что они, при чтении русских книг, будут отмечать рассказы, сюда относящиеся». Протоколы заседаний Конференции императорской Академии наук с 1725 по 1803 года, т. II (1744—1777). СПб., 1899, стр. 119.

[5] Замечания Миллера о книгах Крекшина см.: ААН, ф. 21, оп. I, № 117, лл. 12—14. Дело о сочиненной Крекшином Родословной см.: ЦГИАЛ, ф. 1341, оп. 303, № 578.

[6] ЦГАДА, ф. Госархив, р. XVII, № 11, лл. 164—166.

[7] ААН, ф. 3, оп. 1, № 109, лл. 167—170.

[8] ААН, ф. 21, оп. 1, № 117, л. 14.

[9] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 9—12.

Сам Ломоносов первоочередной задачей историка считает доказательность выдвигаемых им мнений, основанную на изучении источников. В первом пункте споров между Миллером и Крекшиным по вопросу, был ли Владимир Святославич назван царем и венчан царским венцом, Ломоносов решительно встал на сторону Миллера: «... что все великие князи от Владимира до царя Ивана Васильевича были цари, венчаны венцом царским и помазаны, того господин Крекшин не доказал, также и того, что была ли разность между великокняжеским венцом и царским, каковым царь Иоанн Васильевич венчался. А что господин Крекшин предлагал, якобы великому князю Владимиру Святославичу прислан был венец царский от греческого царя Константина Мономаха, на то доказательства его не только не довольны, но и Синопсисом Киевским такое его мнение отражается, в котором ясно изображено, что венец царский прислан был к великому князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху, и потому он в помянутом Синопсисе называется первовенчанным царем».[10]

В «Кратком описании о начале народа славенского и о населении сими народы северных полунощных и западных стран, и о наречениях сего славного народа славенского московским, российским, скифским, готским, сарматским и прочими именовании, и о преславных деяниях сего славного народа славенского, московского, российского», составленном П. Н. Крекшиным в апреле 1747 г.,[11] говорится о том, что «Владимир великий князь киевский писашеся царь и самодержец».[12] То же повторил Крекшин и в «Экстракте из великославных дел царей и великих князей и самодержцев всероссийских».[13]

По поводу расхождения лет «рождения, приятия престола и правления государей российских» Ломоносов, как он пишет, «рассматривал ... подлинные книги».[14] В начале 50-х гг. XVIII века он использует эти материалы для составления работы «Родословие российских государей мужеского и женского полу и брачные союзы с иностранными государями», которой заканчивался «Краткий российский летописец».[15]

В заключении по поводу спора Крекшина с Миллером Ломоносов показал свое знакомство с летописцем Брюсовым, на который он ссылается при рассмотрении прав на российский престол Михайла Федоровича Романова.[16] Брюсов летописец поступил в Библиотеку Академии наук в 1735 г. после смерти известного сподвижника Петра I Якова Брюса. Это Степенная книга с добавлениями выписок из хронографов третьей четверти XVII в. (БАН. 32.8.4). На полях этой рукописи много отчеркиваний и помет Ломоносова, свидетельствующих о его неоднократном обращении к этому источнику.

Ссылается Ломоносов и на «Степенную книгу Никона патриарха».[17]

Патриарший список Никоновской летописи (БАН. 32.14.8) с прибавлениями поступил в Библиотеку Академии в 1741 г. в составе собрания рукописей Феофана Прокоповича. На л. 874 об. запись скорописью начала XVIII в.: «Лета 7217 (*1709* г.) августа 12 день принесена сия книга, глаголемая Временник, в казну отца патриарха». По этой рукописи Ломоносов устанавливает отчество великой княжны Анны, отданной замуж за Иоанна Мануиловича. Ломоносов ссылается на «грань 14», где гово-

---

[10] Там же, стр. 9—10.

[11] Сведения о времени составления помещены в послесловии: БАН. Собр. текущих поступлений, № 445, л. 176.

[12] Там же, л. 157.

[13] БАН. 31.6.35, л. 32.

[14] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 9—10.

[15] Там же, стр. 346—364.

[16] Там же, стр. 11.

[17] Там же, стр. 12.

рится о митрополите Фотии: «В рассуждении великия княжны Анны спор состоял в отчестве ея, а именно: в генеалогической таблицы господина Крекшина было написано, что она Дмитриевна, однако она есть внука Дмитриева, а дщерь Василия Дмитриевича, а о сочетании ея брачном с царем греческим Мануилом свидетельствует Степенная книга Никона патриарха, но о сочетании ея ж с Иоанном Мануиловичем свидетельствует та же книга о митрополите Фотии, грань 14, да еще в той же книге о том же и в той же 14 грани».[18]

Отчерк на поле и повторенное дважды NB обращают внимание на текст, помещенный на л. 536: «И потом совет сотвори князь велики Василей Дмитреевич со отцем своим Фотеем митрополитом о дщери своей Анне, юже хотяше дати в Греки в Костянтинъград за царевича Ивана Мануилова сына. Фотей же митрополит благослови ему тако быти и благослови его». Здесь действительно вопрос «о сочетании брачном» связан с митрополитом Фотием. Несколько ниже, но в той же колонке, помещено еще одно сообщение о великой княжне Анне Васильевне: «Того же лета князь велики Василей Дмитреевичь отдаде дщерь свою княжну Анну в Царьград за царевича Ивана Мануилевича».[19]

Приведенный пример с большой ясностью раскрывает характер работы Ломоносова с историческим источником, манеру передачи текста, способ цитирования. Мы видим, как точно Ломоносов ссылается на летопись. Он называет месторасположение интересующего его текста внутри летописи — «грань 14» и уточняет раздел — «о митрополите Фотии» и «еще в той же книге о том же и в той же 14 грани».

В дальнейшем мы увидим, как быстро будет усовершенствовать Ломоносов приемы работы над русскими летописями, как будет изыскивать способы точных ссылок и манеру их перевода.

В числе рукописей, которые использует Ломоносов в этом заключении, им назван и Лаврентий Хурелиц, «герольдмейстер цесарский».[20] В. Р. Свирская установила, что Ломоносов привлекает «Родословие великих российских князей, собранное из разных печатных и рукописных творцов, веры достойных, Лаврентием Хуреличем, короля Леопольда I священником и Священного Римского государства герольдом, 1673». Перевод этого произведения на русский язык был выполнен в Александро-Невской семинарии в 1747 г. монахом Никодимом Селлием.[21] С материалами, собранными Никодимом Селлием, как мы увидим в дальнейшем, Ломоносов был хорошо знаком. Упоминание материалов, хранящихся в Александро-Невской семинарии, позволяет датировать работу Ломоносова в этой библиотеке.

В заключении по поводу спора Крекшина и Миллера, написанном Ломоносовым, сказывается его знакомство с Новгородской летописью, откуда он использовал рассказ о призвании «князя Рурика по Гостомыслову совету ... в Новгород от варяг».[22] Крекшин утверждал, что Рюрик был «призван от варяг, то есть из Вагрии, лежащей на берегу моря Варяжского».[23] Ломоносов считал, что «доказательства его о сем деле оставляют в сомнении».[24] Сам Ломоносов в этот период, по-видимому, уже имел свою позитивную точку зрения по вопросу о происхождении варягов. Немного позднее, в 1749 г., в связи с полемикой, возникшей по поводу работы Миллера «Происхождение народа и имени рос-

---

[18] БАН. 32.14.8, л. 536.
[19] Там же.
[20] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 12.
[21] Там же, стр. 545, прим. 8.
[22] Там же, стр. 11.
[23] Там же.
[24] Там же.

сийского», Ломоносов выступил со своей гипотезой по «варяжскому вопросу», основанной на изучении русских летописей.

6 сентября 1749 г. в собрании Академии наук Г. Ф. Миллер должен был читать «Диссертацию о начале российского народа и от чего оный так называется». В августе того же года после предварительного обсуждения в Историческом собрании было принято решение о напечатании диссертации Г. Ф. Миллера. Но по приказу президента К. Г. Разумовского собрание Академии было перенесено на 25 ноября — на торжество по случаю вступления Елизаветы Петровны на престол. В начале же сентября экземпляры отпечатанной на русском и латинском языках диссертации Г. Ф. Миллера были разосланы Канцелярией Академии наук, в первую очередь членам Исторического собрания.[25] 16 сентября 1749 г. в Канцелярию Академии наук были посланы рапорты Тредиаковского,[26] Ломоносова,[27] Штрубе де Пирмонта,[28] Попова[29] и Крашенинникова.[30] О несогласии с выводами Миллера написал и В. Н. Татищев.[31] Во всех отзывах подчеркивалась тенденциозная направленность работы Миллера.

В рапорте Ломоносова точка зрения автора диссертации подверглась всестороннему изучению. Ломоносов не просто отверг научный результат исследования Миллера (как последний представил позднее), а показал его несостоятельность путем сопоставления с данными русских источников, и в первую очередь с «летописью Нестора» — так назвал Ломоносов копию, снятую в 1716 г. по приказу Петра I с Радзивиловской летописи XV в., хранившейся до 1758 г. в библиотеке г. Кенигсберга.

В начале второй четверти XVIII в. эта рукопись в составе библиотеки Петра I поступила в Библиотеку Петербургской Академии наук. В «Камерном каталоге» 1742 г. она числится под № 9, под названием «Летописец Феодосия черноризца Печерского монастыря о начале России с продолжением по 6713 год».[32]

Происхождение названия летописи, столь отличного от названия, употребленного Ломоносовым, который называет ее «Нестор», следует объяснить следующими обстоятельствами. В 1732 г. Г. Ф. Миллер предпринял издание отрывков из русских летописей в «Sammlung russicher Geschichte». Первым был напечатан отрезок Радзивиловской (Кенигсбергской) летописи. Так как сам Миллер плохо владел тогда русским языком, он не смог проверить по рукописи текст перевода, а переводчик ошибся и приписал составление летописи «игумену Феодосию». Позднее, в статье «О первом летописателе российском преподобном Несторе, о его летописи, и о продолжателях оныя», помещенной в апрельском номере «Ежемесячных сочинений» за 1755 г., Миллер сам объяснил происхождение этой ошибки.[33] В данном случае важно отметить, что помимо А. И. Богданова, несомненно, имел отношение к составлению первого печатного описания рукописей Библиотеки Петербургской Академии наук и Миллер, так как именно его ошибочное название Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи и вошло в «Камерный каталог» 1742 г.

---

[25] В состав Исторического собрания, основанного 24 марта 1748 г., входили: Миллер, Леруа, Штрубе, Штелин, Тредиаковский, Ломоносов, Крузиус, Фишер и Браун. — ААН, ф. 3, оп. 1, № 115, лл. 424—430.

[26] ААН, ф. 3, оп. 1, № 838, л. 231.

[27] Там же, л. 232.

[28] Там же, л. 230.

[29] Там же, л. 234.

[30] Там же, л. 235.

[31] Исторический архив, т. VI, 1957, стр. 295.

[32] Bibliothecae imperialis Petropolitanae. 1742, БАН. $\frac{156}{\text{Оп. рук.}}$ стр. 68.

[33] Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755, апрель, стр. 305—306.

Главным и основным недостатком работы Миллера «Происхождение народа и имени российского» Ломоносов считал недостаточное использование русских источников: «Из всего видно, что он (Миллер, — *Г. М.*) весьма немного читал российских летописей, и для того напрасно жалуется, будто бы в России скудно было известиями о древних приключениях».[34] Второй недостаток — неправильное понимание текста древнерусских летописей и явное предпочтение иностранных источников. «Обещается он иностранных авторов тут приводить, где своих к тому недовольно (стр. 6); однако в противность того российских авторов не токмо просто, но нередко и с поношением опровергает, как то в 9 пункте явствует ниже сего, что учинил он весьма несправедливо и дерзновенно».[35]

Ссылаясь на Кенигсбергскую (Радзивиловскую) летопись, Ломоносов полемизирует с Миллером по вопросу о происхождении варягов: «...варяги, происходя от роксолян, всегда себя русью называли, хотя другие народы их инако именовали, и самые слова Несторовы показывают, что варяги назывались русью, а по ним и новогородские славяне и прочие назывались русью».[36] Ломоносов пересказывает здесь отрывок Радзивиловской летописи: «И идоша за море к варягом Руси; сице бо тии звахусь варязи Русь, яко се друзии зовутся свеи, друзии ж урмяни, ингляне, друзии гоже».[37]

Не согласен Ломоносов с интерпретацией Миллером того отрывка текста летописи, где рассказывается о Кие: «Опровержение Киева перевозу из Нестора приведено равно как напоказ, для смеху».[38] Действительно, в пространном рассуждении о времени основания города Киева Миллер, пересказав отрезок Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи, не склонен доверять тому, что «написал в Киевской летописи Киевопечерского монастыря монах Нестор, который у нас (у Г. Миллера, — *Г. М.*) прежде сего ошибкою переводчика Феодосием назван».[39] Миллер полагает так истолковать текст летописи, «дабы тем у греческих писателей, живших прежде Нестора, не отнять достоверности».[40] Ломоносов поэтому и отмечает в диссертации отсутствие ясности в изложении собственной точки зрения Миллера по ряду важнейших вопросов русской истории. Однако это не помешало Миллеру так представить историю России, что, по словам Ломоносова, «на всякой почти странице русских бьют, грабят благополучно, скандинавы побеждают, разоряют, огнем и мечем истребляют; гунны Кия берут с собой на войну в неволю. Сие так чудно, что ежели бы господин Миллер умел изобразить живым штилем, то бы он Россию сделал толь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен».[41]

В конце рапорта Ломоносов подводит итог: диссертация Миллера с научной точки зрения неприемлема: она «не имеет ... ясности и подлинности, старательно изысканной».[42]

30 сентября 1749 г. два экземпляра диссертации Миллера «Происхождение народа и имени российского» один «на российском, а другой на латинском языке» были возвращены Ломоносовым в академическую Канцелярию.[43] Однако споры не кончились. Миллер в письме президенту

---

[34] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 20.
[35] Там же, стр. 19.
[36] Там же, стр. 22.
[37] БАН. 31.7.22, л. 6 об.
[38] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 23.
[39] Г. Ф. Миллер. Происхождение народа и имени российского. СПб., 1749, стр. 14.
[40] Там же, стр. 15.
[41] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 21.
[42] Там же, стр. 25.
[43] ААН, ф. 3, оп. 1, № 838, л. 232.

К. Г. Разумовскому жаловался на «недоброхотов», говорил, что «ему никакой критики никто не показал». В ответ на это президент приказал в недельный срок еще раз исследовать работу Миллера.

24 октября Ломоносов выступил с возражениями, которые по сравнению с сентябрьским «репортом» были значительно подробнее развернуты. В связи с подготовкой этих новых замечаний Ломоносову, вероятнее, всего, были возвращены экземпляры корректуры диссертации Миллера.

В Отделе редкой книги Библиотеки Академии наук СССР хранится корректурный экземпляр диссертации Миллера с многочисленными пометами и приписками Ломоносова.[44] Экземпляр корректуры диссертации Миллера «Происхождение народа и имени российского», находившийся в распоряжении Ломоносова в то время, когда он писал свой второй отзыв об этой работе, позволяет яснее понять сущность его возражений по ряду вопросов, связанных с изучением русской истории.

В первом разделе своего труда Миллер намечает его задачи: «... последуя порядку времени стану говорить о первых началах российской истории и покажу происхождение славнейшего российского народа. Объявляют наипаче о тех временах, о которых в наших летописях и в других российских исторических книгах или вовсе не упомянуто, или достоверных и подлинных известий не имеется, чего ради история оных времен и подлежит многим затруднениям. Предложу, какие в России народы поселились, как один другого преодолел, и победители побежденными владели. Предъявлю, как от разных народов произошли ваши предки, которые потом толь тесными союзами соединились, что бывшего между ими прежнего различия никакого следу не осталось. Изъясню подробно происхождение российского имени. Изъявлю о делах прежде россиан в России учинившихся, которые однакож до российской истории свойственно принадлежат, потому что к доказанию происхождения российского народа немало служат. А для обстоятельнейшего их изъяснения не будет бесполезно из чужестранных соседственных народов книг объявить то, чего в домашних не находим».[45] На левом поле против этого отрезка текста рукою Ломоносова написано: «3. Так зброд!». Ниже: «4. Contradictio vide p.». Слова «Так зброд!» относятся к фразе: «Предъявлю, как от разных народов произошли ваши предки, которые потом толь тесными союзами соединились, что бывшего между ими прежнего различия никакого следу не осталось». «Contradictio» — «противоречие» относится к фразе: «Изъявлю о делах прежде россиян в России учинившихся, которые однакож до российской истории свойственно принадлежат».[46] Смысл этой приписки Ломоносова становится ясным при обнаружении повторения этого же слова на стр. 24: «4. Contradictio p. 6». Миллер действительно утверждает здесь противоположное тому, что он говорил на 6-й странице: «...о том, что случилось по нашему исчислению прежде приходу славян в сии земли, рассуждать можно, что оно мало до нас касается, потому что оных всякой признает за первейших российского народа основателей. Однако из истории то объявлю, чем показать можно, что скандинавы всегда старались наипаче о приобретении себе славы российскими походами».[47]

---

[44] Шифр. БАН. XVIII век, $\frac{1749}{3}$. Этот экземпляр диссертации Миллера «Происхождение народа и имени российского» мне указан М. М. Гуревичем, за что приношу ему глубокую благодарность.

[45] Г. Ф. Миллер. Происхождение народа и имени российского, стр. 5—6.

[46] Там же, стр. 6.

[47] Там же, стр. 24.

На правом поле страницы 47 рукою Ломоносова написано: «Ошибся». Слово относится к следующему отрезку текста диссертации Миллера: «Нестор и другие по нем летописцы упоминают о походе Осколдовом против Царяграда предпринятом прежде отправленного от новогородцов для упрошения себя князя к варягам посольства, которое описано под 6367, 6368 и 6369 годами от сотворения мира, а от рождества Христова 859, 860 и 861 годами. Рурик, как пишут, с братьями своими прибыл в 6370, от рождества Христова 862 году. Из чего следует, что или Нестор в исчислении времени ошибся, или Оскольд владел до Рурика».[48] В тексте «Замечаний на диссертацию Миллера» Ломоносов использовал эту свою заметку: «О святом Несторе, летописце, говорит весьма продерзостно и хулительно так: ошибся Нестор, и сие неоднократно».[49]

На правом поле страницы 49 Ломоносов написал: «Швед». Приписка относится к рассуждению Миллера о происхождении русского народа. Пересказывая сочинение итальянского историка Луйтпранда, Миллер передает эпизод приема греческим царем Феофилом русских послов, отправленных последним к «римскому цесарю Людовику Кроткому с таким прошением, чтоб им позволено было чрез Германию ехать назад в Россию. А цесарь по точном исследовании, для какой причины помянутые послы приехали, уведал, что они из шведского народа».[50]

Прямым крестом на правом поле страницы 43 и подчеркиванием в тексте обращено внимание на слова «с российскими царевнами». В «Замечаниях на диссертацию Миллера» Ломоносов писал: «... весьма непристойно княжны славенские называются от него российскими царевнами».[51]

Вопросительные знаки на полях, цифры-заготовки для будущих пунктов «Замечаний» показывают, как тщательно изучил Ломоносов диссертацию Миллера «Происхождение народа и имени российского». Сохранившийся корректурный экземпляр с приписками Ломоносова дает дополнительный материал для суждений о характере его работы, о точности цитирования и передачи текста. Но самым важным представляется следующий вывод из рассмотрения «Замечаний» Ломоносова: отзыв написан им менее чем в две недели. Если бы этому не предшествовала большая работа над русскими летописями, если бы Ломоносов не был знаком с трудами иностранных авторов о России, если бы, наконец, он не разрабатывал свою самостоятельную концепцию истории России, его «Замечания» ограничились бы общим заключением о характере работы или анализом политической позиции автора.

«Замечания» Ломоносова, выходя за пределы обычного отзыва на диссертацию, содержали в себе вчерне наметки будущей «Российской истории».

Известно, что после получения ряда отрицательных отзывов Канцелярия Академии наук приняла решение отклонить публикацию диссертации Миллера «Происхождение народа и имени российского». Работа подлежала уничтожению. Сохранилось несколько экземпляров.[52] Позднее Ломоносов писал в «Краткой истории о поведении академической Канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени»: «... велено Миллеру для публичного акта в Академии сочинить речь или диссертацию из российской истории, к чему он

---

[48] Там же, стр. 46—47.
[49] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 24.
[50] Г. Ф. Миллер. Происхождение народа и имени российского, стр. 49.
[51] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 23.
[52] М. М. Гуревич и К. И. Шафрановский. Об издании 1749 года речи Г. Ф. Миллера «Происхождение русского народа и имени российского». — В кн.: Книга, т. VI. М., 1962, стр. 282—285.

избрал материю, весьма для него трудную, — о имени и начале российского народа, которая, как только без чтения перед Профессорским собранием напечатана и в Москву к президенту для апробации отослана, немедленно публичный акт отложен и речь Миллера отдана на рассмотрение некоторым академическим членам, которые тотчас усмотрели немало неисправностей и сверх того несколько насмешливых выражений в рассуждении российского народа, для чего оная речь и вовсе отставлена. Но Миллер, не довольствуясь тем, требовал, чтобы диссертацию его рассмотреть всем Академическим собранием, что и приказано от президента. Сии собрания продолжались больше года. Каких же не было шумов, браней и почти драк!».[53]

В течение 1750 г. Ломоносов написал еще два отзыва на работу Миллера. В этих новых его замечаниях еще полнее раскрылись глубокие знания Ломоносова в области древнерусских литературных и исторических памятников, его умение проникнуть в самую суть изучаемого вопроса, раскрыть взаимосвязь разноречивых фактов.

Среди исторических источников, которые привлечены Ломоносовым к изучению, важнейшее место занимает «летопись Нестора». Новым по сравнению с предшествовавшими замечаниями Ломоносова на диссертацию Миллера является то, что теперь приведены точные ссылки на источник с указанием листов. Ломоносов сделал нумерацию листов летописи (с листа 1 по 311)[54] и точно процитировал ряд мест.[55] Эти ссылки в значительной степени облегчают работу исследователя, который поставил своей задачей определение круга знакомства Ломоносова с памятниками древнерусской литературы в начале 1750-х гг.

На материале Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи основывается Ломоносов, когда утверждает, что отсутствие упоминаний о руссах у «внешних писателей» объясняется тем, что до IX в. «козаре, нашед на южную часть России, у роксолан или россов сообщение с греками отняли, ибо когда Осколд и Дир пришли к Киеву, тогда поляне, где Киев стоит, платили дань козарам».[56] Рукою Ломоносова внизу сделана сноска: «Нестор, лист 10».[57]

В Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи на л. 10 (старой нумерации) помещается текст: «Бяста у него (Рюрика, — *Г. М.*) два мужа не племени его, но боярина, и та испросишася с родом своим ко Царюгороду. И поидоста по Днепру идучи мимо узрела на горе городок. Вопрошаста рекучи: „Чий се город?“. Они же рекоша: „Была суть три брата: Кий, Щек, Хорив, иже соделаша град сей и изгибоша. И мы седим, платяче дань козаром“. Асколд же и Дир остаста в граде сем».[58]

Ломоносов ссылается и на л. 9 Радзивиловской летописи: «...Рурик, хотя был из варяг-руси, однако имя имел скандинавское». На л. 9 карандашом подчеркнуто: «...поидоша за море к ворягом русь, сице бо тии звахусь варязи русь, яко се друзии зовуться свие, друзии ж урмяни, ингляне, друзии и готе».[59] В «Замечаниях на диссертацию Миллера» последняя часть текста передана так: «Блаженный Нестор, летописец Печерский, ва-

---

[53] Ломоносов, ПСС, т. X, стр. 287—288.

[54] Современная карандашная нумерация, куда входят и листы, предшествующие тексту самой летописи, расходится с нумерацией Ломоносова на 5 номеров. В этой главе указывается современная нумерация листов.

[55] Ссылки на листы рукописи по Кенигсбергской летописи впервые отмечены акад. М. И. Сухомлиновым. См.: Сочинения М. В. Ломоносова, т. V. СПб., 1902, стр. 185 второй пагинации.

[56] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 28.

[57] Там же.

[58] БАН. 31.7.22, л. 15.

[59] Там же, л. 14.

297 об

(: Норманов :) Инглянъ (: Инерянъ :) и на
Русь. Слѣдовательно сіи Варяги жили
по разнымъ мѣстамъ. Имени Русь
въ Скандинавіи и на сѣверныхъ берегахъ
Варяжскаго моря нигдѣ не слыхано;
то явствуетъ что Русь Варяги жи-
ли на полуденныхъ берегахъ помяну-
таго же моря къ востоку или западу.
О нашихъ лѣтописцахъ упоминается,
что Рурикъ съ родомъ своимъ пришолъ
изъ Нѣмецъ, а индѣ пишется что изъ
Пруссіи. А Несторъ ясно объявляетъ
что онъ пришанъ былъ изъ Варяговъ Русь. (*)
Между рѣками Вислою и Двиною впа-
даетъ въ Варяжское море отъ восточно-
южной стороны рѣка, которая въ верьху
около города Гродна называется Нѣмень
а къ устью своему слыветъ Руса. Здѣсь
явствуетъ что Варяги Русь жили на во-
сточноюжномъ берегу Варяжскаго моря
при рѣкѣ Русѣ, которая отъ сихъ Варя-
говъ Русскихъ свое имя имѣетъ, и что
они иногда отъ той же рѣки Нѣмени
назывались Нѣменьцы или Нѣмцы. А
понеже Пруссія была съ Варягами Русью
въ сосѣдствѣ къ западу и одного Славен-
скаго языка (: какъ уже выше упомянуто

(*) Листъ 9.

Замечания Ломоносова на диссертацию Г. Ф. Миллера «Происхождение и рода и имени российского». Рукопись переписана писцом. Ссылки на летопись Нестора с указанием листов рукописи («листъ 9») сделаны рукою Ломоносова. Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 817, л. 297 об.

рягов различает на Свиев, на Готов, на Урмян (Норманов), Инглян (Ингрян) и на Русь».[60]

На летописи основывается Ломоносов, когда говорит об исконном единстве славянского и русского языка: «Нестор Печерский говорит ясно, что славенский и русский язык едино есть».[61] Внизу ссылка, сделанная рукою Ломоносова: «Лист 16 на обороте».[62] На обороте л. 16 на поле стоит знак:) и чернилами подчеркнут текст: «...тем же и словенску языку учитель есь Павел, от него же языка и мы есмо русь, тем же и нам русы учитель Павел, понеже учил есь язык словенск и поставил есь епископа и намесника в себе Андроника словенску языку. А словенский язык и рускый одно есть, от варяг бо прозвашася русью».[63]

Еще раз возвращается Ломоносов к рассмотрению того места Радзивиловской летописи, которое Миллер предлагает толковать так, «дабы тем у греческих писателей, живших прежде Нестора, не отнять вероятности».[64] Миллер хотя и излагает рассказ Киевской летописи, но относится к нему с нескрываемым недоверием: «Киевопечерского монастыря монах Нестор опровергает ложное некоторых своего века писателей мнение, якобы Кий, будучи не знатного рода, питался перевозом на реке Днепре, и якобы то место, где Кий на Днепре перевозил, называлось сперва Киев перевоз, а в последующие уже времена по собравшемся там в великом множестве народа зачался город».[65]

Ломоносов обращается к источнику — Радзивиловской летописи. На л. 4 об. (старой нумерации) он карандашом отмечает следующий текст: «Аще бо бы перевозник Кый, то не бы ходил ко Царюграду; но сей княжаше в роду своем. И приходившу ему ко Царю не свѣмы, но токмо о сем вѣмы, якож сказуют, яко велику честь приял есть от царя».[66]

В «Замечаниях» Ломоносова появляется такая формулировка: «Предлагает господин Миллер о Киеве перевозе и как Нестор сие отвергает и доказывает, что Кий не был перевозчик, но князь... И сие подкрепляется тем, что он на стр. 16 говорит, якобы Кий взят был от гуннов в Царьград с принуждением и был не только у них полководцем. Такая догадка, которая довольного основания не имеет и с нашими летописьми не сходствует, а особливо, что не в честь древнему российскому владетелю вымышлена».[67]

В восьмом пункте своих «Замечаний» Ломоносов касается сведений Радзивиловской летописи об Аскольде и Дире. Миллер, основываясь на догадках профессора Байера, подвергает сомнению известия русских летописей о киевских князьях Аскольде и Дире: «...объявить здесь должно о погрешности историй наших, по которым Осколд и Дир за разных двух князей почитаются, кои будто оба Киевом владели, вместе воевали против греков, в одно время оттуду возвратились, в одно же время скончались, и в толь тесном соединении находились, что кажется якобы одна душа в них действовала. И в самом деле был только один Осколд, по чину своему прозванный Диар, которое слово на старинном готфском языке значит судью или начальника, ... а сочинители наших летописей не зная о достоинстве Диара, и не разумея сего чужестранного слова, сим именем назвали князя, который по их мнению владел вместе с Осколдом».[68]

---

[60] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 33.
[61] Там же, стр. 34.
[62] Там же.
[63] БАН. 31.7.22, л. 21 об.
[64] Г. Ф. Миллер. Происхождение народа и имени российского, стр. 15.
[65] Там же.
[66] БАН. 31.7.22, л. 9 об.
[67] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 39. (Разрядка наша, — *Г. М.*).
[68] Г. Ф. Миллер. Происхождение народа и имени российского, стр. 46.

298об

распространялся, тогда отъ Голстинiи
до устья рѣки Двины по южному берегу
Варяжскому живущiе народы говорили
языкомъ Славенскимъ, чего еще и нынѣ
имѣются довольные и явственные
знаки, то есть имена не токмо дере-
вень городовъ, рѣкъ, но и цѣлыхъ земель.
А Варяги Русь жили на тѣхъ же берегахъ,
слѣдовательно говорили языкомъ Славен
скимъ. 2) Сiе подтверждается тѣмъ
что около того мѣста гдѣ жили Варя-
ги Русь, и теперь еще говорятъ Курланд-
цы языкомъ отъ Славенскаго происходя-
щимъ, и тѣмъ показываютъ что они
суть остатки отъ Варяговъ Руси. 3.)
Несторъ Печерскiй говоритъ ясно, что
Славенскiй и Русскiй языкъ едино есть
(*) 4) Естьли бы Варяги Русь были язы-
комъ своимъ отъ Славянъ такъ отмѣн-
ны, какую отмѣну долженъ имѣть
Скандинавской, то бы о самихъ Варяжскихъ
владѣтелей, отъ великаго множества
пришедшаго съ ними народа и отъ армiи
Варяжскихъ, которыя до 20 и до 30 ты-
сячь простирались, отъ великой гвардiи
каковую послѣ Рурика и до Ярослава ве-
ликiе Князи имѣли изъ Варяговъ, долженъ бы
Россiйскiй

(*) Листъ 16 на оборотѣ.

Ссылка Ломоносова на летопись Нестора («листъ 16 на оборотѣ»). Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 817, л. 298 об.

Радзивиловская летопись снова дает Ломоносову материал для опровержения мнения Миллера. На боковом поле л. 12 об. появляется характерный знак — кружок с точкой внутри. Он фиксирует внимание на следующем отрезке текста летописи: «Асколд же и Дир приидоста и выскакавше вси прочии из лодья и рече Олег Аскольду и Дирови: «Вы неста князя, ни рода княжа!". И вынесоша Игоря. „А се есь сын Рюриков!". И уби Осколда и Дира. И несоша на гору и погребоша, еже ныне зовется Угорьское, идеже ныне Олмин двор, на той могиле поставил церковь святого Николу. А Дирова могила за святою Ириною».[69]

В «Замечаниях на диссертацию Миллера» Ломоносов формулирует свое мнение по поводу истолкования Миллером известий Радзивиловской летописи об Аскольде и Дире: «Стр. 46. Здесь ясно показывается пристрастие господина Миллера к своим догадкам, ибо он, как уже выше упомянуто, одного сходства имени и места за доказательство не принимает. Сия его строгость была бы весьма похвальна, ежели бы господин Миллер не токмо для отвержения противных, но и для доказательства своих мнений поступал по оной; но здесь выводит он из одного сходства имени Дир и Диар, что Оскольд и Дир не двое, но один был князь именем Оскольд, а по чину Диар (то есть по-готски судья). Не упоминаю о том, что сие все для того он сюда взял из Бейеровой диссертации, чтобы русь-варягов произвести от готов; тому удивляюсь, что он ясное Несторово, Стриковского и других авторов свидетельство принес в жертву своей догадке, ибо сии писатели не токмо сих двух князей различают, но и гробы их в Киеве особливо назначают».[70] Изучение летописей снова, как видим, дало Ломоносову неоценимый материал при анализе научной ценности диссертации Миллера. Свидетельство «Нестора» Ломоносов сопоставлял с показаниями Стрыйковского, Хронику которого он ценил очень высоко.[71] Как это установлено теперь А. И. Роговым, М. Стрыйковский использовал по периоду Киевской Руси русские источники и прежде всего Повесть временных лет в редакции Новгородско-Софийского свода.[72]

В новых «Замечаниях на диссертацию Миллера» Ломоносов использует не только «летопись Нестора», но и Новгородский летописец, научное значение которого полностью отрицалось автором труда «Происхождение народа и имени российского».

В печатном описании русских рукописных книг — «Камерном каталоге» 1742 г. летописи под таким заглавием не числится. В 1756 г. в Библиотеке Петербургской Академии уже имелся экземпляр Новгородского летописца. На задней обложке его рукою архивариуса Андрея Богданова приписано: «Списана при Академии наук 1756 году с оригинала Михаила Ларионовича Воронцова. Конец».[73]

Однако нам известно, что Новгородский летописец был использован Ломоносовым уже в 1749 г. Следовательно, речь может идти о другой летописи, которую Ломоносов относил к группе Новгородских летописей.

В собрании Воронцовых хранится рукопись (БАН. 34.2.26.), которая отнесена новейшим ее исследователем к типу Новгородской III летописи.[74] Она переписана несколькими почерками на бумаге Красносельской фаб-

---

[69] БАН. 31.7.22, лл. 17 об.—18.

[70] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 40.

[71] Г. Н. Моисеева. М. В. Ломоносов и польские историки. — В кн.: Русская литература XVIII века и славянские литературы. М.—Л., 1963, стр. 140—157.

[72] А. И. Рогов. 1) Известия по истории Киевской Руси в Хронике Мацея Стрыйковского и их источники. — В кн.: Из истории революционного движения польского народа. М., 1964, стр. 57—62; 2) Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966, стр. 35—122.

[73] БАН. 16.4.1, л. 660 об.

[74] С. Н. Азбелев. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960, стр. 71—77.

рики, выпускавшейся в 1732—1739 гг.[75] На лл. 1—10 запись, сделанная рукою Ломоносова: «Сия книга его превосходительства действительного каммергера и кавалера Романа Ларионовича Воронцова». Эта скрепа является доказательством того, что именно эта рукопись из собрания Воронцовых была изучена Ломоносовым. О времени, когда Ломоносов изучал Новгородский летописец, позволяет судить упоминание придворного чина Романа Ларионовича Воронцова. В скрепе, сделанной рукою Ломоносова, он назван «действительным каммергером». Этим чином братья Роман и Михаил Воронцовы были пожалованы в январе 1742 г. вскоре после восшествия на престол Елизаветы Петровны. Михаил Ларионович был пожалован чином графа Римской империи в 1744 г.; Роман Ларионович получил такой же чин в феврале 1760 г. С этого времени в титуловании Романа Ларионовича появилось — «сиятельный рейхсграф». Так обращался к нему Ломоносов в письме от 5 февраля 1763 г.[76]

Свидетельством того, что Новгородскую летопись из собрания Воронцовых Ломоносов изучал еще до того, как возникла полемика по поводу диссертации Миллера «Происхождение народа и имени российского», могут служить не только ссылки на рукопись, но и глубоко продуманная оценка Новгородской летописи как исторического источника. Естественно, что в две недели, которые потребовались Ломоносову для написания «репорта» о диссертации Миллера, без предварительного изучения вопроса он не мог бы высказать свое самостоятельное мнение по важнейшим вопросам истории России.

В полемике с Миллером, который опровергал все исторические данные Новгородского летописца, Ломоносов утверждал: «Правда, что и в наших летописях не без вымыслов меж правдою, как то у всех древних народов история сперва баснословна, однако правды с баснями вместе выбрасывать не должно, утверждаясь только на одних догадках».[77] Исходя из этого положения, Ломоносов принимает некоторые свидетельства Новгородской летописи: «Новгородский летописец и большинство других писателей передают, что славяне и руссы до прихода варягов были единым племенем».[78] «Новгородский летописец говорит, что славян часть некоторая, для тесноты места на Дунае, отошла к Днепру, Ильменю и прочая, что с правдою очень сходно, ибо и теперь по Дунаю довольно есть славенского народа, как-то: сербяне, болгары и проч.».[79]

В разделе о происхождении русского народа, где Ломоносов выдвигает свою гипотезу, он снова ссылается на Новгородскую летопись: «Такое положение места роксолан весьма согласуется с Новгородским летописцем, в котором в древние времена славенороссийского народа жительство полагается у Черного моря, и что того же народа великая часть отделившись распространилась до Ильменя-озера и далее к северу. И хотя господин Миллер сию летопись за бабьи басни почитает, однако старинный город, Старая Руса издревле называемый, довольно показывает оныя в сем справедливость и что прежде Рурика жил тут народ руссы или россы, или погречески роксоланы называемый».[80]

В главе «Зачало Руския земли како прозвася словенская» в Новгородской летописи излагаются следующие сведения, которые, как видим, изучены Ломоносовым. Сообщим о судьбе «правнуков Афетовых», которые

---

[75] М. В. Кукушкина. Филиграни на бумаге русских фабрик XVIII—начала XIX в. — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. II. М.—Л., 1958, стр. 295, № 9.

[76] Ломоносов, ПСС, т. X, стр. 563.

[77] Там же, т. VI, стр. 20.

[78] Там же, стр. 44.

[79] Там же, стр. 38.

[80] Там же, стр. 27.

вследствие «распри и междусобия» расселились по земле, составитель летописи рассказывает о братьях Словене и Русе, которые «с роды своими отлучишася от Евксинопонта и идоша от рода своего и от братия своея».[81] После продолжительного хождения «Словен с родом своим и со всеми иже под рукою его, себе на реце, зовомой тогда Мутная, последу Волхов проименовася во имя старейшего нашего Словенова Волхова зовома. И поставиша града, и именоваша по имени князя своего — Словенск Великий. Он же ныне зовется Новгород Великий от устья великого озера Ильменя вниз по велицей реце Волхове».[82] Далее излагается легенда о Русе: «Другий же брат Словенов — Рус вселися на месте некоем разстоянием от Словенска Великого яко стадии пятидесят у солоного стубенца с созда град между двумя реками и нарече во имя свое — Руса, иже и доныне именуется Руса старая».[83]

В «Замечаниях» на ответы Миллера Ломоносов указывает Новгородский летописец как источник сведений об исконном единстве славян и руссов.[84]

В Новгородской летописи из собрания Воронцовых излагается легенда «О чаровании бесовском болшаго сына Волхова»: «Болший же сын оного князя Словена — Волхов, бесоугодник и чародей, лют в людях тогда бысть и бесовскими ухищрении мечты творя многи и преобразуяся во образы лютаго зверя крокодила».[85]

В предисловии к «Краткому российскому летописцу» Ломоносов пытается исторически объяснить происхождение легенды о Волхове. В главе о древних владетелях русских городов Ломоносов пишет: «...у славян новогородских по летописцу — Славен и Рус. И хотя в оном летописце сначала много есть известий невероятных, однако всего откинуть невозможно. Баснь о претворении Славенова сына в крокодила сходствует весьма с тогдашними обыкновениями, ибо по морю Варяжскому и по втекающим в него судоходным рекам чинились великие разбои, на которые выходили часто княжеские и королевские дети. Итак, недивно, что Волхв, разбойничая по реке Мутной, почитался за крокодила и дал ей свое имя от волшебства. Нашествие угров и разорение Славенска согласуется со внешними историями. Хотя о Гостомысле, последнем республиканском владетеле, по коего совету избран на княжение Рурик, Нестор не упоминает, однако о толь близком известии довольно утвердиться можно на летописце новогородском».[86]

В полемике Миллера с Ломоносовым раскрывается их знакомство с «Патриаршим списком летописи». Речь идет о двухтомной Никоновской летописи с дарственной надписью патриарха Никона на лл. 13—31.[87]

Доказывая, что варяги — норманны, владевшие языком и культурой, совершенно отличной от славян, Миллер ссылается на ряд летописных известий, где отдельно перечисляются варяги и славяне. В качестве са-

---

[81] БАН. 34.2.26, л. 5 об.
[82] Там же, л. 6.
[83] Там же, л. 7.
[84] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 44.
[85] БАН. 34.2.26, л. 6.
[86] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 296.
[87] «Лета 7169 (*1661* г.) сию книгу положил в дом святаго живоноснаго Воскресения господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, Новаго Иросалима, смиренный Никон, божию милостию патриарх. А кто восхощет ю усвоити, якож Ахар, сын Хармиев, или утаить, якож Анания и Сапфира, да отнимет от него господь бог святую свою милость, и затворит двери святых щедрот своих; и да приидет на него неблагословение и клятва и казнь божия душевная и телесная в нынешнем веце и в будущем вечная мука. А кто сие писание каким злым умышлением испишет от книги сия — да испишет его имя господь бог от книги животныя» (БАН. 17.2.5).

мого убедительного довода Миллер приводит следующий отрывок из «Патриаршего списка летописи».:

Никоновская летопись, ч. I

При Михаиле и Василии царех и при Фотии патриархе придоша словене, рекше новгородцы, и меря, и кривичи. Варягом реша: «Земля наша велика и обильна, поидити владеть нами!». Они же бояхуся звериного их обычая и нрава. И едва избраша три браты.[88]

Перевод Миллера

В царствование греческих императоров Михаила и Василия, когда патриарший престол занимал Фотий, к варягам пришли послы от новгородцев, мерян и кривичей и сказали им: «Земля наша велика и обильна! Поидите владеть нами!». Варяги же побоялись звериного обычая и нрава этого племени, и было избрано всего три брата, которые и прибыли с новгородскими послами.[89]

Ломоносов отметил: «Это имеется только в искаженной летописи Нестора».[90] Замечание Ломоносова показывает, как глубоко изучил он Никоновскую летопись. Исследователи уже отмечали позднейший характер переработок ранних известий в Никоновской летописи.[91] Советские ученые показали, как постепенно под пером редакторов XVI в. подновлялись и «исправлялись» сведения ранних летописных сводов, включенных в Никоновскую летопись,[92] как вводился новый материал фольклорного происхождения, как модернизировался язык. Несомненно, что для того чтобы Ломоносов мог сделать вывод о позднем характере известий Никоновской летописи, потребовалось ее внимательное изучение, сравнение известий этой летописи с другими, анализ расхождений. Следовательно, задолго до того, как возникла полемика вокруг диссертации Миллера, Ломоносов владел уже большим кругом источников, он изучил важнейшие летописи и умел критически воспринимать их известия. Он обладал запасом знаний не только в области исторических фактов. Ломоносов продумал характер русских летописей, хронографов, степенных. Он свободно оперировал текстом, ясно представляя важность его всестороннего изучения.

Несомненно, что принципиальная позиция, занятая Ломоносовым в полемике Крекшина с Миллером в 1747 г., большие и многосторонние знания, проявленные им в вопросах изучения национальной культуры, показали его как серьезного историка. В конце 1748 г. В. Н. Татищев прислал в Академию наук свой труд по истории России с просьбой к Ломоносову оценить его и написать предисловие.[93] Обратили на Ломоносова внимание и близкие к правительству политические деятели, понимавшие важность создания серьезного труда по истории России.

Необходимость печатного сочинения по отечественной истории, созданного с учетом современных достижений науки и литературы, была ясно осознана уже в Петровскую эпоху. Неудачные опыты Ф. Поликарпова и Г. Скорнякова-Писарева отчетливо показали, что новый исторический труд должен явиться не только сводом материалов, но, главное, итогом творческого осмысления их на уровне современной науки.

---

[88] БАН. 17.2.5, л. 18 об.

[89] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 62.

[90] Там же, стр. 62.

[91] Н. Ф. Лавров. Заметки о Никоновской летописи. — В кн.: Летопись занятий Постоянной историко-археографической Комиссии, т. I (XXXIV). СПб., 1927, стр. 55—90.

[92] Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1948, стр. 351—354; А. Г. Кузьмин. К вопросу о времени создания и редакциях Никоновской летописи. — Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963, стр. 111—120.

[93] Письмо В. Н. Татищева к Ломоносову не сохранилось. О содержании его можно судить по ответу Ломоносова. См.: Ломоносов, ПСС, т. X, стр. 461—462.

Не менее важной была и литературная сторона исторического труда. В первые десятилетия XVIII в. русская литература сделала значительные успехи в разработке новой светской тематики и в освоении художественных средств для ее воплощения. В этот период усиленно развиваются различные отрасли естественных и гуманитарных наук, интенсивно формируется научный язык.[94] Шаг от «Синопсиса» И. Гизеля конца XVII в. до исторического труда нового типа был большим.

В 20-х годах XVIII в. начал работать над «Историей российской» В. Н. Татищев. Итогом его почти тридцатилетней деятельности явились две редакции незаконченного труда, увидевшего печатный станок почти через два десятилетия после смерти автора.

В начале 50-х гг. XVIII в. единственным, кто мог взяться за создание труда по истории России, был Ломоносов. Он был подготовлен к этой работе. И потому естественно, что после смерти В. Н. Татищева эта задача была поручена Ломоносову. В том, что отношение к работе Ломоносова над историей России приобрело теперь иной характер, определенная роль принадлежит И. И. Шувалову, молодому, образованному фавориту Елизаветы Петровны, который с 1749 г. начал играть значительную роль при дворе. При участии И. И. Шувалова в конце 1749 г. Ломоносову было заказано написание трагедии на национально-патриотическую тему. Трагедия «Тамира и Селим», где раскрываются события, связанные с Куликовской битвой, вышла из печати в ноябре 1750 г. и была дважды поставлена при дворе.[95]

Можно думать, что разговор Шувалова с Ломоносовым о создании труда по русской истории состоялся в конце 1750 г., так как в письме к Шувалову от 10 сентября 1751 г. Ломоносов уже сообщает следующее: «Делаю план „Российской истории", который по возвращении вашем в Санктпетербург показать честь иметь буду».[96]

С этого же времени в отчетах о работе в Академии наук Ломоносов регулярно сообщает о своих занятиях историей. Эти отчеты, а также письма И. И. Шувалову, братьям М. И. и Р. И. Воронцовым и президенту Академии наук К. Г. Разумовскому, где рассказывается о работе над «Российской историей», явились одним из важнейших материалов при выявлении источников — русских летописей, хронографов, степенных и разрядных книг, изученных Ломоносовым в процессе создания труда по истории России.

Работа Ломоносова шла очень успешно. В отчете о работе в 1751 г. он писал: «В истории: читал книги для собирания материй к сочинению „Российской истории": Нестора, Законы Ярославли, большой летописец, Татищева первый том».[97] В письме к И. И. Шувалову Ломоносов сообщил: «Делаю разные приуготовления и примечания к сочинению „Российской истории"».[98] В 1753 г. Ломоносов так отчитался в своих занятиях русской историей: «1) записки из сочиненных прежде авторов приводил под статьи числами, 2) читал российские академические летописцы без записок, чтобы общее понятие иметь пространно о деяниях российских».[99]

1753 г. был очень плодотворным для занятий русской историей. В письме к И. И. Шувалову Ломоносов писал, что предполагает «первый

---

[94] Л. Л. Кутина. Формирование языка русской науки. М.—Л., 1964.

[95] 1 декабря 1750 г. (см. Камер-фурьерский журнал за 1750 г., стр. 145) и 9 января 1751 г. (см. Камер-фурьерский журнал за 1751 г., стр. 13).

[96] Ломоносов, ПСС, т. X, стр. 471—472.

[97] Там же, стр. 389.

[98] Там же, стр. 387.

[99] Там же, стр. 391.

том в нынешнем году ... совершить».[100] Находясь в Москве с 24 февраля по 17 марта,[101] он обследовал рукописные собрания Патриаршей (Синодальной) библиотеки. Типографской библиотеки, Архив Коллегии иностранных дел, библиотеку Троице-Сергиевой лавры. Через И. И. Шувалова Ломоносов узнал о благожелательном отношении к его историческому труду императрицы Елизаветы Петровны, которая передала, что «охотно бы желала видеть российскую историю, написанную его штилем».[102]

К концу 1754 г. был «сочинен опыт Истории словенского народа до Рурика ... всего 8 листов».[103] В 1755 г. «сделан опыт описания владения первых великих князей российских Рурика, Олга, Игоря».[104]

В эти же годы Ломоносов намечает два варианта плана русской истории: первый охватывал историю Руси от ранних славянских племенных объединений до времени царя Федора. Второй вариант включал и историю XVIII в., доходя до времени Елизаветы Петровны. Варианты плана интересны как попытки Ломоносова наметить периодизацию русского исторического процесса. Они важны и для понимания замысла его работы в целом. Вот эти варианты:

I

«Прежде сомнительные времена:
Период 1. От Рурика до смерти Владимировой.
— 2. От смерти Владимировой до Батыя.
— 3. От Батыя до царя Иоанна В[асильевича].
— 4. От царя Ивана В[асильевича] до Петра Великого.
— 5. От Пе[тра] В[еликого] до Елизаветы П[етровны].

II

1. Век древний до Рурика.
2. Век от начала Рурикова владения до смерти к[нязя] Владимира.
3. Век от смерти князя Владимира до Батыя.
4. От Батыя до начала царства Иоанна Вас[ильевича].
5. От нач[ала] цар[ства] ц[аря] Ио[анна] В[асильевича] до смерти царя Феод[ора] Алекс[еевича]».[105]

К 1762 г. Ломоносов закончил первый том «Российской истории». Как показывает его записка в Канцелярию Академии наук в феврале 1763 г., том состоял из двух частей. Первая часть содержала «российские деяния от самой древности даже до кончины великого князя Ярослава Первого, то есть до первого главного разделения самодержавства российского. Следуют еще две части сего ж тома, первая до Батыева нашествия, то есть до порабощения российского татарами, вторая до великого князя московского Ивана Васильевича, когда Россия вовсе свободилась от татарского насильства».[106]

Состав первого тома «Российской истории» показывает, что Ломоносовым не были конкретно реализованы ни первый ни второй варианты плана

---

[100] Там же, стр. 475.
[101] Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. Составители: Г. А. Андреева, Г. Е. Павлова, Н. В. Соколова. М.—Л., 1961, стр. 211—212.
[102] Ломоносов, ПСС, т. X, стр. 285—286.
[103] Там же, стр. 391.
[104] Там же, стр. 398.
[105] Там же, т. VI, стр. 87.
[106] Там же, т. IX, стр. 408—409.

русской истории. Это можно видеть на примере третьего пункта первого варианта и четвертого пункта второго варианта. Оба эти пункта охватывают период «от Батыя», но заканчиваются по-разному: первый вариант — «до царя Иоанна Васильевича», второй — «до начала царства Иоанна Васильевича». Вторая же часть уже написанной «Российской истории» оканчивалась периодом, «когда Россия вовсе свободилась от татарского насильства». О том же, к какому времени относил Ломоносов освобождение от татарского ига, позволяет судить 11-й пункт работы под названием «Идеи для живописных картин из российской истории». Он называется: «*Низвержение татарского ига.* Великий князь Иван Васильевич, на великокняжеском стуле сидя, гневным лицем повергает на землю басму татарскую и разодранное Ахматово повеление. Татар, связанных бесчестно, вон выводят. Российские бояре поклонением и разными движениями изъявляют свою радость и благодарность государю».[107]

Очевидно, что в процессе работы над русской историей план все более конкретизировался и уточнялся. Но общий замысел его оставался неизменным: Ломоносов изучал историю России от древнейшей поры до середины XVIII в.

Можно полагать, что история Петровского времени также была подробно рассмотрена Ломоносовым, что нашло отражение как в ряде его литературных и исторических сочинений (поэма «Петр Великий», «Слово похвальное Петру Великому», «Экстракт о стрелецких бунтах»), так и в конкретных замечаниях на труд Вольтера «История России при Петре Великом», в которых он показал превосходное знание той эпохи.

В процессе изучения материалов для большого исторического сочинения — «Российской истории» Ломоносов задумал написать и небольшой по объему труд — «Краткий российский летописец»,[108] где он мог в доступной форме изложить свое понимание русского исторического процесса. В отличие от «Российской истории», снабженной ссылками на источники и «филологическими изъяснениями» к текстам летописей и другим литературным и историческим памятникам древней Руси, это сочинение должно было использовать результаты исследовательского труда, но характер передачи материала был иным — не исследовательским, а летописным: сообщался исторический факт почти без комментирования автора, намечалась его связь с последующими событиями. Работа над кратким трудом велась Ломоносовым параллельно с сочинением «Российской истории». Об этом прямо свидетельствует заглавие первой части «Краткого российского летописца»: «Показание российской древности, сокращенное из с о ч и н я ю щ е й с я п р о с т р а н н о й и с т о р и и» (разрядка моя, — *Г. М.*). Сопоставление опубликованной части «Российской истории», которая вышла из печати после смерти Ломоносова в 1766 г. под названием «Древняя российская история», с «Кратким российским летописцем» с очевидностью это подтверждает. Приведем некоторые примеры.

---

[107] Там же, т. VI, стр. 370.

[108] Л. Б. Модзалевский опубликовал статью «Об участии А. И. Богданова в „Кратком российском летописце" Ломоносова» (в кн.: Ломоносов, т. II. М.—Л., 1946, стр. 265—270), где доказывал, что «основная» часть «Краткого российского летописца» написана не Ломоносовым, а Богдановым. Эта точка зрения Л. Б. Модзалевского была принята многими исследователями. В подготовленной мною статье «Андрей Богданов — автор исторических сочинений и вопрос об его участии в работе Ломоносова над „Кратким российским летописцем"» (см.: Сборник статей и материалов по книговедению, вып. 3, печатается) на материале исследования исторических трудов А. И. Богданова, а также рассмотрения документальных данных, послуживших основанием для заключения о соавторстве Богданова и Ломоносова, показана недостаточность аргументации Л. Б. Модзалевского.

Древняя российская история		*Краткий российский летописец*
Часть I		
О России прежде Рурика		§ 1
Гл. 1. О старобытных в России жителях и о происхождении российского народа вообще.	Старобытные в России обитатели, славяне и чудь, по преданиям достоверных наших летописателей известны (Нестор на многих местах степенные книги и летописцы). Древние внешние авторы скифов и сармат, на разные поколения разделенных, под разными наименованиями в ней полагают (Геродот, Страбон, Плиний и Птоломей).[109]	Славяне и чудь по нашим, сарматы и скифы по внешним писателям были древние обитатели в России.[110]
Гл. 2. О величестве и поколениях славянского народа.	Множество разных земель славенского племени есть неложное доказательство величества и древности. Одна Россия, главнейшее оного поколение, довольна к сравнению с каждым иным европейским народом. Но представив с нею Польшу, Богемию, Вендов, Моравию, сверх сих Болгарию, Сербию, Далмацию, Македонию и другие, около Дуная славянами обитаемые земли...[111]	§ 2 Величество славенского народа явствует из множества владений: Россия, Польша, Богемия, Болгария, Сербия, Хорваты, Македония, Далмация, Иллирик, Венды и другие славенской язык употребляющие области показывают ясно.[112]

Из приведенных примеров видно, что «Российская история» явилась основой «Краткого российского летописца». Историческое исследование с указанием источников в «Кратком российском летописце» нашло почти что тезисное отражение. Но, несмотря на предельную сжатость, в изложении материала сохранилось и фактическое и фразеологическое своеобразие свойственного Ломоносову стиля исторических сочинений.

Первая часть «Древней российской истории», озаглавленная Ломоносовым «О России прежде Рурика», в «Кратком российском летописце» отражена в шести отдельных параграфах. Вторая часть «Древней российской истории», озаглавленная «От начала княжения Рурикова до кончины Ярослава Первого», состоящая из 11 глав, в «Кратком российском летописце» соответствует 9 номерам перечня правителей.

Древняя российская история	*Краткий российский летописец*
Часть II	
Глава 1. О княжении Рурикове и о прочих князях и владетелях, призванных из варяг-россов.	1. Рурик.
Глава 2. О княжении Ольгове.	2. Олег.
Глава 3. О княжении Игореве.	3. Игорь Рурикович.

[109] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 173.
[110] Там же, стр. 293.
[111] Там же, стр. 174.
[112] Там же, стр. 293.

Глава 4. О княжении Ольгине.	4. Ольга.
Глава 5. О княжении Святославове.	5. Святослав Игоревич.
Глава 6. О княжении Ярополкове.	6. Ярополк Святославич.
Глава 7. О княжении Владимирове прежде крещения.	7. Владимир Святославич.
Глава 8. О рассмотрении вер и о крещении Владимирове.	8. Святополк.
Глава 9. О княжении Владимирове после крещения его.	9. Ярослав.
Глава 10. О княжении Святополкове.	
Глава 11. О княжении Ярослава Первого.	

Как видим, расхождение номеров началось со времени правления Владимира I, которому в «Древней российской истории» Ломоносов отвел главы 7, 8 и 9.

«Древняя российская история» заканчивается 1054 г. — годом смерти Ярослава I. Содержание этой части полностью соответствует описанию правления первых девяти князей «Рурикова дома» в «Кратком российском летописце», причем, как и в I части, сохраняется не только тематический отбор и характеристика фактов, но и стилистическая их подача.

Древняя российская история		*Краткий российский летописец*
Часть II		
Гл. 1. О княжении Рурикове и о прочих князях и владетелях, призванных из варяг-россов.	Рурик, самодержавства российского основатель и праотец многих государей, по прошению славян и чуди пришел к ним на княжение с двумя братьями, со всем родом и с варягами-россами.[113]	Рурик с братьями Синеусом и Трувором призван из варяг-россов славянами и чудью на великое княжение новогородское.[114]
Гл. 2. О княжении Ольгове.	Державствовав семнадцать лет в Новегороде, Рурик спокойно достиг кончины (Нестор, 879 год). Умирая, поручил сына, еще младенца, Игоря и с ним княжение сроднику своему Ольгу.[115]	Олег, сродник его (Рурика, — *Г. М.*) княжил в малолетство сына Рурикова Игоря.[116]
Гл. 3. О княжении Игореве.	По смерти Ольгове полную власть княжения Игорь принял (Нестор, 913 год).[117]	Игорь Рурикович по смерти Ольговой принял великое княжение.[118]

Интересно отметить, что глава о Ярославе I в «Древней российской истории» кончается тем же высказыванием Ломоносова о значении законодательного памятника времени Ярослава — Правды Русской, что и в «Кратком российском летописце»:

---

[113] Там же, стр. 217.
[114] Там же, стр. 297.
[115] Там же, стр. 220.
[116] Там же, стр. 297.
[117] Там же, стр. 220.
[118] Там же, стр. 297.

Древняя российская история	*Краткий российский летописец*
Жил (Ярослав, — *Г. М.*) 76 лет, велик миром и войною, но был бы еще больше, когда б новогородцам не оставил необузданной вольности.[119]	Новогородцам пожаловал вольные грамоты и тем к разделению России подал немалый повод.[120]

В этой связи стоит вспомнить сюжет одной из картин из российской истории, предложенный Ломоносовым. Картина называется «Приведение новгородцев под самодержавство». Здесь Ломоносов обрисовывает, как «великий князь Иван Васильевич ... повелевает принять от новгородцев грамоты Ярославли своему наместнику».[121] Отрицательное отношение к «законам Ярославлим», давшим, с точки зрения Ломоносова, повод «к разделению России», и здесь сказалось с такой же силой.

Занимаясь русской историей, Ломоносов, естественно, не мог пройти мимо опыта исторических трудов Татищева. Мы помним, что еще в конце 1748 г. Шумахер передал Ломоносову «Предызвещение о Российской истории и прочии примечания»,[122] получившие у него самый высокий отзыв: «Что до Предызвещения надлежит, то оное весьма изрядно и во всем достаточно и поправления никакого не требует».[123]

В 1751 г. Ломоносов изучил первый том «Истории российской» Татищева, что видно из его отчета о работе: «В истории: читал книги для собирания материй к сочинению „Российской истории“: Нестора, Законы Ярославли, большой летописец, Татищева первый том».[124]

7 октября 1753 г. Ломоносов обратился с просьбой к И. И. Шувалову: «... ваше превосходительство всепокорнейше прошу не забыть вашего милостивого обещания, чтобы меня доставить вторым томом Татищева „Истории“, затем что он в первом много на второй ссылается».[125]

После смерти Ломоносова в апреле 1765 г. в числе книг, возвращенных в Библиотеку и Кунсткамеру, значатся «Татищевы Примечания к его собранию российской летописи».[126] Следовательно, первый и второй тома были использованы Ломоносовым ранее и возвращены.

Во вторую редакцию «Истории российской» Татищев внес ряд уточнений: Нестор родился в 1056 г. (а не в 1040 г., как в 1-й редакции), «Историю кончил 1093, когда был 37 лет».[127] Сведения о Сильвестре были повторены.[128]

Апрельский номер журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» за 1755 г. открывался статьей «О первом летописателе российском преподобном Несторе, о его летописи, и о продолжителях оныя», принадлежащей редактору Г. Ф. Миллеру. Как указал уже С. Л. Пештич, эта статья не является самостоятельным творчеством Г. Ф. Миллера.[129] Мы можем дополнить этот вывод уточнением: она представляет собой перепечатку отрывка из «Истории российской». Миллер использовал «первоначальную» редакцию татищевского труда, присланную в Академию наук в 1740 г.[130]

---

[119] Там же, стр. 286.
[120] Там же, стр. 300.
[121] Там же, стр. 370.
[122] Там же, т. X, стр. 461—462.
[123] Там же, стр. 462.
[124] Там же, стр. 389.
[125] Там же, стр. 490.
[126] Г. М. Коровин. Библиотека Ломоносова. Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. М.—Л., 1961, стр. 432.
[127] В. Н. Татищев. История российская, т. I, стр. 119.
[128] Там же, стр. 122.
[129] С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века. Л., 1961, стр. 222—224.
[130] Г. Н. Моисеева. Из истории изучения русских летописей в XVIII веке (Герард Фридрих Миллер). — Русская литература, 1967, № 1, стр. 130—137.

До настоящего времени не было определено, какую же редакцию «Истории российской» знал Ломоносов, так как в его «Древней российской истории» нет ссылок на труд Татищева.

Оставив доказательства наших выводов тому разделу исследования, где будет рассмотрена работа Ломоносова над Кенигсбергской (Радзивиловской) летописью, называемою им «Нестор», скажем о том, что Ломоносов изучал и 1-ю и 2-ю редакции «Истории российской» Татищева.

В «первоначальной» редакции, как пишет Татищев, за основу исследования им была взята «Несторова летопись из библиотеки его императорского величества» [131] (это была копия с петровской копии Кенигсбергской летописи). В Сибири он приобрел «другую того же Нестора, которая великую разность с бывшим у меня списком показывала» [132] (так называемый Раскольничей список). Позднее Татищев «имел за начало и основание сего собрания» летопись, полученную через Я. Брюса от «господина гоф-интенданта Мошкова». «Снеся воедино» первые две летописи («Раскольничей летописец» и летописец, полученный от Мошкова), сохранив «древнее наречие» и сверив полученный текст с остальными списками «Несторова Времянника», Татищев создал «первоначальную» редакцию труда, озаглавленного, как установил С. Л. Пештич, «Собрание из древних русских летописцев» — своеобразный летописный свод, снабженный примечаниями.[133]

На основе «первоначальной» (не дошедшей до нас) редакции Татищев создал 1-ю редакцию «Истории российской», которая сохранилась в Академическом списке (БАН. 17.17.11) и теперь впервые издана Ленинградским отделением Института истории АН СССР под редакцией С. Н. Валка.[134]

Во 2-й редакции, явившейся результатом переработки 1-й редакции, Татищев изменил «древнее наречие» путем приближения его к современному ему языку. Кроме того, в сам текст изложения были включены рассуждения, долженствующие разъяснить событие или раскрыть причины поступков исторических лиц.[135] Границы между авторским текстом историка XVIII в. (т. е. Татищева) и текстом древнерусской летописи постепенно исчезали. Новый текст, явившийся следствием размышлений и разысканий Татищева, уже в конце XVIII в. давал повод упрекать его в измышлении неизвестных летописей и придумывании несуществующих исторических фактов.

Татищев делал попытки сочинить свою «Историю» «настоящим гисторическим порядком», располагая изложение не в порядке лет, а в порядке событий («сводя из разных лет к одному делу»). Но этот замысел оказался неосуществленным. С. Н. Валк полагает, что причиной этого явился «перелом во взглядах Татищева: он усомнился в целесообразности при написании им своей „Истории“ идти по путям, проложенным новейшими западными образцами».[136]

Нам представляется, что задача создания исторического труда нового типа оказалась непосильной для Татищева. Обе дошедшие до нашего времени редакции «Истории российской» 1-я и 2-я («первоначальная» редакция сохранилась только в фрагментах, опубликованных Г. Ф. Миллером)

---

[131] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 36.

[132] Там же.

[133] С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, стр. 228.

[134] В. Н. Татищев. История российская, т. IV.

[135] А. А. Шахматов. К вопросу о критическом издании «Истории российской» В. Н. Татищева. — Дела и дни. Пгр., 1920, кн. 1, стр. 83; С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, стр. 235—262.

[136] С. Н. Валк. В. Н. Татищев и начало новой исторической литературы. — В кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР П. Н. Беркова. М.—Л., 1966, стр. 68.

с очевидностью свидетельствуют, что Татищев писал «тем порядком и наречием, каковы в древних находятся, собирая из всех полнейшее и обстоятельнейшее в порядок лет, как они написали, ни переменяя, ни убавляя из них ничего, кроме не надлежасчаго к светской летописи».[137]

Безусловно прав С. Н. Валк, когда говорит о том, что в «Истории российской» Татищева явственно ощущаются черты нового: «Новыми были здесь мотивы следования летописному типу изложения, совершенно новым был и прием ученого комментирования».[138] Поэтому «справедливее считать В. Н. Татищева не столько последним представителем отмиравшей древнерусской летописной историографии, сколько первым представителем возникающего нового типа историографического труда».[139]

Приступив к созданию труда по истории России с древнейших времен до начала XVIII в., Ломоносов стал искать новые пути в изучении памятников древнерусской литературы и в изложении результатов их исследования. «Древняя российская история» Ломоносова — исторический труд нового типа. Принципиально новым был сам подход к построению труда. Ломоносов полностью отказался от летописной формы изложения. «Древняя российская история» — не летописный рассказ, приближенный к читателю XVIII в. путем модернизации языка, а исследовательский труд, явившийся результатом изучения самых разнообразных источников и подчинения их цельной исторической концепции автора. Ломоносов впервые отделил авторское начало от передачи источника, сделав тем самым значительный шаг в развитии исторической науки. Авторская оценка исторических событий способствовала не только приближению к читателю, но, главным образом, служила высоким целям раскрытия идейного замысла, не прикровенной, а открытой пропаганде своих взглядов и убеждений.

Во «Вступлении» к «Древней российской истории» Ломоносов раскрывает свое отношение к задачам исторической науки: «Предпринимая тех описание (описание исторических событий, — *Г. М.*), твердо намеряюсь держаться истины и употреблять на то целую сил возможность».[140] Своей задачей Ломоносов считает, в первую очередь, рассказать о «бессмертии множества народа», раскрыть «похвальных дел должную славу и, превнося минувшие деяния в потомство и в глубокую вечность, соединить тех, которых натура долготою времени разделила».[141] Эта идейная задача определила и стилистический облик сочинения. Ломоносов обращается к читателю, выносит на его суд свое мнение, призывает убедиться в правоте своего понимания событий.

Задача написать «правдивую историю, которая изображает дела праотцев наших», решается Ломоносовым и подбором определенных стилистических приемов. Рассказ об исторических событиях Ломоносов ведет от первого лица — лица автора («Предпринимая тех описание, твердо намеряюсь держаться истины»), но одновременно с этим он многократно прибегает к предложениям с обобщенно-личным значением, как бы вынося суждение от лица народа, историю которого он пишет: «...толь довольно предки наши оставили на память, что, применясь к летописателям других народов, на своих жаловаться не найдем причины». «Немало имеем свидетельств, что в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние писатели»; «Благонадежное имеем уверение

---

[137] В. Н. Татищев. История российская, т. I, стр. 91.
[138] С. Н. Валк. В. Н. Татищев и начало новой исторической литературы, стр. 70.
[139] Там же, стр. 73.
[140] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 171.
[141] Там же.

о благосостоянии нашего отечества». Сообщая о своих занятиях русской историей, Ломоносов писал И. И. Шувалову: «Коль великим счастьем я себе почесть могу, ежели моею возможною способностию древность российского народа и славные дела наших государей свету откроются».[142]

Привлекая к изучению истории древней Руси большое количество разнообразных рукописей (судя по тем спискам, на которых сохранились приписки и пометы Ломоносова, он знал все основные рукописи, которые могли быть доступны к началу 50-х гг. XVIII в.), Ломоносов выделил из них ряд основных источников. Среди них первое место занимает Нестор, представленный копией Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи, тщательно изученной Ломоносовым еще в 40-х гг. XVIII в. Мы помним, что он неоднократно ссылался на эту рукопись в период полемики с Миллером.

С того времени, когда Ломоносов стал готовить материалы для большой работы над русской историей, Кенигсбергская (Радзивиловская) летопись подверглась его всестороннему исследованию. К середине XVIII в. в русской историографии уже имелся ряд заключений как об этой летописи, так и о ее «писателе» — монахе Киево-Печерского монастыря Несторе. Речь идет о «Предызвещении» к «Истории российской», где Татищев высказал предположение о первоначальном составе летописи: по его мнению, свод Нестора заканчивался 1093 г.

Татищеву же принадлежит и попытка воссоздания биографии Нестора. В 1-й редакции «Истории российской» он определяет место рождения летописца: «Родился на Белеозере около лета 1040». В Киев пришел 17 лет, «около 1057 г.». В летописи имеются известия, которые Татищев отмечает под 1051 и 1091 гг., где «писатель летописи ... о себе сказует». Жил Нестор «около 50 лет». Первый продолжатель летописи — Сильвестр. Он «во всех летописях во окончании 1115 году о себе объявил, ... а в 1116 точно окончание положил». В 1119 г. Сильвестр «епископом в Переяславль поставлен, а умер в 1125 или 26 году».[143]

В дошедших до нас исторических сочинениях Ломоносова не сохранилось высказываний о Несторе и его летописи. Без сомнения, у Ломоносова имелся такой труд, так как в «Древнюю российскую историю» вкраплен ряд наблюдений над Несторовой летописью, свидетельствующих о его серьезных размышлениях над ее текстом.

Как и Татищев, Ломоносов считал, что «летописатель» Нестор был современником Ярослава I и очевидцем событий его времени. Ломоносов видел в Несторе опытного историка, наблюдательного и умного, глубоко любящего свою родину. Рассказывая о войне Святослава с Цимисхием, Ломоносов пишет: «На сем сражении по Кедринову свидетельству греки, по Нестерову — россияне верх одержали. Вероятнее всего, что победа в сомнении осталась».[144] Ломоносов умело выделяет из летописного рассказа текст, принадлежащий перу Нестора, выразившего свое отношение к описанному: «... Святослав велел послам сказать, чтобы греки платили дань по-прежнему: за неисполнение, как болгары, постраждут. Греки, притворясь быть к тому готовыми, спросили, много ли у Святослава войска, дабы по числу их дань расположили. Вопрос их коварно простирался для изведывания числа войск российских (сие повествуя, Нестор «льстивы, — говорит, — греки и до сего дня»)».[145]

---

[142] Там же, т. X, стр. 474—475.
[143] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 44—46.
[144] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 245.
[145] Там же, стр. 241.

Заметил Ломоносов и лакуну в летописном рассказе о третьей мести Ольги: «Древляне, не видев от своих прежде посланных для уверения ни единого человека, — о сельская простота! — поверили. Пятьдесят правителей земли Древлянския без укоснения приехали в Киев. Спросили ль о своих прежних посланцах, ничего о том не упоминается. Здесь что-нибудь Нестором упущено; без того невероятна больше кажется древлянская оплошность».[146]

В «Древней российской истории», охватывающей хронологически небольшой период с 862 по 1054 г., Ломоносов делает 68 ссылок на Нестора. Ссылки имеют различный характер: указание года, под которым в летописи помещено событие, пересказ летописного текста и, наконец, перевод отрывков летописи. Последнее особенно ценно, так как позволяет прояснить вопрос, в какой степени в середине XVIII в. была познаваема древняя русская литература.

Отрывки летописи, которые представляют собой передачу текста источника, выделены в первом издании «Древней российской истории» курсивом. Это речь Вейдевута, короля аланов, приведенная из книги М. Претория «Готический мир» (ч. 1, гл. 9); договор Олега с греками (ч. 2, гл. 2); эпизод смерти Олега по «вещему» предсказанию волхвов (ч. 2, гл. 2); договор Игоря с греками (ч. 2, гл. 3); речи княгини Ольги к древлянским послам (ч. 2, гл. 4); речь киевских старейшин к Святославу (ч. 2, гл. 5); речь Святослава к воинам (ч. 2, гл. 5); речь Ярополка к Свенельду (ч. 2, гл. 6); речь Блуда к Ярополку (ч. 2, гл. 6); речь варяга-христианина к киевлянам (ч. 2, гл. 7); речи послов о вере Владимиру Святославичу (ч. 2, гл. 8); обращение Владимира Святославича к греческим царям Василию и Константину о женитьбе на их сестре Анне (ч. 2, гл. 8); речь русских архиереев к Владимиру (ч. 2, гл. 9); речь Ярослава Владимировича к новгородцам (ч. 2, гл. 10); обращение Болеслава к войску (ч. 2, гл. 11); молитва Бориса (ч. 4, гл. 11); речи Мстислава (ч. 2, гл. 14). За исключением первого из перечисленных текстов, где точно процитирован перевод с латинского языка отрывка из книги польского историка М. Претория,[147] все остальные отрывки — из Нестора.

При перечислении отрывков мы уже обратили внимание на то, что все они представляют собой либо документальные материалы, включенные в летопись (договоры Олега и Игоря с греками), либо «речи» исторических деятелей, переданные летописцем от первого лица.

Подчеркивание курсивом именно этих частей летописи Нестора является не случайным. Можно думать, что Ломоносов выделил эти отрезки текста летописи исходя из наблюдений над языком летописи. В своих замечаниях по работе А. Шлецера Ломоносов отмечал, что язык договоров «российских князей с царями греческими» отличается от языка летописца, составившего свое сочинение в XI в. Он различает церковнославянский язык, «на который переведено прежде священное писание», и язык, на котором написаны «законы Ярославовы, „Правда Русская“ называемые».[148] Ломоносов как бы намечает ту методику изучения русских летописей, которая дала замечательные результаты в исследовании А. А. Шахматова[149] и Д. С. Лихачева,[150] когда анализ языка позволяет сделать

---

[146] Там же, стр. 232.

[147] О работе над книгой М. Претория см.: Г. Н. Моисеева. М. В. Ломоносов и польские историки, стр. 152—154.

[148] Ломоносов, ПСС, т. IX, стр. 415.

[149] А. А. Шахматов. 1) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; 2) Киевский Начальный свод 1095 года. — В кн.: Сборник статей и материалов. Под ред. акад. С. П. Обнорского. М.—Л., 1947, стр. 119—160.

[150] Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947.

вывод о составе и характере источников летописца и о времени его работы.

Ломоносов много лет изучал Кенигсбергскую (Радзивиловскую) летопись, считая ее одним из важнейших источников для воссоздания исторических событий древней Руси. Результатом его длительной работы над Кенигсбергской (Радзивиловской) летописью явилось широкое использование ее как основы при создании «Российской истории», а также подготовка этой летописи к публикации. В 1767 г., почти через 2 года после смерти Ломоносова, вышла из печати «Библиотека российская историческая, содержащая древния летописи и всякие записки, способствующия к объяснению истории и географии российской древних и средних времен. Часть I. Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку, до 1206 года».

В следующей главе настоящего исследования мы специально рассмотрим историю работы Ломоносова по подготовке летописи и приемы его исследования и передачи текста.

Глава IV

РАБОТА ЛОМОНОСОВА НАД КЕНИГСБЕРГСКОЙ (РАДЗИВИЛОВСКОЙ) ЛЕТОПИСЬЮ

Рассказывая в автобиографии о занятиях русскими летописями в первый период пребывания в Санкт-Петербурге, А. Шлецер объяснил свои неудачи вмешательством Ломоносова, который не хотел согласиться с тем, чтобы кто-либо, кроме него, изучал древнерусские памятники. А. Шлецер писал, что Ломоносов был «грубый невежда, ничего не знавший, кроме своих летописей»,[1] что «он хотел, чтобы я (А. Шлецер, — *Г. М.*) по крайней мере оставил Нестора: он был исключительно его делом» («...vom Nestor wenigstens sollt ich wegbleiben, der war seine Sache ausschließlich»[2]).

Последние слова А. Шлецера были правдой: изучение летописи Нестора было действительно большим и важным делом Ломоносова.

Из предшествующей главы мы знаем, что еще в 40-х гг. XVIII в. Ломоносов внимательно исследовал летопись Нестора, выделяя именно Кенигсбергский список как один из наиболее достоверных источников для воссоздания истории древней Руси. И в настоящее время, когда исследователи располагают Лаврентьевской, Ипатьевской и Ермолинской летописями (неизвестными в середине XVIII в.), Кенигсбергская (Радзивиловская) летопись не утратила своего значения как ценный источник для истории древнейшего русского летописания. Акад. А. А. Шахматов считал, что Радзивиловская летопись воспроизводит иллюстрированный текст Переяславской летописи XIII в.,[3] что она является важнейшим историческим памятником — Начальной летописью, или Повестью временных лет,[4] представляя ее вторую редакцию «в бóльшей чистоте, чем все остальные, летописные своды».[5] Новейший исследователь миниатюр Радзивиловской летописи О. И. Подобедова также отмечает древность непосредственных источников этого памятника: «Радзивиловская летопись ... впитала в себя древнее великокняжеское летописание (Владимира, Переяславля Суздальского, Переяславля Южного). Содержащая в своей основе древнейшие изводы русского лицевого летописания, она должна послужить дальнейшим исследователям источником для реконструкции киевской и влади-

---

[1] Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, им самим описанная. Пер. с нем. В. Кеневича. — СОРЯС, т. XIII. СПб., 1875, стр. 197. (Разрядка наша, — *Г. М.*).

[2] Там же, стр. 210; August Ludwig Schlözer's offentliches und privatleben von ihm selbst beschrieben. Göttingen, 1802, стр. 231.

[3] А. А. Шахматов. Исследование о Радзивиловской или Кенигсбергской летописи. — ОЛДП, 1902, вып. CXVIII, стр. 103—104.

[4] Там же, стр. 112.

[5] Там же, стр. 113.

миро-суздальской лицевой летописи».[6] Акад. Б. А. Рыбаков насчитывает около 14 древнейших летописцев, включенных в Радзивиловскую летопись, составление которой относится к концу XV в.[7]

Таким образом, из имевшихся в распоряжении Ломоносова летописных источников по истории России старшего периода он сумел выбрать важнейший памятник. Петровская копия Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи воссоздавала древнейшее летописание.

Установив большую научную ценность Кенигсбергской летописи, Ломоносов не мог не отметить расхождение ряда сведений, сообщенных этой летописью, с другими источниками. Так, в полемике с Г. Ф. Миллером возник вопрос о чтении того отрывка текста летописи, где сообщается о призвании Рюрика с братьями. Г. Ф. Миллер цитировал Никоновскую летопись, а Ломоносов утверждал, что это известие имеется только в «искаженной летописи Нестора».[8] Следовательно, уже тогда Ломоносову было ясно, что необходимо сличение текста различных источников с целью выяснения степени достоверности описанных в них фактов. Необходимость сопоставления ряда источников вытекала не только из личного опыта Ломоносова.

С вопросом сличения летописей для выяснения степени достоверности исторического факта Ломоносов столкнулся при изучении двухтомного труда М. Стрыйковского «Хроника польская, жмудская и всей Руси». Несомненно, что первое ознакомление с этим трудом произошло еще в годы занятий Ломоносова в Славяно-греко-латинской академии. В библиотеке Академии, как показывает опись, хранилась «Книга кроника полская Матвея Стриковского».[9] О том, что Ломоносов изучил ее, свидетельствует ссылка на «Матфея Стриковского Сарматскую хронологию» в «Письме о правилах российского стихотворства», присланном из Германии в 1739 г.[10]

Ломоносов изучал позднее русский перевод сочинения М. Стрыйковского, хранившийся в Архиве Иностранной коллегии.[11] Когда в 1758 г. появилась копия труда М. Стрыйковского в Библиотеке Петербургской Академии наук, Ломоносов взял эту рукопись домой и также внимательно ее исследовал.[12] И в московском и в петербургском списках «Хроники» М. Стрыйковского Ломоносов отметил (в числе других отрывков) и тот отрезок текста, где автор говорит о методике сравнения разных источников с целью выявления в них противоречий в описании одного и того же события. М. Стрыйковский пишет: «Все летописцы русские, литовские и жмудские, их же от разных мест собранных 15, соглашах и во едино место увезания ради и свидетельства правды соединях».[13]

Ломоносов знал и о том, с какими серьезными трудностями столкнулся его предшественник В. Н. Татищев при выборе «достоверного» списка Нестора, на котором он основывал свою «Историю российскую».

---

[6] О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей. (К истории русского лицевого летописания). М., 1965, стр. 98.

[7] Ссылаюсь на доклад акад. Б. А. Рыбакова «Источники миниатюр Радзивиловской летописи», прочитанный 15 марта 1966 г. в Институте археологии АН СССР (Ленинград).

[8] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 62.

[9] С. Смирнов. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855, стр. 42.

[10] Ломоносов, ПСС, т. VII, стр. 10.

[11] Г. Н. Моисеева. Ломоносов и польские историки. — В кн.: Русская литература XVIII века и славянские литературы. М.—Л., 1963, стр. 142—147.

[12] После смерти Ломоносова Бакмейстер вынес из его дома два тома сочинения М. Стрыйковского. На боковых полях рукописи сохранились карандашные пометы и приписки Ломоносова. См.: Г. М. Коровин. Библиотека Ломоносова. М.—Л., 1961, стр. 432.

[13] БАН. 32.11.4, т. 1, л. 110.

В «Предызвещении» к «Истории российской» В. Н. Татищев писал о том, что первый список летописи Нестора им был получен от графа Я. Брюса, который передал ему «манускрипт», хранившийся в библиотеке «его императорского величества». Речь идет о петровской копии с Кенигсбергской летописи, той самой, которая в «Камерном каталоге» 1742 г. описана под № 9 и названа «Летописец Феодосия черноризца Печерского монастыря о начале России с продолжением по 6713 год».

Сняв копию с «Кабинетной» рукописи (так В. Н. Татищев назвал Кенигсбергский список), он сличил его с «Раскольничьим летописцем» и увидел «великую его разность», что чрезвычайно смущало В. Н. Татищева, заставляя его многократно переделывать свой труд.

С «Предызвещением» к первому тому «Истории российской» В. Н. Татищева Ломоносов ознакомился еще в конце 1748 г., о чем он сообщил автору в письме от 27 января 1749 г.[14]

В 1751 г. Ломоносов снова читал «Татищева первый том ... для собирания материй к сочинению „Российской истории“».[15] В конце 1753 г. через посредство И. И. Шувалова он ознакомился и со вторым томом «Истории российской».[16]

Таким образом, Ломоносов неизбежно столкнулся с необходимостью сопоставления текстов древнерусских литературных памятников и, в первую очередь, с проверкой исторических сведений Нестора — петровской копии Кенигсбергской летописи.

В упоминавшихся отчетах за 1751—1753 гг. Ломоносов не говорит еще о сличении летописей, но работу эту он уже, несомненно, производил, что нашло выражение в тех частях «Древней российской истории», которые созданы в эти годы.

1754 г. Ломоносов написал в отчете: «В истории: сочинен опыт Истории словенского народа до Рурика: дедикация, вступление, глава 1 о старобытных жителях в России, глава 2 о величестве и поколениях словенского народа, глава 3 о древности словенского народа: всего 8 листов».[17]

В «Древней российской истории» этот «опыт» занимает 1-ю часть, озаглавленную «О России прежде Рурика». И как раз здесь мы уже встречаем сопоставление и проверку фактов нескольких летописных источников.

В главе «О происхождении и о древности Россов, о преселениях и делах их» Ломоносов пишет, что «снесение домашнихъ наших летописцовъ подает уже повод думать о единоплеменстве сихъ двух народов»[18] (пруссов и россов). Далее Ломоносов пишет: «Несторъ предалъ на память, что Рурик призванъ на владѣние к словянам из Варяговъ Россовъ. Новгородской лѣтописецъ производитъ его от Пруссовъ, въ чемъ многия Степенныя книги согласуются».[19]

Проверено Ломоносовым по многим летописям и Степенным книгам известие о народах, населяющих Русь в древнейший период: «Старобыт-

---

[14] Ломоносов, ПСС, т. X, стр. 461.
[15] Там же, стр. 389.
[16] Там же, стр. 392.
[17] Там же, стр. 391.
[18] Древняя российская история от начала российского народа до кончины великаго князя Ярослава Перваго или 1054 года, сочиненная Михайлом Ломоносовым. СПб., 1766, стр. 44.

В отличие от предшествующих глав, где ссылки на исторические работы Ломоносова приводились по последнему Академическому собранию его сочинений, здесь мы будем цитировать «Древнюю российскую историю» по первому изданию 1766 г., так как оно сохраняет орфографию Ломоносова и отражает одобренный им прием набора текста. Известно, что корректура первой части книги была у Ломоносова в феврале 1763 г. и после внесения им исправлений отправлена в Академическую типографию (см. рапорт Ломоносова в Канцелярию Академии наук: ПСС, т. IX, стр. 408—409).
[19] Древняя российская история..., стр. 44.

ные въ Россіи обитатели Славяне и Чудь по преданіямъ достовѣрныхъ нашихъ лѣтописателей извѣстны».[20] На боковом поле Ломоносов поместил ссылку: «Несторъ на многихъ мѣстахъ Степенныя книги и лѣтописцы».[21]

Вывод о «множестве и могуществе Славенского народа, уже во дни первыхъ князей Россійскихъ» сделан им также на основе изучения «Нестора и ... другихъ нашихъ и иностранныхъ Писателей».[22]

В начальных главах второй части «Древней российской истории», написанных Ломоносовым в 1755 г., также проводится сопоставление известий летописи Нестора с другими источниками. Так, описывая военное сражение русских войск под водительством Святослава с греками, Ломоносов пишет: «На семъ сраженіи по Кедринову свидетельству Греки, по Несторову Россияне верьхъ одержали. Вѣроятнѣе всего, что побѣда въ сомнѣнии осталась».[23]

Очевидно, что Ломоносов сравнивал показание летописи Нестора с сочинением византийского историка конца XI—нач. XII в. Георгия Кедрина. Если же мы обратимся к освещению этого эпизода в 1-й и 2-й редакциях «Истории российской» В. Н. Татищева, то увидим, что он целиком следует за известием Кенигсбергской летописи: «И исполчишась Русь и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и побегоша греци и поиде Святославъ ко граду воюя, и грады разбивая, яже стоятъ и до днешняго дни пусты».[24]

Татищев. История российская

1-я редакция	*2-я редакция*
И исполчишася Русь и бысть сеча велика, и одоле Святослав, и побегоша грецы. И поиде Святослав ко граду, воюя и грады разбивая, яже стоят и до днешняго дне пусты.[25]	И исполчишася полки Святославли приступили ко греком, начали биться. И бысть сеча велика, но по долгом времени победил Святослав и побежали греки. Святослав же, шед за ними, воевал и грады их разорял во всей Фракии, иже стоят и до днесь пусты.[26]

Сопоставление летописных известий и их критика произведены Ломоносовым при сообщении о многоженстве Владимира I: «Препровождалъ Владимиръ во время невѣрия дни свои въ пирахъ и веселияхъ, въ любовной страсти и въ роскошахъ даже до великаго излишества... Первою женою Владимировою полагаютъ Россійскіе писатели Рогнѣду Княжну Полоцкую; ...однако Вышеславъ, рожденный отъ Чешскія княжны, вездѣ старшимъ братомъ почитается. И такъ двояко думать должно: первое, что Владимиръ прежде походу на Полоцкъ и на брата Ярополка имѣлъ въ супружествѣ Чехиню; и наши лѣтописатели, не зная объ ней никакого достопамятного приключения, минули въ молчании; второе, или Рогнѣда долгое время была бездѣтна, и между тѣмъ Вышеславъ рожденъ от Чехини послѣ взятия Рогнѣды въ супружество».[27]

Сверив показания нескольких летописей, Ломоносов делает ссылку: «Несторъ и лѣтописцы», но он не принимает их известия, а выдвигает свое понимание событий, исходя из анализа завещания Владимира I, где Вышеславу как старшему сыну назначен в удел Новгород, прежнее вла-

---

[20] Там же, стр. 5.
[21] Там же.
[22] Там же, стр. 8.
[23] Там же, стр. 91.
[24] БАН. 31.7.22, л. 45/51 об.
[25] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 128.
[26] Там же, т. II, стр. 52.
[27] Древняя российская история..., стр. 105.

дение самого Владимира Святославича. В соответствии с этим в «Родословии российских государей», которым заканчивается «Краткий российский летописец», первой женой Владимира Святославича названа «чехиня», а Рогнеда — второй.[28]

Для более ясного представления о приемах сопоставления и анализа текста летописи Ломоносовым привлечем снова описание этого же эпизода у Татищева.

Татищев. История российская

1-я редакция

И бе Володимер побежден похотию женскою, быша бо водимыя ему, Рогнед, юже посади на Лыбеди, иде же есть ныне сельцо Предславино. От нея же роди четыре сына, Вышеслава, Изяслава, Ярослава, Всеволода...[29]

2-я редакция

Бе же Володимир побежден, похотию. любодейства, имея обрученных жен: Рогнед на Лыбеди, иде же есть ныне сельцо Предславино; от нея же родил четыре сына: Вышеслава, Изяслава, Ярослава, Всеволода...[30]

В «Примечаниях» к обеим редакциям В. Н. Татищев сопоставляет этот отрывок летописи Нестора с летописью «Иоакима корсунянина», где сообщено, что Владимир Святославич имел «еще жену варяжскую, от которой Вышеслав родился». «Владимир, по сказанию Иоакима, будучи в Варягах, женился, но на чьей дочери и как ея звали, не показано, токмо от нея сына старшаго Вышеслава сказал, а Нестор онаго от Рогнеды полоцкой рожденнаго. Брак с Рогнедою в 976 году, яко и рождение Ярославле, наносит сумнение. По Иоакимову же сказанию яснее и лета Владимера согласуют, что ему прежде Рогнеды жену иметь было можно. Ибо брак с Рогнедою в 33 лето его возраста приходит; еще же и то уверяет, что он в Полоцке не Вышеслава, но Изяслава, яко старейшаго наследника его матери, определил».[31]

На основании сопоставления нескольких источников — «Нестора, Степенных книг и Летописцев» Ломоносов излагает события 986 г. в главе «О рассмотрении вѣръ и о крещении Владимировѣ»,[32] о строительстве городов для отражения нашествия печенегов[33] и ряд других разделов II части «Древней российской истории».

Наряду с сопоставлением Нестора с другими древнерусскими сочинениями Ломоносов внимательно анализировал саму летопись и как источник исторических сведений, и как памятник русского языка древнейшей поры. В «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» Ломоносов писал о том, что за длительный срок существования древнерусский язык не претерпел столь существенных изменений, которые бы коренным образом перестроили его систему. «По времени ж рассуждая, видим, что российский язык от владения Владимирова до нынешнего веку, больше семисот лет, не столько отменился, чтобы старого разуметь не можно было».[34] Однако «разумение старого языка» все же требовало «изъяснений» ряда слов, вышедших из употребления к середине XVIII в. В «Материалах к Российской грамматике» хранится запись Ломоносова: «Положить проект, как сочинять лексиконъ».[35] В записке, озаглавленной «Филологические исследования и показания, к дополнению грамматики надлежащие», Ломоносов раскрыл замысел своей будущей работы, где

---

[28] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 346.
[29] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 132.
[30] Там же, т. II, стр. 56.
[31] Там же, стр. 225—226.
[32] Древняя российская история..., стр. 107.
[33] Там же, стр. 121.
[34] Ломоносов, ПСС, т. VII, стр. 590.
[35] Там же, стр. 689.

8, 9, 10 и 11 пункты имеют прямое отношение к изучению им летописей:

«8. О синонимах.

9. О новых российских речениях.

10. О чтении книг старинных и о речениях Нестеровых,[36] Новогородских и проч., лексиконам незнакомых.

11. О лексиконе».[37]

Следовательно, «лексикон» должен был включить «речения» летописей и их осмысление в формах современного Ломоносову языка. Это было тем более необходимо, что, работая над «Российской историей», Ломоносов опирался на материал исторических источников и приводил эти источники и в цитатах и в пересказе. Это был летописный текст с указанием листа рукописи или года, под которым он помещен, но текст «уразумленный», т. е. переданный новыми «речениями». «Подлинные летописателевы слова и речения» и рассуждение об их истолковании были отнесены в «филологические примечания», которыми была снабжена «Российская история». Первоначально эти «филологические примечания» помещались на поле, но в феврале 1763 г. Ломоносов решил изменить систему примечаний и «присовокупить их назаде», о чем он сообщил в специальной записке в Канцелярию Академии наук.[38]

Работая над летописью Нестора, Ломоносов, естественно, столкнулся с массой описок, искажений слов и отдельных предложений, явившихся следствием неоднократной переписки рукописи. Ломоносов знал о том, что рукопись, называемая им Нестор, хранившаяся первоначально в личном собрании Петра I и переданная позднее в Библиотеку Петербургской Академии наук, является копией, снятой по приказу Петра I с подлинной древней летописи, хранившейся в библиотеке г. Кенигсберга. Ошибки могли быть допущены и последним переписчиком, работавшим с 1711 по 1716 г. О необходимости сверить рукопись петровской копии с подлинной Кенигсбергской летописью писал в «Предызвещении» к 1-й редакции «Истории российской» Татищев: «Есть в библиотеке императорской Академии наук, списан по повелению его императорскаго величества Петра Великаго в Кенигсберге в библиотеке Радивиловской 1716 году. Его надписание то же, токмо имя Несторово пропущено и вместо деи написано лето. Он продолжается по 1206-й, но конец его смешан и видно как на конце, так и в средине разтеряно и некоторые обстоятельства повторены. Наречие же в нем пред древним гораздо переменено и с первыми в некоторых обстоятельствах разнствует. И хотя он на многих местех перваго и втораго полняе, но многое есть и в сем пропущено, и, мню, не погрешил ли списыватель новой. Сего ради весьма бы нуждно оной еще прилежно с тем Кенигсбергским прочесть».[39]

Но в начале 50-х гг. XVIII в. Ломоносов мог иметь дело только с копией, в которой было много самых разнообразных ошибок.

Прежде чем использовать летописный текст в «Российской истории», Ломоносов начал вносить в него некоторые исправления. Были устранены очевидные описки. Затем приведено в соответствие с грамматикой русского языка XVIII в. написание ряда слов. Все это было сделано карандашом прямо в рукописи. В «Российскую историю» были внесены уже измененные слова. В качестве примера приведем исправления в отрывке текста, где рассказывается о походе Святослава Игоревича на козар в 965 г.

---

[36] В рукописи окончание слова Ломоносовым написано неясно. На основании чтения этого слова в других произведениях Ломоносова считаю, что должно быть не *нестеровских*, а *Нестеровых*. См.: ААН, ф. 20, оп. 3, № 55, л. 55.

[37] Ломоносов, ПСС, т. VII, стр. 763.

[38] Там же, т. IX, стр. 409.

[39] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 48.

Петровская копия		*Древняя российская история*
До правки	*После правки*	
В лѣто 6473 иде Святославъ на козары слышавше же козары изидоша противу со княземъ своимъ каганомъ и ступишася битись и бывши брани и одолѣ Святославъ козаровъ и градъ их белу вежю взя и ясы победи и касогы.[40]	В лѣто 6473 иде Святославъ на козары: Слышавше же козары, и изъидоша противу со княземъ своимъ Каганомъ, и ступишася битись. И бывши брани, и одолѣ Святославъ козаровъ, и градъ ихъ Бѣлу вежю взя, и Ясы побѣди и Касогы.[41]	965 год. Святослав на самихъ Козаръ подвигся... Каганъ Князь ихъ встрѣтясь с великою силою, вступилъ в сражение противъ Святослава. Но принужденъ по многомъ кровопролитии, уступает ему побѣду: взятъ городъ Бѣлая Вѣжа; плѣнные Козаре и с ними побѣжденные Ясы и Косоги приведены въ Киевъ плѣнными.[42]

В рукописи в слове *каган* буква к переделана из строчной на прописную. Ломоносов считал слово *каган* собственным именем, и поэтому в «Древней российской истории» оно уже употреблено как собственное имя вождя косогов «Каган Князь» (сравним «Симеон Король Болгарской» — стр. 67; «Роман Царь» — стр. 68; «Князь Мал» — стр. 74).

Это ошибочное мнение Ломоносова было принято позднее А. Шлецером, хотя Татищев в примечаниях к 1-й и 2-й редакциям «Истории российской» высказал правильное суждение по этому вопросу: «Каган, мню, не есть существенное, но относительное имя чести, ибо словенских и сарматских народов владетелей многие писатели каганами имянуют...».[43]

В «Несторе» А. Шлецера летописный текст передан так: «V lieto 6473 ide Sviatoslav na Kozary. Slyszavszishe Kozary, izidosza protivu so Kniazm svoim Kaganom».[44]

В Кенигсберской (Радзивиловской) летописи в отрезке текста, повествующего о походе Святослава на хозар, Ломоносов переделал глагол *бити* в *битись*, чем приблизил его к «этикетной формуле» воинской повести *ступишася битися*. В словах рукописи *белу вежю* е переделано в ѣ, буква *б* сделана заглавной.

В «Древней российской истории» передан уже исправленный текст — «взят город Бѣлая Вѣжа». Имеются исправления и отдельных букв в тех отрезках текста, где Ломоносов ясно видел описку. Так, например, на лл. 41 об. — 42 при характеристике Святослава Игоревича в рукописи читаем: «Князю Святославу взрастъшю и взмужавше нача совокупляти вои многы и храбры и легко хотя аки пардус...». Слово *хотя* в рукописи исправлено карандашом на *ходя*.

Правка рукописи карандашом и чернилами нашла непосредственное отражение в «Древней российской истории». Так, на л. 18 об. на левом

---

[40] БАН. 31.7.22, л. 42/47.
[41] Там же.
[42] Древняя российская история..., стр. 81.
[43] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 405, прим. 405; т. II, стр. 223, прим. 136.
[44] Нестор. Russische Annalen in ihrer slawonischen Grundsprache; verglichen, von Schrejb Felern und Interpolationen möglichst gereinigt, erklärt und übersetzt von August Ludwig von Schlözer. Fünfter Teil. Göttingen, 1809, стр. 120.

поле рукою Ломоносова написано *Львом*. Слово имеет отношение к следующему тексту Кенигсберской (Радзивиловской) летописи:

Петровская копия

Олегъ же мало отступи от града нача миръ творити со царьма греческима со **Оленомъ** и Александром.[45] (*На боковом поле приписка Ломоносова*: Львомъ).

Древняя российская история

Олегъ отошедъ мало отъ города, началъ вступать в мирной договоръ со Львомъ и Александромъ Греческими Царями.[46]

Ссылаясь на Несторову летопись, Ломоносов приводил в «Древней российской истории» уже исправленный текст. Так, на л. 39 он отделил предлог *ис* в слове *Искоростиня*. Поэтому в его историческом сочинении город назван Коростенем.

Петровская копия

...и исшедше ис города Искоростиня Деревляне и убиша Игоря и дружину его: бе бо их мало. И погребен бысть Игорь и есь могила его у Искоростеня града в деревех и до сего дни.[47]

Древняя российская история

И такъ вооружась на Игоря передъ Коростенемъ, главнымъ своимъ городомъ, его и бывшихъ при немъ убили. Могила его была на томъ месте видна еще во времена лѣтописателя Российскаго Нестора.[48]

Обратим внимание на то, что в одах Ломоносова 1742 и 1747 гг. главный город древлян называется Искорест. Работая над летописью Нестора, Ломоносов, следовательно, в различные периоды по-разному осмыслял текст.

В рассказе о славянских поселениях на Дунае Ломоносов подчеркивает часть текста и вносит исправление в слово *Илюрик*: добавлено второе *л*, буква *ю* переделана на *и*. В «Древней российской истории» текст со ссылкой на л. 16 об. учитывает это исправление.

Петровская копия

В Моравы бо ходил и апостол Павел и учил туту бо есть Илюрик. Его же дошел апостол Павел ту бо беша словене первое **тем же и словенску языку учитель есь Павел. От него же языка и мы есмо Русь.**[49]

Древняя российская история

Несторъ утверждаетъ (листъ 16 на обороте), что в Иллирикѣ, когда училъ Апостолъ Павелъ, жительствовали Славяне.[50]

Большая работа была проведена при передаче текста двух договоров Олега с греками. Ломоносов на полях обозначил границу статей договора и приписал карандашом название статей: «о любви», «о клятвѣ», «о убійствѣ», «№. о побояхъ», «кража», «насилие», «о морскихъ случаяхъ», «о плѣнныхъ», «о наслѣдстве».[51] Такое разделение статей и их формулировка позволяли Ломоносову более точно передать содержание договора 912 г. не на древнерусском, а на современном ему языке в «Древней российской истории»: «О взаимной любви и дружбе», «О вредѣ или убыткѣ», «О побояхъ и увѣчьѣ», «О кражѣ», «О насильном отнятіи», «О морскихъ случаяхъ», «О плѣнныхъ», «О наслѣдстве», «О убійствѣ».

---

[45] БАН. 31.7.22, л. 18 об./23 об. (Выделенное полужирным слово подчеркнуто Ломоносовым, — *Г. М.*).

[46] Древняя российская история..., стр. 63.

[47] БАН. 31.7.22, л. 39.

[48] Древняя российская история..., стр. 73.

[49] БАН. 31.7.22, л. 16 об./21 об. (Выделенные полужирным слова подчеркнуты Ломоносовым, — *Г. М.*).

[50] Древняя российская история..., стр. 16.

[51] БАН. 31.7.22, л. 20 об./25 об.—22/27.

Следует обратить внимание на то, что в «Древней российской истории» договор с греками 912 г. не разбит на отдельные статьи, а идет сплошным текстом. Поэтому ясно, что разделение на статьи с самостоятельными заголовками было сделано Ломоносовым для другой цели. Печатное издание Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи раскрывает предназначение этих заголовков.

Значительная часть карандашной правки, нанесенной на петровской копии Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи и нашедшей отражение в печатном издании 1767 г., сделана рукою И. Баркова, который выполнял под руководством Ломоносова техническую работу: вносил поправки в текст, переписывал варианты, внесенные из других источников, помещал подстрочные примечания. Известно, что в процессе своей чрезвычайно активной деятельности в самых различных областях знаний Ломоносов был вынужден обращаться к помощи студентов и копиистов, которым он давал различные поручения по составлению «экстрактов», подготовке выписок из интересующих его материалов, переписке его сочинений и редактированию трудов. В целях сохранения времени Ломоносов неоднократно диктовал свои работы. Так, в обобщенном отчете 1751—1756 гг. Ломоносов сообщил под 1751 г.: «...диктовал студентам сочиненное мною начало третьей книги „Красноречия", о стихотворстве вообще», под 1752 г.: «для ясного понятия и краткого познания химии диктовал студентам сочиненные мною к физической химии пролегомены на латинском языке, которые содержатся на 13 листах».[52] Студент Илья Аврамов сообщал в «репорте» 18 апреля 1765 г. о том, что «в бытность при покойном статском советнике господине Ломоносове ... по большей части упражнялся в переписывании набело, а иногда и начерно случающихся дел».[53]

Более чем другие переписчики и копиисты с Ломоносовым был связан И. Барков: почти два десятилетия (с 1748 по 1765 г.) он переписывал рукописи Ломоносова, составлял под его диктовку официальные бумаги, производил редактирование подготавливаемых к печати трудов.

Особенно интенсивно Ломоносов привлекал И. Баркова в начале 50-х гг. XVIII в., когда он приступил к работе над большим историческим трудом — «Российской историей». Еще в марте 1754 г., заканчивая работу над «дедикацией», «вступлением» и первыми тремя главами «Российской истории», Ломоносов обратился в Канцелярию Академии наук с просьбой дать ему в помощь кого-либо из студентов.[54] В феврале 1755 г. Канцелярия решила этот вопрос, выделив для работы над «Российской историей» копииста Ивана Баркова,[55] который с этого времени начал работать в доме Ломоносова. В 1755 г. Ломоносов закончил «Опыт описания владения первых великих князей российских», который, очевидно, был переписан И. Барковым набело в промежуток с февраля по август 1755 г. 21 сентября 1755 г. Ломоносов представил в Канцелярию Академии наук рапорт с сообщением о том, что он с разрешения президента К. Г. Разумовского поднес великому князю Павлу законченную им «Российскую грамматику».[56] К. Г. Разумовский дал указание о печатании «Российской грамматики», и И. Барков срочно начал переписывать этот труд.

В сентябре же 1755 г. Ломоносов получил из Канцелярии Академии наук извещение о том, что Академической типографии дано указание пе-

---

[52] Ломоносов, ПСС, т. X, стр. 389.

[53] Материалы для биографии Ломоносова собраны экстраординарным академиком Билярским. СПб., 1865, стр. 744.

[54] Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М.—Л., 1961, стр. 232.

[55] Там же, стр. 245.

[56] Л. Б. Модзалевский. Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. Научное описание. М.—Л., 1937, № 339, стр. 127.

„ Карѣ, Фрелавѣ, Руалѣ, Акшевѣ, Труанѣ, между
„ Лидулѣ, Фестѣ, и Стемидѣ, посланн и отъ Ольгомъ и
„ Ольга, великаго Князя Рускаго, и отъ всѣхъ, Греками.
„ иже суть подъ рукою его, свѣтлыхъ и ве-
„ ликихъ Князь, и его великихъ бояръ, къ вамъ
„ Львови и Александрови, и Костянтину, ве-
„ ликимъ о бозѣ Самодержцемъ, Царемъ Гре-
„ ческимъ, на удержанїе и на извѣщенїе отъ
„ многихъ лѣтъ межи Хрестїаны и Русью быв-
, шей любви, похотѣнїемъ нашихъ великихъ
„ Князь, и по повелѣнїю отъ всѣхъ, иже суть
„ подъ рукою его, сущихъ Руси. Наша свѣтлость
„ болѣ инѣхъ хотящихъ, еже о бозѣ удержати
„ и извѣстити такую любовь, бывшую межи Хре-
„ стїаны и Русью, многажды право судихомъ;
„ но шочїю простословесне, и писанїемъ и кля-
„ твою твердою кленшесь оружьемъ своимъ, та-
„ кую любовь утвердити и извѣстити по вѣ-
„ рѣ и по закону нашему, якоже мы имались
„ о божьи вѣрѣ и о любви главы таковыя:

1) „ По перьвому убо слову да умиримся о взаим-
„ съ вами Греки: да любимъ другъ друга отъ ной друж-
„ всея души и изволенїя, и не вдадимъ, елико бѣ и
„ наше изволенїе, быти отъ сущихъ подъ любви.
„ рукою нашихъ Князь свѣтлыхъ никакомужъ
„ соблазну или винѣ; но почтимся, елико по
„ силѣ, на сохраненїе прочихъ, и всегда лѣтъ
„ съ вами Греки исповѣданїемъ и написанїемъ
„ со кляствою извѣщаемоя любви быти не превра-

Летопись Несторова съ продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года. Библиотека российская историческая. Ч. I. СПб., 1767, стр. 27.

„ тнѣй и не подвижимѣй. Такожъ и вы Греки да
„ храните таковужъ любовь ко Княземъ нашимъ
„ свѣтлымъ рускимъ, и ко всѣмъ, иже суть
„ подъ рукою свѣтлаго Князя нашего, несоб-
„ лазну и непреложну всегда и во вся лѣта.
„ А во главахъ урядили сице:

О вредѣ или убы-шкѣ. 2) „ Аще ключится проказа, (*предъ*) да
„ елико явѣ будетъ показанїи явленными, да
„ имѣютъ вѣрные о тацѣхъ явленїи: а емужъ
„ начнутъ не яти вѣры, да кленется часть та,
„ яже ищетъ неятью вѣры. Да егда кленется по
„ вѣрѣ своей, и будетъ казнь, якоже явится со-
„ грѣшенье, о семъ.

О убїйствѣ. 3) „ Аще кто убьетъ или Хрестьянина
„ русинъ, или Хрестьянинъ русина, да умретъ,
„ идѣже аще сотворитъ убїйство. Ащель убѣ-
„ житъ сотворивый убїйство, аще есть до-
„ мовитъ, да часть его, си рѣчь, яже его бу-
„ детъ по закону, да возметъ ближнїй убї-
„ енаго; а и жена убившаго да имѣетъ толи-
„ цѣмъ, еже пребудетъ по закону. Ащель
„ есть неимовитъ сотворивый убой, и убѣжитъ,
„ да держится тяжи, дондеже обрящется, да
„ умретъ.

О побояхъ и увѣчьѣ. 4) Ащели ударитъ мечемъ или убьетъ
„ кацѣмъ любо сосудомъ: за то удареніе или
„ бїенье да вдастъ литръ пять сребра по закону
„ рускому. Аще ли неимовитъ тако сотво-
„ ривый, да вдастъ елико можетъ; да сойметъ
„ съ себе и шыя самыя порты, въ нихъ же хо-
„ дитъ;

Летопись Несторова съ продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года. Библиотека российская историческая. Ч. I. СПб., 1767, стр. 28.

чатать второй том его «Сочинений».[57] Копиисту И. Баркову предстояло после окончания переписки «Российской грамматики» готовить для сдачи в типографию второй том «Сочинений» Ломоносова.

29 января 1756 г. Г. Ф. Миллер доложил на заседании Конференции Академии наук о необходимости отозвать И. Баркова от переписки трудов Ломоносова. Приводим документ, опубликованный П. С. Билярским, который объясняет ряд последующих событий: «Конференции секретарь и проф. Миллер доношением объявил, определенной де при Конференции копиист Иван Барков находится беспрестанно для письма у господина советника и профессора Ломоносова, а при Конференции ежедневно случаются дела, для которых российской копиист необходимо надобен, и требовал, чтоб копииста Баркова возвратить на прежнее место, или определить вместо его кого другого, искусного писца, дабы в настоящих делах не было остановки; приказали: копииста Баркова оставить при советнике господине Ломоносове, ибо он, Барков, переписывает у него сочиненную им, господином Ломоносовым, „Российскую грамматику", а вместо его в Конференцию для переписки ученых дел и прочего определить находящегося при библиотеке копииста Семена Корелина».[58]

Итак, И. Барков остался у Ломоносова. Но 2 мая 1756 г. И. Барков представил в Канцелярию Академии наук доношение, которое мы помещаем ниже полностью ввиду важности содержащихся в нем сведений:

«В Канцелярию Академии наук
всепокорное доношение.
Доносит Академии ж наук копеист
Иван Барков в нижеследующем.

1

По резолюции Канцелярии Академии наук велено мне быть в доме коллежского советника и профессора господина Ломоносова для переписки Российской грамматики, которая мною и переписана уже двоекратно; да сверьх того разных его сочинений в стихах и в прозе том вторый, також и других его дел немалое число.

2

А ныне оной господин советник и профессор приказал мне переписывать набело взятую им из Академической библиотеки книгу, называемую Нестера Печерскаго летописец, коего уже близ половины мною и переписано, токмо продолжать впредь оную без особливаго Канцелярии Академии наук повеления опасаюсь, особливож, имея от оной Канцелярии, порученное мне от давнаго времени, другое дело, а именно Малороссийские права, которая книга мною токмо начата, но за отлучкою моею от Академии в дом его господина Ломоносова продолжаема поныне не была, и ныне находится у меня в целости.

Того ради Канцелярию Академии наук всепокорно прошу, дабы повелено было в рассуждении многих имеющихся у меня разных дел, а особливо для беспрерывных и крайних повсядневных моих трудов, ныне быть мне при Академии попрежнему, да и впредь от Академии не отлучать; а ежели Канцелярия Академии наук за благо рассудить соизволит оныя его господина советника Ломоносова дела впредь мне отправлять, тоб повелено было при Академии ж, а не у него господина советника, дабы Канцелярии Академии наук об означенных моих трудах всегда известно было. И на то сие мое прошение ожидаю милостивой резолюции. 1756 года мая 2 дня. К сему доношению копеист Иван Барков руку приложил».[59]

Из «доношения» выясняется, что кроме «Российской грамматики», переписанной «двоекратно», второго тома «Сочинений» «в стихах и в прозе» И. Барков, находясь в доме Ломоносова, по его приказу («приказал мне переписывать набело») переписывал также летопись Нестора. И. Барков

[57] Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова, стр. 251.
[58] Материалы для биографии Ломоносова. . ., стр. 305—306.
[59] ААН, ф. 3, оп. 1, № 210, л. 281—281 об.

с полной ясностью раскрывает происхождение материала — «... взятую им (Ломоносовым, — *Г. М.*) из Академической библиотеки книгу, называемую Нестера Печерскаго летописец». Действительно, летопись Нестора была взята Ломоносовым из Библиотеки Петербургской Академии наук 3 декабря 1753 г., о чем сохранилась его расписка в «Журнале Библиотеки Академии наук»: «Den 3 Dec[em]b[er]: Die russische Historie von Nestor, fol. 9».[60]

Естественно возникает вопрос: какое назначение имела переписка летописи Нестора?

Первое предположение: Ломоносов, постоянно обращающийся к летописи Нестора, хотел иметь копию рукописи для работы над «Российской историей». Но это предположение отпадает по двум основным причинам: во-первых, Ломоносов, в течение многих лет внимательно изучавший летопись Нестора, неизменно пользовался рукописью; на рукописи он делал пометы и приписки к интересующим его местам текста; ссылался он прямо на рукопись, указывая либо листы, либо год, под которым помещено известие. Во-вторых, необходимость постоянного пользования летописью Нестора в период работы Ломоносова над «Российской историей» была удовлетворена тем, что рукопись эта, как уже указывалось, несколько лет находилась в его доме. Как раз в эти годы Ломоносов писал начальные главы «Российской истории», отраженные в Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи, кончающейся, как известно, 1206 г.

Второе предположение: Ломоносов, считавший летопись Нестора наиболее достоверным и авторитетным источником по истории России древнейшего периода, имел намерение подготовить ее к изданию. В пользу такого предположения говорит тот факт, что набело переписывались те работы, которые готовились к изданию. Перечисляя в первом пункте переписанные набело труды Ломоносова, И. Барков называет «Российскую грамматику», печатание которой было начато в мае 1756 г.[61] и окончено 9 января 1757 г.[62] О печатании второго тома собрания сочинений Ломоносова еще 22 августа 1755 г. были отправлены ордера в Академическую типографию, но том не вышел из печати по причинам, не выясненным до настоящего времени.[63] Таким образом, переписка набело летописи Нестора говорит о том, что рукопись предназначалась к печати.

Если к маю 1756 г. И. Барковым было переписано «близ половины» текста летописи Нестора, то очевидно, что Ломоносов занимался работой над рукописью несколько ранее, т. е. в 1755—начале 1756 г. Но почему именно в это время, а не ранее, у Ломоносова могла возникнуть мысль об издании летописи Нестора по Кенигсбергскому списку, ведь к изучению этой рукописи он обращался и в 40-х гг.?

Для того чтобы правильно ответить на этот вопрос, необходимо обратить внимание на то, как обстояло дело с изучением летописи Нестора во второй половине 50-х гг. XVIII в.

Из предшествующей главы мы знаем, что в конце 40-х—начале 50-х гг. XVIII в. у Ломоносова произошло серьезное столкновение с Г. Ф. Миллером по ряду вопросов изучения русской истории, понимания текста летописей, и в частности летописи Нестора, к которой у Г. Ф. Миллера проскальзывало скептическое отношение, отмеченное в замечаниях Ломоносова по поводу его диссертации 1749 г. «Происхождение народа и имени российского». Но Миллер в те годы не согласился ни с одним доводом своих оппонентов.

---

[60] Г. М. Коровин. Библиотека Ломоносова, стр. 413.
[61] Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова, стр. 257.
[62] Там же, стр. 262.
[63] Ломоносов, ПСС, т. IX, стр. 816—817, прим. к документу 258.

В этом несколько повышенном мнении о своих знаниях в области русского летописания, несомненно, большую роль сыграло то обстоятельство, что в 1732—1735 гг. Г. Ф. Миллер опубликовал в журнале «Sammlung russischer Geschichte», редактором которого он был, в переводе на немецкий язык отрывки из Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи, представленной петровской копией.[64] Ореол первого издателя русской летописи не мог не льстить Г. Ф. Миллеру, так как к этому единственному в то время изданию, снабженному самым минимальным, но все же справочным аппаратом в подстрочных примечаниях, обращались почти все ученые, которые хоть сколько-нибудь касались истории древнерусского государства. На летопись, опубликованную Г. Ф. Миллером, неоднократно ссылался В. Н. Татищев в своей «Истории российской», ее постоянно цитировали Г. З. Байер, И. И. Тауберт и др.

Необходимо сказать, однако, что перевод Кенигсбергской летописи, опубликованный в «Sammlung russischer Geschichte» в 1732 г., был осуществлен не Г. Ф. Миллером, а переводчиком Академии наук И. В. Паузе, подготовленным к этой трудной работе многолетним изучением русского языка. Паузе владел небольшим, но ценным собранием русских летописей, в числе которых был Никаноровский летописец, тщательно им проштудированный. Именно Никаноровский летописец объясняет многие особенности в понимании и передаче текста Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи.[65]

22 февраля 1755 г. Г. Ф. Миллер доложил на заседании Конференции Академии наук о том, что он окончил работу над исследованием о Несторе, отце русской истории, его летописи и его продолжателях. В протоколе заседания записано так: «Müllerus de S. Nestore, patre historiae Russicae, de ejus chronico et continuatoribus ejsdem in singulari dissertatione iisdem Observationibus menstruis inserenda, egit, ubi simul consilium exposuit de chronico Nestoris, per partes in iisdem Observationibus menstruis evulgando quod ab omnibus probatum est».[66] Присутствовавшими на заседании Конференции Тредиаковским, Фишером и Брауном этот доклад Г. Ф. Миллера был полностью одобрен.

Следует отметить, что Ломоносов не присутствовал на заседании. Отсутствие Ломоносова не было вызвано его болезнью, так как в предшествующие дни: 17, 18, 20 и 21 февраля 1755 г. он принимал участие в Академическом собрании, где обсуждались предложения Тауберта по пересмотру академического регламента.[67] Был Ломоносов и на заседании, состоявшемся 23 февраля.[68] Видимо, Ломоносов не хотел быть на заседании 22 февраля, где Г. Ф. Миллер докладывал о летописи Нестора. Это может быть объяснимо и испорченными личными отношениями. Но вероятным представляется и то, что Ломоносову был хорошо известен несамостоятельный характер работы Г. Ф. Миллера о русских летописях. О пределах осведомленности Миллера в русском летописании Ломоносов знал уже по полемике 1749—1750 гг., когда он пришел к следующему выводу: «Из всего видно, что он весьма немного читал российских лето-

---

[64] «Sammlung russischer Geschichte», СПб., 1732, ч. 1, стр. 1—26; 1733, ч. 2, стр. 93—122; ч. 3, стр. 171—195; 1734, ч. 4, стр. 359—405; 1735, ч. 5, стр. 455—494.

[65] Г. Н. Моисеева. Из истории изучения русских летописей в XVIII веке (Герард Фридрих Миллер). — Русская литература, 1967, № 1, стр. 130—137.

[66] «Миллер сделал доклад о св[ятом] Несторе, отце русской истории, о его летописи и о его продолжателях, — для помещения в те же „Ежемесячные сочинения", причем предложил опубликовать летопись Нестора по частям в тех же „Ежемесячных сочинениях", что было одобрено всеми». — Протоколы заседаний Конференции имп. Академии наук с 1725 по 1803 годы, т. II (1744—1770). СПб., 1899, стр. 323.

[67] Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова, стр. 245—246.

[68] Там же, стр. 246.

писей, и для того напрасно жалуется, будто бы в России скудно было известиями о древних приключениях».[69]

Ломоносов не мог не знать, что в первом номере «Ежемесячных сочинений» Г. Ф. Миллер поместил «Краткую роспись великим князьям всероссийским от Рюрика до нашествия татар с показанием родословия»,[70] являющуюся частью «Истории российской» В. Н. Татищева. В предисловии Г. Ф. Миллер указал, что он начинает «Месячные сочинения ... предъявлением Краткой росписи великих князей Российских, сочиненной некоторым ныне уже покойным знатным мужем, который в истории и географии своего отечества много потрудился». Имя В. Н. Татищева, умершего в июне 1750 г., здесь не названо.

Сопоставление «Краткой росписи» «Ежемесячных сочинений» с обеими редакциями «Истории российской» В. Н. Татищева показывает, что Г. Ф. Миллер пользовался более ранней редакцией, так называемой первоначальной,[71] составленной В. Н. Татищевым в 1739—1740 гг. Она была привезена в Петербург Татищевым и оставлена в Академии наук для снятия с нее копии. Об этом свидетельствует письмо Татищева Шумахеру от 19 ноября 1740 г.[72]

Статья Г. Ф. Миллера «О первом летописателе российском преподобном Несторе» имеет также несамостоятельный характер. Она представляет собой сведение трех глав «Российской истории» Татищева: гл. 5 — «О летописи Нестора», гл. 6 — «О последовавших летописателях», гл. 7 — «О списках или манускриптах». Акад. М. Н. Тихомиров считает, что в главах о Несторе и его летописи Татищев «собрал и систематизировал сведения о Несторе, сопоставил их друг с другом и отметил их противоречия: ... они представляют собой значительный интерес и поражают нас своей исторической проницательностью... Выводы Татищева о Несторовой летописи в некоторых случаях значительно опережают свое время и даже построения историков XIX в.».[73]

Указание восьми «главнейших» списков Несторовой летописи позволяет сделать вывод о том, что Г. Ф. Миллер пользовался так называемой первоначальной редакцией «Истории российской», так как в 1-й Татищев привлекал уже 10 списков Несторовой летописи,[74] а во 2-й — 11.[75]

Первая большая печатная работа о летописи Нестора была, по словам Г. Ф. Миллера, им составлена «отчасти из оставшихся после покойного господина тайного советника Татищева известий, а отчасти из собственного нашего исследования».[76]

Сопоставление 5-й, 6-й и 7-й глав «Истории российской» Татищева со статьей «О первом летописателе российском преподобном Несторе, о его летописи, и о продолжателях оныя» показывает, что Г. Ф. Миллер полностью повторил как частные выводы Татищева об отдельных списках Нестора, так и общее мнение русского историка о значении летописей как исторических источников.[77] Единственное расхождение между выводами Г. Ф. Миллера и В. Н. Татищева — это установление года смерти Нестора: Татищев считает, что в 1093 г. Нестор окончил свою летопись и

---

[69] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 20.

[70] Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755, январь, стр. 1—16.

[71] С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века. Ч. I. Л., 1961, стр. 227—230.

[72] Там же, стр. 229—230.

[73] М. Н. Тихомиров. Труды В. Н. Татищева по истории России. — В кн.: В. Н. Татищев. История российская, т. I, стр. 43—44.

[74] С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, стр. 251.

[75] Там же.

[76] Ежемесячные сочинения..., 1755, апрель, стр. 278.

[77] Г. Н. Моисеева. Из истории изучения русских летописей в XVIII веке (Герард Фридрих Миллер), стр. 130—137.

что последующие записи по 1116 г. продолжал игумен Сильвестр. Г. Ф. Миллер, основываясь на рассказе летописи о нападении половецкого хана Боняка на Печерский монастырь, где летописец говорит о себе в первом лице, относит окончание Нестором летописи к 1115 г.[78]

Судьба рукописного наследия Татищева не могла остаться незамеченной Ломоносовым. На фоне подобного обращения с рукописями «Истории российской» у Ломоносова создалось настороженное отношение к А. Шлецеру, который в 1764 г. предложил Академии наук свой «План занятий русской историей» с использованием трудов Ломоносова и Татищева. Ломоносов написал на полях этого «плана»: «Ich lebe noch und schreibe selbst».[79] Этой короткой фразой Ломоносов говорит о том, что, пока он жив, он не позволит так беззастенчиво заимствовать его сочинения, как произошло это с трудами покойного Татищева.

Нам неизвестно, широко ли знали современники об источниках статьи Г. Ф. Миллера о летописи Нестора. Независимо от этого статья должна была сыграть большую историко-культурную роль, так как в ней впервые печатно был поднят вопрос о научном значении русских летописей, о необходимости их серьезного изучения и публикации.

Первая попытка публикации рукописи была предпринята в Москве в 1665 г., когда было задумано печатание хроники Псевдо-Дорофея.[80] Петр I считал необходимым издать древнерусские памятники. Указы 1720 и 1722 гг. о сборе рукописей, находящихся в монастырях,[81] явились началом реализации этого широкого замысла. В 1734 г. было предпринято печатание летописи, но оставлено в самом начале из-за сопротивления Синода. О важности издания русских летописей убедительно говорил Татищев в «Истории российской»: «...святейшему Синоду весьма нетрудно, если повелит во всех монастырях всякие древние письменные книги, тетради, грамоты и пр. обстоятельно описать и под именем Русской библиотеки напечатать, чтоб желаюсчие в истории церковной и гражданской трудиться могли знать, где что сыскать могут, что и манастырям немалой доход и пользу принесет».[82]

Как видим, Татищев уже полностью сформулировал не только идею публикации рукописей, но даже продумал тип издания — «под именем Русской библиотеки». Идея Татищева была реализована, и первое издание летописи Нестора по Кенигсбергскому списку вышло в 1767 г. под названием «Библиотека российская историческая».

Таким образом, постановка вопроса об издании русских летописей, и в первую очередь летописи Нестора по Кенигсбергскому списку, была подготовлена всем развитием исторической мысли в России первой половины XVIII в. Г. Ф. Миллер, повторив в статье о летописи Нестора мысль В. Н. Татищева, вынес ее на широкое обсуждение. Сделал он это, глубоко продумав план публикации «по частям» летописи Нестора в редактируемом им журнале «Ежемесячные сочинения». Об этом прямо свидетельствует протокол заседания Конференции от 22 февраля 1755 г. Подтверждает это и А. Шлецер, который рассказывает в автобиографии о том, как Г. Ф. Миллер первый в России «затеял это дело» — поднял вопрос о публикации летописи Нестора: «Тут возстал русский историограф Миллер и, начав в 1755 году издание „Ежемесячных сочинений", уже в апрельском выпуске писал следующее: „Нестор (достоинство и

---

[78] Ежемесячные сочинения..., 1755, апрель, стр. 286—287.

[79] «Я еще жив и пишу сам». См.: Л. Б. Модзалевский. Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР, № 470, стр. 156.

[80] И. Н. Лебедева. Греческая хроника Псевдо-Дорофея и ее русский перевод. — ТОДРЛ, т. XXI, М.—Л., 1965, стр. 301—302.

[81] ПСЗ, т. VI, № 3693, стр. 277; № 3908, стр. 511—512.

[82] В. Н. Татищев. История российская, т. I, стр. 119. (Разрядка наша, — *Г. М.*).

значение которого он определил коротко, но сильно) вместе со своими продолжателями должен быть напечатан; этого желают здесь и за границей...". Так в 1755 г. проповедовали Миллер и здравый смысл, но никто их не слушал. Вероятно, этот трудолюбивый человек охотно сам принялся бы за это; но ни Нестор, ни Татищев при Академии не были напечатаны. По всей вероятности, этому препятствовал Ломоносов».[83]

А. Шлецер приехал в Россию по вызову Г. Ф. Миллера, он был близок с ним, особенно в первое время, когда и жил на его квартире.[84] Замысел Г. Ф. Миллера об издании летописи Нестора был известен А. Шлецеру из первоисточника, равным образом он же подсказал причину того, почему Г. Ф. Миллер, «который первый затеял это дело, тем более, что он был профессор истории»,[85] был в дальнейшем отстранен от участия в печатании летописи: А. Шлецер все это объясняет вмешательством «всемогущего Ломоносова».[86]

В 1755 г., когда вышла статья Г. Ф. Миллера о летописи Нестора и когда, следовательно, могли начаться действия «всемогущего Ломоносова», препятствующего Г. Ф. Миллеру в публикации летописи Нестора, А. Шлецера в России еще не было: он приехал осенью 1761 г. Поэтому, рассказывая в автобиографии обо всех этих фактах, он передает их, во-первых, с чужих слов, во-вторых, задним числом, т. е. объясняет предшествующие события их последующим развитием. Но даже в таком сложном источнике, как автобиография, где неразрывно переплетается прошлое с настоящим, чаще всего независимо от намерений автора вырисовывается контекст исторических фактов, иногда даже яснее, чем в документальном источнике, где отношения людей уже в силу жанра не накладывают так остро печать субъективного объяснения событий. А. Шлецер высказал догадку, почему Ломоносов воспротивился публикации Г. Ф. Миллером летописи Нестора: «По всей вероятности этому препятствовал Ломоносов; потому что в 1760 году, тогда всемогущий Ломоносов, химик, явился со своим „Кратким российским летописцем" на русском языке».[87]

Возникает недоумение: «Краткий российский летописец» Ломоносова вышел из печати в 1760 г., а Г. Ф. Миллер выступил со статьей о летописи Нестора в апреле 1755 г. Очевидно, что не выход «Краткого российского летописца» объясняет отношение Ломоносова к намерению Г. Ф. Миллера опубликовать летопись Нестора.

В предшествующей главе показано, что «Краткий российский летописец» Ломоносова является кратким изложением концепции его большого труда — «Российской истории». Ко времени выхода статьи Г. Ф. Миллера в «Ежемесячных сочинениях» Ломоносовым уже была закончена значительная часть работы над наиболее трудным древнейшим периодом в истории России. Основным источником этих глав, как мы знаем, была летопись Нестора, изученная им как источник исторических сведений, как материал для понимания словаря древнерусского языка («лексикон ... речений нестеровых...»), как памятник древнерусской литературы, давший образцы «силы и великолепия российского языка», заимствовавшего свои богатства от «счастливого слияния речений славенороссийских и славенских».

---

[83] Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера.., стр. 55—56. (Разрядка наша, — *Г. М.*).
[84] Там же, стр. 57.
[85] Там же, стр. 22—47.
[86] Там же, стр. 56.
[87] Там же.

Ломоносов хорошо знал степень подготовки Г. Ф. Миллера к такой сложной работе, как публикации текста древней летописи. Ему не могло не быть известным, что еще Татищев указал ряд ошибочных чтений в «извлечениях» из Кенигсбергской летописи, опубликованных в «Sammlung russischer Geschichte" в 1732—1735 гг.[88] В этой публикации было неправильно прочтено даже заглавие Кенигсбергского списка и составление летописи приписывалось «игумену Феодосию». С этой ошибочной атрибуцией летопись вошла во все иностранные издания. Неправильно названа она и в первом печатном описании рукописей и книг Библиотеки Петербургской Академии наук — «Камерном каталоге» 1742 г. Здесь она помещена под № 9 как летопись игумена Феодосия. А Ломоносов, как бы подчеркивая ошибочность заглавия, в расписке 1753 г. в «Журнале Библиотеки» указывает № 9 (по «Камерному каталогу»), но называет ее не летописью Феодосия, а русской историей Нестора («Die russische Historie von Nestor, fol. 9»).

Публикация «извлечений» из летописи Нестора в «Sammlung russischer Geschichte» была сделана на таком низком уровне, что даже А. Шлецер, чрезвычайно расположенный к Г. Ф. Миллеру, писал о том, что они «так были ошибочны», что впоследствии сам Миллер «лишил их значения».[89] О каком времени идет речь, когда А. Шлецер говорит «впоследствии», — неясно, но в конце 50-х—начале 60-х гг. XVIII в. Г. Ф. Миллер в своих работах, касающихся древней русской истории, ссылаясь на русскую летопись, пользуется не рукописью, а немецким ее переводом, сделанным Паузе. На основании этой «российской летописи» Г. Ф. Миллер написал статью «Рассуждение о двух браках, введенных чужестранными писателями в род великих князей всероссийских», опубликованную в 1755 г.[90]На эту же «российскую летопись» ссылается Г. Ф. Миллер в работе «О начале и происхождении козаков», опубликованной в 1760 г.[91] За «козаков» здесь Г. Ф. Миллер принимает «косогов», потому что Паузе, переводивший летопись, прочел неправильно текст под 1023 г.[92]

Мог ли Ломоносов равнодушно отнестись к тому, чтобы публикация летописи Нестора оказалась порученной Г. Ф. Миллеру? Разумеется, нет.

Очевидно, вскоре после того, как Ломоносову стало известно о намерении Г. Ф. Миллера публиковать по частям Кенигсбергскую летопись в «Ежемесячных сочинениях», он принял решение использовать те

---

[88] В «изъяснении» к 6-й главе 1-й редакции «Истории российской» Татищев отметил, что «Миллер в первой части собрания» на стр. 109 неправильно называет греческую царевну Анну — Анастасией, приняв за женское имя — имя протопопа Анастасия (В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 413). В «изъяснении» к 8-й главе той же редакции В. Н. Татищев пишет, что Миллер ошибочно прокомментировал отрывок Радзивиловской летописи, где рассказывается о потомстве Ярослава I (см.: Там же, стр. 422). Ряд серьезных промахов в прочтении текста летописи раскрыт В. Н. Татищевым в «изъяснении» к 32-й главе 2-й редакции «Истории российской». Так, имя *Блуд* Миллер в «Древностях руских» превратил в Пут (см.: Там же, т. I, стр. 308). Более серьезная ошибка отмечена Татищевым в прочтении заглавия Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи: «Феодосиа игумена Миллер первее ошибся, что оное вместо Нестора, чернорисца Феодосиева Печерского монастыря, принял, о чем в гл. 5 и 7 показано, что в Радзивиловском списке имя Нестора пропусчено» (Там же, стр. 309).

[89] Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера..., стр. 48.

[90] Ежемесячные сочинения..., 1755, февраль, стр. 83—97. Кстати сказать, в этой работе Г. Ф. Миллер впервые печатно отметил, что «переводчичьим погрешением» была допущена ошибка в передаче имени летописца в опубликованной им летописи в «Sammlung russischer Geschichte».

[91] Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760, апрель, стр. 308.

[92] О происхождении ошибки Паузе см.: Г. Н. Моисеева. Из истории изучения русских летописей в XVIII веке (Герард Фридрих Миллер), стр. 132—133.

материалы по исследованию летописи Нестора, которые у него накопились в связи с работой над «Российской историей», когда, передавая текст летописи Нестора, Ломоносов внес ряд исправлений. В ряде случаев он изменил географические названия, поправил очевидные искажения, отделил существительные от предлогов, обозначил абзацы, отметил посредством кавычек прямую речь. Мы ограничимся примерами, которые наглядно раскроют, как исправления, произведенные в петровской копии Кенигсбергской летописи, нашли отображение в «Древней российской истории» Ломоносова и в печатном издании летописи, вышедшем в 1767 г. под названием «Библиотеки российской исторической».

Обратимся к примеру правки текста в рассказе о внезапном нападении на Новгород полоцкого князя Брячислава в 1021 г. В летописном тексте не сообщается, что Брячислав — полоцкий князь. Слова *Полоцкій Князь* вписаны карандашом на верхнем поле под знаком F, поставленным в рукописи после слова *Бречислав*, в котором буква *е* исправлена на *я*. Это исправление текста нашло прямое отражение в «Древней российской истории» и в издании летописи в «Библиотеке российской исторической», где добавление *Князь Полоцкій* набрано курсивом и заключено в скобки.

Петровская копия		*Древняя российская история*	*Библиотека российская историческая*
До правки	*После правки*		
...і приідъ Бречиславъ сын Изяславль внук Володимирь на Новъ городъ и зая новъгородъ.[93]	...приіде Брячиславъ, Полоцкій Князь, сын Изяславль, внук Володимирь на Новъ городъ, и зая Новъгородъ.[94]	Брячиславъ, Князь Полотскій, сынъ Изяславовъ, Ярославовъ племянникъ, въ отсудствіе его въ Кіевѣ внезапно набѣжалъ на Великій Новгородъ.[95]	В лѣто 6529 (*1021*) пріиде Брячиславъ (Князь Полоцкій) сынъ Изяславль, внукъ Володимирь, на Новгородъ и зая Новгородъ.[96]

Раскрытие Ломоносовым древнерусских слов позволяет увидеть единство понимания и передачи текста в «Древней российской истории» и в «Библиотеке российской исторической». Пример этому — отрывок из текста летописи, где рассказывается о славянских племенах, населявших древнюю Русь.

Петровская копия	*Древняя российская история*	*Библиотека российская историческая*
А радимичи и вятичи и северо один обычай имеяху, живяху в лѣсех яже и всякий зверь, ядуще все нечисто.[97]	Радимичи, кривичи, вятичи и северяне держатся одного обычая. Живут в лесах, как дикие звери, всякую нечистоту в пищу принимают.[98]	А Радимичи, и Вятичи и Сѣвера одинъ обычай имѣяху, живяху в лѣсѣхъ, якоже и всякий зверь, ядуще все нечисто.[99]

В рукописи Кенигсбергской летописи допущена ошибка — «в лѣсех яже и всякий зверь». Ломоносов вводит исправление: вместо *яже* — *якоже*, т. е.

---

[93] БАН. 31.7.22, л. 102 об./107 об.
[94] Там же.
[95] Древняя российская история..., стр. 135.
[96] Библиотека российская историческая, стр. 101.
[97] БАН. 31.7.22, л. 11 об.
[98] Древняя российская история..., стр. 15.
[99] Библиотека российская историческая, стр. 12.

так как. В «Древней российской истории» приведена современная форма, в «Библиотеке российской исторической» — древнерусская.

Так же поступает Ломоносов и при передаче текста в рассказе о гибели Олега Святославича.

Петровская копия	*Древняя российская история*	*Библиотека российская историческая*
Побѣгшю же Ольгу с своими вои в град, рекомый Вручай, и бяше мост чрез греблю ко вратам градным тѣснячися спихаху другъ друга в гроблю и сопхнуша съ моста Ольга.[100]	Олег упав в ров глубокий.[101]	Побѣгшу же Ольгу съ своими вои въ градъ, рекомый Вручай, и бяше мостъ чрезъ гроблю (ровъ) **ко вратомъ градным**ъ, тѣснячися спихаху другъ друга в гроблю, и сопхнуша съ моста Ольга.[102]

Осмысление слова *греблю — гроблю* как *ров* прямо сказалось и в «Древней российской истории» и в «Библиотеке российской исторической».

Используя в «Древней российской истории» текст Несторовой летописи, Ломоносов сопровождает его дополняющими материалами, которые способствуют прояснению смысла. В «Библиотеке российской исторической», воспроизводящей текст летописи, включен этот же комментирующий материал. Ниже мы приведем пример, где покажем, как в отрывке, где рассказывается о приглашении новгородцами Владимира, Ломоносов дополнил летописный текст «проясняющими словами» — указанием, кто обратился к Святославу. Из предшествующего текста летописи это неясно, но становится очевидным из последующего, когда Владимир I вместе с дядей (*уем*) отправляется в Новгород. И в «Древней российской истории» и в «Библиотеке российской исторической» мы увидим уже этот включенный комментарий.

Петровская копия	*Древняя российская история*	*Библиотека российская историческая*
И рече к ним Святославъ: абы пошел кто к вам и отпрѣсь Ярополкъ и Олегъ. И речь Добрыня: Просите Володимера. Володимер бо бѣ от Малуши ключници олжины сестра же бѣ Добрынѣ, отецъ же бѣ има Малко Любчанинъ и бѣ Добрыня уй Володимиру.[103]	Святослав сказал: Выбирайте; лишь бы кто к вам пошел, зная ваше упорство. Ярополкъ и Ольгъ тот час отказались. Новгородцы по совету Добрынину стали просить Владимира... Владимиръ рожденъ был от Ольгиной ключницы, именем Малуши, дочери нѣкоего Малка, родом Любчанина, сестры Добрыний. С симъ своимъ дядей в великий Новгород отпущен на княжение.[104]	И рече к нимъ Святославъ: «Абы пошелъ кто к вамъ и отпрѣсъ Ярополкъ и Олегъ. И рече Добрыня к новгородцамъ: «Просите Володимера». Володимиръ же бо бѣ от Малуши ключницы Олжины, сестра же бѣ Добрынѣ, отецъ же бѣ има Малко Любчанинъ, и бѣ Добрыня уй (дядя) Володимиру.[105]

Интересный пример слова-синонима, раскрывающего понимание Ломоносовым древнерусской терминологии, в «Древней российской истории» и

---

[100] БАН. 31.7.22, л. 56.
[101] Древняя российская история..., стр. 94.
[102] Библиотека российская историческая, стр. 66.
[103] БАН. 31.7.22, л. 50 об.
[104] Древняя российская история..., стр. 85.
[105] Библиотека российская историческая, стр. 61.

употребление этого же слова в качестве комментария в «Библиотеке российской исторической» можно найти в отрывке летописи, где рассказывается о походе Игоря на греков в 944 г.

Петровская копия	*Древняя российская история*	*Библиотека российская историческая*
В лѣто 6452 (*944* г.) Игорь совокупи вои многи **Варяги** и **Русь** и Поляны, и Словены, и Кривичь, и Тивирци, и Печенеги ная и **тали** у них поя и поиде на греки.[106]	944 год. Однако желая мщением защитить свою славу, отправил послов к Варягам за море, побуждая их воевать против греков. И такъ собралъ множество войска Россиянъ, Варяговъ, Полянъ, Славянъ, Кривичей, Тиверцов; и нанялъ Печенеговъ, взявъ отъ нихъ аманатовъ.[107]	В лѣто 6452 (*944* г.) Игорь совокупи вои многи Варяги и Русь, и Поляны, и Словены, и Кривичи, и Тиверци, и Печенѣги ная, и тали (аманатовъ) у нихъ поя и поиде на греки.[108]

В тексте летописи Ломоносов подчеркнул слова *Варяги* и *Русь*. На полях его рукою поставлено №. В тексте «Древней российской истории» он отделил эти народы: варяги были «за морем», и Игорь «отправил послов» к ним, «побуждая их воевать против греков»; затем уже Игорь собрал «множество войска», в нем были и печенеги, от которых он взял «аманатов». В издании Кенигсбергской летописи Ломоносов помещает слово-синоним в скобках рядом с древнерусским термином: «...тали (аманатовъ) у них поя».

Слово *аманаты* явилось синонимом древнерусского термина *тали*, уже непонятного в середине XVIII в. О том, что термин *тали* требовал разъяснения, свидетельствует помещение слова-синонима рядом в скобках и В. Н. Татищевым в 1-й редакции «Истории российской»: «Игорь совокупи вои многи, варяги и русь, и поляны, и словяны, и кривич, и тиверцы, и печенеги ная, и тали (залог) у них поима, и поиде на греки».[109] Д. С. Лихачев также переводит слово *тали* как *заложники:* «Игорь же собрал воинов многих: варягов, русь, и полян, и славян, и кривичей, и тиверцов — и нанял печенегов, и заложников у них взял».[110]

К числу примеров, свидетельствующих о единстве осмысления текста Несторовой летописи в «Древней российской истории» и в издании этой летописи в «Библиотеке российской исторической», относится и отрывок текста о походе Игоря на греков в 941г.

Петровская копия	*Древняя российская история*	*Библиотека российская историческая*
В лѣто 6449 (*941* г.) иде Игорь на Греки и послаша болгари вѣсть ко царю яко идуть Русь на Царьградъ скедии 10 тысячь.[111]	Игорь собравъ войско пошелъ к Царю граду. Болгаре о том вѣсть царю подали, что Россы на него идут в судахъ десять тысящь.[112]	В лѣто 6449 (*941* г.) иде Игорь на Греки, и послаша болгари вѣсть ко Царю, яко идутъ Русь на Царьградъ схедій (судно) 10 000.[113]

[106] БАН. 31.7.22, л. 28/33. (Выделенные полужирным слова подчеркнуты Ломоносовым, на полях — №, — *Г. М.*).

[107] Древняя россиискяя история..., стр. 68.

[108] Библиотека российская историческая, стр. 36—37.

[109] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 120.

[110] Повесть временных лет. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Ч. I. М.—Л., 1950, стр. 230.

[111] БАН. 31.7.22, л. 26 об.

[112] Древняя российская история..., стр. 68.

[113] Библиотека российская историческая, стр. 35.

В «Древней российской истории» Ломоносов употребил не греческое по происхождению слово, обозначающее судно — σχεδια, которое помещено в летописи — *скедии*, а русский его перевод. В издании летописи слово *судно* заключено в скобках и находится рядом со словом *схедіи*, точно передающим греческий термин.

Так же просвечивает понимание текста и в отрывке, где Ломоносов пересказывает текст договора с греками:

Петровская копия	*Древняя российская история*	*Библиотека российская историческая*
Отдасть тое еже смѣ сотворити и сотворит триічи о семъ.[114]	Будежъ воръ безъ обороны въ руки отдается, взять с него украденное втрое.[115]	Да отдастъ тое, еже смѣ сотворити и сотворитъ трийчи о семъ (возвратитъ втрое).[116]

Даже в тех случаях, когда Ломоносов предпринимает значительную переработку летописного текста, как например в рассказе о сватовстве Владимира I к дочери полоцкого князя Рогволода Рогнеде, и прямая речь передана косвенной, понимание текста совершенно идентично в «Древней российской истории» и в «Библиотеке российской исторической»:

Древняя российская история	*Библиотека российская историческая*
Рогвольдъ услышал, что лучше желает быть за Ярополкомъ; а о Владимирѣ сказала, что не хочетъ разуть отъ рабы рожденнаго.[117]	Она жъ рече: Не хощу розути рабичича (рожденнаго отъ раба), но за Ярополка хочу.[118]

Число подобных примеров можно было бы увеличить, но уже из приведенных материалов явственно вырисовывается непосредственная связь в понимании и в передаче текста Несторовой летописи в «Древней российской истории» Ломоносова и в «Библиотеке российской исторической».

Работа Ломоносова над Кенигсбергской (Радзивиловской) летописью генетически связана с его историческими трудами и нашла в них свое отражение. В восприятии и передаче летописи виден опыт Ломоносова в исследовании древнерусских рукописных текстов, его понимание предшествующей культуры, знания в области древнерусского языка.

В работе над Несторовой летописью Ломоносов опирался не только на свой опыт. Значительную роль в процессе познания этого памятника сыграли исторические труды В. Н. Татищева.

В 1739 г. В. Н. Татищев привез в Петербург «Историю российскую», «приведенную в порядок и изъясненную примечаниями на некоторые места». Новейший исследователь С. Л. Пештич пришел к выводу, что «первоначальная» редакция труда Татищева представляла собой «своеобразный летописный свод, объясненный примечаниями», где сохранен «порядок и наречие» старых писателей, и названный автором «Собранием из древних русских летописцев».[119] Труд Татищева был встречен критически. Он увез свое историческое сочинение для доработки и уже в 1740 г. представил в Академию наук наряду с «древними законами» — Русской Правдой и Судебником, предназначенными для напечатания, и 13 тетра-

[114] БАН. 31.7.22, л. 21/26.
[115] Древняя российская история..., стр. 29.
[116] Библиотека российская историческая, стр. 65.
[117] Древняя российская история..., стр. 95—96.
[118] Библиотека российская историческая, стр. 185.
[119] С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, стр. 227—228.

дей «Истории» для снятия с них копий; сам Татищев продолжал набело переписывать продолжение своей «Истории».

Рукопись «первоначальной» редакции не сохранилась до нашего времени. Она исчезла из поля зрения исследователей после смерти (в 1771 г.) И. И. Тауберта, который унаследовал этот список от советника Канцелярии Академии Шумахера. Когда в 1767 г. Г. Ф. Миллер задумал издавать «Историю российскую» по «худому списку», подаренному Московскому университету сыном покойного историка Евграфом Татищевым, то И. И. Тауберт разрешил использовать свой список, изготовленный самим Татищевым, для поправки неясных мест университетской копии.[120]

Как уже указывалось выше, Г. Ф. Миллер хорошо знал Шумахеро-Таубертовский список еще в начале 1750-х гг., так как на материале «первоначальной» редакции «Истории российской» Татищева он опубликовал в редактируемом им журнале «Ежемесячные сочинения» в 1755 г. «Краткую роспись великим князьям всероссийским от Рюрика до нашествия татар с показанием родословия» (в январском номере) и статью «О первом летописателе российском преподобном Несторе, о его летописи, и о продолжателях оныя» (в апрельском номере).[121]

Очевидно, Шумахер, которому тогда принадлежала рукопись «первоначальной» редакции «Истории российской» Татищева, разрешал не только ею пользоваться, но даже публиковать ее по частям. Делал он это, возможно, потому, что к этому времени (к началу 50-х гг. XVIII в.) в Академии наук уже находилась новая редакция «Истории российской» Татищева, которая явилась результатом дальнейшей работы русского историка.

В 1746 г. Татищев писал Шумахеру и президенту Академии наук К. Г. Разумовскому о том, что им закончена и переписана набело рукопись «Истории российской». Исследователями установлено теперь, что Татищев послал тогда в Петербург 1-ю редакцию второй части «Истории российской».[122] Список этот вошел в науку под названием Академического (БАН. 17.17.11). Он впервые опубликован в 1964 г.[123]

У нас нет прямых данных, свидетельствующих об изучении Ломоносовым второй части «Истории российской» Татищева в 1747 г., сразу же после того как рукопись оказалась в Академии наук.[124] Но в 1748 г. он ознакомился с «Историей российской» и по просьбе Татищева написал к ней предисловие. В письме к Татищеву, написанном 27 января 1749 г., Ломоносов выражал восхищение трудом русского историка: «... сообщенное мне от вашего превосходительства предызвещание о „Российской истории“ и прочие ваши примечания, от г. советника Шумахера мне сообщенные, прочитал с великою охотою и радостию о успехах, которые ваше превосходительство в российской истории имеете».[125] Очевидно, что Ломоносов имеет в виду Академический список «Истории российской», который

---

[120] П. П. Пекарский. Новые известия о В. Н. Татищеве. — Записки имп. Академии наук, т. IV. СПб., 1864, стр. 48—51.

[121] Г. Н. Моисеева. Из истории изучения русских летописей в XVIII веке (Герард Фридрих Миллер), стр. 130—137.

[122] С. Н. Валк. О рукописях первой части «Истории российской» В. Н. Татищева. — В кн.: В. Н. Татищев. История российская, т. I, стр. 58.

[123] В. Н. Татищев. История российская, т. IV.

[124] 11 марта 1747 г. Канцелярия Академии наук вынесла постановление: «Присланное от тайного советника господина Татищева, при письме к Российской истории к читателю предисловие — отослать в русскую библиотеку к рукописным книгам». А. А. Шахматов полагает, что «Предызвещение» Татищева было затем переплетено с поступившею, очевидно, позже второй частью «Истории». См.: А. А. Шахматов. К вопросу о критическом издании «Истории российской» В. Н. Татищева. — Дела и дни. Пгр., 1920, кн. 1, стр. 83.

[125] Ломоносов, ПСС, т. X, стр. 461.

озаглавлен «Предызвещение Российской истории и в том Нестеров летописец». На лл. 97—108 об. Академического списка помещены «Примечания на часть вторую Гистории руской».[126]

В конце 1749 г.—первой половине 1750 г. Ломоносов обращается к труду Татищева в связи с работой над трагедией «Тамира и Селим», созданной им на национальную историческую тему.[127]

После смерти В. Н. Татищева его сын Евграф передал в конце 1751 г. по предсмертному приказанию отца в Кабинет барону И. А. Черкасову часть его бумаг. В 1752 г. он доставил туда же еще некоторые части «Истории российской», которые попали затем к И. И. Шувалову. Об этом свидетельствует расписка, сохранившаяся вместе с каталогом татищевской библиотеки: «Реестр книгам русского летописца, сочиненным покойным тайным советником, господином Татищевым. 1. Часть первая о древности письма славяновъ. 2. Часть вторая о началѣ русския земли и о первом владѣнии. 3. Примѣчания на вторую часть. 4. Часть четвертая древней лѣтописи русской. 5. Книга Новый лѣтописецъ — Въ комнату его превосходительства Ивана Ивановича Шувалова вышеозначенное число книг получил лейбъгвардии измайловскаго полку сержантъ Александръ Гурьевъ».[128]

И для П. П. Пекарского и для А. А. Шахматова расписка Гурьева «объясняет, каким образом экземпляр Истории Татищева попал из императорского Кабинета, которым заведовал Черкасов, в руки Ломоносова».[129]

В 1751 г. Ломоносов изучал «Татищева первый том...».[130] В октябре 1753 г. Ломоносов обратился с просьбой к И. И. Шувалову «доставить вторым томом Татищева „Истории", затем что он в первом много на второй ссылается».[131]

С достаточным основанием можно считать, что в 1751 г. Ломоносов читал первый том 2-й редакции «Истории российской» Татищева, так как в 1-й редакции, присланной в Академию наук в 1746 г. и оставленной по желанию автора в Академической библиотеке,[132] нет ни одной ссылки на второй том. Во 2-й же более поздней редакции, работа над которой проводилась в 1748—1750 гг., первая и вторая части тесно связаны между собой, что прямо подтверждает сам Татищев в письме к И. Д. Шумахеру, написанном за две недели до смерти — 30 июня 1750 г., в котором он сообщал, что «вторую часть зачали набело переписывать, ибо оную також докончил, осталось неколико примечаний рассмотреть, а всея второй части до 60 тетрадей, и оной часть при первой пошлю, понеже первая во многом на вторую ссылается, и без того мню к рассмотрению не весьма ясно».[133]

Из приведенных материалов видно, что Ломоносов имел в своем распоряжении и 1-ю и 2-ю редакции «Истории российской» Татищева. Анализ ссылок на труды Татищева в опубликованной в 1767 г. летописи Не-

---

[126] Описание Академического списка «Истории российской» см. в кн.: В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 18—19.

[127] Г. Н. Моисеева. К вопросу об источниках трагедии М. В. Ломоносова «Тамира и Селим». — В кн.: Литературное творчество М. В. Ломоносова. Исследования и материалы. М.—Л., 1962, стр. 253—257.

[128] Цит. по: А. А. Шахматов. К вопросу о критическом издании «Истории российской» В. Н. Татищева, стр. 91—92.

[129] П. П. Пекарский. Новые известия о В. Н. Татищеве, стр. 49; А. А. Шахматов. К вопросу о критическом издании «Истории российской» В. Н. Татищева, стр. 91—93.

[130] Ломоносов, ПСС, т. X, стр. 389.

[131] Там же, стр. 490.

[132] «...настоясчую, на древнем наречии, императорской Академии наук для сохранения поручить». В. Н. Татищев. История российская, т. I, стр. 91.

[133] Цит. по: А. И. Андреев. Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг. — Исторический архив, 1951, т. VI, стр. 283.

стора раскрывает приемы использования Ломоносовым сочинений русского историка.

В издании летописи Нестора по Кенигсбергскому списку ссылки на труды Татищева носят самый разнообразный характер. Иногда Ломоносов просто отмечает расхождение дат в летописи и в «Истории российской». Так, например, под 6674 (*1166 г.*) в «Библиотеке российской исторической» помещено известие о преставлении Святослава Владимировича.[134] Внизу примечание: «Здѣсь у покойнаго Татищева начинается 6675 годъ». И действительно, и в 1-й и во 2-й редакциях «Истории российской» Татищева указан 6675 (*1167 г.*).[135]

В некоторых случаях Ломоносов вносит исправление в Кенигсбергскую летопись и отмечает расхождение этих данных с татищевскими.

Под 1162 г. помещено известие о событиях в Суздале, извлеченное из Новгородской и Сильвестровской летописей. Оно помещено в скобках, внизу примечание: «Все включенное въ скобкахъ дополнено изъ лѣтописей Новгородской и Силвестровой, и исправлено противъ собрания покойнаго Татищева».[136] И в 1-й и во 2-й редакциях «Истории российской» Татищева перечислены иные имена исторических деятелей.

Библиотека российская историческая	*Татищев. История российская*	
	1-я редакция	*2-я редакция*
Въ лѣто 6670 (*1162 г.*) выгна Князь Андрей Епископа Леона изъ Суздаля, и братию свою Мстислава и Василька и Михалка Георгиевичевъ, и два Ростиславича, сыновца своя, и мужи отца своего передние.[137]	Князю ж великому Андрею быша наветницы, иже смутиша его со епископом Нестором, тако и со братиею его Мстиславом, Михалком и Всеволодом, иже седяху по градом Белыя Руси, изгна я от себе.[138]	Но вскоре клеветники смутили великаго князя с епископом Нестором, тако ж со братиею его Мстиславом, Михалком и Всеволодом, которые по завету отцову имели свои грады к содержанию в Белой Руси. И оных Андрей изгнал от владеией и преждних вельмож многих отца своего.[139]

Мы видим, что третий из братьев Андрея Боголюбского в «Библиотеке российской исторической» — это Василько, у Татищева — Всеволод. Кроме того, в «Библиотеке» суздальский епископ назван Леоном, у Татищева — Нестором.

Обратим внимание и на то, как названо историческое сочинение Татищева — «Собрание». С. Л. Пештич, как мы помним, пришел к твердому убеждению, что «первоначальная» редакция «Истории российской» была названа автором «Собранием из древних русских летописцев».[140]

Обратимся к анализу тех ссылок на труд Татищева, где можно установить, какой из редакций «Истории российской» пользовался Ломоносов.

Под 1096 г. в Кенигсбергской летописи рассказывается о нападении половцев на Киев и Переяславль. Затем помещена отдельная глава, названная «Происхождение татарских поколений». Внизу сноска: «Включенная въ семъ мѣстѣ повѣсть о Татарскихъ поколѣнияхъ исправлена про-

---

[134] Библиотека российская историческая, стр. 242.
[135] В. Н. Татищев. История российская, т. III, стр. 81; т. IV, стр. 269.
[136] Библиотека российская историческая, стр. 236.
[137] Там же, стр. 236—237.
[138] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 261.
[139] Там же, т. III, стр. 77.
[140] С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, стр. 228, 231.

тивъ собранного господиномъ Татищевымъ Лѣтописца, и притомъ нѣсколько сокращена противъ подлинника».[141] В 1-й редакции «Истории российской» Татищев основывается в главе 25 «Половцы, печенеги, торки и торкмени» на данных в первую очередь русских летописей: «... руской летописец, н. 194 сказует их 4 рода, яко торкмени, печенеги, торки и кумани, от Исмаила происшедшие. И потому мнится, что их к туркам причитает, а после о торкменах сказуется, что они с татары однородныи».[142] Во 2-й редакции в главе 26 «О печенегах, половцах и торках» Татищев совершенно иначе строит изложение и пользуется главным образом свидетельствами западных историков.

Из сопоставления этих глав различных редакций «Истории российской» с главой «Происхождение татарских поколений» в издании летописи Нестора видно, что здесь была использована или 1-я редакция, или «первоначальная» редакция. Прийти к этому заключению позволяет то обстоятельство, что характер повествования летописный, а не исследовательский, как во 2-й редакции «Истории российской».

В некоторых случаях удается установить с максимальной точностью, какой редакцией «Истории российской» пользовался Ломоносов. Так, под 1166 г. (а у Татищева под 1167 г. — это оговорено в примечании) [143] описан один из эпизодов мучительной междоусобной войны.

Библиотека российская историческая	*Татищев. История российская*	
	1-я редакция	*2-я редакция*
И побѣже Володарь отъ Витепска, и заутра соглядавъ Давидъ, оже Володарь бѣжалъ, пусти по нихъ, и не постигоша ихъ, но по лѣсу блудящихъ много изымаша, и посла Всеслава к Полтеску.[144]	И побеже Володарь от Вытебска. Заутро соглядав Давыд, иж Володимер бежа, пусти по них. И не состигоша полков, но по лесу блудивших много изымаша, а Святослава посла к Полоцку.[145]	И Володарь тотчас пошел от Витебска на уход. Когда же разсветало, увидели Давид и Всеслав, что Володарь, пометав тягости, бежал, послали за ним в погоню, но догнать полков не могли, токмо по лесам блудячих много побрали. И по сем, уведав, что Володарь бежал мимо Полоцка, поехал Всеслав паки в Полоцк.[146]

Из сравнения видно, что Ломоносов не мог здесь ссылаться на 2-ю редакцию, в которую Татищевым уже было внесено исправление и имя Святослав заменено на Всеслав.

Под 1170 г. в летописи Нестора по Кенигсбергскому списку сообщено о смерти Мстислава Изяславича. К этому известию в «Библиотеке российской исторической» сделано примечание: «В прочихъ лѣтописяхъ, и въ собрании покойнаго Татищева о смерти Мстислава упоминается въ слѣдующемъ году».[147] Есть основание полагать, что и здесь Ломоносов пользовался 1-й редакцией «Истории российской». Хотя о смерти Мстислава Изяславича в обеих редакциях сообщено под 1171 г., но в «Библиотеке российской исторической» курсивом набрано уточнение, где умер

---

[141] Библиотека российская историческая, стр. 145.
[142] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 73.
[143] Библиотека российская историческая, стр. 242.
[144] Там же, стр. 243—244.
[145] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 270.
[146] Там же, т. III, стр. 81.
[147] Библиотека российская историческая, стр. 249.

и где похоронен князь: «въ Володимирѣ *Волынскомъ*». Это уточнение имеется только в 1-й редакции «Истории российской»: «Преставися августа 19 дня и положен бысть в Володимири (на Волыни) в церкви святыя Богородицы, юже сам созда».[148] Во 2-й редакции сообщено только, что Мстислав Изяславич «положен во Владимире в церкви святые Богородицы, которую сам создал».[149] Если бы Ломоносов воспользовался в данном случае 2-й редакцией, он отметил бы, что у Татищева не указано, что Мстислав умер во Владимире Волынском, ведь даже самые незначительные расхождения в датах, в числе войск внимательно оговорены в примечаниях к летописи Нестора по Кенигсбергскому списку.

1-я редакция «Истории российской» послужила материалом для дополнения летописи Нестора в том отрезке текста, где рассказывается, как новгородцы выслали в 1182 г. князя Владимира Святославича и великий князь Всеволод «да имъ свояка своего Ярослава Володимирича».[150] В 1-й редакции об этом событии сообщено в той форме, которая сохранена в издании «Библиотеки российской исторической»: «... новогородцы ... послаша просити князя ко Всеволоду. Он же пусти има свояка своего князя Ивана, реченного Ярослава Володимеровича, внука Мстиславля».[151] А во 2-й редакции «Истории российской» Татищевым использована форма современного языка: «Новогородцы ... ко Всеволоду послали знатных послов просить, чтоб им дал от себя князя. По которому Всеволод послал к ним свояка своего князя Иоанна Ярослава Владимировича, внука Мстиславля».[152]

1-й редакцией пользовался Ломоносов и при комментировании следующего отрывка летописи Нестора: «Давидъ Ростиславичь Вышегородский здумавъ со братьею своею, и приѣхавъ въ ночи противу свѣта къ Киеву, ятъ брата Андреева князя Всеволода Георгиевича и Ярополка Ростиславича и дружину ихъ».[153] В примечании к слову *Ростиславича* сказано: «У покойнаго Татищева находится *Мстиславича*».[154]

Т а т и щ е в. История российская

1-я редакция	*2-я редакция*
Давыд Ростиславич вышегородский здумав з братом своим Мстиславом и возложше надежду на господа бога, въехавши в ночи в Киев в день Похвалы богородицы и яша Всеволода Юрьевича, и Ярополка Мстиславича, внука Юрьева.[155]	И собрався Давид со Мстиславом, въехали незапно ночью в Киев в день Похвалы пресвятыя богородицы, иулиа 26, где Всеволода и Ярополка, також бояр Андреевых, Владислава Ляха, Михна и пр., взяв, посадили под крепкие стражи.[156]

По-видимому, 1-я редакция дала материал Ломоносову для комментария на стр. 273 к главе «Вспоможение половцев против болгар». К словам «ихъ (половцев, — *Г. М.*) приведе къ Великому городу» помещено следующее примечание: «В предызвѣщении покойнаго Татищева къ его собранию Российской истории назван он Боогардомъ, столицею серебряныхъ болгаръ; а слѣдующие Соби, Куля и Челмата окольными болгарскими городами».[157]

---

[148] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 279.
[149] Там же, т. III, стр. 95.
[150] Библиотека российская историческая, стр. 271.
[151] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 298.
[152] Там же, т. III, стр. 127.
[153] Библиотека российская историческая, стр. 252.
[154] Там же.
[155] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 282.
[156] Там же, т. III, стр. 100.
[157] Библиотека российская историческая, стр. 273.

В «Предызвещении» к 1-й редакции «Истории российской» Татищева в главе 26 «Болгары и хвалисы» сказано о том, что «болгар ... на их языке Боогард — Главный град, а у русских Великой город имянова».[158] Во 2-й редакции эти сведения содержатся в главе 25 О «болгарах и хвалисах, у древних аргипеи и исседони».[159] Уточнению редакции способствует перечисление «окольных болгарских градов»: во 2-й редакции это «кусяне, себи, члмата»,[160] в 1-й редакции — «Кусяне (или Куля), себи и челмата (или члмата)».[161] Именно эти написания 1-й редакции мы и встречаем в примечании к летописи Нестора: Соби, Куля, Челмата. Расхождение только в названии Соби—Себи (впрочем, так же и во 2-й редакции). Но это может быть объяснено и простой опиской: *о* и *е* очень близки по характеру написания.

О том, что писал Татищев о черных клобуках, берендеях и торках, вспомнил Ломоносов в примечании к стр. 296: «Черніи клобуцы, Берендѣи и Торки у Татищева за один народ почитаются».[162] Здесь использована глава 26 «Предызвещения» 2-й редакции «Истории российской», так как в соответствующей (25-й главе) 1-й редакции не упомянуты берендеи.[163] Глава 26 2-й редакции сообщает сведения, точно переданные в примечании: «Торки, иногда учтиво торопеи, яко же берендеи и чернии клобуки имянованы и выше показано, что с половцы единородны были».[164]

По характеру сообщаемых сведений в примечании к стр. 275 не удается определить, какая из редакций «Истории российской» здесь послужила источником сведений. Примечание следующее: «Въ собрании покойнаго Татищева поставлено въ скобкахъ Орелъ; а въ Никоновской лѣтописи вмѣсто Углъ написано Бугъ».[165] И в 1-й и во 2-й редакциях «Истории российской» сразу же после названия реки Углъ в скобках стоит *Орель* (но не *Орелъ*, как в «Библиотеке российской исторической»).

Невозможно также установить редакцию «Истории российской» Татищева по примечанию на стр. 287, которое отнесено к следующему отрезку текста: «Того же лѣта (1196 г., — *Г. М.*) жени Князь Великий Всеволодъ сына своего Константина у Мстислава Романовича».[166] В примечании сказано: «Въ собрании Татищева под 1175 годом оная супруга Константинова имянована Агафиею».[167] И в 1-й и во 2-й редакциях «Истории российской» Татищева под 1195 г., а не под 1175 г. (здесь, по-видимому, опечатка в «Библиотеке российской исторической») находится следующее известие: «Того же году (1195 г., — *Г. М.*) князь великий Всеволод Юрьевич жени старейшаго сына своего Константина на дочери князя Мстислава Романовича Агафии».[168]

Недостаточно ясно, какую именно редакцию имел в виду Ломоносов, когда в примечании к тексту, где сообщается о смерти невестки великого князя Евфросиньи и похоронах ее в Кидекшии, написал: «У Татищева в Переяславле, и упомянуто в 6709 году против лѣтописи Никоновской.[169] О погребении в Переяславле великой княгини Евфросиньи Борисовны сообщается в 1-й редакции: [170] во 2-й редакции сказано только о ее пре-

---

[158] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 71.
[159] Там же, т. I, стр. 268.
[160] Там же, т. III, стр. 129.
[161] Там же, т. IV, стр. 299.
[162] Библиотека российская историческая, стр. 296.
[163] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 73.
[164] Там же, т. I, стр. 274.
[165] Библиотека российская историческая, стр. 275.
[166] Там же, стр. 287.
[167] Там же.
[168] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 320; т. III, стр. 160.
[169] Библиотека российская историческая, стр. 296.
[170] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 327.

ставлении.[171] Но в обеих редакциях помечено 6710 (*1202 г.*), а в «Библиотеке российской исторической» утверждается, что Татищев упоминает об этом событии в 6709 (*1201 г.*). Может быть, эта дата была указана в недошедшей «первоначальной» редакции «Истории российской». В настоящее время точный ответ на этот вопрос дать нельзя.

Очень интересный случай использования одновременно 1-й и 2-й редакций «Истории российской» можно видеть в примечании к главе «Ослѣпление князей Мстислава и Ярополка и смерть Глѣбова». В тексте, набранном курсивом и представляющем вставку в летопись Нестора, сообщается о сражении владимирского князя Всеволода с рязанским князем Глебом, который выступал в союзе с половцами. В 1177 г. Всеволод одержал победу, и князь Глеб и его союзники ростовские князья-братья Мстислав и Ярополк оказались в плену. Владимирцы, ожесточенные многочисленными набегами рязанцев в союзе с половцами, которые разоряли и грабили их земли, потребовали ослепления пленных князей: «По малѣ же дни опять восташа людие и бояре и вси вельможи и до купецъ, и придоша на дворъ Княжъ многое множество со оружиемъ, рекуще: „Чего их додержати? хощем слѣпити". Князь же Всеволодъ зѣло печаленъ бысть, но не можаше удержати ихъ. Они же шедше разметаша порубъ, и емше Князя Мстислава Ростиславича и брата его Ярополка ослѣпиша, и пустиша ею изъ земли, а Глѣбъ ту умре. Ведомымъ же имъ и гниющимъ очамъ ихъ, пріидоша къ Смоленску, и внидоша въ церковь святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба на Смядынѣ, и ту прозрѣста Сентября 5 дня на убіеніе Глѣбово».[172] К словам «Князя Мстислава Ростиславича и брата его Ярополка ослѣпиша» сделано примечание: «Въ собрании Татищева объявляется, что Всеволодъ для успокоения народа велѣлъ имъ очи и лица намазать кровию, или какъ въ другомъ спискѣ объявляется, надрѣзать кожу сверьхъ очей, и что Глѣбъ въ заключении былъ 2 года».

Приведем варианты рассказа об ослеплении князя Мстислава Ростиславича и его брата Ярополка, содержащиеся в 1-й и 2-й редакциях «Истории российской» Татищева.

Следует сказать, что рассказ об ослеплении рязанских князей в Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи сохранился в дефектном виде. Набранный курсивом текст в «Библиотеке российской исторической» внесен сюда из Патриаршей (Никоновской) летописи. Рационалист и просветитель В. Н. Татищев попытался истолковать легенду о чудесном избавлении от слепоты рязанских князей. В обеих редакциях содержатся различные этапы объяснения этого эпизода, нашедшие выражение и в примечаниях, сопровождавших текст: [173]

Т а т и щ е в. История российская

1-я редакция	*2-я редакция*
И по мале времяни паки восташа людие, бояря и вси вельможи, и купцы приидоша на княж двор многое множество со оружием, рекуще: «Княже, чего сих злодеев додержати, убий або слепи». И печален бысть Всеволод вельми, не можаше ни сам, ни епископ я уладити, обещася Мстислава и Ярополка ослепити, на ня же наипаче вси яряхуся.	Востали все вельможи, бояре, купцы и подлость, собрався во многолюдстве, пришли ко двору княжему и просили, чтоб всех князей плененных побить или ослепить... Всеволод, видя, что никак их от намерения отвратить неудобно, обесчал им вскоре сыновцов ослепить и отпустить, а Глеба содержать в темнице, доколе требуемое исполнит. И тако едва могли на-

[171] Там же, т. III, стр. 168.

[172] Библиотека российская историческая, стр. 268.

[173] В примечаниях к 1-й и 2-й редакциям Татищев пишет, что «у образа исцеление получили потому, что ни в одном (летописце, — *Г. М.*) не написано, чтобы им очи выняли». См.: В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 451, прим. 375; т. III, стр. 250, прим. 522.

И вечеру бывшу повеле има намазати очи и лица кровию, показа народу, яко избодени очи ею, и везоша я на возе за град нощию со сторожею, и пустиша я на Русь.[174]

род успокоить. И того же дня пред вечером велел сыновцам своим сверх очей кожу надрезать и, довольно окровеня, объявил народу, что им глаза выколоты. И тотчас, посадя на телегу, за город велел проводить, доколе от народа безопасны будут.[175]

Сопоставляя рассказы об ослеплении рязанских князей, содержащиеся в 1-й и 2-й редакциях «Истории российской» Татищева, мы убеждаемся в том, насколько точно передано их содержание в издании «Библиотеки российской исторической». Обратим внимание и на то, что 2-я редакция «Истории российской» названа Ломоносовым «другим списком ... собрания Татищева».

2-я редакция «Истории российской» привлечена в издании летописи Нестора и при сообщении о женитьбе князя Давида Ольговича на дочери Давида Смоленского.[176] Из 1-й редакции ясно, что Татищев не знал еще, чьей дочерью была невеста: «... мню, дочь Давыда Ольговича Северского или Смоленского».[177] Во 2-й редакции он уже без колебаний написал: «Святослав, князь великий, женил внука своего Давида Ольговича на дочери Давида Смоленского».[178] Именно этот вариант и послужил основой для примечания.

Следует отметить, что в петровской копии Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи приведено значительно меньше примечаний, сделанных на материале «Истории российской» Татищева, чем в печатном издании летописи Нестора. Но есть случаи, когда примечание, находившееся в рукописи, не попало в печатное издание.

Обратимся к анализу тех примечаний, которые имеются и в рукописи и в публикации летописи Нестора.

Петровская копия

Примечание к словам *и прешедше Углъ реку*: «В Новгородской лѣтописи называется Босъ, а въ Сильвестровой Бугъ».

Примечание к словам *и берендѣевъ было съ ними 2100*: «У Сильвестра 2200, а у покойнаго Татищева 1500».[179]

Библиотека российская историческая

Примечание к словам *и прешедше Углъ реку*: «В собрании покойнаго Татищева поставлено въ скобкахъ Орелъ; а въ Никоновской лѣтописи вмѣсто Углъ написано Бугъ».

Примечание к словам *и берендѣевъ было съ ними 2100*: «Въ Никоновской 2200, а у Татищева 1500».[180]

В примечании первом в печатном тексте появилась ссылка на «собрание покойнаго Татищева», которой не было в примечании к рукописи. Следовательно, она появилась тогда, когда рукопись была уже переписана И. Барковым, т. е. после 1756 г. Исправление названия летописи с Сильвестровой на Никоновскую не могло принадлежать Ломоносову. В «Камерном каталоге» 1742 г. она описана под №№ 5—7: «Летописецъ Селивестра, игумена святаго Михаила, с продолжением разных писателей о начале православных великих князей российских, начинающийся от перваго великаго князя Российскаго Рюрика до царства Иоанна Васильевича по 7064 год».[181] Это описание совпадает с тем заголовком, который

---

[174] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 292.
[175] Там же, т. III, стр. 118—119.
[176] Библиотека российская историческая, стр. 285.
[177] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 313.
[178] Там же, т. III, стр. 150.
[179] БАН. 31.7.22, л. 284 об./289 об.
[180] Библиотека российская историческая, стр. 275.
[181] Российские печатные книги, находящиеся в Императорской библиотеке. СПб., 1742. Камера W, шкап 1, 2, 3, разделение III, стр. 67.

сохранился на внутренней обложке рукописи: «Лѣтописець Силивестра игумена монастыря святого Михаила».[182]

Никоновской летописью она названа А. Шлецером, который в предисловии к ее изданию сообщил об этом: «Сочинитель, или лучше сказать, собиратель сея книги неизвестен. Но как надобно было какое-нибудь имя, для наименования сего списка, и для отличения его от других весьма от него различествующих: то я назвал его Никоновым списком, единственно только по той причине, что он подписан внизу по листам ... известным оным патриархом Никоном».[183] На переплете рукописи название «Никоновская летопись» появилось уже под влиянием печатного издания, подготовленного А. Шлецером и С. Башиловым. Переплет был сделан не ранее 1783 г., так как бумага, которой оклеена внутренняя сторона переплета, и лист от переплета имеют водяной знак — буквы **КФ** и **ПХ**. Бумагу с таким водяным знаком стала выпускать Красносельская фабрика в 1783 г., когда владевший ею с 1782 г. кн. Потемкин-Таврический продал ее вдове Петра Хлебникова.[184]

Как будет показано далее, после смерти Ломоносова в 1765 г. к изданию Несторовой летописи был привлечен А. Шлецер, который в эти же годы готовил к печати летопись Сильвестра, названную им Никоновской. Он и произвел замену названий летописей, но не выдержал систему до конца, и в печатном издании Нестора сохранилось и первоначальное заглавие летописи — Сильвестрова. Оно встречается несколько раз: «...включенное здесь в скобках дополнено кратко из летописи Силевестровой и собрания господина Татищева»,[185] «...все включенное в скобках дополнено из летописей Новгородской и Силвестровой»,[186] «...в летописях Сильвестровой и Новгородской оное включено в 6688 году».[187]

Интересна судьба примечания, сделанного Ломоносовым на л. 268 об./273 об. Оно сделано к следующему тексту летописи: «...той же зимѣ оженись Ярополкъ Ростиславичь, князь володимирский, послав к Смоленску, и поя за ся Всеславлю дщерь, князя Витепскаго, и венчася съ нею въ Володимирѣ». К слову *Ростиславичь* сделана сноска, а внизу страницы под летописным текстом помещено примечание: «У покойнаго господина Татищева называется он Мстиславичем». Затем эта сноска зачеркнута. Уничтожено и примечание. В печатном тексте никакого примечания к слову *Ростиславича* нет. Как объяснить появление и уничтожение примечания? Ответ на этот вопрос дает сопоставление с рукописным текстом обеих редакций «Истории российской» Татищева.

Татищев. История российская

1-я редакция	*2-я редакция*
Тоя же зимы (1175 г., — *Г. М.*) оженися Ярополк Мстиславич, посла в Смоленск и поя княгиню себе Мстиславлю (Всеславлю) дщерь вытебского князя, и венчася с нею в Володимери.[188]	Того же (1175 г., — *Г. М.*) году Ярополк Ростиславич женился, взял Всеславлю дочь витебскаго и венчался во Владимере.[189]

[182] БАН. 17.2.5, л. 1.
[183] Руская летопись по Никонову списку, ч. 1, до 1094 года. СПб., 1767, стр. 4.
[184] М. В. Кукушкина. Филиграни на бумаге русских фабрик XVIII—начала XIX в. — В кн.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. II. М.—Л., 1958, стр. 336—337.
[185] Библиотека российская историческая, стр. 175.
[186] Там же, стр. 236.
[187] Там же, стр. 270.
[188] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 287.
[189] Там же, т. III, стр. 109.

Таким образом, ясно, что примечание к слову *Ростиславичь* было сделано Ломоносовым на основании 1-й редакции, где Ярополк имеет отчество *Мстиславич*. При сверке со 2-й редакцией, в которую Татищев внес исправление, отпала необходимость помещать это примечание, поэтому оно вычеркнуто.

В рукописи петровской копии Кенигсбергской летописи имеется ссылка на сочинение Татищева, которая не вошла в печатное издание по случайной причине. На л. 275/280 есть примечание к следующему тексту: «Мстиславу же прибѣгшю къ Новугороду и рекоша ему Новгородци: „Ударилъ еси пятою в Новъгородъ шелъ еси на стрыя своего Михалка, повабленъ ростовци, даже Михалка богъ поялъ, а со братомъ его Всеволодомъ богъ разсудилъ тя. Чему к нам идеши". И не прияша его». В рукописи к словам «на стрыя своего Михалка» сделано примечание, помещенное на верхнем поле: «У покойнаго Татищева Всеволода». При сопоставлении этого текста с обеими редакциями «Истории российской» Татищева видно, что здесь принята во внимание 1-я редакция, так как во 2-й редакции имя «стрыя» совсем не упоминается.

Татищев. История российская

1-я редакция	*2-я редакция*
Новогородцы не прияша его, реша: «Ударил еси пятою в Новгород, шел на стрыя своего, Всеволода, повабленъ, ростовцы и разсудил тя бог со стрыем. Чему к нам идеши?».[190]	Но новогородцы не приняли его, сказав: «Ты обругал Новград, уехал без объявления на стрыя твоего, прельстяся зову ростовцов, но бог стрыя твоего оправдал и тебе сюда идти непристойно».[191]

В печатном тексте Кенигсбергской летописи к словам «на стрыя своего на Михалка» сделан знак примечания,[192] но внизу примечания нет. Очевидно, при переписке рукописи И. Барковым в 1756 г. это примечание, помещенное в отличие от других не на нижнем, а на верхнем поле, было не замечено и механически выпало.

Но не только ссылки на «собрание покойнаго Татищева» раскрывают творческую связь русских историков. Еще яснее она видна в самом подходе к работе над летописью, в понимании ее характера Татищевым и Ломоносовым.

Приведем примеры того, как Ломоносов, подобно Татищеву, исключил из летописи отрезки текста под 1015 г., где рассказывается об убийстве Бориса и Глеба по приказу Святополка. Набранный курсивом текст в рукописи обведен карандашом и зачеркнут:

Петровская копия	*Татищев. История российская*	*Библиотека российская историческая*
	1-я редакция[193]	
Онъ же (Святополк, — *Г. М.*) рече имъ не поведаючи никому же шедше убийте брата моего Бориса. Они же вскоре обещася ему сотворити. *О таковыхъ о сяковыхъ бо Соломон рече: скори суть прольяти*	Он же (Святополк, — *Г. М.*) рече им: «Не поведаючи никому, шедше убийте брата моего Бориса. Они же вскоре обещашася ему сотворити. Послании же приидоша нощию на Ольту. И подступиша	Онъ же (Святополк, — *Г. М.*) рече имъ: «Не повѣдаючи никому же шедше убийте брата моего Бориса». Они же вскорѣ обѣщашась ему сотворити. Послании же приидоша нощию на Олтъ, и подступиша бли-

[190] Там же, т. IV, стр. 291.
[191] Там же, т. III, стр. 116.
[192] Библиотека российская историческая, стр. 265.
[193] 2-я редакция точно соответствует 1-й.

кровь бес правды, собирають собѣ злая, тии бо обещают крови сихь путие суть скончевающе безаконие нечестивымъ бо свою душу емлютъ. Послании же приидоша на Олтъ и подступиша ближи и слыша блаженнаго Бориса, поюще заутреню.[194]	ближе, и слышав блаженного Бориса поюще заутреню.[195]	же, и слышавъ блаженнаго Бориса поюща заутреню.[196]

Татищев и Ломоносов считали, что поздние «списыватели», большей частью монахи, включили в летописный текст рассказы, не принадлежащие «к светской» истории.

В «Предызвещении» к «Истории российской» Татищев писал, что он составлял свой труд «тем порядком и наречием, каковы в древних находятся, собирая из всех полнейшее и обстоятельнейшее в порядок лет, как они написали, ни переменяя, ни убавливая из них ничего, кроме не надлежащаго к светской летописи, яко жития святых, чудеса, явления и пр., которые в книгах церковных обильнее находятся».[197]

В «Древней российской истории» Ломоносов совершенно исключил знамения, описание чудес. Так же он поступил и в работе над летописью Нестора, которая явилась основой его исторического повествования. Исключение из летописи отрезков текста было сделано Ломоносовым самостоятельно, но с учетом правки Татищева.

В рассказе о смерти Бориса из рукописи также изъят отрезок текста, набранный курсивом:

Петровская копия	*Татищев. История российская*	*Библиотека российская историческая*
	1-я редакция	
И тако скончася блаженный Борисъ венецъ приимъ от Христа бога с праведными. *И причтесь съ пророкы и апостолы, и со мученическими лики водворяя Аврааму на лонѣ почивая, видя неизреченную радость, вспевая съ ангелы, веселяся с лики святыхъ.* И положиша тело его, привезше отай к Вышегороду у церкви святаго Василия.[198]	И тако скончася блаженный Борис, венец прием, месяца июлиа 24 дня. Тело же его привезше отаи к Вышегороду и положиша у церкви святаго Василиа.[199]	И тако скончась блаженный Борисъ, вѣнецъ приимъ отъ Христа бога съ праведными. И положиша тѣло его, привезше отай къ Вышегороду, въ церькви святаго Василья.[200]

Приведем пример того, как Ломоносов сократил текст летописи иначе, чем Татищев. В приведенном отрывке характеризуется деятельность Ярослава I.

---

[194] БАН. 31.7.22, л. 92 об./97 об.
[195] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 143.
[196] Библиотека российская историческая, стр. 94.
[197] В. Н. Татищев. История российская, т. I, стр. 91. (Разрядка наша, — *Г. М.*).
[198] БАН. 31.7.22, л. 93/98—93 об./98 об.
[199] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 143.
[200] Библиотека российская историческая, стр. 95.

Петровская копия

И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы и попы любяше повелику, излиха же черноризци, и книгам прилежа и почитая часто в нощи и во днн, и собра писци многы, и прелогаше отъ грекъ на славенское писмя, и списаша книгы многы, *ими же поучаще вернии людие наслаждаются учения божественного, яко се некто землю разорить, другии же насеют а инии пожнуть и ядять пищу неоскудну, тако и сей отецъ бо его Володимиръ землю разоря и умягчи рекше крещением просветивъ. Сей же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людьи, а мы пожинаемъ учение приемлюще книжное. Велика бываеть полза от учения книжнаго: книгами бо кажеми и учими есми пути покоянию и мудрость бо обретаемъ, и въздержание от словесъ книжныхъ: се бо реки, напояюще вселенную, се бо суть исходище милости, книгами бо есть неисточна глубина, сими бо в печали утѣшаеми есми, сии суть узда воздержанию мудрость бо велика есть...* Ярослав же сей якоже рекохомъ любимъ бѣ книгамъ и многы исписавъ и украсивъ златомъ и сребромъ, и сосуды церковными, *в ней же обычная пѣсни богу воздают в годы обычныя* и иные церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ. И поставляя попы и дая имъ отъ имѣния своего урокъ, *веля имъ учити людье, понеже темъ есть порученъ богомъ и приходить часто ко церквамъ, и умножишася презвитери, и людие христьянстии,* и радовашеся Ярославъ, видя многи церкви и люди христьяны зело, *а врагъ сѣтовашеся побежаемь новыми людми христьянскими.*[201]

Татищев. История российская

1-я редакция

И бе Ярослав любя церковныя уставы, и попы любяше повелику, паче же черноризцы, и книгам прилежа и почитая часто во дни и в нощи; и собра писцы многи и прелагаше от греческа на славенское письмо, и списаше книги многи, ими же поучашеся вернии людие наслаждаютца учения божественнаго.

Сей, яко же рекохом, любив книги и многи исписав, положив во святей Софии, юже созда сам, и украсн ю златом и сребром и сосуды церковными, в ней же обычная песни богу воздают во времяна обычныя. И иныя церкви ставляше по градом и по местом, и поставляя попы, и дая им от имения своего урок, веля им учити людей закону божию и для того приходить часто ко церквам. И умножишася презвитери, и людие христианстии радовашеся.[202]

Библиотека российская историческая

И бѣ Ярославъ любя церьковные уставы, и попы любяше по велику, изъ лиха же черноризцы, и книгамъ прилѣжа и почитая часто въ нощи и во дни; и собра писцы многи,... и списаша книги многи, ими же поучахуся вѣрнии людие.

И положи въ святѣй Софии, юже созда самъ, и украси ю златомъ и сребромъ, и сосуды церьковными, и иныя церькви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, и поставляше попы, и даяше имъ отъ имѣния своего урокъ, и радовашесь Ярославъ, видя многи церькви и люди хрестьяны зело.[203]

---

[201] БАН. 31.7.22, л. 108/113—108 об./113 об. (Текст, набранный курсивом, не вошел в печатное издание летописи, — *Г. М.*).

[202] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 148.

[203] Библиотека российская историческая, стр. 106.

Интересен пример отрывка из текста летописи под 1091 г. с описанием небесных явлений, по-разному переданный Ломоносовым и Татищевым:

Петровская копия	*Татищев. История российская*		*Библиотека российская историческая*
	1-я редакция	*2-я редакция*	
Се ж лѣто знамение в солнци яко погибнути ему и мало ся его оста аки месяц бысть в 2 час дни месяца маия 21. *Се ж лѣто Всеволоду ловы дѣющю звериные за Вышегородомъ заметавше тенята и кличаном кликнувшим спаде змий превеликъ от небеси и ужасошась людье.* В се же время и земля стукну яко мнози слышаша.[204]	Се же лето знамение бысть в солнцы, аки погибнути ему, и мало ся его оста, аки луна бысть во 2 час дни месяца маия 21-го. Се же лето Всеволоду ловы деющу звериныя за Вышегородом, заметавше тенета и кличаном кликнувшим, спаде змий превелик от небеси, и ужасошася людие. В се же время бысть земли трясение и земля стукну, яко мнози слышаша.[205]	Маиа 21 было затмение солнца, во 2-м часу дни начало потемняться и осталось его яко луна. Того же году Всеволод, великий князь, выехал для ловли зверей за Вышеград. И когда охотники, заметав тенета, кличане закричали, спал с неба змий великий (304), что люди видев, пришли во ужас. Тогда же было землетрясение и стук в земли слышан был.[206]	Въ се же лѣто бысть знаменіе въ солнцѣ, яко погибнути ему, и мало ся его оста, аки мѣсяцъ, во второмъ часу дни мѣсяца Маія двадцать перваго дня: въ се же время и земля стукну, яко мнози слышаша.[207]

Ломоносов, как мы видим, исключил из текста летописи сообщение о падении змея во время охоты Всеволода. Сведения же об астрономических и природных явлениях (затмении солнца и землетрясении) оставлены без изменений, на полях против этих мест стоят NB. Татищев сохранил в обеих редакциях полностью текст летописи, но ко 2-й редакции сделал примечание: «304. Змий с неба спал. Сие есть басня, вымышленная для удержания государей от охоты псовой, как то Никон в возражение царю Алексею Михайловичу говорил. И Симеон Полоцкий в поучении сию басню в пример приводили».[208]

Таким образом, Ломоносов даже более последовательно, чем Татищев, изъял места, не принадлежащие «к светской летописи». Эти отрывки текста в петровской копии Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи были обведены карандашом: они не получили отражения в «Древней российской истории» Ломоносова, равно как не вошли они и в печатное издание Несторовой летописи.

В качестве примера приведем 8-ю главу «Древней российской истории» Ломоносова, основанную на летописи Нестора. В главе, названной «О рассмотрѣнии вѣръ и о крещении Владимировѣ», рассказывается, как к Владимиру обращались представители различных вероисповеданий и излагали ему сущность своих религиозных догматов. В летописи эти «речи» идут от первого лица. В «Древней российской истории» они переданы курсивом в отличие от авторского текста, набранного прямым шрифтом. 8-я глава заканчивается обширной речью Философа, который окончательно убеждает Владимира принять греческое вероисповедание. Далее помещена речь русских послов, посланных Владимиром в разные страны для «рассмотрения вер», и описан (от лица автора) обряд крещения

[204] БАН. 31.7.22, л. 151 об./156 об. (Текст, набранный курсивом, не вошел в печатное издание летописи, — *Г. М.*).
[205] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 161.
[206] Там же, т. II, стр. 97.
[207] Библиотека российская историческая, стр. 132.
[208] В. Н. Татищев. История российская, т. II, стр. 250.

в полном соответствии с летописью. Глава заканчивается сообщением о том, что Владимир «принял поучение и укрѣпление въ вѣрѣ отъ святителя и отъ всехъ радостное поздравление».[209] В летописи же, на которой основывается Ломоносов, после описания крещения помещена обширная речь корсунского епископа Якова (крестившего Владимира), в которой подробно излагается символ христианской веры.[210] И в 1-й и во 2-й редакциях «Истории российской» Татищева речь епископа Якова помещена в сокращении.[211] Ломоносов же совершенно изымает этот отрывок как в «Древней российской истории», так и в издании летописи Нестора.

Большой отрезок текста изъят из летописи в том месте, где рассказывается об убийстве Святополком Бориса и Глеба.[212] Исключены также рассуждения о благочестивых поступках Владимира Мономаха,[213] Андрея Боголюбского.[214] Устранены рассказы о чудесах, например под 1169 г. исключен рассказ о помощи «креста честнаго» во время похода половцев на Киев,[215] о знамении в Новгороде (плаче трех икон Богородицы).[216] Тщательно вычеркивает Ломоносов сопровождающие размышления летописцев, где историческое событие объясняется вмешательством бога, а также рассказы о казнях, постигающих людей в наказание «за грехи и неправды» со ссылками на «пророков».

Татищеву следует Ломоносов и в манере раскрытия устаревших и непонятных слов. В «Предызвещении» к 1-й редакции «Истории российской» Татищев писал о том, что считал необходимым «нуждное для выразумения слово положить, и то отличил вместительною».[217] «Отличие» заключалось в том, что рядом со словом, которое требовало объяснений, помещался его синоним. Слово-синоним было заключено в круглые скобки, что отделяло его от летописного текста. В 1-й редакции «Истории российской», которая была написана, по словам Татищева, «тем порядком и наречием, каковы в древних находятся»,[218] слов, «нуждных для выразумения», было значительно больше, чем во 2-й редакции, которая явилась переложением 1-й редакции «в настоясчее наречие».[219] Во 2-й редакции слово-синоним уже включалось в основной текст вместо древнерусского слова. Приведем некоторые примеры.

Татищев. История российская

1-я редакция	*2-я редакция*
Царь же Леон почти послы руския дарми, златом и поволоками (парчами) и фофудиями (одеждами) и приставии им мужи своя показати им церковную красоту.[220]	Царь же Леон, почтив послы руския дарами, златом, парчами и одеждами и приставя к ним мужи своя, повелев показать им церковиую красоту.[221]
Олег же разсмеяся и укори кудесника (ворожею), рекий: «То ти неправо глаголют волсви, то вся ложь есть, конь умерл есть, а яз жив».[222]	Олег же, разсмеявся, укорил ворожею, глаголя тако: «Неправо глаголют волхви, и се ложь есть, конь умерл, а я жив».[223]

[209] Древняя российская история..., стр. 118.
[210] БАН. 31.7.22, лл. 78/83—80/85.
[211] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 136—137; т. II, стр. 62.
[212] БАН. 31.7.22, лл. 96/101—97 об./102 об.
[213] Там же, л. 194/199.
[214] Там же, лл. 247 об./252 об., 262 об./267 об.—263/268.
[215] Там же, л. 256 об./261 об.
[216] Там же, л. 257 об./262 об.
[217] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 39.
[218] Там же, т. I, стр. 91.
[219] Там же.
[220] Там же, т. IV, стр. 118.
[221] Там же, т. II, стр. 39.
[222] Там же, т. IV, стр. 118.
[223] Там же, т. II, стр. 39.

Ломоносов широко и творчески использовал приемы работы над летописью, примененные Татищевым. Объяснение непонятных и устаревших к середине XVIII в. слов с помощью синонимов, помещенных рядом в круглых скобках, нашло свое выражение в работе Ломоносова над летописью Нестора. При передаче содержания летописного текста в «Древней российской истории» использовались смысловые соответствия, которые в тексте летописи были заключены в скобки.

В ряде случаев Ломоносов находил новые синонимические параллели, чаще его понимание совпадало с пониманием текста Татищевым. Приведем некоторые примеры обоих случаев.

Петровская копия	*Библиотека российская историческая*	*Древняя российская история*	*Татищев. 1-я редакция*	*История российская 2-я редакция*
И повелѣ коемуждо голуби и к воробьеви привязывати цѣрь и обертываючи в платки малы ниткою перевязываючи коемуждо их повелѣ Олга.[224]	Ольга ... повелѣ къ коемуждо голубю и къ воробьеви привязывати цѣрь (фитиль) и обертывати въ платки малы, ниткою перевязывати.[225]	... повелѣла Ольга привязать по фитилю каждой (птице, — *Г. М.*) и къ вечеру отпустить на волю.[226]	Ольга ... повеле коемуждо голуби и воробьеви привязати церь (трут) и обертываючи в платки малы, ниткою перевязываючи коемуждо их.[227]	Ольга ... повелела каждому голубю и воробью серу горючюю и трут привезать.[228]
Ярослав же не утягну исполчитись и побѣди Ярослава Болеславъ.[229]	Ярославъ же не утягну (не успѣлъ) исполчитись, и побѣди Ярослава Болеславъ.[230]	Устремились за нимъ (Болеславом, — *Г. М.*) польские полки и на Россиянъ не успѣвших вооружиться съ яростию напали. Ярославъ побѣжденный побѣгъ къ Новуграду.[231]	Ярослав же не успе ополчитися. И победи Ярослава Болеслав.[232]	... а Ярослав, надеяся на пересылки, не имел приготовления к бою и войска устроить не успел, чрез что побежден был от Болеслава.[233]
Они же вземше оружие и поидоша нань и розняша дворъ около ею.[234]	А сии вземше оружие, поидоша нань, и разняша (разметаша) дворъ около ею.[235]	Въ великой ярости многобожный народъ устремясь, разметалъ ограду.[236]	Людие же, вземше оружие, поидоша на нь и разметаша двор около ею.[237]	Народ, жрецами поосчряеми, взяв оружие, пошли к нему и, розметав двор, оступили кола храмины.[238]

1-я редакция «Истории российской», написанная на «древнем наречии» и потому нуждавшаяся в объяснении ряда слов, дала возможность Ломоносову использовать уже накопленный Татищевым опыт в осмыслении текста. Так, очевидно, историческому труду Татищева обязан Ломоносов толкованием следующих слов и отдельных выражений:

Татищев. История российская 1-я редакция	*Библиотека российская историческая*
Се навье (мертвец) пришел.[239]	Се навье (мертвецъ) пришел.[240]
... приидоша пруси (саранча) на Рускую землю.[241]	... приидоша пруси (саранча) на Рускую землю.[242]

[224] БАН. 31.7.22, л. 38/43.
[225] Библиотека российская историческая, стр. 51.
[226] Древняя российская история..., стр. 78.
[227] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 125.
[228] Там же, т. II, стр. 46.
[229] БАН. 31.7.22, л. 99 об./104 об.
[230] Библиотека российская историческая, стр. 99.
[231] Древняя российская история..., стр. 133.
[232] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 145.
[233] Там же, т. II, стр. 74.
[234] БАН. 31.7.22, л. 58/63.
[235] Библиотека российская историческая, стр. 72.
[236] Древняя российская история..., стр. 101.
[237] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 133.
[238] Там же, т. II, стр. 57.
[239] Там же, т. IV, стр. 160.
[240] Библиотека российская историческая, стр. 130.
[241] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 164.
[242] Библиотека российская историческая, стр. 139.

...на вороп (на розорение) пустиша межи Киев и Вышегород.[243]	И пустиша на во́ропъ (на раззорение) межи Киевъ и Вышьгородъ.[244]
...на Давыда соколотника (смутника) поиди ты, Святополче.[245]	Яко бѣ Давидова сколота (смута); то иди ты, Святополче, на Давида.[246]
Поиди с нами к Берестью, яко се вабит ны Святополк; идем на съем (съезд) и ту умирим тя со Святополком.[247]	Поиди съ нами къ Берестью, яко се вабитъ (зоветъ) ны Святополкъ на съемъ (на съездъ), и ту умиримъ тя со Святополкомъ.[248]
Хочем погубити смерды и ролю (пашню) им отъяти.[249]	Хочемъ погубити смерды и ролю (пашню) имъ отъяти.[250]
Изяслав же перестряпал (умедли) два дни у Логожска.[251]	Изяславъ же перестряпавъ (умедли) два дни у Логожска.[252]
...и изыма заживники (фуражиры) королевские.[253]	...и изыма зажитники (фуражиры) королевы.[254]

Опираясь на введенную Татищевым систему пояснительных слов, помещенных рядом в скобках, Ломоносов разработал ее далее. Как справедливо пишет И. З. Серман, «у Ломоносова был особый интерес к синонимам. Его подготовительные материалы к „Российской грамматике" и к другим (неосуществленным) филологическим исследованиям содержат много синонимических наблюдений».[255] Работа над летописью Нестора потребовала от Ломоносова больших знаний в области синонимики, причем в данном случае не стилистической (эмоционально-поэтической), а главным образом семантической: славянизм—руссизм. Так в издании летописи Нестора объяснены следующие слова: *подобна* (достойна),[256] *уй* (дядя — 61), *напрасное* (незапное — 81), *отень* (отцовской — 65), *гробля* (ровъ — 66), *товары* (станъ — 85), *нарубати* (собирати — 84), *усние* (кожу — 86), *отъ скотницъ* (изъ казны — 88), *пристоити ко́ла* (телѣги — 88), *отвергше вѣры* (отмѣнивъ обѣщание — 90), *собравъ избытокъ* (оставшихся — 97), *корзня* (скорами — 96), *днешний* (внутренний — 125), *ураниве* (ускорившe — 125), *тиуни* (судьи — 134), *прешедъ жаръ* (выдержавъ первое нападение — 150), *въ камору* (въ горницу — 153), *упрѣвъ* (обличивъ — 156), *ци снѣмы* (съѣдимъ ли — 280), *ятровь* (невѣстку — 281), *на сумежьи* (на рубежи — 282).

Единственный раз Ломоносов не смог найти синоним к слову *овчюхъ*, встретившемуся ему в рассказе об ослеплении Василька Теребовьского: «Приступи Торчинъ, именем Беренди, овчюхъ Святополчь, хотя выверѣти око ножемъ, и грѣшивъ ока, пререза ему лице».[257] К слову *овчюхъ* Ломоносов сделал следующее примечание: «Во всѣх Российскихъ лѣтописяхъ слово овчюхъ находится; а что оное значитъ, неизвѣстно».[258] Татищев понимал слово *овчюхъ* как *евнух*. Поэтому в «Истории россий-

---

[243] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 163.
[244] Библиотека российская историческая, стр. 138.
[245] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 171.
[246] Библиотека российская историческая, стр. 158.
[247] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 172.
[248] Библиотека российская историческая, стр. 162.
[249] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 175.
[250] Библиотека российская историческая, стр. 168.
[251] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 186.
[252] Библиотека российская историческая, стр. 183—184.
[253] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 238.
[254] Библиотека российская историческая, стр. 222.
[255] И. З. Серман. Поэтический стиль Ломоносова. М.—Л., 1966, стр. 113.
[256] Библиотека российская историческая, стр. 52. При следующих примерах страницы указаны в скобках.
[257] Библиотека российская историческая, стр. 154—155.
[258] Там же, стр. 154.

ской» этот эпизод передан так: «Приступи торчин имянем Бердий, евнух Святополч, хотя вывертети око ножем; и греши ока, и пререза ему лице».[259] К слову *евнух* Татищев предпосылает примечание (оно полностью совпадает в 1-й и 2-й редакциях «Истории российской»): «Евнух слово греческое, знаменует спальник, немецкое каммергер; в нашей Библии не помню, где бы переведено, но везде греческое оставливано. Иногда же разумеют скопцов, как Матвей, гл. 19, ст. 12, и сие от того, что в древности, для множества жен, спальников или ближних в комнате служителей для безопасности имели скопцов, что может и в христианстве осталось или токмо имя одно употребляли».[260]

Ломоносов, как мы видели, не принял этого объяснения Татищева. Позднейшие исследователи определили значение этого слова. Так, И. И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка» дает следующее объяснение: «Овчухъ — ovium pastor, пастух овец, овчарь, скотник».[261] Д. С. Лихачев, как видно из его перевода «Повести временных лет», понимает слово *овчюх* как *овчарь*: «И подошел торчин, по имени Беренди, овчарь Святополков с ножом в руках...».[262]

В работе над летописью Нестора Ломоносов не только использовал опыт, накопленный Татищевым, но нашел новые решения задач, стоявших перед русской исторической наукой в 50—60-х гг. XVIII в. Ломоносов отделил задачи создания исторического труда от простой передачи текста источников. «Российская история» была итогом изучения летописей и исторических сочинений «писателей истории». Она написана от лица автора с ясно выраженным отношением к описываемым событиям и к показаниям источников, критика которых иногда включалась в сам текст повествования.

Совсем иные задачи стояли при публикации исторического источника — древней русской летописи, текст которой сохранился в позднем списке, отдаленном от времени ее создания сотнями лет. По отношению к летописи Нестора по Кенигсбергскому списку было хорошо известно, что в Библиотеке Петербургской Академии наук хранилась ее копия, переписанная по повелению Петра I. Ошибки могли вкрасться и при последней ее переписке (на это указывал и Татищев). В этом случае можно было при известных условиях добиться ее «прилежной считки» с оригиналом. Но каким образом осуществить проверку сведений «достоверного нашего летописателя» в тех частях, где очевидна порча или пропуски текста? Вот на этот вопрос Татищев и Ломоносов ответили поразному.

Несмотря на то что «История российская» Татищева изучалась уже многими поколениями исследователей,[263] до настоящего времени не установлены точно все списки летописей, которые он «сводил воедино» в своем труде. Неизвестны границы источников в соотнесении друг с другом, равно как неясны пределы включения авторского начала в текст источников.

Ломоносов провел скрупулезную работу над летописью Нестора, которая была отражена в подстрочных примечаниях, где оговорены конъектурные правки текста, реконструкции из других источников и соотношение летописных известий с историческим трудом непосредственного предшественника Ломоносова — Татищева. Так как последнее нами было

---

[259] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 169—170.
[260] Там же, стр. 428, прим. 233; т. II, стр. 112 и 254, прим. 325.
[261] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II СПб., 1895, стлб. 598.
[262] Повесть временных лет, ч. I. Текст и перевод. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950, стр. 375.
[263] С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, стр. 222—262.

рассмотрено в настоящей главе, остановимся на анализе реконструкции текста летописи Нестора по Кенигсбергскому списку по другим источникам. Приведем примеры различного типа вставок и пополнений текста, которые позволят нам сделать вывод о приемах работы Ломоносова над летописью Нестора.

Первая крупная вставка помещена в «Библиотеке российской исторической» на стр. 14—15. Большая часть рассказа о дани полян козарам восстановлена по другим летописям. К словам «здумавши же Поляне, и вдаша отъ дыма мечь» сделано следующее примечание: «Напечатанное здѣсь въ скобкахъ дополнено изъ другихъ списковъ Несторовой лѣтописи; ибо въ Кенигсбергскомъ на семъ мѣстѣ листа не достаетъ».[264] Далее помещен рассказ о том, как козары принесли и показали старикам дань полян — меч. Рассказ кончается параллелью с историей библейского царя Моисея. В петровской копии Кенигсбергской летописи начало рассказа о дани козарам помещено на л. 8/13—8 об./13 об. Конец рассказа, после которого идет вставка, переписан на верхней части л. 8 об./13 об., затем идут две миниатюры, на которых изображены сцена получения козарами дани и сцена крещения греческим царем Михаилом болгарского князя.

Текст вверху листа

И рекоша козаре: Плати намъ дань. Здумавши же поляне и вдаша от дыма мечь.[265]

Текст внизу листа

В лѣто 6367 (*860* г.) имаху дань варязи изъ заморія в чюди, на словеняхъ, на меряхъ и на всехъ кривичехъ, а козаре имаху на полехъ, и на сѣвере, и на вятичахъ имаху.[266]

Если обратиться к рассказу о полянской дани, сохранившемуся в других летописях, то можно выдвинуть аргументированное предположение, что для восстановления недостающей части текста летописи были привлечены два источника: Патриаршая (Никоновская) летопись и Сильвестрова (Никоновская) летопись. В Воскресенской летописи в рассказе о полянской дани много искажений, в Симеоновской летописи этого рассказа нет. Следовательно, из имевшихся в Библиотеке Петербургской Академии наук рукописей только две могли послужить источником для воссоздания рассказа при издании летописи Нестора. Сопоставление отрывков из двух летописей дает основание убедиться в этом.

Сильвестрова (Никоновская) летопись	*Патриаршая летопись*	*Библиотека российская историческая*
И несоша козари къ князю своему и старейшинамъ своимъ и рѣша имъ: Налезохомъ дань нову. Онѣмъ рѣша: откуду. Сии же рѣша: в лѣсе на горахъ надъ рекою Днепрьскою.	И несоша козари къ князю своему и къ старѣишинамъ своимъ и рѣша имъ: Налезохомъ дань нову онѣмъ рѣша: откуду. Сии же рѣша: в лѣсе на горахъ, над рекою Днѣпръскою.	И несоша Козари къ Князю своему и къ старѣйшинамъ своимъ, и рѣша имъ: Налезохомъ дань нову. Онѣжъ рѣша: откуду? Сіи же рѣша: въ лѣсѣхъ на горахъ надъ рѣкою Днѣпрскою.
Також и сии козари владѣша поляны, послежъ самѣмн козары начаша. Владѣют бо козары Русь и до нынешняго дни.[267]	Такоже и сии козари владеша поляны, послѣ же самѣми козары начаша владѣют бо козары Русь и до нынѣшняго дни.[268]	Тако и сіи Козари, владѣша Поляны; послѣжъ самѣми Козары (Поляне) обладоша; владѣетъ бо козары Русь и до нынѣшняго дни.[269]

[264] Библиотека российская исторнческая, стр. 14, прим. 1.
[265] БАН. 31.7.22, л. 8 об./13 об.
[266] Там же.
[267] БАН, 17.2.5, т. 1, лл. 16 об.—17.
[268] БАН. 32.14.8, л. 56 об.
[269] Библиотека российская историческая, стр. 14—15.

Но остается еще вопрос: откуда было известно Ломоносову, что «въ Кенигсбергскомъ на семъ мѣстѣ листа не достаетъ»? Ведь в петровской копии Кенигсбергской летописи этого не видно. Рассказ о полянской дани оканчивается смысловой точкой: «...здумавши же поляне и вдаша от дыма мечь». На первой миниатюре воспроизведен именно этот эпизод: полянин вручает козарину дань — «боюдоострый мечь». На второй миниатюре, помещенной сразу же после первой, запечатлено крещение, а внизу текст, не связанный с миниатюрой: о дани, взимаемой варягами. Таким образом, внимательное наблюдение над этим листом петровской копии Кенигсбергской летописи могло дать возможность предположить, что помимо рассказа о полянской дани здесь было еще сообщено о чьем-то крещении. Но откуда могло быть известно, что не хватало именно одного листа рукописи?

Очевидно, это примечание могло быть составлено не ранее того времени, когда в Петербурге была получена подлинная Кенигсбергская летопись XV в. В дальнейшем мы вернемся еще к разговору о времени прибытия в Петербург Кенигсбергской летописи. Сейчас отметим, что в подлинной Кенигсбергской летописи отсутствие листа заметить очень легко, обратив внимание на первоначальную[270] славянскую нумерацию листов, находящуюся в нижнем правом углу: а, в, г, д, є, ѕ, з, ѳ. Буква и (иже), обозначающая число 8, пропущена. Следовательно, пропавший лист был восьмым листом летописи. На девятом листе Кенигсбергской летописи в верхней уцелевшей его части, непосредственно над миниатюрой, изображающей крещение, сохранилось одно слово второй строки «креститися» и отрывок «же крести князя и» первой строки (если считать вверх от верхней миниатюры).

В петровской копии красными чернилами на полях в промежутке между двумя миниатюрами написано: «№. три строки въ оригиналѣ отодраны».[271] Из сохранившихся слов верхней строки прочтены два — «крести князя». Таким образом, результаты сверки с подлинной Кенигсбергской летописью отмечались в петровской копии красными чернилами. А в подлинной Кенигсбергской летописи уже на основании примечания на стр. 14—15 издания летописи Нестора отмечено на подклейке верхнего правого угла: «Не 8 лист, но 9 должно считать; потому что здесь перед сим недостает целаго листа. №. Зри Библиотеки Росс[ийской] исторической ч. I в СПб. 1767 стр. 14 и стр. 15».[272]

Выразительный пример, раскрывающий методику реконструкции текста Несторовой летописи, можно видеть на стр. 270—271 «Библиотеки российской исторической» при сопоставлении исследуемого отрывка с источниками, указанными в примечании. На л. 280/285 петровской копии Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи карандашом внизу написано примечание, попавшее в печатное издание в несколько измененном виде:

Петровская копия	*Библиотека российская историческая*
Въ лѣтописи Сильвестровой и Новгородской включено въ 6688-м году, а вмѣсто слѣдующаго 6690 начинается 89 год, почему видно, что счисление лет в Несторовомъ спискѣ неисправно.[273]	Въ лѣтописях Сильвестровой и Новгородской оное включено въ 6688 году, а вмѣсто слѣдующаго 6690 начинается 6689 годъ.[274]

[270] В настоящее время имеется новая нумерация листов, и бывший 9-й лист (ѳ) обозначен 8-м, см.: БАН. 34.5.30, л. 8.
[271] БАН. 31.7.22, л. 8 об./13 об.
[272] Там же, л. 280/285.
[273] Там же.
[274] Библиотека российская историческая, стр. 270—271, прим.

Амазоны. „Амазонянежъ мужа не имутъ, аки скотъ „безсловесный, но единою лѣтомъ къ вешнимъ „днемъ оземствени будутъ, и сочетаются со „окрестными; ибо мужи яко нѣкоторое имъ „торжество и велико празнество; время тѣмъ „мнятъ отъ нихъ заченшимъ въ утробѣ, и „паки разбѣгнутся отсюду вси. Во время же „хотящимъ родити, аще родится отроча, по„губятъ; аще ли дѣвическъ полъ, то воздо„ятъ и прилѣжно воспитаютъ. Якоже и при

Половцы. „насъ нынѣ Половцы законъ держатъ отецъ „своихъ, кровь проливати: и хвалящесь о семъ, „и ядуще мертвечину и всю нечистоту, хо„меки и сусолы, и поимаютъ мачехи своя и „ятрови, и ины обычаи отецъ своихъ творятъ. „Но мы Христїане, елико земель, иже вѣру„ютъ въ святую Троицу и въ едино крещенье, „въ едину вѣру, законъ имамы единъ, егда „елико во Христа крестихомся и во Христа „облекохомся„.

По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братьи сея,

Поляне дань даютъ Козарамъ. (*Поляне*) быша обидимы Деревляны и иными окольными, и наидоша я Козаре сѣдящая на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ, и рекоша Козаре: Платите намъ дань. Здумавши же Поляне, и вдаша отъ дыма мечь. (*) [И несоша Козари къ Князю

(*) Напечатанное здѣсь въ скобкахъ дополнено изъ другихъ списковъ Несторовой лѣтописи; ибо въ Кенигсбергскомъ на семъ мѣстѣ листа не достаетъ.

Летопись Несторова съ продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года. Библиотека российская историческая. Ч. I. СПб., 1767, стр. 14.

зю своему и къ старѣйшинамъ своимъ, и рѣша имъ: Налезохомъ дань нову. Онѣжъ рѣша: ошкуду? Сіи же рѣша: въ лѣсѣхъ на горахъ надъ рѣкою Днѣпрскою. Они же рѣша: Что суть дали? и показаша имъ мечь; и рѣша старци Козарстіи: Не добро Княже дань сія; мы ся доискахомъ оружія одиною страною остріемъ, рекше саблею; а сихъ оружіе обоюду остро есть, рекше мечь. Сіи бо имуть имати на насъ дань, и на иныхъ странахъ. Се же збысться все: не отъ своея бо воли рекоша, но отъ божія повелѣнія збысться се. И бысть якоже при Фараонѣ, Цари Египетскомъ, егда приведоша Моисея предъ Фараона, и рѣша Фараону старци Египетстіи: О царю! сей хощетъ смирити область Египетскую; яко и бысть: погибоша бо Египтяне отъ Моисея. Тако и сіи Козари, владѣша Поляны, послѣжъ самѣми Козары (*Поляне*) обладоша; владѣютъ бо Козары русь и до нынѣшняго дни.] от р. хр.

Въ лѣто 6366. Михаилъ Царь изыде съ вои своими брегомъ и моремъ на болгары; болгари же видѣвше, не могоша стати противу ему, и просиша креститися, и покорishася Грекомъ. Царь же Михаилъ крести Князя ихъ и боляры вся, и миръ сотвори съ болгары въ седьмое лѣто царства своего. 858. Крещеніе болгаръ.

Въ лѣто 6367 имаху дань Варязи изъ заморія въ Чуди, на Словенехъ, на Меряхъ, и на всѣхъ Кривичехъ; а Козаре имаху на Полѣхъ 859. Дань Варягамъ.

Летопись Несторова съ продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года. Библиотека российская историческая. Ч. I. СПб., 1767, стр. 15.

В печатном издании, как видим, нет указания на неисправность в «счислении лет в Несторовом спискѣ». Можно думать, что здесь оно снято потому, что в печатном издании летописи Нестора указания на пропуски и «перемешанный порядок лет» уже встречались несколько раз, начиная с примечания к летописной статье под 6619 (*1111 г.*) о походе русских князей на половцев. К анализу этой статьи обратимся позднее. Рассмотрим реконструкцию текста под 6690 (*1182 г.*) и 6691 (*1183 г.*), в которой раскрывается методика работы Ломоносова над летописью Нестора.

В петровской копии Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи (как и в подлинной Кенигсбергской летописи) после рассказа о приведении в Новгород Владимира Святославича и о военном столкновении между Ярополком, сидевшим в Торжке, и великим князем Всеволодом, взявшим Торжок, «а люди приведе Торжчане в Володимирь, и пусти их на Торжеск после»,[275] помещено известие о походе Всеволода на волжских болгар: «В лѣто 6692 (*1184 г.*) иде князь Всеволод на Болгары съ Изяславомъ Глѣбовичем сыновцемъ. . .».[276] Таким образом, в летописи перерыв почти в 2 года. Ломоносов заполняет его сведениями, почерпнутыми из других источников. К стр. 271 помещено следующее примечание: «Включенное въ скобкахъ дополнено изъ лѣтописи Новгородской и собрания господина Татищева, а Сильвестр упоминаетъ о семъ въ 6689 году».[277]

Библиотека российская историческая	*Новгородская летопись (Академический список)*	*Татищев. История российская*		*Сильвестрова (Никоновская) летопись*
		1-я редакция	*2-я редакция*	
Того же лѣта (*1182 г.*) Новгородцы выслаша отъ себе Володимира Святославича; онъ же иде ко отцу въ Русь въ Черниговъ, а Новгородцы послаша къ великому князю Всеволоду просити себѣ князя, и да имъ свояка своего Ярослава Володимирича.[278]	Тогда же (*1182 г.*) на зиму показаща путь Володимиру Святославичю и иде къ отцу в Русь, а новгородци послаша по князь къ Всеволоду и вдасть имъ свояка своего.[279]	6690 (*1182 г.*) Новогородцы, убоящася Всеволода, выслаша от себе Володимера князя Святославича, а послаша просити князя ко Всеволоду. Он же пусти има свояка своего князя Ивана, роченного Ярослава Володимеровича, внука Мстиславля.[280]	6690 (*1182 г.*) Новогородцы . . . выслали князя Владимира с честию, а ко Всеволоду послали знатных послов просить, чтоб им дал от себя князя. По которому Всеволод послал к ним свояка своего князя Иоанна Ярослава Владимировича, внука Мстиславля.[281]	Того же лѣта (*1181 г.*) новгородцы выслаша от себе из Новагорода князя своего Владимера Святославича. Он же иде ко отцу своему Святославу Всеволодичю въ Черниговъ Того же лѣта послаша Новгородцы к великому князю Всеволоду Юрьевичю в Володимерь, просяще себе у него князя. Он же даде имъ князя Ивана, нарицаемаго Ярослава Владимеровича своего свояка.[282]

В Новгородской летописи под 1182 г. очень кратко, в летописи Сильвестра под 1181 г. более подробно сообщен исторический факт: новгородцы выслали князя Владимира Святославича. Великий князь Всеволод послал в Новгород своего свояка. В летописи Сильвестра (Никоновской) названо его имя — Иван Ярослав Владимирович. Татищев, передавая этот эпизод в «Истории российской», включает уже в 1-ю редакцию короткое объяснение поступка новгородцев: они выслали Владимира Святославича, «убоящася Всеволода». Во 2-ю редакцию «Истории российской» Татищев включил указание о том, что «выслали князя Владимира с честию». Источники этих уточнений Татищева неизвестны. Вероятнее всего, это результат его размышлений над текстом.

Ломоносов отбирает из источников только те факты, которые имеют

---

[275] БАН. 31.7.22, л. 280 об./285 об.
[276] Там же, л. 281/286.
[277] Библиотека российская историческая, стр. 271.
[278] Там же.
[279] БАН. 17.8.36, л. 94.
[280] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 298.
[281] Там же, т. III, стр. 127.
[282] БАН. 17.2.5, т. I, лл. 224 об.—225.

как бы «сквозной проход»; он избегает субъективности, личностного начала. Итоги изучения летописей и размышлений над источниками изложены им в историческом труде — «Российской Истории».

Реконструкция текста 1183 г. проводится в основном уже не по Новгородской летописи (как в предшествующем отрезке), а по Сильвестровой (Никоновской) летописи и труду Татищева. В примечании сказано так: «Сей годъ внесенъ изъ лѣтописи Сильвестровой, съ дополнениемъ покойнаго Татищева, а о свержении Ярослава въ Новгородской лѣтописи написано въ 6692 году».[283] Ниже мы увидим, что́ Ломоносов заимствовал из Сильвестровой (Никоновской) летописи и что́ дополнил из «Истории российской» Татищева.

Библиотека российская историческая	*Сильвестрова (Никоновская) летопись*	*Татищев. История российская*	
		1-я редакция	*2-я редакция*
Въ лѣто 6691 (*1183 г.*) бысть тишина въ Рустѣй земли. Тогда великий князь Святославъ Всеволодичь Киевский жени два сына своя, за Глѣба поя дщерь Рюрика Ростиславича, а за Мстислава Ясыню изъ Володимира свѣсть (своячину) Всеволоду Георгиевичу. Того же лѣта Новгородцы выгнаша отъ себе князя своего Ярослава Володимировича; онъ же иде ко своюку своему князю Всеволоду Георгиевичу в Володимиръ. Новгородцы же послаша въ Смоленскъ ко князю Давиду Ростиславичу, просяще у него сына княжити у нихъ в Новѣгородѣ; онъ же даде имъ сына своего Князя Мстислава.[284]	В лѣто 6691 (*1183 г.*) новгородцы выгнаша отъ себе изъ Новагорода князя своего Ивана, глаголемаго Ярослава Владимеровича, свояка князя Всеволода Юрьевича Владимерского; он же иде ко свояку своему ко князю Всеволоду Юрьевичю в Володимерь.[285]	6691 (*1183 г.*). Бысть тишина в Рустей земли. Тогда великий князь Святослав Всеволодич киевский жени два сына своя, за Глеба поя дщерь Рюрика Ростиславича, а за Мстислава поя Ясыню из Володимиря, свесть (своячину) Всеволоду Юрьевичу; и бысть брак велик во многом веселии.[286]	6691 (*1183 г.*). По успокоении и примирении великих князей во всей Руской земли совершенная тишина учинилась, чего давно не было. Тогда Святослав, великий князь русский, женил двух сынов своих: за Глеба взял дочь Рюрика Ростиславича, а за Мстислава ясыню своячину, Всеволода Юрьевича меньшую сестру. И учинил браки сии с великим торжеством и веселием.[287]

Новгородская летопись (Академический список)
Въ лѣто 6692 (*1184 г.*). Того же лѣта приславъ выведе Всеволодъ свояка своего изъ Новагорода, а Ярослава Володимерич негодовахуть ему новогородци, зане много творяху пакости волости новгородстѣй и съдумавше новогородци послаша Смоленьску къ Давидови по сыне и вда имъ Мьстислава и ведоша и къ Новугороду и посадиша и на столѣ.[288]

Сильвестрова (Никоновская) летопись дала фактический материал для рассказа о судьбе Ярослава Владимировича, о посажении которого в Новгород говорится в предшествующем реконструированном тексте. Сообщение о тишине в Русской земле и о женитьбе сыновей Святослава Всеволодича целиком заимствовано из 1-й редакции «Истории российской» Татищева. Ломоносов исключил только эмоциональную характеристику свадьбы Мстислава и свояченицы Всеволода Юрьевича. Последнее объясняется, по-видимому, тем, что Ломоносов мог отметить, что источник этого сообщения Татищева не был ему известен.

В реконструируемом рассказе говорится о том, что новгородцы послали в Смоленск просить к себе сына Давида Ростиславича — Мстислава. Это известие основано на Новгородской летописи. В примечании к реконструкции Ломоносов оговаривает только, что в Новгородской летописи указан 1184 г. вместо 1183 г., под которым содержатся сведения об этих событиях в других летописях и в «собрании» Татищева. Ломоносов, как видим, точно указывает источники реконструируемого им текста летописи.

[283] Библиотека российская историческая, стр. 271.
[284] Там же, стр. 271—272.
[285] БАН. 17.2.5, л. 225.
[286] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 298.
[287] Там же, т. III, стр. 128.
[288] БАН. 17.8.36, л. 94—94 об.

Но встречаются и более сложные реконструкции, где сведения источников перемежаются как бы послойно. Аналогичный пример встречаем на стр. 175 издания летописи Нестора в «Библиотеке российской исторической», где вносятся исправления в текст на л. 190/195. Весь этот лист испещрен исправлениями. В верхних его строках рассказывается о «чудесах», происходивших у гроба Феодосия Печерского. Этот текст обведен карандашом и в печатное издание не вошел. Ниже помещается известная приписка игумена Сильвестра. В нее внесены некоторые исправления: перед словами «игумен святаго Михайла» карандашом добавлено *И азъ*, буква *с* в имени *Селиверстъ* переделана из маленькой на большую, заменены буква *и* на *ѣ* в слове *князѣ*, *е* на *ѣ* в слове *Володимирѣ*. Вся эта вставка перенесена в печатном издании летописи Нестора на стр. 178 и помещена под 1116 г. после известия о походе Ярополка Владимировича на «Половецкую землю к Дону».

Три строки над миниатюрой и три нижних строки под миниатюрой занимает интересующий нас рассказ об объединенном походе русских князей весною 1111 г. Часть этого рассказа зачеркнута, исправлена дата с 6620 (*1112 г.*) на 6619 (*1111 г.*). Внизу карандашом написан новый текст, которым заменены несколько зачеркнутых слов. Но в печатном виде этот отрывок претерпел еще некоторые изменения: добавлены имена князей — участников похода, кроме того, к именам уже названных князей приписаны отчества. В примечании к отрезку текста, повествующего о походе русских князей, в печатном издании летописи Нестора объяснены причины предпринятой реконструкции: «Въ счислении лѣтъ писатели в семъ мѣстѣ между собою несогласны, а для перемѣшаннаго порядку въ Нестеровомъ подлинникѣ и для пропусковъ, произшедшихъ какъ видно отъ неисправныхъ переписокъ, включенное здѣсь въ скобкахъ дополнено кратко изъ лѣтописи Силвестровой и собрания господина Татищева, какъ и слѣдующее въ скобкахъ же».[289]

Петровская копия		*Библиотека российская историческая*
До правки	*После правки*	
Лѣто 6620 (*1112 г.*) ідоша половци Святополкъ, Ярославъ Всеволодъ, Володимиръ, Святославъ, Ярополкъ, Мстиславъ, Давидъ Святославичь со сыномъ Ростиславомъ и Олгович Давидъ Игоревич и доидоша градъ осенъ вай сугрова и вземше веж половецкъ, а і бишась с половци на Салнѣ реце марта 24 и победиша половци руские князи.[290]	Въ лѣто 6619 (*1111 г.*) идоша *на* Половцы Святополкъ, Ярославъ, Всеволодъ, Володимиръ, Святославъ, Ярополкъ, Мстиславъ, Давидъ Святославичь со сыномъ Ростиславомъ, *Всеволодъ* Ольговичь и Давидъ Игоревичь и приидоша ко граду *Шаруканю*, и *выидоша из града людие поклонишася княземъ Рускимъ, и вынесоша рыбы и вино и медъ*, а и бишась с половци на Салнѣ реце марта 24 и победиша Половцы руские князи.[291]	Въ лѣто 6619 (*1111 г.*) идоша на Половцы Святополкъ Изяславичь, и Володимиръ Всеволодичь, и Давыдъ Святославичь со сыномъ Ростиславомъ, и Давыдъ Игоревичь, Всеволодъ Ольговичь, Святославъ, братъ его, Ярославъ Святославичь, Мстиславъ и Ярополкъ Володимиричи, и пріидоша ко граду Шаруканю, и выидоша людіе изъ града, и поклонишася княземъ Рускимъ, и вынесоша рыбы и вино. За утра же пришедше ко граду Сугрову зажгоша его, и Русь соступишася съ Половцы битися на потоцѣ Дегѣя Марта въ 24 день, и побѣдивше князи Рустіи Половцевъ воздаша хвалу богу въ той день.[292]

[289] Библиотека российская историческая, стр. 175.
[290] БАН. 31.7.22, л. 190/195—190 об./195 об.
[291] Там же. (Текст, набранный курсивом, в рукописи вписан карандашом рукою И. С. Баркова, — *Г. М.*).
[292] Библиотека российская историческая, стр. 175.

Что же дополнено из «лѣтописи Силвестровой» и что из «собрания господина Татищева»? Сопоставление с обоими источниками помогает ответить на этот вопрос.

Реконструкция, сделанная карандашом в рукописи петровской копии Кенигсбергской летописи, основывается на 1-й редакции «Истории российской» Татищева. Это наглядно видно из сравнения.

Петровская копия		*Сильвестрова (Никоновская) летопись*	*Татищев. История российская*
До правки	*После правки*		*1-я редакция*
...и доидоша градъ осенъ вай сугрова вземше веж половецкъ.[293]	...и приидоша ко граду Шаруканю, и выидоша изъ града людие поклонишася княземъ Рускимъ, и вынесоша рыбы и вино и медъ.[294]	...и приидоша ко граду Руканю, и выидоша людие из градца, и поклонишася княземъ рускимъ, и вынесоша рыбы и вино.[295]	..приидоша ко граду Шаруканю; и выидоша из града людие, поклонишася князем руским, несоша рыбы, вино и мед.[296]

Очевидно, что не Сильвестрова (Никоновская) летопись, а «собрание господина Татищева» послужило источником реконструкции текста Несторовой летописи, осуществленной карандашом на нижнем поле л. 190/195. Об этом свидетельствует и название города Шаруканя (а не Руканя, как в Сильвестровой (Никоновской) летописи), а более всего — перечисление даров, которые вынесли «людие»: рыбы, вино и мед. Мед назван только в единственном источнике — «Истории российской» Татищева и является, вероятнее всего, одним из тех добавлений, посредством которых историк предполагал сделать древний текст более доступным своим читателям. На основании Сильвестровой (Никоновской) летописи внесены поправки и дополнения в начале рассказа, где перечислены князья — участники похода. Сильвестрова же летопись дала материал и для окончания рассказа о походе: о сражении 24 марта «на потоце Дегѣя» и о победе русских над половцами. В «Истории российской» Татищева этот рассказ перемежается дополнительными сведениями о том, как русские «оболочилися во броня и полки разрядиша», как «перележавше нощь ту, заутра в среду приидоша к Сугрову», как жители этого города не захотели «чести князем учинити», и потому русские зажгли этот город. Всех этих мотивировок событий нет ни в одном из дошедших источников. Не использовал их и Ломоносов, ограничившийся заимствованием из «собрания господина Татищева» средней части рассказа о приходе русских «ко граду Шаруканю».

С точки зрения приемов реконструкции текста представляет интерес восстановленный по нескольким источникам рассказ о событиях 1162 г.: об изгнании Андреем Боголюбским братьев и «сыновцев» и о возникновении в Суздале леонтийской ереси.

В Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи под 6669 (*1161* г.) помещено известие о начале «подписывания церкви Златоверхой»,[297] затем сразу же назван 6672 (*1164* г.) и ниже помещен рассказ о возникновении леонтийской ереси. Этот рассказ обведен карандашом и перед ним стоит знак #. В печатном издании Несторовой летописи после известия о «под-

---

[293] БАН. 31.7.22, л. 190/195.
[294] Там же.
[295] БАН. 17.2.5, т. I, л. 127 об.
[296] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 178.
[297] БАН. 31.7.22, л. 251/256.

писывании» Златоверхой церкви сделана вставка, в которой под 1162 г. помещено известие об изгнании из Суздаля епископа Леона и о ссоре Андрея Боголюбского с братьями. В примечании к этой вставке сказано: «Все включенное въ скобкахъ дополнено изъ лѣтописей Новгородской и Силвестровой, и исправлено против собрания покойнаго Татищева».[298] По поводу исправления «против собрания покойнаго Татищева» нам уже приходилось говорить выше. Сейчас важно показать, что в основу реконструкции взята Сильвестрова (Никоновская) летопись, что ясно видно из сравнения этого отрывка опубликованной летописи с источником.

Библиотека российская историческая	*Татищев. История российская*		*Сильвестрова (Никоновская) летопись*	*Новгородская летопись (Академический список)*
	1-я редакция	*2-я редакция*		
Въ лѣто 6670 (*1162 г.*) выгна князь Андрей Епископа Леона изъ Суздаля, и братию свою Мстислава и Василька и Михалка Георгиевичевъ, и два Ростиславича, сыновца своя, и мужи отца своего передние.[299]	Князю ж Андрею быша навѣтницы, иже смутиша его со епископом Нестором, також и со братиею его Мстиславом, Михалком и Всеволодом . . . и два Ростиславича, сыновца своя, и прежиия мужи отца своего.[300]	Но вскоре клеветники смутили великаго князя с епископом Нестором, також со братиею его Мстиславом, Михалком и Всеволодом, которые по завету отцову имели свои грады к содержанию в Белой Руси. И оных Андрей изгнал от владений и преждних вельмож многих отца своего.[301]	Князь Андрей Юрьевичь таже прелщен бысть от домашнихъ своихъ злыхъ; и ненавидяху бо князя Андрея свои его суще домашнии, и лстивно и лукавно глаголаха к нему. И тако совраждоваше и соссориша его с братьею, со княземъ Мстиславомъ Юрьевичемъ и со княземъ Васильком Юрьевичемъ, и со княземъ Михалкомъ Юрьевичемъ, и с предними мужи отца его.[302]	Въ лѣто 6669 (*1161 г.*) урядися Ростиславъ съ Андрѣемъ о Новъгороде и выведоста Мьстислава Юрьева внука.[303]

О столкновении Андрея Боголюбского с «сыновцем» Ростиславом и с братом Мстиславом свидетельствует и Новгородская III летопись, которой также пользовался Ломоносов. Она принадлежала Роману Ларионовичу Воронцову. В этой Новгородской летописи сообщено: «Въ лѣто 6669 (*1161 г.*) Ростиславъ со княземъ Андрѣемъ прекословя о Новегороде и выведоста Мстислава Юрьева внука».[304]

Дальше в «Библиотеке российской исторической» помещен имеющийся в рукописи под 1164 г. рассказ о возникновении леонтийской ереси с обширным примечанием: «Въ Кенигсбергскомъ спискѣ Несторовой лѣтописи включено сие въ 6672-мъ году, въ Сильвестровомъ въ 6668-мъ, а въ Новгородской лѣтописи и въ собрании господина Татищева въ 6670-мъ. Изъ чего видно, что въ семъ мѣстѣ сверьхъ пропусковъ и порядокъ въ Несторѣ перемѣшан».[305]

Принципиально новым здесь было то, что реконструкция оговаривалась в примечаниях и аргументировалась. Но можно отметить и несколько случаев неразвернутой аргументации реконструкции. Примером может послужить примечание, помещенное к летописному известию 1189 г.: «Годы, включенные въ скобкахъ, дополнены сокращенно изъ другихъ лѣтописей».[306] Нам удалось установить эти источники и увидеть сами приемы «сокращения» реконструируемых материалов. В данном «сокращенном дополнении» основным источником для воссоздания событий

---

[298] Библиотека российская историческая, стр. 236.
[299] Там же, стр. 236—237.
[300] В. Н. Татищев. История российская, т. IV, стр. 261.
[301] Там же, т. III, стр. 77.
[302] БАН. 17.2.5, л. 192 об.
[303] БАН. 17.8.36, л. 86 об.
[304] БАН. 34.2.26, л. 185 об.
[305] Библиотека российская историческая, стр. 237.
[306] Там же, стр. 284.

1189 г. является Сильвестрова (Никоновская) летопись, некоторые местные новгородские сведения почерпнуты из Новгородской летописи (Академический список). Следует отметить, что «сокращению» подверглись, в первую очередь, комплементарные части Сильвестровой (Никоновской) летописи. Так, например, оставив без изменения текст, в котором сообщается об освящении каменной соборной церкви Успения богородицы, Ломоносов опустил известие о том, что произведено оно было «блаженнымъ епископомъ Лукою Ростовским». Выкинуто также описание пышных похорон ростовского епископа Луки, а сообщено только, что «того же лѣта (*1189 г.*) преставися Лука, епископ Ростовский».

В издании Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи 1767 г. встречается несколько примечаний, в которых не указаны конкретные источники, содержащие варианты к летописному тексту. Так, под 1109 г. к имени «Дмитръ Изворовичь» помещено следующее примечание: «Въ прочихъ лѣтописяхъ вмѣсто Изворовичь находится Игоревичь; но о Дмитріѣ Игоревичѣ болѣе нигдѣ не упоминается и по тому, почитая оное за ошибку, или князя Давида Игоревича или полководца разумѣть должно».[307] Под 1144 г. к словам «рѣка Бѣлка» примечание: «Въ прочихъ лѣтописяхъ называется Грезка».[308] К известию под 1154 г. к словам «Пойди къ Киеву, атъ насъ Татарове не возмутъ» примечание: «Въ прочихъ лѣтописяхъ Половцы».[309]

Таких неуточненных примечаний на протяжении всего издания Кенигсбергской летописи встречается только три. В остальных аргументируется необходимость реконструкции и указываются ее источники.

Единственное исключение представляет реконструкция известия о жестокой междоусобной войне князей Владислава, Святополка и Давида в 1097 г., продолжающего рассказ об ослеплении Василька Теребовльского.

На л. 178/183 петровской копии Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи имеется несколько карандашных поправок отдельных слов, вставка синонима «на съѣздъ» к слову «на снемъ», исправленного «на сѣмъ». Все это нашло полное отражение в издании Несторовой летописи в «Библиотеке российской исторической».[310] После слов «И рече Володиславъ Давидови: не послушаетъ мене Святополкъ, іди опять и пріиди к Володимиру» идет рассказ о походе Ярослава. Начинается он так: «Ярославъ же бежа на ляхи и прииде к Берестью, а Давидъ заемъ Сутѣску Червенъ...». Как в приведенной выше фразе, так и в этой карандашом внесены поправки: «опять» исправлено на «вспять», добавлено имя «Давидъ» в предложении «и пріиди Давидъ к Володимиру». Начиная со слов «Ярославъ же бежа на ляхи» и до конца листа текст обведен карандашом.

Между лл. 177 об./182 об. и 178/183 вложен листок размером в четвертку. На нем переписан чернилами текст вставки и примечания к этому листу: «№. стр. 178. А Святополкъ совѣтъ сотворивъ с Ляхи, пойде на Давида ко граду Володимиру, а Давидъ затворися въ градѣ. Святополкъ же оступи градъ и поча Давидъ молитися: Пусти мя изъ града; и обѣщась ему, и цѣловавше крестъ межи собою, изыде изъ града Володимира, и прииде в Червенъ...».

В примечании сказано следующее: «Включенное здесь въ скобкахъ внесено сокращенно изъ лѣтописи за рукою патриарха Никона для объяснения темного смысла и перемешаннаго въ семъ мѣстѣ порядку въ

---

[307] Там же, стр. 174.
[308] Там же, стр. 197.
[309] Там же, стр. 230.
[310] Там же, стр. 162.

подлинникѣ».[311] Характер примечания совпадает с примечаниями, уже приведенными нами выше. Даже выражение летопись «за рукою патриарха Никона» встречается дважды: на стр. 177 «Библиотеки российской исторической», где помещено примечание к слову «ирничи»: «Можетъ быть ивеверицы, то есть шкурки бѣльи, для того что въ Сильверствомъ спискѣ, находящемся въ Императорской библиотекѣ за рукою патриарха Никона, въ 6368 мъ году упомянуты бѣльи ивеверицы, которыми Варяги со Славенъ дань брали»,[312] и на стр. 225: «Въ лѣтописи Сильвестровой за рукою Патриарха Никона находится *къ Деслу*».[313] Из Сильвестровой (Никоновской) летописи текст заимствуется «сокращенно», как и сказано в примечании. Так, пропущен эпизод, характеризующий отношение «ляхов» к Святополку, который надеялся получить от них помощь, а они, «солгаша ему, емлюще злато у Давыда и у Святополка».[314]

Приведем этот пример.

Сильвестрова (Никоновская) летопись

А Святополкъ совѣтъ сотвори с Ляхи, поиде к *Пинску,ославъ по вои, и прииде к Дорогобужу, и дожда ту вои своихъ и поиде* на Давыда ко граду Володимерю, а Давыдъ затворися во граде, *чая в Лясехъ помощи, бѣша бо ему рекли, яко аще придутъ на тя руския князи, братия твоя, мы ти будем помощницы. И солгаша ему, емлюще злато у Давыда и у Святополка.* Святополк же оступи градъ, *и стоя Святополкъ около града недѣль 7.* И поча Давыдъ молитися: пусти мя из града. Святополк же обещася ему, и целовавше крестъ межи собою, и изыде из града Володимеря, и прииде в Червенъ. А Святополкъ вниде во градъ Владимерь, в великую суботу. Давыд же бежа в Ляхи.[315]

Выписка из Сильвестровой (Никоновской) летописи — вкладка в Кенигсбергскую летопись

А Святополкъ совѣтъ сотвори с Ляхи, пойде на Давида ко граду Володимиру, а Давид затворися въ градѣ. Святополкъ же оступи градъ, и поча Давидъ молитися: «Пусти мя из града»; и обѣщась ему, и цѣловавше крестъ межи собою, изыде изъ града Володимира, и пріиде в Червенъ; а Святополкъ вниде во градъ Володимиръ въ великую субботу, Давидъ же бѣжа въ Ляхи.[316]

В выписке, сделанной рукою И. Баркова из Сильвестровой (Никоновской) летописи, отсутствует рассказ о том, как Володарь и Василько Теребовльский, узнав о приходе Святополка, «поидоста противу, вземше честный крестъ, его же целовалъ к нимъ на семъ, яко на Давида пришелъ есмь, а с вами хощу имѣти миръ и любовь. И преступи Святополкъ крестоцелование, надѣяся на множество вои. И срежошася на поли на Рожни, исполчившимся обоимъ и Василько возвысившу крестъ, глаголя: Яко сего еси целовалъ. Се первое взялъ еси зракъ очию моею, а се ныне хощеши взяти и душу мою, да буди межи нами крест сей».[317]

В соответствии с пропуском этого эпизода исключен и тесно связанный с ним рассказ о помощи Василько от креста: «...и соступишася обои полцы, и мнози человѣцы благовѣрнии видѣша крестъ надъ Василькомъ на облаце возвысившесь велми».[318]

Следует отметить, что Татищев, передавая этот же рассказ в «Истории российской», сохраняет эпизод с крестом, который вынес Василько

---

[311] БАН. 31.7. 22, вкладка к л. 178/183.
[312] Библиотека российская историческая, стр. 177.
[313] Там же, стр. 225.
[314] БАН. 17.2.5, л. 121 об.
[315] Там же. (Текст, набранный курсивом, не включен в выписку, — *Г. М.*).
[316] БАН. 31.7.22, вкладка к л. 178/183.
[317] БАН. 17.2.5, л. 121 об.
[318] Там же.

во время боя, но объясняет исход битвы не вмешательством потусторонних сил — появлением креста над облаком, а тем, что своими словами ослепленный Василько «так свое войско ободрил и укрепил, что все желали за них помереть или победить».[319]

Переписанная рукою И. Баркова «сокращенная» выписка из Сильвестровой (Никоновской) летописи была сделана с целью пополнения пропуска в тексте Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи. Выписка целиком включена в издание летописи Нестора 1767 г. Приведем летописный текст, текст вкладки (начало) и его отражение в издании Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи.

Петровская копия	*Вкладка в Кенигсбергскую летопись*	*Библиотека российская историческая*
И рече Володиславъ Давидови: не послушаеть мене Святополкъ иди опять и прииди к Володимирю. Ярославъ же бежа на ляхи и прииде к Берестью...[320]	NB. стр. 178. А Святополкъ совѣтъ сотвори с Ляхи, пойде на Давида ко граду Володимиру, а Давидъ затворися въ градѣ. Святополкъ же оступи градъ, и поча Давидъ молитися: «Пусти мя из града»; и обѣщась ему, и цѣловавше крестъ межи собою, изыде изъ града Володимира, и пріиде в Червенъ; а Святополкъ вниде во градъ Володимиръ въ великую субботу, Давидъ же бѣжа в Ляхи.[321]	И рече Володиславъ Давидови: «Не послушаетъ мене Святополкъ, иди вспять». И пріиде Давидъ къ Володимиру; а Святополкъ совѣтъ сотворивъ съ Ляхи, пойде на Давида ко граду Володимиру, а Давидъ затворися въ градѣ. Святополкъ же оступи градъ и поча Давидъ молитися: «Пусти мя из града»; и обѣщась ему, и цѣловавше крестъ межи собою, изыде изъ града Володимира, и пріиде в Червенъ; а Святополкъ вниде во градъ Володимиръ въ великую субботу. Давидъ же бѣжа в Ляхи.[322]

Чем объяснить, что реконструкция этого отрывка не нашла отражения в примечании к изданию летописи Нестора? Наиболее вероятным представляется случайный пропуск примечания. Выше нами уже отмечались случаи, когда написанный карандашом вариант не был перенесен в печатное издание.

Возвращаясь к реконструкции текста о полянской дани, мы помним, что оставили незаконченным вопрос о правке рукописи петровской копии по подлинной Кенигсбергской летописи. Без сопоставления с этой летописью необъяснимо примечание, в котором точно указано, что «въ Кенигсбергскомъ на семъ мѣстѣ листа не достаетъ».[323] Об изучении Кенигсбергской летописи свидетельствует и следующее примечание к отрывку текста договора Олега с греками 912 г.: «Кажется, что въ Кенигсбергскомъ подлинникѣ въ семъ мѣстѣ слова перемѣшаны, что изъ двойныхъ рѣчей въ ономъ примѣтить можно».[324]

Когда была произведена работа по сверке петровской копии с подлинной Кенигсбергской летописью? Ответ на этот вопрос связан с выяснением времени появления в Петербурге Кенигсбергской летописи.

---

[319] В. Н. Татищев. История российская, т. II, стр. 119.
[320] БАН. 31.7.22, л. 178/183.
[321] БАН. 31.7.22, вкладка к л. 178/183.
[322] Библиотека российская историческая, стр. 162.
[323] Там же, стр. 14.
[324] Там же, стр. 30—31.

В автобиографии А. Шлецера сказано, что в 1760 г. русские воспользовались тем, что Кенигсберг «находился в зависимости от России ... и вытребовали из Кенигсбергской библиотеки оригинал (сам по себе он вовсе не был оригиналом, а только в отношении петербургской копии). Кенигсбергская библиотека должна была выдать свою овечку».[325] Но есть основания полагать, что подлинная Кенигсбергская рукопись была привезена в Петербург несколько ранее: в конце 1758 г. Основания для этого суждения следующие.

В Архиве АН СССР хранится копия с «представления» президента Академии наук К. Г. Разумовского императрице Елизавете Петровне о необходимости сличения копии Кенигсбергской летописи с ее подлинником, датированная 9 октября 1758 г. Приведем текст этого «представления»: «В Библиотеке вашего императорского величества при Академии наук хранится список с перваго Российского летописателя Нестора, которого блаженныя и вечнодостойныя памяти государь император Петр Великий на проезде своем чрез Кенигсберг увидев в тамошней Королевской библиотеке, для себя списать велел. Но понеже Академия для разных усмотренных в том списке писцовых неисправностей сумневается, нет ли и в самых обстоятельствах, особливо в именах и летах, каких прошибок, для российской же истории весьма нужно знать и то, в котором веке оной в Кенигсберге находящей подлинник писан и поколику на верность онаго полагатся можно. Того ради (л. I об.) Академия наук сим всенижайше представляет, не соизволит ваше императорское величество указать, чтоб помянутой манускрипт прислан был сюда из Кенигсберга на малое время для рассмотрения и сличения с имеющейся в Библиотеке вашего императорского величества копиею. А хранится он в Библиотеке, которая в королевском замке и по объявлению определенного при оной Библиотеке прусскаго надворного советника Горейскаго состоит в каталоге манускриптов Радзивиловой Библиотеки. И дабы вместо требуемой книги не прислано было другой, то при сем прилагается список с первой страницы Несторова летописца.

Подано за подписанием его сиятельства Академии господина президента графа Кирилы Григорьевича Разумовского.

Подано октября 9 дня 1758 года».[326]

29 мая 1759 г. президентом Академии наук К. Г. Разумовским был подписан ордер о печатании «Нестерова летописца против Кенигсбергского списка ... в новой типографии».[327] Печатное издание Несторовой летописи вышло с учетом правки петровской копии по подлинной Кенигсбергской летописи. Следовательно, эта работа была сделана в период после 9 октября 1758 г. и до 29 мая 1759 г.

Петровская копия Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи сохранила следы проверки текста по подлинной Кенигсбергской летописи. Они сделаны красными чернилами на полях с отметкой знаком той буквы в тексте, которая требовала исправления. Вся правка сделана рукою И. Баркова, который имел непосредственное отношение к работе над летописью Нестора: по указаниям Ломоносова он вносил поправки и исправления в петровскую копию Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи, вписывал карандашом варианты и примечания; в 1756 г. он переписывал набело эту рукопись в доме Ломоносова. В конце 1758—начале 1759 г. И. Барков сверял петровскую копию с подлинной Кенигсбергской летописью и переносил эту правку в рукопись, которая шла в набор.

---

[325] Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера..., стр. 59.

[326] ААН, ф. 3, оп. 8, № 83, л. 1—1 об.

[327] Этот ордер упоминается в записи Канцелярии Академии наук 1 февраля 1761 г. См.: ААН, ф. 3, оп. 1, № 260, л. 7.

Следует отметить, что правка красными чернилами занимает небольшой объем: ошибок при переписке Кенигсбергской летописи было сделано немного. Они относились, главным образом, к написанию окончаний имен прилагательных (*краснаго* — *красного*), смешению ъ и ѣ (*веръхъ* — *верьхъ*), раскрытию выносных букв (в петровской копии, переписанной скорописью начала XVIII в., их, естественно, значительно больше, чем в полууставной Кенигсбергской летописи конца XV в.).

Приведем некоторые примеры, раскрывающие правку петровской копии по подлинной Кенигсбергской летописи, и отражение этой правки в печатном издании летописи Нестора 1767 г.

Петровская копия		*Библиотека российская историческая*
До правки	*После правки*	
И молвяше всегда Ярополку Свеналдъ: поиди на братъ свой прими власть его...[328]	И молвяше всегда Ярополку Свеналдъ: Пойди на братъ свой прими волость его...[329]	...и молвяше всегда Ярополку Свенальдъ: «Пойди на братъ свой, прийми волость его...».[330]
...и заповеда ей о церковномъ уставѣ и о молитве, и о постѣ и о воздержание тѣла чиста...[331]	...и заповеда ей о церковномъ уставѣ и о молитвѣ, и о постѣ, и о милостинѣ, и о воздержание тѣла чиста.[332]	И заповѣда ей о церьковномъ уставѣ и о молитвѣ, и о постѣ, и о милостынѣ, и о воздержаніи тѣла чиста.[333]
...Вы нѣста князя ни рода княжа, и вынесоша Игоря: а се есь сынъ Рюриковъ. И уби Осколда и Дира.[334]	...Вы нѣста князя ни рода княжа, и вынесоша Игоря: а се есь сынъ Рюриковъ и уби Асколда и Дира.[335]	«Вы нѣста Князя ни рода Княжа»; и вынесоша Игоря; «а се есть сынъ Рюриковъ». И уби Аскольда и Дира.[336]

После сверки петровской копии с подлинной Кенигсбергской летописью и перенесения правки в копию, переписанную И. Барковым, работа над рукописью была закончена, и 29 мая 1759 г. президент Академии наук К. Г. Разумовский подписал ордер о печатании «Несторова летописца» в так называемой новой типографии Академии наук, находившейся в ведении И. И. Тауберта. Первоначально было решено печатать два завода, но потом, полагая, что «без сумнения охотников к покупке оного довольно быть может. Того ради приказали напечатать того летописца три завода, а именно два на российской коментарной и один на любской да шестьнадесять экземпляров на александрийской бумаге».[337] Так как «новая» типография, в которой президент решил печатать летопись Нестора, находилась целиком в распоряжении И. И. Тауберта, то к истории этого издания присоединилось имя злейшего врага Ломоносова, омрачавшего ему последние годы работы в Академии наук. Но в 1759 г. И. И. Тауберт был заинтересован в издании летописи Нестора — первом издании русской летописи, сулившем материальные выгоды. Поэтому расчетливый адъюнкт Академии наук добивался от президента увеличения тиража издания. Черновой набросок «письменного повеления президента»

---

[328] БАН. 31.7.22, л. 51/56.
[329] Там же.
[330] Библиотека российская историческая, стр. 66.
[331] БАН. 31.7.22, л. 39/44—39 об./44 об.
[332] Там же.
[333] Библиотека российская историческая, стр. 52—53.
[334] БАН. 31.7.22, л. 12 об./17 об.
[335] Там же.
[336] Библиотека российская историческая, стр. 19.
[337] ААН, ф. 3, оп. 1, № 260, л. 7.

о тираже предстоящего издания «Нестерова летописца» составлен рукою И. И. Тауберта.[338]

Некоторые сведения о ходе издания летописи Нестора содержатся в автобиографии А. Шлецера, который считал И. И. Тауберта инициатором издания «целого собрания летописей под заглавием Библиотеки Российской Исторической». А. Шлецер писал о том, что в январе 1762 г. им были получены от И. И. Тауберта три первых листа печатного издания летописи Нестора. Но печатание шло очень медленно. В 1767 г. оно еще не было окончено, и, по словам А. Шлецера, «вероятно все отпечатанные листы были бы брошены в макулатуру, если бы это допустил Орлов».[339] А. Шлецер не объяснил, при каких обстоятельствах и когда возникла мысль об уничтожении уже отпечатанных листов летописи. Не сказал он также, почему Орлов (и какой именно из Орловых) оказал решающее влияние на судьбу этого издания. Это сообщение А. Шлецера осталось не подтвержденным никакими документальными данными. Замедление с печатанием летописи Нестора А. Шлецер объясняет своим воздействием на Тауберта: «Мои теории, представленные Академии, запугали Тауберта, после этого печатание подвигалось так медленно, что в 1767 г. оно еще не было окончено».[340]

Действительно, печатание Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи двигалось очень неравномерно:[341] если первые 18 листов (литеры А—Р) были набраны с января 1761 по март 1762 г.,[342] то набор остальных 18 листов (литеры С — V. Аа. Бб. Вв.) занял почти 4 года.[343] Как известно из определения на доношение Г. Ф. Миллера, еще в марте 1765 г. продолжалось печатание Несторовой летописи.[344] Со второй половины 1765 г. печатание летописи Нестора снова возобновилось, о чем мы можем судить по «репортам» «новой» типографии и оживленной переписке И. И. Тауберта с Г. Ф. Миллером. В письме Г. Ф. Миллеру от 27 июня 1765 г. И. И. Тауберт сообщил, что следующей почтой он вышлет ему несколько листов летописи Нестора. То же подтвердил он в письмах от 8 и от 15 августа 1765 г.[345] А 24 октября 1765 г. И. И. Тауберт писал: «Наконец окончено печатание Нестора».[346] В письме А. Шлецеру в Геттинген И. И. Тауберт писал 4 октября 1765 г.: «Печатание Нестора закончено, не достает только предисловия».[347] Составление предисловия было поручено А. Шлецеру,

---

[338] Там же, л. 10. Е. С. Кулябко мне указан второй ордер К. Г. Разумовского от 29 мая 1759 г. о том, что «издание упомянутой российской библиотеки поручается особливо Канцелярии советнику и унтер-библиотекарю господину Тауберту обще с конференц-секретарем и профессором господином Миллером». — ААН, ф. 3, оп. 1, № 470, л. 175. Миллер, как это известно из автобиографии А. Шлецера и других источников, не принимал участия в издании «Библиотеки российской исторической» 1767 г.

[339] Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера..., стр. 62.

[340] Там же.

[341] Сведения о ходе печатания летописи Нестора почерпнуты из «репортов» «новой» типографии в Канцелярию Академии наук за 1761—1766 гг., за указание которых выражаю признательность Е. С. Кулябко.

[342] ААН, ф. 3, оп. 1, № 506, лл. 35, 41, 55, 59, 70, 95, 108, 118, 129; ф. 3, оп. 1, № 507, лл. 2, 30.

[343] ААН, ф. 3, оп. 1, № 509, лл. 113, 117—118, 123, 126; ф. 3, оп. 1, № 510, лл. 50, 67, 83, 101 об., 136, 175.

[344] Перед отъездом в Москву 27 февраля 1765 г. Г. Ф. Миллер просил дать ему летописи для занятий российской историей. В определении на это доношение указывалось: «Господину Миллеру объявить, что из летописцев ничего ныне дать не можно, потому что оныя надобны здесь отчасти при сочиняемой Российской истории, а отчасти для сличения между собою разных списков при печатании Несторовой летописи и его продолжателей». См.: Материалы для биографии Ломоносова..., стр. 738.

[345] ААН, ф. 21, оп. 3, № 284, л. 34 об.

[346] Там же, л. 42.

[347] August Ludwig v. Schlözer und Russland. Eingeleitet und unter Mitarbeit von L. Richter und L. Zeil herausgegeben von E. Winter. Berlin, 1961, стр. 134.

который подготовил его в очень короткий срок: 26 февраля 1766 г. предисловие уже переписывал набело русский студент Светов.[348]

К началу 1767 г. первая часть «Библиотеки российской исторической» была полностью закончена, и 1 февраля 1767 г. И. И. Тауберт торжественно преподнес первое издание русской летописи императрице Екатерине II. Вот что он писал по этому поводу Г. Ф. Миллеру: «Вчера я имел счастье преподнести ее величеству в ее апартаментах экземпляр печатного Нестора и также устно сообщил план, изложенный в предисловии».[349] И. И. Тауберт нигде не упоминает о том, что на протяжении печатания возникала мысль о превращении уже набранных листов летописи Нестора в макулатуру. Во всяком случае до конца 1764 г. не было никаких угроз готовящемуся изданию Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи. Напротив, публикацию первой русской летописи ожидали с большим интересом, свидетельством чего является заметка, помещенная в сентябрьском номере «Ежемесячных сочинений» за 1764 г. Здесь в разделе «Известия о ученых делах» была опубликована рецензия на изданную в Нюрнберге «Историю законов и прав древних германцев». Благожелательно отзываясь об этой книге, основанной на данных немецких хроник, анонимный автор говорит о том, что скоро должна быть опубликована «Летопись Нестора»: «Мы можем публику обнадежить, что скоро издана быть имеет такая книга, под титулом „Российской библиотеки". Без сумнения всякой Российской истории любитель должен желать, чтоб сие полезное дело, которому уже за несколько лет начало положено, наконец исполнилось, и „Российская" бы „библиотека" многие годы по частям к удовольствию публики печатанием продолжалась».[350] Можно высказать предположение, что автором заметки, опубликованной в «Ежемесячных сочинениях», мог быть И. И. Тауберт, заинтересованный в продаже книги, которая печаталась в подведомственной ему типографии, или близкий к нему А. Шлецер. На авторство Шлецера указывает совпадение общего хода рассуждений о задачах исследования древних источников, какие неоднократно позднее он излагал в своих сочинениях. Так, автор заметки считает, что только после издания источников — летописцев, хронографов, степенных книг, родословных, разрядных и др. — можно написать историю России: «Когда все оное с надлежащею точностию в печать произведется, тогда, а не прежде, историописатель будет в состоянии сочинить историю Российскую, общей хвалы достойную, и никаким сумнительствам, спорам и возражениям не подверженную».[351]

О готовящемся издании летописи Нестора знали и передовые общественные круги. Так, в записках С. Порошина под октябрем 1764 г. сообщается о беседе его с наследником престола Павлом Петровичем по поводу «Сибирской истории» Г. Ф. Миллера и «Истории российской» В. Н. Татищева, которая, по словам С. Порошина, «таскается в манускриптах; что весьма жаль, что ее не напечатают и такое сокровище пропадает».[352] Далее С. Порошин пишет: «Потом заговорили мы, что ныне при Академии кое-как собрались печатать летописец Несторов. Его высочество изволил спрашивать меня, кто это за Нестор? Я доносил о нем и о его летописи».[353]

---

[348] Там же, стр. 140.
[349] ААН, ф. 21, оп. 3, № 284, л. 87.
[350] Ежемесячные сочинения..., СПб., 1764, сентябрь, стр. 287.
[351] Там же.
[352] Семена Порошина записки, служащие к Историн его императорского высочества, благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. Изд. 2-е. СПб., 1881, стр. 81.
[353] Там же, стр. 81—82.

Какие же события произошли в 1765 г., которые едва не подвергли уничтожению подготовленную и в значительной части набранную Кенигсбергскую (Радзивиловскую) летопись?

4 марта 1765 г. тяжело заболел Ломоносов и через месяц 4 апреля умер. Ко времени его смерти в «новой» академической типографии находился первый том «Российской истории», охватывающий период от древнейшей поры до «великого князя Московского Ивана Васильевича». Этот большой труд после изменения места «филологических примечаний» был возвращен Ломоносовым в типографию в феврале 1763 г.[354] Здесь также были «Таблицы колебаний центроскопического маятника, изменений универсального ртутного барометра, а также металлического, наблюдавшихся в Петербурге», предназначавшиеся в качестве приложения к работе Ломоносова «О переменах тягости по земному глобусу».[355] В мае 1764 г. Ломоносов представил в Академию наук «рисунки изображений северных сияний», которые должны были служить иллюстрацией к задуманному им большому труду, посвященному исследованию северных сияний и связанной с ними теории атмосферного электричества. К декабрю 1764 г. гравер И. Штенглин успел приготовить одиннадцать медных досок с гравюрами северных сияний.[356] В декабре 1763 г. Ломоносов представил в Канцелярию Академии наук грамматику латинского языка «на латинском и российском языках, сочиненную под его, Ломоносова, смотрением».[357] Канцелярия постановила «набрать грамматику в новой типографии в восьмую долю листа и напечатать 1200 экземпляров».[358]

Судьба этих трудов Ломоносова трагична.

Первый том «Российской истории» был сдан Ломоносовым в типографию, как уже упоминалось, после переработки примечаний в феврале 1763 г. По ордеру Канцелярии от 11 марта 1763 г. был начат новый набор, который составил 17.5 печатных листов. В январе 1764 г. Ломоносов писал в письме к М. И. Воронцову, что первый том «Российской истории» печатается с «филологическими изъяснениями».[359] В феврале 1764 г. первые главы и предисловие видел напечатанными А. П. Шувалов.[360] В марте и апреле того же года продолжался набор до литеры С.[361]

После смерти Ломоносова набранная «Российская история» оставалась в академической типографии. Но уже в августе 1766 г. фактор типографии А. Е. Лыков доносил Канцелярии о том, что «оная история за неимением в типографии к продолжению оригинала, печатанием не производится».[362] 11 сентября того же года Конференции были представлены две первые части «Российской истории». Конференция вынесла решение о выпуске в свет сохранившейся части этого труда с введением, составленным

---

[354] Ломоносов, ПСС, т. IX, стр. 409.
[355] Там же, т. IV, стр. 800—816.
[356] Там же, т. III, стр. 582—586.
[357] Д. Д. Шамрай. Из истории цензурного режима Екатерины II. Архивно-библиографические разыскания (1762—1783 гг.). Диссертация. Л., 1947. ГБЛ $\frac{Дк\ 48}{206}$ стр. 41.
[358] Там же; ААН, ф. 3, оп. 1, № 533, л. 249 об.
[359] Ломоносов, ПСС, т. X, стр. 401.
[360] В «Предисловии» к «Оде на смерть господина Ломоносова, члена Академии наук в Санктпетербурге» А. П. Шувалов писал: «Я обхожу молчанием его „Российскую историю", предисловие и первые главы которой я видел напечатанными шестнадцать месяцев назад. Так как с тех пор я нахожусь за пределами своей родины, я не знаю, закончен ли этот нужный труд». См.: М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. Составитель Г. Е. Павлова. М.—Л., 1962, стр. 23.
[361] ААН, ф. 3, оп. 1, № 509, лл. 92, 119 об.
[362] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 576.

А. Шлецером. Во введении А. Шлецер указал, что Ломоносов «описал жития осьми первых великих князей, сидевших на российском престоле от 862 до 1054 г., ... а между оставшимися после его письмами продолжения не найдено».[363] Но А. Шлецер не мог не знать, что Ломоносовым написаны были еще две части первого тома, охватывающие период от Батыева нашествия до княжения Ивана Васильевича. Несомненно известно было, что и третья и четвертая части «Российской истории» находились в типографии. Об этом свидетельствуют некоторые из сохранившихся экземпляров «Древней российской истории», отличающиеся на последней странице характером заставки, словами «конец второй части», а также кустодом слова «часть», который говорит о том, что далее следовала «часть третия».[364] После смерти Ломоносова третья и четвертая части «Российской истории» были изъяты из типографии и уничтожены. А И. И. Тауберт в письме Г. Ф. Миллеру от 28 сентября 1766 г. сообщал свое мнение о значении предисловия к «Российской истории» Ломоносова, написанного А. Шлецером: «К „Российской истории" покойного Ломоносова, которая доведена до 1054 г., Шлецер дал маленькое обращение к читателю. Это несовершенная работа («unvolkommene Werk», — *Г. М.*), но это (предисловие, — *Г. М.*) даст возможность ознакомиться с ней любителям русской истории. Через 8 дней Вы должны будете получить полный экземпляр».[365]

Интерес, проявленный любителями русской истории к замечательному труду Ломоносова, спас часть этого исторического сочинения от уничтожения.

С марта 1759 г. Ломоносов систематически вел наблюдения за колебаниями центроскопического маятника. Таблицы, составленные из этих записей, должны были быть приложены к его диссертации «О переменах тягости по земному глобусу».[366] 21 мая 1764 г. Ломоносов доложил в Академическом собрании, что эта диссертация им написана и что часть таблиц, являющихся приложением к этой работе, уже напечатана.[367]

Вскоре после смерти Ломоносова в академическую Канцелярию поступил рапорт фактора типографии А. Е. Лыкова о том, что «покойного статского советника господина Ломоносова на публичное Академии наук собрание, на латинском и российском языках под титулом „О переменах тягости по земному глобусу" напечатано таблиц на обоих языках по 12 листов. К продолжению же ... таблиц манускриптов ничего в типографии не имеется».[368] Отпечатанные таблицы в течение года лежали в типографии. 22 мая 1766 г. И. И. Тауберт обратился в Академическое собрание с запросом, что делать с таблицами Ломоносова. На заседаниях 26 и 29 мая того же года петербургские ученые вынесли решение. Ввиду того, что архив Ломоносова находится во владении Г. Г. Орлова, просить его дать для напечатания рукопись самого труда. Если же такой рукописи не окажется, то просить кого-либо из академиков сопроводить отпечатанные таблицы «каким-нибудь введением или предисловием», с тем чтобы «указывать употребление в пользу этих таблиц в физике. Академики не сом-

---

[363] Древняя российская история от начала российского народа до кончины великаго князя Ярослава Перваго или 1054 года, сочиненная Михайлом Ломоносовым. СПб., 1766, стр. 1.

[364] Д. С. Бабкин. Нераскрытая судьба книги Ломоносова. — В кн.: Ломоносов. Сборник статей и материалов, т. VI, М.—Л., 1965, стр. 174—181. Этот же вывод сделан и в исследовании: Д. Д. Шамрай. Из истории цензурного режима Екатерины II, стр. 48.

[365] ААН, ф. 21, оп. 3, № 284, л. 76—76 об.

[366] Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова, стр. 306, 395.

[367] Там же, стр. 404.

[368] Материалы для биографии Ломоносова..., № 290, стр. 745.

неваются, что эта книга, снабженная таким предисловием, может иметь сбыт и получить одобрение ученых».[369]

Несмотря на столь благоприятное решение Академического собрания, таблицы Ломоносова так и не были выпущены. Они продолжали лежать на складе еще 21 год. В 1787 г. Канцелярией Академии наук был составлен «Реестр книгам дефектным, драным, мараным и мышами попорченным, которые определено, выключа из хранящихся в магазине, отдать капитану Устинову для продажи в вес под смотрением надворного советника Шервинского».[370] В числе других изданий в этом реестре названы «Таблицы господина Ломоносова недопечатанные отклонений отвеса указательного на точку тяготения». Таким образом в 1787 г. погиб труд великого ученого. Впервые он опубликован в 1955 г. по случайно сохранившемуся типографскому оттиску, который находится в Библиотеке Академии наук СССР.[371]

Такая же судьба постигла и «рисунки изображений северных сияний», наблюдаемых Ломоносовым в разные годы, собственноручно им выполненные. Несмотря на то что медные доски с гравюрами были изготовлены еще при жизни Ломоносова, сами гравюры не были отпечатаны, невзирая на единодушное мнение академиков о необходимости публикации рисунков северных сияний.[372]

Д. Д. Шамрай проследил судьбу «Грамматики на латинском и российском языках, сочиненной под смотрением Ломоносова». Эта книга, как уже указывалось выше, была отдана для печатания в «новую» типографию в декабре 1763 г. Д. Д. Шамрай писал о том, что при жизни Ломоносова в «делопроизводстве Академии наук незаметно никаких трений по доведению до конца типографской работы, если не считать медленность исполнения».[373]

После смерти Ломоносова 30 мая 1765 г. технический начальник «новой» типографии переводчик Алексей Разумов рапортовал, что «во исполнение ордера № 1317 от 11 декабря 1763 г. напечатано в помянутой типографии грамматики на латинском и российском языках, сочиненной под смотрением бывшего статского советника Ломоносова, 1200 экземпляров на российской коментарной бумаге».[374] 9 июня 1765 г. Канцелярия постановила «грамматику на латинском и российском языках, сочиненную под смотрением покойного Ломоносова, продавать по 30 копеек». Д. Д. Шамрай пишет, что «это было последнее связывание имени Ломоносова с указанной грамматикой». Объявление о продаже книги в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (1765, 19 июля, № 56) совсем не упоминает имени Ломоносова по совершенно объективным причинам: это имя отсутствует на титульном листе выпущенной книги. Но книготорговая традиция до начала XIX в. все-таки числила «Первые основания латинского языка» (Sike Rudimenta linguae Latinae recens concinnata in usum gymnassii) среди сочинений Ломоносова.[375] Д. Д. Шамрай пришел к выводу о том, что «совершенно анонимное компонование титульного листа может быть истолковано как уклонение печатать имя Ломоносова».[376]

Когда после смерти Ломоносова встал вопрос о печатании его трудов, находящихся в типографии, то, как мы видели выше, со стороны

---

[369] Протоколы заседаний Конференции..., т. II, стр. 564.
[370] Д. Д. Шамрай. Из истории цензурного режима Екатерины II, стр. 48—49. Ломоносов, ПСС, т. IV, стр. 812—815.
[371] Ломоносов, ПСС, т. IV, стр. 489—663.
[372] Там же, т. III, стр. 584—585.
[373] Д. Д. Шамрай. Из истории цензурного режима Екатерины II, стр. 41
[374] Там же, стр. 41.
[375] Там же, стр. 42.
[376] Там же, стр. 43.

руководства издательскими делами Академии наук прилагались усилия для того, чтобы эти книги не были выпущены. Не может быть никакого сомнения в том, что главная роль здесь принадлежала И. И. Тауберту — злейшему врагу Ломоносова, человеку, связанному с придворными интригами и дворцовым переворотом Екатерины II. Непосредственно по его указанию был уничтожен весь тираж речи Ломоносова о катадиоптрической трубе (на латинском и русском языках), напечатанной к петрову дню 29 июня 1762 г., но не произнесенной вследствие убийства Петра III 28 июня 1762 г.[377] Единственный печатный экземпляр этой речи сохранился в портфелях Г. Ф. Миллера.[378]

Выше уже говорилось о том, что печатание текста Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи было закончено в октябре 1765 г. Однако прошел еще целый год, пока 1-я часть «Библиотеки российской исторической», заключающая в себе «Летопись Несторову с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года», была полностью закончена и 1 февраля 1767 г. торжественно преподнесена И. И. Таубертом Екатерине II.

Какие же события произошли в конце 1765—начале 1766 г., которые могли сказаться на судьбе «Библиотеки российской исторической»? Ответ на этот вопрос чрезвычайно затруднен отсутствием прямых источников. Но ряд соображений, высказанных А. И. Андреевым, проливает свет на эти события.

В архиве петербургского академика Я. Штелина сохранилась рукопись на французском языке, в которой содержатся ценные материалы для истории Петербургской Академии наук — «Abrégé de l'histoire anecdote de l'Academie des Sciences de St. Peterbourg».[379] На л. 8 этой рукописи сказано о событиях, предшествующих большим изменениям, произведенным Екатериной II в управлении Академией наук. 6 октября 1766 г. отстранен от должности президент Академии наук К. Г. Разумовский, упразднена академическая Канцелярия, директором Академии назначен В. Г. Орлов, которому было поручено совместно с Комиссией из авторитетных ученых возглавить Петербургскую Академию наук. В «Abrégé» Я. Штелина рассказано следующее: «Повод и мотивы, которые побудили ее величество принять такое решение (учредить в 1766 г. Комиссию Академии наук вместо Канцелярии), кажется, зависели от многих обстоятельств. Вот главные из них. Г. Ломоносов, до того член Канцелярии, умер. Он оставил после себя в рукописи пространный труд о печальном состоянии Академии и о громадных злоупотреблениях г. Тауберта. Этот обстоятельный труд был получен при дворе и вызвал много разговоров».[380]

Английский посол при русском дворе в 1765—1767 гг. лорд Макартней имел в распоряжении записки Я. Штелина. Интересующее нас место дополнено в принадлежащей Макартнею рукописи несколькими новыми подробностями: «Одной из главных причин, которая побудила ея величество принять такое решение, кажется, явилась обстоятельная Записка о печальном состоянии Академии и о громадных злоупотреблениях г. Тауберта в управлении 12-ю департаментами Академии, которыми он едва ли был способен управлять надлежащим образом. Эта записка была найдена в бумагах, оставшихся от Ломоносова после его смерти. Этот труд, который его автор составил для представления ея величеству,

---

[377] Там же, стр. 26—27.

[378] Ломоносов, ПСС, т. IV, стр. 793—800.

[379] А. И. Андреев. Материалы о Ломоносове в архиве Штелина. — В кн.: Ломоносов. Сборник статей и материалов, т. IV, М.—Л., 1960, стр. 314—320.

[380] Там же, стр. 319.

был получен при дворе и подтвердил те предположения, которые с некоторого времени существовали по вопросу о плохом управлении Академией».[381]

А. И. Андреев совершенно справедливо считает, что рукопись Ломоносова, о которой идет речь в записках Я. Штелина, это «Краткая история о поведении Академической канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени».[382] В этом сочинении Ломоносов обличил злоупотребления И. И. Тауберта, его небрежное отношение к своим служебным обязанностям, беззастенчивое поведение с учеными.

Несмотря на то что И. И. Тауберт был связан с Екатериной II участием в подготовке заговора с целью свержения Петра III и после восшествия ее на престол был осыпан милостями, императрица была вынуждена принять некоторые меры в отношении зарвавшегося правителя академической Канцелярии и устранить его от Академии наук. Может быть, этими неудачно сложившимися для И. И. Тауберта обстоятельствами и объясняется почти годовая задержка выпуска «Библиотеки российской исторической».

Преподнося в феврале 1767 г. Екатерине II выпуск «Библиотеки российской исторической», И. И. Тауберт верно рассчитал, что с выходом книги поднимется его репутация не только как первого издателя русской летописи, но и как ученого, сумевшего выбрать «вернейший и древнейший» список, сравнить его с другими списками, снабдить летопись примечаниями. Неслучайно поэтому в письме к Г. Ф. Миллеру от 4 сентября 1766 г. И. И. Тауберт осведомлялся, нет ли в Москве «более древних списков Нестора среди бумаг и описей Головкина».[383] Его интересовало также, не сохранился ли там «Нестор на пергаменте».[384] Этими сведениями он, видимо, умело воспользовался при торжественном вручении «просвещенной государыне» печатного издания Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи. И. И. Тауберт представил, как много труда он положил, чтобы сделать достоянием науки древнюю трудночитаемую летопись. При этом он умолчал о тех, чьими руками была сделана вся эта большая кропотливая работа.

26 января 1767 г. первый выпуск «Библиотеки российской исторической» поступил в продажу. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» в отделе «Продажа» появилось следующее объявление: «В Академической книжной лавке продается новонапечатанный Несторов Российской летописец на александрийской бумаге по 1 руб. 75 коп., на любской по 1 руб. 40 коп., на ординарной по 1 руб. 25 коп.».[385] Объявление это было повторено в «Санкт-Петербургских ведомостях» 6 и 9 февраля 1767 г.

И. И. Тауберт предусмотрительно нигде не обозначил ни своего имени, ни имени составителя предисловия — А. Шлецера:[386] «Библиотека российская историческая» вышла анонимно. В этом полная аналогия с изданием «Грамматики латинской на латинском и российском языках», написанной под руководством Ломоносова и вышедшей в конце 1765 г. без упоминания его имени.

И. И. Тауберт не счел нужным сказать о большом участии в подготовке издания Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи И. С. Баркова,

---

[381] Там же, стр. 320.
[382] Там же.
[383] ААН, ф. 21, оп. 3, № 284, л. 74 об.
[384] Там же.
[385] Санкт-Петербургские ведомости, 1767, 26 января, № 8.
[386] С. Н. Валк любезно указал мне автограф написанного А. Шлецером предисловия к «Библиотеке российской исторической» 1767 г.: ААН, р. III, оп. 1, лл. 2—6 об.

который по указанию Ломоносова проводил всю техническую работу над летописью, переписывал ее в 1756 г. набело и вел корректуры. Обо всем этом свидетельствуют документы, подписанные самим И. И. Таубертом. Так, в журнале академической Канцелярии под 28 апреля 1765 г., где записано распоряжение И. И. Тауберта об издании «Скифской истории» Лызлова, сказано о том, что ведение корректуры издаваемой летописи Нестора было поручено И. С. Баркову: «Имеющуюся в библиотеке Скифскую историю, сочиненную Лызловым, напечатать в новой типографии тысячу двести экземпляров, в том числе на любской двести, а прочие на ординарной бумаге по примеру тому, как печатается Нестеров летописец, а корректуры также буде где темно и невразумительно исправить переводчику Баркову».[387]

В переписке с Г. Ф. Миллером И. И. Тауберт несколько раз выражает недовольство И. С. Барковым. Так, в письме от 7 ноября 1765 г. он объясняет задержку пересылки «обещанного предисловия к Нестору» тем, что «противный Барков и на этот раз сделал из меня обманщика».[388] А 21 июня 1766 г. И. И. Тауберт с удовлетворением сообщил Г. Ф. Миллеру о том, что Барков «изгнан из Академии».[389]

Мы знаем, что И. С. Барков был близок к Ломоносову, почти два десятилетия (с 1748 по 1765 г.) они постоянно общались друг с другом. Рукою И. С. Баркова переписана большая часть дошедшего рукописного наследия гениального русского ученого.[390] Не только труды, но и самые ответственные бумаги, имеющие исключительно важное значение, Ломоносов поручал И. С. Баркову.[391] Эта близость к Ломоносову, высокое уважение, которое питал к нему И. С. Барков, в глазах И. И. Тауберта уже служили причиной отрицательного отношения. А повод для оправдания такого отношения можно было найти в «беспутности» переводчика Академии.

Изгнанный из Академии наук, опозоренный и оклеветанный, И. С. Барков ничего не мог противопоставить советнику академической Канцелярии И. И. Тауберту, который приложил все усилия, чтобы вернуть себе былое расположение императрицы, интересующейся к тому же историческими трудами. Издание в 1767 г. Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи было для И. И. Тауберта одним из подступов к приобретению авторитета ученого, каковым не считал его даже обязанный ему всей карьерой А. Шлецер, который писал в автобиографии: «Тауберт, не истинный ученый по профессии, обремененный несравненно важнейшими делами, вовсе не был такой человек, от которого можно было бы ожидать успешного издания средневековой летописи».[392] По словам А. Шлецера, «Тауберт был полон честолюбия и стремления отличиться каким-нибудь блистательным предприятием».[393] Издание русской летописи давало эту возможность.

Ломоносова не было в живых, его архив изъят, вторая книга «Российской истории» уничтожена, часть трудов, вышедших после его смерти, не сохранила имени автора. Можно было скрыть от общественности и работу Ломоносова над Кенигсбергской (Радзивиловской) летописью, которая

---

[387] В. П. Семенников. Материалы для истории русской литературы и словаря писателей эпохи Екатерины II. Пгр., 1915, стр. 11—12. (Разрядка наша, — *Г. М.*).

[388] ААН, ф. 21, оп. 3, № 284, л. 43.

[389] Там же, л. 69.

[390] Л. Б. Модзалевский. Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР, стр. 79—80, 83, 127, 128, 143, 146—148, 162.

[391] Материалы к биографии Ломоносова..., стр. 735; Ломоносов, ПСС, т. IX, стр. 433—434, прим., стр. 846—847.

[392] Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера..., стр. 52.

[393] Там же, стр. 90.

легла в основу подготовленного издания «Библиотеки российской исторической» 1767 г.

И. И. Тауберт умышленно не назвал имени ни одного из участников этого издания. Даже А. Шлецер, составлявший предисловие, не был нигде упомянут. Предисловие было подписано — «издатель», что создавало впечатление, будто сам Тауберт является его автором.

Что именно так это было воспринято некоторыми современниками, свидетельствует «Опыт исторического словаря» Н. И. Новикова. В заслугу И. И. Тауберту здесь поставлено сочинение «предисловия на Российскую библиотеку».[394] Известно, что А. Шлецер был этим чрезвычайно рассержен. В своей автобиографии он писал о Н. И. Новикове: «Мои статьи в Барковском Несторе он (Н. И. Новиков, — *Г. М.*) приписывает Тауберту».[395]

Если И. И. Тауберт ни слова не сказал о причастности А. Шлецера к изданию Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи в качестве составителя предисловия, то еще яснее это желание скрыть действительных участников подготовки первого выпуска «Библиотеки российской исторической» сказалось в отношении И. С. Баркова. При жизни И. И. Тауберта и А. Шлецер не писал нигде о том, что И. С. Барков принимал непосредственное участие в работе над Кенигсбергской летописью. Так, в 1768 г. А. Шлецер издал свое первое печатное исследование русских летописей — «Probe Russischer Annalen»,[396] где говорил и об издании «Библиотеки российской исторической»: «И, наконец, господин статский советник фон Тауберт недавно положил начало, напечатав летопись на древнем языке в Императорской Академии наук в Петербурге».[397]

И. И. Тауберт умер в 1771 г. А в 1802 г. вышла из печати автобиография А. Шлецера.[398] Здесь А. Шлецер рассказал о годах пребывания в Санкт-Петербурге (с 1761 по 1765 г.), сообщил известия о печатании летописи Нестора и подверг уничтожающей критике издание «Библиотеки российской исторической». Из автобиографии А. Шлецера впервые стало печатно известно о том, что «Тауберт не был ученым по профессии», что он «поручил печатание, корректуру и все дела необразованному (но знающему латынь) академическому канцеляристу Баркову».[399]

После выхода автобиографии А. Шлецера в русских печатных источниках начала XIX в. стали появляться известия о том, что И. С. Барков был участником издания летописи Нестора по Кенигсбергскому списку. Первым об этом написал митрополит Евгений Болховитинов, который добавил известия, почерпнутые из автобиографии Шлецера, к сведениям, сообщенным Н. И. Новиковым об академическом переводчике и поэте Иване Баркове.[400]

Жестокие обвинения, брошенные А. Шлецером в адрес Баркова, в том, что он исказил текст древней летописи, оказались некритически перене-

---

[394] Опыт исторического словаря о российских писателях. Собрал Николай Новиков. СПб., 1772, стр. 215.

[395] Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера..., стр. 149.

[396] Probe Russischer Annalen von August Ludwig Schlözer. Bremen und Göttingen, 1768.

[397] «Und endlich hat der Herr Statsrath von Taubert schon vor einigen Jahren den Anfang gemacht, ihn bei der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg in der Ursprache drucken zu lassen». См.: Probe Russischer Annalen..., стр. 14.

[398] August Ludwig Schlözer's offentliches und privatleben von ihm selbst beschrieben.

[399] «Er trug also den Abdruck, die Correctur, und das ganze Geschäft, einem unstudirten (jedoch des Lateins kundigen) Canzlisten bei der Akademie Barkov, aus». См.: August Ludwig Schlözer's offentliches und privatleben..., стр. 65—66.

[400] Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. Сочинение митрополита Евгения. Т. I. М., 1845, стр. 19.

сенными и на другие издания, в работе над которыми принимал участие талантливый, рано умерший переводчик Академии наук.[401]

Возникает вопрос: знал ли А. Шлецер о том, что И. Барков выполнял лишь техническую часть работы Ломоносова над Кенигсбергской (Радзивиловской) летописью?

В 1771 г. в издаваемом А. Шлецером «Allgemeine nordische Geschichte» в комментарии к отрывку русской летописи помещено следующее многозначительное примечание, касающееся некоторых ошибок, допущенных в прочтении русских летописей «высокоученым профессором Байером». А. Шлецер патетически восклицает: «Уж если Байер может делать ошибки, то что может произойти с русскими летописями, если они обрабатываются немытыми руками химиков и переводчиков».[402]

Ни для кого не могло быть секретом (особенно после рецензии А. Шлецера на «Древнюю российскую историю», где прямо говорилось о том, что «химик» Ломоносов не мог написать «порядочную русскую историю»),[403] что А. Шлецер, говоря об «обработке» русской летописи «руками химика и переводчика», имеет в виду Ломоносова и Баркова, совместным трудом которых была подготовлена к печати Кенигсбергская (Радзивиловская) летопись.

А. Шлецер, постоянно общаясь с Г. Ф. Миллером и особенно с И. И. Таубертом (с последним его связывала тесная дружба), был посвящен в историю подготовки издания Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи. Но при жизни И. И. Тауберта, как уже говорилось, он не позволял себе ни критиковать «Библиотеку российскую историческую», ни высказывать своих суждений об издательских возможностях своего покровителя, ни, тем более, сообщать о том, что и подготовка текста не является делом его рук. Все это стало известно лишь в 1802 г.

К этому времени А. Шлецер успел издать (совместно с С. Башиловым) Никоновскую летопись.[404] В Геттингене в 1802 г. вышли две части его обширного исследования: «Russische Annalen in ihrer slavonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt von August Ludwig Schlözer».[405] Теперь А. Шлецер мог уже больше не стесняться с критикой издания Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи в первом выпуске «Библиотеки российской исторической». Но обвинить в безграмотности, в неумении читать и передавать текст древней русской летописи было гораздо легче «академического канцеляриста» Баркова, чем Ломоносова, авторитет которого в России был очень велик. А. Шлецер знал это по опыту составления предисловия к «Древней российской истории», которое, по собственному его признанию, ему пришлось переделывать несколько раз, считаясь с мнением научной общественности.

А. Шлецер правильно рассчитал, что грозные стрелы авторитетного исследователя рушат не научную репутацию И. С. Баркова (который и не был признанным историком), а колеблют здание исторических трудов

---

[401] Речь идет об издании сатир А. Кантемира 1762 г. Анализ работы И. С. Баркова над подготовкой этого издания см.: Г. Н. Моисеева. И. С. Барков и издание сочинений А. Кантемира 1762 г. — Русская литература, 1967, № 2, стр. 102—115.

[402] «Ist ein Bayer solcher Fehler fähig: wie wird es den armen Russischen Annalen ergehen, wenn sie von ganz ungewaschen — Chimischen und Perewodcziks Handen bearbeitet werden». См.: Allgemeine nordische Geschichte. Halle, 1771, стр. 509, прим. 97.

[403] Т. А. Быкова. Литературная судьба переводов «Древней российской истории» Ломоносова. — В кн.: Литературное творчество М. В. Ломоносова. М.—Л., 1962, стр. 241—242.

[404] Русская летопись по Никонову списку. Изданная под смотрением императорской Академии наук. Ч. 1. СПб., 1767; ч. 2, СПб., 1768; ч. 3, СПб., 1786; ч. 4, СПб., 1788; ч. 5, СПб., 1789; ч. 6, СПб., 1790; ч. 7, СПб., 1791; ч. 8, СПб., 1792.

[405] Третья, четвертая и пятая части исследования А. Шлецера, посвященного летописи Нестора, были опубликованы в 1805—1809 гг.

Ломоносова, основанных на изучении летописи Нестора. Ломоносов, по словам А. Шлецера, категорически отстаивал свое право исследования летописи Нестора, «которое было исключительно его делом».[406]

Знали ли современники о том, что издание летописи Нестора, осуществленное в первом выпуске «Библиотеки российской исторической», отражает работу Ломоносова над Кенигсбергской (Радзивиловской) летописью? Оставил ли кто-либо документальное свидетельство об этом?

Из современников Ломоносова, которые были в курсе дел, связанных с его работой над русскими летописями, первым, естественно, может быть назван Г. Ф. Миллер. В 1732—1735 гг. Г. Ф. Миллер опубликовал в редактируемом им журнале «Sammlung russischer Geschichte» почти две трети текста Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи. В 1755 г., как мы помним, Г. Ф. Миллер выступил и на заседании Конференции Академии наук и со статьей в апрельском номере «Ежемесячных сочинений» с настойчивым предложением опубликовать летопись Нестора.

Можно легко себе представить, с каким напряженным вниманием следил Г. Ф. Миллер за публикацией текста Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи, в печатании которой он, по словам А. Шлецера, «не принимал никакого участия».[407] В автобиографии А. Шлецера описана сцена, когда он принес к Г. Ф. Миллеру полученные от И. И. Тауберта первые листы отпечатанной летописи Нестора, текст которой сам А. Шлецер уже успел сверить со списком, принадлежавшим Г. Полетике, обнаружив при этом ряд разночтений: «Я поспешил со своими открытиями к Миллеру. О, как он торжествовал! Тут он в первый раз высказался предо мною, что он был не в ладах со своим товарищем (и начальником) Таубертом».[408]

В марте 1765 г. Г. Ф. Миллер уехал в Москву, и между ним и его бывшим недругом И. И. Таубертом завязывается оживленная переписка: советник академической Канцелярии регулярно сообщал Миллеру петербургские и академические новости, Миллер помогал Тауберту компетентными советами, читал корректуры трудов: корректуру «Древней российской истории» Ломоносова, так же как и летописи Нестора, Г. Ф. Миллер регулярно получал по частям задолго до выхода их из печати.

В личной библиотеке Г. Ф. Миллера сохранился экземпляр первого выпуска «Библиотеки российской исторической».[409] На него еще в XIX в. обратил внимание М. Оболенский. Позднее этот экземпляр (по изданию М. Оболенского 1838 г.) изучал М. Д. Приселков, так как с 1 по 21 страницу на нем нанесена правка рукою Г. Ф. Миллера — результат сравнения им опубликованной Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи с Троицкой летописью, хранившейся в Троице-Сергиевой лавре и погибшей впоследствии во время пожара Москвы 1812 г.[410]

В этом экземпляре «Библиотеки российской исторической» имеется свидетельство тому, что Г. Ф. Миллер знал, чье понимание текста отражает опубликованная летопись.

На стр. 54 передан текст летописи, повествующий о возвращении княгини Ольги из Царьграда в Киев после принятия крещения. К ней обращается византийский император, предлагая одарить его, «сияжъ Ольга прииде къ Киеву, якоже рѣхомъ, и присла Царь к ней Грецкий глаголя:

---

[406] «... vom Nestor wenigstens sollt ich wegbleiben, der war seine Sache ausschließlich». См.: August Ludwig Schlözer's offentliches und privatleben..., стр. 231.

[407] Там же, стр. 63.

[408] Там же.

[409] ЦГАДА. Собрание печатных книг, № 356.

[410] М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, стр. 8; Г. Н. Моисеева. Отрывок Троицкой летописи, переписанный Г. Ф. Миллером. — ТОДРЛ, т. XXVI, М.—Л., 1971, стр. 93—99.

„Яко много дарихъ тя, ты же глаголеши ми, яко аще возвращуся въ Русь, много дары послю ти, челядь, и воскъ, и скору́, и воя многи въ помощь". И отвѣщавше, рече посломъ: „Аще ты, рци, такожъ постоиши у мене въ почайнѣ, якожъ азъ въ суду, тогда ти дамъ"; и отпусти я рекши».[411]

Слова «въ суду» подчеркнуты чернилами и на конце бокового и на нижнем полях рукою Г. Ф. Миллера написано: «Das Wort Судъ hat Lomonossow durch купель erklärt. Es ist aber der Ort, wo Olga getauft wurden, zu verstehen und welcher p. 24 und 35 schön zweimahl genannt ist».[412]

Почему Г. Ф. Миллер упомянул имя Ломоносова при чтении этого отрывка Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи? Очевидно, передача текста этого отрывка раскрывала понимание этого текста Ломоносовым, отраженное в его сочинениях, где в данном контексте слово «судъ» было передано словом «купель».

В главе 5 «О княжении Святославовѣ» «Древней российской истории» Ломоносов передает известие о крещении Ольги. Он использует для «достоверного» воссоздания событий 955 г. два источника — летопись Нестора и «Зборной времянник» — так Ломоносов назвал Степенную книгу из Академической библиотеки.

Интересующий нас отрывок, где приведено обращение византийского императора к Ольге и ее ответ, в «Древней российской истории» передан так: «Царь Греческой от просвѣщенной крещением и въ Киевъ возвратившейся Ольги посольством требовал обѣщанныхъ даровъ воску, бѣльихъ мѣховъ, рабовъ и войска за его дары въ благодарность. Ольга отвѣтствовала, что царь ее обидѣлъ, коварствовавъ ея старости. За дарами бы пришелъ сам и постоялъ бы у ней въ рѣкѣ Почайной какъ она стояла у него въ купѣли. С такимъ отвѣтом послы тщетно возвратились».[413]

В Степенной книге, поступившей в Академическую библиотеку из собрания Я. В. Брюса, в главе «О посланіи царя Цымисхия ко блаженней Ольги» содержатся все элементы рассказа Ломоносова в «Древней российской истории»: «Живущи же блаженная Ольга в Киевѣ и присла к ней царь Иван Цымисхиі глаголя: „Егда ты у нас бѣ, о добродетельнѣйшая самодержице Ольга, и тогда любочестно учрежение сотвориx ти, и многоразличными царскими дарованіи много одарих тя. Ты же обѣщамися от своего государства прислати воздарие, ими же изобильствует земля державы вашея: челядь, воск, бѣлку и воинъство в помощь. И нынъ исполни удобное нам обѣщание твое". Блаженная же Ольга отвѣт сотвори...: „Аз, о царю Цымисхие, егда бѣх во царствующем твоем градѣ, идѣже к богу сподобихся приступити и просвѣтитися святым крещением... ты же, о царю, не согласная тогда умышляеши коваръства старости моей, и всячески прелщаяся всуе на душу мою о сочетании брака, его же не радих, аще и от святыя купѣли восприял мя еси, и того благодатнаго ко мнѣ присвоения не внимая, яко внѣ себе бывъ, яко презорник являяся христианских законов... И потом подщися сам пріити до нас, и изслѣдити нашу рѣку Почайну, и нас посѣтити с воинством духовныя любве, яко и азъ у тебе бых, идѣже и в сосудех святыя купѣли стояхъ...". И ина много прирече и с миром отпусти посланники къ своему ихъ царю».[414]

Таким образом, очевидно, что слова Ольги, обращенные к греческому царю (о «коварстве» ее старости), так же как и толкование

---

[411] Библиотека российская историческая, стр. 54.

[412] «Слово Судъ Ломоносов толковал как купель. Но под этим нужно понимать место, где крещена Ольга, которое уже упомянуто дважды на стр. 24 и 35». — ЦГАДА. Собрание печатных книг, № 356, стр. 54.

[413] Древняя российская история, стр. 80.

[414] БАН. 32.8.4, лл. 32 об.—33 об.

слова «судъ» как сосуд для крещения — купель, почерпнуты Ломоносовым из древнерусского источника, на который он непосредственно ссылается — из «Зборного времянника».

Г. Ф. Миллер, приступив в изучению издания Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи, осуществленного в «Библиотеке российской исторической», имел перед собой «Древнюю российскую историю» и сравнивал изданный летописный текст с теми отрывками из летописи Нестора, которые были приведены в историческом труде Ломоносова.

Но почему именно этот отрывок вызвал приписку Г. Ф. Миллера?

Объяснение этому подсказано самой припиской Г. Ф. Миллера: говоря о том, что «слово Судъ Ломоносов толковал как купель», Г. Ф. Миллер указывает, что в летописи это слово «упомянуто дважды на стр. 24 и 35». А на 35 странице «Библиотеки российской исторической» в этом же экземпляре помещена приписка Г. Ф. Миллера на поле против следующего летописного текста: «В лѣто 6449 (*941 г.*) иде Игорь на Греки, и послаша болгари вѣсть ко Царю, яко идутъ Русь на Царьградъ, схедий (судно) 10 000, иже пойдоша и приплыша, и почаша воевати Вифинскія страны, и плѣноваху по Понту и до Ираклія, и до Пафлагонскія землѝ, и всю страну Никомидскую поплѣнивше и судъ весь пожгоша».[415] Слово «судъ» подчеркнуто, на поле приписка: «Schlötzer Annalen Probe, p. 166».[416]

Эта приписка Г. Ф. Миллера непосредственно связана с припиской на стр. 54, где указаны 24 и 35 страницы изданного текста Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи с упоминанием слова «судъ». Ссылка на книгу А. Шлецера «Probe Russischer Annalen» раскрывает ход рассуждений Г. Ф. Миллера и отвечает на вопрос, почему он привлек именно эту работу при сравнении изданного текста летописи с отрывками из этой летописи, приведенными в историческом сочинении Ломоносова.

30 апреля 1764 г. А. Шлецер подал в Петербургскую Академию наук свою работу по русской истории «Periculum antiquitatis graecis collustratae luminibus»,[417] где раскрывал свои приемы изучения русских древностей в свете средневековых греческих источников. Второй раздел этого труда был специально посвящен анализу слова «судъ», троекратное употребление которого А. Шлецер привел из текста летописи Нестора под 866, 907 и 941 гг. А. Шлецер, основываясь на греческом словаре Дю-Канж (Glossario Graeco du Cange), считает, что слово «судъ, трижды употребленное в летописи, обозначает ров перед Константинополем, обсаженный палисадником».[418]

«Опыт изучения русских древностей в свете греческих источников» вызвал отрицательное мнение Ломоносова.[419] Позднее в автобиографии А. Шлецер утверждал, что Ломоносов был взбешен его «Опытом».[420]

На рукописи «Опыта» имеются отзывы профессоров И.-Э. Фишера и Г. Ф. Миллера. Оба они считали, что исследование А. Шлецера достойно опубликования. Однако серьезные возражения Ломоносова были приняты во внимание, и печатание работы А. Шлецера было отклонено.

В 1768 г. А. Шлецер издал в Геттингене «Probe Russischer Annalen», куда включил целиком свой ранний труд — «Periculum antiquitatis graecis

---

[415] Библиотека российская историческая, стр. 35.

[416] ЦГАДА. Собрание печатных книг № 356, стр. 35.

[417] ААН, р. IV, оп. 1, № 556. Впервые опубликовано А. Кеневичем в приложении к русскому переводу автобиографии А. Шлецера: СОРЯС, т. XIII, СПб., 1875, стр. 393—418.

[418] ААН, р. IV, оп. 1, № 556, л. 12—12 об.; СОРЯС, т. XIII, стр. 405—406.

[419] Ломоносов, ПСС, т. IX, стр. 409.

[420] August Ludwig Schlözer's offentlich und privatleben..., стр. 215—216.

collustratae luminibus».[421] В интересующем нас толковании слова «судъ» А. Шлецер, использовав свои старые доводы (*суд* — ров перед Константинополем, обсаженный палисадником), вносит некоторые добавления. Заявив, что слово «Suda» (суда) «никем до сих пор не было понято» («Niemand hat dieses Wort bisher verstanden»),[422] А. Шлецер говорит о том, что «имеются неученые толкования этого слова»: «Andere machten Sosudy, vasa, navigia, daraus: diese ungelehrte Erklärung hat sich sogar schon in einige Handschriften von den Annalen eingeschlichen».[423]

Кого имел в виду А. Шлецер, говоря о «неученых толкованиях» слова «судъ»?

Осенью 1766 г. А. Шлецер, как мы помним, составлял введение к «Древней российской истории», имея перед собой напечатанный текст и располагая возможностью внимательно изучить историческое сочинение Ломоносова.

Как толковал слово «судъ» Ломоносов в «Древней российской истории»?

Под 987 г. Ломоносов, основываясь на летописи Нестора, передает рассказ о походе Олега на греков.

Петровская копия	*Древняя российская история*
С сими со всѣми пойде Олегъ на конехъ и на кораблехъ, и бѣ числомъ караблей 2000. Прииде к Царюграду, и Греци замкноша судъ, а градъ затвориша.[424]	Олег ... пошелъ подъ Царьградъ по сухому пути конницею, по водѣ на двухъ тысячахъ мѣлкихъ судовъ. Греки услышавъ его приближение, узкой проходъ из Черного моря заперли, и въ городѣ затворились.[425]

В рассказе 941 г. о походе Игоря на Грецию Ломоносов, передавая сведения летописи Нестора, несколько их сокращает; поэтому здесь нет известия о том, что Русь «судъ весь пожгоша».

Совершенно иначе передан смысл слова «судъ» в ответе Ольги послам Царьградского императора.

Петровская копия[426]		*Древняя российская история*
До правки	*После правки*	
И отвѣщавше и рече посломъ. Аще ты рци такожъ постоиши у мене в почайнѣ, якожъ азъ всюду тогда ти дамъ.	И отвѣщавше, рече посломъ: «Аще ты, рци, такожъ постоиши у мене въ Почайне, якожъ азъ въ суду тогда ти дамъ».	Ольга отвътствовала: ... За дарами бы пришелъ самъ и постоялъ бы у ней въ рѣкѣ Почайной, как она стояла у него въ купѣли.[427]

Итак, очевидно, что в данном конкретном случае слово «судъ» Ломоносов понимал как «купѣль», то есть сосуд для крещения.

Следует сказать, что сам Г. Ф. Миллер, по-видимому, не имел собственного обоснованного мнения об истолковании этого летописного от-

---

[421] A. L. Schlözer. Probe Russischer Annalen. Bremen und Göttingen, 1768. В комментариях к IX т. Полного собрания сочинений Ломоносова ошибочно указано, что эта работа А. Шлецера «увидела свет только более ста лет спустя — в 1875 г.» (Ломоносов, ПСС, т. IX, стр. 825). Имеется в виду публикация В. Кеневича в приложении к переводу автобиографии А. Шлецера.

[422] A. L. Schlözer. Probe Russischer Annalen, стр. 166, прим. 17.

[423] «Другие производят из этого сосуды, ваза, водоем: это неученое толкование вкралось уже даже в некоторые рукописи о летописях». — Там же.

[424] БАН. 31.7.22, л. 22.

[425] Древняя российская история, стр. 62.

[426] БАН. 31.7.22, лл. 45 об.—46.

[427] Ломоносов. Древняя российская история, стр. 80.

рывка, так как в опубликованном им в 1732 г. немецком переводе Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи (названной летописью игумена Феодосия) нет интересующего нас текста об ответе княгини Ольги послам царьградского императора.[428]

Отсутствие этого текста объясняется воздействием на перевод Кенигсбергской летописи, осуществленный И. Паузе, принадлежащей ему Никаноровской летописи, которая содержала сокращенный вариант третьей редакции «Повести временных лет». И. Паузе, много лет изучавший Никаноровскую летопись, ввел на ее основе в Кенигсбергскую летопись ряд новых прочтений текста и сокращений.[429]

Г. Ф. Миллер хорошо знал рукописный труд А. Шлецера 1764 г. «Periculum», где специальный раздел был посвящен толкованию слова «судъ», встречающегося в летописном тексте — «Loca Nestoris explicata. §. 1. Судъ».[430] В «Probe Russischer Annalen» этот текст был дополнен многозначительным примечанием А. Шлецера о «неученом толковании», когда в число значений слова «судъ» включают «сосуды, ваза, водоем» («Sosudy, vasa, navigia»).[431]

Неслучайно поэтому, сверяя текст Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи, представленный в «Древней российской истории» Ломоносова, с отдельным изданием этой же летописи, Г. Ф. Миллер сразу же обратил внимание на то, что указанное в «Probe Russischer Annalen» А. Шлецера слово «судъ» в рассказе о крещении княгини Ольги действительно передано Ломоносовым в значении «купель», т. е. сосуд, в котором совершается обряд крещения. Поэтому в изданном тексте Кенигсбергской летописи в данном отрывке нет пояснительных слов, комментирующих смысл понятия, как например на стр. 17, где слово «судъ» имеет совершенно другое значение, — речь идет о походе Аскольда и Дира на Царьград 866 г.: «Онижъ внутрь суда (*пролива Константинопольского*) вшедше, и много убийство Христианомъ сотвориша».[432]

Приписка Г. Ф. Миллера на боковом и нижнем полях стр. 54 «Библиотеки российской исторической», в которой сказано о том, что Ломоносов именно в данном отрезке текста (где помещен рассказ об ответе княгини Ольги царьградским послам) толковал слово «судъ» как «купель», является прямым доказательством того, что автору этой приписки было хорошо известно, что изданный в 1767 г. текст Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи отражает работу Ломоносова над этой летописью.

Позднейшие исследователи не подтвердили в данном случае гипотезы Ломоносова. Акад. В. М. Истрин убедительно доказал, что слово судъ», встречающееся в русских летописях и в сказаниях о походах русских князей на Царьград, по своему смыслу не отличается от того значения, какое имеет оно и в повествовании о княгине Ольге. Словом «судъ» русские называли одно из прибрежных, защищенных от нападений мест вблизи Константинополя.[433] «Из слов Ольги, — пишет В. М. Истрин, — можно заключить, что для нее „Судъ“ это такой же пригород Царьграда, как Почайна (или местность на реке Почайне) — пригород Киева».[434]

В свете этих выводов, основанных на полном изучении русских летописей и греческих хроник, представляет интерес толкование В. Н. Татище-

---

[428] Sammlung russischer Geschichte, т. I. St. P., 1732, стр. 96—97.

[429] Г. Н. Моисеева. Из истории изучения русских летописей в XVIII веке (Герард Фридрих Миллер), стр. 130—137.

[430] ААН, р. IV, оп. 1, № 556, л. 12.

[431] A. L. Schlözer. Probe Russischer Annalen, стр. 166.

[432] Библиотека российская историческая, стр. 17.

[433] В. М. Истрин. «Суд» в летописных сказаниях о походах русских князей на Царьград. — Журнал Министерства народного просвещения, Пгр., 1916, ч. XVI, № 12, отд. 2, стр. 191—198.

[434] Там же, стр. 197.

вым слова «судъ» в отрывке о княгине Ольге: «Ольга же отвечала: „Колико я у тебя стояла в скутарех, столько царь пришед, постоит зде в Почайне, и я ему сугубо воздам“».[435] В примечаниях к 4-й главе «Истории российской» В. Н. Татищев так комментирует этот летописный текст: «Скутари есть предместие, или слобода, близ Константинополя при озере Скутари, ... а Почаина — река при Киеве, в которой всенародное при Владимире крещение было».[436]

Тем более важно показать, как комментировал этот отрывок А. Шлецер в своих позднейших трудах, посвященных изучению летописи Нестора.

В 1802—1809 гг. А. Шлецер издал в Геттингене большое исследование: «Нестор. Russische Annalen in ihrer slawonischen Grundsprache verglichen, ... erklärt und übersetzt von August Ludwig Schlözer». Интересующий нас летописный рассказ об ответе княгини Ольги послам греческого императора переведен на немецкий язык А. Шлецером, и тут же дан русский текст, переданный латиницей:

I otvesczavsze i recze poslom: ascze ty rtzi takosh postoiszi u mene v Poczajnie, jako az vsiudu, togda ti dam.[437]

Und sie antwortete und sagte den Gesandten: wenn du das im Namen des Zars sagt, so sage ihm wieder: stehe du so vor mir der Poczajna, wie ich im Tauf-Gefäs gestanden bin, denn will ich dir was schenken.[438]

При сопоставлении летописного текста и его немецкого перевода видно, что выражение «jako az vsiudu» («якожъ азъ всюду») передано «wie ich im Tauf-Gefäs gestanden bin» — «как я стояла в сосуде для крещения».

Вскоре после выхода исследования А. Шлецера Дмитрием Языковым был осуществлен полный перевод его на русский язык и публикация.[439] В третьей части, охватывающей период 913—915 гг., помещен интересующий нас летописный рассказ о крещении княгини Ольги, и ее ответ царьградским послам здесь передан так: «На ето она отвѣчала послам: ежели ты ето говоришь имянем царя, то скажи ему: постой ты у меня в Почайнѣ также, как я стояла в купелѣ».[440] Это была буквальная передача объяснительного перевода А. Шлецера «stehe du so vor mir der Poczajna, wie ich im Tauft-Gefäs gestanden bin».[441]

Итак, более чем три десятилетия спустя А. Шлецер, занимаясь изучением летописи Нестора, принял толкование Ломоносова, оказавшееся в конечном итоге ошибочным. Но это толкование слова «судъ», вызвавшее в «Probe Russischer Annalen» его критические замечания в адрес «неученого толкования», обратило внимание Г. Ф. Миллера на характер передачи текста в издании летописи Нестора 1767 г. Приписка Г. Ф. Миллера в принадлежащем ему экземпляре «Библиотеки российской исторической» («Das Wort Судъ hat Lomonossow durh купель erklärt» — «Слово судъ Ломоносов толковал как купель») с отсылкой к «Probe Russischer Annalen» А. Шлецера, имеющая, как мы видели, свою длительную предысторию, является важным звеном в цепи доказательств, свидетельствующих о том, что первое издание летописи Не-

---

[435] В. Н. Татищев. История российская, т. II, стр. 48.
[436] Там же, стр. 223, прим. 133.
[437] Нестор. Russische Annalen..., стр. 71—72.
[438] Там же.
[439] Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Людвиком Шлецером. Ч. I. Перевел с немецкого Дмитрий Языков. СПб., 1809; ч. II, СПб., 1816; ч. III, СПб., 1819.
[440] Нестор. Русские летописи..., ч. III, стр. 382—383.
[441] Нестор. Russische Annalen..., th. 5, стр. 70.

стора 1767 г. явилось результатом длительной работы Ломоносова над Кенигсбергской (Радзивиловской) летописью.

Свидетельство Г. Ф. Миллера не единично. В 1768—1769 гг. Ф. Эмин издал три тома «Российской истории». Примечания к этим книгам пестрят выпадами в адрес Ломоносова — автора трудов по истории России. В изложении событий 1107 г. о победоносном походе русских князей против половцев и о брачных союзах, состоявшихся после заключения мира, Ф. Эмин упоминает Эюпа, «сына славного тогда Гасана, князя Татарского». К имени Гасан дано обширное примечание автора: «В сем месте в именах татарских князей все наши летописцы ошибались; сие произошло от их незнания татарского и турецкого языков. Турецкие летописи упоминают о древнем своем праотце Гасане, которого они разными своими баснями выше небес вознесли; они утверждают, что он победил весь свет, и оному дал законы. Чаятельно они пишут о том Гасане, которого Нестор и г. Ломоносов Осеном, не зная имян турецких произношения назвали; ибо Гасан и Осен слова весьма сходныя... У него был сын Эюп, как видно о том в Турецкой истории; из чего заключить можно, что россияне в то время его называли Эюпою, ибо татарам, козакам, да и своим полководцам, кои не происходили от княжеской крови, они давали прозвания, кончающиеся на *а*, как, например, Вышата, Славята, Путята, Добрыня, Мазепа и прочие. По чему видно, что имя татарское Эюп произносили Эюпа; и так тот Аэпа, о котором бытии и достоинстве сомневается издатель Нестора, кажется, что был тот Эюп, сын славного Гасана, которого тот же издатель назвал Осеном».[442]

Что имеет в виду Ф. Эмин, когда говорит: «...они пишут о том Гасане, которого Нестор и г. Ломоносов, не зная имян турецких произношения назвали»? Примечание к стр. 173 «Библиотеки российской исторической» разъясняет нам этот многозначительный намек. В печатном издании Кенигсбергской летописи после описания похода русских князей на половцев в 1107 г. следует известие: «Въ то же лѣто иде Володимиръ и Давидъ и Олегъ ко Аэпѣ, и ко другому Аэпѣ, и сотвориша миръ, и поя Володимиръ за Юрья Аэпину дщерь, Осеневу внуку, а Олегъ поя за сына Святослава Аэпину дщерь Гиргеневу внуку».[443] К имени Аэпа дано примечание: «... князь ли Половецкой Аэпа или кто другой был, не извѣстно».[444]

Итак, Ломоносов, полагаясь на летопись Нестора, произносил половецкие имена так, как они были написаны в Кенигсбергской летописи. Ф. Эмин бросает упрек издателю Нестора в том, что он, не зная «татарского и турецкого языков», называет «славного Гасана ... Осеном», а его сына Эюпа — Аэпой и, кроме того, «сомневается» в его «бытии и достоинстве».

Не остается никакого сомнения в том, что Ф. Эмин, бросая обвинение Ломоносову, имеет в виду подготовленную им к изданию летопись Нестора и именно это, приведенное выше примечание, данное к имени Аэпа. Ломоносов упоминает Аэпу в «Родословии российских государей мужского и женского полу и брачные союзы с иностранными государями», которым заканчивается изданный в 1760 г. «Краткий российский летописец».

Сообщая сведения о потомках Владимира Мономаха, Ломоносов пишет: «Юрей Владимирович Долгорукой. Супруги: 1) дочь Аепы,

---

[442] Российская история, сочиненная Феодором Эмином, т. II. СПб., 1768, стр. 289—290, прим. б.

[443] Библиотека российская историческая, стр. 173.

[444] Там же.

князя Половецкого, внука Асенева, 2) Ольга, в пострижении Евфросинья».[445]

Совершенно очевидно, что Ф. Эмин имел в виду не эти сведения о половце Аэпе, дочь которого стала женой Юрия Долгорукого. В «Родословии» Ломоносов не высказывает никаких сомнений в «бытии и достоинстве» Аэпы — здесь уже он определенно называет его «князем Половецким», в то время как в примечании к летописи Нестора Ломоносов не уверен, «князь ли Половецкой Аэпа, или кто другой был», хотя речь идет об одном и том же лице. Следует помнить, что работа над Кенигсбергской летописью была закончена Ломоносовым в 1754—1755 гг.: в начале 1756 г., как мы помним, И. Барков уже переписывал набело на дому у Ломоносова «Несторову летопись». В эти же годы Ломоносов продолжал работу над «Российской историей», и на материале этого обширного труда он составил в 1759 г. сокращенный очерк по истории России от древнейшей поры до 1725 г. — «Краткий российский летописец». Нет ничего удивительного в том, что на протяжении непрерывной работы над историческими источниками за пять лет, прошедших после окончания работы над Кенигсбергской летописью, Ломоносов нашел дополнительные данные, проливающие свет на родословие. Примечание же к Несторовой летописи запечатлело тот этап работы Ломоносова, когда он не обладал достаточными сведениями о половце Аэпе, кроме тех, которые были сообщены в самом летописном тексте — «поя Володимиръ за Юрья Аэпину дщерь». Не вызывает удивления и несколько иное орфографическое оформление имен исторических лиц: Аэпа — Аепа, Осенева внука — Асенева внука. В литературных и исторических сочинениях Ломоносова можно указать множество подобных изменений в написании имен: Бейер — Байер, Ольг — Олег, Светославич — Святославич, Владимер — Владимир, Дмитрий — Дмитрей, Оскольд — Аскольд.

Примечание Ф. Эмина в «Российской истории», имевшее назначением подчеркнуть недостатки изданной летописи, оказалось одним из прямых доказательств того, что автору трехтомной «Российской истории» было хорошо известно, что изданный текст Кенигсбергской летописи и примечания к ней отражают круг знаний и представлений Ломоносова, а не И. Баркова и не И. И. Тауберта.

Почему не сохранилось свидетельства самого Ломоносова о его работе по подготовке к печати Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи?

Ответ на этот вопрос заставляет нас вернуться к началу настоящей главы, где рассказано о работе Ломоносова над летописью Нестора, которая относится к 50-м гг. XVIII в. В сводном отчете, составленном в 1756 г., Ломоносов упоминает, что в 1751 г. он «читал книги для собрания материй к сочинению „Российской истории“: Нестора, законы Ярославли, большой Летописец, Татищева первый том, Крамера, Вейселя, Гелмолда, Арнолда и другие, из которых брал нужныя эксцерпты, или выписки, и примечания, всех числом 653 статьи на 15 листах».[446] В разделе «О словесных науках» Ломоносов указывает, что собранные прежде «материалы к Грамматике зачал приводить в порядок», кроме того «диктовал студентам сочиненное ... начало третьей книги „Краснорѣчия“ о стихотворстве вообще».[447] Между тем в очередных «репортах» 1751 г., представляемых в Академию наук по третям года (январской, майской и сентябрьской), Ломоносов совсем не упоминает о своих занятиях историей: им перечислены «изобретение стекол всех цветов, служащих для

---

[445] Краткой российской лѣтописецъ съ родословиемъ. Сочинение Михайла Ломоносова. СПб., 1760, стр. 63; Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 351.

[446] Ломоносов, ПСС, т. X, стр. 389.

[447] Там же.

мозаики», «рассуждение о пользе химии, прочитанное в публичном собрании Академии», и «совершение трагедии Демофонт».[448]

Сопоставление «по объектам» очередного «репорта» по третям 1752 г. с обобщенным отчетом за этот же год, составленным в 1756 г., раскрывает ту же картину: «в репортах» Ломоносов называет свои работы, в первую очередь в области химии и физики, и только в отчете за майскую треть кратко говорит о том, что он «по досугам делал разные приготовления и примечания к сочинению „Российской истории“».[449] В обобщенном отчете за 1752 г. помимо работ в области физики и химии указано, что «для собрания материалов к „Российской истории“ сделал „эксцерптов нужных на 5 листах в 161 статье“».[450] А в «словесных науках: 1) сочинил оду на восшествие на престол е. и. в.; 2) письмо о пользе стекла; изобретал иллюминации и сочинял к ним стихи — на 25 апреля, на 5 сентября, на 25 ноября; 3) Оратории второй части „Красноречия“, сочинил 10 листов».[451]

Из приведенных сопоставлений отчетов видно, что Ломоносов в очередных рапортах не указывал целый ряд трудов, над которыми он работал. В отчете за прошедшее время Ломоносов называл эти работы уже в качестве законченных.

Последний очередной «репорт» Ломоносова по третям года относится к 17 марта 1753 г. Обобщенный отчет президенту Академии наук охватывает 1751—1756 гг. В эти годы, как мы помним, Ломоносов работал над летописью Нестора в качестве основного источника его «Российской истории». К маю 1756 г., как мы знаем, И. Барков переписал набело лишь «близ половины» летописи Нестора. Если даже к октябрю—декабрю 1756 г. (времени составления сводного отчета за 1751—1756 гг.) полный текст летописи Нестора и был переписан набело, то все равно работа эта не могла считаться оконченной до тех пор, пока не была произведена сверка петровской копии с подлинной летописью, хранившейся в королевской библиотеке г. Кенигсберга и попавшей в Петербург лишь в 1759 г. Поэтому Ломоносов не мог причислить подготовляемую к публикации летопись к числу уже законченных трудов.

В нашем распоряжении имеется также «Роспись упражнений сего 1759 г.», составленная Ломоносовым в конце декабря этого года. Здесь перечислены работы, выполненные в 1759 г. В интересующем нас разделе «истории и словесных наук» Ломоносов указывает:

«1. Сделал самый краткий перечень российской истории.
2. Сочинил таблицу российской императорской фамилии.
3. Собрал великую часть рифмологии российской.
4. Сочинил краткие стихи...
5. Переводил стихи из Сенеки и с немецкого.
6. Сочинил оду на тезоименитство е. в. и на победы.
7. Сочиняю программы и речь благодарственную для инавгурации Университета».[452]

Первые два пункта отражают работу Ломоносова над «Кратким российским летописцем», законченным в 1759 г. и вышедшим из печати в 1760 г. В этой «Росписи», как мы видим, не упомянут 1-й том «Российской истории», сданный в печать в октябре 1758 г.[453] и взятый Ломоносовым в марте 1759 г. из Академической типографии для переработки.[454]

---

[448] Там же, стр. 384.
[449] Там же, стр. 387.
[450] Там же, стр. 390.
[451] Там же.
[452] Там же, стр. 395—396.
[453] Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова, стр. 298.
[454] Там же, стр. 307.

Таким образом, очевидно, в «Росписи» 1759 г. Ломоносов перечислил только новые работы этого года.

В распоряжении исследователей имеется последняя «Роспись сочинениям и другим трудам советника Ломоносова», составленная в начале 1764 г. и посланная М. И. Воронцову для передачи в Болонскую академию наук. От предшествующих «репортов» и «росписей» она отличается тем, что написана будто не Ломоносовым, а как бы посторонним лицом. Второй особенностью «Росписи» 1764 г. является то, что в ней отражены только оригинальные труды Ломоносова, которые являются его индивидуальным вкладом в науку: «Роспись» 1764 г. служит раскрытию того, что нового внес в науку «советник Ломоносов». Поэтому здесь сказано, например, что Ломоносов «сочинил „Российскую грамматику“»,[455] но ни словом не упомянута «Латинская грамматика на латинском и российском языках, сочиненная под смотрением статского советника Ломоносова», сданная в печать в 1763 г. Эта работа была в известной степени сводом уже существовавших учебных пособий по латинскому языку, и роль Ломоносова сводилась здесь к общему руководству в составлении книги.

В сводной росписи 1764 г. совершенно не отражена деятельность Ломоносова как переводчика. Даже «Волфиянская экспериментальная физика, с немецкого подлинника на латинском языке сокращенная, с которого на российский язык перевел Михайло Ломоносов», изданная впервые в 1746 г. и перепечатанная с некоторыми новыми добавлениями в 1760 г., не нашла здесь отражения.

Само собой очевидно, что подготовка издания текста Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи не могла быть поставлена в один ряд с «сочинениями», которыми «обогатил науки» Ломоносов.

Такая оценка значения подготовки к изданию текстов литературных и исторических памятников древней Руси была характерна для того времени. С этим пониманием связано и отсутствие имени публикатора. В самом деле, при издании «Царственной книги» по списку Патриаршей библиотеки, осуществленном М. М. Щербатовым в 1769 г., не обозначено его имя.[456] Неизвестно, кто готовил текст «Казанской истории», изданной в «Историческом месяцеслове на 1773 год».[457] Только из сообщения, принадлежащего, как полагают, Н. И. Новикову, опубликованного в «Санкт-Петербургских ученых ведомостях» 1777 г.,[458] мы узнали, что I том Лицевого свода (Остермановский), изданный Академией наук в 1772 г.,[459] подготовлен И. Е. Глебовским, а II том, изданный в 1775 г., — Г. В. Козицким.[460]

Г. Ф. Миллер по существу впервые нарушил эту устойчивую традицию. В изданной им в 1774 г. Двинской летописи в конце публикации сказано: «Сия статья сообщена Вольному российскому собранию от преосвя-

---

[455] Ломоносов, ПСС, т. X, стр. 400.

[456] Царственная книга, то есть Летописец царствования царя Иоанна Васильевича от 7042 году до 7061, напечатан с писменного, который сыскан в Москве в Патриаршей библиотеке. СПб., 1769.

[457] История о взятии города Казани при царе Иване Васильевиче и о разорении Казанского царства. — Исторический месяцеслов на 1773 год. СПб., 1773.

[458] Санкт-Петербургские ученые ведомости, 1777, № 19, стр. 148—151.

[459] Царственный летописец, содержащий российскую историю от 6622/1114 году, то есть от начала царствования великого князя Владимира Всеволодича Мономаха, до 6980/1472 году, то есть до покорения Новагорода под власть великого князя Василья Ивановича, после учиненного бунту в Новегороде происками Марфы посадницы и ее детей. СПб., 1772.

[460] Древняго летописца часть вторая, содержащая в себе повесть происшествий, бывших в России с 6887/1379 по 6932/1424 год, то есть последния лета княжения великого князя Дмитрия Ивановича Донского и владение великого князя Василья Дмитриевича. СПб., 1775.

щенного Антония, епископа архангелогородского и холмогорского, что ныне нижегородский и алаторский, которую с другим списком сводил и из оного дополнил упомянутого собрания и Санкт-Петербургской императорской Академии наук член, господин коллежский советник Миллер».[461] В изданной Г. Ф. Миллером в следующем году «Книге степенной царского родословия» имя издателя указано на титуле книги.[462]

Но эта новая традиция не возобладала. Большинство изданных в XVIII в. литературных и исторических памятников не содержат сведений о тех, кто готовил к печати тексты, осмыслял и комментировал их.[463] Порожденные этими обстоятельствами неясности до настоящего времени вызывают споры в науке, что особенно наглядно видно при изучении первого издания «Слова о полку Игореве» 1800 г.[464]

Первая публикация Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи «Библиотекой российской исторической» 1767 г. открывала новый этап в изучении памятников древнерусской литературы. Работа Ломоносова над летописью Нестора, отраженная в печатном издании Кенигсбергской летописи, стоит у истоков русской археографии XVIII в.

---

[461] Летописец Двинской... — Опыт трудов Вольного российского собрания при имп. Московском университете, ч. I. 1774, стр. 194.

[462] Книга степенная царского родословия, содержащая историю российскую с начала оныя до времени государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, сочиненная трудами преосвященных митрополитов Киприана и Макария, напечатанная под смотрением коллежского советника и императорской Академии наук, також и разных иностранных академий, и Вольного экономического и российского Вольного же собрания члена Герарда Фридерика Миллера. Ч. 1. М., 1775.

[463] В обоих изданиях «Древней российской вивлиофики» Н. И. Новикова и в «Продолжении древней российской вивлиофики» в некоторых случаях указываются имена тех, кто «сообщил» издателю публикуемые материалы, но нигде не упоминаются участники этого издания ценнейших древнерусских литературных и исторических памятников.

[464] Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.—Л., 1960.

Глава V

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ В ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ЛОМОНОСОВА

Древние рукописи окружали Ломоносова в детстве: русский Север и сейчас бережно хранит замечательные памятники нашей древней культуры; в XVIII в. их было несравненно больше.

Ломоносов знал огромное количество древнерусских памятников: многие Летописи, Степенные книги, Хронографы, Разрядные и Родословные книги, Жития святых, Прологи, церковно-учительные и церковно-богослужебные книги. Приписки и пометы Ломоносова на рукописях, хранящихся в московских, ленинградских и киевских библиотеках, характеризуют диапазон его интересов к письменному наследию древней Руси.

Многовековая культура русского народа, нашедшая отражение в древнерусских памятниках и в устном творчестве, оказала большое влияние на Ломоносова — поэта, писателя-историка и автора теоретических трудов в области словесности. Обращение к национальной традиции определило своеобразие художественного творчества Ломоносова и оказало тем самым воздействие на характер складывающейся русской литературы XVIII в.

Детство и юность, проведенные Ломоносовым на Беломорском севере, сыграли большую роль в формировании его взглядов на русскую литературу, на характер его отношения к предшествующей традиции.

Рукописные древние книги были первыми учебниками Ломоносова; рукописные книги он переписывал сам, сохраняя их для будущих поколений; рукописные книги он видел в богатейших библиотеках монастырей (Соловецкого, Антониево-Сийского, позднее Заиконоспасского, Киево-Печерского), в библиотеке своих соседей по Курострову — Дудиных.

Представление о непрерывности литературного развития и глубокой связи древней и новой литератур, позднее нашедшее теоретическое обоснование в трудах Ломоносова, первоначально возникло под непосредственным влиянием исторически сложившихся особенностей севернорусской культуры — хранительницы древнерусского письменного наследия.

Не меньшее значение имело устное творчество, которое широко и многогранно раскрывало духовную жизнь народа. На Беломорском севере в живой преемственности народ сохранил русский былевой эпос. В старинах рассказывалось о ратных подвигах русских богатырей, охранявших рубежи Киевской Руси, о славных делах удалых новгородцев.

Народная поэзия в России конца XVII—начала XVIII в. достигла большого расцвета. Обрядовые, бытовые, лирические песни, сказки, легенды и духовные стихи донесли до XVIII в. все лучшее, что было создано устной традицией на протяжении предыдущих столетий.

На родине Ломоносова не только усердно хранили, передавая из рода в род, старорусский эпос, но создавали новые бытовые и лирические

песни, исторические и топонимические предания. Особенно много на Севере было сложено поэтических сказаний и героических песен, связанных с личностью Петра I. Образ царя воспринимался как один из героических, былинных образов, вопреки преданиям, исходившим из кругов старообрядчества, где Петр I был охарактеризован как антихрист. В северных сказаниях подчеркивались энергия и трудолюбие Петра, его настойчивость в борьбе с неприятелем и с суровой природой (строительство Новодвинской крепости, прорытие Ладожского канала, заведение флота).

Особое внимание Ломоносова к теме Петра I и разработка им этого образа в самых различных жанрах (ода, слово похвальное, поэма, надписи к памятникам, серия мозаических картин, историческое сочинение) в значительной степени объясняется его ранними впечатлениями от знакомства с северным фольклором, где самим народом было высоко оценено значение Петра I в преобразовании русского государства. Проникая в бытовую речь, в художественные и деловые памятники древней Руси, народная поэзия обогащала литературу.

В дальнейшем мы увидим, как Ломоносов, оценивший значение устного творчества, сознательно привносил в создаваемую им литературу (и теоретически это обосновывал) лучшие достижения словесного искусства народа.

Крупнейшие общественно-экономические и политические преобразования, происшедшие в России в конце XVII—начале XVIII в., положили начало Петровской эпохе. Россия могучим толчком двинулась вперед, укрепила свою государственность, заняв одно из важнейших мест в ряду европейских стран, активно воздействовавших на ход мировой истории.

Большие изменения произошли и в русской культуре начала XVIII в.: Петр I смело и беспощадно порывал со стариной. Новая, чисто светская культура была призвана поддержать экономические и общественные мероприятия государства, способствовать росту национального самосознания, чуждого религиозному миросозерцанию предшествующего времени. Властной рукой Петр I разрушал устоявшийся быт, насаждал новые обычаи и порядки, «не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства».[1]

Светский характер новой культуры требовал существенной перестройки всех ее сторон, включая и литературу. В переломную эпоху конца XVII—первых десятилетий XVIII в. происходил этот процесс, который занял более четверти века, прежде чем русская литература ознаменовалась качественными изменениями, явившимися результатом освоения жизнеспособных и преодоления обветшалых традиций.

Существенное изменение самого характера литературы вызвало ее принципиально иное отношение к народному творчеству и к опыту западноевропейской литературы. Оба эти фактора в разных формах и соотношениях сыграли значительную роль в формировании новой русской литературы, предопределив в значительной степени тот путь, по которому она будет развиваться в течение всего XVIII в.

Постоянное воздействие фольклора на формирование русской литературы, отмеченное исследователями на материале памятников XI—XVII вв., приобрело в Петровскую эпоху иной характер. В первых десятилетиях XVIII в. более активно, чем в предшествующий период, произошло расслоение общества. В борьбе со старой оппозиционной знатью Петр I усиленно «создавал» новых дворян, выдвигавшихся из низов благодаря личным качествам ума и характера. «Табель о рангах» отделяла этих людей от податного сословия. Овладение «науками» и навыками светской, в основном западноевропейской, культуры еще более подчерки-

[1] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 301.

вало разрыв с прежней средой, где господствовали эстетические представления древнерусской книжности и народного творчества.

Общая просветительская направленность Петровской эпохи, способствующая раскрепощению человеческой личности и увлеченности науками, которые охватывали все отрасли знаний, в том числе и историю, содействовала тому, что народное творчество впервые стало рассматриваться не только как явление быта, но и как объект изучения: в нем увидели источник исторических свидетельств.

Начало 30-х гг. XVIII в., когда Ломоносов вошел в литературу, явилось завершением тех больших перемен, которыми ознаменовались конец XVII—начало XVIII в. Д. С. Лихачев справедливо выделяет XVII в. как особый период, имеющий большое историко-литературное значение: «Это век, в котором смешались архаические явления с новыми, соединились местные и византийские традиции с влияниями, шедшими из Польши, с Украины, из Белоруссии.

Это век, в котором прочно укоренившиеся за шесть веков литературные жанры легко уживались с новыми формами литературы: с силлабическим стихотворством, с переводными приключенческими романами, с театральными пьесами, впервые появившимися на Руси при Алексее Михайловиче, с первыми записями фольклорных произведений, с пародиями и сатирами».[2]

Русская литература второй половины XVII—начала XVIII в. наполнена авантюрными и рыцарскими романами.[3] Через посредство Польши в основном пришли романы и повести о Бове-королевиче, о Василии Златовласом, о королевиче Брунцвике, об Оттоне, цесаре римском, о Петре Златые Ключи, о волшебнице Милюзине. Все эти произведения напоминают друг друга: герои встречаются, мгновенно влюбляются, их разлучают обстоятельства, они терпят неудачи и тяжелые испытания. В конце произведения все препятствия преодолеваются и счастливые влюбленные соединяются узами брака. Занимательная сюжетная интрига, сложные и запутанные перипетии развития романа, где не последнюю роль играют разного рода неожиданные встречи, похищения героинь, путешествия в неведомые страны, — все это привлекало русского читателя своим новшеством, смелостью в обрисовке любовных чувств.

В Петровскую эпоху появились и первые русские повести светского характера, где обрисован образ русского молодого человека «острого разумом», который обладает замечательными качествами характера: находчивостью, смелостью, преданностью. В повестях о российском матросе Василии, о российском кавалере Александре и о шляхецком сыне нашли отражение поиски литературных средств (и языковых, и сюжетообразующих), попытки создать национальный вариант западноевропейского занимательного любовного романа с разработкой некоторых тем, отличных от переводной литературы. Так, в русских повестях герой — сын незнатных или разорившихся родителей, в то время как в переводной литературе герой всегда знатного происхождения, что нашло отражение даже и в заглавиях произведений (роман о Бове-королевиче, о королевиче Брунцвике, о цесаре Оттоне и др.).

В первые десятилетия XVIII в. наряду с влиянием европейского романа можно отметить широкое проникновение в литературу русского

---

[2] Д. С. Лихачев. Семнадцатый век в русской литературе. — В кн.: XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969, стр. 299.

[3] А. Н. Пыпин. Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII века. М., 1888; А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903.

фольклора. Сказки, былины, лирические песни становятся источниками сюжетосложения произведений и стилеобразующим фактором.

К фольклору обращаются все жанры литературы. В повестях первых десятилетий XVIII в. сюжеты сказок становятся источником развития литературного повествования. Так, бóльшая часть «Гистории о российском матросе Василии Кариотском» основана на удачной группировке сказочных эпизодов, сохранившихся в народном творчестве и до нашего времени. Изображая приключения «российского матроса Василия», попавшего после кораблекрушения на неизвестный остров, автор «Гистории» близко воспроизводил манеру сказочного повествования.[4] Сюжет народной обработки романа о Буово (сказка о Бове-королевиче) нашел отражение в «Гистории о некоем шляхецком сыне».[5] В «Гистории о российском кавалере Александре», где больше (по сравнению с предшествующими повестями) ощущается влияние западноевропейского авантюрного романа, также очевидно воздействие фольклора, которое сказывается в многочисленных «ариях», нередко близко воспроизводящих поэтику народных любовных песен.

Эта же линия прямого взаимодействия с фольклором продолжена в повествовательной прозе середины XVIII в. Так, в «Истории о цесаревиче Ярополе» целые эпизоды переданы посредством освоения устно-поэтического наследия.[6]

Насколько тесно было взаимодействие повествовательной литературы и фольклора, можно судить и по тем записям былин, которые сохранились в списках XVIII в. Оказав воздействие на повести, сами былины подверглись влиянию литературных памятников.[7] Исследователи отмечают, что в некоторые былинные сюжеты проникли элементы книжности, что частично разрушило ритмический и поэтический облик устного произведения и приблизило его к повествовательным сочинениям XVIII в.[8]

В первые десятилетия XVIII в. происходит расцвет лирики. Это можно наблюдать по составу многочисленных стихотворных сборников того времени (очень внимательно исследованных в последние годы А. В. Позднеевым).[9] Любовная песня властно вторгается и в другие жанры литературы. В повестях первых десятилетий XVIII в. присутствует почти полная антология любовной лирики того времени. В многочисленных песнях-ариях герои повестей объясняются в своих чувствах, плачут от неудачной любви, скорбят в разлуке.

Литература Петровского времени отразила некоторые стороны действительности первых десятилетий XVIII в.: она освободилась от религиозного мировосприятия, обратив внимание на подлинную жизнь, поставила вопрос о раскрепощении личности, о праве человека на земное счастье.

Резкий разрыв с традициями предшествующей культуры предопределил в литературе поиски новых художественных средств путем перенесения на русскую почву опыта европейской литературы и обращения к народному творчеству. Все это создало предпосылки для формирова-

---

[4] Русские повести первой трети XVIII века. Исследование и подготовка текстов Г. Н. Моисеевой. М.—Л., 1965, стр. 46—49.

[5] Там же, стр. 144—145, 148.

[6] М. В. Николаева. «История о Ярополе царевиче» и сказочно-былинная традиция. — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1949, стр. 52—66.

[7] Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. Издание подготовили А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.—Л., 1960.

[8] Там же, стр. 7—75; М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963.

[9] А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII веков. (Из истории песенной силлабической поэзии). — Ученые записки Московского Государственного заочного пед. института, т. 1. М., 1958, стр. 105.

ния новой русской литературы, некоторые черты которой были уже намечены в Петровскую эпоху.

Но одновременно с художественными накоплениями первых десятилетий XVIII в. можно говорить и о художественных потерях, которые сопровождали эту эпоху, полную разнообразных противоречий.

Выход за пределы древнерусской литературы ослабил традиции, накопленные ею за девять веков непрерывного развития: обращение к темам национально-исторического значения, ее гражданственность и патриотизм.

В Петровскую эпоху эти традиции дервнерусской литературы сохранились преимущественно в исторических сочинениях и в ораторском жанре. Но исторические труды начала XVIII в., приобретя почти исключительно документальный характер, потеряли художественную выразительность и не могли поэтому удовлетворять эстетическим запросам нового читателя.

Ораторская проповедь под пером Феофана Прокоповича стала средством формирования государственной идеологии. Но проповедь в силу своей жанровой ограниченности не могла противостоять мощному потоку литературного творчества, где преобладали совершенно противоположные тенденции: вымышленность героев, сюжета и всего литературного состава произведений резко порывала с традицией историчности русской литературы XI—первой половины XVII в.

Ярким показателем вкусов и литературных потребностей читателей начала 30-х гг. XVIII в. является успех любовного романа Поля Тальмана «Езда в остров любви», изданного в Петербурге в 1730 г. в переводе с французского языка В. К. Тредиаковского. В предисловии «К читателю» Тредиаковский отметил особенности сделанного им перевода французского салонного романа «Я оную не славенским языком перевел, но почти самым простым русским словом, то есть, каковым мы меж собой говорим». Далее Тредиаковский объяснял причины такого выбора языка перевода: «...славенский язык — церковный, а „Езда в остров любви" — книга мирская; язык славенский в нынешнем веке у нас очюнь темен, и многие его наши читатели его неразумеют, а сия книга есть сладкия любви, того ради всем должна быть вразумительна»; третья причина, «которая у меня идет за самую важную, то есть, что язык славенской ныне жесток моим ушам слышится, хотя прежде сего я не только им писывал, но и разговаривал со всеми».[10]

Тредиаковский достиг, в известной степени, того, что язык перевода романа приблизился к разговорной речи его времени (которая сама была многослойна). Церковнославянизмы почти исключены из словаря, количество варваризмов Петровской эпохи незначительно. В поисках языковых средств для передачи любовной фразеологии Тредиаковский прибегает к словотворчеству, создавая неологизмы посредством церковнославянских корней и суффиксов: «глазолюбность», «любовность», «союзность», «очесливость».[11]

И. З. Серман, сопоставивший перевод романа с подлинником, пришел к выводу о том, что Тредиаковский в описании любовных объяснений широко использует стилистические формулы, выработанные безвестными авторами рукописных повестей Петровского времени.[12]

Обращение к народной поэзии подсказало Тредиаковскому ряд словосочетаний, которые он удачно использовал для характеристики ге-

---

[10] Езда в остров любви. Переведена с французского на русский чрез студента Василья Тредиаковского. М., 1834 (печатано с издания 1730 г.), стр. 117, 121, 124, 137, 144.

[11] Там же, стр. 20, 41, 100.

[12] И. З. Серман. Русский классицизм (печатается).

роини: у Аминты «ясные очи», «уста сахарные», «речь сладкая».[13] В предисловии «К читателю» Тредиаковский привел несколько русских пословиц.

В начале 30-х гг. XVIII в. широкое распространение получили рукописные списки стихотворных сатир Антиоха Кантемира. В этих острых произведениях во всей полноте отразилась русская жизнь того времени, с ее предрассудками и религиозным фанатизмом, с борьбой новых начал с варварской стариной. Своей художественной стороной творчество А. Кантемира было органически связано с многовековой культурой русского народа: оно характеризуется тесной близостью с живыми источниками народного слова.

Творчество Кантемира привлекало Ломоносова. Много позднее, говоря о сатирических жанрах (в отзыве о «Двух эпистолах» А. П. Сумарокова 1748 г.), Ломоносов ссылался на поэтическую практику А. Кантемира: «... в российском народе сатиры князя Антиоха Дмитриевича Кантемира с общею апробациею приняты, хотя в них все страсти всякого чина людей самым острым сатирическим жалом проницаются».[14]

Следы непосредственного воздействия творческой системы Кантемира на Ломоносова живо ощущаются в антиклерикальной сатире «Гимн бороде», получившей также, как об этом можно судить по значительному количеству рукописных списков, широкую известность в народе. «Гимн бороде», по-видимому, не единственное сатирическое произведение Ломоносова. Я. Штелин, близко знавший великого русского ученого и поэта, в конспекте похвального слова отметил: «Сатиры на духовных. Гимн бороде».[15]

Занятия в Славяно-греко-латинской академии несомненно способствовали формированию литературных воззрений Ломоносова. Здесь на третьем году обучения в первом «словесном классе» (Ломоносов за один год перешел из низшего класса в третий) изучали пиитику. Учащимся давалось общее представление о поэзии и сообщались сведения о стихосложении, основанные на античных образцах. Сохранился курс «Поэтики», составленный преподавателем Славяно-греко-латинской академии Феофилактом (Федором) Кветницким: «Clavis poetica Rossiacae juventuti januam vivos ad Parnassi fontes duplici methodo: una ligatae, altera solutae orationis, aperiens Avgustissima Imperante Anna non fereo Vulcani malleo, sed cerebellea Theodori Kwietniscii, incude Mosqvensi in Academia excusa. Annus in axe rotam Christi volvebat amandi 1732. Clara Novembris erat septima lux decima».[16]

Из «Поэтики» Ф. Кветницкого Ломоносов мог почерпнуть сведения о драматургических произведениях и их построении, о поэзии латинской и славянской, основанной на слоговой системе и рифмическом окончании. Ф. Кветницкий знакомил учащихся с теорией литературы, построенной на «Поэтике» Аристотеля. Так, несомненно, учение о «вымыслах», являющихся необходимым условием при создании литературного произведения, восходит к IX главе «Поэтики», где сказано, что «задача поэта — говорить не о происшедшем, а о том, что могло бы случиться, о возможном

---

[13] П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени (1750—1765). М.—Л., 1936, стр. 19.

[14] Ломоносов, ПСС, т. IX, стр. 621.

[15] М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. Составитель Г. Е. Павлова. М.—Л., 1962, стр. 26.

[16] «Ключ поэтики, открывающий российскому юношеству двери к живым источникам Парнаса двумя путями: одним — к стихотворной, другим — к прозаической речи, в царствование августейшей Анны, выкованный не железным молотом Вулкана, а на наковальне разума Феодором Кветницким в Московской академии. 1732 г., ноября 17». ГБЛ, ф. 299 (Н. С. Тихонравова), ед. хр. 31.

по вероятности или необходимости».[17] Г. Воскресенский, исследовавший «Поэтику» Ф. Кветницкого, полагал, что она оказала влияние на «вторую часть Риторики Ломоносова».[18]

В разделе о поэме или эпопее Ф. Кветницкий предлагает следовать трехчастному построению и употреблять «троякий стиль»: высокий, средний и низкий (Stylus sullimus, temperatus et humilis).

В 1733—1734 гг. Ломоносов слушал курс «Риторики» Порфирия (Петра) Крайского. Сохранился конспект этого курса, переписанный рукою Ломоносова: «Artis Rhetoricae praecepta tres in libros divisa atque ad instruendum oratorem selectioribus Eloquentiae fundamentis ad elegantiam styli in omni genere dicendi tradita Moscoviae. Ex Anno 1733 in Annum 1734, Octobris 17».[19]

В теоретических наставлениях П. Крайского большое внимание было уделено красноречию — церковному и светскому: похвальным словам и панегирикам, для «построения» которых необходимо было «изобретать» материи, а также находить сложные ассоциации и сближения значений.

В период обучения в Славяно-греко-латинской академии Ломоносов начинает собственное поэтическое творчество. М. И. Веревкин, составивший биографию М. В. Ломоносова для первого академического Собрания сочинений 1784 г., писал на основании материалов, почерпнутых из архива Заиконоспасского монастыря, что уже в первый год обучения Ломоносов «столько стал... силен в латинском языке, что мог уже на нем сочинять небольшие стихи». Он писал и русские стихи, единственный образец которых сохранился в записи, привезенной в 1778 г. акад. И. И. Лепехиным с Севера от земляков Ломоносова. Это «Стихи на туясок», сочиненные в 1733—1734 гг.:

Услышали мухи
Медовыя духи,
Прилетевши, сели,
В радости запели.
Егда стали ясти,
Попали в напасти.[20]

Эти ученические стихи написаны силлабическим размером. Они не выдержаны в стилистическом плане: в шутливом стихотворении не должны присутствовать славянизмы («егда», «ясти»), не свойственные этому жанру. Это скорее всего русский народный стих типа раешника.

Первые шаги Ломоносова очень важны, так как показывают направление его поисков и размышлений о путях создания русских поэтических произведений.

В курсе «Риторики» П. Крайского, переписанном Ломоносовым в 1733—1734 гг., сохранилось его небольшое учебное сочинение[21] —

---

[17] Аристотель. Поэтика. Перевод, введение и примечания Н. И. Новосадского. «Academia», Л., 1927, стр. 51.

[18] Г. Воскресенский. Ломоносов и Московская славяно-греко-латинская академия. М., 1891, стр. 26.

[19] «Наставления по ораторскому искусству, разделенные на три книги и для обучения оратора избранным основам красноречия и изяществу стиля в разного рода риторике, преподанные в Москве. С 1733 по 1734 г., октября 17». ГБЛ, ф. 183, № 279, лл. 158—283.

[20] Ломоносов, ПСС, т. VIII, стр. 7.

[21] Учебным сочинением Ломоносова считал этот отрывок акад. М. И. Сухомлинов. См.: Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями акад. М. И. Сухомлинова, т. III. СПб., 1895, стр. 28 второй пагинации. О том, что переписанная в курсе «Риторики» проповедь является учебной работой Ломоносова, свидетельствует отметка «Вепе», поставленная 6 июля 1734 г. преподавателем риторики П. Крайским (ГБЛ, ф. 183, № 279, л. 283). Почерк П. Крайского определен по материалам, хранящимся в ЦГАДА, см.: «Слово» императрице Елизавете Петровне 1742 г. с подписью П. Крайского. — ЦГАДА, ф. 381, № 513, л. 12 об.

«De eloquentia sacra», где приводится как пример на русском языке проповедь в годовщину победы над Ахматом, посвященная императрице Анне Иоанновне: «Молют сию да щедролюбивым материм к сыну своему и богу нашему молением отвращаешь от нас всякая злоключения, праведным судом божиим грех ради наших находящая. Укроти, владычице богородице, помощию твоею воздвигшыяся на народ твой брани, защити многомощною твоею крепостию стадо твое, на тя уповающее. Подаждь победу и преодоление благочестивейшей, самодержавнейшей, великой государыне нашей императрице Анне Иоанновне на вся враги востающия, на церковь и на народ християнский. Сохраняя сию здраву, целу и невредиму, в мире и тишине чрез многая лета, не имамы бо инныя помощи, не имамы инныя надежды разве тебе, пречистая Дево. Аминь».[22]

При составлении этой проповеди Ломоносов использовал литературную форму кондака в честь иконы Всех скорбящих радости.[23] Сам кондак, начинающийся словами «Не имамы инныя помощи, не имамы инныя надежды», переписан рукою Ломоносова на предшествующих листах курса «Риторики».

Таким образом очевидно, что в поисках пути самостоятельного литературного творчества молодой Ломоносов обращался к разнообразным стилистическим источникам: к русскому фольклору и к церковно-гимнографической литературе.

Следует сказать, что и позднее Ломоносов прибегал к литературному переосмыслению христианских гимнографических формул. Так, в оде 1752 г. для прославления матери Петра I, царицы Наталии Кирилловны Нарышкиной, Ломоносов стилистически использует молитву богородице «Благословенна ты в женах, благословен плод чрева твоего»:

И ты в женах благословенна
Чрез кою храбрый Алексей
Нам дал монарха несравненна,
Что свет открыл России всей.[24]

Годы обучения Ломоносова в Славяно-греко-латинской академии, несомненно, сыграли значительную роль в формировании Ломоносова — поэта и филолога. Но не меньшее значение имело самостоятельное изучение Ломоносовым литературных и исторических памятников древней Руси, которому он отдавал все свободное от занятий время. Во второй главе настоящего исследования мы подробно останавливались на анализе произведений древнерусской литературы, с которыми Ломоносов ознакомился в Москве в начале 30-х гг. XVIII в. и во время недолгого пребывания в Киеве осенью 1734 г.

На фоне схоластических правил «пиитик» и «риторик», основывавшихся на античных образцах и не касавшихся русской литературы, на фоне засилия силлабического «ученого» стихотворства древнерусские литературные памятники раскрывали Ломоносову непревзойденные образцы художественного воплощения национально-исторической темы, ставили и разрешали проблемы большого государственного значения.

К концу 30-х гг. XVIII в. у Ломоносова складывалось самостоятельное мнение о путях развития русской литературы и о направлении реформ, которые предстоит совершить. Образно и удивительно точно отразил эту мысль в заключительной главе «Путешествия из Петербурга в Москву» — в «Слове о Ломоносове» — А. Н. Радищев: «Отрясая правила

---

[22] ГБЛ, ф. 183, № 279, л. 254.

[23] Выражаю признательность Г. М. Прохорову, любезно оказавшему мне помощь в определении литературной формы этого церковно-литургического текста.

[24] Ломоносов, ПСС, т. VIII, стр. 504.

схоластики или паче заблуждения, преподанныя ему в монашеских училищах, он твердыя и ясныя полагал степени к восхождению во храм любомудрия».[25]

В январе 1736 г. в числе лучших учеников Славяно-греко-латинской академии, привезенных в Академию наук для отправки за границу, в Петербург приехал Ломоносов. Вскоре он приобрел «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» В. К. Тредиаковского, незадолго до этого вышедший из печати, и приступил к его изучению. Благодаря счастливой случайности эта книга из личной библиотеки Ломоносова сохранилась.[26]

П. Н. Берков, изучивший эти приписки и пометы, пришел к выводу, что Ломоносов делал записи в разное время на русском, латинском, немецком и французском языках, что заставляет полагать, что они относятся к 1736—1737 гг.[27] Тщательное исследование пометок и приписок Ломоносова привело к выводу, что они касались: а) языковой стороны работы Тредиаковского; б) смысловой стороны отдельных выражений; в) теории стихосложения Тредиаковского; г) фактического материала, приводимого автором трактата.[28]

Важно подчеркнуть, что в своих замечаниях и пометках на книге Тредиаковского Ломоносов раскрывает степень своей осведомленности в русской литературе и в народном творчестве. Против пункта X раздела «Нового и краткого способа», где Тредиаковский говорит «О вольности, в сложении стиха употребляемой» и утверждает, что «ежели материя будет не важная и шутошная, то не красно положатся прилагательные с своими существительными, в особливой поэзии (но весьма долготою и краткостию слогов мерной) у нашего простого народа употребляемые, например: тугой лук, бел шатер и прочие премногие подобные»,[29] Ломоносов выражает свое согласие с мыслью Тредиаковского и дописывает на полях два подобные же примера устойчивых словосочетаний, взятых из русского эпоса: «калена стрела», «зеленая дубрава».

Большой интерес представляют подчеркивания и записи Ломоносова на трактате Тредиаковского, касающиеся языка. П. Н. Берков отмечал, что Ломоносов систематически подчеркивает в книге Тредиаковского славянизмы и другие отступления от языковой практики в сторону архаизации речи.

Трактат Тредиаковского, несмотря на критическое отношение к нему Ломоносова, оказал известное влияние на формирование взглядов Ломоносова — поэта и теоретика литературы. Об этом можно судить не только на основании многочисленных и красноречивых приписок и примечаний на книге, но и потому, что в присланном Ломоносовым в 1739 г. из Германии в Петербург «Письме о правилах российского стихотворства» с приложенной к нему одой на взятие Хотина нашли отражение многие принципы стихосложения, выдвинутые Тредиаковским. Но вместе с тем Ломоносов проявил большую самостоятельность в своей первой теоретической работе, касающейся русской литературы. В учении о русском стихе Ломоносов исходит из выявления закономерностей русского языка: «Российские стихи надле́жит сочинять по природному нашего языка свойству,

---

[25] А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. 1. М.—Л., 1938, стр. 379.
[26] ААН, ф. 20, оп. 2, № 3.
[27] П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени (1750—1765), стр. 54—64.
[28] Там же, стр. 54—55.
[29] Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий чрез Василья Тредиаковского С[анкт]-Петербургския императорския Академии наук секретаря. СПб., 1735, стр. 24.

а того, что ему несвойственно, из других языков не вносить».[30] Ломоносов говорит о малом различии «древнего языка от нынешнего» и поэтому настаивает на необходимости обращаться к языку древнерусских памятников как важному стилеобразующему фактору. Этот вывод, сделанный Ломоносовым на основании глубокого изучения древнерусской литературы, не имеет никаких аналогий в западноевропейских руководствах по теории поэзии, внимательно изученных Ломоносовым в период обучения в Германии.[31]

Первая ода Ломоносова на взятие Хотина была написана под впечатлением известий о блестящей победе русских войск над турками у крепости Хотин в 1739 г. В этом стихотворном произведении было много необычного. Новым было то, что в литературном произведении получило отражение важное событие современности, характеризующееся при этом посредством исторических аналогий: автор напоминал о недавних блестящих победах русских под водительством Петра I и о «смирителе стран Казанских» — царе Иване IV, который «Селима гордого потряс» (Селим — турецкий султан Сулейман II). При этих упоминаниях с очевидностью выступало серьезное знакомство автора с древнерусскими памятниками и с некоторыми документальными материалами Петровского времени. При создании оды на взятие Хотина Ломоносов удачно привлек русские произведения XVI в., в которых нашло отражение описание военных походов на Казанское царство, окончившихся взятием Казани в 1552 г., — Казанскую историю, «Летописец начала царства» и Степенную книгу.[32] Для характеристики полководческой деятельности Петра I Ломоносов использовал документальные материалы (реляции о военных походах).

Ломоносов нашел новые формы выражения национально-исторической темы, характерной для русской литературы XI—первой половины XVII в. В 30-е гг. XVIII в. тема Родины, тема воинских и гражданских подвигов нашла литературное отображение в новом жанре — жанре оды, восходящем, с одной стороны, к устойчивой национальной традиции древнерусского ораторского искусства,[33] с другой стороны, использующем лучшие достижения западноевропейской классицистической литературы, достигшей наибольшего расцвета во Франции и Германии.

Ода на взятие Хотина была совершенно новым явлением в русской литературе: и ее тема, и связь с предшествующей традицией, и ритмическая новизна — все, несомненно, должно было привлечь к ней внимание. И действительно, по словам современников, ода Ломоносова на взятие Хотина произвела большое впечатление в Петербурге не только содержанием, но и необычностью своей стихотворной формы: четырехстопный ямб с чередованием перекрестной и парной рифм создавал впечатление большой ритмической силы, хорошо согласующейся с содержанием оды, прославляющей подвиги русских солдат-победителей. А. П. Шувалов в предисловии к «Оде на смерть господина Ломоносова» писал: «. . . ода на победу при Хотине приобрела ему (Ломоносову, — *Г. М.*) славу превос-

---

[30] Ломоносов, ПСС, т. VII, стр. 9—10.

[31] Е. Я. Данько. Из неизданных материалов о Ломоносове. — В кн.: XVIII век, т. II. М.—Л., 1940, стр. 247—275; H. Graßhoff. Lomonosov und Gottsched. Gottscheds «Ausführliche Redekunst» und Lomonosovs «Ritorika». Zeitschrift für Slawistik, B. VI, H. 4, 1961, стр. 498—507.

[32] Анализ древнерусских источников оды Ломоносова на взятие Хотина см. в главе первой настоящего исследования, стр. 12—15.

[33] Ю. Н. Тынянов. Ода как ораторский жанр. — В кн.: Архаисты и новаторы. Л., 1929, стр. 48—86. Интересные наблюдения и убедительные выводы о связи ямбического строя поэтических произведений Ломоносова с «речевой и даже ораторской стихией» языка высказаны Е. Майминым. См.: Е. Маймин. Метр и стих. — Русская литература, 1964, № 3.

ходного поэта. В самом деле, это первое произведение его исполнено энергии, новых идей и возвышенных образов».[34] А акад. Я. Штелин отметил в своих записках, что «оды Ломоносова были написаны совсем другим, новым размером».[35]

Современность и история были органически объединены в оде Ломоносова, написанной с большим вдохновением, ярким и образным языком, также, несомненно, поразившим первых читателей этого произведения.

Именно с оды Ломоносова на взятие Хотина Белинский справедливо начинает новую русскую литературу. И эта созидающаяся новая литература прибегла к национальным истокам, к темам древнерусской литературы. Работая над летописями, Хронографами, Степенными книгами, Родословцами, Житиями святых, Ломоносов использует подлинные источниковедчески выверенные материалы в литературном творчестве.

Героями поэтических произведений Ломоносова становятся действительные исторические лица: «разумный» Гостомысл, «младой» Игорь, Александр Невский, Дмитрий Донской, княгиня Ольга, Владимир Святославич, Елена Глинская, Наталья Кирилловна Нарышкина и др. Достоверность описаний литературных героев подтверждается тем, что Ломоносов включает эти же самые характеристики в свои исторические труды. «Разумный» Гостомысл — это «благоразумный старейшина Гостомысл» «Древней российской истории», по завещанию которого «новогородцы, согласясь между собою и купно с чудскими ближними народами, выбрали и призвали Рурика с братьями к себе на княжение».[36] О юном Игоре, перед которым «дрожал... сам Царьград», в «Кратком российском летописце» Ломоносов говорит в первую очередь как об удачливом полководце: «Игорь Рурикович по смерти Ольговой принял великое княжение, ходил воевать в Грецию, возобновил договор, заключенный при Ольге».[37] Дмитрий Донской — герой Куликовской битвы, победитель Мамая, занимает важное место в ряду исторических деятелей, которым Ломоносов отводит значительную роль в истории России.

В оде 1752 г. прославляются «российские героини», которые, «пола превышая свойство, / явили мужеско геройство». Ломоносов приводит летописный рассказ о мести Ольги и ее крещении в Царьграде:

Супружню, Ольга, смерть отмщая,
Казнишь искусством Искорест
И, тьмы неверства избегая,
Спешишь до просвещенных мест.[38]

В «Кратком российском летописце» о деятельности княгини Ольги приведены эти же самые исторические известия, почерпнутые из летописей и Степенных книг: «Ольга Святая, супруга Игорева, в малолетство сына своего Святослава владея Россиею, отмстила смерть своего супруга древлянам хитростию и храбростию и землею их вовсе завладела... Потом в Цареграде приняла христианскую греческую веру».[39]

Строфы 151—160 оды 1752 г. посвящены Елене Глинской — матери Ивана IV:

Елена, грознаго Героя
Великая делами мать,
Среди врагов ты грады строя,
Россию тщилась защищать.
Напрасно дерски сопостаты,
Свирепы орды и Сарматы
Стремились на твое вдовство:

[34] М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников, стр. 21—22.
[35] Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867, стр. 161—162.
[36] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 215.
[37] Там же, стр. 297.
[38] Там же, т. VIII, стр. 503.
[39] Там же, т. VI, стр. 298.

Сыновняя тобою младость
Была странам Российским радость,
Врагам — ужасно сиротство.[40]

В Никоновской летописи под 1535—1537 гг. имеются известия о большой градостроительной деятельности, предпринятой во время правления Елены Глинской: в мае 1535 г. «князь великий Иван Васильевич и его мати, великая княгиня Елена, повѣли град камен ставити подлѣ земляной город, ... а мастеру Петру Малому Фрязину повелѣша подошву градную основати»; в 1536 г. «здѣлан град Почап земляной на старом месте»; в том же году поставили «на Литовском рубеже град землян ... Заволочье», «град Стародуб на старом же мѣстѣ земляной».[41]

В примечании к строфам 151—160 оды 1752 г. Ломоносов дает точные исторические сведения: «Великая княгиня московская Елена Васильевна, супруга великого князя Василия Иоанновича, рождением княжна Глинская, мать великого государя Иоанна Васильевича, правила с ним в его младенчество Российское Государство по завещанию супруга своего четыре года с половиною».[42]

Поэтические характеристики «российских героинь» заключает образ матери Петра I, Наталии Кирилловны Нарышкиной.

Описанию стрелецких восстаний Ломоносов, как известно, посвятил исторический труд, сохранившийся во французском переводе в Библиотеке Вольтера — «Memoire sur la premiere revolte des strelitz en 1682» (ПСС, т. 6). Для создания этого сочинения Ломоносов привлек многочисленные рукописные материалы (записки современников и очевидцев), отобрал достоверные факты и составил строго документальный рассказ о кровавых событиях, происшедших в Москве в мае 1682 г.

Сочетая высокий публицистический пафос произведений, направленный на защиту передовых просветительских идей, с осознанием преемственной связи явлений, Ломоносов в наиболее «политической» из своих од — оде 1762 г.,[43] посвященной восшествию на престол Екатерины II, предостерегает новую императрицу от злоупотребления властью. Ломоносов характеризует здесь русский национальный характер, исходя из опыта национальной литературы.

Услышьте, Судии земные
И все державные главы:
Законы нарушать святые
От буйности блюдитесь вы
И подданных не презирайте,
Но их пороки исправляйте
Ученьем, милостью, трудом.
Вместите с правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу,
То Бог благословит ваш дом
. . . . . .
Обширность наших стран измерьте,
Прочтите книги славных дел
И чувством собственным поверьте:
Не вам подвергнуть наш предел.
Исчислите тьму сильных боев,
Исчислите у нас Героев
От земледельца до Царя,
В суде, в полках, в морях и в селах,
В своих и на чужих пределах
И у святаго олтаря.[44]

---

[40] Там же, т. VIII, стр. 504.
[41] ПСРЛ, т. XIII, ч. 2. СПб., 1906, стр. 423—427.
[42] Ломоносов, ПСС, т. VIII, стр. 504.
[43] С. Н. Чернов. М. В. Ломоносов в одах 1762 г. — В кн.: XVIII век, т. I. М.—Л., 1935, стр. 137—141.
[44] Ломоносов, ПСС, т. VIII, стр. 778—779.

Очевидно, что «книги славных дел», в которых рассказывается о подвигах героев «от земледельца до Царя», — это древнерусские литературные памятники, воинские повести, летописи, жития, былины и исторические песни. А герои — это ремесленник Кожемяка, победивший богатыря печенега, это «храбры» князя Александра Ярославича, участники Невской битвы; это церковные деятели, способствовавшие укреплению государственной и политической мощи Русского государства: митрополиты московские Петр и Алексей, Сергий Радонежский и патриарх Гермоген; это князья — мудрые правители и полководцы: Ярослав, Владимир Мономах, Александр Невский, Дмитрий Донской и Петр Великий, образ которого в творчестве Ломоносова занимает ведущее место, отражая его представления об идеальном государе.

Литературные произведения Ломоносова всегда современны; они имеют в виду конкретные факты, конкретную общественно-политическую ситуацию и точную хронологическую приуроченность. Но в то же время литературные сочинения Ломоносова глубоко историчны: всеми своими корнями они связаны с национальными традициями. Темы древнерусской литературы пронизывают все творчество Ломоносова. Они разрабатываются им во всех жанрах: в одах, в трагедии («Тамира и Селим»), в стихотворных надписях к иллюминациям, в сюжетах для картин «из российской истории», в исторических сочинениях. «Подлинный пафос поэзии Ломоносова, — пишет Д. Д. Благой, — всё проникающий собою высокий патриотизм, утверждение русского национального бытия во всех областях: государственности, языке, культуре, литературе. В героических, мажорных, торжествующих строфах его од звучит ликующая сила молодого и могучего народа, вышедшего на широчайший простор всемирно-исторического развития, народа, крепко строящего свой государственный дом, мощно отстаивающего его от всяческих посягательств иноземных хищников и поработителей».[45]

Обращение Ломоносова к национально-исторической теме определило систему образных средств, в формировании которых важную роль сыграли традиции древнерусской литературы. Позднее в незаконченной статье «О нынешнем состоянии словесных наук в России» Ломоносов писал о важности изучения древней литературы, являющейся необходимым условием развития «словесных наук» XVIII в.: «Красота, великолепие, сила и богатство российского языка явствует довольно из книг, в прошлые веки писанных».[46] Горячо выступая против «ложных понятий», в которых отбрасывались традиции «своей природной» литературы, Ломоносов собственным поэтическим творчеством и теоретическими трудами в области филологии показал, каким поистине неисчерпаемым источником является русская устная народная и книжная словесная культура. Многие особенности поэтического стиля Ломоносова сложились под непосредственным воздействием образной системы, созданной древнерусскими писателями.

Исследователь поэтического стиля Ломоносова И. З. Серман справедливо считает «метафору и метафоризацию образного строя од основным поэтическим принципом» его литературной системы.[47] Метафоризация отражает не только индивидуальность Ломоносова как поэта, но является одной из ступеней творческой преемственности древней и новой русской литературы.

Раскрытие источников поэтической образности литературных произведений Ломоносова позволяет глубже понять своеобразие его индивиду-

[45] Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. Изд. 2-е. М., 1951, стр. 190.

[46] Ломоносов, ПСС, т. VII, стр. 582.

[47] И. З. Серман. Поэтический стиль Ломоносова. М.—Л., 1966, стр. 103.

ального стиля и определить место Ломоносова в системе литературных направлений своей эпохи.

В системе художественного обобщения литературы древней Руси важнейшее место занимают устойчивые стилистические формулы, устойчивые символы-метафоры, устойчивые сравнения, обозначенные Д. С. Лихачевым термином «литературный этикет».

Совершенно очевидно, что, изучив большое число памятников древнерусской литературы, принадлежащих к различным жанрам, Ломоносов явственно видел эту традиционность художественной системы.

Представляется важным показать примеры воздействия художественных средств древнерусской литературы на формирование поэтических особенностей литературных произведений Ломоносова.

Во второй главе настоящего исследования нам приходилось говорить о том, что Ломоносов систематически отмечал в летописях устойчивые фразеологические словосочетания: «взяша мир», «показа плещи», «показа мужество», «не искати иного князя живот или смерть со князем», «целоваша крест по всей воли новгородской и на всех грамотах Ярославлих», «стояша на костех», «отре пот лица своего», «поостри сердце мужеством», «все ту костию паде» и многие другие. Ниже мы покажем, как, опираясь на летописный текст, Ломоносов стремится сохранить эти традиционные фразеологизмы, которые в древнерусских произведениях «намеренно употребляются для обозначения определенных явлений действительности».[48] Очевидно, что «литературный этикет» получил отражение в первую очередь в прозаическом сочинении Ломоносова — «Древней российской истории». Это произведение шире научного сочинения: оно запечатлело не только общественно-политический идеал Ломоносова, но и его художественную концепцию. «Древняя российская история», отразившая только часть законченной работы Ломоносова (в 1763 г. им была отдана в типографию «Российская история», доведенная до конца царствования великого князя Ивана Васильевича, т. е. до начала XVI в.), заканчивается описанием государственной деятельности Ярослава Мудрого. Рассказывая о победе Ярослава над братом Святополком, объединившимся с польским королем Болеславом, Ломоносов так закончил повествование: «Ярослав сел спокойно в Киеве на отеческом престоле, утерши пот лица своего по труде великом».[49]

В Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи текст, переданный Ломоносовым, читается так: «Ярослав же сѣде въ Киевѣ, утеръ пота со дружиною своей, показав побѣду и трудъ великъ».[50] В Новгородско-Псковской летописи Академической библиотеки в летописной повести о Куликовской битве Ломоносовым также отмечена эта стилистическая формула: «Князь же Димитрий з братом своим со Владимїром и со князи россійски и с воеводами и со прочими боляры и со всѣми вои оставшимися, став на поганых обидящих на костех татарских, той нощи **отре потъ лица своего** и отдохнувъ от труда своего».[51]

Таким образом, мы видим, как Ломоносов конкретизирует стилистическую формулу (учитывая при этом варианты формулы) и делает ее элементом новой литературной системы.

Можно привести еще много примеров того, как, используя устоявшиеся стилистические словосочетания, выработанные многовековым развитием древнерусской литературы, Ломоносов вводил их в систему ли-

---

[48] О. В. Творогов. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси. — ТОДРЛ, т. XX, М.—Л., 1964, стр. 36.

[49] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 281. (Разрядка наша, — *Г. М.*).

[50] Библиотека российская историческая, стр. 101. (Разрядка наша, — *Г. М.*).

[51] БАН. 31.4.22, л. 86 об. (Выделенные полужирным слова подчеркнуты Ломоносовым, — *Г. М.*).

тературного стиля XVIII в. Передавая, например, речь князя Святослава к воинам, Ломоносов как бы «обновляет» ее, заимствуя средства из практики военных речей начала XVIII в. (обращение Петра I к войску перед Полтавским боем):

Библиотека российская историческая	*Речь Петра I перед Полтавской битвой*	*Древняя российская история*
И рече Святослав: «Уже нам некамо ся дети: волею и неволею стати противу, да не посрамим земли Руския, но ляжем костьми ту; мертвыи бо срама не имут...».[52]	«Воины! Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру порученное, за род свой, за Отечество».[53]	«Деваться нам больше некуда: своя земля далече, неверные печенеги живут на дороге; союзники, опасаясь по соседству греков, помощи нам не пришлют. Станем храбро и не посрамим своего Отечества, не дадим себя в презрение трепещущим от нас народам».[54]

Важнейшей особенностью древнерусской литературы, определившей ряд ее характерных черт, является постоянное воздействие на нее народнопоэтического творчества. Русская литература XI—XVII вв. развивалась в тесном взаимодействии с фольклором. Именно этим родством древнерусской литературы с фольклором вскрывается характер ее народности.[55] В науке накоплено много примеров связи литературы и народного творчества в XI—XVII вв.[56] Д. С. Лихачев показал, как народные предания явились основой Древнейшего летописного свода 1027—1039 гг., как устные сказания были важным источником сведений летописца, как сама литературная форма летописи объясняется в некоторой степени воздействием «фольклора, развитого и сложного». Былевой эпос об Александре Поповиче проник в летопись в два этапа: в XIII и XVI вв.[57] Следы фольклора о Ермаке сохранились в Сибирских летописях (так называемой Строгановской и Ремезовской).[58]

В представлении Ломоносова народное творчество не было отъединено непроходимой стеной от древнерусской литературы, но пословицы и поговорки он выделял особо, видя в них своего рода синтез народной мудрости. Неслучайно, что сам Ломоносов собирал «лучшие российские пословицы», о чем он сообщил в сводном отчете 1764 г.[59] Используя летописные тексты в историческом повествовании, Ломоносов тщательно сохранял пословицы и поговорки. Таким образом, стилистический характер древнерусской литературы оказывал воздействие на формирование стиля исторической прозы середины XVIII в.

В качестве примера приведем летописный рассказ о борьбе Владимира Святославича с братом Ярополком. Рассказ этот заканчивается «притчей»,

---

[52] Библиотека российская историческая, стр. 62. (Разрядка наша, — *Г. М.*).
[53] Письма и бумаги Петра Великого, т. IX, вып. 2. М., 1964, стр. 980—981.
[54] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 244.
[55] В. П. Адрианова-Перетц. 1) Древнерусская литература и фольклор. — ТОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 5—16; 2) Историческая литература XI—начала XV вв. и народная поэзия. — ТОДРЛ, т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 95—137.
[56] Д. С. Лихачев. 1) «Устные летописи» в составе Повести временных лет. — Исторические записки, т. 17, 1945, стр. 201—224; 2) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 76—120.
[57] Д. С. Лихачев. Летописные известия об Александре Поповиче. — ТОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 17—51.
[58] Д. С. Лихачев. Сибирское летописание. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 273—280.
[59] Ломоносов, ПСС, т. X, стр. 400.

переданной Ломоносовым в «Древней российской истории» как «пословица»:

Библиотека российская историческая

И послуша его (Блуда, — *Г. М.*) Ярополк, и избѣг и затворися в граде Родне на усть Рси, а Володимир вниде в Киев, а осѣдяху Ярополка в Роднѣ, и бѣ глад велик в нем, и есть притча и до сего дни: бѣда аки в Роднѣ.[60]

Древняя российская история

Итак, Ярополк выбег из Киева на устье реки Рси в Родну и в крепости затворился. Киевляне, уведав о его побеге, Владимиру ворота городские отворили, где приняв власть, осадил кругом Родну, пресек привоз съестных припасов и в такую тесноту и нужду привел Ярополка с осадными, что пословица от того произошла: беда как в Родне.[61]

Сохранена Ломоносовым поговорка и при передаче мирного договора 984 г. князя Владимира Святославича с камскими и волжскими болгарами. Следует при этом напомнить, что в Степенной книге Библиотеки Академии наук в отрывке текста, использованного Ломоносовым в «Древней российской истории», отчеркнут на поле и отмечен № ответ болгар:

Степенная книга

И тако великий князь Владимир самодержъствуя и везде многим сопротивным одолевая... и нижние болгары волжския и камския покоря под ся, иже тако тогда тии болгари мирныи завет дающе самодержцу Владимиру и сице глаголаша: «Когда иметь хмель грязнути, а камень плавати, и тогда не будет миру между нами».[62]

Древняя российская история

Юношескою бодростию расцветая, Владимир искал покорить отступившие от подданства отца его народы... Низовские и камские болгаре на малом сопротивлении покорились и платить дань обещали с таким утверждением вечного мира, «что он тогда перестанет, когда будет камень по воде плавать, а хмель на дно грязнуть».[63]

Пословицы и поговорки, отразившие народную идеологию, впервые были включены в формирующуюся литературу как источник эстетических ценностей.

В своих филологических трудах Ломоносов, обобщивший опыт античной и европейской науки того времени, с большой плодотворностью использовал русскую народную поэзию.

«Краткое руководство к красноречию» 1748 г. явилось крупнейшим достижением русской филологии XVIII в. и большим событием культурной жизни России того времени. Создавая курс «российского ... штиля и красноречия», Ломоносов раскрывал искусство красноречия античных поэтов и ораторов путем анализа выразительных средств. И среди этих примеров в системе правил и приемов высокого искусства слова заняли свое место русские народные пословицы и поговорки. Ломоносов рекомендует учащимся, овладевающим искусством красноречия, раскрывать национальные богатства языка путем «выбирания из книг хороших речений, пословий и пословиц».[64] § 192 «Риторики» (гл. «О тропах предложений») основан Ломоносовым на материалах русских пословиц и поговорок, которые он приводит в качестве примеров аллегории: «И всяк спляшет, но не так, как скоморох».

Молебен петь,
А польги нет.
Либо полон двор,
Либо корень вон.[65]

[60] Библиотека российская историческая, стр. 68. (Разрядка наша, — *Г. М.*).
[61] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 249—250. (Разрядка наша, — *Г. М.*).
[62] БАН. 32.8.4, л. 69. (Разрядка наша, — *Г. М.*).
[63] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 254—255. (Разрядка наша, — *Г. М.*).
[64] Там же, т. VII, стр. 236—237.
[65] Там же, стр. 251.

Как справедливо пишет Г. И. Бомштейн, такой подход к пословице «означал признание ее в качестве элемента общенационального художественного творчества, поднимал авторитет русской народной поэзии. Ломоносов пропагандировал народное слово, смело вводил его в «речевой фонд оратора и поэта».[66]

Проникновение стилистических особенностей древнерусской литературы в художественную систему произведений Ломоносова можно видеть при сопоставлении источников рассказа о стрелецком восстании 1682 г. с поэтическим описанием его в поэме «Петр Великий» и в историческом сочинении.

Одним из источников исторического сочинения Ломоносова о стрелецких восстаниях конца XVII в., «экстракт» из которого был послан в 1757 г. Вольтеру, является неизвестная ранее повесть, недавно исследованная и опубликованная В. И. Бугановым: «Описание о сем, еже содеяся грех ради наших по преставлении царя Феодора Алексеевича всея России во царствующем граде Москве, колико быть смятение и убийство между собою православных християн в народе».[67] Она обнаружена исследователем в сборнике, который с начала XVIII в. хранился в Соловецком монастыре.

Как удалось установить, многие факты, отображенные только в одном этом источнике, оказались известными Ломоносову и переданы им в «Экстракте о стрелецких бунтах».[68]

В поэме «Петр Великий» Ломоносов обрисовал события, происшедшие в России в период малолетства Петра. Рассказ о стрелецком восстании передается в поэме от лица Петра I, который беседует с игуменом Соловецкого монастыря Фирсом:

Открылся тайный ков, когда исчезла тень,
Багровая заря кровавый вводит день.
Наруж выходит, что умыслила София
И что советники ея велели злыя...
Тогда свирепствуя жестокие тиранны
Ударили везде в набат и в барабаны.
Светило вешних дней, оставя высоту,
Девятаго часа скрывало красоту.
Внезапно в ужасе Москва зрит изумленна
Оружие на Кремль спешаще и знамена.
Колеса тяжкие под пушками скрипят,
Глаза отчаянных кровавые горят.
Лишь дому Царскаго, что должно чтить, достигли,
Как звери дикие, рыкание воздвигли.[69]

Сопоставление с повестью о Московском восстании 1682 г., сохранившейся в Соловецком сборнике, показывает, что не только исторические факты, но и ряд элементов стилистических средств, использованных автором этого произведения, нашли отражение в поэме Ломоносова «Петр Великий».

Поэтическое описание дня 15 мая 1682 г., когда началось стрелецкое восстание, имеется только в единственном источнике — повести, находящейся в Соловецком сборнике: «Понеделок бо той майя 15 день, наста и

---

[66] Г. И. Бомштейн. Русское народное поэтическое творчество как материал филологических работ Ломоносова. — Изв. АН СССР. Отд. литературы и языка, 1957, т. XVI, вып. 2, март—апрель, стр. 161.

[67] В. И. Буганов. Повесть о Московском восстании 1682 года. — В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, стр. 317—354.

[68] Г. Н. Моисеева. Соловецкий сборник в исторических и литературных сочинениях М. В. Ломоносова. — В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона» Сб. статей к 90-летию Н. К. Пиксанова. М.—Л., 1969, стр. 49—58.

[69] Ломоносов, ПСС, т. VIII, стр. 709—710.

случися божиим учреждением с всхода солнечнаго даже и до полудне бысть светел, тих и бысть теплота солнечная и красота дневная, с и я ш е же с о л н ц е на в с ю с е л е н н у ю, и не бысть на небеси ни единого облака под солнцем, и б ы с т ь т о й д е н ь в т а к о в е к р а с о т е я к о до 9-го ч а с а д н я; такожде и в народе тишина, яко никто ничего же чающе быти. По часе же 9-ом абие внезапу возвеяше ветры зело хладны и бурны, подобно осеннему хладу, ближиму к зиме, и солнечная теплота применися в хлад, и небеса облаки закрышася в то время, в не же возмутишася людие, преждереченные стрельцы и солдаты, дияволским наветом, колеблющеся яко волны морския возшумеша и устремишася яко звери дивии, послаша пред собою прелестных вестников и волю дияволю творящих мятежников».[70]

Ни в одном из источников сведений о стрелецком восстании (ни в записках А. А. Матвеева, С. Медведева, П. Н. Крекшина) не говорится о том, что 15 мая 1682 г. «солнце облаку закрыся», «небеса облаки закрышася». У Ломоносова: «Светило вешних дней ... скрывало красоту». «Понеделок бо той майя 15 день ... с всхода солнечнаго даже и до полудне бысть светел». Даже указание на то, что солнце «девятаго часа скрывало красоту», дает возможность полагать, что и это было подсказано повестью, где прямо говорится, что «бысть той день в т а к о в е к р а с о т е я к о до 9-го ч а с а д н я». И, наконец, сравнение восставших стрельцов с дикими зверями (в повести — «устремишася, я к о з в е р и д и в и и», у Ломоносова — «как звери дикие, рыкание воздвигли») свидетельствует, что повесть о Московском восстании 1682 г., сохранившаяся в Соловецком сборнике, дала Ломоносову ряд стилистических средств, нашедших отражение в его поэтическом сочинении.

Связь между поэзией Ломоносова и стилевыми тенденциями древнерусской литературы наиболее отчетливо выступает в использовании ряда устойчивых метафор, восходящих, как это показывает В. П. Адрианова-Перетц, к метафорическому стилю библейско-ветхозаветных книг и русскому фольклору. Так, метафора: *смерть — затмение солнца*, отмеченная В. П. Адриановой-Перетц в ряде древнерусских произведений («померкшее солнце»), нашла отражение в ранних и в поздних одах Ломоносова:

Ода 1743 г. (Петру Федоровичу)

Как в гроб лице Петрово скрылось,
В сей день веселья солнце тмилось.[71]

Ода 1762 г. (Петру Федоровичу)

Сияй, о новый год, прекрасно,
Сквозь густоту печальных туч:
Прошло затмение ужасно,
Умножь, умножь отрады луч.

Использование метафоры — *солнце, светило* для отображения высших качеств и уподобление печального и враждебного — тьме В. П. Адрианова-Перетц показывает в ряде памятников древнерусской литературы, начиная с «Повести временных лет», сочинений Ивана Грозного и Казанской истории. В одах Елизавете Петровне Ломоносов постоянно прибегает к этой метафоре: «Как ясно солнце возсияло», «Российско солнце на восходе», «дневное светило».

«Дальнейшее развитие метафоры, уподобляющей тьме — отрицательное, враждебное начало, является представление его в образе „тучи“», —

[70] В. И. Буганов. Повесть о Московском восстании 1682 г., стр. 338. (Разрядка наша, — *Г. М.*).

[71] *Тмилось* — затмилось.

пишет В. П. Адрианова-Перетц.[72] Эта метафора только введена Ломоносовым в оду Елизавете Петровне 1746 г.: «Сквозь тучи бывшия печали».

В создании нового поэтического жанра XVIII в. — оды — Ломоносов прибегает к художественным приемам, широко использованным древнерусскими писателями. Не ограничиваясь письменными памятниками, Ломоносов одновременно применяет стилистические приемы устного народного творчества.

В. П. Адрианова-Перетц говорит о том, что «метафора сокол — князь, воин, вошедшая в русский воинский (вообще исторический) стиль уже в XI в., опирается, с одной стороны, на бытовые впечатления, с другой — на традицию устной русской поэзии, где обычно сокол — милый, жених, брат, вообще юноша».[73]

«Уподобление героя — орлу в светской литературе русского средневековья делается по признаку силы, высоты и быстроты полета этой птицы, которую и устная традиция называет царем птиц»,[74] — пишет В. П. Адрианова-Перетц. Примеры, приведенные ею, показывают, что этим метафорическим сравнением древнерусские писатели пользовались очень охотно: оно неоднократно встречается в летописях, в Казанской истории, в повестях об Азовском осадном сидении и в религиозно-панегирической литературе (например, в «Словах» Кирилла Туровского).

В своих поэтических произведениях Ломоносов неоднократно использует образы орла и сокола для характеристики русских солдат — защитников Отечества:

Ода на взятие Хотина

Но чтоб орлов сдержать полет
Таких препон на свете нет,
Им воды, лес, бугры, стремнины,
Глухие стены — равен путь,
Где только ветры могут дуть,
Проступят там полки орлины.

Ода «Первые трофеи его величества Иоанна III»

Подобно быстрый как сокол
С руки ловцовой в верьх и в дол
Бодро взирает скорым оком,
На всякий час взлететь готов,
Похитить, где увидит лов
В воздушном царстве свой широком, —
Врагов так смотрит наш солдат,
Врагов, что вечный мир попрали,
Врагов, что наш покой смущали,
Врагов, что нас пожрать хотят.

«По признаку силы и храбрости и вызываемого у врага этими свойствами страха герой с XI в. уподобляется льву», — пишет В. П. Адрианова-Перетц и приводит множество примеров, из которых нам представляется важным указать на несколько памятников, хорошо известных Ломоносову. Воины Александра Невского «исполнишася духа ратна: бяху сердца их аки львом» (Житие Александра Невского). Образ этот использован составителем второй редакции Сказания о Мамаевом побоище: «бяша ж отроци, им же сердца аки львом». Автор Казанской истории многократно прибегает к уподоблению героев льву: казанский царь Мамотяк «ото лва лютый зверь», «брань творяше яко лев ревы», даже царица казанская «аки лютая лвица неукротимо рыкаше».

[72] В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 36, 78.
[73] Там же, стр. 78.
[74] Там же, стр. 83.

В оде на взятие Хотина Ломоносов уподобляет русское войско, мужественно сражающееся с турками, льву, а врагов — волкам:

Как сильный лев стада волков,
Что кажут острых яд зубов,
Очей горящих гонит страхом...

Если метафора *лев* в основном связана с книжной традицией (что хорошо видно из перечисленных В. П. Адриановой-Перетц литературных памятников), то уподобление врага волку восходит к устной традиции (скорее всего, сказочной).

Сознательное привнесение в литературное произведение традиционных стилистических средств можно видеть в описании батальных сцен. Былина и воинская повесть древней Руси часто отмечали, что во время сражения от орудийного дыма и конского пара не видно было солнца. Былина рассказывает о войске Кудреванко-царя, идущего на Киев, у которого войско

Числа сметушки нет, да пересметаны,
А закрыло луну да солнышка красного,
А не видно ведь злата — света месяца.
А от того то духу, да татарского,
А от того ж от пару, да лошадиного.

В ломоносовской оде на взятие Хотина «тьмы татар» нападают на русское войско и все же терпят поражение:

К Российской силе так стремятся,
Кругом объехав, тьмы татар;
Скрывает небо конский пар!
Что ж в том? Стремглав без душ валятся.

Воздействие поэтики устного творчества с очевидностью выступает в изображении подводного царства и морского царя в незаконченной поэме «Петр Великий». М. Я. Мельц сделала интересную попытку определить характер былин, использованных Ломоносовым, и пришла к убедительному выводу о том, что в поэме Ломоносова отразился северный вариант былины о Садко, сохранившейся в записи олонецкого исполнителя А. П. Сорокина: [75]

А волной-то бьет, паруса рвет
. . . . . .
Проснулся Садке во синем море,
Во синем море на самом дне.
Сквозь воду увидел пекучись красное солнышко,
Вечернюю зарю, зорю утреннюю.
Увидел Садке, — во синем море
Стоит палата белокаменная,
Заходил Садке в палату белокаменную,
Сидит в палате Царь морской.

Это пейзажное изображение царства в былине о Садко напоминает описание владений морского Царя в поэме Ломоносова «Петр Великий»:

Покрытый золотым песком простерся дол.
На том сего Царя палаты и престол.
. . . . . .
На нем сидит волнам седым подобен Царь,
В заливы, в океан десницу простирает,

[75] М. Я. Мельц. Подводное царство и морской царь в поэме «Петр Великий». — В кн.: Литературное творчество М. В. Ломоносова. Исследования и материалы. М.—Л., 1962, стр. 248—252.

Сафирным скипетром водам повелевает.
Одежда Царская — порфира и виссон,
Что сильныя моря несут ему пред трон.
Ни мразы, ни Борей туда не досягают,
Лишь солнечны лучи сквозь влагу проницают.[76]

Влияние народнопоэтического творчества можно увидеть в стилистическом рисунке трагедии Ломоносова «Тамира и Селим», сюжет которой, как известно, восходит к древнерусским памятникам — циклу повестей о Куликовской битве.

Описание упражнений царевича Селима в стрельбе из лука вызывает в памяти богатырские забавы былинных героев:

Селим полки свои возвел на ближню гору,
Чтоб прямо устремить на город кучу стрел.
. . . . . .
Как в перемирны дни скакал перед стенами
Искусством всех других и взором превышал
И стрелы, пущенны уже под облаками,
Направленными в след стрелами рассекал.[77]

В записях северных былин А. М. Астаховой содержится такая характеристика богатырской стрельбы:

Поставьте на нож за мерну́ версту́
И стре́лю я стрелою в булатной нож.[78]

Близостью к поэтике древнерусской литературы с ее развитой метафорической системой и к народной поэзии, где гиперболизация является одним из ведущих литературных средств, объясняется ряд своеобразных черт поэтического стиля Ломоносова. Всем известные строфы из оды Ломоносова 1748 г. о величии России, о ее географическом размахе и всемирной славе находятся в одном мажорном аккорде с описанием границ Руси в «Слове о погибели Русской земли» и славы князя Александра Невского в его Житии:

Коль ныне радостна Россия!
Она, коснувшись облаков,
Конца не зрит своей державы,
Гремящей насыщенна славы,
Покоится среди лугов.

В полях, исполненных плодами,
Где Волга, Днепр, Нева и Дон,
Своими чистыми струями
Шумя, стадам наводят сон,
Седит и ноги простирает
На степь, где Хину отделяет
Пространная стена от нас;
Веселый взор свой обращает
И вкруг довольство исчисляет,
Возлегши локтем на Кавкас.[79]

«Слово о погибели Руской земли» начинается с величественного дифирамба: «О свѣтло свѣтлая и украсно украшена земля Руская! И многими красотами удивлена еси: озеры многими, удивлена еси реками и кладязьми, мѣсточестными горами, крутыми холмами, высокими дубравоми, чистыми полми, дивными звѣрми, различными птицами, бещислеными городы, великими селы, дивными винограды обителными, домы церковными и

[76] Ломоносов, ПСС, т. VIII, стр. 704.
[77] Там же, стр. 294.
[78] А. М. Астахова. Былины Севера, т. 1. Л., 1938, стр. 269.
[79] Ломоносов, ПСС, т. VIII, стр. 221—222.

князьми грозными, бояры честными, велможами многами — всего еси исполнена земля Руская».[80] О размахе славы Александра Невского говорится в его Житии: «Его же имя слышано бысть во всех странах от моря Варяскаго до моря Понтьскаго, до страны Тиверскыа, обону страну гор Гаватьских даждь и до Рима великого, распространи бо ся имя его пред тмы тмами и пред тысяща тысящ».[81]

Метафорический стиль русских исторических песен допускает гиперболизацию пространственных представлений, гиперболизацию действий и их последствий. Отсюда идет обрисовка образа героя, проявляющего необыкновенные качества храбрости, силы, удачливости; отсюда и соотнесение человеческих действий с явлениями природы. Герой

Плачет — что река рвется,
Воздыхает он — словно лес шумит,
Возрыдает он — ровно гром гремит.

Используя прием метафорической гиперболизации, Ломоносов «очеловечивает» Россию, которая головой касается облаков, «ноги простирает» до границ с Китаем («где Хину отделяет / Пространная стена от нас»), а локтем опирается на Кавказ.

Ломоносов первый из писателей XVIII в. глубоко осмысленно обратился к традициям национальной культуры, широко охватывая громадный круг поэтического наследия древнерусской литературы и воспринимая в единстве письменное и устное творчество русского народа.

Эта линия творческого освоения лучших достижений древнерусских литературных и народнопоэтических произведений найдет продолжение в творчестве Державина, создав прочную традицию, которую уже на новом этапе литературного развития подхватят Пушкин и Лермонтов.[82]

Роль Ломоносова в создании новой русской литературы в значительной степени определила своеобразие русского классицизма XVIII в.

В отличие от французского классицизма, ориентирующегося в основном на античное искусство, русский классицизм, усвоивший общеевропейский классицизм как творческий метод в отборе эстетических ценностей, обратился к национальным традициям.

Французский классицизм отвергал народное искусство как «неразумное» в своей основе. Буало — автор теоретического трактата «Поэтическое искусство» высказывал пренебрежение к простому народу.[83] Создаваемую им литературу он ориентировал на читателя, принадлежащего к высшим кругам общества. Ломоносов в народном искусстве находил материал для эстетического освоения.

Образная, эмоционально-возвышенная художественная система Ломоносова, отличающаяся от творческой манеры его современника Сумарокова, яркого выразителя русского классицизма XVIII в., дает основание некоторым исследователям полагать, что в лице Ломоносова можно видеть

---

[80] Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII века. Слово о погибели Русской земли. М.—Л., 1965, стр. 155.

[81] В. Мансикка. Житие Александра Невского. СПб., 1913. Приложение, стр. 11.

[82] Е. А. Касаткина полагает, что такое отношение к предшествующей традиции характерно для всех одописцев XVIII в. См.: Е. А. Касаткина. Торжественная ода XVIII века и древнерусская устно-поэтическая и литературная традиция. — Ученые записки Томского государственного пед. института, т. III (серия гуманитарных наук). 1946, стр. 95—123. Полагаем, что вывод этот приемлем для Ломоносова и Державина. В одах Баркова, Хераскова, Чулкова и Петрова сходные явления порождены следованием образцам, созданным Ломоносовым (т. е. вторичны по отношению к древним традициям).

[83] Н. А. Сигал. «Поэтическое искусство» Буало. — В кн.: Буало. Поэтическое искусство. М., 1957, стр. 45—49.

представителя позднего русского барокко. «Uns interessiert hier in erster Linie der Schriftsteller Lomonosov, als Repräsentant der literarischen Spätbarocks in Russland», — пишет венгерский исследователь А. Андьял.[84]

В 1744 г. Ломоносов опубликовал «Краткое руководство к риторике, на пользу любителей сладкоречия сочиненное», где изложил свои взгляды на «словесные науки» и принципы поэтического стиля. Риторика Ломоносова «пронизана чисто просветительским пафосом утверждения руководящей роли науки (а не церкви, как следовало бы в духе официальности) в деле общественного прогресса».[85] С точки зрения А. Андьяла, понимание риторики «как сладкоречия» («als „süße Rede"») дает возможность сопоставить Риторику Ломоносова с искусством барокко.[86] Но о назначении поэзии, которая призвана «или приносить пользу, или у с л а ж д а т ь, или обоими этими способами оказывать людям помощь в жизни», — писал в курсе «Поэтики» Феофан Прокопович.[87] И. Тетцнер полагал, что у Феофана Прокоповича «представлены барочные черты».[88] Л. И. Кулакова аргументированно показывает, что Ф. Прокопович «развивает идеи, идущие вразрез с эстетикой барокко».[89] Выводы Л. И. Кулаковой совпадают с положениями, выдвинутыми И. де Врис де Гунзбург, которая подчеркивает реакцию против стиля барокко у Ф. Прокоповича как теоретика литературы.[90] Стиль барокко культивировали противники Ф. Прокоповича: Стефан Яворский, Иван Максимович и др.

В «Кратком руководстве к красноречию» (1748) Ломоносов уделяет внимание рассмотрению функции поэтических троп — аллегории, метафоры, гиперболы, перифразы. Кроме того, он отводит место для характеристики искусства жеста. А. Андьял считает, что труды Ломоносова по теории словесности близки по своему характеру руководствам теоретиков барокко.[91] Но исследователь не упоминает о том, что внимание Ломоносова к описанию правил и рекомендаций целенаправленного отбора изобразительных и выразительных средств языка вызвано тем, что, как пишет Ломоносов в Риторике, при употреблении троп и фигур «идеи представляются много живее и великолепнее, нежели просто».[92]

Историко-генетический анализ поэтического стиля Ломоносова раскрывает неправомерность выводов А. Андьяла о «барочной ... патетике, роскоши и нарядности, экзальтации, аллегорической мифологии, экстазе и лирическом беспорядке»,[93] свойственных, с точки зрения этого исследователя, творчеству Ломоносова. Образный строй поэтических сочинений Ломоносова, связанный своим происхождением с национальными истоками русской культуры, не имеет ничего общего ни с «экзальтацией», ни тем более с «лирическим беспорядком» как литературной системой, характерными для произведений барокко.

---

[84] «Нас интересует здесь в первую очередь Ломоносов-писатель как представитель позднего литературного барокко в России». A. Angyal. Die Slawische Barockwelt. Leipzig, 1961, стр. 309.

[85] И. З. Серман. Поэтический стиль Ломоносова, стр. 95.

[86] A. Angyal. Die Slawische Barockwelt, стр. 309—310.

[87] Феофан Прокопович. Сочинения. Под ред. И. П. Еремина. М.—Л., 1961, стр. 342. (Разрядка наша, — *Г. М.*).

[88] I. Tetzner. Theophan Prokopovič und die russische Früaufklärung. Zeitschrift für Slawistik, 1958, B. III, H. 2—4, стр. 349—350.

[89] Л. И. Кулакова. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968, стр. 12.

[90] I. de Vries de Gunzburg. En marque de baroque dans les littératures polonaise et russe. Mouton, S'Gravenhaque, 1958. См. также: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. 1. М., 1962, стр. 142.

[91] A. Angyal. Die Slawische Barockwelt, стр. 310—311.

[92] Ломоносов, ПСС, т. VII, стр. 246.

[93] A. Angyal. Die Slawische Barockwelt, стр. 311.

Труды Ломоносова в области русской словесности, вытекающие из его поэтической практики и обобщения опыта античной и западноевропейской литературной культуры, наглядно раскрывают его стремление внести практическую и теоретическую упорядоченность в систему русского литературного языка 50—60-х гг. XVIII в., разработать учение о его стилистической разграниченности.[94]

Просветительские идеи, отказ от религиозного объяснения и религиозной эстетики, смелый поворот в сторону национальной и народной культуры — все свидетельствует о существенном расхождении Ломоносова с идеологической основой барочного искусства, порожденного в значительной степени, как об этом пишет А. Андьял, католической контрреформацией.[95]

Готические черты барокко, его иррационализм и теоцентризм отмечает в своих исследованиях и Д. Чижевский.[96] В новейшей работе он высказывает мысль о принадлежности Ломоносова к барокко, но никаких новых аргументов, усиливающих позицию А. Андьяла, не выдвигает. По существу Д. Чижевский повторяет доводы буржуазных литературоведов (давно опровергнутые в новейших советских и зарубежных исследованиях), притягивая их к своим положениям. «По моему мнению, — пишет Д. Чижевский, — легко решить и вопрос о мнимом классицизме Ломоносова: он не только писал стихи (которые не считал своим главным призванием), но и оставил нам работы по риторике и поэтике. В стихах он, как это давно известно, был подражателем поэта позднего немецкого барокко, Иоганна-Христиана Гюнтера. Это знали и современники, утверждая, что Ломоносов Гюнтера и многих обокрал. Но вся патетика и гиперболика и „темнота“ стихотворений Ломоносова вполне в духе барокко».[97]

В вопросе о барокко в творчестве Ломоносова, с нашей точки зрения, ближе к истине стоит А. А. Морозов. Полагая, что «в творчестве Ломоносова совместились различные стилевые тенденции», исследователь раскрывает черты сходства с барокко и различия с ним.[98] Справедливо указывая на то, что Ломоносов «остался во многом чужд сухой рассудочности и ограниченности готшедовского (а у нас сумароковского) классицизма», А. А. Морозов в то же время видит (при некотором сходстве с книжной поэзией XVII в. и изобразительным искусством Петровского времени) и отличие Ломоносова от поэтов барокко: «Он (Ломоносов, — *Г. М.*) соединяет поэтический восторг перед бесконечным миром с твердой убежденностью в его познаваемости».[99]

Для барокко в целом характерна близость к церковной культуре, к религиозному миросозерцанию, аскетизму и мистике. Неслучайно поэтому все исследователи подчеркивают феодально-аристократический характер огромного числа произведений барокко и наличие в них антигуманистических, реакционных идей (несмотря на «демократическую струю», которая иногда пробивается в литературных, философских и богословских сочинениях).

Поэтическое творчество Ломоносова тяготело к классицизму — общеевропейскому литературному направлению конца XVI—первой половины

---

[94] В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, стр. 100.

[95] A. Angyal. Die Slawische Barockwelt, стр. 19—98 (гл. «Barocke Gotik»).

[96] Дмитро Чижевський. Історія української літератури від початків до доби реалізму. Нью-Йорк. 1956, стр. 248—250.

[97] Д. Чижевский. Барокко в русской литературе. — Československá rusistika. K VI mezinárodnimu sjezdu slavistu. XIII. 1968, № 1, стр. 13—14.

[98] А. А. Морозов. Проблема барокко в русской литературе. — Русская литература, 1962, № 3, стр. 34—38.

[99] Там же, стр. 36—38. (Разрядка наша, — *Г. М.*).

XVIII в., элементы которого начали формироваться в русской литературе в конце XVII в.[100] Эстетический идеал классицистов соответствовал русским историческим условиям. В центре внимания писателей стал человек, овладевший своими страстями, для которого превыше всего государственный долг, высокие нравственные принципы. Новейший исследователь справедливо отмечает, что идеал классицистов «пришел на смену „гармоническому" человеку Возрождения, освобожденному от аскетической ханжеской морали, но безудержному в своем индивидуализме».[101]

Русский классицизм стал активно развиваться начиная с 30—40-х гг. XVIII в., в период политической реакции, наступившей после смерти Петра I, когда писатели должны были отстаивать прогрессивные начинания Петровского времени. Поэтому литература русского классицизма уже с первых шагов приобрела наступательный общественный характер.

А. Кантемир, стоящий у истоков русского классицизма,[102] прославлял в своих сатирах науку и просвещение, отказываясь во имя высоких государственных интересов от воспевания любовных чувств:

Любовны песни писать, я чаю, тех дело,
Коих столько ум неспел, сколько слабо тело...[103]

Задачу создания русской литературы — литературы, отстаивающей просветительские идеалы, литературы, связанной с лучшими национальными традициями и вместе с тем удовлетворяющей новым эстетическим идеалам русского человека середины XVIII в., — предстояло решить Ломоносову.

В известном «Разговоре с Анакреонтом» Ломоносов провозгласил свой этический идеал, неразрывно связанный с его эстетическими взглядами:

Хоть нежности сердечной
В любви я не лишен,
Героев славой вечной
Я больше восхищен.[104]

В ответ на предложение Анакреонта написать портрет своей возлюбленной Ломоносов обрисовал ее образ:

О мастер в живописстве перьвой
Ты перьвой в нашей стороне
Достоин быть рожден Минервой,
Изобрази Россию мне.
Изобрази ей возраст зрелой
И вид в довольствии веселой
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу.[105]

Сила любви Ломоносова к Родине, к ее истории безгранична. В решении вопроса о принадлежности Ломоносова литературным направлениям нельзя не учитывать этого обстоятельства.

---

[100] О. А. Державина. К вопросу о русском «барокко». — Československá rusistika. K VI mezinárodnimu sjezdu slavistu. XIII. 1968, № 1, стр. 19—20.

[101] В. И. Федоров. Формирование и характерные особенности классицизма в русской литературе XVIII в. — В кн.: Литература древней Руси и XVIII в. Ученые записки Московского Государственного пединститута им. В. И. Ленина, № 363. М., 1970, стр. 333.

[102] Л. И. Кулакова. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века, стр. 23—24.

[103] Антиох Кантемир. Собрание стихотворений. Вступ. ст. Ф. Я. Приймы. Подготовка текста и примечания З. И. Гершкович. Л., 1956, стр. 113. (Библиотека поэта. Большая серия).

[104] Ломоносов, ПСС, т. VIII, стр. 762.

[105] Там же, стр. 766.

Классицизм с его высокими государственными идеями, с представлениями об ответственности писателя перед обществом был близок идеалам древнерусской литературы с ее значительностью тематики, посвященной вопросам мировой и национальной истории, и отсутствием развлекательности. П. Н. Берков своевременно напомнил, что при конкретном определении «классицизма, сентиментализма и т. д. мы забываем о проблеме литературного и — шире — культурного наследия, о том состоянии литературного сознания народа, на котором вырастает новое литературное направление, о национальных традициях, прежде всего в области языка, идей, стихосложения...».[106]

Именно сходством идейным и, в известной степени, структурным[107] классицизма и древнерусской литературы объясняется то на первый взгляд кажущееся противоречивым обстоятельство, что Ломоносов — просветитель, строитель новой светской науки и литературы XVIII в. — обратился к древнерусской литературе как к источнику эстетических и идейных ценностей. В древних истоках национальной культуры Ломоносов находил образы героев и героинь, черпал образцы художественного мастерства, которые включал в новую эстетическую систему русской литературы XVIII в.

Процесс этот не был стихийным: Ломоносов целенаправленно отбирал из национальных сокровищ языка и литературы «активные элементы» — жизнеспособные традиции, смело отбрасывая религиозную идеологию средневековых писателей с их верой в чудеса и знамения, во вмешательство бога в исторические события.

Теоретические труды Ломоносова в области «словесных наук» показывают, какое важное значение имела древнерусская литература в формировании его филологических вглядов, как повлияла она на складывание стилистической теории, сыгравшей важную роль в процессе становления новой русской литературы.

В 1757 г. в Собрании сочинений Ломоносова, изданном Московским университетом, был опубликован фрагмент из задуманного Ломоносовым труда «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке». Здесь наиболее полно выражена стилистическая теория Ломоносова, основанная не только на серьезном изучении античной и средневековой теории словесности, но и на глубоком понимании особенностей русской литературы, отразившихся в древнейших памятниках.

Ломоносов сформулировал свое понимание теории «трех родов речений» и связанных с ними «трех штилей».[108] В основу классификации «речений» им положена «материя», т. е. предмет, о котором идет речь в произведении: «Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной важности, так и российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий. Сие происходит от трех родов речений российского языка». К «высокому» «причитаются» слова, находившиеся в употреблении «у древних славян и ныне у россиян»; к «среднему» —

---

[106] П. Н. Берков. Проблемы изучения русского классицизма. — В кн.: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. XVIII век, т. 6. М.—Л., 1964, стр. 25—26.

[107] Г. А. Гуковский высказал очень верное наблюдение о близости типов «художественного бытования литературных произведений классицизма ... и бытовании так называемой „народной", устной словесности», когда поэтическое произведение «живет, функционирует, бытует без автора, хотя бы автор и был известен... Оно может переходить из рук в руки, изменяться, трансформироваться, из него могут быть извлекаемы отдельные части и странствовать самостоятельно». См.: Г. А. Гуковский. О русском классицизме. — В кн.: Поэтика. Сборник статей. «Academia», Л., 1929, стр. 62—63.

[108] Ломоносов, ПСС, т. VII, стр. 588—590.

«кои обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны»; к «низкому» относятся те «речения», которых нет «в остатках славенского языка, то есть в церковных книгах».

От характеристики «речений» Ломоносов переходит к формированию учения о «трех штилях», которые в свою очередь соотносятся им с жанром произведений: «высоким штилем» «составляться должны героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях». «Средним штилем» Ломоносов рекомендует писать «все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого рода штиль (т. е. «высокий», — *Г. М.*) иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли, ... стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описание дел достопамятных и учений благородных. Низкий штиль принимает речения третьего рода ... по пристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел».

Ломоносов придерживается иного принципа в отборе лексики, чем его предшественники, которые исходили из жанровых признаков (эпопея, трагедия, панегирик). Ломоносов отталкивается от «материи» — предмета описания, который и определяет выбор «речений». При этом следует отметить, что он утверждает возможность совмещения разных типов «речений» в пределах одного жанра (например, в театральных представлениях, где для «изображения геройства» рекомендуется употреблять «высокий штиль»). Смешение стилей в пределах одного жанра совершенно не допускалось в античных и средневековых «Поэтиках» и «Риториках».

Ломоносов не только считал возможным такое смешение стилей теоретически, но и сам широко применял его в своей литературной практике. Это очень убедительно показано А. Д. Оришиным, который, исследовав стиль научной прозы Ломоносова, пришел к следующему выводу: «...неповторимая индивидуальность ломоносовского стиля проявляется не столько в следовании этим нормам (нормативной стилистике «трех штилей», — *Г. М.*), сколько в стихийном отклонении от них ... высокое патетическое начало сочеталось в его произведениях с сатирой, острой насмешкой, иронией, резкими полемическими нападками. А это неизбежно приводило к нарушению строгого стилистического единства. В риторический склад речи прорывались разговорные интонации, высокая лексика смешивалась с просторечием».[109]

А. Д. Оришин видит в этом совмещении стилей проявление индивидуальных качеств Ломоносова: «Живой, страстной натуре ученого — патриота, просветителя, полемиста было тесно в рамках установленной им же самим стилистической классификации».[110] Можно согласиться с А. Д. Оришиным, что индивидуальные черты характера Ломоносова нашли отражение и в стиле его сочинений. Но не только они определили теоретически оправданное им допущение совмещения разных типов «речений» в одном произведении и зависимость этого «речения» от «материи».

Нам представляется, что вся специфика учения Ломоносова о «трех родах речений» и соответственно «трех штилях» объясняется глубоким пониманием им национальных особенностей русской литературы, результатом изучения им древних памятников, раскрывающих самые разнообразные жанры в их историческом развитии.

---

[109] А. Д. Оришин. О стиле научной и публицистической прозы М. В. Ломоносова. — В кн.: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма, стр. 86—87.

[110] Там же.

Древнерусская литература, особенно ранней поры существования, когда она испытывала воздействие византийской хронографии, подчинялась определенным нормам в сложении жанровых систем. Д. С. Лихачев пишет об этой характерной черте средневековой русской литературы: «Жанры настолько обособлены, что они развиваются в известном смысле изолированно, без крепких связей друг с другом. Каждый жанр имеет свой стиль изложения (хронографический стиль, летописный стиль, агиографический стиль) и свои пути развития».[111]

Важнейшей особенностью древнерусской литературы, определившей ряд ее характерных черт, является постоянное взаимодействие с фольклором. Воздействие народнопоэтического творчества и разнообразных форм бытовой речи «размывало» стилистический строй жанра, делало его многослойным в пределах внутрижанрового строения. В. О. Ключевским[112] и А. С. Орловым[113] были подобраны словесные формулы, присущие, по их мнению, строго определенным жанрам — житийному и воинской повести. Но Д. С. Лихачев справедливо отмечает, что и «житийные формулы» и «воинские формулы» постоянно встречаются «вне житий и вне воинских повестей, например в летописи, в хронографе, в исторических повестях, даже в ораторских произведениях и в посланиях».[114] Исследователь пишет, что «не жанр произведений определяет собой выбор выражений, выбор „формул", а предмет, о котором идет речь, является сигналом для несложного подбора требуемых литературным этикетом трафаретных формул... Один и тот же летописец не только применяет различные „формулы" — житийные, воинские, некрологические и т. д., но по нескольку раз меняет всю манеру, стиль своего изложения в зависимости от того, пишет ли он о сражении князя или о его смерти, передает ли содержание его договора или рассказывает о его женитьбе».[115]

Если предмет диктует выбор стилистических формул, то формулы эти в свою очередь черпаются из «разных уровней» литературного языка.

Анализируя поэтику древнерусской литературы, Д. С. Лихачев отмечает, что подбор писателем устойчивых стилистических формул связан с характером языка — церковнославянского или древнерусского — в зависимости от темы описания: «Церковнославянский язык постоянно воспринимался как язык высокий, книжный и церковный. Выбор писателем церковнославянского языка или церковнославянских слов и форм для одних случаев, древнерусского — для других, а народнопоэтической речи — для третьих был выбором всегда сознательным и подчинялся определенному литературному этикету».[116]

Подчеркивая непрерывность литературных традиций, Ломоносов писал о том, что «российский язык от владения Владимирова до нынешнего веку, больше семисот лет, не столько отменился, чтобы старого разуметь не можно было».[117] Исторический анализ развития русского языка, который нашел отражение в «Российской грамматике»,[118] позволил Ломоносову более глубоко, чем многим его современникам, оценить значение древнерусского языка в процессе формирования литературной речи

---

[111] Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 18.

[112] В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

[113] А. С. Орлов. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVIII вв. — ИОРЯС, т. XIII, кн. 4, СПб., 1908.

[114] Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы, стр. 85.

[115] Там же, стр. 85—86.

[116] Там же, стр. 87.

[117] Ломоносов, ПСС, т. VII, стр. 590.

[118] В. В. Виноградов. Проблемы стилистики русского языка в трудах М. В. Ломоносова. — В кн.: Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, стр. 211—234.

XVIII в. Им был задуман специальный труд «О славенском языке и о нашем, как и когда он переменился и что нам должно из него брать и в пис(ьме) употреблять».[119]

Ломоносов считал «сожалительным» почти полное исчезновение из литературного употребления некоторых «славянских» оборотов (в их числе — дательного самостоятельного). «В высоких стихах можно, по моему мнению, с рассуждением некоторые принять, — писал Ломоносов. — Может быть, со временем общий слух к тому привыкнет, и сия потерянная краткость и красота в российское слово возвратится».[120] В своей поэтической практике и в исторической прозе Ломоносов нередко прибегал к «славянским» оборотам, используя их как выразительное стилистическое средство.

Именно эту сторону поэтического языка Ломоносова подчеркнул Пушкин в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова»: «Слог его (Ломоносова, — *Г. М.*) ровный, цветущий и живописный, заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным. Вот почему преложения псалмов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения. Они останутся вечным памятником русской словесности; по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку нашему».[121]

Значение учения Ломоносова о «трех родах речений» и о «трех штилях» очень велико. Его писательская практика и теоретические труды в «словесных науках» способствовали становлению русского литературного языка XVIII в., основанного на общеупотребительной лексике с разумным включением церковнославянизмов и просторечных слов, и устранили тот языковый барьер между письменной и разговорной речью, который ясно обозначился в XVII—начале XVIII в. Посредством разграничения основных стилистических контекстов русского литературного языка Ломоносов создает свою научную теорию, раскрывающую сложные процессы развития новой стилистической системы. «Разделение языка на три стиля, — писал В. В. Виноградов, — вносило порядок в ту пестроту внешних форм — русских и церковнославянских, которая была особенно характерна для стилей литературного языка конца XVII—первой трети XVIII в. Это была великая грамматическая реформа».[122] Теорией «трех штилей» Ломоносов на долгое время определил развитие русской литературы XVIII и XIX вв.

«Пушкину не были чужды, — отмечал Б. В. Томашевский, — представления о стилистических системах литературного языка, но он не представлял их в форме иерархических пластов, расположенных горизонтально один над другим: низкий, средний и высокий. Он писал о том, что разным жанрам присущ разный стиль, но эти стили представлялись для него сосуществующими параллельно и ограниченными только практически необходимым разнообразием жанров».[123]

Пушкинское понимание взаимосвязи предмета и его поэтического воспроизведения восхищало Л. Толстого. В 1874 г. в письме к П. Голохвастову он писал: «Область поэзии бесконечна, как жизнь, но все предметы поэзии предметы вечно распределены по известной иерархии, и смешение

---

[119] Ломоносов, ПСС, т. VII, стр. 606.

[120] Там же, стр. 567.

[121] А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 29—30.

[122] В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., стр. 100.

[123] Б. В. Томашевский. Вопросы языка в творчестве Пушкина. — В кн.: Стих и язык. Филологические очерки. М.—Л., 1956, стр. 416.

низших с высшими или принятие низшего за высший есть один из главных камней преткновения. У великих поэтов, у Пушкина, эта гармоническая правильность распределения предметов доведена до совершенства».[124] Взаимозависимость темы и стиля четко осознавалась Гоголем, который отмечал в «Арабесках», что писателю необходимо быть высоким там, где истина высока, низким там, где она низка.

Обосновав зависимость между языковыми средствами жанра и «штилем», Ломоносов вместе с тем наметил возможность существования функционально-речевых стилей русского языка. В. П. Вомперский, изучивший заметки Ломоносова в черновых материалах к «Российской грамматике» («Штиль разделить на риторический, на пиитической, исторической, дидаскалической, простой»),[125] пришел к выводу о том, что «с присущим ему даром научного предвидения Ломоносов обращает внимание на необходимость исследования речевых стилей, указав тем самым пути к преодолению теории трех стилей, к образованию той новой стилистической системы русского литературного языка, окончательное утверждение которой связывается с именем Пушкина».[126]

Одной из характерных особенностей древнерусской литературы является ее историчность: «...произведения древнерусской литературы, — пишет Д. С. Лихачев, — рассказывали непосредственно о самих исторических событиях — только что случившихся или давних. Главные герои древней русской литературы (в пределах до середины XVII в.) — это деятели русской истории (князья Владимир Святославич, Владимир Мономах, Александр Невский или русские святые — Борис и Глеб, Феодосий и Антоний Печерские и т. д.)... Древнерусский читатель не интересовался бы произведением, если бы знал, что сюжет его вымышлен, а герои его никогда не существовали».[127]

Историчность древнерусской литературы объясняется многообразием ее функциональной назначенности: древние литературные памятники удовлетворяли не только эстетическим потребностям читателя, но и исполняли «деловые» задачи.

Вымысел героя и сюжета литературного произведения — это открытие второй половины XVII в., результат развития «личностного» начала и воздействия западноевропейской литературной мысли.

В этот период появляются и теоретические труды в области «словесных наук». Д. С. Бабкиным обнаружены несколько экземпляров русских (северных по происхождению) «Риторик», переписанных в начале XVII в., содержащих учение о «тройных родах глаголания»: смирном, среднем и высоком и об «украшении слова» — «о выображении или вымыслах».[128]

Во второй половине XVII в. через посредство Киево-Могилянской академии в Россию из Польши проникли многочисленные «Риторики» и «Поэтики», в числе их — известные труды Помея, Коссена и Понтана, оказавшие значительное влияние на формирование теоретических взглядов Феофана Прокоповича, автора курса поэтики.[129] «De arte poetica» по-

[124] Русские писатели о литературе, т. 2. Л., 1939, стр. 151.

[125] Ломоносов, ПСС, т. VII, стр. 609.

[126] В. П. Вомперский. 1. Очерки по истории стилистических теорий в русском литературном языке XVII—первой половины XVIII века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1970, стр. 45; 2. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1971.

[127] Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, стр. 195—196.

[128] Д. С. Бабкин. Русская Риторика начала XVII в. — ТОДРЛ, т. VIII, стр. 326—353.

[129] Ryszard Luźny. Pisarze kręcu akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. Z dziejów związkow kulturalnych polsko-wschodniosłowiańskich XVII—XVIII w. Kraków, 1966.

лучила широкое распространение в рукописных списках. Впервые она была издана на латинском и русском языках в Могилеве в 1786 г. Ломоносов, как об этом можно судить по его теоретическим работам, был хорошо знаком с курсом поэтики Ф. Прокоповича. Самым вероятным представляется, что Ломоносов изучил «De arte poetica» во время пребывания в Киеве осенью 1734 г.: в составе библиотеки Киево-Могилянской академии до настоящего времени хранится рукопись поэтики, переписанная в Киеве в 1705 г. (ГПБ АН УССР. Д. С., п. 246).[130]

«De arte poetica» Ф. Прокоповича является первым значительным памятником русской теории поэзии. Автор ставит вопросы о роли поэзии в общественной жизни: «Сам предмет, которым обычно занимается поэзия, придает ей огромную важность и ценность. Поэты сочиняют хвалы великим людям и память о их славных подвигах передают потомству».[131] Убежденный в высоком назначении искусства слова, Ф. Прокопович считает недопустимым вторжение в поэзию любовной лирики. Слава Родины и тех великих людей, которые своей деятельностью, своим мужеством содействовали процветанию Отечества, — единственная достойная цель словесного искусства.

При очевидной близости позиций Ф. Прокоповича и Ломоносова нам представляется, что «платформа» этих позиций различна. Ф. Прокопович прежде всего исходил из опыта античной и западноевропейской литературы — не случайно поэтому он ссылается на Аристотеля, который не допустил «в число Муз все стихотворения такого рода, как распространяющие заразу и вредные для нравственности», и на Платона, изгнавшего «такого рода поэтов ... из пресловутого вымышленного им государства».[132]

В строительстве русской литературы XVIII в. Ломоносов, поэт и теоретик, учитывая опыт мировой литературы, исходил из задач национальной культуры. Поэтому он говорит о поэзии, которая воспевает мудрые деяния не героев вообще (например, героев античности, великих полководцев и царей), а героев русской истории.

Различие задач, которые стояли перед Ф. Прокоповичем и Ломоносовым, определило и расхождение их по общетеоретическим положениям. В основном вопросе искусства — в вопросе о художественном освоении жизни — Ломоносов и Ф. Прокопович нашли разные решения.

Отличительным признаком художественного произведения Ф. Прокопович считает поэтический вымысел, что отличает его от исторического сочинения. А. Н. Соколов считает, что «различие поэзии и истории Ф. Прокопович понимает глубже, чем предшествующие ему теоретики, даже Скалигер».[133] В решении вопроса о вымысле как основном свойстве поэзии Ф. Прокопович целиком опирается на теоретические положения Аристотеля, изложенные в его «Поэтике»: «Задача поэта — говорить не о происшедшем, а о том, что могло бы случиться, о возможном по вероятности или необходимости. История и поэт различаются не тем, что один говорит стихами, а другой прозой. Ведь сочинения Геродота можно было бы переложить в стихи, и все-таки это была бы такая же история в метрах, как и без метров. Разница в том, что один рассказывает о происшедшем, другой о том, что могло бы произойти».[134]

---

[130] Г. Н. Моисеева. М. В. Ломоносов на Украине. — В кн.: Русская литература XVIII века и славянские литературы. М.—Л., 1963, стр. 79—101.

[131] Феофан Прокопович. Сочинения, стр. 341.

[132] Там же.

[133] А. Н. Соколов. О Поэтике Феофана Прокоповича. — В кн.: Проблемы современной филологии. М., 1965, стр. 445.

[134] Аристотель. Поэтика, стр. 51.

В труде Ф. Прокоповича «De arte poetica» сказано о том, что одним из основных условий создания литературного произведения, в отличие от исторического, является вымысел: «Природа поэзии соответствует ее имени. Ведь поэзия есть искусство изображать человеческие действия и художественно изъяснять их для назидания в жизни. Из этого определения видно, что поэзия совершенно отлична от истории. История ведь просто повествует о подвигах и не воспроизводит их посредством изображения... Поэт же, имя которому „творец" и „сочинитель", должен слагать стихи, придумывать содержание, т. е. воспевать вымышленное».[135] Ф. Прокопович утверждает: «У поэта с историком я не усматриваю ни в чем сходства, кроме того, что тот и другой — повествователи». В главе «О поэтическом вымысле» Ф. Прокопович специально останавливается на различии поэта и историка и на способах воплощения замыслов: «Поэт описывает деяния определенных лиц, что делает и историк: но историк излагает, как они были совершены, поэт же — как должны были совершиться».[136]

Ф. Прокопович приводит примеры из античной литературы, когда «поэт высказывает свое гражданское учение, словно в некоем зеркале, в деяниях какого-либо героя и, восхваляя, ставит его в пример прочим. Так, Гомер изобразил в Улиссе красноречивого, умного и закаленного опытом вождя. Виргилий же в Энее представил мужественного и благочестивого государя».[137] Л. И. Кулакова справедливо пишет о том, что, «когда Феофан (Прокопович, — *Г. М.*) говорил о „вымысле события", он в большей степени думал об античной и европейской литературе, чем о русской».[138]

И в своей писательской практике и в теоретических трудах Ломоносов не мог пройти мимо этих важнейших вопросов, в которых решались судьбы развития русской литературы.

Уже в первой своей оде на взятие Хотина Ломоносов наметил свой путь в литературе. Не героика античного мира, освобожденная от конкретно-исторической и бытовой реальности, а национальная история — древняя и новая — явилась основой образов и сюжетов литературных произведений Ломоносова.

Неразрывную и животворную связь истории и литературы Ломоносов противопоставляет учению о различных задачах историка и поэта, декларируемому в западноевропейских теоретических руководствах и в книге Ф. Прокоповича. В «Слове похвальном» Елизавете Петровне 1748 г. Ломоносов говорит о роли науки в общественной жизни и специально останавливается на значении литературы: «Чем военныя сердца вящше к мужественному против врагов действию и к храброму защищению Отечества побуждаются, как славными примерами великих Героев? Сии приводит на память История и Стихотворство, которое прошедшия деяния живо описуя, как настоящия представляет».[139] Позднее в предисловии к книге «Первые основания металлургии, или рудных дел» (1763) Ломоносов скажет о важности связи и взаимодействия наук: «Нет сомнения, что науки наукам много весьма взаимно способствуют, как физика химии, физика математике, нравоучительная наука и история стихотворству».[140]

---

[135] Феофан Прокопович. Сочинения, стр. 346, 407. (Разрядка наша, — *Г. М.*).
[136] Там же, стр. 407. (Разрядка наша, — *Г. М.*).
[137] Там же.
[138] Л. И. Кулакова. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века, стр. 9.
[139] Ломоносов, ПСС, т. VIII, стр. 252. (Разрядка наша, — *Г. М.*).
[140] Там же, т. V, стр. 618. (Разрядка наша, — *Г. М.*).

В своей общественной, филологической, литературно-публицистической и поэтической деятельности Ломоносов раскрывает плодотворность и историческую перспективность именно такого направления развития русской культуры, соответствующего национальным традициям.

В теоретическом труде в области русской словесности — «Кратком руководстве к красноречию. Книга первая, в которой содержится Риторика» (1748), Ломоносов дал свое понимание литературного «вымысла»: «§ 151. Вымыслы разделяются на чистые и смешанные. Чистые состоят в целых повествованиях и действиях, которых на свете не бывало, составленных для нравоучения. Смешанные вымыслы состоят отчасти из правдивых, отчасти из вымышленных действий, содержащих в себе похвалу славных мужей или какие знатные, в свете бывающие приключения, с которыми соединено бывает нравоучение».[141]

При сопоставлении отрывка из «Риторики» Ломоносова с характеристикой «вымысла» в «Поэтике» Ф. Прокоповича можно заметить, что Ломоносов вводит дополнительное определение: «Вымыслы разделяются на чистые и смешанные». В понимании «чистых вымыслов» Ломоносов близок к формулировке Ф. Прокоповича (восходящей к определению Аристотеля): «Повествование состоит из описания действий, которых на свете не бывало, составленных для нравоучения». Сравним: «...цель поэта... учить людей, какими они должны быть при том или ином положении в жизни» (разрядка наша, — *Г. М.*). Ломоносов при этом вводит новое понятие «смешанных вымыслов», когда литературные произведения «состоят отчасти из правдивых, отчасти из вымышленных действий, содержащих в себе похвалу славных мужей или какие знатные в свете бывающие приключения, с которыми соединено бывает нравоучение» (разрядка наша, — *Г. М.*). Примеры Ломоносов берет не только из античной литературы (они совпадают с примерами Ф. Прокоповича) — это «Илиада» и «Одиссея» Гомера и «Энеида» Вергилия, но и из современной — роман Фенелона «Приключение Телемака», изданный впервые в 1699 г., «стоит на пороге новой эпохи — века Просвещения».[142]

Ломоносов не указывает русских литературных произведений в качестве образца «чистых» или «смешанных» вымыслов. Французские романы и «российские сказки, какова о Бове составлена» Ломоносов исключает из числа художественных произведений на том основании, что «они никакого нравоучения в себе не заключают ... и служат только к развращению нравов человеческих и к вящему закоснению в роскоши и плотских страстях». Неправ Б. И. Бурсов, когда он, рассматривая это высказывание, полагает, что Ломоносов «крайне отрицательно относился к прозаическим жанрам» и именно поэтому, по мнению Бурсова, «новая русская литература началась поэзией».[143] Совершенно очевидно, что речь у Ломоносова идет не о жанровых признаках произведений (ведь включает же он роман «Приключения Телемака» в число образцовых сочинений «смешанного вымысла»), а о их содержании. «Основным критерием художественной литературы, ее права на существование, оправданием ее важного места в общественной жизни, — справедливо пишет А. Д. Оришин, — был для Ломоносова критерий практической и нравственной

---

[141] Там же, т. VII, стр. 222—223.

[142] А. Д. Михайлов. Роман Фенелона «Приключение Телемака». К вопросу об эволюции французского классицизма на рубеже XVII и XVIII веков. — В кн.: XVII век в мировом литературном развитии. М., 1963, стр. 270.

[143] Б. И. Бурсов. Национальное своеобразие русской литературы. Изд. 2-е. Л., 1967, стр. 54.

полезности. Отсюда — требование дидактичности, нравоучительности литературы».[144]

Литература, по мысли Ломоносова, имеет большое значение в воспитании человеческого характера, она «побуждает к мужественному против врагов действию и к храброму защищению Отечества», она приобщает людей к научным знаниям, повествуя о прошлом («прошедшия деяния живо описуя»), она помогает осмыслить настоящее.

Теоретическое обоснование и практическое претворение Ломоносовым в своих произведениях принципа «смешанного вымысла» сыграло важную роль в становлении национальных особенностей русской литературы XVIII в. и в характере ее воздействия на литературу XIX в. Но и в этом новаторстве Ломоносова — поэта и теоретика, дерзнувшего идти наперекор устоявшейся системе литературного мышления, немалое значение имела претворенная им на новой основе преемственность национальных традиций.

Древнерусские памятники — летописи, воинские повести, жития святых, прологи — представляли Ломоносову великолепные образцы исторической литературы, где описание «правдивых действий» сочеталось «с нравоучением». Средневековый писатель всегда стремился быть правдивым, не «вымышлять», а возможно более точно передавать «прежде бывшее».

Характеризуя специфический характер древнерусских сочинений, Д. С. Лихачев так его определяет: «Произведения по русской истории пишутся вскоре после того, как события совершились, — очевидцами, по памяти или по свидетельству тех, кто видел описываемые события».[145]

Воссоздавая в поэтических произведениях события русской истории X—нач. XVIII в., Ломоносов проводил большую исследовательскую работу с памятниками древнерусской литературы. Он сопоставлял показания разных источников, сравнивал различные редакции одного и того же произведения, отмечал древность языковых форм и лексики («различие древности слов»), особенности языка летописей («о речениях несторовских, новогородских»). Не случайно поэтому результаты многостороннего изучения Ломоносовым памятников древнерусской литературы находили отражение в литературных и исторических сочинениях и в теоретических трудах в области «словесных наук».

В художественном сознании Ломоносова правдивость становится одним из важнейших критериев ценности литературы как общественного явления. В «Слове благодарственном на освящение Академии художеств» (1764) Ломоносов говорит: «О коль великое удивление и удовольствие произвести может Россия помощью художеств в любопытном свете, которой едва уже не до отвращения духа чрез многие веки повторяет древния Греческия и Римския, по большей части баснотворныя деяния».[146]

В предисловии к «Древней российской истории» Ломоносов рассуждает о преимуществах сочинений, основанных на описании подлинных событий: «Когда вымышленные повествования производят движения в сердцах человеческих, то правдивая ли история побуждать к похвальным делам не имеет силы, особливо ж та, которая изображает дела праотцев наших».[147]

---

[144] А. Д. Оришин. О значении «Риторики» Ломоносова. — В кн.: Роль и значение XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР П. Н. Беркова. XVIII век, т. 7. М.—Л., 1966, стр. 98.

[145] Д. С. Лихачев. Первые семьсот лет русской литературы. — В кн.: «Изборник» (сборник произведений литературы древней Руси). М., 1969, стр. 10.

[146] Ломоносов, ПСС, т. VIII, стр. 809. (Разрядка наша, — *Г. М.*).

[147] Там же, т. VI, стр. 171. (Разрядка наша, — *Г. М.*).

И тут же Ломоносов говорит о великих традициях древней русской литературы, которую «предки наши оставили на память, что, применясь к летописателям других народов, на своих жаловаться не найдем причины».[148]

В посвящении поэмы «Петр Великий» (1760) Ломоносов выразительно декларирует свое понимание эпопеи, основанной на исторических материалах. Причем он почти демонстративно подчеркивает, что в этом новом понимании эпопеи он не хочет следовать прославленным поэтам античного мира — Гомеру и Вергилию:

Хотя во след иду Виргилию, Гомеру,
Не нахожу и в них довольнаго примеру.
Не вымышленных петь намерен я Богов,
Но истинны дела, великий труд Петров.[149]

Работе над поэмой «Петр Великий» предшествовал большой разыскательский труд. Ломоносов, как он пишет в письме И. И. Шувалову, собирал многочисленные «записки о делах великого нашего государя».

При создании поэмы Ломоносовым использованы печатные и рукописные исторические материалы, официальные документы Петровского времени, записки современников: «Поденные записки или Журнал Петра Великого», «История Свейской войны» П. Шафирова, «История Петра Великого» Ф. Прокоповича, «История стрелецкого бунта» А. Матвеева, «Созерцание краткое» С. Медведева, записки датского резидента в Москве фон Розенбуша, сочинения типа летописцев, «История государя царя Петра Великого» П. Крекшина, повесть о стрелецком восстании в составе Соловецкого сборника и др.

Документальная основа поэмы «Петр Великий» позволяла младшим современникам Ломоносова рассматривать это литературное произведение как серьезный исторический труд. Известно, что с таких же позиций подошел к поэме и французский историк Леклерк, упрекавший Ломоносова в мелких неточностях в передаче исторических фактов.[150]

Д. Д. Благой совершенно справедливо говорит о том, что «свою поэму Ломоносов принципиально строил как произведение историческое, подчеркивая, что хотя он и следует в ней античным образцам, но, в противоположность „вымышленным богам“ и „басням“ Вергилия и Гомера, воспевает „истинны дела“ великого исторического деятеля».[151]

Такой подход к созданию героической поэмы был новаторским и совершенно необычным для русской литературы 50—60-х гг. XVIII в. Законодатель классицизма Буало, чей авторитет как в России, так и на Западе считался тогда непререкаемым, установил твердые правила, определявшие построение героической поэмы. Буало считал, что «эпос величавый» непременно требует «вымысла» («высокой выдумки»), «роя мифических прикрас», и предостерегал эпического поэта от подражания «историкам спесивым».

Современник Ломоносова поэт и теоретик литературы В. К. Тредиаковский утверждал, что сюжет поэмы не может быть заимствован ни из истории древнего мира, ни, тем более, из нового времени. Единственный источник — «времена баснословные». Вольтер — автор крупных исторических сочинений («Век Людовика XIV», «История Карла XII, короля шведского»), поэт-новатор, отразивший в поэме «Генриада» подлинные

---

[148] Там же, стр. 170.
[149] Там же, т. VIII, стр. 696—697.
[150] M. le Clerc. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne, t. I. Paris, 1783, стр. 142—143.
[151] Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века, стр. 193—194.

события французской истории конца XVI—начала XVII в., осуждался Тредиаковским за то, что герой эпической поэмы — историческое лицо, король Генрих IV. Тредиаковский развивает мысль о несовместимости исторической достоверности с поэтическим вымыслом. Г. А. Гуковский высказал очень тонкую догадку о том, что «Тредиаковский через голову Вольтера метил в Ломоносова с его эпической поэмой „Петр Великий"».[152]

Ломоносов с интересом относился к творческой деятельности Вольтера. И хотя «Волтерова лира» не всегда вызывала симпатии русского ученого и поэта, тем не менее Ломоносов внимательно изучал произведения французского просветителя, даже и те, которые не попали в печать.[153]

Знакомство Ломоносова с поэмой Вольтера и теоретическим трактатом «Essai sur la poésie épique»,[154] приложенным к лондонскому изданию «Генриады» 1728 г., с очевидностью выступает в поэме «Петр Великий».[155] Но, учитывая опыт Вольтера в эпической поэзии, Ломоносов не во всем следует творцу прославленной «Генриады». Взяв в основу факты биографии французского короля Генриха IV, Вольтер ввел в круг литературных персонажей поэмы аллегорические фигуры Истины, Раздора, Фанатизма, Любви и т. д. Ломоносов декларативно отказался от вымысла, о чем сказал в первой песне поэмы:

О вы, рачители и слушатели слов,
В которых подвиг вам приятен есть Петров,
Едина истина возлюбленна и сродна,
От вымыслов краса Парнасских неугодна.[156]

Ломоносов основывался на подлинной истории, тщательно исследованной им на материале многочисленных источников (рукописных и печатных).

Своей поэмой, где был осуществлен замечательный синтез истории и литературы, Ломоносов прокладывал пути к созданию эпического жанра нового типа. Неслучайно поэтому через семьдесят лет Пушкин, обратившись к литературному отображению образа Петра I, черпал у Ломоносова краски и общую характеристику деятельности царя («Строитель, плаватель, в полях, в морях герой» — «То академик, то герой, то мореплаватель, то плотник»), что нашло отражение в «Медном всаднике», «Полтаве», «Пире Петра Первого» и «Стансах».

Литературное претворение теоретического положения «Риторики» 1748 г. о «смешанных вымыслах» (когда произведение состоит «отчасти из правдивых, отчасти из вымышленных действий, содержащих в себе похвалу славных мужей или какие знатные в свете приключения, с которыми соединено бывает нравоучение»)[157] было осуществлено Ломоносовым и в жанре драматургии: в 1750 г. была опубликована трагедия на национально-патриотическую тему «Тамира и Селим».

---

[152] Г. А. Гуковский. Тредиаковский как теоретик литературы. — В кн.: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма, стр. 52.

[153] П. Р. Заборов. Вольтер в русских переводах XVIII века. — В кн.: Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967, стр. 114—117.

[154] Русский перевод «Опыта об эпической поэзии» был осуществлен, как это убедительно доказано П. Р. Заборовым, Е. Р. Дашковой и опубликован в журнале «Невинное упражнение» за 1763 г. См.: П. Р. Заборов. Вольтер в русских переводах XVIII века, стр. 171—172.

[155] О влиянии «Генриады» Вольтера на поэму Ломоносова «Петр Великий» см.: А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955, стр. 97.

[156] Ломоносов, ПСС, т. VIII, стр. 701.

[157] Там же, т. VII, стр. 223.

В классицистической теории жанров наиболее важное и почетное место наряду с эпической поэмой занимает трагедия. Исходя из положения Аристотеля «трагедия — это изображение действия и главным образом через него изображение действующих лиц»,[158] Буало построил эстетическую теорию образного переосмысления действительности. Особое значение поэтому приобрел вопрос о соотношении реального факта и художественного вымысла, о выборе сюжетов и героев. В III песне «Поэтического искусства» Буало утверждает, что «материалом для трагедии (в отличие от комедии) может служить только история или античный миф, иначе говоря — сюжет и герои неизбежно традиционны».[159] Следует помнить, что «история» в концепции Буало — это история античная, основанная на трудах древних греческих и римских историков. Творческая самостоятельность поэта может проявляться в трактовке характера героев, в истолковании традиционного сюжета. А истолкование «должно быть рассчитано на то, чтобы отражать наиболее общечеловеческие чувства и страсти, понятные не немногим избранным, а всем, — этого требует общественная, воспитательная миссия искусства, которая лежит в основе эстетической теории Буало».[160]

Внешняя фабула и выбор героев в трагедии Ломоносова «Тамира и Селим» сообразуются с правилами классицистической трагедии. В основе «Тамиры и Селима» лежит любовная коллизия, борьба долга и чувства, страсти и рассудка.

В. И. Резанов, сопоставивший характер действующих лиц трагедии Ломоносова с произведениями западных (Корнель, Готшед) и русских (Сумароков) классицистов, убедительно показал, что Ломоносов следовал в построении сюжета существовавшим литературным образцам.[161] Но В. И. Резанов не оценил новаторства Ломоносова, смело соединившего с традиционной любовной коллизией тему национально-исторического значения — события Куликовской битвы 1380 г., рассказ о великой победе, одержанной русскими войсками под водительством Дмитрия Донского над татарскими ордами Мамая.

Д. Д. Благой очень удачно раскрыл своеобразие трагедии Ломоносова: «...надо сказать, что, несмотря на условную традиционно-любовную фабулу (любовь крымской царевны Тамиры, которую ее отец хочет выдать замуж за Мамая, к багдадскому царевичу Селиму), именно Куликовская битва — событие важнейшего исторического значения в жизни русского народа — по существу находится в центре всей пьесы».[162]

Ломоносов раскрывает свой замысел в «Кратком изъяснении» к трагедии, в котором подчеркивается, что в основе произведения находятся подлинные события «из Российской истории»: «В сей трагедии изображается стихотворческим вымыслом позорная погибель гордаго Мамая, Царя Татарскаго, о котором из Российской истории известно, что он, будучи побежден храбростию Московского Государя, Великаго Князя Димитрия Иоанновича на Дону, убежал с четырьмя князьми своими в Крым, в город Кафу, и там убит от своих».[163]

В предшествующих главах настоящего исследования[164] было показано, какие древнерусские памятники были привлечены Ломоносовым для создания трагедии на тему из отечественной истории XIV в. «Основная»,

---

[158] Аристотель. Поэтика, стр. 48.
[159] См.: Н. А. Сигал. «Поэтическое искусство» Буало, стр. 35.
[160] Там же.
[161] В. И. Резанов. Трагедии Ломоносова. — В кн.: Ломоносовский сборник. 1711—1911. СПб., 1911, стр. 235—251.
[162] Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века, стр. 191.
[163] Ломоносов, ПСС, т. VIII, стр. 292.
[164] Гл. I, стр. 10—13, гл. II, стр. 90—104.

«летописная» и «киприановская» редакции Сказания о Мамаевом побоище,[165] летописные повести о Куликовской битве, «История российская» Татищева явились источниками для воссоздания событий, предшествовавших Куликовской битве, описания кровавого сражения русских войск с татарами на реке Непрядве в 1380 г., рассказа о победе, одержанной под водительством московского великого князя Дмитрия Ивановича, и о гибели хана Мамая.

Ломоносов стремится с большой точностью передать все детали, сохраненные древнерусскими литературными памятниками. К «основной» редакции Сказания о Мамаевом побоище, составление которой, как это убедительно показано Л. А. Дмитриевым, относится к первой четверти XV в.,[166] восходит известие о союзнических отношениях рязанского князя Олега и литовского князя Олгерда с золотоордынским ханом Мамаем. В трагедии «Тамира и Селим» нашла отражение именно эта версия рассказа:

С поспешностью гонец прибег с Донских полей
И весть принес, что вся Ордынска к бою сила
Противу Россов шла и Россы против ней.
Но Ольг, Резанский Князь, и Князь Олгерд Литовский
Свои к Мамаевым поставили полки.[167]

Исторически достоверно, что в 1380 г. в числе союзников Мамая выступал литовский князь Ягайло. Отец его князь Ольгерд умер в 1377 г. Но вместе с тем в так называемой основной редакции Сказания о Мамаевом побоище названо имя Ольгерда. Исследователь объясняет это тем, что Ольгерд был давнишний и постоянный неприятель России, трижды пытавшийся взять Москву. Ягайло ни разу на Москву не ходил, и поэтому в сознании русского писателя конца XIV—начала XV в. он не мыслился как враг Московского государства. На основании текстологического анализа всех списков Сказания о Мамаевом побоище Л. А. Дмитриев пришел к обоснованному выводу о том, что «в авторском тексте памятника было имя Ольгерд, а замена его на Ягайло — индивидуальная особенность Летописной и Киприановской редакций Сказания».[168]

Ломоносову были хорошо известны разные редакции Сказания о Мамаевом побоище, в числе их и те, в которых союзником Мамая во время похода его на Русь был назван литовский князь Ягайло (БАН. 31.7.30, т. 1; БАН. 31.4.22; ГИМ. Синод. 485). Следовательно, Ломоносов осмысленно принял историческую концепцию составителя редакции, отразившей народное представление о литовском князе, который «много зла сотворил земле русской». Таким образом, до сознания читателей (и зрителей) трагедии «Тамира и Селим» середины XVIII в. доносился первоначальный текст литературного памятника первой четверти XV в.

Наши выводы подтверждает «Краткий российский летописец», в котором нашла отражение историческая концепция Ломоносова. Сообщая краткие сведения о Дмитрии Ивановиче, Ломоносов отмечает, что он «вел войну с князем Михайлом Александровичем тверским и с князем Олгердом литовским, его зятем и помощником, с обеих сторон разори-

---

[165] Здесь и далее в вопросе о редакциях Сказания о Мамаевом побоище пользуемся выводами Л. А. Дмитриева. См.: Л. А. Дмитриев. К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище. — В кн.: Повести о Куликовской битве. М.—Л., 1959, стр. 406—480.

[166] Л. А. Дмитриев. О датировке Сказания о Мамаевом побоище. — ТОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954, стр. 185—192.

[167] Ломоносов, ПСС, т. VIII, стр. 302.

[168] Л. А. Дмитриев. К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище, стр. 408—409.

тельную».[169] О литовском князе Ягайло Ломоносов ни разу не упоминает даже при известии о победе над Мамаем.

«Летописная» редакция Сказания о Мамаевом побоище подсказала Ломоносову описание начала сражения на поле Куликовом, когда русские войска оказались оттесненными татарами к Дону: «И ступишася обеи вои и крепко бьющеся, не токмо оружием, но и сами о себя избивахуся друг о друга, под конскими ногами умираху, от великие тесноты задыхахуся, яко не мощно бе им вместитися на поле Куликове».[170]

В трагедии Ломоносова рассказ о сражении передан от лица крымского царевича Нарсима — участника битвы:

...И с малым воинством Димитрий, Князь Московский,
Противу стать дерзнул, оставшись близ реки...
Российския в крови повержены знамена,
И князь Московский был отвсюду окружен,
И сила войск его слабела утесненна.[171]

В «летописной» редакции Сказания о Мамаевом побоище сообщено, что после сражения «...обретоша трупия мертвых об он пол реки Непрядвы, иде же бе не проходно полком русским».

В трагедии Ломоносова эта яркая картина нашла художественное отображение в следующих строках:

Уж поле мертвыми наполнилось широко,
Непрядва, трупами спершись, едва текла.

В «летописной» редакции Сказания рассказано о ранении на поле боя великого князя Дмитрия Ивановича несколько иначе, чем в «основной» редакции. Сопоставление обеих редакций показывает, что в рассказе о Дмитрии Ивановиче Ломоносов опирался на «летописную» редакцию Сказания (разрядка наша, — *Г. М.*):

Сказание о Мамаевом побоище		*Трагедия*
«Летописная» редакция	*«Основная» редакция*	*«Тамира и Селим»*
Самого же великого князя уязвиша, он же уклонився от войска и сниде с коня и с побоища, яко не мощно ему битися.[172]	Самого же великого князя уязвиша вельми и с коня его збиша. Он же склонився с побоища яко не мощно бе ему к тому битися.[173]	И, ранами покрыт, От бою уклонился Димитрий...[174]

Из «летописной» редакции Сказания о Мамаевом побоище Ломоносов почерпнул ряд фактических сведений о ходе сражения и длительности боя («уже чрез пять часов горела брань сурова» — «час же 4 и 5 бьются, не ослабеют християне»). И обрисовка выезда «засадного полка» и победоносного наступления русских войск, разгрома и гибели Мамая в Крыму, убитого своими приближенными, — все эти картины, нашедшие яркое художественное воплощение в трагедии «Тамира и Селим», явились результатом изучения и творческого восприятия Ломоносовым памятников древнерусской литературы, отобразивших сражение на Куликовом поле.

---

[169] Ломоносов, ПСС, т. VI, стр. 315—316.
[170] Повести о Куликовской битве, стр. 49.
[171] Ломоносов, ПСС, т. VIII, стр. 302.
[172] Повести о Куликовской битве, стр. 102.
[173] Там же, стр. 69—70.
[174] Ломоносов, ПСС, т. VIII, стр. 321.

Трагедия Ломоносова «Тамира и Селим» была первым опытом русской драматургии в практическом применении теории «смешанных вымыслов», где описание «правдивых действий» исторических лиц сочетается с авторским домыслом действий литературных героев.

Как мы знаем из черновых заметок, сохранившихся в материалах к «Российской грамматике» (над которой Ломоносов, как известно, работал в конце 40-х—начале 50-х гг. XVIII в.), он задумывал написать отдельное поэтическое произведение, посвященное Куликовской битве 1380 г. и ее герою — Дмитрию Донскому. Две первых строки Ломоносовым зачеркнуты:

Донскую войну воспѣть хочу,
Донскую брань пою и удаль.

Две следующие строки читаются свободно:

Войну воспѣть въ донскихъ полях кроваву
И князя, что воздвигъ попранну нашу славу.[175]

По всей видимости, Ломоносов полагал написать героическую поэму: об этом говорят «классический» зачин («Донскую войну воспѣть хочу», «Войну воспѣть в донских поляхъ...»), который позднее был им применен в поэме «Петр Великий» («Пою премудрого Российского Героя»), и ямбическое построение стихотворного размера.

В. П. Адрианова-Перетц убедительно показала, что между гражданской лирикой XVIII в. и древнерусской некрологической и воинской повестью существует подлинная преемственность.[176] Это особенно отчетливо видно в произведениях Ломоносова, убежденно и сознательно отбиравшего из национальных сокровищ языка и литературы те «активные элементы», которые он органически включал в формирующуюся русскую словесность.

Обращение к темам и поэтике древнерусской литературы определило не только своеобразие художественного метода Ломоносова, но оказало воздействие на характер русской литературы второй половины XVIII в. Опора на памятники того периода, который отображался в литературном произведении, оперирование документально засвидетельствованными фактами истории способствовали стихийному проникновению в литературу некоторых черт подлинной жизни (хотя и прошлой), формированию реалистических тенденций в русском классицизме.

Если мы обратимся к предшественнику Ломоносова — Ф. Прокоповичу, автору драматического сочинения на сюжет из древнерусской истории, то наглядно увидим, какую историко-культурную дистанцию преодолел Ломоносов за несколько десятилетий.

В «трагедокомедии» «Владимир» Ф. Прокоповича речь идет о событиях времени княжения Владимира Святославича, принявшего христианство.[177] Ф. Прокопович свободно обращается с историческим материалом. В его произведении существует аллюзия истории. Историчны лишь имена некоторых действующих лиц: князь Владимир, его брат Ярополк, «от него же убиенный», сыновья — Борис и Глеб, которые обсуждают с Владимиром вопрос о пользе крещения (в действительности же

---

[175] ААН, ф. 20, оп. 1, № 5, л. 16 об. В издание черновых материалов к «Российской грамматике» эти четыре строки л. 16 об. не вошли. См.: Ломоносов, ПСС, т. VII, стр. 620—621.

[176] В. П. Адрианова-Перетц. О связи между древним и новым периодом в истории славянских литератур. Русская литература XI—XVII веков среди славянских литератур. — ТОДРЛ, т. XIX, М.—Л., 1963, стр. 427—447.

[177] Феофан Прокопович. Сочинения, стр. 152.

Борис и Глеб, сыновья Владимира от греческой царевны Анны, родились после крещения).

Внешнее подобие древней истории для Ф. Прокоповича является удобной формой обличения русского духовенства, которое он представляет в «трагедокомедии» в виде языческих жрецов и волхвов, сопротивляющихся принятию крещения Владимиром.[178]

Эта тенденция, ведущая свое начало, как это справедливо указывает Д. Д. Благой, от школьной драматургии конца XVII в.,[179] нашла свое дальнейшее развитие и продолжение в творчестве талантливого современника Ломоносова — А. П. Сумарокова.

Начиная с первой трагедии «Хорев» (1747), Сумароков обратился к историко-национальной тематике. Действие трагедии происходит в далекое время «до Рюрикова периода», когда «князь российский» Кий, брат Хорева, одержавший победу над «бывшим князем Киева-града» Завлохом, овладел его престолом.

Какие известия мог почерпнуть Сумароков о Кие и Хореве из древнерусских источников? Лишь самые краткие упоминания летописца о трех братьях — основателях Киева: Кие, Щеке, Хореве и их сестре Лыбеди. Мог уловить какой-то неясный спор составителя летописи с неизвестным предшественником о происхождении Кия: летописец считал его князем, а «некии несведущии» утверждали, что Кий — перевозчик через реку Днепр. Очевидно, что ни о каком даже приблизительном отображении исторических фактов читатели и зрители «Хорева» не имели представления. Написанная прекрасными стихами, первая трагедия Сумарокова снискала автору подлинную славу благодаря передовым, просветительским идеям, которые раскрывались автором (верность долгу, ответственность главы государства за свои поступки, осуждение фаворитизма и др.).

Исторические имена героев Сумароков использует и в следующей трагедии, изданной в 1750 г., — «Синав и Трувор». Синав и Трувор — братья легендарного варяжского князя Рюрика, призванного по совету «знатнейшего боярина новогородского» Гостомысла на княжение в Новгород. Кроме этих трех исторических имен и авторской ремарки, что «действие происходит в Новегороде в княжеском доме», никаких других свидетельств историчности сюжета «Синава и Трувора» нет, равно как и в двух последующих трагедиях «Семира» и «Димиза» (позднее переделанная в «Ярополка и Димизу»).

Еще Карамзин заметил, что Сумароков, «называя героев своих именами древних князей русских, не думал соображать свойства, дела и язык их с характером времени».[180] Совсем недавно И. З. Серман сделал попытку связать этическую проблематику трагедий Сумарокова с древнерусской традицией, полагая, что в изображении «чести» как системы понятий Сумароков основывался на древнерусских памятниках.[181] Вывод этот не представляется убедительным, поскольку категория «чести» в произведениях Сумарокова рассматривается в плане личного поведения положительного героя — представителя привилегированной среды (царь, князь, владетель). «Честь» и «долг» — этическая основа драматургиче-

---

[178] См.: Н. С. Тихонравов. Сочинения, т. II, М., 1898, стр. 152. Эту же мысль высказывает и П. О. Морозов. См.: П. О. Морозов. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889, стр. 369.

[179] Д. Д. Благой. Закономерности становления новой русской литературы. Доклад на IV Международном съезде славистов. М., 1958, стр. 33.

[180] Н. М. Карамзин. Пантеон российских авторов. — В кн.: Избранные сочинения Н. М. Карамзина, ч. 1. М., 1884, стр. 506.

[181] И. З. Серман. Этическая проблематика трагедий А. П. Сумарокова и древнерусская традиция. — В кн.: Совещание «Древнерусская литература и проблемы истории русской культуры XVIII—XX веков». Тезисы докладов. Л., 1969, стр. 7.

ского конфликта пьес Сумарокова; в понимании древнерусского писателя «честь» всегда характеризует героя со стороны общественного идеала воина, защитника Отечества, который «ищет себе чести, а князю славы».

В упоминавшейся выше статье В. И. Резанова о трагедиях Ломоносова говорится о воздействии драматических произведений Сумарокова на формирование трагедии Ломоносова «Тамира и Селим».[182] Несомненно, некоторые общие черты построения трагедии (система образов литературных героев, их «иерархия») вполне могли быть подсказаны Ломоносову творческой практикой Сумарокова.

Сумароков, как это принято считать, отрицательно относился и к теоретическим трудам Ломоносова в области теории словесности (Д. Д. Благой считает, что «Эпистола о стихотворстве» «по существу вся полемически заострена против „Риторики" Ломоносова»),[183] и к его литературной практике (во «вздорных одах», как известно, зло пародировался образный строй художественной системы Ломоносова).

Однако возможен и другой подход к рассмотрению творческих взаимоотношений Ломоносова и Сумарокова. В. И. Федоров убедительно показал связь «Эпистолы о российском языке» с «Риторикой» Ломоносова: «Сумароков не только полностью согласен с требованием Ломоносова поставить стиль в зависимость от содержания, язык от темы, но и прямо перелагает некоторые рекомендации Ломоносова стихами».[184]

Поздние трагедии Сумарокова на сюжеты из древнерусской литературы: «Вышеслав (1768), «Димитрий Самозванец» (1771) и «Мстислав» (1774) испытали воздействие драматургической системы Ломоносова.

Особенно показательна в этом отношении трагедия «Димитрий Самозванец», наиболее зрелое по мастерству и политически острое произведение, в котором обрисовываются исторические события Смутного времени.

Выбор самого сюжета определил необходимость обращения Сумарокова к древнерусским историческим произведениям, в которых нашли отражение события, которые легли в основу его трагедии. Поэтому созданию драматического произведения предшествовала работа Сумарокова по собиранию материалов, характеризующих изображаемую эпоху, ее литературные вкусы и историографические представления. Интересовали Сумарокова и последующие события «бунташного» XVII в. («Первый и главный стрелецкий бунт»).

Исторические материалы, с которыми ознакомился Сумароков позднее, были им опубликованы: «Краткая Московская летопись» вышла отдельным изданием в 1774 г. Это сочинение написано Сумароковым на материале «Повести о начале Москвы» и «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» — литературных произведений второй четверти XVII в., сохранившихся в большом количестве списков.[185]

Одна из лучших трагедий Сумарокова «Димитрий Самозванец» основана на произведении 1606 г. — «Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов...».[186] В начале XVII в. эта повесть с рядом дополнений и переработок вошла в компилятивный сборник — так называемое Иное сказание.[187]

---

[182] В. И. Резанов. Трагедии Ломоносова, стр. 235—251.

[183] Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века, стр. 230.

[184] В. И. Федоров. Формирование русского классицизма. А. П. Сумароков. — В кн.: История русской литературы XVII—XVIII веков. М., 1969, стр. 340.

[185] Повести о начале Москвы. Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.—Л., 1964, стр. 45—81, 127—170.

[186] Русская историческая библиотека, XIII. Изд. 2-е. СПб., 1909, стр. 145—176.

[187] Е. Н. Кушева. Из истории публицистики Смутного времени. Саратов, 1926, стр. 39—40.

Талантливый древнерусский писатель, апологет Василия Шуйского, ярко и образно характеризует его врагов — Бориса Годунова и Лжедимитрия. Повесть 1606 г. о Димитрии Самозванце подсказала Сумарокову ряд живых деталей, нашедших художественное воплощение в трагедии. Димитрий — злодей, равнодушный к Родине, циничный честолюбец. В образе Шуйского автор «Повести, како восхити...» показал идеал положительного героя. И это нашло отражение в трагедии Сумарокова. Князя Шуйского и его дочь Ксению Сумароков сделал рупорами авторских идей.

В повести 1606 г. большая роль отведена народу: Борис Годунов стремится завоевать его расположение, успех самозванца объясняется не его воинскими победами, а тем, что, видя «беззаконие» царя Бориса, люди «везде грады отворяху ему». Огромное впечатление производит описание расправы с Лжедимитрием, которого били и волокли по Москве «множайших человек» руки.

В трагедии Сумарокова «Димитрий Самозванец» народ как бы присутствует в пьесе: открывается действие тем, что начальник стражи сообщает Димитрию о том, что в Москве вспыхнуло восстание, в последнем пятом действии на сцене появляется «бунтующий» народ и способствует развязке трагедии — аресту Самозванца.

В одной из лучших своих трагедий Сумароков пошел по пути Ломоносова. Он смело использовал его опыт обращения к национальным источникам. Сумароков вынашивал замысел написать героическую поэму о Дмитрии Донском — «Димитриаду». Сохранились первые строки с припиской: «Зачато ноября 20 дня 1769 — Москва».[188]

Обращение Сумарокова к изучению древнерусских литературных памятников сыграло важную роль в формировании его эстетических взглядов.

Значение литературной деятельности Ломоносова, поэта и теоретика литературы, огромно. Соединяя в одном лице великого ученого — естествоиспытателя, историка, превосходно владеющего источниками, умеющего увидеть глубокий смысл событий и связать в целостную картину разрозненные факты, вдохновенного поэта, страстно любящего свою Родину, Ломоносов первый из русских писателей XVIII в. смог по-настоящему оценить значение великой литературной культуры прошлого, учесть общественно-исторический опыт поколений и вывести русскую литературу из того состояния, в которое она была ввергнута колоссальной идеологической ломкой Петровской эпохи.

Литературное описание «правдивых действий», опора на литературные и исторические памятники тех эпох, которые отображаются в литературном произведении, было великим новаторством Ломоносова, оказавшим серьезное воздействие на русскую литературу конца XVIII—начала XIX в.

Стремление понять события далекого прошлого, уловить их связь и правдиво передать позволило Ломоносову сделать шаг от историчности древнерусской литературы к историзму как системе отображения жизни. Пушкин продолжил и развил открытие Ломоносова.

Исследователями творчества Пушкина убедительно раскрыта связь формирования его художественной системы с обращением к самостоятельным историческим разысканиям.[189] Б. В. Томашевский, написавший специальную работу об историзме Пушкина, пришел к заключению, что это новое высшее качество художественной системы формируется в творчестве

---

[188] А. П. Сумароков, Полное собрание сочинений, т. 1, М., 1781, стр. 293.
[189] Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.—Л., 1950, стр. 406.

зрелого поэта, когда «...Пушкин стремится установить факты в их подлинности и точности, так как только из точных фактов прошлого можно делать умозаключение о будущем. Основные исторические темы, отраженные в художественном творчестве 30-х годов, предварительно разрабатываются в самостоятельном историческом разыскании».[190]

В работе Б. С. Мейлаха убедительно показана неразрывная связь реалистической системы Пушкина с историзмом как необходимой ступенью в «добросовестном исследовании истины». «Система Пушкина-реалиста, — пишет Б. С. Мейлах, — вырабатывалась прежде всего в ходе творческого освоения исторического материала — в драме о Борисе Годунове, в поэме о Петре, повести о Петровской эпохе, романе о „пугачевщине". Создавая эти произведения, Пушкин изучал исторические памятники и исторические труды и одновременно стремился осмыслить новые принципы художественного изображения».[191] Исследователь пишет, что Пушкин уже на новой реалистической основе должен был решать проблему вымысла: «Сближение, пересечение истории и литературы выдвигало вопрос о соотношении правды художественной и фактической, документально закрепленной, факта и вымысла».[192]

Историзм Пушкина включает еще один важнейший аспект отображения жизни. Литературное произведение не только основано на исторически проверенных, достоверных источниках, но и воссоздает эти источники в стилистическом облике произведения и особенно в речи действующих лиц. Это высшее качество историзма позволяет художнику воссоздать отображаемую эпоху во всей полноте. В период работы над «Борисом Годуновым» Пушкин, изучавший многочисленные источники (летописные и документальные), писал о том, что он стремился «угадать образ мыслей и язык тогдашних времен», и действительно «воссоздал его во всем правдоподобии».[193]

Это новаторство было великим открытием Пушкина, предопределившим поразительные успехи русской реалистической литературы XIX в. Русская литература XVIII в. не была способна приблизиться к решению таких вопросов.

В литературных и исторических сочинениях Ломоносова, основанных на древнерусских памятниках, использование стилистических форм языка древнего памятника — явление относительно редкое. Оно встречается чаще всего в авторской речи повествователя (ориентированной на «правдивость» в обрисовке события), и никогда не присутствует в языке действующих лиц, речь которых приближалась к стилистической норме XVIII в. Эта особенность литературной речи героев сохранена в повестях Н. М. Карамзина на исторические темы и в его «Истории государства российского».

Творческий подвиг Ломоносова, обосновавшего теоретически и показавшего в своих поэтических произведениях плодотворность обращения литературы к национальным темам, к воссозданию «правдивых действий», т. е. фактов прошлой и настоящей жизни, оказал большое воздействие на судьбы развития русской литературы XIX в. «Литературные

---

[190] Б. Томашевский. Пушкин. Книга вторая. Материалы к монографии (1824—1837). М.—Л., 1961, стр. 183.

[191] Б. С. Мейлах. Реалистическая система Пушкина в восприятии его современников (конец 20-х—30-е годы XIX в.). — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. VI. Л., 1969, стр. 10—11.

[192] Там же, стр. 39. В ценной работе Р. В. Овчинникова («Пушкин в работе над архивными документами» («История Пугачева»). Л., 1969) особенно ясно раскрывается система работы Пушкина над историческими источниками; см. также письмо Пушкина И. И. Лажечникову о романе «Ледяной дом» — А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. X, стр. 554.

[193] Б. П. Городецкий. Драматургия Пушкина. М.—Л., 1953, стр. 184—185.

предшественники, — пишет А. С. Бушмин, — воздействуют на литературных последователей не только прямо, непосредственно, но и через общее движение эстетической мысли и литературы, а еще шире — через воздействие на развитие всего общества, воспитывая и его, и формирующиеся в нем новые поколения писателей. Все новые и новые завоевания в художественном развитии общества повышают общий идейно-эстетический уровень, предъявляют новый, более высокий критерий художественности — и это так или иначе сказывается (и не может не сказываться) как на всей литературе данного времени, так и на творчестве ее отдельных представителей».[194] В поэтическом сознании Пушкина оказались претворенными традиции предшествующей литературы: русской поэзии XVIII в. и древнерусской литературы, эстетически освоенной в творчестве Ломоносова.

«Отцом и пестуном» русской литературы назвал Ломоносова В. Г. Белинский. Эти слова великого критика в настоящее время получают глубокое подтверждение.

Творчество Ломоносова, неразрывно связанное с наследием предшествующей культуры, вместило в себя многообразие жанров древнерусской литературы, ее художественные открытия и национальную специфику. Именно поэтому оно оказалось столь многогранным и плодотворным, что определило магистральные линии последующего развития русской литературы. Современные исследователи с серьезным основанием видят в поэтическом стиле Ломоносова зачатки романтической поэзии,[195] находят черты, характерные для сентиментализма.[196] Литературная практика и теоретические труды Ломоносова в области словесности сыграли значительную роль в формировании историзма — важнейшего завоевания реалистической русской литературы начала XIX века.

---

[194] А. С. Бушмин. Методологические вопросы литературоведческих исследований. Л., 1969, стр. 180.

[195] И. З. Серман. Поэтический стиль Ломоносова, стр. 190, 251—253.

[196] Е. А. Касаткина. Трагедия Ломоносова «Тамира и Селим». — Ученые записки Томского государственного пединститута, т. VII, 1949, стр. 116—142.

loca proviſis antea clavis obſtruit, terebrique damnum ſtipitibus penſat. At ubi foraminum copiam mergendæ claſſi ſufficere credidit; demptis obſtaculis, promptum aquis aditum patefecit, hoſtilemque claſſem ſua circumfundere properavit. Ancipiti periculo circumventi Ruteni, armis prius an undis reſiſterent, hæſitabant. Naufragio pereunt, dum navigium ab hoſte vindicare contendunt. Internum diſcrimen externo atrocius erat, dum foris ferrum ſtringunt, intus fluctibus cedunt. Bina ſimul in miſeros pericula graſſabantur. Incertum erat, celerius nando ſalus an dimicando peteretur. Medium pugnæ certamen nova fati diremit occaſio. Geminæ mortes uno ferebantur inceſſu: duæ lethi viæ ſocium egere periculum. Ambiguum erat, ferrum magis an fretum officeret. Gladios propulſantem, tacitus fluctuum allapſus excepit, e contrario fluctibus obviantem, obvius enſis implicuit. Aquarum eluvies cruoris aſpergine fœdabatur. Victis itaque Rutenis, patria Frothoni repetitur. Qui cum legatos in Ruſſiam exigendi tributi ſtudio miſſos, incolarum perfidia, atroci mortis genere conſumptos animadverteret; duplici injuria permotus, urbem Rotalam, arcta admodum obſidione perſequitur. Qua ne fluvii interſtitio prohibente tardius potiretur, univerſam aquæ molem nova rivorum diverſitate partitus, ex ignotæ profunditatis alveo meabilia vada perfecit: nec ante deſtitit, quam rapidior vortex dividuo minoratus excurſu languidiore undas lapſu ageret, ac per exiles flexus vadoſa paulatim conſtrictione rareſceret. Ita amne domito, oppidum naturæ præſidio vacuum, inoffenſa militum irruptione proſternit. His geſtis ad urbem Peltiſcam exercitum contulit. Quam viribus invictam ratus, bellum fallacia

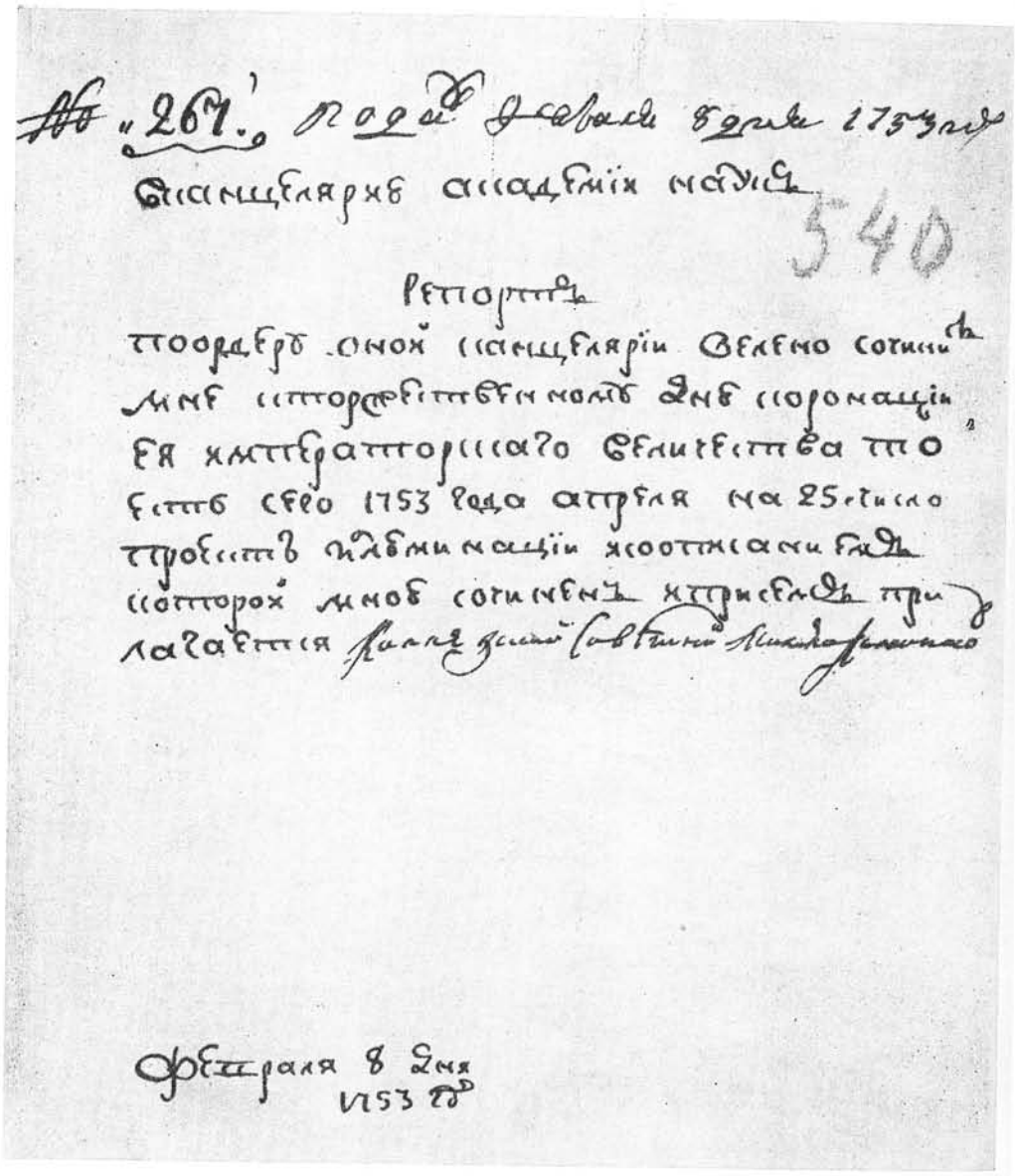
Victoria Frothonis.

Legari Frothonis tributum exacturi, in Ruſſia enecantur.

Frotho Urbem Ruſſorum Rotalam obſidet, & capit.

Urbem Peltiſcam aggreditur.

Образец приписок и помет Ломоносова на книге «Pontoppidam Erik. Gesta et vestiga Danorum. Lipsae» (1740—1741), стр. 338. Внизу приписка Ломоносова: «Изъ сихъ явно, что Роталя была недалече отъ Полоцка». Экземпляр книги выявлен Г. М. Коровиным и описан в его работе «Библиотека Ломоносова» (М.—Л., 1961, стр. 274).



№ „267." Подан февраля 8 дня 1753 года

в канцелярхе академіи наукъ

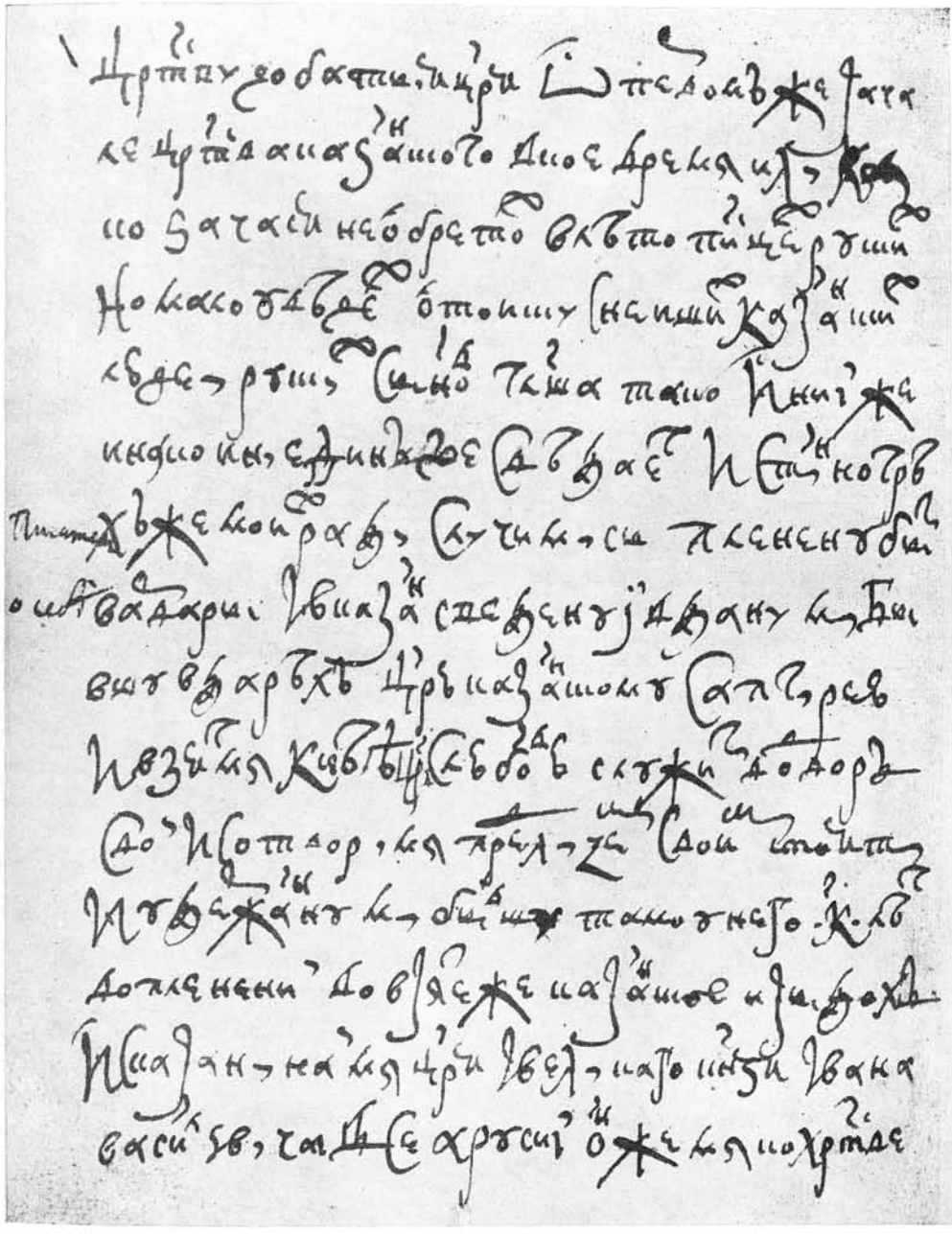
540

Репортъ

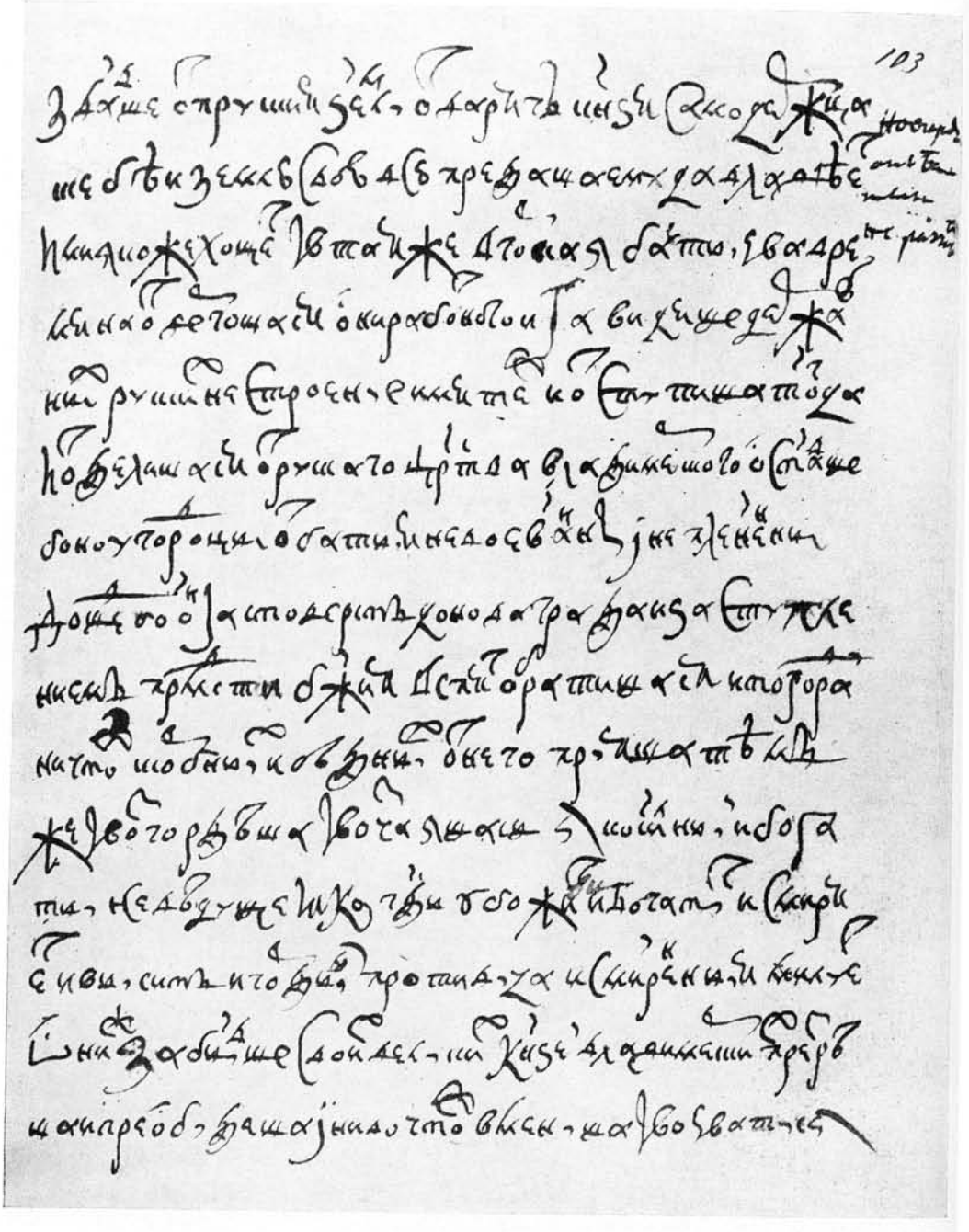
по ордеру оной канцеляріи велено сочинить
мне к торжественному дню коронаціи
ея императорскаго величества то
есть сего 1753 года апреля на 25 число
проектъ и люминаціи и с описаніемъ
которой мною сочиненъ и присемъ при
лагается Коллежский Советникъ Михайло Ломоносовъ

Февраля 8 дня
1753 го

Образец «канцелярского» почерка И. С. Баркова: «Репорт», переписанный Барковым, с автографической подписью Ломоносова. Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 173, л. 540.

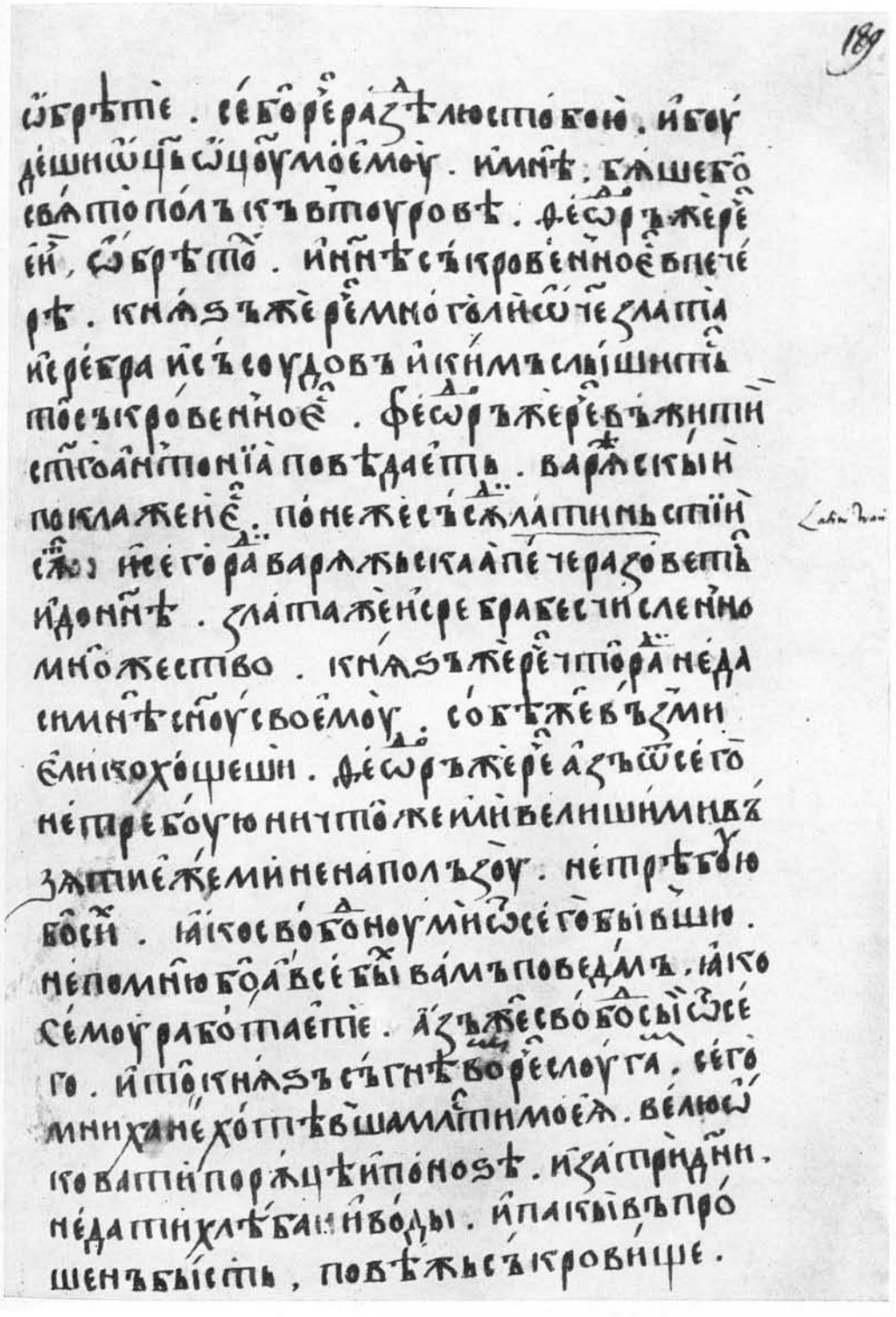


Приписки Ломоносова на полях «Казанской истории». ГБЛ, ф. 173, № 196, л. 99 об.



Приписки Ломоносова на полях «Казанской истории». ГБЛ, ф. 173, № 196, л. 103.

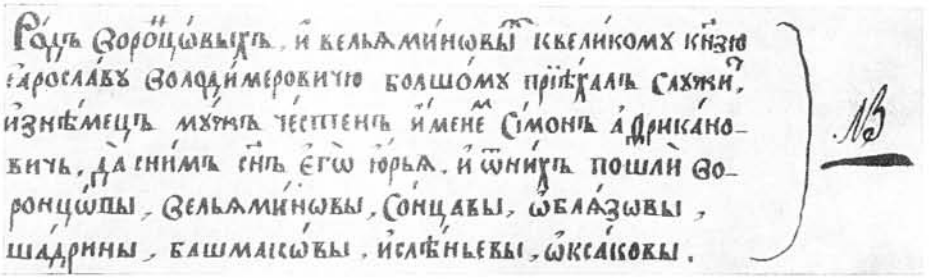
189



ѡбрѣте. се бо рече раздѣлю сто бою. и бо у
деши ѡц҃ь ѡц҃оу моемоу. и мнѣ. бѧше бо
свѧто полъ къ в тоуровѣ. ѳеѡдоръ же рече
ей, ѡбрѣто. и нн҃ѣ съкровенное в пече
рѣ. кнѧзъ же рече много ли ѡче злата
и сребра и съ соудовъ и кимъ слышитъ
то съкровенное. ѳеѡдоръ же рече въ жити
ст҃го антонїа повѣдаеть. варѧжскыи
поклажеи е. понеже съ сѫдъ латиньстїи
сѫдъ и сего ради варѧжьска а пече разоветъ
и до нн҃ѣ. злата же и сребра бесчисленно
множество. кнѧзъ же рече что ради не да
си мнѣ сн҃оу своемоу. собѣ же въ зми
ели кохощеши. ѳеѡдоръ же рече азъ ѡт сего
не требоую ничто же или велиши ми въ
зѧти еже ми не на полъзоу. не трѣбоую
бо сих. ꙗко свободноу ми ѡт сего бывшю.
не помню бо а все бы вамъ поведамъ. ꙗко
семоу работаете. азъ же свободъ сый ѡт се
го. и то кнѧзъ съ гнѣвомъ рече слоугамъ. сего
мниха не хотѣвша млстимоеѧ. велю ѡ
ковати порѧцѣ и поносѣ. и за три дни.
не дати хлѣба ни воды. и пакы въ про
шенъ бысть, повѣжь съ кровище.

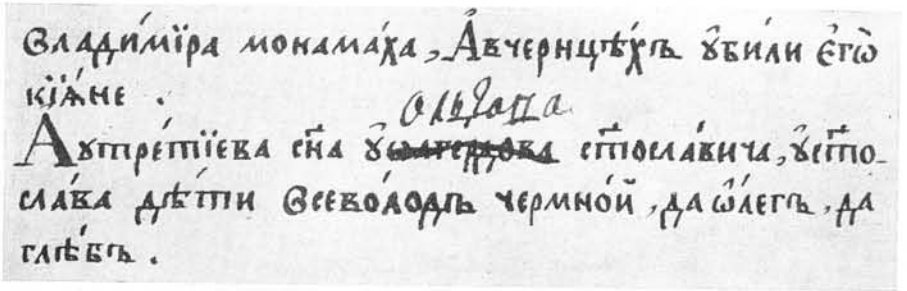
Latini wasi

Приписка Ломоносова на полях Киево-Печерского патерика: «Latini wasi[s]» — «латинские сосуды». ГПБ АН УССР, № 386, п. 157, л. 189б.



Родъ Воронцовыхъ, и Вельяминовы к великому кнзю Ярославу Володимеровичю болшому пріѣхалъ служи, изнѣмецъ мужъ честенъ имене Сімонъ Адрикановичь, да снимъ снъ его Юрья. И ѿ нихъ пошли Воронцовы, Вельяминовы, Сонцавы, Облязовы, Шадрины, Башмаковы, Ислѣньевы, Оксаковы.

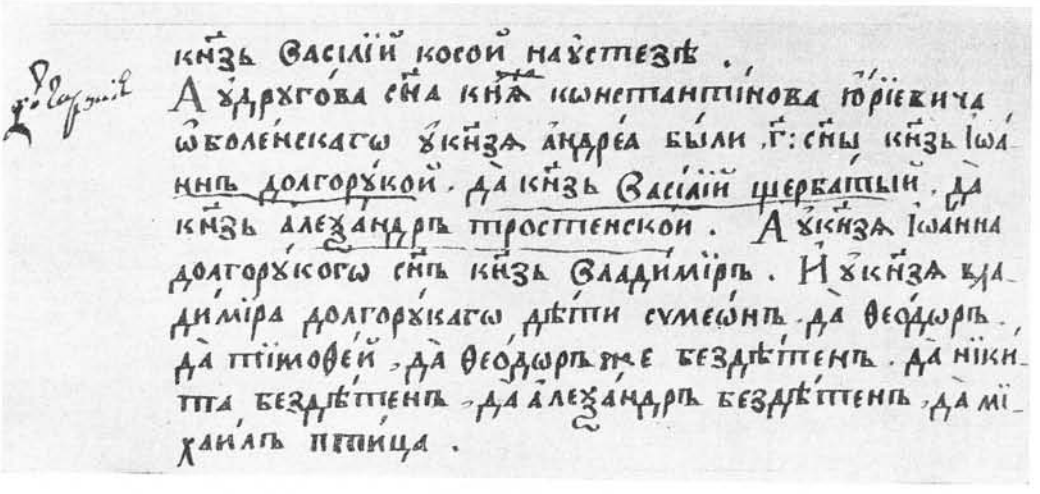
NB и отчерк Ломоносова на полях Родословца, находящегося в конце Степенной книги. БАН. 32.8.5, л. 497.



Владимїра монамаха, Авчернцѣхъ убили его кїяне.

Аутретїева сна ~~Ѹолгердова~~ Ольгова стославича, устослава дѣти Всеволодъ чермной, да Олегъ, да глѣбъ.

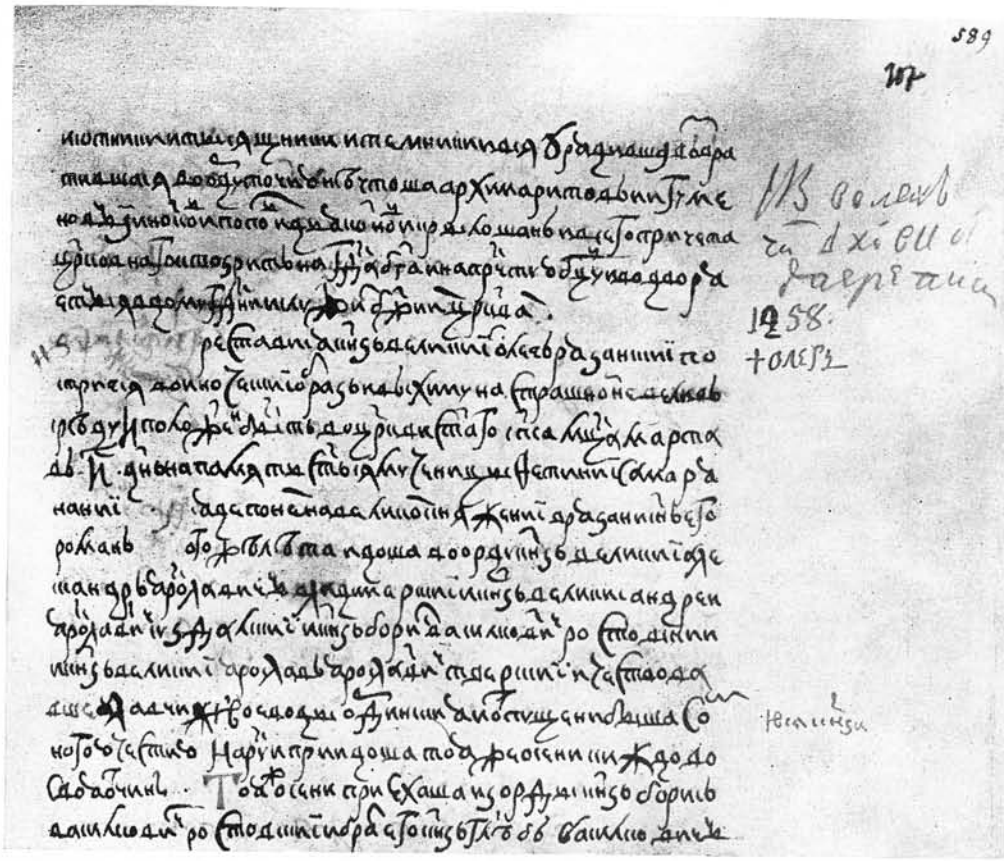
Исправление рукописи, сделанное Ломоносовым. БАН. 32.8.5, л. 513 об.



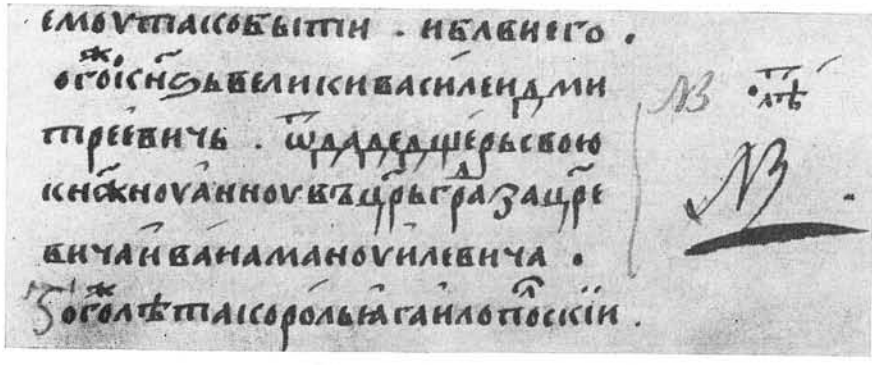
кнзь Василїй косой на устезѣ.

Ѹдругова сна кнзя Константінова Юрїевича Оболенскаго ѹ кнзя Андреа были г: сны кнзь Іоаннъ долгорукой, да кнзь Василїй щербатый, да кнзь Алеѯандръ тростенской. А ѹ кнзя Іоанна долгорукогѡ снъ кнзь Владимїръ. И ѹ кнзя Владимїра долгорукагѡ дѣти Сѵмеѡнъ, да Ѳеодоръ, да Тїмоѳей, да Ѳеодоръ же бездѣтенъ, да Нїкита бездѣтенъ, да Алеѯандръ бездѣтенъ, да Мїхаилъ птица.

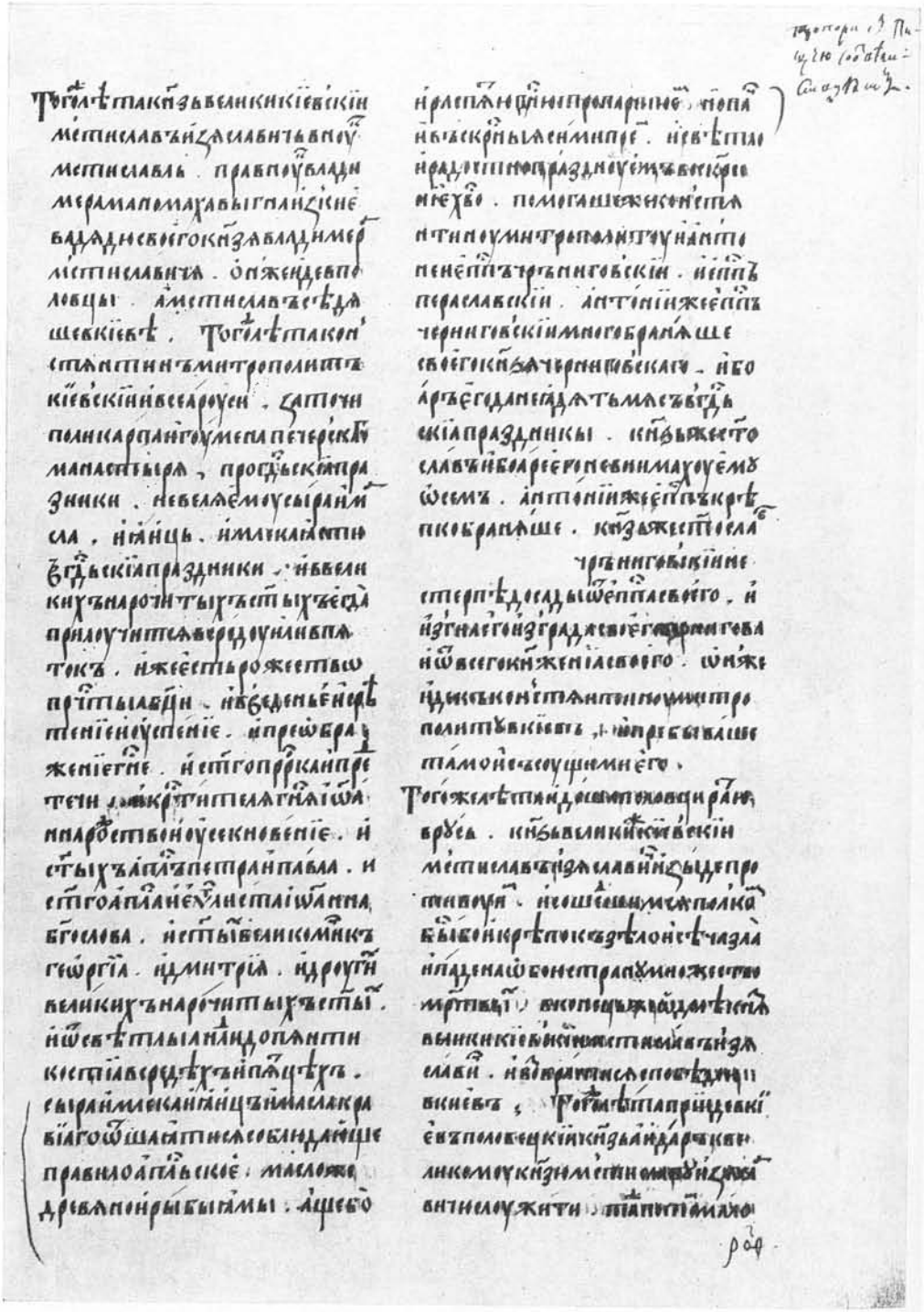
Приписка Ломоносова на полях: «Долгорукие». БАН. 32.8.5, л. 542 об.



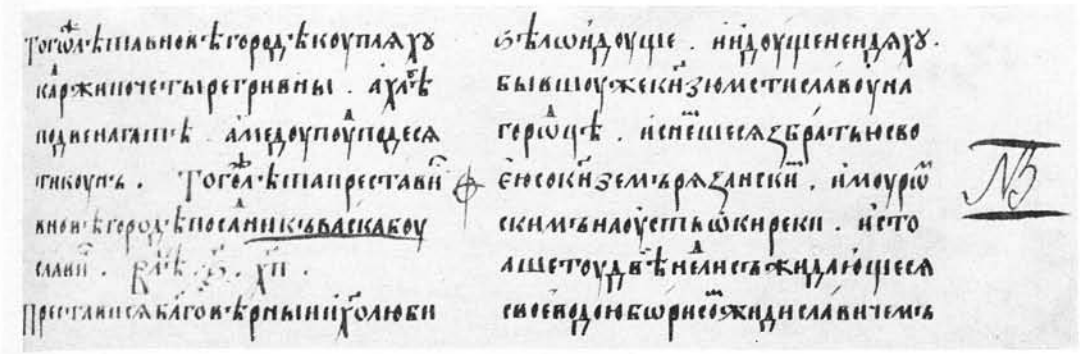
Приписка Ломоносова: «Воленъ чинъ духовный да еретики». БАН. 17.2.5, т. I, л. 307.



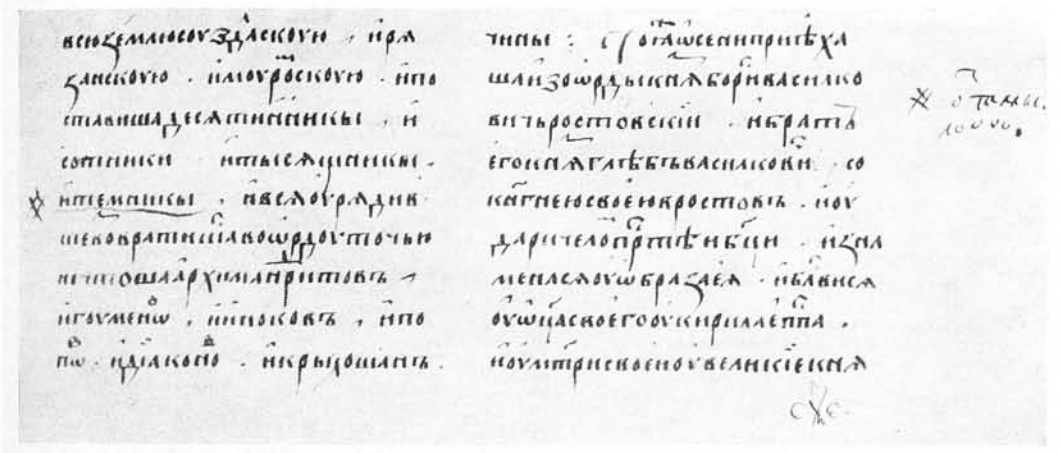
Отчерком и № отмечено известие о замужестве княжны Анны.
БАН. 32.14.8, л. 536.



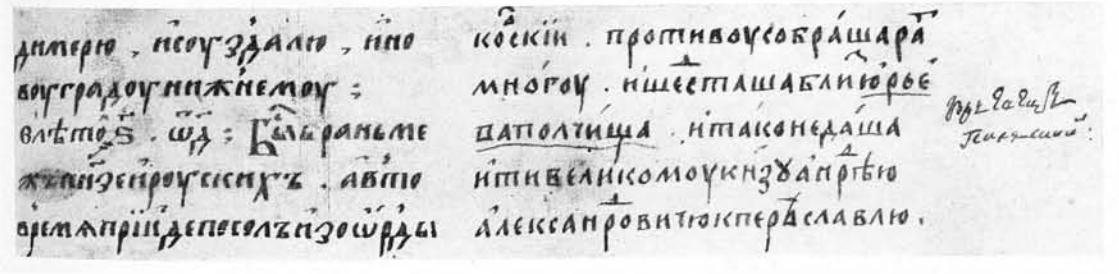
Отчерк и приписка Ломоносова: «Тропари съ пищею соответствуютъ».
БАН. 32.14.8, л. 231.



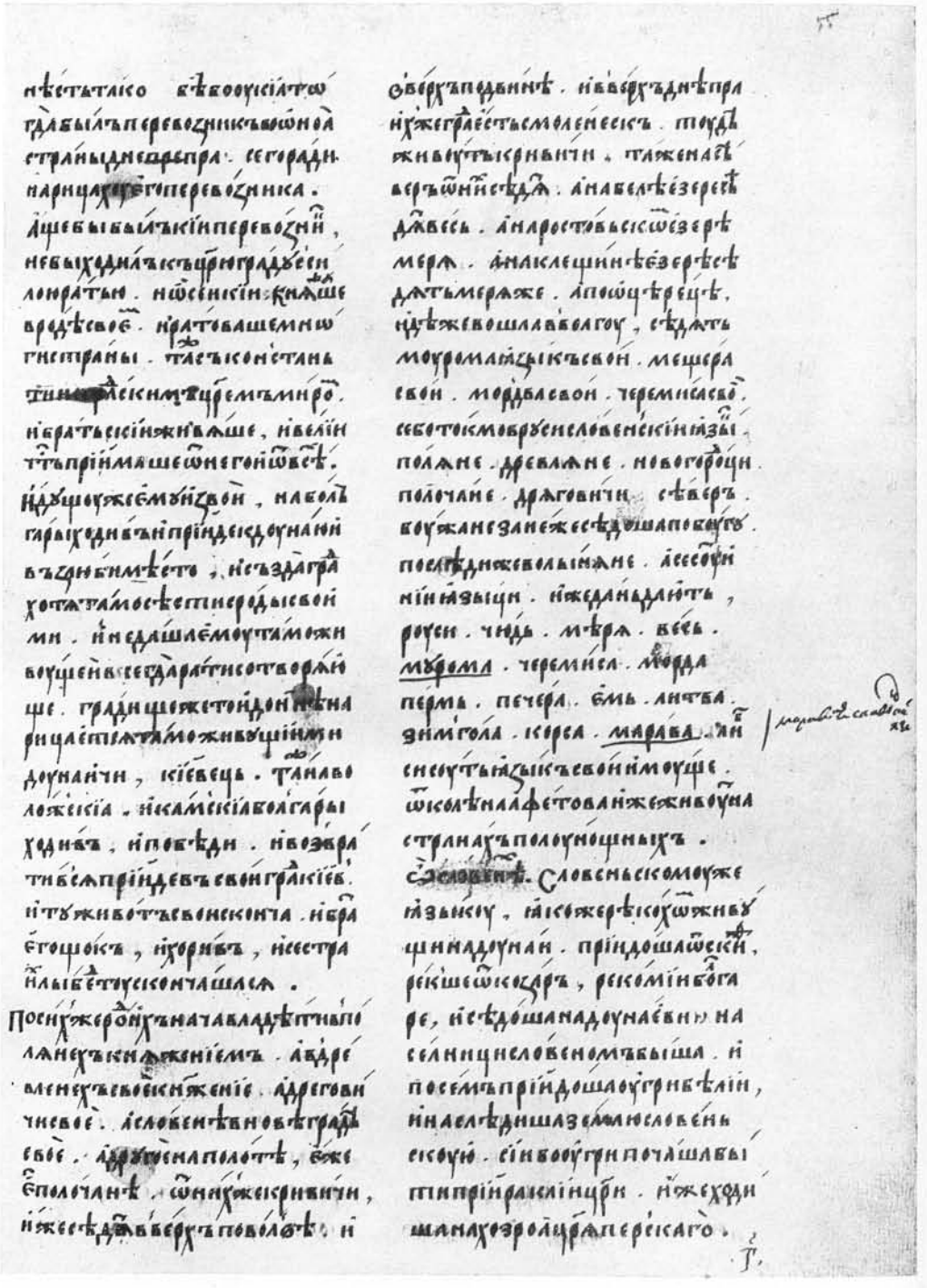
Подчеркиванием, специальным значком и № Ломоносов отмечает известия о смерти посадника «Васки Буславича». БАН. 32.14.8, л. 236.



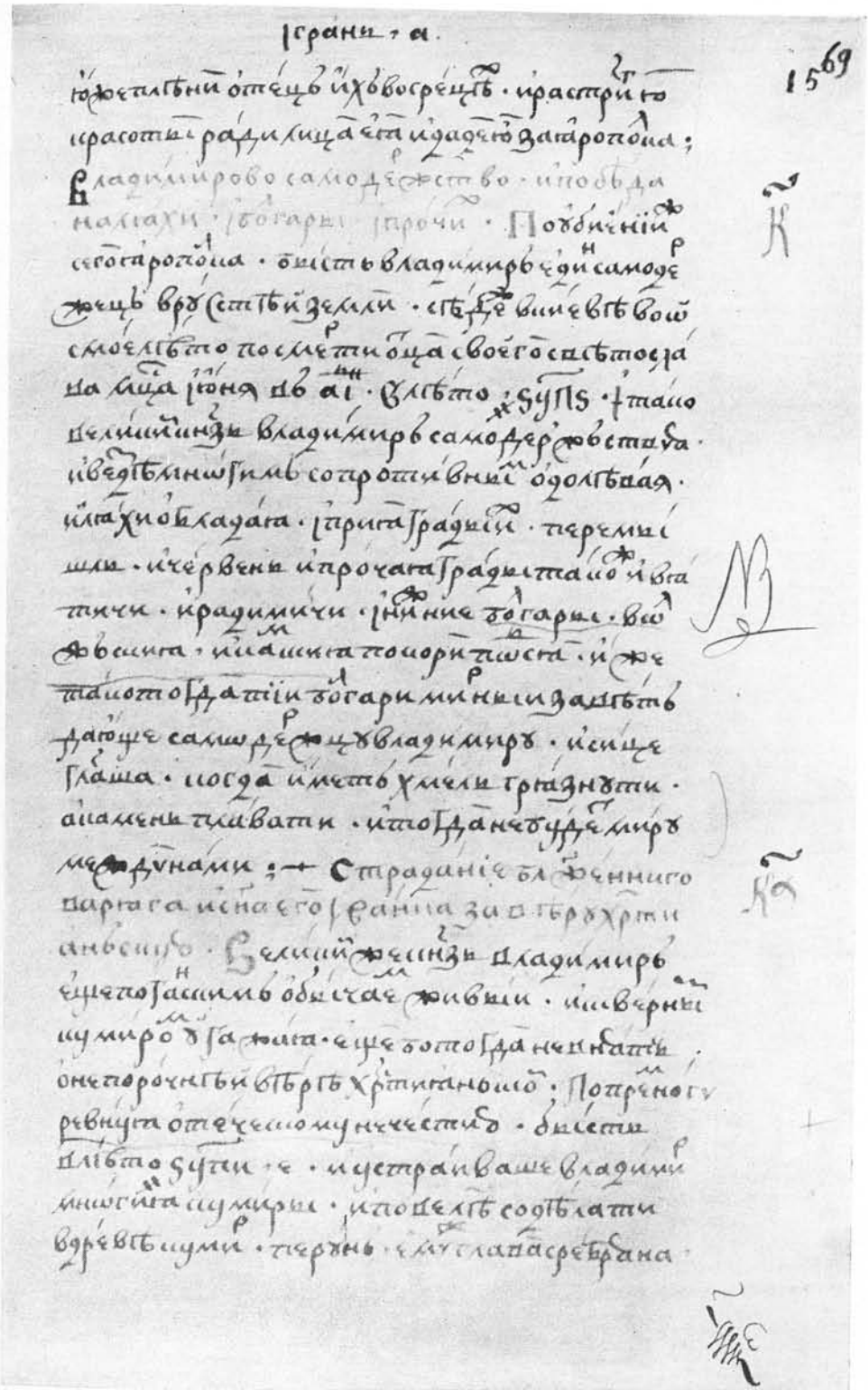
Происхождение слова «темники» отмечено Ломоносовым на полях припиской: «От тмы. 10 000». БАН. 32.14.8, л. 317.



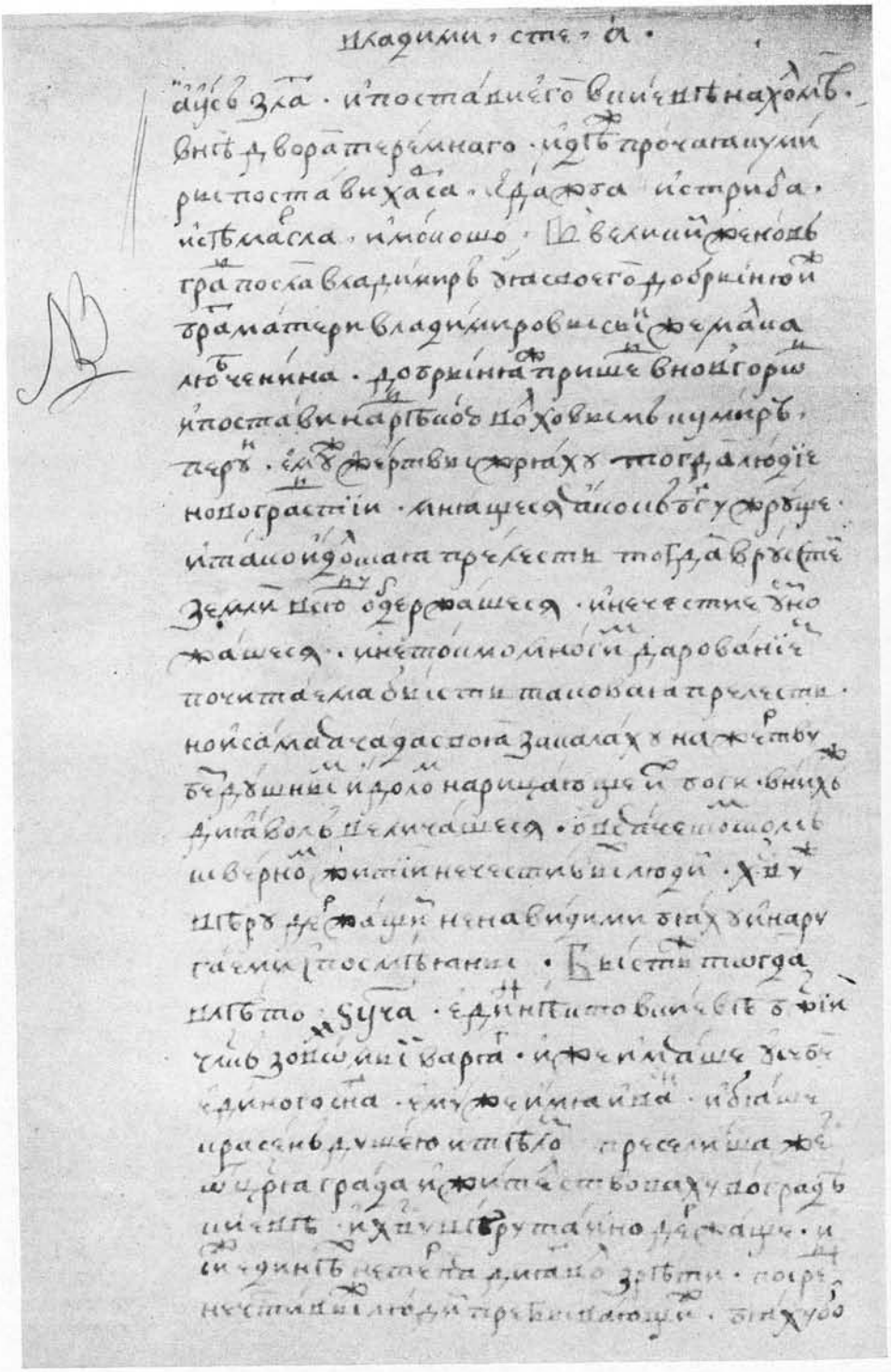
Подчеркивание в тексте и приписка Ломоносова: «Юрьевецъ Польский». БАН. 32.14.8, л. 340.



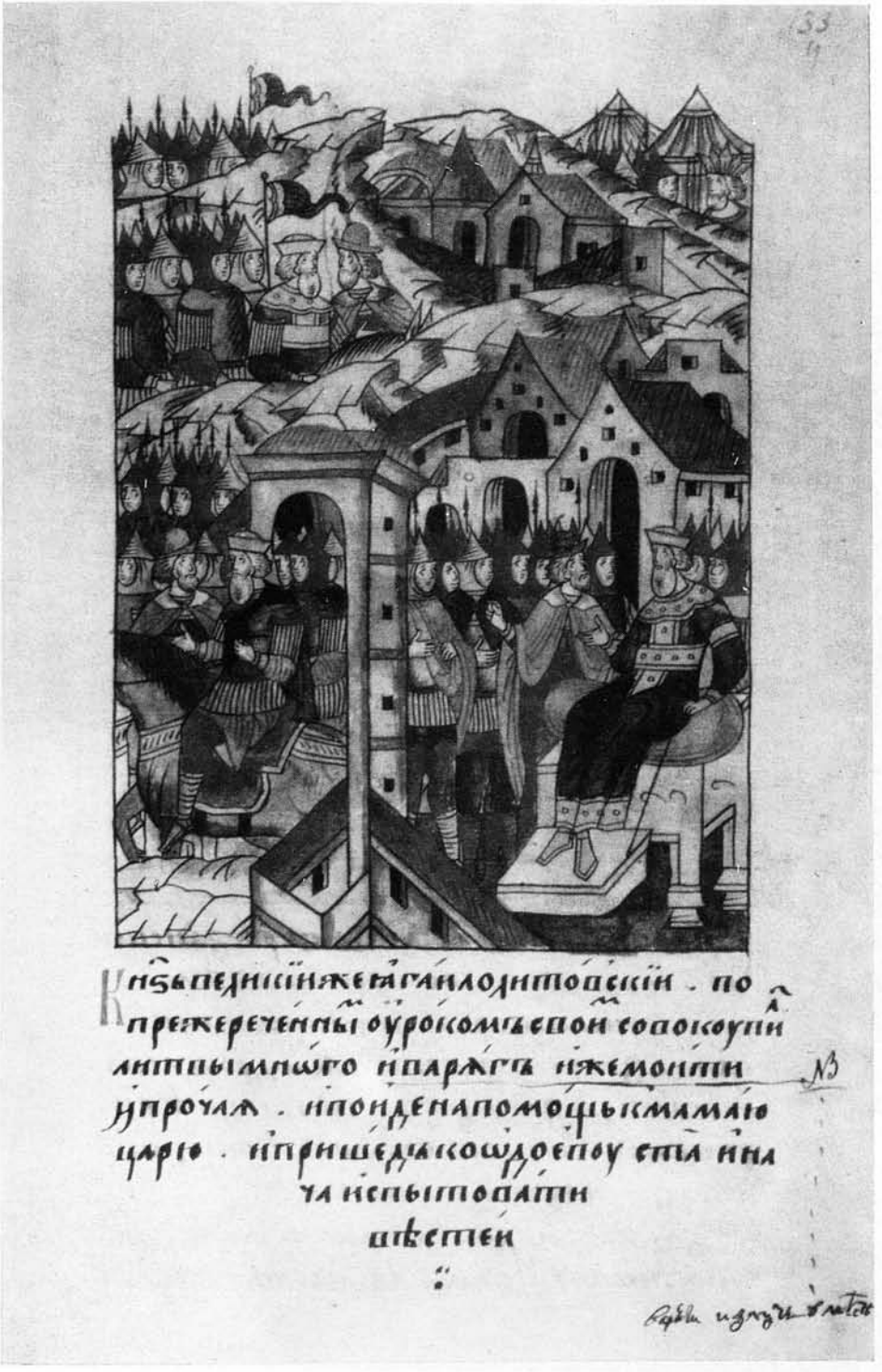
Подчеркивание в тексте и приписка Ломоносова: «Моравия славенская».
БАН. 32.14.8, л. 55.



NB и отчерками в тексте и на полях Ломоносов отмечает известие Степенной книги о мирном договоре 984 г. Владимира Святославича с волжскими и камскими болгарами, БАН, 32,8.4, л. 69,

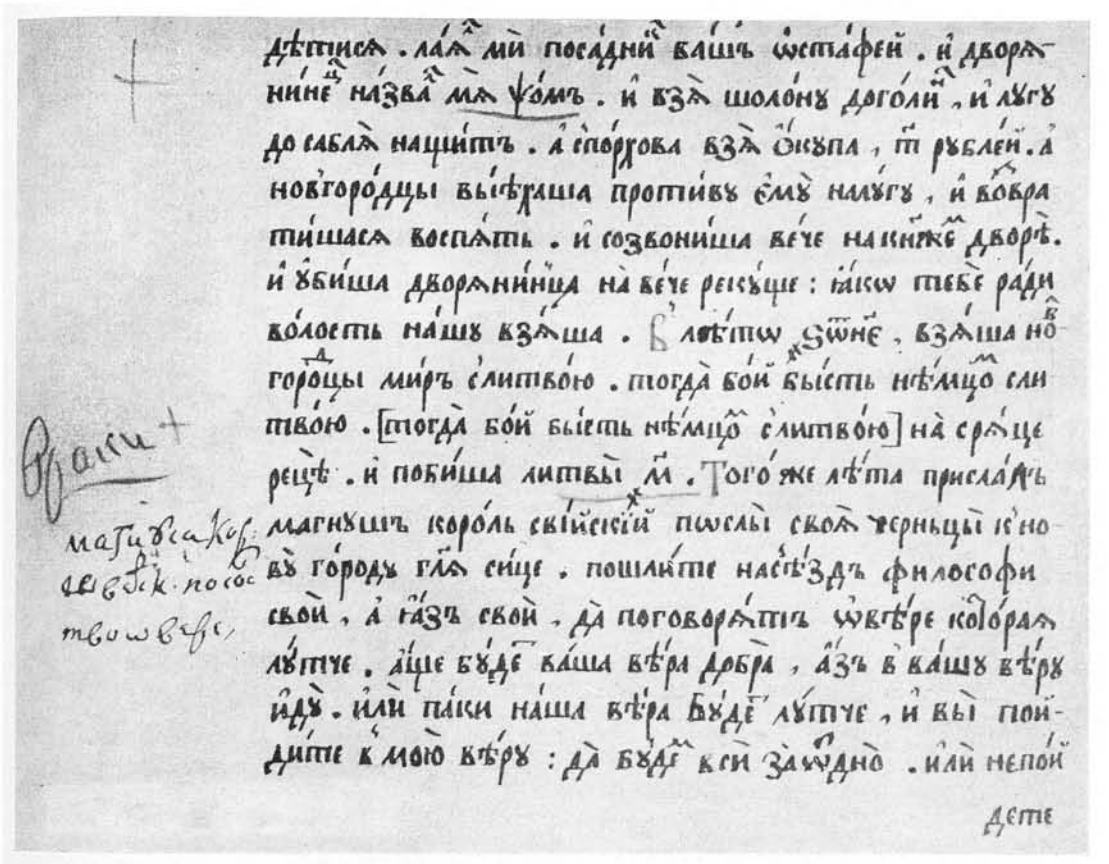


№ и отчерками в тексте и на полях Ломоносов отмечает известие Степенной книги об установлении Перуна в Киеве. БАН. 32.8.4, л. 69 об.

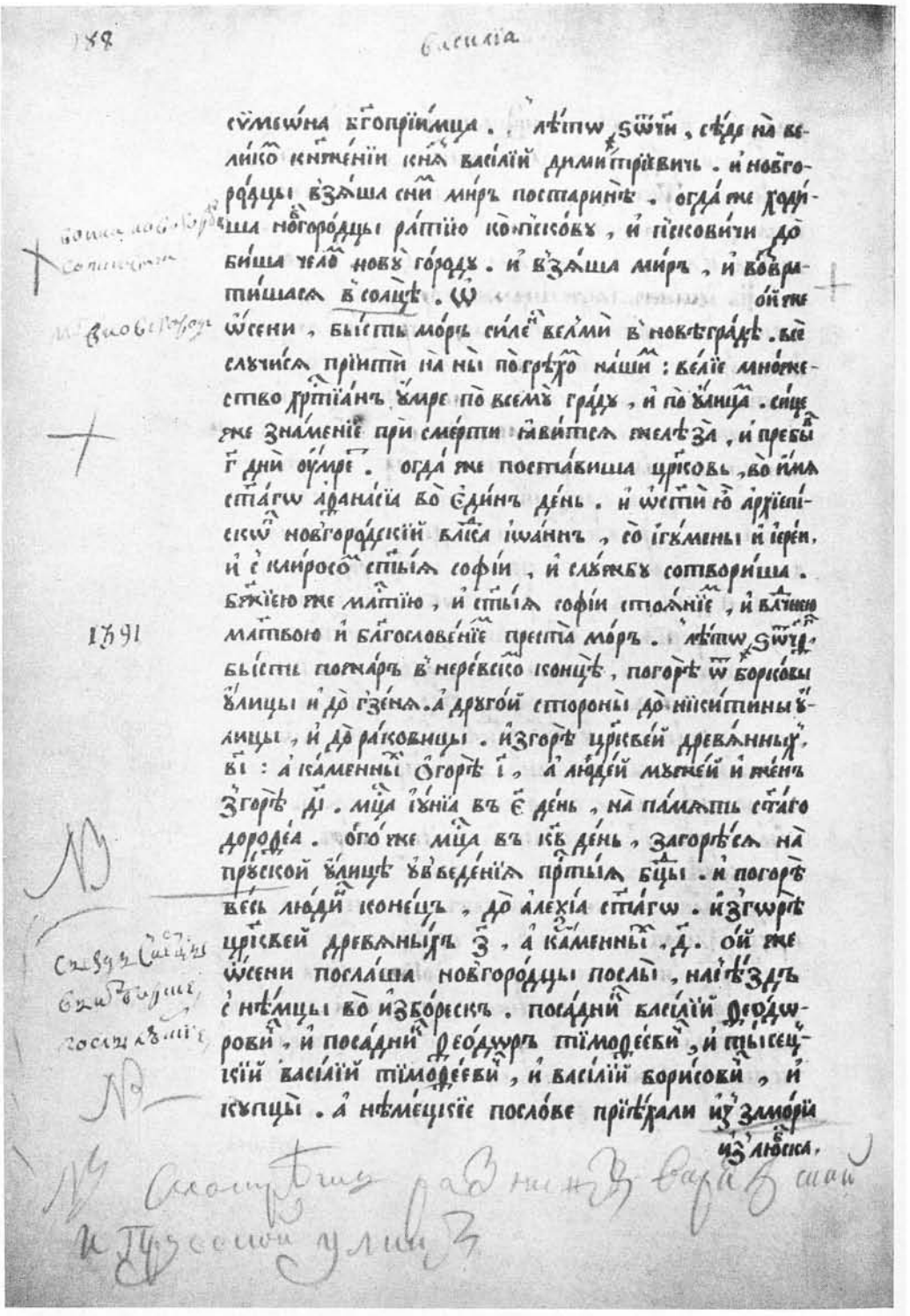


Подчеркивание, № и приписка Ломоносова: «варяги и жмудь вмѣстѣ».
БАН. 31.7.30, т. II, л. 69.

Приписка Ломоносова: «№. Сія книга писана Игнатіемъ чернцемъ Михайла архіерея Смоленского. Смотри стран. 556», БАН, 31.7.30, т. II, л. 836 об.

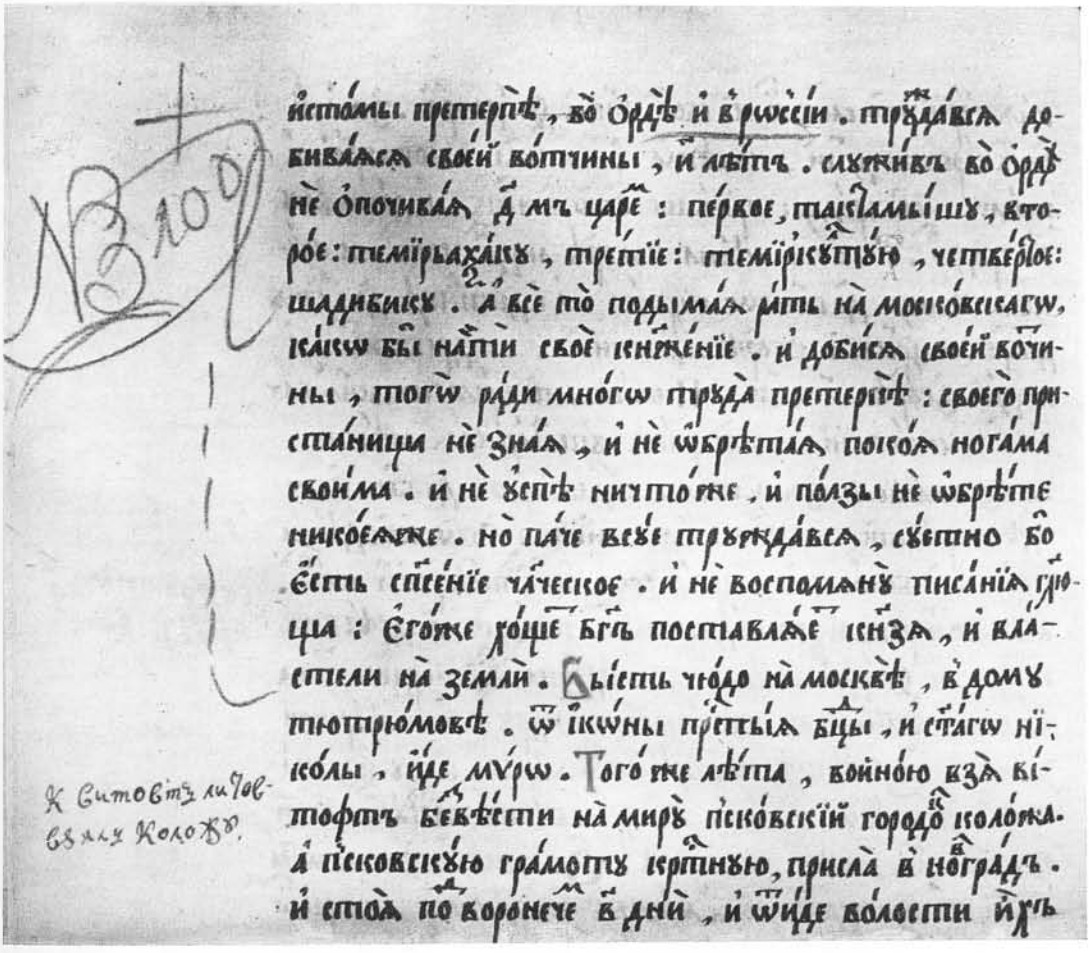


На полях Ломоносовым написано: «враки». Ниже приписка В. Н. Татищева: «Магнуса короля свейск[ого] посольство о вере». БАН. 31.4.22, л. 56 об.

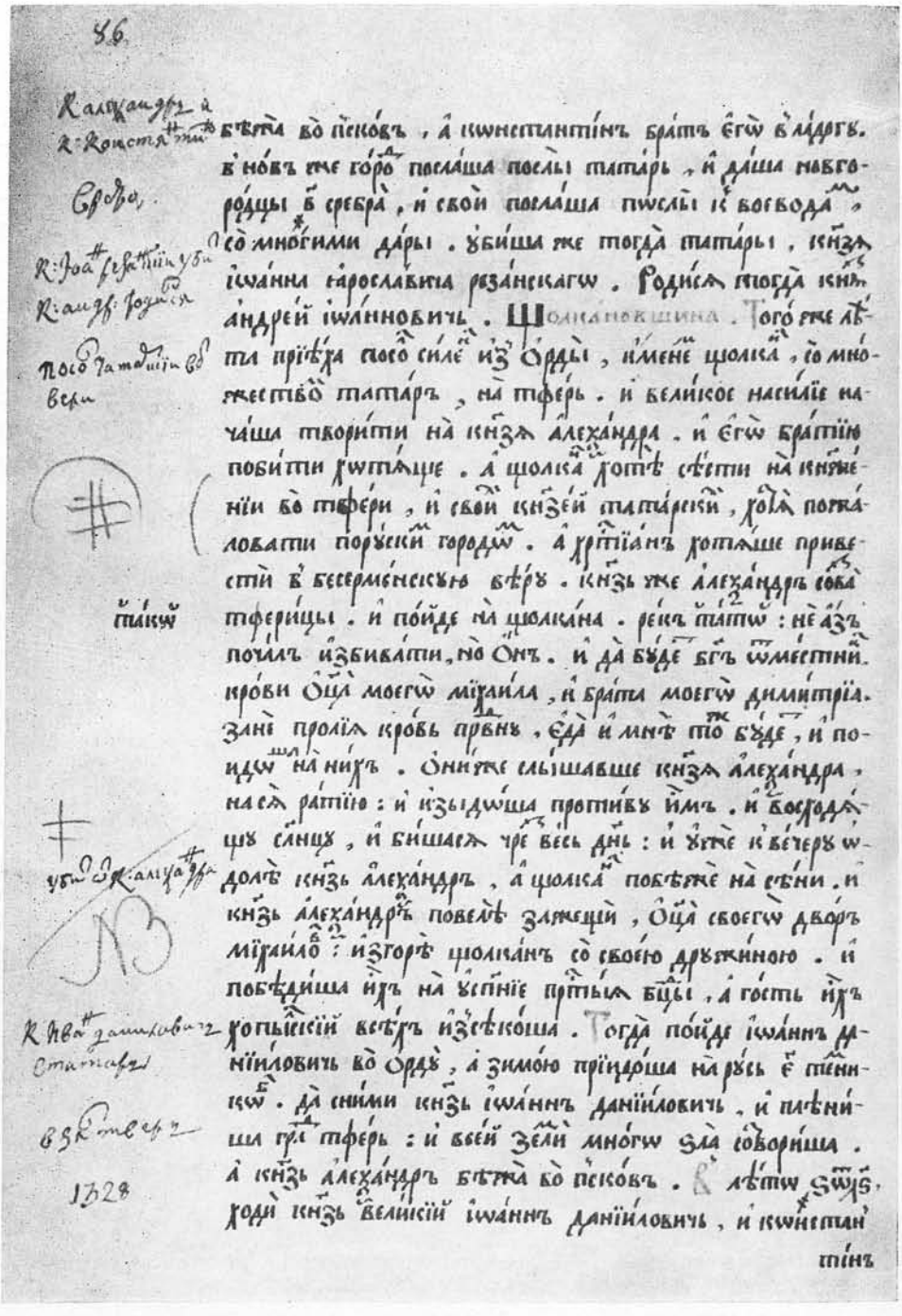


Подчеркивание, № и приписка Ломоносова внизу: «№ Смотрѣть разницу Варяжской и Прусской улицъ». Приписки на полях чернилами В. Н. Татищева: «война новогородцов со псковичи», «мор в Новегороде», «съездъ с немцы в Изборске, послы любскіе».

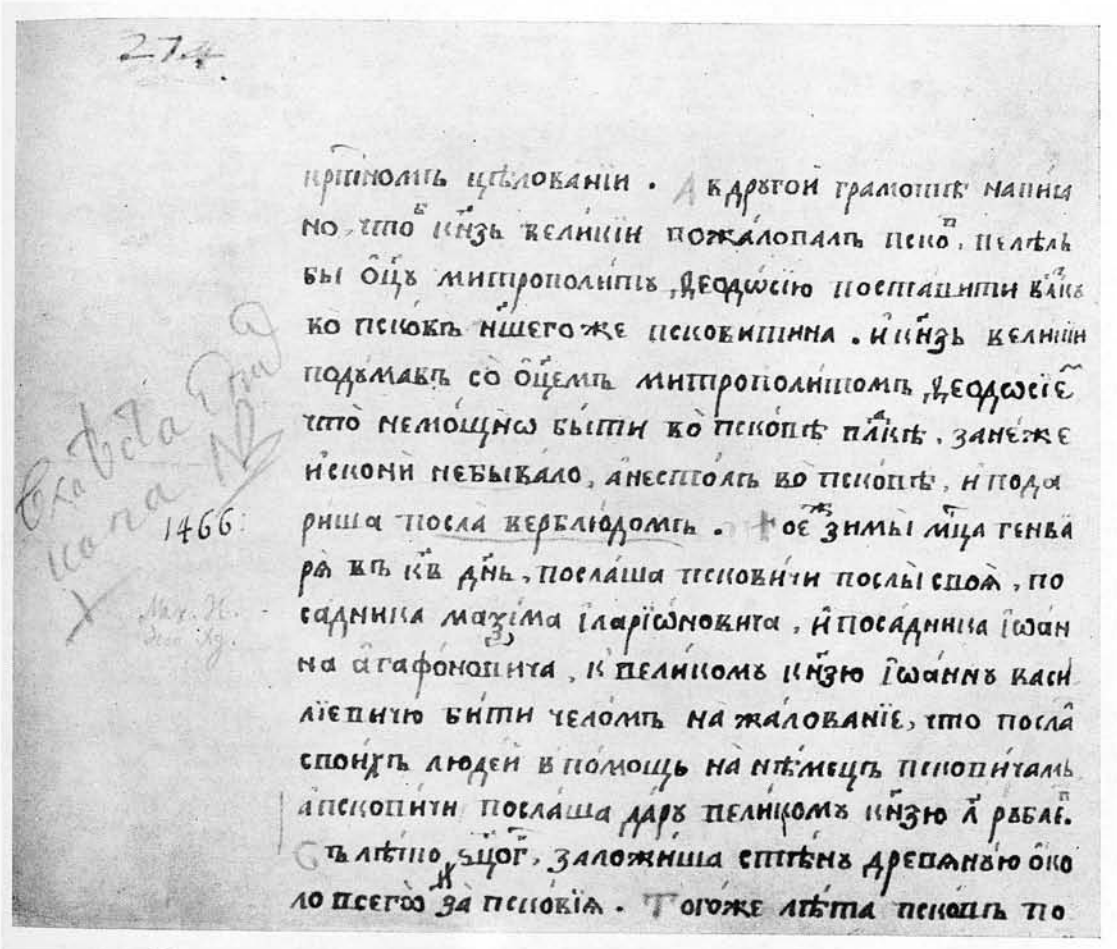
БАН. 31.4.22, л. 100 об.



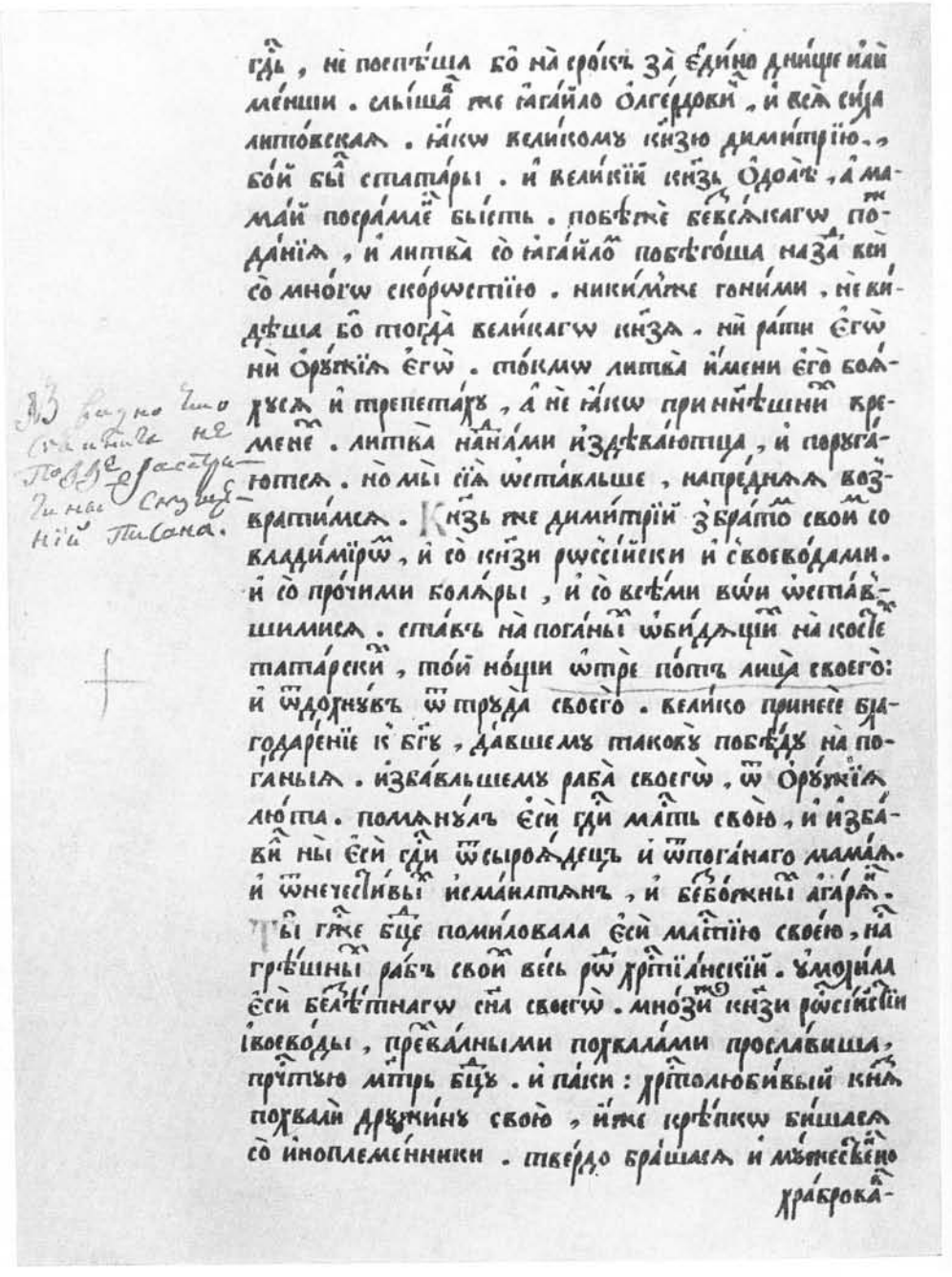
Подчеркивание в тексте, отчерк на полях и приписка Ломоносова «№. 100». Ниже чернилами приписка Татищева: «к[ороль] Витовть литов[ский] взялъ Коложу». БАН. 31.4.22, л. 109 об.



№ и знаком ┼ Ломоносов отмечает летописный рассказ о «Щолкановщине».
БАН. 31.4.22, л. 49 об. Приписки на полях чернилами сделаны В. Н. Татищевым.



Подчеркивание в тексте и приписка Ломоносова на полях: «Вмѣста епископа. №».
БАН. 31,4.22, л. 143 об.


гдь , не постѧ́ша бо на ср҃окъ за є́дино дни́ще ѝли́ ме́ньши . слы́ша же ягаи́ло о́лгердовиⷭ , и вся сила литовскаа . ѩкw великомоу кнзю димитрїю . бо́й бы́ сматары . и великїй кнзь о́доле , а мама́й посрамле́ бы́сть . побѣжє́ бесе́рменскагw подаⷩ́а , и литва́ со ягаи́ло побѣго́ша наза́ки со мно́гw скорwще́ствїю . никѣмже гони́ми . не ки́дѣша бо тогда́ великагw кнзя . ни ра́ти є́гw ни о́рꙋжїа є́гw . токмw литва́ и́мени є́го боа́хоуся и трепета́хꙋ , а не ѩкw принѹ́ждени кремене . литва́ на́нами и́здѣваю́тиⷭ , и поворга́ютсѧ . но мы́ сїа́ жесточа́йше , напредна́а возвраща́емсѧ . кнзь же димитрїй зѣра́то свои́ со владимїрw , и со кнзи рwссїйски и своево́дами . и со про́чими боля́ры , и со всѣ́ми вои́ жесточа́вшимисѧ . стоа́ть на погань҃ wбида́ции на косте́ татарски , той но́щи wтре́ пото́ лица́ своего́: и wдо́хнꙋвъ w трꙋда́ своего́ . велїе́ принесе́ бл҃годаре́нїе і҃с҃ѹ бг҃ꙋ , да́вшемꙋ такова́ побѣ́ды на погань҃ныа . избава́вшемꙋ раба́ своегw , w ѻ҃рꙋжїа́ лю́та . помано́вѣ є́си гди ма́ть свою́ , и избавѝ ны є́си гди wтроко́вицꙋ и wпога́наго мама́. и wнечести́выѧ исмаилтанꙋ , и бе́бѣжны агара́. ты́ гже́ бще́ помило́вала є́си ма́тїю свое́ю , на грѣ́шны раб҃ꙋ свои́ весь рwсскїй . ѹмоли́ла є́си бе́лѣтнагw сна своегw . мно́зи кнзи рwссїйскїи своево́ды , прекра́нными похвала́ми прослави́ша , почтꙋ́ю мт҃рь бц҃ꙋ . и ѩкw : хр҃толюби́вый кнѧ похвали́ дрꙋжи́нꙋ свою́ , и́же хр҃тѣ́скw би́шасѧ со иноплеме́нники . твердо бра́шасѧ и мꙋжестве́но храброка-

Приписка Ломоносова на полях: «№. Видно, что сія книга не пожже Расстригиных смущений писана». На боковом поле ┼, подчеркиванием в тексте отмечена устойчивая стилистическая формула «Отре потъ лица своего».
БАН. 31.4.22, л. 86 об.

тныхъ приключенiй, которыми Россiяне во всемъ свѣтѣ прославились, чемъ бы начать, сумнѣваюсь. Однако послѣдуя порядку времени стану говорить о первыхъ началахъ Россiйской исторiи и покажу происхожденiе славнѣйшаго Россiйскаго народа. Объявлю наипаче о тѣхъ временахъ, о которыхъ въ нашихъ лѣтописяхъ и въ другихъ Россiйскихъ историческихъ книгахъ или вовсе не упомянуто, или достовѣрныхъ и подлинныхъ извѣстiй не имѣется, чего ради исторiя оныхъ временъ и подлежитъ многимъ затрудненiямъ. Предложу, какiе въ Россiи народы поселились, какъ одинъ другаго преодолѣлъ, и побѣдители побѣжденными владѣли. Предъявлю, какъ отъ разныхъ народовъ произошли ваши предки, которые потомъ толь тѣсными союзами соединились, что бывшаго между ими прежняго различiя никакого слѣду не осталось. Изъясню подробно происхожденiе Россiйскаго имени. Изъявлю о дѣлахъ прежде Россiанъ въ Россiи учинившихся, которые однакожъ до Россiйской исторiи свойственно принадлежатъ, потому что къ доказанiю происхожденiя Россiйскаго народа немало служатъ. А для обстоятельнѣйшаго ихъ изъясненiя не будетъ бесполезно изъ чужестранныхъ сосѣдственныхъ народовъ книгъ объявить то, чего въ домашнихъ не находимъ.

Сверьхъ сего намѣренiе мое было, еще предложить и о другихъ дѣлахъ примѣчанiя весьма достойныхъ, а именно о тѣхъ великихъ Князьяхъ, которые храбростiю, благоговѣнiемъ, прозорливостiю, благодѣянiями отечеству оказанными и знатными дѣлами предъ другими прославились, о учиненномъ въ разныя времена обращенiи Россiянъ въ Христiанскую вѣру, о знакахъ Царскаго достоинства изъ Грецiи въ Россiю пренесенныхъ, о титулѣ Великаго Князя въ Царской, Царскаго въ Императорской премѣнившемся, а наконецъ желалъ было я васъ, Почтеннѣйшiе Слушатели, довести до нашихъ временъ, и подать вамъ случай, чтобъ единымъ взоромъ узрѣть неисчетныя благодѣянiя безсмертныя

Корректура диссертации Г. Ф. Миллера «Происхождение народа и имени российского» с приписками Ломоносова на полях. БАН. XVIII век. $\frac{1749}{3}$, стр. 6.

исчисленіе временъ у сихъ народовъ многимъ подлежитъ затрудненіямъ ? и кто усумнится , что у нихъ равномѣрно , какъ и у всѣхъ другихъ народовъ , древнѣйшая исторія , за неимѣніемъ тогдашнихъ временъ писателей , наполнена баснями , и написана больше для своей похвалы , нежели для подлиннаго извѣстія учинившихся тогда приключеній ? а о томъ , что случилось по нашему исчисленію прежде приходу Славянъ въ сіи зе́мли , разсуждать можно , что оно мало до насъ касается , потому что оныхъ всякой признаетъ за первѣйшихъ россійскаго народа основателей. Однако изъ исторіи то объявлю , чемъ показать можно , что Скандинавы всегда старались наипаче о пріобрѣтеніи себѣ славы россійскими походами.

4. Contradictum p. 6. 3.

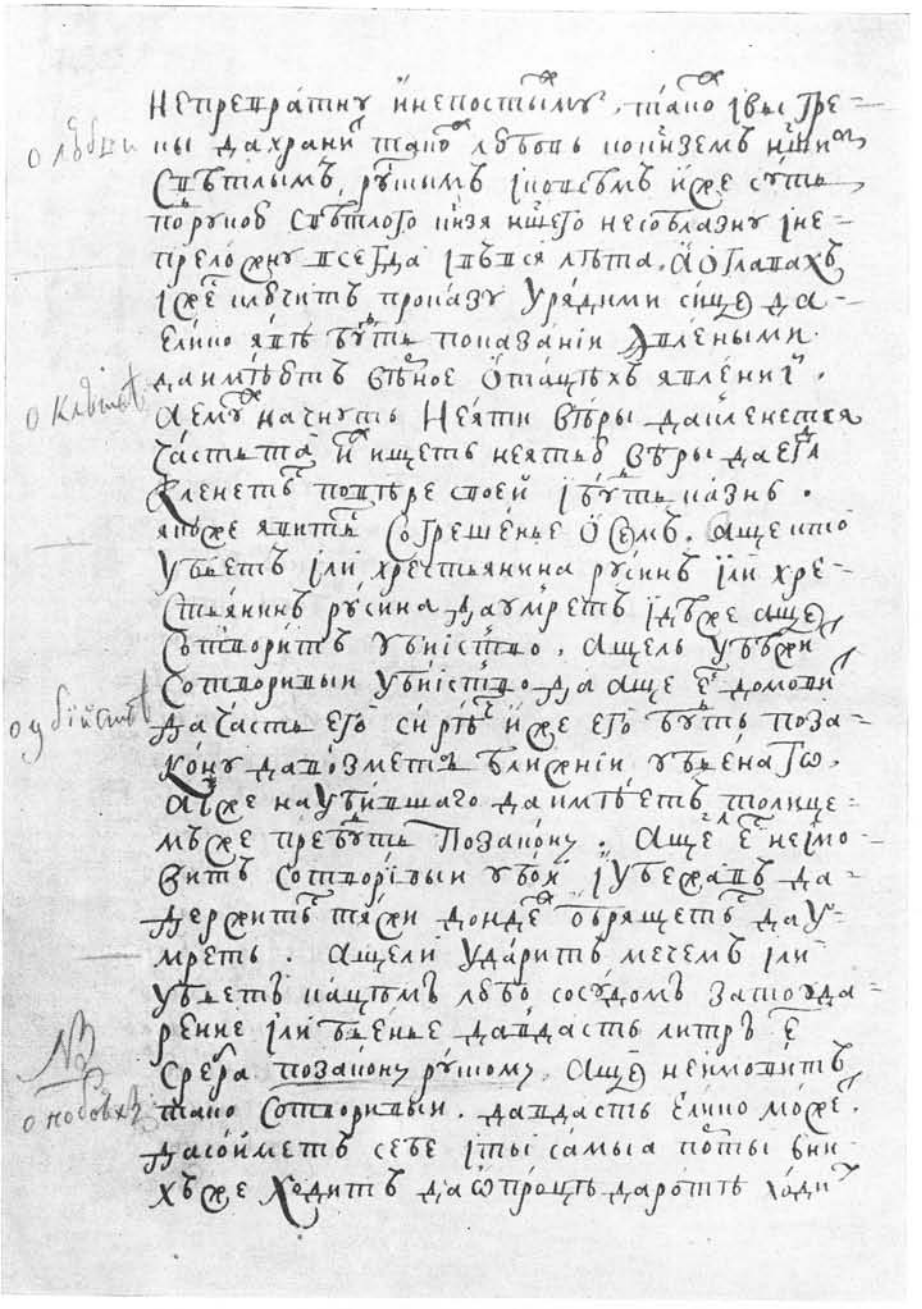
Саксо грамматикъ (*) напримѣръ упоминаетъ о сильномъ на морѣ россійскомъ Царѣ *Траннонѣ* , котораго Король Дацкой *Фротонъ пертой* по одержаніи побѣды надъ *Дорономъ* Курляндскимъ Королемъ преодолѣлъ не силою , но нѣкоею военною хитростію. Когда сіе здѣлалось , въ томъ писатели не согласны , исправнѣе всѣхъ исчисленіе *Торфеево* , (**) по которому сей Фротонъ жилъ во время рождества Христова. *Траннонъ* свою столицу въ городѣ *Роталѣ* , и Датчане взявши оную подступили подъ *Палтискъ* , что по моему мнѣнію больше о Лифляндіи и Липвѣ разумѣть должно. Имя *Палтиска* или *Пелтиска* часто упоминается у Историковъ сѣверныхъ странъ ; но по всѣмъ обстоятельствамъ явствуетъ , что онымъ означивается городъ на устьѣ рѣки Полоты къ рѣкѣ Двинѣ , который мы нынѣ *Полоцкъ* называемъ. Не видно, чего ради подлинное опредѣленіе мѣстоположенія сего го́рода такъ трудно показалось покойному Профессору *Байеру*. (†) Онъ разсуждаетъ , взирая на одно сходство имянъ

(*) въ книгѣ 2. на листу 12. изданія базельскаго въ 1534. году. *Понтанъ* о Дацкихъ дѣлахъ въ кн. 1. на стран. 16.

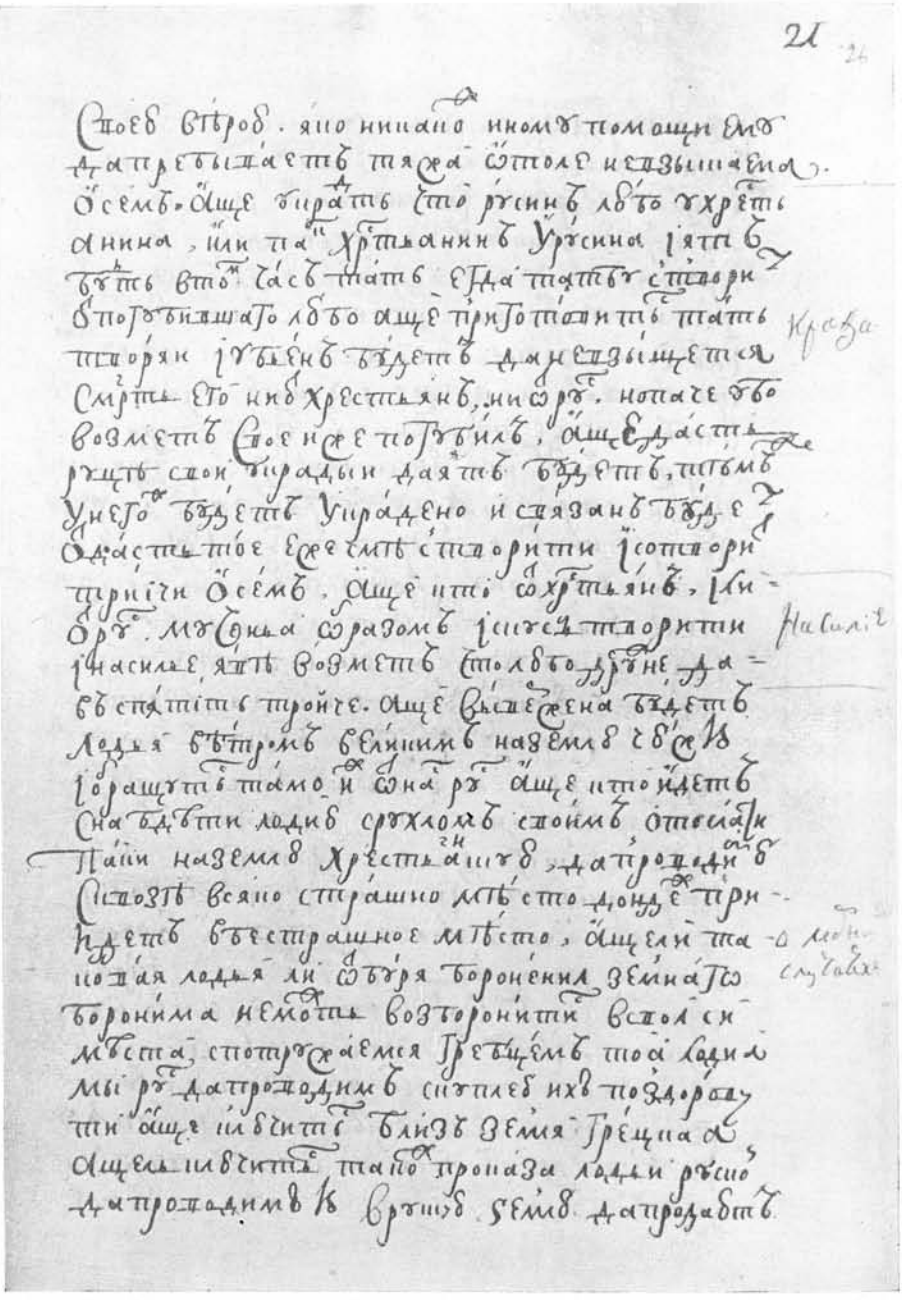
(**) въ порядкѣ Королей Дацкихъ на стран. 224.

(†) въ коммент. Томъ X. стран. 412.

Корректура диссертации Г. Ф. Миллера «Происхождение народа и имени российского» с приписками Ломоносова на полях. БАН. XVIII век. $\frac{1749}{3}$, стр. 24.



Петровская копия Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи. На полях приписки Ломоносова — набросок разделения на отдельные статьи договора Олега с греками 912 г.: «о любви», «о клятвѣ», «о убіиствѣ», «№ о побояхъ». БАН. 31.7.22, л. 25 об.



Петровская копия Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи. На полях приписки Ломоносова — набросок разделения на отдельные статьи договора Олега с греками 912 г.: «кража», «насиліе», «о морскихъ случаяхъ».
БАН. 31.7.22, л. 26.

№ 985.

281

В Канцелярію Академіи Наукъ.

Всепокорное доношеніе.

Доноситъ Академіи Наукъ Копеистъ Иванъ Барковъ, в ниже слѣдующемъ.

1.

По резолюціи Канцеляріи Академіи Наукъ велѣно мнѣ быть в домѣ Коллежскаго Совѣтника и Профессора Гдна Ломоносова для переписки Россійской грамматики, которая мною и переписана уже двоекратно; да сверьхъ того разныхъ его сочиненій в стихахъ и в прозѣ томъ вторый, такожъ и другихъ разныхъ его дѣлъ немалое число.

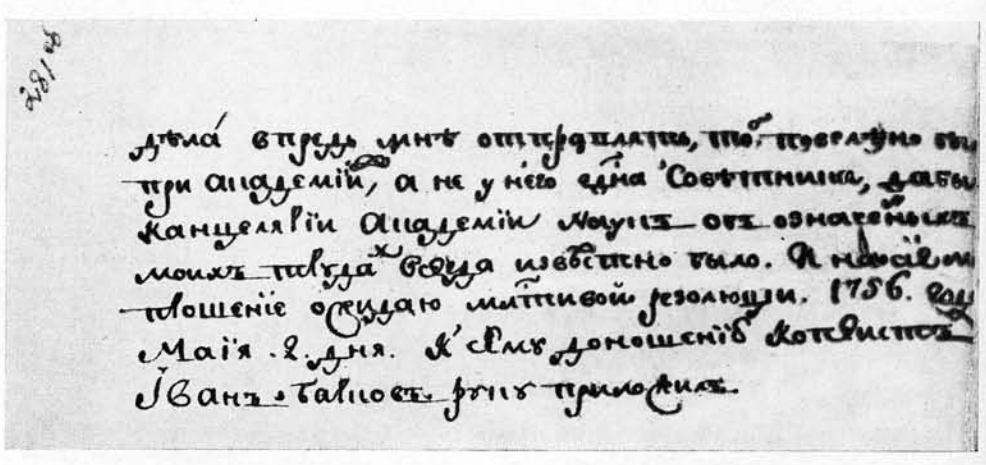
2.

А нынѣ оной Гдинъ Совѣтникъ и Профессоръ приказалъ мнѣ переписывать на бѣло взятую имъ изъ Академической библіотеки книгу, называемую Нестера Печерскаго лѣтописецъ, коего уже близъ половины мною и переписано, токмо продолжать впредь оную безъ особливаго Канцеляріи Академіи Наукъ повелѣнія опасаюсь, особливо же имѣя отъ оной Канцеляріи порученное мнѣ отъ давнаго времени другое дѣло, а именно Малороссійскіе права, которая книга мною Ломоносова начата, но за отлучкою моею отъ Академіи в домѣ его Гдна Ломоносова продолжаема по нынѣ не была, и нынѣ находится у меня в цѣлости.

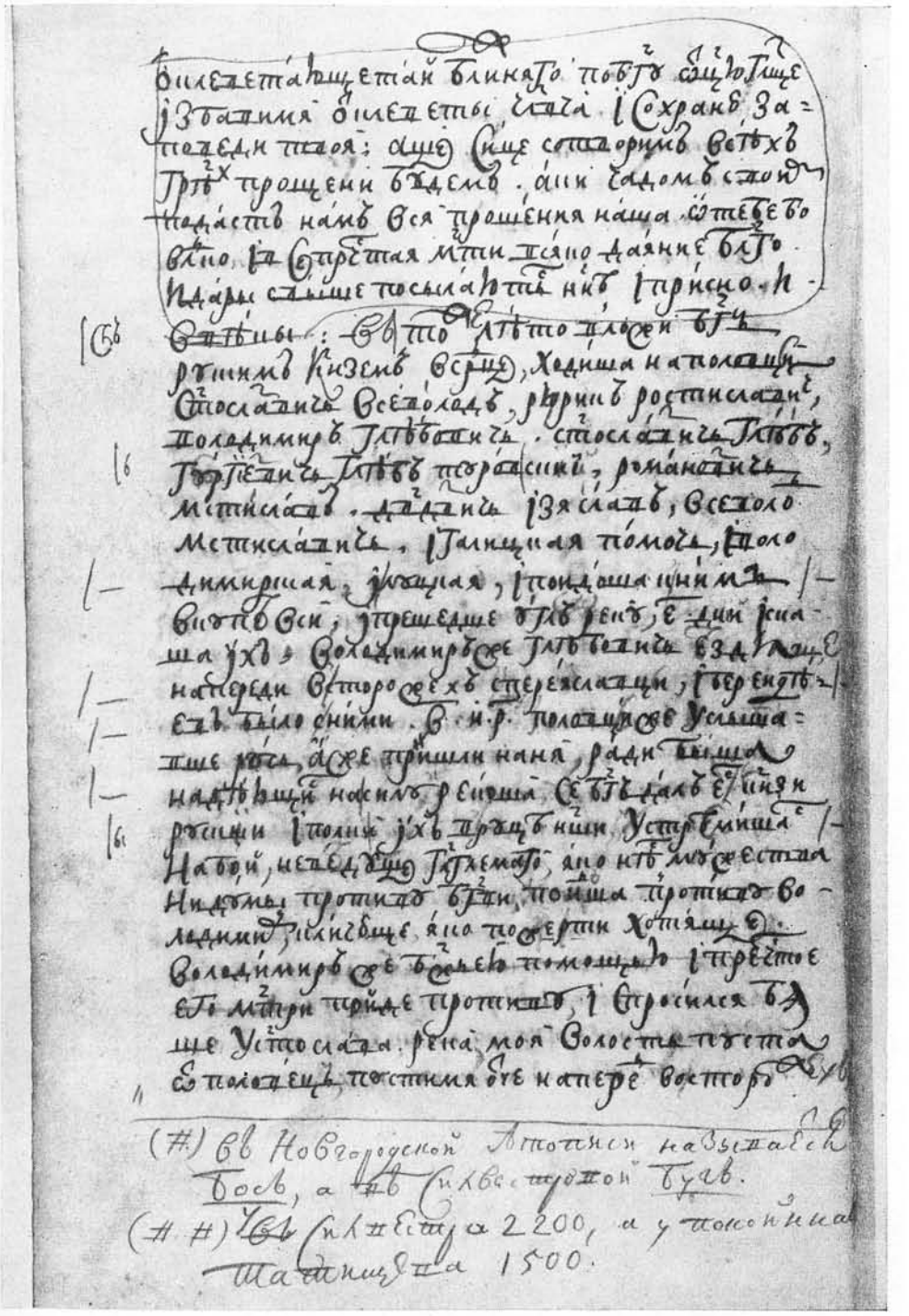
Того ради Канцелярію Академіи Наукъ всепокорно прошу, дабы повелѣно было в разсужденіи многихъ имѣющихся у меня разныхъ дѣлъ, а особливо для беспрерывныхъ и крайнихъ по всядневнымъ моихъ трудовъ, нынѣ быть мнѣ при Академіи по прежнему, да и впредь отъ Академіи не отлучать; а ежели Канцелярія Академіи Наукъ за благо разсуждать соизволитъ оныя его Гдна Совѣтника Ломоносова

«Доношение» И. С. Баркова от 2 мая 1756 г. в Канцелярию Академии наук с просьбой освободить его от переписки летописи Нестора «в доме... профессора Ломоносова». Автограф И. С. Баркова. Архив АН СССР. ф. 3, оп. 1, № 210, л. 281.

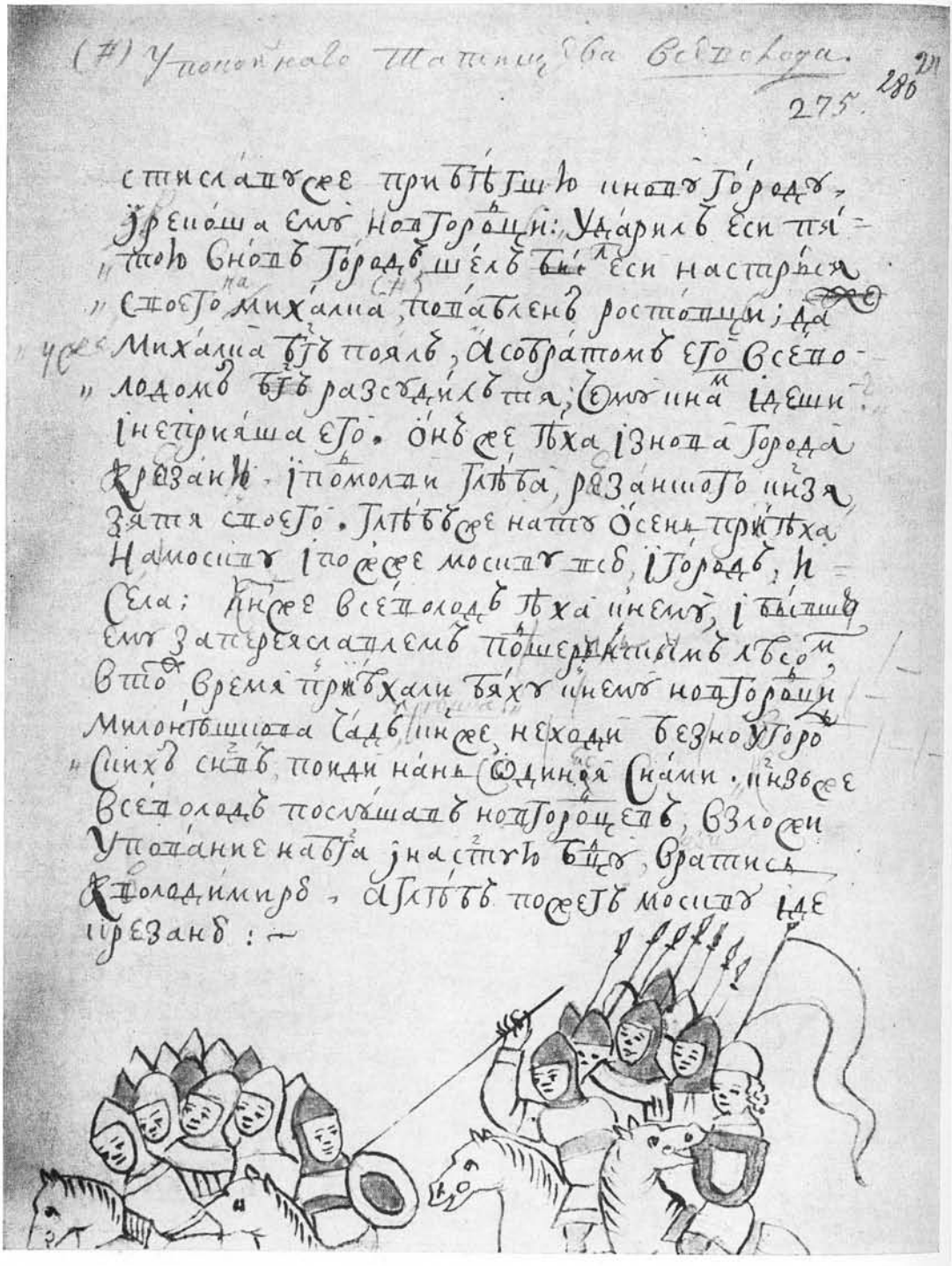
Зак. 374



«Доношение» И. С. Баркова.
Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 210, л. 281 об.



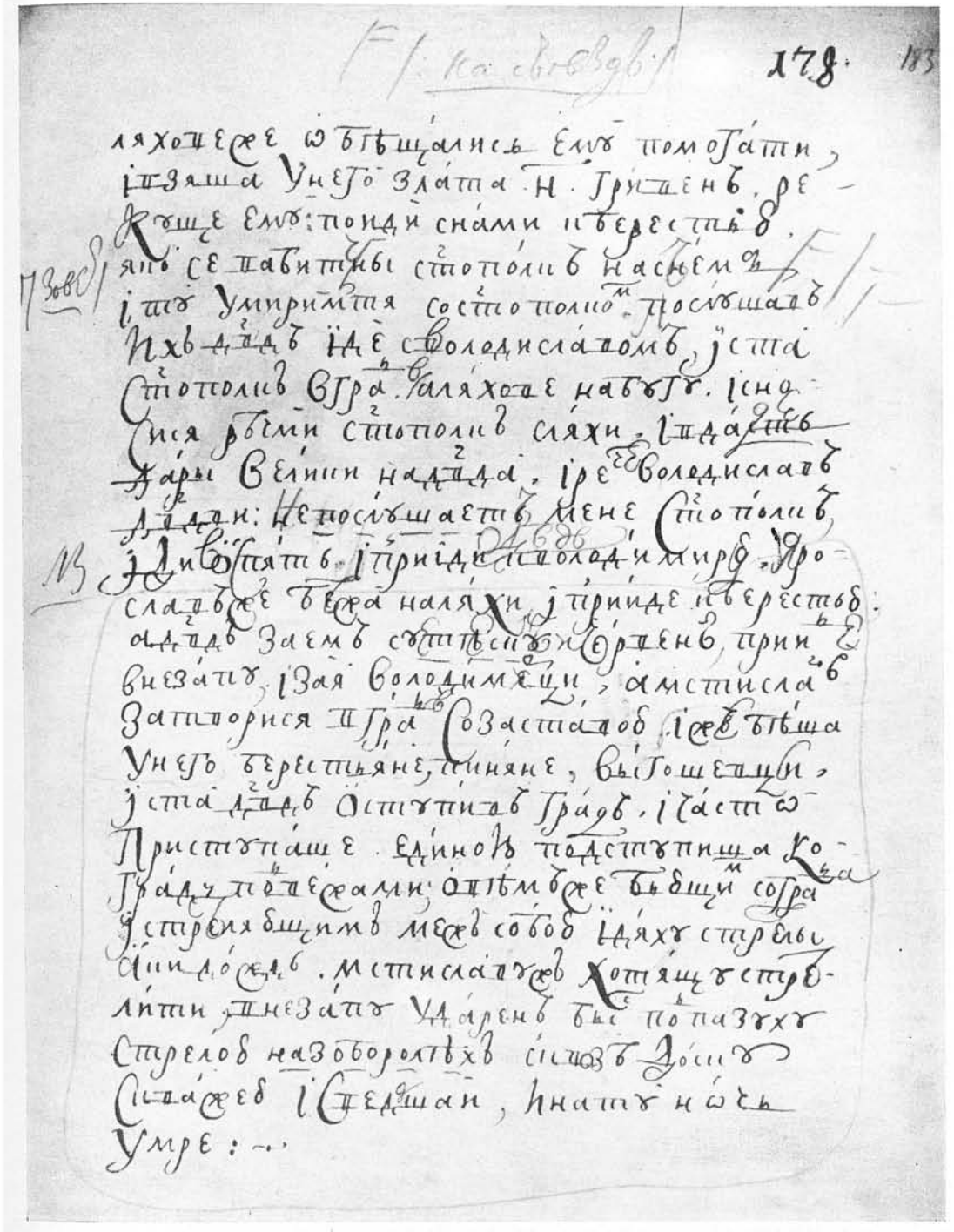
Петровская копия Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи. Правка в тексте и примечания переписаны рукою И. Баркова. БАН. 31.7.22, л. 289 об.



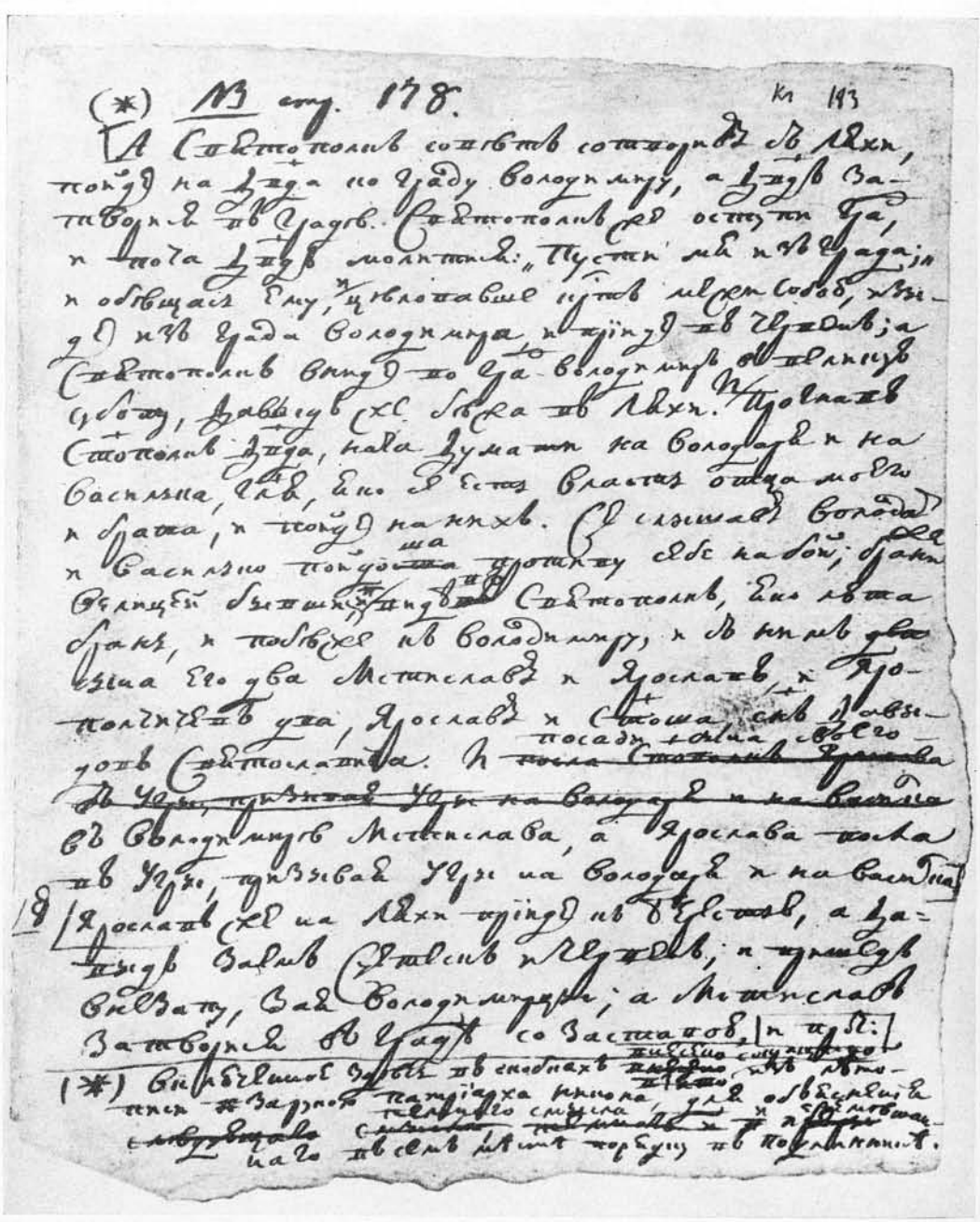
Петровская копия Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи. На верхнем поле рукою И. Баркова написано: «У покойнаго Татищева Всеволода». БАН. 31.7.22, л. 280.

178. 183

ляхове же ѡбѣщались ему помогати,
і взяша у него злата н. гривенъ, ре-
кущe ему: поиди с нами к берестьѹ,
яко се забитъ ны стополкъ на с немъ
і ту умиримся со стополкомъ. Послушавъ
ихъ дѣдъ іде с Володиславомъ, і ста
стополкъ в Гра[ль]. Валяхове на бугу. і сно-
сися рѣчми стополкъ сляхи. і вдаютъ
дары велики на дѣда. і рече Володиславъ
дѣдви: не послушаетъ мене стополкъ,
і дивъ опять. і приіди к Володимиру. Про-
славъ же бежа на ляхи, і прииде к берестьѹ:
а дѣдъ заемъ сутѣсну и червенъ, прииде
внезапу, і зая Володимерци, а Мстиславъ
затворися в Гра[ль] со заставою. і же бѣша
у него берестьяне, пиняне, выгошевци,
і ста дѣдъ оступивъ градъ. і часто
приступаше. единою подступиша ко-
градъ повежами, о вѣмъ же бьющимъ со Гра[ль]
і стреляющимъ межъ собою і дяху стрелы
аки дождь. Мстиславъ же хотящу стре-
лити, внезапу ударенъ бысть по пазуху
стрелою на оборолѣхъ сквозь доску
скважею і сведошаи, и на ту ночь
умре: ..



Петровская копия Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи. Правка текста сделана И. Барковым. БАН. 31.7.22, л. 183.



Переписанный рукою И. Баркова отрывок текста из Сильвестровой (Никоновской) летописи, предназначенный для реконструкции Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи. БАН. 31.7.22, вкладка к 183 листу (по старой нумерации — к 178 листу).

влень Царь Романъ въ Грекохъ; а Игорь воеваше на Печенѣги. от р. х.

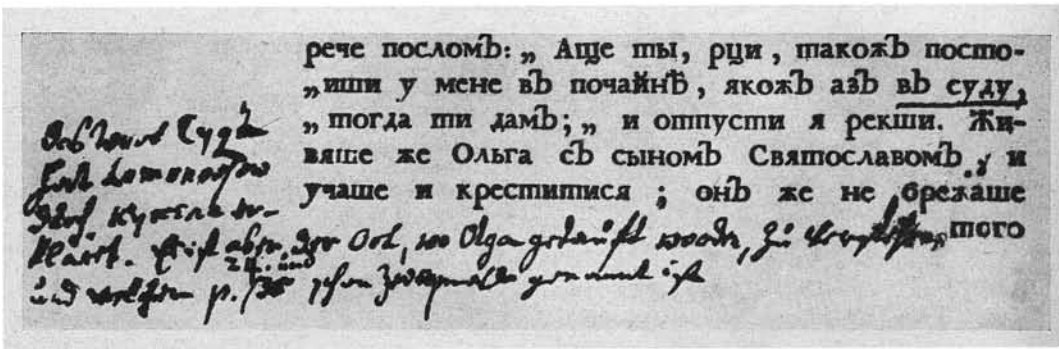
Въ лѣто 6429, въ лѣто 6430, въ лѣто 6431, въ лѣто 6432, въ лѣто 6433, въ лѣто 6434, въ лѣто 6435, въ лѣто 6436. Въ лѣто. 6437 пріиде Семіонъ на Царьградъ, и поплѣни Ѳракію и Македонію, и пріиде ко Царюграду въ силѣ велицѣ и въ гордости, и сотвори миръ съ Романомъ Царемъ, и возвратися. 929.

Въ лѣто 6438, въ лѣто 6439, въ лѣто 6440, въ лѣто 6441. Въ лѣто 6442 перьвое пріидоша Угре на Царьградъ, и плѣноваху всю Ѳракію; Романъ же сотвори миръ со Угры. 934.

Въ лѣто 6443, въ лѣто 6444, въ лѣто 6445, въ лѣто 6446, въ лѣто 6447, въ лѣто 6448. Въ лѣто 6449 иде Игорь на Греки, и послаша Болгари вѣсть ко Царю, яко идутъ Русь на Царьградъ, сходій (*судно*) 10000, иже пойдоша и приплыша, и почаша воевати Виѳинскія страны, и плѣноваху по Понту и до Ираклія, и до Пафлагонскія земли, и всю страну Никомидскую поплѣнивше, и судъ весь пожгоша; ихъ же емша, овѣхъ распинаху, инѣхъ же въ землю присѣцаху, другія же аки стража поставляюще стрѣляху въ ня, и изымавше опаки руцѣ связываху, и гвозди желѣзны посреди главы вбиваху имъ, и много же святыхъ церквей огневи предаша, и монастыри и сѣла пожгоша, и имѣнія не мало отъ обою страну взяша. Потомъ пришедшимъ 941. Походъ Игоревъ противъ Грековъ.

Schlötzer Annalen probe p. 166

Летопись Несторова съ продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года. Библиотека российская историческая. Ч. I. СПб., 1767. Экземпляр, принадлежавший Г. Ф. Миллеру. Рукою Г. Ф. Миллера подчеркнуто слово «суд» и сделана приписка на боковом поле: «Schlötzer Annalen probe p. 166». ЦГАДА. Собр. печатных книг, № 356, стр. 35.



Летопись Несторова съ продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года. Библиотека российская историческая. Ч. I. СПб., 1767. Экземпляр, принадлежавший Г. Ф. Миллеру. Рукою Г. Ф. Миллера подчеркнуто «въ суду», на боковом и нижнем полях сделана приписка: «Das Wort Судъ hat Lomonossov durch купель erklärt. Es ist aber der Ort, wo Olga getauft wurden, zu verstehen und welcher p. 24 und 35 schon zweimahl genannt ist». ЦГАДА. Собр. печатных книг, № 356, стр. 54.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА[1]

Азбуковник, рукопись Антониево-Сийского монастыря 27—29
Александро-Невская летопись 100
Алексиада, соч. А. Комнин 18
Апокалипсис 69
Апостол 34
Арифметика, соч. Магницкого 55, 56
Архангелогородская летопись 74

Бархатная книга 16
Библиотека российская историческая 86, 148, 164, 167—170, 173—183, 185, 186, 188, 189, 192—199, 201—203, 207—212, 214, 217, 218, 222, 236—238
Библия архиепископа Геннадия 109
— Иосифо-Волоколамского монастыря 109
— Троице-Сергиева монастыря 109
Былина о Кудреванко 242
— о Садко 242

Введение в историю европейскую, соч. С. Пуффендорфа 71
Век Людовика XIV, соч. Вольтера 257
Владимир, трагедокомедия Ф. Прокоповича 262
Волфианская экспериментальная физика, перевод Ломоносова 59, 221
Воскресенская летопись 16, 79, 88, 122, 188
Вышеслав, трагедия Сумарокова 264

Генриада, поэма Вольтера 257—258
География, или Краткое земного круга описание, 1716 г. (рукописная копия) 61
Гимн бороде, стих. Ломоносова 83, 228
Готический мир, соч. М. Претория 147
Грамматика славенская, соч. Смотрицкого 55, 56
Греческий словарь (Glossario Graeco) Дюканжа 214

Две книги летописцев российских с лицами — см. Лицевой свод
Две эпистолы, соч. Сумарокова 228, 264
Двинский летописец 26, 68, 221, 222
Двор цесаря турецкого, соч. Старовольского 61
Демофонт, трагедия Ломоносова 220
Димитриада, поэма Сумарокова 265
Димитрий Самозванец, трагедия Сумарокова 264, 265
Достоверное доказательство о российском народе 108
Древний летописец 93, 94, 221
Древняя российская вивлиофика Новикова 222
Древняя российская история, соч. Ломоносова 8, 22—24, 76, 77, 81, 82, 84, 88, 89, 91, 98, 117, 122, 140—147, 151—153, 155—157, 167—170, 181, 183—185, 205, 211, 213—216, 233, 236—238, 256
Духовная Татищева 108
Духовный регламент Петра I 70
— — Ф. Прокоповича 66

Евангелие (Еуаггелие) 34, 73
Езда в остров любви, соч. П. Тальмана 227
Ермолинская летопись 149

Жизнь покойного Михаила Васильевича Ломоносова, соч. М. И. Веревкина 54
Житие Александра Невского 21, 24, 74, 116, 241, 243, 244
— Антония 69
— Бориса и Глеба 24
— Владимира Святославича 8, 22, 23, 24, 66
— и служба Дмитрия Солунского 27, 30, 33, 34, 67
— Кирилла и Мефодия 73
— патриарха Никона 55
— Сергия Радонежского 24
— Федора Ростиславича Смоленского и Ярославского 22, 24

Задонщина 11
Законы Ярославли см. Русская Правда
Записка о плане научных работ А. Шлецера, соч. Ломоносова 64
Записки фон Розенбуша 257
Знамения пришествия антихристова 66

Идеи для живописных картин из российской истории, соч. Ломоносова 19, 21, 22, 77, 82, 91, 106, 116, 120, 140
Илиада, поэма Гомера 254, 255

[1] Составлен Г. А. Андреевой.

Иное сказание 80, 264
Ипатьевская летопись 149
Ирмологион 65
Искусство красноречия, соч. Готшеда 42, 232, 259
История государя царя Петра Великого, соч. П. Крешкина 257
— Карла XII, короля шведского, соч. Вольтера 257
— о бедственном страдании и о благополучном восшествии на престол государыни Елизаветы Петровны 108
— о великом князе Московском, соч. А. М. Курбского 19, 20, 24
— о Ярополе царевиче 226
— Петра Великого, соч. Прокоповича 257
— России, соч. Леклерка 257
— российская, соч. В. Н. Татищева 5, 12, 14, 24, 25, 79, 84, 92, 94, 97, 117, 121, 137, 138, 143—146, 150—155, 163, 164, 166, 169—187, 192, 193, 195, 196, 198, 199, 203, 217, 219, 260
— Российской империи при Петре Великом, соч. Вольтера 68, 140
— Свейской войны, соч. Шафирова 257
— стрелецкого бунта, соч. Матвеева 257
Иудейская война, соч. Иосифа Флавия 69

Казанская история 13—16, 24, 26, 50, 61, 72, 82, 108, 221, 232, 240, 241
Камерный каталог 78, 79, 90, 126, 134, 151, 166, 178
Каталог камней и окаменелостей Минерального кабинета Кунсткамеры Академии наук, соч. Ломоносова 36, 52
— митрополитов киевских с летописанием вкратце 76
— писателей о России Селлия 100
— универсальный Г. Бужинского 111
Кенигсбергская (Радзивиловская) летопись XV в. 126, 130, 132, 134, 149, 150
Книга о скудости и богатстве, соч. И. Посошкова 105
Космография, соч. Космы Индикоплова 69
Краткая история г. Архангельска, соч. В. В. Крестинина 67
— — о поведении Академической канцелярии, соч. Ломоносова 208
— — Петербургской академии наук, соч. Я. Штелина 207, 233
— Московская летопись 264
— роспись великим князьям всероссийским, изд. Г. Ф. Миллера 163, 171
— российская история И. Баркова 48
Краткий летописец от «Адама и до потопа» 101
— Российский летописец с родословием, соч. Ломоносова 14, 15, 18—21, 72, 80—82, 84—86, 88, 89, 95, 96, 104, 108, 110, 111, 124, 136, 140—143, 153, 165, 218—220, 233, 260
Краткое описание о начале народа славенского, соч. Крекшина 124
— — путешествий по северным морям, соч. Ломоносова 10, 104
— руководство к красноречию, соч. Ломоносова 157, 219, 220, 238, 255
— — к риторике, соч. Ломоносова 43, 245, 255, 258, 264
Курс философии по Аристотелю 50, 74, 75

Лаврентьевская летопись 149
Латинская грамматика на латинском и российском языках, сочиненная под смотрением Ломоносова 204, 206, 208. 221
Лексикон треязычный Ф. Поликарпова 66
Летописец Брюсов 8, 124
— келейный, соч. Дм. Ростовского 74, 76
— начала царства царя и вел. кн. Ивана Васильевича 13, 15, 24, 72, 232
— Феодосия черноризца Печерского монастыря см. Летопись Нестора
Летопись Нестора — Кенигсбергская (Радзивиловская) летопись 6, 48, 50, 52, 53, 73, 79, 84, 86, 114, 117, 126, 127, 130, 132, 137, 138, 143, 144, 146—157, 160—179, 181, 183—189, 194—197, 199—203, 207—210, 212—215, 220, 222, 236
Лицевой свод 25, 90—94, 109, 121, 221

Материалы к Российской грамматике Ломоносова 52, 153, 186, 219
Минеи Четьи митрополита Макария 109
Минея рукописная 22, 65—67
— старопечатная 30, 33, 65—67
Монархия Российская 105
Мстислав, трагедия Сумарокова 264

На Балабана сатиры разные 108
Надгробные надписи российских государей 107
Надпись на раке Александра Невского, соч. Ломоносова 21, 116
— на спуск корабля «Александр Невский», соч. Ломоносова 116
Начертание истории Холмогор, соч. В. В. Крестинина 67
Нестор, изд. А. Шлецера 155, 211, 217
Нижегородский летописец 101
Никаноровский летописец 162, 216
Никоновская (Сильвестрова) летопись 8, 9, 11—13, 16, 24, 50, 79, 92, 97, 115, 122, 150, 178, 179, 188, 189, 192—199, 234
— летопись, изд. А. Шлецера и С. Башилова 211
Новгородская Климентовская кормчая XIII в. 109
— и Псковская I летопись 95—99, 236
Новгородские летописи, Новогородский летописец 8, 26, 50, 67, 98, 102, 104, 105, 111, 114—116, 125, 134—136, 151, 173, 189, 192, 193, 196, 197
Новгородско-Софийский свод 120, 134
Новый и краткий способ к сложению российских стихов, книга В. К. Тредиаковского 39, 40, 42, 231
— летописец 24, 50, 69, 79, 80, 172
Номоканон 66, 73

О безвинном заточении Артамона Матвеева, соч. А. А. Матвеева 107

О браке царя Михаила Федоровича в 1626 г. 120
О бунте стрелецком 108
О Даниле, князе московском 108
О духовном и светском красноречии (De eloquentia sacra et humana), соч. Н. Коссена 252
О начале и происхождении козаков, соч. Г. Ф. Миллера 166
О начале славенского народа 108
О нынешнем состоянии словесных наук в России, соч. Ломоносова 235
О первом летописателе российском преподобном Несторе, статья Г. Ф. Миллера 84, 126, 143, 163, 165, 171
О переменах тягости по земному глобусу, соч. Ломоносова 204—206
О российских государях 108
О царях и князьях российских 108
Об обязанностях духовенства, соч. Ломоносова 83
Обиход 65
Обстоятельное наставление рудному делу, соч. И. А. Шлаттера 48
Ода Елизавете Петровне 1746 г. Ломоносова 241
— Елизавете Петровне 1761 г. Ломоносова 21, 91
— Ломоносова 1743 г. 122, 240, 241
— — 1748 г. 243, 244
— — 1752 г. 220, 230, 233, 234
— — 1762 г. 234, 240
— на взятие Хотина Ломоносова 12, 13, 16, 72, 231—233, 241, 242, 254
— на смерть Ломоносова А. П. Шувалова 204, 232
Одиссея, поэма Гомера 254, 255
Октоих 65, 66
Описание (экстракт) стрелецких бунтов и правления царевны Софьи, соч. Ломоносова 60, 106, 107, 140, 234, 239
Опыт исторического словаря о российских писателях Н. И. Новикова 57, 62, 92, 93, 210
— о Библиотеке и Кабинете редкостей И. Бакмейстера 78
— об эпической поэзии, трактат Вольтера 258

Пантеон мифов (Pantheum mythicum) Помея 252
Патерик Киево-Печерский 8, 22, 50, 66, 76
Патриарший список Никоновской летописи (Патриаршая летопись, Степенная книга Никона патриарха) 8, 50, 79, 82, 84—86, 88—90, 121, 136, 137, 176—177, 188
Первые основания металлургии, или рудных дел, соч. Ломоносова 48
— — физической химии, соч. Ломоносова 43
Первый и главный стрелецкий бунт, соч. Сумарокова 264
Переписная книга Куростровской Дмитриевской церкви 27, 30
Periculum, соч. А. Шлецера 214—216
Петр Великий, поэма Ломоносова 18, 21, 68, 140, 239, 242, 257, 258, 262
Письмо о пользе стекла, соч. Ломоносова 220
— о правилах российского стихотворства Ломоносова 72, 73, 78, 120, 150, 231
Повести о начале Москвы 264
Повесть временных лет 9, 26, 99, 114, 122, 134, 149, 187, 216, 237, 240
— како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов 264, 265
— о битве на Калке 24
— о Бове-королевиче 24, 225, 226, 255
— о Василии Златовласом 225
— о взятии Иваном III Новгорода 24
— о Еруслане Лазаревиче 24
— о житии вел. кн. Димитрия Ивановича 24
— о житии Феодора Ивановича 79
— о королевиче Брунцвике 225
— о Куликовской битве 11, 24, 97, 110, 243, 260, 261
— о королевне Милюзине 225
— о Московском восстании 1682 года 60, 107, 239, 240, 257
— о Петре Златые Ключи 225
— о походе Батыя на Рязань 24
— о походе Тахтамыша на Москву 24
— о российском кавалере Александре 225, 226
— о российском матросе Василии 225, 226
— о Скандербеке 61
— о царице и львице 68
— о шляхетском сыне 225
— об Азовском осадном сидении 80, 241
— об Оттоне 225
Поденные записки, или Журнал Петра Великого 18, 50, 257
Послание архиепископа Василия 102
— Спиридона-Саввы 102
Послания Ивана IV Грозного кн. А. Курбскому 19, 20, 240
— кн. А. Курбского Ивану IV 19
Последования молебных пений 66
Похвальное слово Ломоносову, соч. Я. Штелина 56
Поэтика Аристотеля 228, 229, 253, 259
— Ф. Кветницкого 228, 229
— Ф. Прокоповича 75, 245, 252—255
— Я. Понтана 252
Поэтическое искусство, соч. Буало 42, 244, 257, 259
Предисловие о пользе книг церковных в российском языке, соч. Ломоносова 153, 248
Приключения Телемака, роман Фенелона 255
Probe Russischer Annalen А. Шлецера 210, 214—217
Продолжение древней российской вивлиофики 222
Происхождение народа и имени российского, соч. Г. Ф. Миллера 6, 8, 104, 116, 125—129, 134, 135, 137, 161
Пролегомены к физической химии, соч. Ломоносова 43
Прологи 66, 116, 117, 223
Проложное житие кн. Ольги 8, 21, 24, 66
Псалтырь 73

— рифмотворная, соч. С. Е. Полоцкого 65
Псковская летопись 50, 99, 115—117
— Судная грамота 102
Путешествие из Петербурга в Москву, соч. Радищева 230, 231
— митрополита Пимена в Царьград 92

Разговор с Анакреонтом, стих. Ломоносова 247
Разрядная книга 94, 95, 123, 223
Рассуждение о двух браках, введенных чужестранными писателями в род великих князей всероссийских, соч. Г. Ф. Миллера 166
Ремезовская летопись 237
Речь Ломоносова о катадиоптрической трубе 207
Риторика П. Крайского 35, 36, 38, 229, 230
Родословие великих князей, царей и императоров, соч. П. Крекшина 99, 123
— великих российских князей, собранное Л. Хулеричем 99, 125
Родословная книга (Родословцы) 16, 50, 101, 108, 110, 123, 223, 233
Розыск 66
Роспись сочинениям и другим трудам советника Ломоносова 221
Российская грамматика, соч. Ломоносова 43, 157, 160, 161, 221, 250, 262
— история, соч. Ломоносова 66, 72, 79, 108, 117, 138—141, 148, 151, 153, 157, 161, 165, 167, 187, 193, 202, 204, 205, 219, 220, 236, 259
— — соч. Ф. Эмина 218, 219
Российский летописец 104
Рукописание Магнуса 102
Русская Правда (Законы Ярославли) 24, 67, 79, 102, 107, 109, 138, 142, 143, 147, 170, 219
— сводная летопись 101, 104
— хронографическая летопись 101

Сага об Олаве Трюггвасоне 23
Сатиры Кантемира 107, 228, 247
Сборный Временник 8, 9, 26, 88
Сибирская история, соч. Г. Ф. Миллера 203
Сийское Евангелие 69
Символ веры 109
Симфония, или Конкордация на Апокалипсис, соч. А. Богданова 66
Синав и Трувор, трагедия Сумарокова 263
Синодик Куростровской Дмитриевской церкви 54—57
Синопсис Киевский И. Гизеля 8, 10, 11, 67, 68, 102, 124, 138
Сказание Авраамия Палицына 24, 80
— о взятии Царьграда 61
— о зачатии и рождении государя Петра Великого, соч. Крекшина 55
— о князьях владимирских, соч. Спиридона-Саввы 16—19, 24, 26, 99
— о Мамаевом побоище 10—12, 97, 101, 241, 260, 261
— о церкви св. Софии 72
— об осаде Троице-Сергиева монастыря 74
Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы 264
Скифская история, соч. А. И. Лызлова 14
Слова и поучения М. Грека 68
Слово благодарственное на освящение Академии художеств Ломоносова 256
— императрице Елизавете Петровне П. Крайского 229
— К. Туровского 241
— о законе и благодати, соч. Илариона 61
— о погибели русской земли 21, 243, 244
— о полку Игореве 222
— о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих, соч. Ломоносова 9
— похвальное Елизавете Петровне 1748 г., соч. Ломоносова 254
— — Петру Великому, соч. Ломоносова 18, 140
Служебник 65, 66
Собрание русской истории (Sammlung russischer Geschichte), изд. Г. Ф. Миллера 162, 166, 212
Созерцание краткое С. Медведева 257
Сокращенная история российским великим князьям 100
Софийская летопись 102, 110, 209
Сочинения митрополита Илариона 109
Степенная книга (Большой летописец) 8, 9, 16, 24, 50, 74, 79—81, 89, 90, 95, 98, 99, 101, 102, 124, 125, 138, 141, 143, 151—153, 213, 214, 219, 223, 232, 233, 238
— — изд. Г. Ф. Миллера 222
Стихи на туясок Ломоносова 229
Стоглав 51
Строгановская летопись 237
Судебник 108, 170
Суздальская летопись 73

Табель о рангах 224
Тамира и Селим, трагедия Ломоносова 10, 11, 91, 97, 138, 172, 235, 243, 258—262, 264
Теория поэтики, соч. Альвара 50
Типикон 65
Типографская летопись 70
Титулярник 101, 105, 106
Толковая псалтырь Д. Ареопагита 69
Требник 65
Триодь 65
Троицкая летопись 212

«Уложение» Алексея Михайловича 61
Устав Владимира и Ярослава 67
Устав, как крестить манахеев 72
Устав морской 18

Филологические исследования и показания, к дополнению Грамматики надлежащие, записка Ломоносова 153
Философия, соч. Р. Люллия 61
Фрейбергский летописец (Зрелища Фрейбургской хроники) 78

Химические и оптические записки, соч. Ломоносова 88

Хождение Игнатия Смольнянина в Царьград 94
— Трифона Коробейникова во Иерусалим 67
Холмогорская летопись 68
Хорев, трагедия Сумарокова 263
Хроника Арнольда Любекского 219
— Гельмольда 219
— Длугоша 102
— Кромера 102, 219
— М. Бельского 102
— М. Вейселя 219
— Польши, Литвы, Жмуди и всей Руси (Kronika Polska, Litewska, Zmòdzka i wszystkej Rusi) М. Стрыйковского 8, 17—19, 25, 69, 73, 120, 121, 134, 150
— Псевдо-Дорофея 164
— Стурлезона («История о северных королях» в 2-х томах) 23
Хронограф 80, 102, 107, 115, 223, 233
— западнорусской редакции 102
— редакции 1512 г. 99

Царственная книга, изд. М. Щербатова 221
Царственный летописец, изд. М. Щербатова 94, 221

Часослов 65
Черновые материалы к «Российской грамматике» Ломоносова 43, 50, 252
Черты и анекдоты для биографии Ломоносова, соч. Я. Я. Штелина 70
Чин поставление на царство Ивана Васильевича 72

Шестоднев 66

Экстракт из великославных дел царей, соч. Крекшина 124
Энеида, поэма Вергилия 254, 255

Ярополк и Демиза, трагедия Сумарокова 263

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН [1]

Абрамович Д. И. 22, 76
Аввакум Петрович, протопоп 59
Август Гай Юлий Цезарь Октавиан 16—18
Авраам, библ. 181
Авраамий Палицын 24, 80, 100
Авраамка, летописец 115
Аврамов И. В., ученик Ломоносова 157
Автократова М. И. 7
Агафия (Кончака), дочь татарского хана, жена вел. кн. московского Юрия Даниловича 111
Агафия Мстиславовна, княжна смоленская, жена вел. кн. владимирского Константина Всеволодовича 176
Адам, библ. 101
Адрианова-Перетц В. П. 13, 19, 169, 187, 237, 240—242, 262
Аепа см. Эюп
Азбелев С. Н. 102, 134
Азбяк см. Узбек-хан
Алекса Невруй, посол Золотой Орды 85
Александр, византийский император 156
Александр, герой повести «О российском кавалере Александре» 225, 226
Александр, кн., сын кн. Юрия Патрикеевича 82
Александр Михайлович, вел. кн. владимирский 96, 111
Александр Попович, герой былин 237
Александр Ярославич Невский 21, 24, 72, 74, 93, 96, 102, 116, 233, 235, 241, 243, 244, 252
Алексей, митрополит московский 235
Алексей Михайлович (1629—1676), царь 61, 78, 80, 183, 225, 230
Алексей I Комнин 18, 19
Алексей Петрович, сын Петра I 78, 98
Аллогия, героиня саги об Олаве Трюггвасоне 23
Альварес (Альвар) Э. (Alvares Emmanuel) 50
Амвросий Миланский (Ambrosius Mediolanus) 24
Аминта, героиня романа «Езда в остров любви» П. Тальмана 228
Анакреон, греческий поэт-лирик 247
Ананий, библ. 136
Анастасия Романовна (Захарьина), первая жена Ивана IV 20, 21
Андреев А. И. 56, 172, 207, 208
Андреева Г. А. 5—7, 35, 69, 139
Андреевы, бояре 175
Андрей Александрович, вел. кн. владимирский, сын Александра Невского 85, 96
Андрей Иванович, кн. Старицкий, сын Ивана III Васильевича 82
Андрей Иванович Хованский, кн. 82
Андрей Юрьевич Боголюбский, вел. кн. суздальский и владимирский 86, 89, 173, 184, 195, 196
Андроник, епископ 132
Андьял Андрей (Angyal Andreas) 245, 246
Анна, супруга вел. кн. киевского Всеволода Ярославича 86
Анна Васильевна, дочь, вел. кн. Василия Дмитриевича, жена Ивана VIII Мануйловича Палеолога 84, 85, 124, 125
Анна Иоанновна, имп. 228, 230
Анна Романовна, византийская царевна, жена вел. кн. киевского Владимира Святославича 147, 166, 263
Антоний, архиепископ 68, 222
Антоний Печерский, св. 252
Аристотель 50, 74, 75, 228, 229, 253, 255, 259
Арнольд Любекский (Arnold von Lübeck), немецкий хронист 219
Ароцкер Л. Е. 42
Арсеньев С. В. 94
Аскольд (Оскольд) 129, 130, 132, 134, 216
Астахова А. М. 226, 243
Афанасий Любимов, архиепископ холмогорский 55, 56, 69, 74
Афет, библ. 85, 135
Ахар, библ. 136
Ахмет, хан Золотой Орды 140, 230

Бабкин Д. С. 6, 7, 54, 56—58, 205, 252
Байер Г.-З.-Т. 50, 132, 134, 162, 211
Бакмейстер И. 9, 24, 25, 78, 150
Барков И. С. 6, 45, 48, 50, 52, 53, 157, 160, 161, 178, 180, 194—201, 208—211, 219, 220, 244
Барсов А. С. 101

[1] Составлен Г. А. Андреевой.

Батый, хан Золотой Орды 21, 24, 72, 139, 140, 205
Башилов С. 92, 179, 211
Башмаковы, кн. 81
Бегунов Ю. К. 21, 244
Белинский В. Г. 233, 267
Белокуров С. А. 63
Белявский М. Т. 122
Беренди, овчарь Святополка 186, 187
Берков П. Н. 5, 6, 39, 43, 45, 100, 144, 228, 231, 248, 256
Бецкой И. И. 15
Билярский П. С. 24, 121, 157, 160
Бирон Э. И. 79
Благой Д. Д. 235, 257, 259, 263—265
Блуд, киевский воевода при Ярополке Святославиче 147, 166, 238
Боброва Е. И. 25, 78
Бова-королевич, герой повести «О Бове-королевиче» 24, 225, 226
Богданов А. И. 50, 66, 79, 93, 105, 126, 134, 140
Болеслав I Храбрый, король польский 88, 147, 185, 236
Бомштейн Г. И. 239
Боняк, половецкий хан 164
Борис, действующее лицо трагедокомедии «Владимир» Ф. Прокоповича 262, 263
Борис, св. 252
Борис Владимирович, кн. ростовский, сын вел. кн. Владимира Святославича 24, 88—90, 147, 180, 181, 184
Борис Федорович Годунов, царь 265, 266
Борисов Ф. 84
Браун, Иосиф-Адам 126, 162
Брунцвик, герой повести «О королевиче Брунцвике» 225
Брюс Я. В. 8, 78, 89, 124, 144, 151, 213
Брячислав Изяславич, кн. полоцкий, внук вел. кн. Владимира Святославича 167
Буало Н. (Boileau N.) 42, 244, 257, 259
Буганов В. И. 60, 106, 107, 239, 240
Бужинский Гавриил см. Гавриил Бужинский
Булгаковы, княжеский род 82
Бурсов Б. И. 255
Бурхард-Адам (Никодим) Селлий 100, 101, 125
Бушмин А. С. 7, 266, 267
Быкова Т. А. 211

Валк С. Н. 5, 7, 12, 45, 68, 92, 117, 144, 145, 171, 208
Варлаам, митрополит 65
Варнава Волостовский, архиепископ 59, 61
Варсонофий, архиепископ 59, 61, 107
Варфоломеев Андрей 57
Варфоломеев Вассиан 57
Варфоломеев Василий 56—58, 62, 63, 65, 66, 69
Варфоломеев Иван 57
Варфоломеев Петр 57
Василий, новгородский архиепископ 102
Василий Буслаев, новгородский посадник 86
Василий Великий, архиепископ Каппадокийский 24
Василий II Багрянородный, византийский император 137, 147
Василий II Васильевич Темный, сын Василия Дмитриевича 85, 100
Василий Дмитриевич, вел. кн. владимирский и московский, сын Д. Донского 82, 84, 85, 93, 125, 221
Василий Златовласый, чешский королевич, герой повести «О Василии Златовласом» 225
Василий Иванович Патрикеев, Косой (в монахах Вассиан) 94
Василий Кариотский, российский матрос, герой повести «О российском матросе Василии Кариотском» 225, 226
Василий Михайлович, сын вел. кн. Михаила Ярославича 111
Василий III Иванович, вел. кн. московский, отец Ивана Грозного 14, 20, 221, 234
Василий IV Иванович Шуйский, царь 80, 81, 100, 265
Василия Дмитриевича (сына Дм. Донского), вел. кн. владимирского и московского, дочь, жена Юрия Патрикеевича, кн. литовского 82
Васильев А., священник 66, 67
Василько (Василий) Ростиславич, кн. теребовльский, сын кн. Ростислава Владимировича 83, 88, 173, 186, 197—199
Василько Юрьевич, кн., брат Андрея Юрьевича Боголюбского 196
Вассиан Патрикеев 61
Вейдевут, персонаж книги М. Претория «Готический мир» 147
Вейссель (Waisselius) Матвей, немецкий историк конца 18 в. 219
Вельяминовы, князья 81
Вергилий (Виргилий) Марон Публий (Virgilius Maron Publius), римский поэт 254, 255, 257
Веревкин М. И. 34, 54—60, 66, 67, 69—71, 74, 75, 77, 107, 229
Верюжский В. М. 55
Визирь Н. П. 7
Виноградов В. В. 246, 250, 251
Виноградов Д. И. 77
Винтер Э. (Winter E.), ученый ГДР 6, 202
Витовт, вел. кн. литовский 116
Владимир, действующее лицо трагедокомедии «Владимир» Ф. Прокоповича 262
Владимир Всеволодович, сын Всеволода III Юрьевича (Большое Гнездо) 194
Владимир Всеволодович Мономах, вел. кн. киевский 17—19, 72, 77, 82, 86, 88, 89, 106, 124, 184, 218, 221, 235, 252
Владимир Иванович Донской, брат Дмитрия Донского 236
Владимир Святославич (Владимир I), кн. новгородский и вел. кн. киевский 18, 23, 24, 66, 67, 77, 82, 89, 90, 115, 124, 139, 142, 147, 152, 153, 167, 168, 170, 182—184, 217, 233, 237, 238, 250, 262, 263
Владимир Святославич, кн. северский, сын Святослава Всеволодовича 175, 192

Владимира Святославича жена («чехиня») 152, 153
Владислав. кн. польский 197, 199
Владислав Лях, боярин 175
Владислав IV 81
Волков А. 67
Володарь Ростиславич, кн. перемышльский и галицкий 174, 198
Волхв, легендарный новгородский князь 104, 136
Вольтер Аруэ Ф.-М. (Voltaire Arouet de) 60, 68, 106, 140, 234, 239, 257, 258
Вольф Христиан (Wolff Christian) 59, 221
Вомперский В. П. 252
Воронцов Василий Васильевич 81
Воронцов Викула Васильевич 81
Воронцов М. И. 43, 52, 81, 101, 102, 104, 105, 134—136, 138, 204, 221
Воронцов Р. И. 43, 81, 101, 102, 104, 105, 135, 136, 138, 196
Воронцовы, княжеский род 50, 81, 95, 101, 102
Воскресенский Г. 64, 229
Всеволод Владимирович, кн. владимиро-волынский, сын вел. кн. Владимира Святославича 153
Всеволод II Ольгович, кн. черниговский 82, 110, 194
Всеволод II Юрьевич, сын вел. кн. Юрия Долгорукого 173
Всеволод I Ярославич, вел. кн. киевский, сын Ярослава Мудрого 86, 88, 183
Всеволод Святославич Чермной, сын Святослава Ольговича 82
Всеволод III Юрьевич Большое Гнездо, вел. кн. владимирский 86, 89, 90, 175—177, 180, 192, 193
Всеволода Ярославича жена, дочь византийского императора Константина Мономаха, мать Владимира Мономаха 86
Всеслав Васильевич (Василькович), кн. витебский 174, 179
Всеслава Васильевича, кн. витебского, дочь, жена кн. Ярополка Ростиславича 179
Вышеслав Владимирович, кн. новгородский, сын. вел. кн. Владимира Святославича 89, 90, 152, 153

Гавриил Бужинский 71, 73, 111
Гасан (Осен), кн. татарский 218, 219
Гельмольд (Helmold), немецкий историк XII в. 219
Геннадий, архиепископ 60, 109
Генрих IV, император германский 86
Генрих IV, французский король 258
Георгий (Юрий) Васильевич, брат Ивана IV 20
Герберштейн Сигизмунд, германский посол в России в нач. XVI в. 17
Гермоген, патриарх 235
Геродот, греческий историк 141, 253
Гершкович З. И. 247
Гизель Иннокентий, духовный писатель 138
Глеб, действующее лицо трагедокомедии «Владимир» Ф. Прокоповича 262, 263
Глеб, св. 252
Глеб Владимирович, кн. муромский, сын вел. кн. Владимира Святославича 24, 88—90, 180, 184
Глеб Ростиславич, кн. рязанский 86, 177, 192
Глеб Святославич, сын Святослава Ольговича 82, 193
Глебовский И. Е. 93, 94, 221
Глинская Елена Васильевна, мать Ивана IV 20, 233, 234
Гоголь Н. В. 252
Голицын А. М. 15, 91, 120
Голицын Д. М. 100, 102
Головкин М. Г. 79, 208
Головцын Е. А. 62
Голохвастов П. 251
Голубинский Евгений, историк русской церкви 90
Голубцов Н. А. 56
Гомер 254, 255, 257
Гончаров А. 71
Горейский, надв. советник 200
Городецкий Б. П. 266
Гостомысл, действующее лицо трагедии «Синав и Трувор» Сумарокова 263
Гостомысл, новгородский кн. 104, 116, 117, 125, 136, 233
Готшед И.-К. (Gottsched J. C.) 42, 232, 259
Гофман П. (Hoffmann P.), ученый ГДР 6, 122
Грасгофф Х. (Grasshoff H.), ученый ГДР 6, 232
Грау Ц. (Grau C.), ученый ГДР 6
Греков Б. Д. 122
Григорий Богословов см. Григорий Назианзин
Григорий Назианзин (Gregorius Nazianzenus) (Григорий Богослов) 24, 69
Грузкова В. Г. 38
Гуковский Г. А. 248, 258
Гуревич Д. М. 122
Гуревич М. М. 6, 7, 128, 129
Гурьев 57, 58, 62, 65
Гурьев Александр 172
Гурьев А. Ф. 68
Гурьев Д. В. 65
Гюнтер Иоганн-Христиан (Günther Johann Christian) 246
Гюнтер Курт (Günther K.), немецкий славист 78

Давид, сын Федора Ростиславича Черного 22
Давид Всеславич, кн. полоцкий 218
Давид Игоревич, кн. владимирский 186, 194, 197—199
Давид Ольгович, кн. Северский 178
Давид Ростиславич, кн. вышегородский и смоленский, племянник вел. кн. Андрея Боголюбского 173 («два Ростиславича»), 175, 178, 193, 196
Давида Ростиславича, кн. смоленского, дочь 178
Давид Святославич, сын вел. кн. киевского Святослава Ярославича 174, 194
Дамаскин Иоанн 24
Даниил Александрович, кн. суздальский 101

Даниил (Данило) Александрович, вел. кн. московский 85, 108
Данько Е. Я. 42, 232
Дашкова Е. Р. 258
Де Врис-де Гунзбург И. (De Vries-de Gunzburg I.), голландский славист 245
Делиль, Иосиф-Николай (De L'Isle, Joseph Nicolas) 122, 123
Демидов Г. А. 120
Державин Г. Р. 244
Державина О. А. 247
Дионисий Ареопагит 69
Дир, легендарный князь 130, 132, 134, 201, 216
Дирингер Д. (Diringer D.) 35
Длугош Ян (Długosz Jan) 102
Дмитриев Л. А. 11, 222, 260
Дмитриева Р. П. 16, 17
Дмитрий Иванович Донской, вел. кн. московский 12, 24, 81, 91, 93, 97, 221, 233, 235, 236, 259—262, 265
Дмитрий Михайлович, прозв. Грозные очи, вел. кн. тверской 110
Дмитрий Ростовский 74, 76
Дмитрий Солунский, св. 27, 30, 33, 34, 67
Добиаш-Рождественская О. А. 35, 38
Добрыня-Никитич, воевода кн. Владимира Святославича, его дядя по матери 168
Досифей, игумен 60
Дружневна, героиня повести «О Бове-королевиче» 24
Дудин И. Х. 55, 56
Дудин П. В., родоначальник семьи Дудиных 55, 56
Дудин П. И. 56
Дудин Х. П. 34, 55, 56
Дудины 223
Дюканж, Шарль (Charles du Cange), французский лингвист 214

Евгений (Болховитинов), митрополит 75, 88, 94, 210
Евпраксия Всеволодовна, сестра Владимира Мономаха 86, 88
Евфросинья Андреевна, рожд. кн. Хованская, жена кн. Андрея Ивановича Старицкого, сына Ивана III 82
Евфросинья Борисовна, вел. кн. 176
Екатерина I 56
Екатерина II 74, 99, 111, 120, 203—209, 234
Елизавета Петровна, имп. 12, 79, 81, 91, 100, 126, 135, 138, 139, 200, 229, 240, 241, 254
Еремин И. П. 65, 245
Ермак Тимофеевич, казацкий атаман, участник завоевания Сибири 237
Еруслан Лазаревич, герой повести «О Еруслане Лазаревиче» 24
Еска, псковский посадник 116

Житомирская С. В. 7

Заборов П. Р. 258
Завлох, действующее лицо трагедии Сумарокова «Хорев» 263
Затрапезновы, фабриканты 55
Захарьины, предки Романовых, боярский род 95
Зимин А. А. 90

Иаков, мних 23
Иаков (Яков), епископ херсонский, крестивший вел. кн. Владимира 184
Иван (Иоанн), копорский воевода 116
Иван Андреевич Кривой, сын кн. Андрея Ивановича Хованского 82
Иван Васильевич, сын вел. кн. Василия Дмитриевича 85
Иван VIII Мануйлович Палеолог, византийский император 84, 85,124, 125
Иван Данилович Калита, вел. кн. владимиро-московский 90
Иван III Васильевич, вел. кн. московский 24, 94, 98
Иван IV Васильевич Грозный 12—16, 19—21, 24, 51, 72, 95, 100, 106, 108, 109, 124, 139, 140, 143, 178, 204, 205, 221, 222, 232—234, 236, 240
Иван VI Антонович 122, 241
Иван (Иоанн) Ярослав Владимирович см. Ярослав Владимирович
Игнатий, митрополит московский 91
Игнатий Смольнянин, монах смоленской архиепископии 92—94
Игорь Ольгович, сын Олега Святославича, кн. 82
Игорь Рюрикович, вел. кн. киевский 116, 117, 134, 139, 141, 142, 147, 156, 169, 201, 214, 215, 233
Измаил, легендарн. 174
Изяслав Владимирович, кн. полоцкий, сын Владимира Святославича и Рогнеды 82, 89, 90, 153
Изяслав II Мстиславич, вел. кн., внук Владимира Мономаха 82, 186
Изяслав Глебович, сын Глеба Ростиславича, кн. рязанского 192
Изяслав Ярославич, вел. кн. киевский 88
Иконников В. С. 74
Иконников Г. 28
Иларион, митрополит, писатель 61, 76, 109, 110
Индикоплов Косма 69
Иоаким (корсунянин), первый епископ новгородский 153
Иоанн, псковский епископ 116
Иоанн Златоуст 24
Иоанн I Цимисхий, византийский император 9, 146, 213
Иоанн III см. Иван IV Антонович
Иов, патриарх 65, 80
Иона, архиепископ 74
Иосиф Волоцкий 61
Иосиф Кроковский, митрополит 76
Иосиф Флавий 69
Исленьевы, княжеский род 81
Истрин В. М. 216

Кантемир А. Д. 107, 211, 228, 247
Карамзин Н. М. 94, 101, 263, 266
Каргопольский И. 63
Карион Истомин 24
Карл XII, король шведский 257
Касаткина Е. А. 244, 267
Катавасий Юрьевич, писец рукописей 111
Кафенгауз Б. Б. 83, 105
Кацпржак Е. И. 65
Кащак, казанский царевич 15

Кветницкий Федор (Феофилакт) 228, 229
Кедрин (Cedrenus) Георгий, византийский историк 146, 152
Кеневич В. Ф. 149, 214, 215
Кий, легендарный основатель Киева 127, 130, 132, 263
Киприан, митрополит 222
Кирилл, епископ 21
Кирилл, митрополит московский 91
Кирилл Философ (Константин), брат Мефодия, создатель славянской азбуки 73
Кириллов И. К. 63, 64
Кирхнер П. (Kirchner P.), ученый ГДР 6
Клепиков С. А. 71
Клеркон 23
Ключарев В., священник 65, 66
Ключарев И. В. 66
Ключевский В. О. 250
Князев Г. А. 43
Кожемяка Матвей, герой древнерусских летописей 235
Козицкий Г. В. 93, 94, 221
Колосова Е. В. 107
Комнин Анна, дочь Алексея I Комнина 18
Кондратович К. А. 90
Константин, киевский митрополит 85
Константин, сын Федора Ростиславича Черного 22
Константин Борисович, кн. ростовский 85
Константин Всеволодович, кн. ростовский и вел. кн. владимирский, сын Всеволода Юрьевича Большое Гнездо 114, 176
Константин IX Мономах 17, 18, 124, 147
Константин Михайлович, вел. кн. тверской, сын вел. кн. Михаила Ярославича 111
Кончака см. Агафия
Копанев А. И. 7, 25, 79, 88
Корелин Семен 160
Корнель Пьер (Corneille Pierre) 259
Коробейников Трифон 67
Коровин Г. М. 5, 18, 23, 25—27, 39, 90, 108, 121, 143, 150, 161
Корсаков Д. А. 102
Коссен Никола (Caussin Nicolas), французский филолог 252
Косцова А. С. 105
Кочнев С. 57, 58, 62
Крайский Порфирий (Петр) 35, 73, 75, 229
Крамер А. Б. 78
Крашенинников С. П. 126
Крекшин П. Н. 8, 18, 21, 55, 79, 84, 99, 107, 123—125, 137, 240, 257
Крестинин В. В. 58, 67
Кромер Мартин (Cromer Martin) 98, 102, 219
Крузиус Христиан 126
Крылов И. А. 251
Кудреванко, царь, герой былин 242
Кузьмин А. Г. 137
Кукушкина М. В. 25, 55, 69, 79, 88, 135, 179
Кулакова Л. И. 245, 247, 254
Кулябко Е. С. 6, 45, 48, 202
Куник А. А. 105
Куракины, княжеский род 82
Курбский Андрей Михайлович, кн. 19—21, 24, 61, 95
Кутина Л. Л. 138
Кучко Я. С., боярин, убивший кн. Андрея Боголюбского 89
Кушева Е. Н. 264

Лавров Н. Ф. 137
Лажечников И. И. 266
Ламанский В. И. 23
Лебедев В. И. 43
Лебедева И. Н. 164
Лев VI Мудрый, византийский император 156, 184
Левенвольде Г. 79
Левицкий Г. К. 77
Левонидов Я. Г. 107, 108
Леклерк, Никола-Габриель (Le Clerc Nicolas-Gabriel) 257
Леман У. (Lehmann U.), ученый ГДР 6
Лемонте П.-Э. (Lemontey P.-E.), французский историк 251
Ленин В. И. 224
Леон см. Лев VI Мудрый
Леон, епископ суздальский 173, 196
Леонтий, патриарх 76
Леопольд I, император германский 99, 125
Лепехин И. И. 56—58, 62, 65, 229
Лермонтов М. Ю. 244
Леруа Петр-Людовик, академик 126
Лжедимитрий I (Григорий Отрепьев, расстрига) 80, 81, 97, 265
Лилов А. И. 60, 61
Лихачев Д. С. 6, 7, 19, 137, 147, 169, 187, 225, 236, 237 250, 252, 256
Ломоносов В. Д. 59—61
Ломоносов И. Д. 69
Ломоносова Е. А., рожд. Цильх 24
Лопаткин И. С. 30
Лужный Р. В. (Łużny R. V.) 75, 252
Луитпранд (Луйтпранд), кремонский епископ, итальянский историк 129
Лука, епископ ростовский 197
Луппов С. П. 78
Лурия А. Р. 45
Лурье Я. С. 19, 68
Любарский М. Г. 7, 52, 53
Людовик Кроткий 129
Людовик XIV, король французский 257
Люллий (Луллий), Раймунд (Lullus Raimundus) 61
Лыбедь, сестра Кия, действующее лицо трагедии «Хорев» Сумарокова 263
Лызлов А. И. 14, 209
Лыков А. Е., фактор академической типографии 204, 205

Магницкий Л. Ф. 56
Магнус (Магнуш, Magnus), король шведский XIV в., автор легендарного «Рукописания» 83, 102
Маймин Е. 232
Макарий (Булгаков), митрополит 75, 98, 100, 109, 222
Макаров В. К. 77, 88
Макартней, Джордж (Maccartney), английский посол в Петербурге 207
Макеева В. Н. 43

Маккавей (Макковей) Иуда, библ. 73
Максим Грек 61, 68, 69, 102
Максимович Иван 245
Мал, древлянский князь 155
Малард Михаил 107
Малк Любечанин, отец Малуши, матери вел. кн. киевского Владимира Святославича 168
Малуша, ключница кн. Ольги, мать вел. кн. киевского Владимира Святославича 168
Малышев В. И. 7, 67, 68
Мамай, правитель Золотой Орды 10—12, 91, 97, 233, 259—261
Мамотяк, царь казанский 241
Мансикка В. 244
Мануил I (Эммануил) Комнин, византийский император 125
Манцветова А. И. 29, 35, 45
Мартин Бельский, автор польской хроники 102
Марфа-посадница 114, 221
Матвеев А. А. 106, 107, 240, 257
Матвеев А. С. 107
Матфей (Матвей), библ. 187
Махмет Аминь (Махметин), хан казанский 14
Медведев Сильвестр, писатель 73, 240, 257
Мейлах Б. С. 266
Меллер Андрей (Möller Andreas) 78
Мельникова Э. Б. 29, 35, 45
Мельц М. Я. 242
Менгден К. 79
Меншуткин Б. Н. 43
Мефодий, архиепископ, создатель славянской азбуки 73
Миллер Г. Ф. 6, 8, 9, 18, 21, 48, 50, 52, 68, 71, 77, 79, 84, 89, 91, 99, 104, 116, 121, 123—130, 132, 134—137, 143, 144, 150, 160—166, 171, 202, 203, 205, 207—209, 211—218, 221, 222
Милюзина, героиня повести «О королевне Милюзине» 225
Минерва см. Паллада Афина
Миних Б.-Х. 79
Митрофанова В. В. 226
Михаил, архиерей смоленский 92—94
Михаил, митрополит киевский 24, 76, 77
Михаил, монах 92
Михаил Александрович, кн. тверской-микулинский 260
Михаил Всеволодович, кн. черниговский 102
Михаил III, византийский император 137, 188
Михаил Федорович Романов, царь 80, 120, 124
Михаил Юрьевич (Михалко), сын вел. кн. киевского Юрия Долгорукого, брат Андрея Юрьевича Боголюбского 173, 180, 196
Михаил Ярославич, вел. кн. тверской и московский, сын вел. кн. Ярослава Всеволодовича 85, 102, 110, 111
Михайлов А. Д. 255
Михно, мечник 175
Модзалевский Л. Б. 43, 140, 157, 164, 209
Моисеева Г. Н. 6, 13, 48, 50, 52, 54, 60, 74, 75, 79, 84, 97, 107, 120, 134, 143, 147, 150, 162, 163, 166, 171, 172, 211, 212, 216, 226, 239, 253
Моисей, библ. 188
Монастыревы, княжеский род 81
Морозов А. А. 6, 54, 55, 58, 60, 63, 66, 68, 70, 71, 73, 74, 111, 246
Морозов П. О. 263
Мошков П. И., гоф-интендант 144
Мстислав Владимирович, вел. кн. киевский, сын Владимира Мономаха 194
Мстислав Владимирович Храбрый, кн. тмутороканский, сын вел. кн. киевского Владимира Святославича 89, 90, 95, 99, 114, 147, 175, 192
Мстислав Всеволодич (Святославич), кн. черниговский 193
Мстислав Давыдович, кн. смоленский 193
Мстислав Изяславич, сын вел. кн. киевского Изяслава Ярославича 174, 175
Мстислав Романович, кн. 176
Мстислав Ростиславич, брат Давыда Ростиславича, кн. ростовский 173, 175, 177, 196
Мстислав Святославич см. Мстислав Всеволодич, кн. черниговский
Мстислав Юрьевич, сын вел. кн. киевского Юрия Владимировича Долгорукого, брат Андрея Юрьевича Боголюбского 173, 196
Мумет, действующее лицо трагедии Ломоносова «Тамира и Селим» 10
Муравьев М. Н. 61, 62
Мурзанова М. Н. 25, 78, 79, 84
Мусин-Пушкин А. И. 100
Мыльников А. С. 7

Наримонт, кн. литовский 82
Нарсим, действующее лицо трагедии Ломоносова «Тамира и Селим» 10, 11, 261
Нартов А. А. 105
Нарышкина Наталья Кирилловна, мать Петра I 230, 233, 234
Наталья Алексеевна, сестра Петра I 78
Негодяев Степан 34, 58
Негодяевы, жители Ровдогор 34
Некрасов П. 30
Неофит Кир, митрополит ефесский 16—18, 76, 77
Нестор, летописец, монах Киево-Печерского монастыря 8, 9, 24—26, 79, 84, 100, 104, 117, 126, 127, 129, 130, 132, 134, 136, 137, 141—144, 146—156, 160—179, 181, 183—189, 192, 194—197, 199—203, 207—215, 217—220, 222
Нестор, епископ ростовский 196
Никита, псковский тысяцкий 116
Николаева М. В. 226
Никольский К. Т. 65
Никон, патриарх 8, 109, 124, 125, 136, 179, 183, 197—199, 211
Нифонт, паломник 95
Новиков Н. И. 57, 62, 65, 70, 92—94, 210, 221, 222
Новосадский Н. И. 229

Облязовы, князья 81
Обнорский С. П. 147

Оболенский М. А., кн. 212
Овчинников Р. В. 266
Оксаковы, князья 81
Олав Тригвессон (Трюгвазон, Трюггвасон) 22, 23
Олег, первый князь киевский 17, 141, 142, 147, 156, 184, 199, 215, 233
Олег Иванович, кн. рязанский 260
Олег Святославич, князь древлянский, сын вел. кн. Святослава Игоревича 168
Олег Святославич, кн. тмутороканский, сын Святослава II 218
Олег Святославич, сын Святослава Ольговича 82
Ольга, вел. кн., жена Игоря Рюриковича 8, 9, 21, 24, 98, 116, 117, 139, 141, 142, 146, 147, 168, 185, 212, 213, 215—217, 233
Ольга, дочь (по Ломоносову — жена) вел. кн. киевского Юрия II Владимировича Долгорукого, в пострижении Евфросинья 218, 219
Ольга, жена вел. кн. киевского Владимира Святославича 23
Ольгерд, вел. кн. литовский 260
Оришин А. Д. 249, 255, 256
Орлов А. С. 250
Орлов В. Г. 207
Орлов Г. Г. 205
Орлова В. Ф. 29, 35, 45
Орловы 202
Оскольд см. Аскольд
Остерман А. И. 25, 79, 90, 91, 94, 95
Оттон I, германо-римский император 225
Оттон I, маркграф бранденбургский 86

Павел, ап. 132, 156
Павел I, царь 157, 203
Павел, ректор Славяно-греко-латинской академии 70
Павлов А. С. 90
Павлова Г. Е. 5, 34, 35, 55, 69, 139, 204, 228
Паллада Афина (гр.), Минерва (рим.), богиня 247
Патрикей Наримонтович, кн. 82
Паузе И.-В. 50, 78, 162, 166, 216
Пекарский П. П. 171, 172
Перетц В. Н. 23
Перингскьольд (Перингсквольд) Иоганн (Peringskjöld Johann) 23
Петр I (Великий) 9, 12, 18, 25, 50, 55, 56, 61, 68, 70—72, 77—80, 84, 99, 106, 107, 109, 124, 126, 139, 140, 154, 164, 187, 200, 224, 230, 232, 234, 235, 237, 239, 242, 247, 257, 258, 266
Петр, митрополит киевский 115
Петр, митрополит московский 235
Петр Златые Ключи, герой повести «О Петре Златые Ключи» 225
Петр III Федорович, император 207, 208, 240
Петров В. А. 25, 78, 102
Петров В. П. 244
Петров Н. И. 76
Печерьский Исайя, переписчик рукописей, монах Троице-Сергиевой лавры 72
Пештич С. Л. 5, 7, 10, 12, 143, 144, 163, 170, 173, 187
Пиксанов Н. К. 6, 54, 60, 62, 69, 239
Пимен, московский митрополит 92
Платон, греческий философ 253
Плиний (Старший) Секунд Гай (C. Plinius Secundus), римский ученый 141
Погвизд (Позвизд), кн., сын Владимира Святославича 89, 90
Погорельский И. П. 68
Подобедова О. И. 149, 150
Позднеев А. В. 226
Покровская В. Ф. 25, 79, 88
Покровский Ф. И. 68
Полетика Г. А., переводчик 212
Поликарп, игумен Печерского монастыря 85
Поликарпов-Орлов Ф. П. 137
Полоцкий С. Е. 24, 65, 183
Полуянова Е. С. 7
Помей, Франсуа-Антуан (Pomey, François Antoine), французский филолог 252
Понтан Яков (Pontanus Jakub) 252
Попов Н. И. 126
Попов Н. П. 101
Попов П. Н. 77
Порошин Семен 203
Посошков И. Т. 105
Потемкин-Таврический Г. А., кн. 179
Предслава, дочь вел. кн. киевского Владимира Святославича и Рогнеды, сестра Ярослава Мудрого 88
Преторий (Praetorius) Матвей, польский историк 147
Прийма Ф. Я. 4, 100, 247
Приселков М. Д. 212
Прокопий, предводитель новгородских ушкуйников 96
Прокопий Устюжский 89
Прокофьев Н. И. 94
Протасьева Т. Н. 109
Прохоров Г. М. 230
Прус, легенд. 16
Псевдо-Дорофей, автор греческой Хроники 164
Птолемей Клавдий 141
Пуффендорф де, Самуил (S. de Puffendorf) 71
Пушкин А. С. 244, 251, 252, 258, 265—267
Пыпин А. Н. 225

Радищев А. Н. 230, 231
Разумов Алексей, переводчик 206
Разумовский К. Г. 117, 123, 126, 128, 138, 157, 171, 200—202, 207
Райзер Г.-У. 77
Расстрига см. Лжедимитрий I
Резанов В. И. 259, 264
Рихман Г. В. 79
Рихтер Л. (Richter L.), ученый ГДР 202
Рогволд, князь полоцкий, отец Рогнеды 82, 170
Рогнеда (Гориславa) Рогволдовна, жена вел. кн. киевского Владимира Святославича 82, 152, 153, 170
Рогов А. И. 17, 64, 120, 134
Родосский А. С. 100
Розенбуш, фон, Бутенант 106, 107, 257
Розов Н. Н. 7, 60, 61, 109
Роман I Лакапин, византийский император 155

Романов Б. А. 169, 187
Романов-Юрьев Н. И. 80
Романов-Юрьев Федор Никитич (Филарет), патриарх московский и всея Руси 80
Романовы, династия 8, 18, 80, 84
Ростислав, кн. болгарский 73
Ростислав Всеволодович, брат Владимира Мономаха 86
Ростислав Давидович 194
Румовский С. Я. 45
Рус, легенд. 104, 105, 136
Рыбаков Б. А. 150
Рыдзевская Е. А. 23
Рысс Е. Б. 7, 25
Рюрик, действующее лицо трагедии «Синав и Трувор» Сумарокова 263
Рюрик (Рурик), легендарный родоначальник династии 16, 17, 84, 99, 100, 104, 105, 110, 125, 129, 130, 134, 136, 139, 141, 142, 150, 151, 163, 171, 178, 201, 233, 263
Рюрик II Ростиславич, кн. киевский 193
Рюрика II Ростиславича дочь 193
Рюриковичи, династия 16
Ряполовский С. И. 94

Сабельников С. 56, 57, 63
Садко, герой былин 242
Салмина М. А. 97, 110, 264
Сапфир, библ. 136
Сафакирей (Сапкирей), казанский хан 13, 15, 16, 82, 106
Сахаров И. П. 94
Свенельд, воевода Рюрика, затем Святослава и Ярополка 147, 201
Светов В. П., студент 203
Свиньин П. П. 62
Свирская В. Р. 99, 125
Святополк II (Михаил) Изяславич, кн. 186, 187, 194, 197—199
Святополк I Владимирович, старший сын вел. кн. киевского Владимира Святославича 76, 88—90, 142, 180, 184, 236
Святослав Владимирович, кн. вщижский 173
Святослав Владимирович, сын вел. кн. киевского Владимира Святославича 89, 90, 99, 146, 147, 213, 237
Святослав Давидович (Святоша), кн. киевский 110
Святослав Игоревич, вел. кн. киевский 17, 116, 142, 152, 154, 155, 233
Святослав Ольгович кн. северский, сын Олега Святославича, кн. тмутороканского 82, 194, 218
Святослав III Всеволодович, кн. киевский, сын вел. кн. Всеволода Ольговича 174, 178, 192, 193
Седельников А. 101
Селим, действующее лицо трагедии Ломоносова «Тамира и Селим» 10, 11, 243
Селлий см. Бурхард-Адам (Никодим) Селлий
Семенников В. П. 209
Сенека Л. А., римский писатель и философ 220
Сергей Азаков, архимандрит смоленский 92
Сергий Радонежский 24, 235
Серебрянский Н. И. 22—24, 116
Серман И. З. 6, 34, 59, 65, 186, 227, 235, 245, 263, 267
Сибирцев И. М. 56
Сигал Н. А. 244, 259
Сигурд, приближенный кн. Владимира Святославича 23
Сильвестр, епископ Михайловского (Выдубецкого) монастыря, летописец 143, 146, 164, 178, 179, 192—198
Симеон, царь болгарский 155
Симеон Дмитриевич, кн. суздальский 98
Симон Африканович 81
Синав, действующее лицо трагедии «Синав и Трувор» Сумарокова 263
Синеус (Синав), легендарный князь, брат Рюрика 84, 142
Скалигер Ж. (Skaliger J.), французский филолог 253
Скандербег (Скандербек), Кастриот Георгий, народный герой Албанин 61
Скорняков-Писарев Г. Г. 137
Скрипиль М. О. 226
Славен, легендарный родоначальник племени славян 104, 105, 136
Смирнов С. К. 64, 70, 73, 74, 150
Смотрицкий М. Г. 56
Соболевский А. И. 225
Соколов А. Н. 253, 258
Соколова Н. В. 5, 6, 35, 48, 69, 139
Солнцевы, князья 81
Соломон, израильский царь 180
Солосин И. И. 34
Сорокин А. П. 242
Софья Алексеевна, дочь царя Алексея Михайловича 106, 239
Софья Витовтовна, жена Василия Дмитриевича 85
Софья Фоминишна, рожд. Палеолог 85
Сперанский М. Н. 117, 226
Спиридон, архиепископ 95
Спирндон (Савва), автор «Сказания о князьях владимирских» 17, 102
Срезневский В. И. 68
Срезневский И. И. 187
Станислав, кн. смоленский, сын вел. кн. киевского Владимира Святославича 89, 90
Старовольский Симон (Starowolski Szymon) 61
Старопопов А. А. 28
Старчевский А. В. 94
Стефан Яворский 245
Страбон, греческий географ 141
Стрешнева Е. Л., жена Михаила Федоровича Романова 120
Стрыйковский М. О. (Stryikowski) 8, 17—19, 25, 73, 98, 116, 120, 121, 134
Стурлезон Снорре (Sturluson S.) 10, 22, 23, 104
Судислав, кн., сын вел. кн. киевского Владимира Святославича 89, 90
Сулейман II 12, 13, 232
Сумароков А. П. 228, 244, 259, 263—265
Сумбека (Сююн-бике) 13, 15, 16, 82, 106
Сухомлинов М. И. 8, 9, 130, 229

Тальман Поль (Tallemant Paul) 227

Тамира, действующее лицо трагедии Ломоносова «Тамира и Селим» 10, 11
Татищев В. Н. 5, 12, 14, 24, 25, 79, 84, 92, 94, 95, 97—99, 102, 108, 114, 117, 121, 126, 137, 138, 143—146, 150, 155, 162—166, 169—188, 192—196, 198, 199, 216, 217, 219
Татищев Е. В. 171, 172
Тауберт И. И. 43, 100, 105, 162, 171, 201—203, 205, 207—211, 219
Творогов О. В. 236
Темарьаксак см. Тимур Аксак
Темиркутлуй см. Тимур-Кутлуг
Теплов Г. Н. 45, 117
Тетцнер И. (Tetzner I.) 245
Тимковский И. Ф. 75
Тимур Аксак (Темарьаксак), хан Золотой Орды 98
Тимур-Кутлуг (Темиркутлуй), хан Золотой Орды 98
Тихомиров М. Н. 100, 101, 111, 115, 116, 122, 163
Тихонравов Н. С. 228, 263
Толстой Л. Н. 251
Толстой Ф. А. 102
Томашевский Б. В. 251, 265, 266
Тохтамыш (Тактамыш, Тахтамыш), хан Золотой Орды 12, 24, 98
Тредиаковский В. К. 39, 40, 122, 123, 126, 162, 227, 228, 231, 257, 258
Трувор, действующее лицо трагедии «Синав и Трувор» Сумарокова 263
Трувор, легендарный кн., брат Рюрика 84, 142
Тунгусов А. А. 60
Туровский Кирилл 241
Тутолмин Т. И. 62
Тынянов Ю. Н. 232

Узбек-хан (Азбяк), хан Золотой Орды 110
Уликс, Одиссей, царь острова Итаки, герой гомеровских поэм «Илиада» и «Одиссея» 254
Улисс см. Уликс
Устинов Демид 206
Утемишкирей, сын казанского хана Сафакирея 82

Федор Алексеевич, царь 139, 239
Федор Иванович, царь 65, 79, 80, 110
Федор Патрикеевич, кн. родоначальник князей Хованских 82
Федор Ростиславич Черный, кн. смоленский и ярославский 22, 24, 85
Федоров В. И. 247, 264
Фенелон де Салиньяк де ла Мот, Франсуа (Fénelon de Salignac de La Mothe, François), французский писатель 255
Феодосий, митрополит 98
Феодосий, монах Печерского монастыря 126, 127, 166, 194, 252
Феодосий Яновский, архиепископ 100
Феофан Прокопович 66, 75, 79, 80, 88, 89, 100, 107, 124, 227, 245, 252—255, 257, 262, 263
Феофил, греческий царь 129
Фирс, игумен Соловецкого монастыря 239
Фишер Иоганн-Эбергард 126, 162, 214
Фотий, митрополит киевский и всея Руси 125
Фотий, патриарх константинопольский 137
Фруменков Г. Г. 122
Фрязин Петр (Малый) 234

Хармий, библ. 136
Хексельшнейдер Е. (Hexelschneider E.), ученый ГДР 6
Херасков М. М. 244
Хлебников Петр 179
Хованские, князья 82
Хорев, действующее лицо трагедии Сумарокова «Хорев» 263
Хорив (Хорев), брат Кия 130
Христос 18, 129, 136, 181
Хурелич (Хурелихц) Лаврентий («Хулерич») 99, 125

Цайль Л. (Zeil L.), ученый ГДР 202
Цимисхий см. Иоанн I Цимисхий

Черкасов И. А. 172
Чернов С. Н. 234
Чижевский Д. 246
Чистякова Е. В. 14
Чистякова Н. А. 61
Чол-хан (Щелкан), татарский царевич 96
Чулков М. Д. 244

Шадибек (Шадибик), хан Золотой Орды 98
Шадрины, князья 81
Шакловитый Ф. Л. 73
Шамбинаго С. К. 11
Шамрай Д. Д. 204—206
Шафиров П. П. 257
Шафрановский К. И. 6, 129
Шахматов А. А. 23, 95, 102, 144, 147, 149, 171, 172
Шервинский, надворный советник 206
Шиг-Алей (Шигалей) 15
Шлаттер И. А. 48
Шлецер А.-Л. (Schlözer A. L.) 50, 64, 92, 93, 99, 147, 149, 155, 164, 166, 179, 200, 202, 203, 205, 208—212, 214—217
Шляпкин И. А. 30
Штелин Я. Я. 54, 56—59, 70, 74, 106, 126, 207, 208, 228, 233
Штенглин И. 106, 204
Штрубе де Пирмонт, Фридрих-Генрих (Strube de Pyrmont, Friedrich Heinrich) 123, 126
Шубин Симон 111
Шубный Ф. И. 63
Шувалов А. П. 204, 232
Шувалов И. И. 12, 43, 69, 83, 117, 138, 139, 143, 146, 151, 172, 257
Шумахер Иоганн-Даниил, советник Канцелярии Академии наук 143, 163, 171, 172

Щек, брат Кия 130
Щелкан см. Чол-хан
Щенятевы, княжеский род 82
Щепкин В. Н. 30, 38
Щепкина М. В. 7, 109
Щербатов М. М. 94, 221

Эмин Ф. А. 218, 219
Эней (Еней), герой поэмы «Энеида» Вергилия 254
Эрастов Д. П. 7
Эюп (Аепа), половецкий хан, сын Гасана 218, 219
Эюпы (Аепы) Гасана дочь, жена вел. кн. киевского Юрия Владимировича Долгорукого 218, 219

Юрий (Георгий) II Владимирович Долгорукий, вел. кн. киевский, сын Владимира Мономаха 218, 219
Юрий (Георгий) Всеволодович, вел. кн. владимирский 72, 114
Юрий Данилович, кн. московский и вел. кн. владимирский 111
Юрий Патрикеевич, кн. 82
Юрий Симонович 81
Юрьев Андрей, составитель Жития Федора Ярославского 22
Юсуф, кн. 13
Юшков С. В. 90

Ягайло (Ягелло), вел. кн. литовский и король польский 90, 97, 260, 261
Ягич И. В. 67
Языков Д. И., переводчик и поэт 217
Ян Вышатич 86
Яропол, герой повести «История о Яруполе царевиче» 226
Ярополк, действующее лицо трагедокомедии «Владимир» Ф. Прокоповича 262
Ярополк Владимирович, вел. кн. киевский, сын Владимира Мономаха 194
Ярополк Ростиславич, кн. владимирский 175, 177, 179, 180, 192
Ярополк Святославич, вел. кн. киевский 142, 147, 152, 170, 201, 237, 238
Ярослав Владимирович, кн. новгородский 175, 192, 193
Ярослав Владимирович Мудрый (978—1054), вел. кн. киевский 24, 67, 76, 81, 82, 88—90, 107, 109, 110, 138, 139, 141—143, 146, 147, 151, 153, 167, 181, 182, 185, 205, 219, 235, 236
Ярослав Всеволодович, вел. кн. владимирский, отец Александра Невского 72, 114
Ярослав Святославич, кн. муромский и рязанский, сын Святослава Ярославича 194, 197, 199
Ярослав Ярославич, вел. кн. тверской, брат Александра Невского 110

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение 5

Глава I. Методика исследования 8
1. Определение памятников древнерусской литературы, известных Ломоносову 8
2. Исследование почерка Ломоносова . 27

Глава II. Пути изучения Ломоносовым памятников древнерусской литературы 54

Глава III. Литературные памятники древней Руси в исторических трудах Ломоносова 122

Глава IV. Работа Ломоносова над Кенигсбергской (Радзивиловской) летописью Ломоносова 149

Глава V. Художественное наследие древней Руси в литературном творчестве Ломоносова 223

Указатель произведений древнерусской литературы и литературы XVIII в. . 268

Указатель имен . 273

Галина Николаевна Моисеева

ЛОМОНОСОВ И ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский дом)
Академии наук СССР

Редактор издательства *Е. А. Гольдич*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Г. А. Бессонова*
Корректоры *Р. Г. Гершинская, А. И. Кац* и *Ф. Я. Петрова*

Сдано в набор 23/VII 1971 г. Подписано к печати 24/XI 1971 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Печ. л. 17³/₄ + 2 = 27.65 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 28.36. Изд. № 4524. Тип. зак. № 374. М-47592 Тираж 4000. Бумага № 2.
Цена 2 р. 20 к.

Ленинградское отделение издательства „Наука". 199164, Ленинград, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства „Наука". 199034, Ленинград, 9 линия, д. 12